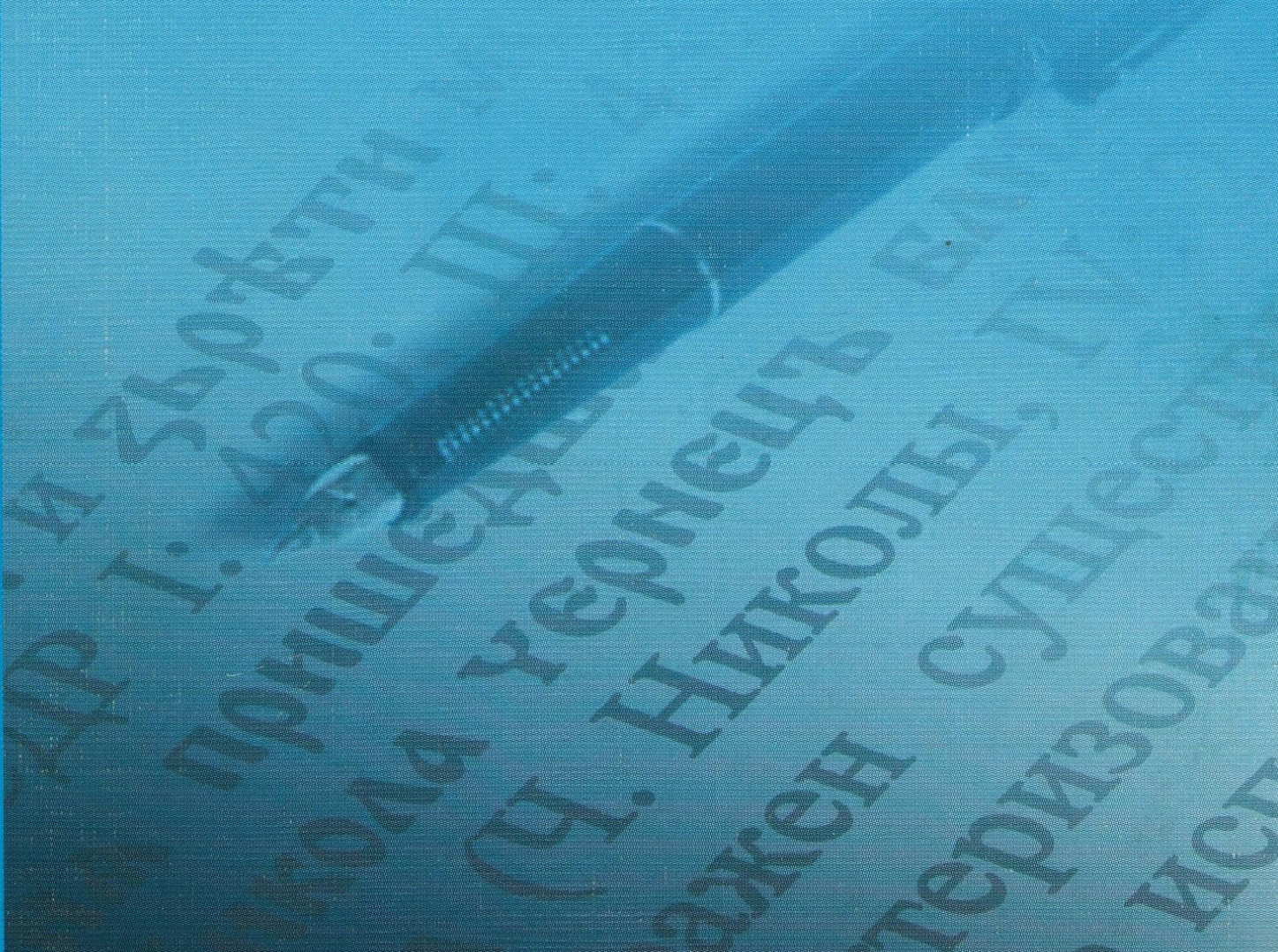

ISSN 1684-8373

ПРЕДЛОЖЕНИЕ И СЛОВО

УДК 415
ББК 81.(082) + 81 я43
П 71

П 71 **Предложение и Слово.** Сборник научных трудов /Отв. ред.
С.В. Андреева. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2013. – 450 с.

Сборник продолжает разработку научной темы, начатой под руководством профессора В.С. Юрченко (*Предложение и слово в русском языке.* – Саратов, 1985; *Предложение и части речи в русском языке.* – Саратов, 1992). Традиционными стали публикации научных трудов по материалам конференций, посвященных памяти ученого (*Предложение и Слово.* – Саратов, 1999, 2002, 2006, 2008, 2010). Статьи настоящего сборника представляют различные аспекты исследования русского языка как многокомпонентного прерывистого целого *Текст – Предложение – Слово.*

Один из разделов содержит материалы V Международного научного семинара «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка», посвященного памяти профессора М.В. Черепанова.

Для исследователей русского языка, преподавателей филологических факультетов вузов, учителей-словесников, аспирантов, студентов и всех интересующихся вопросами современной филологии.

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я :

С.В. Андреева (*отв. редактор*), С.А. Хромова (*отв. секретарь*),
О.Ю. Авдевнина, О.И. Дмитриева, Т.И. Мурзаева, О.В. Мякшева,
Н.М. Орлова, Л.П. Прокофьева, А.П. Романенко, З.С. Санджи-Гаряева

Р е ц е н з е н т ы :

доктор филологических наук, профессор С.С. Шляхова
доктор филологических наук, профессор Е.Н. Клеменова

УДК 415
ББК 81.(082) + 81 я43

ISBN 978-5-9758-1458-6
ISSN 1684-8373

© Авторы статей, 2013

«Я немного знаю в лингвистике, но то, что я знаю, я знаю по-своему».

«Есть такое изречение: «Много научных работ, мало научных открытий».

Я стараюсь преодолеть это изречение».

В.С. Юрченко

1927-1998

1927 - 2007

«Наиболее важными теоретическими аспектами глагольного словообразования мы считаем, во-первых, динамизм процесса глаголообразования, во-вторых, положение производного глагола в парадигматике и синтагматике языка и, в-третьих, мотивированность производного глагольного слова»

М.В. Черепанов

СОДЕРЖАНИЕ

<u>СОДЕРЖАНИЕ</u>	4
<u>ПРЕДЛОЖЕНИЕ И СЛОВО: СИСТЕМНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ</u>	9
<u>Валеев Г.К.</u> Русско-иноязычные контакты ранней поры на примере географического термина <i>ильмень</i>	9
<u>Венгранович М.А., Бебишева Е.М.</u> Вводные компоненты как критерий разграничения фактологических и оценочных высказываний	16
<u>Дегальцева А.В.</u> О некоторых особенностях адвербиальных компликаторов, функционирующих в православной прессе	21
<u>Звездава Г.В., Руднев Е.Н.</u> Специфика репрезентации слова-символа в словарях В.И. Даля и И.И. Срезневского	29
<u>Коробейникова В.А.</u> Об одной модели метонимического переноса качественных прилагательных	36
<u>Манаенко Г.Н.</u> В поисках языкового знака: слово? предложение? высказывание?	40
<u>Мурзаева Т.И.</u> Преобразования в южнорусских говорах на территории Саратовской области	48
<u>Прибыток И.И.</u> Все ли английские местоимения являются словами?	54
<u>Харламова М.А.</u> Народная «жизнь» в лексикографической проекции	58
<u>ТЕКСТ, ПРЕДЛОЖЕНИЕ, СЛОВО: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ</u>	63
<u>Выходцева И.С.</u> Функционирование концепта «свой – чужой» в досоветской словесной культуре	63
<u>Гадышева О.В.</u> Наименование типов студентов в когнитивном аспекте	69
<u>Ерофеева И.В.</u> Реконструкция концепта <i>воля</i> в русской языковой картине мира Средневековья (По материалам летописей)	72
<u>Каменская Ю.В.</u> Концептуальная оппозиция <i>праздники – будни</i> в диалектной картине мира	79
<u>Крючкова О.Ю.</u> Когнитивная лингвистика и эвристический потенциал словообразования	86
<u>Михалев А.Б.</u> Русское «да» и его место в протоконцептуальной картине мира	94
<u>Орлова Н.М.</u> «Рыдающая Агарь»: смысловая эволюция библейского	100

концепта	
<u>Сеничева О.А.</u> Семантико-грамматическая характеристика русских фразеологических единиц с компонентом, обозначающим цвет «красный»	107
<u>Шенкман В.И.</u> Когнитивный потенциал прилагательного <i>школьный</i> (На материале Национального корпуса русского языка)	112
<u>ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ: МНОГООБРАЗИЕ ПОДХОДОВ И ИНТЕРПРЕТАЦИЙ</u>	120
<u>Бакытжанова А.Е.</u> Ономотопея в художественном тексте (На материале произведений В.В. Бианки «Лесная газета» и Е.А. Благиной «Гори-гори ясно»)	120
<u>Бердникова Т.В.</u> Особенности субъекта как глобальной категории текста в поэзии К.Н. Батюшкова	125
<u>Бочкарева Т.А.</u> Функция приема мены лиц в развертывании модальной перспективы художественного текста (На материале прозы Ю. Нагибина)	130
<u>Голованов И.А.</u> Слово и текст: фольклорная интерпретация ранней прозы А. Платонова	138
<u>Голованова Е.И.</u> Слово в художественном тексте: проблема трансформации	145
<u>Дуринова Н.Н.</u> Устойчивость поэтической стопы в елизаветинском сонете	151
<u>Каппушева Л.М.</u> Советский миф и метапоэтика драмы А.В. Вампилова	157
<u>Мартынюк О.А.</u> Риторическое слово как средство речевого воздействия в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»	163
<u>Мачильская Д.О.</u> Языковые средства репрезентации персонажа в композиционном начале произведения (На материале рассказов А.П. Чехова)	170
<u>Парецкая М.Э.</u> Христианство как основа русской классической литературы	175
<u>Романенко А.П.</u> Плагиат как лингвокультурная проблема	181
<u>Санджи-Гаряева З.С.</u> Поэтика повести Ю. Трифонова «Опрокинутый дом»	191
<u>Филатова Е.В.</u> Формы образного уподобления в текстах русских народных колыбельных песен	198
<u>ПРОБЛЕМЫ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ</u>	204

<u>Авдеевнина О.Ю.</u> Коммуникативные функции перцептивных глаголов	204
<u>Акулова Е.В.</u> Специфика употребления дискурсивов и коммуникативов в женской и мужской речи (На материале шоу «Давай поженимся!»)	212
<u>Амурская О.Ю.</u> Речевой акт положительного пожелания в дискурсе немскоязычных чат-пользователей (На материале чат-корпуса)	217
<u>Андреева С.В.</u> Некоторые лингвоэкологические проблемы современной речи	223
<u>Кормилицына М.А.</u> Сигналы трансформации массовой коммуникации в межличностную в современной прессе	231
<u>Матяшевская А.И.</u> Особенности функционирования сниженной лексики в британских газетах The Guardian и The Independent	238
<u>Милехина Т.А.</u> Корпоративная коммуникация в России: специфика устного дискурса	245
<u>Свешникова Н.В.</u> О некоторых изменениях в эргономии города (На материале эргонимов Саратова)	251
<u>Сиротинина О.Б.</u> Синкретизм, полисемия и диффузность в современной речи	256
 <u>МЕТОДИКА И ЛИНГВОДИДАКТИКА</u>	 261
<u>Байкулова Н.В.</u> Учить учиться	261
<u>Беляева А.Ю., Прокофьева Л.П.</u> Интерактивные методы в преподавании русского языка как иностранного (Из опыта работы со студентами-медиками)	265
<u>Борисова И.В.</u> Формирование творческой личности на уроках русского языка и литературы с помощью технологии проектного обучения	270
<u>Веселкова Т.В.</u> К проблеме изучения переходных явлений в области частей речи в курсе «Морфология современного русского языка»	274
<u>Грачева О.Н.</u> Учебники литературы для общеобразовательных учреждений В.И. Сахарова, В.А. Чалмаева, С.А. Зинина – учебники нового поколения	279
<u>Ермилова Ю.Н., Тараненко О.М.</u> Использование потенциала учебника-хрестоматии по литературе для 6 класса В.Ю. Свиридовой при моделировании урока по сказке-были А. Платонова «Неизвестный цветок»	285
<u>Кадькалов Ю.Г.</u> Роль и место исторического комментария в школьном курсе русского языка	294
<u>Коробейников А.Г.</u> Взаимосвязь преподавания старославянского и ла-	302

тинского языков: морфологический аспект (На примере изучения глагола)	
<u>Кукина И.С.</u> Использование веб-сервисов на уроках русского языка и литературы	306
<u>Леонова Г.А.</u> Формирование творческой языковой личности при изучении раздела «Текстоведение» в 5-7 классах по УМК С.И. Львовой	310
<u>Макшанцева О.В.</u> Ведущие принципы подготовки студентов по направлению «Лингвистика и межкультурная коммуникация»	314
<u>Мякшева О.В.</u> ФГОС и ЕГЭ: точки отталкивания	322
<u>Смылова Г.Ф.</u> Использование электронных образовательных ресурсов в условиях ФГОС (Из опыта работы в условиях ФГОС: пилотный проект)	327
<u>Соловьева И.В.</u> Возможные стратегии разнообразия методов обучения русскому языку	332
<u>Сухопарова О.Б.</u> Решение задач воспитания и социализации учащихся на уроках русского языка и через внеурочную деятельность в 5 классе	338
<u>Материалы V Международного научного семинара</u>	345
<u>РАЗВИТИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА</u>	
<u>Абдулхакова Л.Р., Заиконникова Т.П., Павлова А.В.</u> К вопросу о статусе возвратных глаголов в русском языке: словообразование или словоизменение?	345
<u>Горбань О.А.</u> Глаголы движения и их производные в текстах региональных документов XVIII века	356
<u>Дмитриева Е.Г.</u> Формирование эмотивной семантики глаголов как результат переосмысления представлений о физических процессах	364
<u>Дмитриева О.И.</u> Динамика неологизации русской глагольной лексики	371
<u>Косова Е.А.</u> Категориальная модель русского субстантивного словообразования В.А. Богородицкого	378
<u>Лукашанец Е.Г.</u> Атракция во фразообразовании современного субстандарта (На материале онлайн-словарей русского сленга)	386
<u>Макушина А.А.</u> Из истории устойчивых глагольно-именных сочетаний в русском языке	391
<u>Николаева Т.М.</u> Функциональная значимость словообразующей морфемы в поэзии Серебряного века	398
<u>Разинкина Н.С.</u> Милитарная метафора в современном политическом	406

дискурсе (На материале СМИ первого десятилетия XXI века)	
<u>Хромова С.А.</u> Словообразовательная игра в поэтических текстах	413
Е. Лукина (На материале сборника «Чертова сова»)	
<u>Шарандин А.Л.</u> Морфемный анализ слова в аспекте парадигматического и синтагматического подходов	418
<u>Шептухина Е.М., Мешкова Т.А.</u> Префиксальные глагольные синонимы с временным значением в произведениях Ф Прокоповича	424
<u>Ярмашевич М.А.</u> Структурные особенности русских графических аббревиатур	430
<u>СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ</u>	439

ПРЕДЛОЖЕНИЕ И СЛОВО: СИСТЕМНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Г.К. Валеев
Челябинск

РУССКО-ИНОЯЗЫЧНЫЕ КОНТАКТЫ РАННЕЙ ПОРЫ НА ПРИМЕРЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ТЕРМИНА *ИЛЬМЕНЬ*

В статье анализируется функционирование географического термина и топонима Ильмень в Европейской части России. Доказывается, что современный термин ильмень и гидронимы Ильмень являются результатом субстратной адаптации финской, греческо-тюркской, башкирской географической номенклатуры в русском языке

Ключевые слова: русский язык, географическая терминология, топонимика, гидроним ильмень, финский и тюркский субстрат.

In this article functioning of geographic term and toponym Ilmen in the European part of Russia. It is proved that modern term ilmen and hydronyms Ilmen are the result of substrate adaptation of Finnish, Greek and Turkic and Bashkir geographical nomenclature in the Russian language.

Key words: Russian language, geographical terminology, toponymy, hydronym Ilmen, Finnish and Turkish substrate.

Народная географическая терминология – неиссякаемый источник научной терминологии. Академик Л.С. Берг в местной терминологии, которую он назвал «народной кустарной наукой», видел материал для историка, филолога-древника и лингвиста-этнолога: «Распространение народных терминов и те видоизменения смысла, которые они претерпевают в различных местностях, дают немало указаний на ход колонизации, перемещения народных масс и взаимовлияния соседних народностей» (цит. по: [Толстой 1969: 8]). Народная терминология активно участвует в формировании собственных имен географических объектов – топонимов. Невозможно представить ни одного языка, в топонимии которого не было бы народной терминологии.

Одним из таких терминов, широко распространенных в европейской России в географической номенклатуре и в качестве топонимов, является

гидроним *ильмень*. Слово не имеет однозначной этимологии. При объяснении незнакомых явлений и названий мы исходим из собственного опыта и фактов родного языка. Самое известное из ильменей, озеро Ильмень, «родом» из Новгорода Великого. Поэтому многие традиционно, по Фасмеру, считают, что название *Ильмень* «превратилось в речи новгородцев в нарицательное и распространилось благодаря новгородской колонизации» [Фасмер 1986, II: 128]. Как заметил А.В. Барандеев, такое толкование термина *ильмень* не совсем убедительно, «так как основной регион его бытования – русский юг. Кроме того, территория расселения новгородцев, как известно, охватывала русский север, а не юг» [Барандеев 1981: 96]. Огромный фактический материал подытожил в своем «Словаре народных географических терминов» Э.М. Мурзаев: «Ильмень, мелкое озеро в дельте Волги с заросшими тростником и камышом берегами; старица, заполненная водой; понижения между буграми, грядами, залитые водой; пресное, заросшее растительностью озеро, образованное весенним половодьем Волги. Озеро, средних размеров в пойме на Урале. В Астраханской области также – длинный залив. На Дону и Днепре – пойменный разлив, озерное окно в тростниковых зарослях. Озеро на низких террасах» [Мурзаев 1984: 233-234]. В.И. Даль поясняет: «вообще же у ильменя берега в камышовых, тростниковых мокрых зарослях, голое озеро не ильмень» [Даль 1955, II: 41-42].

Изначально ряд ученых, априори признавая источником термина русский язык, видят в нем сложное слово *ил-мень* и находят аналоги к «суффиксу» *-мень* в терминах *узмень* 'узкое место между широкими плесами озера', *голомень* 'открытое море', в гидронимах *Тихмень*, *Струмень*, *Тясмень* и т.д. [Попов 1957: 70; Попов 1965: 43-44; Откупщиков 1961: 14].

Любое имя должно быть адресным, классифицирующим, однако трудно найти на Восточно-Европейской равнине неилистое озеро, особенно в Причерноморье и Приазовье, где ильмени соседствуют друг с другом.

Название новгородского озера никак не могло быть источником многочисленным ильменям русского юга и по лингвистическим соображениям.

Во-первых, новгородское название до сих пор произносится с ударением на первом слоге – *Ильмень*, а все географические термины и названия уральского и всех других озер с ударением на втором слоге – *ильмёнь*, *Ильмёнь*. Этот важный дифференцирующий фактор никак не отражается в русском письме.

Во-вторых, вплоть до XVI в. в памятниках название новгородского озера пишется как Ильмѣрь. Здесь мы видим другой «грех» русской исторической и современной орфографии. Несмотря на то, что произношение ѣ (*ʲe*) «ять», по Ломоносову, «е-тонкого» и Е (*e*) «есть», по Ломоносову, «е-

дебелого» уже к XVII в. совпали, но на письме буквы «ять» и «есть» продолжали употребляться до 1918 г. В лингвистических изданиях и топонимических словарях старое новгородское название озера Ильмѣрь пишут как Ильмерь или Ильмень, что еще больше усугубляет ситуацию.

А.И. Попов – один из ведущих специалистов по топонимии Северо-Востока России, многократно возвращался к этимологии новгородского слова. Наконец, он полностью отказался от всех других версий в пользу финского источника, посчитав, что «Ильмерь имеет явно неславянское происхождение, причем его окончание – *ерь* соответствует эст. *järv*, *jerv*, финск. *järvi* «озеро», а *Илм* является безукоризненно точной передачей слова, которое в эстонском языке звучит как *ilm* («свет», «мир», «погода»), в финском как *ilma* («воздух», «погода») и т. п.». О возможных финских истоках гидронима *Ильмень* писали и раньше (М. Фасмер, А.А. Шахматов и др.). А.И. Попов на примере из исторических источников убедительно показал, что смена традиций на письме: *Ильмѣрь* – *Ильмень* – произошла «в результате произведенного в конце XV в. по распоряжению московского правительства вывода значительной части новгородского населения и притока поселенцев из других мест» [Попов 1981: 46-48].

Добавим, что написание финского названия *Ilmajärvi* 'светлое озеро', 'воздушное озеро', 'небесное озеро' как Ильмѣрь, удивительно точно свидетельствует о дописьменном освоении финского слова новгородцами. Тогда восточные славяне фонему, отразившуюся позже в букве ѣ, произносили еще как дифтонгоид [ĕä], рефлекс которого сохраняются в южно- и западнославянских языках, ср. др.-рус.: *мѣра*, рус. *мера*, укр. *міра*, болг. *мяра*, польск. *miara*, ср. старые и новые обратные заимствования из русского в финский язык: *мѣра* – *määrä*, *хлѣвъ* – *läävä*; *вѣсть* – *viesti*. Еще несколько озер *Ilmajärvi* А.И. Попов обнаружил в Эстонии, Карелии и Финляндии.

Многочисленные ильмени – мелкие озера, старицы на юге России, начиная от Воронежской, Тамбовской, Саратовской областей, в бассейнах Днестра, Юж. Буга, Днепра, Дона, Кубани, Волги и Урала исследователи давно связывают со словом *лиман* (Я.К. Грот, А.Г. Преображенский, В.П. Загорский [Загорский 1973: 81-81]; В.И. Горцев [Горцев 1984: 51]). В «Книге Большому Чертежу» (1627) *ильмень* обозначает даже морской залив: «В Черное море, проливу морскую в Ыльмень пала река Днепр, от Перекопи верст с 70». Н.Я. Данилевский, изучив специфику водных объектов, пришел к выводу, что волжские ильмени – «побочные озера, водные расширения рукавов Волги», а кубанские лиманы – «морские заливы, отделенные от моря косами» (цит. по: [Барандеев 1981: 97]). Он предложил упорядочить

гидронимическую терминологию и определить *ильмень* как водный термин к родовому *озеро*, а *лиман* как видовой термин к родовому *залив*.

Несмотря на то, что М. Фасмер отказался признавать родство этих слов, этимологическая связь этих слов несомненна, так как оба относятся к русскому югу и нередко, как в «Книге Большому Чертежу» заменяют друг друга. И.Г. Добродомов обнаружил родство этих слов в первоисточнике и доказал, что *ильмень* и *лиман* происходят из родственных, но разных слов греческого языка: $\lambda\mu\eta\nu$ 'гавань, пристань' и $\lambda\mu\nu\eta$ 'стоячая вода, озеро, болото, иногда искусственное озеро', пришедшим в русский язык через тюркское, возможно, половецкое посредство. В тюркских языках не может быть в начале слова *l*, поэтому в половецком языке слово могло звучать как *ilimän*, *ilimen*, ср.: турецкое *iliman*, *liman*. От этого предполагаемого *ilimän*, *ilimen* могло возникнуть русское *ильмень*.

Еще одно широкоизвестное озеро Ильмёнь расположено на Южном Урале. Часто озеро Ильмень, Ильменский хребет и один из первых в СССР национальных заповедников, образованный 14 мая 1920 г., называют *Ильмёнами*. Длина хребта с севера на юг 41 километр, площадь озера, который лежит в южной части хребта в черте г. Миасса, в зависимости от уровня воды колеблется от 700 до 2000 км². Южноуральское озеро по своим геоморфологическим показателям: горное, 331 м. над уровнем моря, непроточное, с каменистым дном, ил только наносный – резко отличается от припойменных озер юга России. Его название, как и название новгородского озера *Ильмѣрь*, может быть только позднейшей адаптацией местного гидронима в русском языке.

Академик П.-С. Паллас, побывавший на Южном Урале в 1769 г., хорошо различал озера в Оренбургских степях, «из коих нет никакого течения», их «здесь обыкновенно называют ильменями», и уральское озеро, о котором пишет: «...а от башкирцев собственно Именкуль называемое, а по ту сторону сего озера возвышается Имен-тау». М.И. Альбрут, впервые обратившийся к записям Палласа для объяснения онима, считает, что в данном случае слово *имен(тау)* первично и обозначает измененное русским населением башкирское слово «безопасная гора» [Альбрут 1966: 50].

Эта гипотеза получила дальнейшее развитие в работе Б.П. Колесникова и Е.М. Фильрозе «Ильменский заповедник имени В.И. Ленина»: «Светлые леса с богатыми луговыми полями, обилие дичи в горах и рыбы в многочисленных озерах, разнообразие живописных угодий, горные пейзажи издавна привлекали коренных жителей Южного Урала к этой земле. Недаром ее горы получили название «имен-тау», что означает «безопасные горы». Праздничный ландшафт Ильмен контрастирует с обликом других близлежащих терри-

торий Южного Урала, например, горных массивов Юрмы (в переводе «не ходи») или Яман-тау («плохая гора») с их монолитными, подавляющими угрюмым величием скалами, хаотичными россыпями камней и мрачными темно-хвойными лесами» [Колесников, Фильрозе 1969: 195].

Красочное литературное объяснение названия противоречит фактам башкирского языка. Слово *имен* в башкирском языке, являясь арабским заимствованием, со значением 'целый, цел, невредим' в башкирском языке используется не в определительных сочетаниях, а в составе предикативов: *imen buluц* 'здоровствовать', *imen bötöц* 'благополучно кончиться', *imen jöröü* 'быть невредимым, здоровым', *imen qaluц* 'уцелеть, остаться живым, невредимым, здоровым'. Как исключение *имен* может сочетаться со стилистически возвышенными словами *имен ил* 'свободная, мирная страна', но никак не может сочетаться со словами *гора, озеро, лес*: *имен тау, имен күл, имен урман*. Об этом мы писали еще в 1988 г. [Валеев 1988: 130]. Однако ошибочная этимология благодаря своей прозрачности популярна в справочной и краеведческой литературе и наряду с другими версиями публиковалась в многократно изданных топонимических словарях А.К. Матвеева [Матвеев 1990: 215; 2008: 76-77].

Между тем *Иментау* обычная русская передача башкирского названия *Имэнтау (Imäntau)* 'дубовая гора', а *Имэнкүл (Imänkül)* 'дубовое озеро', то есть 'озеро в кольце поросших дубовыми лесами гор'. Простая этимология не вызывала бы возражений при сохранении дубрав на берегах озера до сих пор. Однако дубовые леса сейчас начинаются далеко на западе в Приуралье. Поэтому, с географической и лингвистической точек зрения, интересно свидетельство А.В. Гавемана: «Несколько сот лет назад леса Ильмен представляли другую картину. По всему Ильменскому хребту росли лиственные леса... Вся северная часть заповедника... была покрыта густыми сосновыми лесами... Под пологом сосны пышно развивалась липа, шумели листвой ценные дубы и ясени. Сейчас давно нет дуба, ясени и липы, и степь медленно, но настойчиво завоевывает бывшие лесные пространства. Дуб и ясень сделались жертвой хищнической эксплуатации, уступили место породам с громадной побегопроизводительной способностью: березе и осине" [Гавеман 1939: 66]. Поэтому название не вызвало удивление у Палласа, и местные башкиры до сих пор говорят *Имэнтау* и понимают название однозначно 'дубовые горы'. Можем добавить, что сейчас в Ильменском заповеднике культивируются и хорошо развиваются дуб черешчатый и клен остролистый.

Однако ставить точку в толковании названия озера Ильмень оказалось рано. Н.И. Шувалов, чей популярный словарь «От Парижа до Берлина по карте Челябинской области» разошелся в трех изданиях, совместил в толко-

вании топонима сразу два значения слова: *Имен-Тау* – 'безопасные горы'. Но, скорее всего, это название родоплеменной группы, обитавшей в этих местах, тотемом которой был дуб – по-башкирски *имен* [Шувалов 1989: 50]. С легкой руки краеведа ничем не подтвержденная гипотеза начинает культивироваться в литературе [Дерягина, Моисеев 2004: 567; Андреева 2004: 569].

Этнологический и топонимический материал о башкирах доказывает ошибочность этого мнения. Академик Р.Г. Кузеев в башкирской этнонимии XVIII-XIX веков обнаруживает 26 племенных, 250 родовых и около 3000 родоплеменных названий. В этом перечне около 100 родоплеменных групп названы по животным и птицам, единицы – по тамгам, но нет ни одного этнонима, который каким-то образом восходил бы к тотемному дереву [Кузеев 1996: 851-865]. К сожалению, даже в памятниках сохранились названия очень немногих тотемных деревьев и оранов (боевых кличей) башкир, а знают их сейчас вообще единицы. В перечне из 3100 деревень исторического Башкортостана, основанных предками башкир на территории восьми современных субъектов Российской Федерации от Волги до Иртыша, дуб только семь раз встречается в качестве тотемного дерева. Это притом, что одновременно в деревне могли проживать представители до двух десятков родов. Пять из названий с основой *имән* приходится на южный Башкортостан, один – на центральный и один – на Самарскую область [Камалов, Камалова 2001: 97-417]. В «Словарь топонимов Республики Башкортостан» вошло свыше пятнадцати тысяч названий. Составители словаря ни один из них не связывают с тотемным деревом. Пятнадцать топонимов, содержащих в русской орфографии основу *имен*, объясняют по слову *имән* «дуб» и ни одного – по слову *имен* 'целый, безопасный' [Словарь 2002].

Такие наблюдения должны удерживать исследователей и краеведов, вооружившихся только словарями незнакомого языка, от поспешных этимологий. Итак, в названии *Имәнтау* = *Именттау* единственная приемлемая этимология 'дубовые горы'.

Таким образом, в процессе северной, южной и восточной колонизации русские последовательно по модели *ил-мень* «освоили», приспособили финское *Итаjärvi* – *Ильмьбрь*, греческо-половецкое *ilimän* и башкирское *Имән(тау)*, *Имән(кул)* как *Ильмень*. При этом *-мень* мог быть архаичным славянским суффиксом, ср.: *узмень* 'узкое место реки', *голомень* 'открытое море', 'голое, без сучков, место ствола дерева', *глухмень* 'глушь', *ячмень* и *житмень* 'ячмень', *сухмень* 'сухая погода' [Откупщиков 1973: 134] или быть названием рыбы *мень*, ср.: *Меньскъ* – *Минск*, снова восходящим к финским истокам [Фасмер 1986: 599; Етимологічний 1989: 463]. При этом достоверных сведений о наличии русского географического термина *ильмень* со зна-

чением 'река, озеро, водоем с илистым дном' несубстратного происхождения мы не имеем.

Библиографический список

- Альбрут М.И.* Географические названия Челябинской области: о топонимике в краеведении // Доклады научно-практической конференции. Вып. 2. – Челябинск, 1966.
- Андреева М.А.* Ильменское озеро // Челябинская область: энциклопедия / гл. ред. К.Н. Бочаров. Т. 2: Д – И. – Челябинск, 2004.
- Барандеев А.В.* Ильмень и лиман // Русская речь. – 1981. – №6.
- Башкирско-русский словарь*: 32000 слов / под ред. З.Г. Ураксина. – М., 1996. .
- Валеев Г.К.* Откуда «пришли» Ильмены? // Русская речь. – 1988. – № 5.
- Гавеман А.В.* Ильменский государственный заповедник // Челябинская область: природные богатства и их использование / сост. Н.Е. Борисов. Т. 1. – Челябинск, 1939.
- Горцев В.И.* Саратовская область в географических названиях. – Саратов, 1984.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. II. – М., 1955.
- Дерягина В.В., Моисеев А.И.* Ильменские горы // Челябинская область: энциклопедия / гл. ред. К.Н. Бочаров. Т. 2: Д – И. – Челябинск, 2004.
- Добродомов И.Г.* О некоторых русских словах, заимствованных из греческого языка через тюркское посредство // Лексикология и словообразование древнерусского языка. – М., 1966.
- Етимологічний словник української мови*: у 7 т. Т. 3: Кора – М.-Київ, 1989.
- Загоровский В.П.* Историческая топонимия Воронежского края. – Воронеж, 1973.
- Камалов А.А., Камалова Ф.У.* Атайсал. – Уфа, 2001.
- Колесников Б.П., Фильрозе Е.М.* Ильменский заповедник // Заповедники Советского Союза / под ред. А.П. Банникова. – М., 1969.
- [Кузеев Р.Г.]* Башкирские племена, роды и родовые подразделения в 18-19 вв. // Башкирско-русский словарь: 32000 слов / под ред. З.Г. Ураксина. – М., 1996.
- Матвеев А.К.* Вершины Каменного Пояса: названия гор Урала. - 2-е изд., исправ. и доп. – Челябинск, 1990.
- Матвеев А.К.* Географические названия Урала. – 3-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2008.
- Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. – М., 1984.
- Откупщиков Ю.В.* К истокам слова: рассказы о науке этимологии. – 2-е изд., исправ., и доп. – М., 1973.
- Откупщиков Ю.В.* Ильмень // Межвузовская конференция по исторической лексикологии, лексикографии и языку писателя: тезисы докл. – Л., 1961.
- Попов А.И.* Географические названия: введение в топонимику. – М.-Л., 1965.
- Попов А.И.* Из истории лексики языков Восточной Европы. – Л., 1957.
- Попов А.И.* Следы времен минувших: из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. – Л., 1981.
- Словарь топонимов Республики Башкортостан* / отв. ред. А.А. Камалов, Р.З. Шакуров. [2-е изд., исправ. и доп.]. – Уфа, 2004.
- Толстой Н.И.* Славянская географическая терминология: семасиологические этюды. – М., 1969.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка.: в 4 т. / пер. с нем. и доп. чл.-корр. АН СССР А.Н. Трубачев. – 2-е изд. стереотип. Т. II. – М., 1986.
- Шувалов Н.И.* От Парижа до Берлина по карте челябинской области: топонимический словарь. – 2-е изд., испр. и доп. – Челябинск, 1989.

М.А. Венгранович, Е.М. Бебишева

Тольятти

ВВОДНЫЕ КОМПОНЕНТЫ КАК КРИТЕРИЙ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ФАКТОЛОГИЧЕСКИХ И ОЦЕНОЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

В статье рассматриваются вводные компоненты в качестве критериев разграничения фактологических и оценочных высказываний в аспекте общей проблемы – соотношения объективного и субъективного в содержании высказывания.

Ключевые слова: *вводные слова, объективная и субъективная модальность, фактологические и оценочные высказывания.*

This article considers parenthetical words that are criteria of distinction of factual and estimated statements in aspect of the general problem – correlation of objective and subjective modality in a content of the statement parities of the objective and subjective statement in content are considered.

Key words: *introductory words, objective and subjective modality, factual and evaluative statements.*

До настоящего времени в языкознании остается актуальным и не до конца разрешенным вопрос о соотношении объективного и субъективного, рационального и эмоционального (чувственного) в содержании языкового высказывания и о способах их языкового выражения в структуре текста. Эта проблема особым образом трансформируется в области пересечения различных отраслей гуманитарного знания, где лингвистические критерии становятся определяющими (например, при разрешении юридических споров, касающихся квалификации различных видов диффамации, для которых существенным моментом является разграничение фактологических (описательных) и собственной оценочных (в широком смысле этого слова как выражающих субъективную картину мира) суждений). Как показывает судебная и экспертная практика, до настоящего времени «центральной проблемой, от решения которой зависит судьба дела и ответственность публикатора, является постоянно дискутируемый вопрос о различении факта и мнения в текстах средств массовой информации» [Ратинов 2002: 231].

Сложность разрешения проблемы разграничения субъективного и объективного в высказывании заключается, прежде всего, в том, что в онтологическом плане расчленение высказывания на рациональный (фактологический) и эмоциональный пласты представляется недостаточно правомерным, поскольку конкретное высказывание всегда есть продукт мышления субъекта и изначально детерминировано как субъективный акт (и по форме, и по содержанию). Г.В. Колшанский, детально исследовавший данную проблему, отмечал: «Познавательный акт как некоторый фрагмент мыслительной деятельности человека уже по своей природе содержит так называемый оценоч-

ный момент, который и есть не что иное, как произведенная субъектом мыслительная операция над предметом высказывания (восприятие, понимание, обобщение, заключение и т.д.), что представляет собой «оценку» в самом широком понимании» [Колшанский 1975: 142]. Такой подход предполагает понимание любого высказывания как двухуровневого образования, в котором на объективную, фактическую информацию накладывается субъективный момент. При этом традиционно считается, что объективное содержание высказывания адекватно манифестируется формальными средствами языка (показателями объективной модальности), а субъективное, эмоциональное – особыми показателями, принадлежащими к разным уровням языковой системы (модальными словами, междометиями, аффиксами субъективной оценки, интонацией и др. средствами).

Традиционно считается, что к показателям субъективно-модальных значений относятся и *вводные компоненты*, которые не изменяют общей структурно-семантической схемы предложения, но обогащают ее разнообразными субъективно-модальными смыслами, «выражающими отношение к сообщаемому или его характеристику: экспрессивную реакцию на сообщение, подчеркивание, выделение какой-то его части, характеристику сообщаемого с точки зрения его связей и отношений, достоверности или недостоверности...» [Русская 1980: 228-229]. Кроме того, необходимо отметить и коммуникативно-прагматическую значимость категории водности, на которую указывал В.В. Виноградов, подчеркивая, что вводные компоненты объединяет общая коммуникативная установка воздействия на собеседника, адресата речи: «...Они вовлекают то лицо, к которому обращена речь, в круг желательных или нужных говорящему модальных оценок и квалификаций высказывания» [Виноградов 1975: 71].

Таким образом, вводные компоненты являются не только субъективно-модальными квалификаторами в высказывании, но и служат определенным прагматическим целям – выразить собственную оценку степени достоверности / недостоверности сообщаемого (уверенность, предположение, возможность, неуверенность) или дополнительно убедить адресата в достоверности передаваемых сведений, т.е. усилить истинностный компонент высказывания (его фактологичность). Отмеченные свойства вводных компонентов позволяют рассматривать их как один из возможных критериев разграничения фактологических (передающих информацию о событии) и оценочных (в широком смысле) высказываний (выражающих субъективное отношение к сообщаемому) в практике проведения лингвистических исследований публицистических текстов при разрешении информационных судебных споров.

Надо сказать, что в коммуникативной практике у людей сформировались, во-первых, стереотипы передачи истинной, достоверной информации, то есть сведений о том, что реально имело, имеет или обязательно будет иметь место в действительности (в этом случае говорят о *форме утверждения*), во-вторых, сложились стереотипы передачи информации вероятностной, недостоверной, эмоциональной, в целом – субъективной, которая описывает положение дел так, как оно представляется автору (*форма предположения, мнения и оценки*). Таким образом, оценка, мнение и предположение – это сферы проявления субъективного начала в деятельности человека, в его познании и словесном отображении мира.

В исследовательской практике специалистов принято считать, что утверждение о фактах априори соотносится с определенной грамматической формой (повествовательным предложением с формальными модальными показателями – формами синтаксического индикатива) и распознается по отсутствию в предложении маркеров субъективной модальности [Цена 2002]. Соответственно, контексты предположения, мнения и оценки маркируются специальными языковыми показателями. Однако вводные компоненты, традиционно относимые к показателям субъективно-модальных значений, могут в отдельных контекстах служить маркерами как оценочных (в широком смысле) высказываний (формы предположения, мнения и оценки), так и фактологических высказываний (формы утверждения). Поясним на примерах.

В современных публицистических текстах встречается большое количество вводных слов (вводно-модальных слов), выражающих оценку говорящим степени достоверности / недостоверности сообщаемого (уверенность, предположение, возможность, неуверенность): *конечно, несомненно, без всякого сомнения, очевидно, безусловно, разумеется, само собой разумеется, бесспорно, действительно, наверное, возможно, верно, вероятно, по всей вероятности, может, может быть, быть может, должно быть, кажется, казалось бы, видимо, по-видимому, пожалуй* и др. Это связано с тем, что основным из критериев создания публицистического текста является оценка информации на ее достоверность, а задача автора публицистического текста – гарантировать людям получение правдивой и достоверной информации посредством честного отражения объективной реальности. В этом случае вводное слово становится маркером субъективной оценки объективных реалий (выражением авторской неуверенности, предположения, неопределённости, допущения): *Судя по всему, выходит на одиночный пикет и выглядит «городским сумасшедшим» Муса не хотел. Кажется, он преследовал совершенно другие цели* (МК, 20 февраля, 2013); *Кажется, на главные вопросы в ядерной физике учеными уже «отвечено». Или нет?* (АиФ, № 6, 2013); *Воз-*

можно, увидев эти реальные цифры, региональные и муниципальные чиновники будут активнее в принятии решений о повышении зарплаты бюджетникам. Правда, они могут это и не заметить (АиФ, № 9, 2013). В этих случаях информация передается автором через традиционные показатели субъективной модальности (вводные компоненты, маркирующие форму предположения в ситуации припоминания или при передаче неточно запомненного, или при передаче не полностью достоверной информации, полученной от других лиц, или в ситуации, когда нет достоверных данных, чтобы вынести окончательное суждение) и однозначно интерпретируется реципиентом как оценочная, нефактивная. Однако и в этом случае оценочное по форме высказывание оказывает непосредственное воздействие на реципиента: создается иллюзия того, что автор владеет определенными знаниями, пусть и не полностью достоверными, которые позволили ему сформировать ту или иную точку зрения.

В других контекстах может происходить подмена, при которой мнение-оценка выдается за знание (соответственно, неverifiedируемая пропозиция – за verifiedируемую): *Действительно, рано утром 18 февраля в частях двух военных округов провели внезапную проверку, чего у нас не было 20 лет* (АиФ, 2013, № 9). *Несомненно, центральным матчем шестого тура чемпионата России станет игра двух московских клубов — «Локомотива» и «Динамо»* (АиФ, 2013, №12). *Бесспорно, что нынешний финансовый (а не экономический) кризис начался в США, причём в секторе, представляющем около 1,4% экономики* (АиФ, 2013, № 8).

В данных примерах информация, передаваемая автором и маркируемая вводным компонентом, через семантику вводного компонента (*действительно* – «употр. для указания на достоверность высказывания, на его подтверждение» [Объяснительный 2002: 103]; *несомненно* – «употр. для выражения того, что говорящий не сомневается в достоверности, истинности высказывания» [Объяснительный словарь 2002: 222]; *бесспорно* – «употр. для выражения того, что говорящий совершенно уверен в достоверности, истинности высказывания, считает их неоспоримыми» [Объяснительный словарь 2002: 34]) может дополнительно усиливать впечатление достоверности передаваемого сообщения и тем самым служить весомым убеждающим фактором для реципиента. В этом случае создается многоплановость высказывания в отношении интенции говорящего и объективности информации для восприятия слушающего (читающего): автор, маркируя высказывание формальным субъектно-модальным квалификатором, создает утверждение особой экспрессивной силы, проявляющее интенцию говорящего в конкретном высказывании – выразить собственную уверенность в достоверности события и, тем самым,

дополнительно убедить в этом воспринимающего текст субъекта. Это позволяет говорить о многозначности языковой формы и неправомерности ее односторонней интерпретации.

Таким образом, вводные компоненты, являясь формально субъективно-модальными квалификаторами в высказывании, могут служить вполне определенным прагматическим целям – через выражение собственной оценки степени достоверности / недостоверности сообщаемого (уверенность, предположение, возможность, неуверенность), дополнительно убеждать адресата в достоверности передаваемых сведений, т.е. усиливать истинностный компонент высказывания (его фактологичность), что позволяет рассматривать отдельные разряды вводных компонентов как критерий разграничения фактологических и оценочных суждений.

Библиографический список

- Виноградов В.В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С. 53-87.
- Колшанский Г.В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М., 1975.
- Лекант П.А.* Вводность – коммуникативно-прагматическая категория // Очерки по грамматике русского языка. – М., 2002. – С.130-133.
- Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: Около 1200 единиц /Под ред. В.В. Морковкина. – 2-е изд., испр. – М., 2002.*
- Рашинов А.Р.* Когда не стесняются в выражениях...: Послесловие юриста / // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. 3-е изд. – М., 2002.
- Русская грамматика.* Том II – М.: Издательство «Наука», 1980.
- Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации /Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2002.*

Сокращения

- АиФ* – газета «Аргументы и факты» (2013 г.).
- МК* – газета «Московский комсомолец» (2013 г.).

А.В. Дегальцева
Саратов

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АДВЕРБИАЛЬНЫХ КОМПЛИКАТОРОВ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В ПРАВОСЛАВНОЙ ПРЕССЕ

Статья посвящена изучению некоторых семантических, структурных и функциональных особенностей адвербиальных компликаторов, встречающихся в современной православной газете (в сравнении с аналогичными компонентами, используемыми в светской прессе).

Ключевые слова: *семантическое осложнение простого предложения, адвербиализация, православная газета.*

The article is dedicated to examination of some semantic, structural and functional characteristics of adverbial complicators in a modern orthodox newspaper (in comparison with the similar components in the secular press).

Key words: *semantic complication of simple sentence, adverbialisation, orthodox newspaper*

В русской культуре издавна взаимосвязаны, но в то же время противопоставлены друг другу две картины мира, две формы сознания: религиозная и обыденная, мирская. Религиозная вера определяет не только мышление и поведение православного человека, но также и его речь. Некоторые из современных исследователей функциональной стилистики даже полагают, что существует особый церковно-религиозный стиль русского литературного языка [Крысин 1996, Крылова 2000, Прохватилова 2006]. В данной работе мы обратимся к рассмотрению специфических особенностей адвербиальных компликаторов, функционирующих в текстах религиозной прессы, и их отличий от аналогичных конструкций, представленных в современной светской прессе.

Адвербиальные компоненты – качественные наречия и предложно-падежные формы существительных в атрибутивно-обстоятельном значении – становятся компликаторами, то есть усложнителями семантики монопредикативных единиц, в том случае, когда дают не только качественную характеристику глагольного предиката, но и называют состояние субъекта высказывания, проявляющееся через действие, или характеризуют ситуацию. Для проведения сравнительного анализа мы рассмотрели по 10000 предикативных единиц из текстов современной православной («Православная вера» (далее ПВ), «Православная газета» (ПГ), «Благовест» (Б)) и нерелигиозной («Московский комсомолец» (МК), «Аргументы и факты. Саратов» (АиФ-Саратов)) прессы.

Анализ материала показал, что частота встречаемости адвербиальных компликаторов в православной прессе и нерелигиозных печатных СМИ практически одинакова: 14 и 16 компликаторов на 1000 предикативных единиц соответственно. Все они чаще всего входят в ремю в качестве одного из ее компонентов, в большинстве случаев занимая препозицию (вероятнее всего, активизация случаев препозиции предложно-падежных форм связана с воздействием коммуникативно-прагматических факторов на лексему и усилением влияния разговорного синтаксиса на письменную речь) [Дегальцева 2012].

Однако между изучаемыми компликаторами, функционирующими в религиозной и светской газете, наблюдаются качественные различия. Во-первых, в православных газетах на адвербиальные компликатеры, выраженные неморфологизованным способом, приходится около 48–50%, тогда как в «МК» и «АиФ-Саратов» предложно-падежные формы составляют лишь 16%.

Чем можно объяснить этот факт? Обращение к истории языка показывает, что предложно-падежные формы выражения адвербиального значения издавна носили книжный характер, тогда как наречия, выступающие в этой функции, были проявлением «народной разговорной стихии» [Ножкина 1989: 134]. Поскольку церковно-славянский язык и книжная традиция XI–XVII вв. оказывают большое влияние на религиозный дискурс, деадъективы и девербативы широко распространены в религиозной прессе. Во-вторых, большинство адвербиальных компликаторов в православной прессе относятся к книжной и церковно-религиозной лексике.

В текстах газет религиозного направления встречаются такие качественные наречия и предложно-падежные формы существительных в адвербиальном значении, которых мы практически не найдем в светских изданиях: *Некий начальник жрецов Ульпиан хотел **похотливо** коснуться тела святой Анастасии, но тотчас ослеп и испустил дух* (ПГ 17. 12.2012); *Поскольку дарования Духа различны<...>, то надобно каждому **целомудренно** и с **благодарением** пребывать в данном ему даровании, и всем быть согласными между собою в любви Христовой, подобно членам в теле* (ПГ 10.12.2012); *А после поста он с **услаждением** и без ограничений потребляет скоромную пищу, о которой так долго мечтал* (Там же); *Святая вышла на место казни, **колелопреклоненно** помолилась Богу и положила свою голову на плаху* (Там же); *Может ли Бог с **благоволением** взирать на тварь, которая надмеваётся какими-то собственными совершенствами и не находит себе равного в них, как будто у нас есть что-нибудь свое?* (Б 01.08.2011).

В-третьих, индекс лексического разнообразия адвербиальных компликаторов в православных изданиях выше, чем в нерелигиозных: он составляет

0,8 (тогда как в материалах «МК» и «АиФ-Саратов» он равен 0,4). Две последних особенности объясняются как религиозной тематикой (передачей с помощью адвербиальных компликативов греховных или, наоборот, глубоко духовных состояний и чувств человека), так и особой экспрессивностью религиозного дискурса, его патетической тональностью, «архаически-возвышенной, торжественной» [Крылова 2006: 188] окраской лексики, реализацией эмоционально-воздействующей функции.

Обилие ярких адвербиальных компликативов, служащих для эмоционального воздействия на читателя, можно встретить в материалах, написанных отцами церкви. Так, в статье-притче одного из старейших клириков Самарской епархии протоиерея Михаила Михайловича Фролова (1930-2006 гг.) наречия и предложно-падежные формы служат средством полной и зримой характеристики состояния героев повествования: *Дети в страхе и отчаянии заметили Его лишь тогда, когда Он подошел близко, и Его вид показался им знакомым – таким благостным, родным. Он приласкал детей, утешил. Дети мигом забыли страх, – так убедительно, так любяще говорил этот Человек. Полюбим Его так, чтобы нам не отойти от Него более, но верно следовать за Ним до конца, на всех путях жизни. Но отца, такого, чтобы **твердой рукой, самоотверженно, бдительно** вел и поддерживал, – редко встретишь* (Б 30.06.2000). В использовании данных адвербиальных компликативов раскрывается несомненный талант и риторическое мастерство автора, противопоставляющего твердость духа и бдительность пастыря-Спасителя отчаянию и ужасу потерявшихся и растерянных детей.

Подавляющее большинство адвербиальных компликативов, функционирующих в религиозной прессе, служит для характеристики эмоционального и духовного состояния человека (около 90%): *Рассказала я детям, как дивно помогает святитель Спиридон, и мы уже с **большим воодушевлением** прочитали тропарь и акафист ему* (ПГ 10.12.2012); *Имея его, мученики за веру претерпевали пытки с **благодарением Богу** и принимали смерть с **радостью*** (Там же); *Знаете, даже выгнать с клироса можно **спокойно, с любовью*** (ПВ 16.09.2006). В «МК» и «АиФ-Саратов» эту функцию выполняют лишь 62% изучаемых компонентов: остальные служат для характеристики поведения, физического состояния, внешнего вида человека и характеристики ситуации [Дегальцева 2012]. Это связано, на наш взгляд, с тем, что для православных журналистов важна наиболее точная и полная передача всего спектра чувств и религиозных переживаний их героев.

Разностью типов религиозного и нерелигиозного сознания объясняется тот факт, что некоторые аспекты жизни верующие люди и светское общество оценивают по-разному, зачастую, диаметрально противоположно. В связи с

этим значения и смыслы одного и того же адвербиального компликатора в гражданской и православной прессе будут существенно различаться. Так, гордость воспринимается большинством нерелигиозных носителей языка как положительное чувство: ‘гордость – чувство собственного достоинства, самоуважения’ [Шведова 2007: 162]: *Девушки! Прямо сейчас у вас есть возможность **гордо** заявить о себе, о своей активной жизненной позиции, о здоровом образе жизни* (АиФ–Саратов 01.02.2013); – *У меня все в порядке с кармой, – **гордо** ответила девушка* (МК 21.12.2012); *Сегодня федеральное правительство с **гордостью** сообщает, что инфляция по продовольственной корзине равна нулю* (МК 25.10.2011); ***Не без гордости** можно сказать, что все они заняли достойную нишу в культурной жизни Саратова* (АиФ–Саратов 19.10.2011). В разговорной речи, однако, это слово может приобретать значение: ‘высокомерие, чрезмерно высокое мнение о себе, спесь’ [Шведова 2007: 162], сближаясь со значением слова *гордыня* [Там же]. В христианской традиции понятие *гордость* имеет только негативную окраску. «Гордость является основой всякой греховности; это первогрех, положивший начало отпадению человека – божьей твари от Творца. Отцом гордости является дьявол, поэтому гордящийся человек, становится слугой нечистого духа; и сатанинским считается всё, основанное на гордости, тщеславии, самомнении» [Барсукова 2006].

В религиозной публицистике, призванной наставить православного человека на путь истины, порицаются разные проявления гордости: чрезмерная жажда человека к постоянным поискам правды вне религии, осознание своего превосходства над другими людьми, привязанность к материальным ценностям (дорогим украшениям, модной одежде) и т.д.: *Много хуже, если с **гордостью** подчеркивают слово ‘ищу’, гордясь положением постоянно стремящихся к истине* (ПВ 17.12.2006); *А тетя Рита **гордо** выступала в двух золотых цепочках, на одной – золотой крест, на другой – знак зодиака (ее попросили потом знак зодиака снять)* (Б 28.01.2011); – *Вот, мы с бабушкой штаны купили, – она с **гордостью** показывает лосины невообразимой расцветки – по красному фону бегут черные коты* (ПВ 07.02.2008).

Гордости в религиозном сознании противопоставлены кротость и смирение. Они воспринимаются верующими людьми как добродетель. Смирение позволяет человеку принять Господа и служить ему, кротость помогает быть незлобивым и с любовью относиться к другим людям: *Предостерегая всех нас, чтобы мы не гордились, не хвалились, считая себя праведными и лучше других, но чтобы со **смирением**, видя свои грехи, сокрушались о них, никого не осуждая <...>* (Б 01.08.2011). *Это мы видим на всех, кто грешил пред Богом и затем **смирено** покался <...>* (ПГ 22.02.2011); *Его оскорбляли, за-*

ушали, побивали камнями, а Он **кротко** и **смиренно** все это терпел, и не осуждал, и не наказывал их, хотя Он имел такую власть, что мог бы это сделать (ПГ 10.08.2011). Важно отметить, что в представлении православного христианина кротость и смирение суть проявления доброй воли человека, результат его постоянной работы над собой. На наш взгляд, смирение и кротость для верующего человека не являются тождественными, взаимозаменяемыми понятиями. Тогда как в современном обыденном сознании наречия *кротко* и *смиренно* являются синонимами, данный синонимический ряд продолжают такие слова, как: *безропотно, беспрекословно, безобидно, безответно, безотказно, покорно, тихо, смирно* [Словарь-тезаурус 2007: 92]. Наречие *кротко* означает 'незлобиво, покорно, смирно' [Шведова 2007: 382], *смиренно* – 'без гордости, подчиняясь чужой воле' [Там же: 904]. На наш взгляд, в определенных контекстах эти лексемы могут приобретать и другие значения. Так, в предложении *Фредди Меркьюри мог быть сейчас 66-летним рок-старом, смиренно принимающим поздравления миллионов поклонников* (МК 27.08.2012) наречие *смиренно*, как нам кажется, имеет значение 'скромно, не высокомерно'. В некоторых высказываниях данное наречие, на наш взгляд, может принимать значение 'терпеливо'. Ср., напр.: *Умудренные опытом израильские политики и <...> последние ветераны Великой Отечественной смиренно ждали Президента РФ на адской еврейской жаре* (МК 29.06.2012) и *<...> костюмер смиренно выслушивает откровения главной актрисы, которые ни в жизнь никому из артисток-подружек не скажет* (МК 20.12.2012). Слово *кротко*, помимо уже перечисленных значений, в некоторых контекстах, по-видимому, может приобретать значения 'примирительно', 'ненастойчиво': *«Я не претендую на этот титул, – кротко, но зычно заявил Николай. – Конечно, поп-король – это ты, Филипп!»* (МК 01.07.2009) или 'извиняясь': *Более сознательные Таня и Женя позвонят и кротко скажут: «Только, ты знаешь, пить мы не сможем. И приехать, пожалуй, тоже»* (МК 28.12.2011).

Примечательно, что наречие *кротко* в языковой картине мира нерелигиозного человека часто оценивается отрицательно и связывается с пассивностью, покорностью или невозможностью изменить сложившуюся ситуацию. Здесь, в отличие от христианской традиции, кротость не воспринимается как проявление доброй воли человека, результат его духовной работы над собой. Этим, по-видимому, объясняется тот факт, что данное слово часто употребляется по отношению к животным или маленьким детям, поскольку они лишены выбора и никак не могут влиять на происходящее с ними: *Первого, сбитого машиной [пса], Ирина с дочерью подобрали на обочине и чудом выходили, второго взяли в муниципальном питомнике, где он кротко ждал*

своей очереди на усыпление (МК 10.11.2012); *Некоторые малыши его [пса] и за хвост дергали, и за уши, и за все, а он **кротко** терпел* (МК 06.07.2008); *Она [лама] **кротко** поглядывая на окружающих из-под длинных ресниц, на разъезжающихся ногах поднялась в поезд* (МК 24.07.2012); *Она [маленькая девочка] **кротко** и немного удивленно терпит все те процедуры, против которых обычно малыши активно протестуют: умывание, одевание, медицинский осмотр* (МК 10.12.2010). Возможно, в современном русском языке появление у лексем *кротко* и *смиренно* новых смыслов связано с некоторым переосмыслением и размытостью их первоначальных значений, обусловленной отрывом этих слов от типичной для их функционирования духовной, религиозной сферы.

Использование некоторых устойчивых зависимых определений при адвербиальных компликаторах, функционирующих в религиозной прессе, существенно меняет их семантическое наполнение. Обратимся к формам *в страхе* и *в страхе Божием*. Первая форма широко используется как в религиозной сфере, так и вне ее. Она служит для передачи отрицательного эмоционального состояния, связанного 'с сильной боязнью, испугом' [Шведова 2007: 949]. *Все мировые агентства облетел ролик, когда Саакашвили в страхе убежал от ревушего на несколько десятков километров беспилотника во время войны с Южной Осетией* (МК 10.10.2012); *Посетители в страхе попрятались под столы* (МК 07.07.2003) или: *Услышав этот голос, ученики в страхе упали ниц на землю* (ПГ 15.08.2011).

Неморфологизованная форма выражения адвербиального признака *в страхе Божием* в мировосприятии православного христианина имеет положительную оценку и необходима для обретения истинной веры: «Так вера рождает божественный страх. Все св. Отцы считают, что именно возникновение в человеке страха Божия есть признак, что он начал истинно осуществлять в своей жизни обретенную веру» [Фудель 1997]: *Нас – трех дочерей и сына – воспитывали они в страхе Божием* (Б 23.02.2001); *Служить ему в страхе Божием и благоговении – путь праведников* (ПГ 07.01.2006).

То же можно сказать и о формах *с радостью/с духовной радостью*. Первая неморфологизованная форма выражения адвербиального признака передает значения 'с веселым чувством, ощущением большого душевного удовлетворения': 'Испытывать р. С радостью помогу (очень охотно, с полной готовностью)' [Шведова 2007: 787]. В одном из своих значений она входит в состав синонимического ряда: *охотно, с охотой, с удовольствием, разгснж. в охотку* [Словарь-тезаурус 2007: 74]. Такие значения предложно-падежного адвербиального компликатора *с радостью* можно обнаружить как в религиозной, так и в светской прессе: «*Это настоящее чудо, вы привезли из*

Москвы хорошую погоду», – **с радостью** констатировали завсегдаии «Новой волны» в день открытия конкурса (МК 24.07.2008); И если удастся найти благотворителя, который готов взять на себя расходы по доставке Огня в Карелию, то, безусловно, карельская епархия **с радостью** идет на контакт (АиФ-Саратов 22.04.2009); Я **с радостью** наблюдаю в России уважение к национальной истории, к традиции и к вере (ПГ 10.12.2012). Н.А. Дьячкова отмечает, что в православном дискурсе радость – эмоция, имеющая неземную, духовную природу [Дьячкова 2006]. Наш материал подтверждает это наблюдение: в религиозной прессе предложно-падежная форма **с радостью** нередко используется с зависимым определением духовно, конкретизирующим характер и источник положительных эмоций христианина: Он же ответил мне, что **с духовной радостью** прочел о намерении восстановить храм в имени Сергея Бехтеева, и благословил меня (Б 26.09.2008); И в эту бесконечную летопись чудес **с духовной радостью** вписываю и эти два удивительные случая (Б 05.09.2003); **С большой духовной радостью** встречают прихожане Петро-Павловской церкви поселка Нейво-Шайтанского Алапаевского района престольный праздник своего храма (ПГ 11.07.2008). Таким образом, форма **с духовной радостью** акцентирует внимание на определенном источнике положительных эмоций, близком и понятном для всех христиан.

Итак, анализ адвербиальных компликаторов, функционирующих в религиозной прессе, показал, что большинство из них принадлежит к книжной и церковно-религиозной лексике, выполняет функцию эмоционального воздействия на читателя и служит для полной и наглядной передачи чувств и религиозных переживаний человека. Что касается структуры данных компликаторов, то около половины из них выражены неморфологизованным способом. Адвербиальные компликатеры, попадая в церковно-религиозный дискурс, наполняются иным, отличным от обыденного восприятия, содержанием и могут расширять круг значений. В то же время, некоторые наречия и предложно-падежные формы выражения адвербиального признака, утрачивая связь с исконной для них сферой духовной жизни, меняют свои первоначальные смыслы.

Библиографический список

Барсукова О.В. Понимание честолюбия, тщеславия и гордости в христианской морали и этике // Вестник молодых ученых. Сер. 1: Культурология и искусствоведение. – Вып. 3. – 2006 // URL: http://humanpsy.blogscience.ru/barsukova/chest_christ (дата обращения: 30.01.2013).

Дегальцева А.В. Адвербиализация как способ усложнения семантики предложения. Автореф. дис... канд. филол. наук. – Саратов, 2012.

- Дьячкова Н.А.* Концепт радость в православно-христианском дискурсе // VERBUM: язык, текст, словарь: Сб. науч. тр. – Екатеринбург, 2006.
- Крылова О.А.* Лингвистическая стилистика. – В 2 кн. Кн.1. Теория: Учеб. пособ. – М., 2006.
- Крылова О.А.* Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000.
- Крысин Л.П.* Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Сб. памяти Т.Г. Винокур. – М., 1996.
- Ножкина Э.М.* Средства выражения адвербиального признака в эпистолярном стиле // Вопросы стилистики: межвуз. науч. сб. – Саратов, 1989.
- Прохватилова О.А.* Экстралингвистические параметры и языковые характеристики религиозного стиля // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – Вып. 5. 2006.
- Словарь-тезаурус синонимов русской речи* / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – М., 2007.
- Толковый словарь русского языка (с включением сведений о происхождении слов) / РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М., 2007.
- Фудель С.И.* Путь отцов. – М., 1997 //URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/biblio/fudel2.htm> (дата обращения: 03.02.2013).

Г.В. Звездова, Е.Н. Руднев
Липецк

СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СЛОВА-СИМВОЛА В СЛОВАРЯХ В.И. ДАЛЯ и И.И. СРЕЗНЕВСКОГО

В статье ставится вопрос о символе как единице сущностного плана, актуализирующем ментальную информацию в указанных лексикографических источниках. Отображаемая в них философия слова как в книжной, так и диалектной форме едина в выражении ментальной информации. Данная целостность представляется необходимым условием рассмотрения национального характера.

Ключевые слова: символ, слово, понятие, концепт, сема.

The article regards the symbol as a unit of the essential plane that actualises mental information in the given lexicographic sources. The word philosophy reflected in them both in bookish and dialect forms is a single unity in the expression of mental information. This single unity is a necessary condition which helps present the national character.

Key words: symbol, word, concept, seme.

В современной науке о языке изучение когнитивных процессов весьма актуально. Бурно развивающаяся концептуальная лингвистика ставит своей целью, как мы полагаем, раскрытие загадок языковой картины мира и ментальности в целом. Достижение этой цели большинством ученых видится в описании когнитивных процессов, которые во многом определяют основные черты национального характера. При исследованиях такого рода важнейшую роль играет слово, являющееся двуплановой единицей, стяжающей речь и мысль. Оно сугубо национально; оно, безусловно, многогранный феномен, который определяет, в том числе, и образ мыслей.

Идеи, согласно которым слово является важнейшим феноменом культуры, были присущи древнерусской книжности, активно развивались членами общества «Беседа любителей русского слова», славянофилами, представителями русской религиозной философии [Звездова 2011]. Так, например, П.А. Флоренский отмечал, что «сила действия слова <...> в спиральности его строения, почему слово втягивает, всасывает в себя и затем себе подчиняет все. Слово – конденсатор воли, конденсатор внимания, конденсатор всей душевной жизни». Кроме того, в нем он видел выход «из пределов своей ограниченности и соединение с безмерно превосходящей <...> собственную волю целого народа» [Флоренский 2006: 241]. К мысли о «жизненной энергии» *живого слова* так или иначе приходят сейчас ученые, чьи работы посвящены роли слова в когнитивно-ментальных исследованиях (Г.В. Звездова, В.В. Колесов и др.).

Рождение и бытование слова как символа определяло целостность мировидения его носителя. В своей внутренней форме слово способно сохра-

нить суть, то есть великую правду, истину. По справедливому замечанию космиста Н.Ф. Федорова, слово-символ «в первобытном, в первоначальном значении включает не обман, возвышающий нас, а выражает то, что должно быть» [Федоров 2003: 39]. Речь идет о синтезе бытового (вещного) и бытийного (вечного).

Символ наличествует в природе вещей, которая, в свою очередь, есть отражение иной, высшей реальности, знаменующей высшее бытие. Эта трактовка восходит к мифологическим религиям древних, к учениям гностиков и орфиков, пифагореизму и платонизму.

При определении значения понятия *символ* буквально все ученые ссылаются на греческий эквивалент *σύμβολον*, неясность перевода которого очевидна («условный знак, примета», «удостоверение личности», «знак, опознавательная примета» и т.д.).

По этимологическим данным, символ – это «изложение; вещественное изображение чего-либо отвлеченного» [Фасмер 1964-1973: 623].

Ясно то, что символ – это «образ, тяготеющий к многозначности, но сохраняющий в то же время свое прямое значение» [Энциклопедический 2005: 287].

Слово – главная ипостась в воплощении символа, хотя материальную форму символ мог обретать в слове, звуке, действии, вещи – во всем, что существовало в физической действительности. Не случайно, что слово называют «знаком знака, то есть символом, поскольку словесный знак указывает на что-то, одновременно передавая значение чего-то другого...» [Колесов 2002: 37]. Символ в слове синтезирует составные части содержания его (образ и понятие. – Г.З., Е.Р.). По мысли А.А. Потебни, только с помощью языка символа можно привести в порядок. При этом символ необходимо соотносить с воззрением народа, а не с произволом отдельной пишущей творческой личности. «Символ есть лингвистическое условие, необходимое для психологической процедуры формирования вербальной идеи» [Виноградов 1923: 196].

Бережное отношение к слову предполагает особое понимание лексикографического источника, который, как мы полагаем, являет миру силу языка, истинного лексикографического источника. В этом отношении «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского и «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля особенно ценны. На сегодняшний день семантическая структура слов, извлеченная из этих словарей, воспринимается большинством носителей русского языка как некий конгломерат значений, не имеющих внутренних связей. Объективно действовавшие когда-то законы символического отображения действительности в слове на сегодня утратили свою актуальность. Мир слова перестал существовать как

действительный мир, так как потеряно понимание этимона, символа, первичного образа, взаимодействия реально-конкретных и сакральных смыслов.

Современные лексикографические источники ставят перед собой задачу отразить лишь строго определенный аспект функционирования лексемы в языке (объем понятия и значение понятия. – Г.З., Е.Р.), тогда как изначально авторов первых словников характеризовало стремление к описанию жизни слова во всей полноте его смыслового содержания. Не случайно и обращение к этимологии, науке, которая переводилась с греческого языка как «истинно-словие». Правда, уровень и характер ее понимания в данных словарях разнятся.

Так, И.И. Срезневский пытался отразить связь русского языка с латинским и греческим, определить место национальной культуры и языка как части этой культуры. В этом отношении Словарь В.И. Даля же отражает, как мы полагаем, истинно народное понимание слова в его сугубо национальных сакральных смыслах.

Безусловно, сама подача многогранного материала различна, однако нельзя не указать на некую общность: слово, извлеченное из Словаря И.И. Срезневского и Словаря В.И. Даля, необычайно жизненно. Оно отражает, в первую очередь, суть явления – вещественное значение, а далее дает сакральное его понимание. Эта двуплановость раскрывает целостность слова в его онтологизме, что само по себе предстает как уникальное свойство, способное раскрыть важные смыслы, открывающие глубины национального характера.

Вместе с тем отсутствие четкой понятийной парадигмы, условность в иерархии значений – важные признаки обозначенных лексикографических источников. Сама семантическая структура предполагает дальнейшее развитие слова в плане расширения образа, укоренении его в понятии и смысловом расширении в символе.

Символ является конечной точкой жизни слова, однако процесс его формирования может продолжаться достаточно долго, тем самым демонстрируя свою укорененность в национальной картине мира [Энциклопедия 2005: 11]. Такое слово, только являясь выразителем жизни этноса в целом, способно жить вечно. В этом отношении оно предстает как уникальный и универсальный феномен. Описывая слово в плане фиксации этимона (перво-смысла. – Г.В., Е.Р.), реально-конкретных и сакральных смыслов, формирования первичного образа, четкого в своих границах понятия, В.И. Даль и И.И. Срезневский вплотную подходят к осознанию сущности, под которой современная когнитивная лингвистика понимает концепт. Современное понимание символа во многом отражает специфику «свернутой точки потенци-

альных смыслов» [Колесов 2004: 19], «архетипа мысли» [Колесов 2000: 68], «внутренней формы слова» [Колесов 2004: 54], отражающих, по существу, смысловое наполнение современного термина.

Концентрируя, с одной стороны, книжную культуру, сформировавшуюся в древнерусской литературе, а с другой – живую речевую стихию, включающую народную диалектную первооснову, данные лексикографические источники отражают целостное мировидение этноса. Их использование при описании языковой картины мира, как мы полагаем, является необходимым условием исследования ментальности. В противном случае речь может идти только о характеристике предельно сжатого периода бытования слова. Если же мы изучаем ментальность через языковые единицы, то просто необходимо объективно подходить к анализу конкретного материала. Скрупулезный анализ слова во всех его формах в этом плане необходим. К сожалению, современные исследования, посвященные вопросам ментальности, пренебрегают этой основополагающей составляющей трудоемкой аналитической работы, коей, по нашему убеждению, и является исследование глубин национального характера.

Исследуя слово-символ (концепт – *Г.В., Е.Р.*) в истинном его понимании, исследователи-концептологи опираются в основном на ассоциативные связи. Они, конечно, показательны в плане выражения ментальной сущности той или иной категории, но основное их свойство – мерцательный характер смыслов – не всегда продуктивно и убедительно отражает фундаментальные черты национального характера.

Так, например, само *слово*, определяемое как символ в словарях В.И. Даля и И.И. Срезневского, реализует довольно широкие в плане выражения философские бытийные смыслы. Сама по себе лексема несет ментальную информацию. Именно даром слова, по признанию авторов, отличается человек от других существ, населяющих мир. Осознание данного факта воплощалось в древней формуле, согласно которой «душа безбуквна мертва являет въ чловецех» (Св. Григорий Нисский, с. 238.). Являясь началом начал сакрального, слово выражало суть Божественного созидания. Широко известно, что «Словом Господним небеса утвердились» (Пс. 32, 6).

Особое пространственное понимание семантики слова накладывает свой отпечаток. Мировидение, безусловно, определяет движение его смыслов, однако и слово, в свою очередь, направляет развитие мысли. Особенно показательна в этом отношении лексема *дом*, символизирующая, с одной стороны, свое реально-физическое пространство, с другой – разрастающееся сакральное пространство: дом – город – страна – мир. На утилитарно-физические значения указывает Словарь В.И. Даля: «Домъ м. строение для

житья; въ городѣ, жилое строенье; хоромы; въ деревнѣ, изба со всѣми ухожами и хозяйствомъ. Крестьянскій домъ, изба; юж. хата, княжескій и вообще большой, вельможескій, палаты, дворець; помѣщичій, въ деревнѣ, усадьба; маленькій и плохонькій, хижина, лачуга; врытый въ землю, землянка. Умал. домецъ, домикъ, домокъ, домочекъ, домишка, домишечка; увел. домина, домища» [Даль 1863-66, т. III: 465 – 467]. При этом широкое синонимическое поле, воплощенное в видовых конкретизаторах, высвечивает чрезвычайно насыщенное ментальное значение дома в языковой картине мира.

Словарь И.И. Срезневского следующим образом представляет семантическую структуру данного слова: «домъ (с XI века) – это «жилище», «хозяйство», «семья», «род», «храм» [Срезневский 1958, т. I: стб. 699 – 702]. Эта лексическая единица, с одной стороны, в значении «род» преимущественно отражают языческое, циклическое, то есть раннее мировосприятие; с другой – в значении «семья» фиксируют христианские ценности, в целом не противоречащие древним идеалам. И, естественно, в лексеме *домъ* содержатся общечеловеческие смыслы этого обжитого пространства – «жилище» и «хозяйство».

В греческом языке слово *δῶμος* («свод; церковь» [Хориков 1980: 269]) актуализирует концептуально важные значения: «дом есть мир» и «мир есть дом».

Важно отметить и то, что в Словаре И.И. Срезневского отмечены дериваты *домъць* (*домецъ*) с семами «размер», «маленький», *домьныи* (прилагательное от *домъ*), *домочадица* в значении «принадлежащая дому, семьѣ» и *домочадыць* в значении «принадлежащій дому, семье» с семами «единение», «общность», «род» [Срезневский 1958, т. I: стб. 699]. При этом в памятниках древнерусской литературы наиболее частотным является словосочетание *въ домъ свои* (*въ дома свои, въ свои дома, въ дому своимъ*) [Срезневский 1958, т. I: стб. 700]. Кроме того, в указанном лексикографическом источнике слово *дом* обозначает и храм, что зафиксировано в словосочетаниях *въ мольбьныхъ домѣхъ, въ домоу святаго Ивана, Домъ сватынь Софины*, а также топоним *Новгородъ* и др. [Срезневский 1958, т. I: стб. 701]. То есть выстраивается уникальный синонимический ряд *дом – храм святой Софии – Новгород (город)*, в котором исследуемая лексема приобретает особое, сакральное значение, что подтверждается также наличием и толкованием имен собственных – *София* и *Новгород*. Все это свидетельствует о том, что в сознании древнего человека происходило выделение из особого освященного про-

странства особенного и одновременно наблюдалось разрастание, актуализация части (храма) как целого (города).

Таким же образом происходила и сакрализация страны как дома. Показательно в этом отношении функционирование фразеологического оборота *белый свет*, выступавший в значении «земля со всем существующим на ней; мир, вселенная». Эта языковая единица не определяет границы, не имеет четкого значения, так как соотносит разные по объему пространства и вместе с тем «обозначает земные пределы, которые, в принципе, можно познать и, следовательно, подчинить» [Колесов 2000: 235]. Необходимо также отметить, что словосочетание *белый свет*, возникшее в произведениях народного творчества, изначально обозначало только Русь (сравни, например, параллельно существующее словосочетание *Божий мир* с тем же значением и слово *свѣторусье*, то есть «русский мир, земля; белый вольный свет на Руси» [Даль 1863-66, т. IV: 159], зафиксированное в Словаре В.И. Даля).

Современное сознание не в состоянии постичь многие ключевые понятия нашего исконного мировоззрения, искаженно осознаются разные сущности. Это в большей мере касается слова как онтологической первоосновы религиозного сознания. Потеряв целый ряд важных смыслов, оно стало ущербным элементом дискретного видения, не отражающим в своем содержании весь объем концепта от первообраза, этимона, до функционирующих в языке реальных и сакральных смыслов. Эта неспособность передавать ключевые, на наш взгляд, значения обуславливает обращение к памятникам русского словесного искусства как хранилищу национальной ментальности.

Окружающий нас мир наполнен жизнью, и каждая деталь в мире человека непостижимым образом одухотворена. Великий русский поэт С.А. Есенин в «Ключах Марии» был уверен в том, что «мы заставили жить и молиться вокруг себя почти все предметы» [Есенин 1997: 192]. Это наше качество, наша идеология. Вот почему, без изучения этих смыслов, раскрывающих очень важную, ментально значимую информацию, невозможно сохранить язык как важный феномен национального Бытия. Современная наука должна опираться прежде всего на те источники, которые выражают, как мы полагаем, суть национальной идеи. Только в этом случае мы получаем возможность сохранить свой язык и возродить национальную культуру.

Не случайно, по признанию С.А. Есенина, «то, что было выжато и изъедено вплоть до корок рядом предыдущих столетий, теперь собирается по кусочкам, как открытие. Художники наши уже несколько десятков лет подряд живут совершенно без всякой внутренней грамотности. Они стали какими-то ювелирами, рисовальщиками и миниатюристами словесной мертвенности» [Есенин 1997: 206].

Библиографический список

- Виноградов В.В.* О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // Русская речь. – Пг., 1923. Вып. 1. – С. 195 – 293.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – СПб, 1863-66.
- Есенин С.А.* Ключи Марии // Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. – М., 1995 – 2002. Т. 5. Проза. – 1997. – С. 186 – 213.
- Звездова Г.В., Тетеркина С.В.* Уникальный универсализм слова как отражение целостности миробытия: историографический аспект // Язык и ментальность. – Санкт-Петербург, 2011.
- Колесов В.В.* Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002. – 448 с.
- Колесов В.В.* Язык и ментальность. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004.
- Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. – СПб., 2000.
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 тт. – М., 1958.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. – М.: Наука, 1964-1973.
- Федоров Н.Ф.* Философия общего дела. В 2 т. Т. 1. – М., 2003.
- Флоренский П.А.* Имена: Сочинение. – М., 2006.
- Хориков И.П., Малеев М.Г.* Новогреческо-русский словарь / Под ред. П. Пердикиса и Т. Пападопулоса. – М., 1980 (НРС).
- Энциклопедический словарь-справочник.* Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сковородникова. – М., 2005.
- Энциклопедия символов, знаков, эмблем.* – М., 2005.

В.А. Коробейникова

Саратов

ОБ ОДНОЙ МОДЕЛИ МЕТОНИМИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В статье на материале толковых словарей рассматривается своеобразие одной регулярной метонимической модели в семантической структуре качественных прилагательных, принадлежащих разным лексико-семантическим группам.

Ключевые слова: лексическое значение, оттенок (употребление) значения, метонимический перенос, модель переноса, регулярность, лексико-семантическая и словообразовательная деривация.

The article on the material of defining dictionaries considers the originality of one regular metonymic model in the semantic structure of qualitative adjectives belonging to different lexico-semantic groups.

Key words: lexical meaning, shade (use) value, metonymic transfer, transport model, regularity, lexical-semantic and derivational derivation.

Семантическая структура многозначного слова представляет собой совокупность иерархически упорядоченных, взаимосвязанных значений. Связь между значениями бывает разной в зависимости от признака, положенного в основу переноса наименования. Это может быть сходство обозначаемых реальных, и тогда говорят о метафорическом переносе, или их смежность, и тогда это метонимия. Перенос по смежности явлений распространен не только в сфере существительных, но и глаголов и прилагательных (см. работы Н.Д. Арутюновой, Д.Н. Шмелева, Л.А. Новикова, В.Н. Телии и др.).

Регулярность и своеобразие метонимических моделей в семантической структуре качественных прилагательных определяются, в частности, их принадлежностью к лексико-семантической группе (ЛСГ). Так, в ЛСГ пространственных прилагательных регулярными являются модели 'протяженный в пространстве' - 'расположенный в пространстве' (*высокий дом – высокий потолок*), 'расположенный в пространстве' - 'производимый в пространстве' (*далекий лес – далекий выстрел*), 'расположенный в пространстве' - 'расположенный во времени' (*близкий лес – близкий вечер*) и т.д. В ЛСГ прилагательных вкуса регулярной является модель 'имеющий признак' - 'приобретший этот признак' (*соленая вода – соленые огурцы*), в ЛСГ прилагательных, обозначающих осязательные ощущения, - модель 'имеющий свойство' - 'покрытый чем-то, имеющим это свойство' (*влажный воздух – влажный лоб*) и т.д. [Коробейникова 2009: 271; 2010:160-161]. Т.С. Щепина при исследовании прилагательных, обозначающих черты характера человека, обнаружила следующие регулярные метонимические модели: 'легко приходящий в смущение, застенчивый, стеснительный' - 'выражающий застенчивость, стеснительность' (*стыдливый юноша - стыдливое выражение лица*); 'склонный к какому-либо чувству' - 'выражающий это чувство' (*жалостливая баба – жалостливый взгляд*) [Щепина 1981: 29]. М.В. Сандакова отмечает, что в последние годы регулярной становится метонимическая модель 'свойство

субъекта' – 'свойство объекта' (*любопытная соседка – любопытный факт*) [Сандакова 2003: 84].

Проведенный нами анализ метонимического переноса в семантической структуре многозначных прилагательных разных ЛСГ показал, что наиболее частотной, повторяющейся является модель 'признак предмета' – 'носитель признака'. Приведем примеры: Учились бы, на *старших* глядя (Грибоедов); Первый тост за *молодых*; Идут одни дети и с ними ни одного *взрослого*; На *сладкое* подавали мороженое; Оставались только родные и *близкие* покойного; Он пил *горькую*; Обед был без *горячего*; *Мертвые* сраму не имеют и т.д. В.В. Виноградов писал о необходимости отличать от значений слова его употребление: «Значения устойчивы и общи. Употребление – это лишь возможное применение одного из значений слова, иногда очень индивидуальное, иногда более или менее распространенное. Употребление не равноценно со значением, и в нем скрыто много смысловых возможностей слова» [Виноградов 1972: 23]. Модель метонимического переноса 'признак' – 'носитель признака' использует эти скрытые смысловые возможности при формировании не только самостоятельных значений прилагательного, но и их оттенков, их употреблений, включенных в словарные дефиниции. Например: У *сильного* всегда *бессильный* виноват (Крылов); *Соленое* ему противопоказано; *Умный* побеждает *глупого*; Я требую *мало*, очень *мало*, чтобы не отталкивали меня (Тургенев); *Старые*, что *малые*, хочется, чтобы пожалел кто (Чехов); Все *живое* особой метой отмечается с ранних пор (Есенин) и т.д.

Модель метонимического переноса 'признак' - 'носитель признака' переводит слово в другую грамматическую категорию. Это довольно распространенное явление, зафиксированное в толковых словарях следующим образом: в разных своих значениях слово может принадлежать разным частям речи (см. слова *один*, *еще*, *мимо*, *рядовой* и под.). Е.И. Диброва пишет, что в результате именно метонимического переноса «могут появиться новые значения, принципиально различные по лексограммам (лексикограмматическим семам): предмет – его признак, действие - инструмент действия» [Диброва 2008: 207]. В связи с этим встает вопрос о способе подачи таких значений в толковом словаре. Употребление слова по метонимической модели «признак – носитель признака» – это значение или это новое слово как результат словообразовательного процесса? Субстантивация рассматривается в науке как самостоятельный способ словообразования [Земская 1992; Лопатин 1967 и др.]. Если *больной* в значении 'больной человек', *горячее* в значении 'горячая пища', *мертвый* в значении 'покойник' – это новые слова, то, видимо, в толковых словарях они должны быть помещены в самостоятельных словарных статьях.

Такая попытка была предпринята в «Большом толковом словаре русского языка» составителем и редактором С.А. Кузнецовым. Слова, значения которых сформированы по модели 'признак' – 'носитель признака', располагаются в БТС или отдельно (*больной*, *холодная*, *сладкое*), или в конце словар-

ных статей прилагательных как производные, после соответствующего знака – словообразовательной стрелки. Однако квалификация всех случаев употребления прилагательных как словообразовательных дериватов вызывает сомнение. Например, в качестве производных слов приведены такие употребления производящих прилагательных, как: Только *сильному* это по плечу; С *тупым* говорить – только слова тратить; Больному нельзя есть *соленое*; Она из детей *старшая* в семье; *Здоровые* не должны находиться вместе с больными и т.д. Вряд ли здесь можно говорить о словообразовании, тем более, что в других толковых словарях эти случаи рассматриваются либо как оттенки значений, либо как употребление прилагательного в значении существительного (ТСУ, БАС, МАС, СОШ). Следует отметить, что в БТС на самом деле эти разряды слов разграничиваются, но, на наш взгляд, недостаточно четко. С.А. Кузнецов пишет: «Производные слова, семантический объем которых меньше, чем у производного слова или равен ему, указываются в словарной статье производящего слова после знака < ...Производные слова, обладающие семантическими приращениями, дополнительными лексическими значениями, помещаются на своем алфавитном месте» [Большой 1998: 18].

Метонимическая модель «признак – носитель признака» является не только регулярной, но и продуктивной в современном русском языке. Она наблюдается в названиях художественных произведений («Далекое и близкое», «Живые и мертвые», «Толстый и тонкий»), в прозвищах людей (Длинный, Рябой, Косоглазый), при формировании новых значений в семантической структуре прилагательного. Так, в разговорной речи частотным стало употребление *мелкий* в значении ‘маленький ребенок в семье; младший ребенок в семье’. Например: *Мелкую* в садик отвела, старшего в школу забросила; Некогда было, *мелких* в кино водила. В современных толковых словарях такое значение (и употребление) не зафиксировано, однако оно в качестве вторичного реализуется в производных от *мелкий* существительных *мелкота*, *мелочь*, *мелюзга*. Приведем примеры: Остальные ребята – вовсе *мелкота*: одному три года, другому – четыре (Гайдар); Присутствие и внимание «больших», возбуждая нас, *мелочь*, вносило во все игры особенное оживление (Горький); Две старшие девочки... были года на три, на четыре моложе меня... Дальше шла *мелюзга*, которую я еще не интересовался (Вересаев).

Видимо, в данном случае мы наблюдаем влияние семантики производных слов (сема ‘возраст’) на лексическое значение производящего. Замечательно о тесном семантическом родстве однокоренных слов сказал В.И. Даль, отстаивая преимущество гнездового способа расположения слов в своем словаре: «Не усвоим ли мы себе легче утраченный нами дух языка при том гнездовом или семейном порядке составления словаря, какой читатели видят нынче перед собою?» [Даль 1998: XXVIII]. В словаре В.И. Даля слова *мелкота*, *мелочь*, *мелюзга* даны в словарной статье прилагательного *мелкий*.

Таким образом, метонимическая модель «признак – носитель признака» является регулярной и продуктивной. Она действует в семантической

структуре прилагательных разных лексико-семантических групп, очевидно, в силу особых отношений между грамматическими категориями имени прилагательного и имени существительного. По справедливому замечанию В.Н. Телии, «метонимически образованные наименования по самому своему характеру формирования – на основе смежности в самих обозначаемых – **ориентированы на функцию выделения** того, о чем сообщается» [Телия 1977: 212]. В отношениях «предмет + признак предмета» при метонимическом переносе выделяется, т.е. выдвигается на первый план сема признака, значение же характеризуемого объекта становится несущественным и поглощается семантикой прилагательного.

Библиографический список

- Арутюнова Н.Д.* Метонимия // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1997.
- Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 1998. – БТС.
- Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 1972.
- Даль В.* Напутное слово (Читано в Обществе Любителей Русской словесности в Москве, 21 апреля 1862 г.) // Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1998. – Т. 1. – С. V-XCVI.
- Диброва Е.И.* Структура значения многозначного слова // Современный русский язык: В 2 ч. Ч. 1. – М., 2008.
- Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. – М., 1992.
- Коробейникова В.А.* Метонимическая деривация прилагательного // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка. – Саратов, 2009.
- Коробейникова В.А.* Закономерности метонимического переноса в семантической структуре прилагательного // Предложение и слово. Книга 1. – Саратов, 2010.
- Лопатин В.В.* Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык: Грамматические исследования. – М., 1967.
- Новиков Л.А.* Лексическая семантика // Современный русский язык. – СПб., 1999.
- Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М., 2006. – СОШ.
- Сандакова М.В.* Об одной модели метонимического переноса качественных прилагательных // Русский язык в школе. – 2003. - № 1.
- Словарь русского языка. В 4 т. – М., 1981-1984. – МАС.
- Телия В.Н.* Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований). – М., 1977.
- Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М., 1947-1948. – ТСУ.
- Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика. – М., 2003.
- Щепина Т.С.* Прилагательные, обозначающие характер человека // Русский язык в школе. – 1981. – № 3.

Г.Н. Манаенко
Ставрополь

В ПОИСКАХ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА: СЛОВО? ПРЕДЛОЖЕНИЕ? ВЫСКАЗЫВАНИЕ?

В статье рассматриваются традиционные концепции языкового знака и отмечаются их противоречия. С позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы исследования языка обосновывается особый статус языка как семиотической системы и высказывания как основного языкового знака.

Ключевые слова: языковой знак, значение, сигнификация, коммуникация, слово, предложение, высказывание.

The article is devoted to the traditional conceptions of the language sign and their contradictions. The special status of the language as a semiotic system and the utterance as a basic language sign is justified from the viewpoint of the cognitive-dicurssive paradigm.

Key words: language sign, meaning, signification, communication, word, sentence, utterance.

Знаковость языка – одна из кардинальных проблем современной лингвистики, постановка которой принадлежит Ф. де Соссюру: «Язык есть система знаков, выражающих идеи, а следовательно его можно сравнивать с письмом, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т.д. и т.п. Он только наиважнейшая из этих систем» [Соссюр 2004: 40]. Соответственно, лингвистика определялась им как часть общей науки о знаках – семиологии (семиотики). В настоящее время ученые-лингвисты обязательно выделяют знаковый аспект при исследовании языка, отмечая при этом, что язык – это знаковая система особого рода.

В отечественной лингвистической традиции сложилось два подхода к пониманию сущности языкового знака. Поскольку язык представляет единство звука и значения, большинство языковедов рассматривают язык как двустороннюю сущность и определяют языковой знак как материально-идеальное образование. При этом языковой знак представляет единство мыслительного содержания (означаемого) и цепочки фонематически расчлененных звуков (означающего). Две стороны языкового знака, представляя неразрывное единство, позволяют обозначить и выразить определенный «кусочек действительности», вычлененные факты и события [ЛЭС 1990: 167]. Также отмечается, что означающее словесного знака построено по двухступенчатому принципу: из односторонних незначающих единиц плана выражения – фонем, представленных в каждом языке ограниченным числом артикулированных, «семасиологизированных» звуков, – и нижестоящим уровнем незначающих единиц означающего словесных знаков – дифференциальными призна-

ками фоном, выполняющих функции восприятия и различения фоном [там же]. Считается, что билатеральная трактовка языкового знака продолжает и развивает концепцию языкового знака Ф. де Соссюра, поскольку знак потому и знак, что нечто означает и обозначает.

Сторонники второго подхода – унилатерального – к знаку в качестве знакового аспекта языка рассматривают только соотношение между звуковым комплексом и его акустическим образом, т.к. «звуковые единицы языка в принципе не могут включать в себя психическое отражение действительности в качестве одной из своих сторон» [Попова, Стернин 2007: 164]. Именно поэтому звуковые комплексы лишь ассоциируются с психическими отражениями в сознании говорящих, поскольку акустический и смысловой коды мозга заложены в разных его структурах. Соответственно, «язык даже в той его части, которая хранится в мозгу человека, не может быть определен как система знаков. Язык не сводится к системе знаков, к акустическому коду, ибо в нем заключается и система смысловых образов (означаемых), смысловой код» [Попова, Стернин 2007: 165]. Как следствие «языковое» значение – ассоциативная связь между акустическим образом и «мысленным» образом (означаемым) – выводится за пределы семиотики. Если сторонники билатерального подхода считают слово основным знаком языка, то сторонники унилатерального подхода, определяя слово как основную единицу языка, выделяют в нем лишь знаковый аспект. В этом плане они во многом следуют за К. Ясперсом, противопоставлявшем «слова» и «знаки»: «Слово – это тоже знак, но и нечто большее. Эта избыточность актуального и потенциального значения полноты выражения, возможности коммуникации, способности побуждать к действию имеет своим источником универсальный метафорический характер всех звуковых образов и способность слов к постоянному пробуждению дремлющего смысла, порожденного историческими изменениями значений» [Ясперс 1995: 192]. При этом сразу заметим, что когда К. Ясперс использует термины «слово» и «язык», то под этим следует прежде всего подразумевать *осмысленное высказывание*, включенное в процесс коммуникации: «Подлинным чудом языка является то, как в употреблении слов благодаря взаимосвязи мысли, языкового изображения и структур предложений (*Darstellungen und Satzgestalten*) происходит возникновение значений из самых простых, повседневных слов» [Ясперс 1995: 193]. Надо отметить, что оба подхода к определению сущности языкового знака содержат неустраняемые внутренние противоречия и являются своего рода компромиссами, обусловленными теоретическими допущениями и ограничениями системоцентрической парадигмы исследования языка.

Знаки, а точнее, знаковые системы составляют особую область эмпирических и перцептивных объектов и представляют второй план функционирования идеальных форм, что обусловлено их двойной сигнификацией: предметные значения как идеальные формы событий, явлений, вещей становятся основой импликации как идеального действия, по сути, и представляющей вторую сигнификацию. Последняя не является одиночным идеальным действием, поскольку возможна не просто на основе предметных значений, но обязательно на основе их оппозиций, противопоставленности однопорядковых предметных значений. Идеальную форму вещи (ее предметное значение), использованную в знаковой функции не следует отождествлять с ее знаковым значением: отношение *план выражения / план содержания* и отношение *означающее / означаемое* соотносятся с разными абстрактными объектами и связаны с разными идеальными актами. Однако сторонники первого подхода, во-первых, допускают существование невероятного, с точки зрения здравого смысла, объекта – «материально-идеального образования», во-вторых, переводят *означающее* языкового знака, в отличие от Ф. де Соссюра, из психического (идеального) в материальное, тем самым отождествляя его с планом выражения. Сторонники второго подхода в качестве языкового знака рассматривают только соотношение *звуковой комплекс – звуковой образ*, лишая языковой знак конституирующего свойства знака как такового – его второй сигнификации.

Антропоцентрический принцип и деятельностный подход, определяющие современную научную парадигму, в том числе характеризующие и когнитивную лингвистику, позволяют утверждать, что любой знак может существовать только потому, что существует *понимающее* его сознание и обеспечивающая это понимание система культуры. Соответственно, любой знак, даже если понимать его как «материальный предмет (явление, событие), выступающий в качестве представителя нек-рого др. предмета, свойства или отношения, используемый для приобретения, хранения, переработки и передачи сообщений (информации, знаний)» [ФЭС 1989: 198] (что характерно для системоцентрической научной парадигмы), принципиально *коммуникативен*. Хотя здесь надо заметить, что современные теоретики семиотики, определяя для знака коммуникативную функцию в качестве обязательной, не всегда считают ее приоритетной. Так, Э. Холенштайн, утверждая о многофункциональности знаков, отмечает: «Коммуникативная функция, которая в последние десятилетия вышла благодаря прагматике на первый план, является одной из многих и вовсе не обязательно первичной – ни генетически, ни логически» [Холенштайн 1995: 15]. Однако, вслед за А.Н. Портновым, можно говорить о том, что концепция Э. Холенштайна не выводит нас за пределы

герменевтического круга, поскольку не в полной мере учитывает ментальный компонент семиозиса и не включает в себя в качестве условия момент динамики – движения от интенции к выраженному в знаках и значениях смыслу [Портнов 1995: 4-5].

Коммуникативность как обязательное свойство любого знака вновь обращает внимание на то, какую единицу языка считать языковым знаком – слово или предложение, и дезавуирует укорененное в языкознании мнение о том, что основным языковым знаком является слово (См., например: «Говоря о языковом знаке, лингвисты, как правило, имеют в виду слово. И это естественно. Слово – узловая единица языка, представляющая собой фокус взаимодействия различных языковых факторов – фонетических, семантических, грамматических, словообразовательных. Слово аккумулирует знание коллектива об обозначаемом явлении в виде значения и закрепляет его в системе языка, передавая это знание от человека к человеку, от поколения к поколению» [Гречко 2003: 57]).

Естественная сосредоточенность лингвистов на феномене связи между звуком и значением, допущение о двусторонней сущности слова, при котором оно становится носителем «кусочка знания о действительности», существующим вне человека и его деятельности, привели в традиционном языкознании к сведению проблемы языкового знака к процессу означивания и созданию концепции, согласно которой: «Язык как сложная система знаков характеризуется двукратным означиванием ее единиц, к-рое формируется первично в системе средств (в целях выделения и обозначения релевантных признаков предметов, явлений) и вторично в речи [с целью передачи информации прагматического (см. *Прагматика*) воздействия на участников коммуникативного акта]» [ЛЭС 1990: 167].

В немалой степени признанию слова основным языковым знаком способствовали теоретические разработки Э. Бенвениста, который приписывал языку два разных способа означивания – семиотический и семантический: «Сообщение не сводится к простой последовательности единиц, которые допускали бы идентификацию каждая в отдельности; смысл не появляется в результате сложения знаков, а как раз наоборот, смысл («речевое намерение») реализуется как целое и разделяется на отдельные «знаки», какими являются слова. Кроме того, семантическое означивание основано на всех референтных связях, в то время как означивание семиотическое в принципе свободно и независимо от всякой референции. Семантический аспект принадлежит сфере высказывания и миру речи» [Бенвенист 2002: 88]. В то же время трудно заметить, что Э. Бенвенист вывел из семиотической проблематики не только семантическое, но и прагматическое, редуцировав акт семиозиса к

процессу узнавания: «Семиотическое (знак) должно быть *узнано*, семантическое (речь) должно быть *понято*» [Бенвенист 2002: 88]. При этом следует иметь в виду, что им разграничивались единицы языка и языковые знаки: «Единица и знак – явления разного характера. Знак необходимо представляет единицу, но единица может и не быть знаком. Мы с уверенностью можем утверждать по крайней мере следующее: язык состоит из единиц и эти единицы являются знаками» [Бенвенист 2002: 82]. Таким образом, по Э. Бенвенисту, только слово может быть языковым знаком, более того, такая позиция дала основания многим лингвистам считать, что предложение (= высказывание) не является ни языковым знаком, ни единицей языка, относясь полностью к речи.

Между тем признание языковым знаком не только слова, но и предложения утверждалось в отечественной лингвистике еще с конца 60-х годов прошлого века. Весьма показательны в этом плане теоретические положения, разработанные В.Г. Гаком, о двух типах знаков в языке. Сравнивая естественный язык с другими знаковыми системами, в частности с системой дорожных знаков, ученый отметил, что обычно при этом сопоставляются единицы разных планов, в то время как любой знак представляет собою *сложное обозначение*: «Дорожный знак всегда однозначен, он непосредственно указывает на отрезок объективной реальности (ситуацию). В языке такому сложному знаку, соотносящемуся с ситуацией, являющемуся законченным продуктом семиотического акта, соответствует не слово, но предложение, точнее – высказывание. <...> Уже это сопоставление показывает, что в семиотических системах следует различать два типа знака: полный знак, представляющий собой законченный акт семиозиса (семиотического акта), непосредственно и однозначно указывающий на ситуацию, и частичный знак, составляющий элемент полного знака, хотя и имеющий отдельный референт» [Гак 1998: 205-206].

Анализируя и опровергая позицию Э. Бенвениста, В.Г. Гак доказывает, что предложение (высказывание) обладает всеми признаками знака: выступает в качестве чувственно воспринимаемого элемента, представляя «другое» в когнитивно-коммуникативной деятельности человека, обладает различительной функцией, относительной устойчивостью. Неограниченность же количества предложений (высказываний) является проявлением внутренней системности знаков, поскольку они состоят из определенного набора единиц низшего уровня, вступающих в парадигматические и синтагматические отношения [Гак 1998: 206-207]. В статье «О соотношении языка и действительности», опубликованной в «Вопросах языкознания» в 1972 году, В.Г. Гак приходит очень важному теоретическому положению, согласно которому ес-

тественный язык в отличие от других семиотических систем, прежде всего искусственных, является знаковой системой, позволяющей делать неограниченное количество сообщений [Гак 1998: 211]. Все расхождения в трактовке языкового знака между Ф. де Соссюром и Э. Бенвенистом ученый видит не только в терминологическом и концептуальном планах, но и в самой сложности знаковых отношений в языке: «В системе, на уровне языка, знаковые отношения объединяют языковой элемент (имя) и понятие – сигнификат, под которое подводится соответствующий класс предметов. Иначе быть и не может, поскольку в отвлечении от конкретной реальности и вне конкретного акта коммуникации имя может быть сопоставлено только с представлениями и понятиями о реальных предметах, связях между ними и т.п. В конкретном акте коммуникации положение меняется. Здесь имя используется для наименования элементов объективной реальности. В акте номинации устанавливается связь между наименованием, выражающим определенное понятие, и предметом (денотатом). Итак, если на *уровне языка* знаковые отношения представляют собой соотнесенность: наименование ↔ сигнификат / денотат, то на *уровне речи* лингвистический знак характеризуется уже отношением: наименование / сигнификат ↔ денотат (Выделено курсивом мною. – Г.М.)» [Гак 1998: 213]. Из чего следует, что в речи «не слово, но высказывание выступает как подлинный полноценный лингвистический знак» [Гак 1998: 215].

Признание высказывания полноценным языковым знаком гармонично коррелирует со многими положениями концепции В.С. Юрченко и, в первую очередь, с его трактовкой соотношения слова и предложения как единиц языка. Опираясь на позицию В.А. Звегинцева, согласно которой словам «совершенно необоснованно присваиваются права самостоятельного сношения с внешним миром и получения от него непосредственным образом значений, которые затем от слова как от языкового центра трансполируются во все направления – вниз на морфемы и вверх на предложения. Значения предложений, таким образом, собираются или составляются из значений слов. Встать на такую точку зрения и превратить слово в центр лингвистической вселенной значит разрушить строгую космогонию языковой системы, разорвать и исказить существующие в ней связи, отдать ее во власть во многом случайных сил, находящихся за пределами языка, и – самое главное – пренебречь очевидными фактами» [Звегинцев 2001: 86-87], саратовский ученый отмечает, что подобная точка зрения приводит к искажению сущности языка в целом, поскольку уровень неактуализированной лексической семантики находится между грамматической структурой языка – предложением и единицей речи – высказыванием [Юрченко 2000: 165].

При этом разграничиваются 1) *абстрактное предложение* – как единица системы языка, представляющая собою грамматическую структуру, соотносительную, на наш взгляд, с общепризнанной структурной схемой предложения; 2) *конкретное предложение* – как единица системы языка, представляющая собою абстрактное предложение, заполненное переменными, т.е. потенциально возможными, лексическими единицами; и 3) высказывание – как единица речевой деятельности, представляющая собою актуализированное в речи конкретное предложение. При этом подчеркивается, что общение между людьми осуществляется не на уровне единиц языковой системы – конкретного, а тем более абстрактного предложений, но на уровне высказывания, являющегося проявлением деятельности человека [Юрченко 2000: 165]. Именно поэтому, с нашей точки зрения, возможно создание нескольких языковых знаков – высказываний – на основе одного конкретного предложения как единицы языковой системы.

Примечательно, что В.С. Юрченко, проводя различие двух лингвистических объектов: конкретного предложения как единицы языка и высказывания как единицы речи и в то же время считая высказывание органическим продолжением конкретного предложения [Юрченко 2000: 296], полностью перекликается с отношением М.М. Бахтина к традиционным синтаксическим теориям и его позицией по данному вопросу: «Предложение как единица языка имеет грамматическую природу, грамматические границы и грамматическую законченность и единство. <...> Там, где предложение фигурирует как целое высказывание, оно как бы вставлено в оправу из материала совсем иной природы. Когда об этом забывают при анализе предложения, то искажают природу предложения (а одновременно и природу высказывания, грамматикализуя ее). Очень многие лингвисты и лингвистические направления (в области синтаксиса) находятся в плену такого смешения, и то, что они изучают как предложение, есть, в сущности, какой-то *гибрид* предложения (единицы языка) и высказывания (единицы речевого общения)» [Бахтин 1986: 267].

Таким образом, синтаксическая концепция В.С. Юрченко подтверждает трактовку высказывания в качестве основного и исходного языкового знака и понимание языка не как системы, состоящей из «готовых» знаков – слов и предложений, но системы, предназначенной для производства бесконечного количества знаков.

Библиографический список

- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 2002.
Гак В.Г. Языковые преобразования. – М., 1998.

- Гречко В.А.* Теория языкознания: Учеб. пособие. – М., 2003.
- Звегинцев В.А.* Предложение и его отношение к языку и речи. – М., 2001.
- Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Общее языкознание. Учебное пособие. – М., 2007.
- Портнов А.Н.* Философия языка и семиотика: проблемы, решения, задачи исследования (Вместо предисловия) // Философия языка и семиотика. – Иваново, 1995. С. 3 – 13.
- Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. – М., 2004.
- Философский энциклопедический словарь.* – М., 1989.
- Холеништин Э.* Универсальная семиотика // Философия языка и семиотика. – Иваново, 1995. С. 14 – 32.
- Юрченко В.С.* Очерки по философии языка и философии языкознания. – Саратов, 2000.
- Ясперс К.* Язык // Философия языка и семиотика. – Иваново, 1995. С. 184 – 203.

Т.И. Мурзаева
Саратов

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРАХ НА ТЕРРИТОРИИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье исследуется современное состояние южнорусских говоров Саратовской области, рассматриваются изменения фонетических и грамматических диалектных особенностей.

Ключевые слова: *современные русские народные говоры, изменения, южнорусские особенности.*

The article examines the contemporary situation of the South-Russian dialects in the Saratov region and analyses dialectical peculiarities and their changes on the grammatical and phonetic levels.

Key words: *modern Russian folk dialects, change the southern Russian features.*

На территории Саратовской области есть небольшие сравнительно однородные по языковому комплексу массивы южнорусских диалектов. Это прежде всего говоры южных районов Саратовского Заволжья: Новоузенского, Питерского, Александрово-Гайского. Все они в той или иной мере соотносятся с Восточной группой южнорусского наречия. Л.И. Баранникова выделяла говоры северной части Ивантеевского района в Бартеневскую группу, к которой относила диалекты сел Бартеневка, Ишковка и Николаевка [Баранникова 1977: 20]. В них обнаруживаются признаки Курско-Орловской группы [Баранникова 1958: 29; Мурзаева 2011: 192]. На большей части территории Саратовской области южнорусские говоры встречаются в рассеянном распространении.

Исконные диалектные комплексы на территории позднего заселения обычно претерпевают существенные изменения. С одной стороны, им свойственна неполнота набора характерных признаков, с другой стороны, сами эти признаки переживают определенную динамику. Типичной в этом отношении является ситуация в говоре с. Клевенка Ивантеевского района.

По данным «Атласа русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья» Л.И. Баранниковой, в 50-60-х годах XX в. в Клевенке (на картах № 335) наблюдался диалект южнорусского типа. Основные его особенности: аканье, умеренное яканье, фрикативное образование звонких заднеязычных согласных, твердый долгий глухой шипящий, параллельное употребление форм родительного падежа существительных типа *у сестре* и *у сестры*, отсутствие стяжения в окончаниях прилагательных, неустойчивость среднего рода, южнорусские формы личных местоимений родительного и винительного паде-

жей *мене, тебе*, [т'] в окончаниях глаголов 3 лица, возвратные формы с постфиксом *–си*, инфинитивы типа *плесть* [Баранникова 2000].

Новые записи сделаны во время диалектологической экспедиции 2012 г. (хранятся в диалектологической фонотеке научно-образовательного центра СГУ им. Н.Г. Чернышевского «Культура и речь Саратовского края»). Отметим грамматические особенности, характеризующие современное состояние говора.

Переход существительных из среднего рода в женский по-прежнему актуален: *сяло была такая грамадная, сяло пачти фся згарала, пачти фсю сяло знаю, извищения пришла, детства была трудная, у нас свиданья была, воспитанья нихарошая, адиялу, фсю времичку, штоб зёрнушка шла*. Третье склонение сближается с первым: *вот такая жызня, фся жызня наша праила такая, фсю жызню, церква, ночий, балезня, з дочирий, с матирий, ф стипé*. Слово *мальчишка* обнаруживает признаки 2 склонения: *згубили мальчишка*. Параллельно существуют южнорусские и севернорусские формы родительного падежа существительных 1 склонения: *ат мами, у мами, у папи, но биз работы*. Расширена сфера употребления окончания *–у* в предложном падеже ед.ч. 2 скл.: *в этъм даму́, в одном даму, на канцу*. Формы творительного падежа мн. ч. после основы на заднеязычный присоединяют окончание *–ими*: *плиткими, рубечькими, падушками, девушками, матыгими, ниткими, спичками, палками, маргушками, с пряниками*. В родительном падеже мн. ч. флексия *–ов* возможна не только в мужском, но и в женском роде: *игрьф, лисъф*. Южнорусской флексией характеризуются формы именительного падежа множественного числа исконно среднего рода: *яйцы, валчаты*. В то же время отмечено расширение сферы употребления окончания *–а*: *шаля́, вьратá, матиря́, дъчеря́, вьласá, платья́, частя́, скътника́*. Специфичны формы *курей* (кур), *курям* (курам).

В формах личных и возвратного местоимений в родительном падеже употребляется южнорусское окончание *–е*: *у мене, у тебе, у сибе, ис-път сибе* (и даже без предлога: *он старшы мене был*); аналогично в винительном падеже: *ты мене ни пьдымай, вылил на сибе, чирис сибе, тебе зажала; реже у миня, прьвадили миня*. Неличные местоимения отражают взаимодействие форм творительного и предложного падежей единственного числа мужского рода, проявляющееся в омонимии в одних случаях в пользу творительного, в других – в пользу предложного: *на этим мести, на этим баку* (а также *в этъм даму́*), *ф каким-нибудь, с нём*.

Стяженные формы употребляются лишь у притяжательных местоимений в родительном и винительном падежах: *на ацца на маво, хачю сваво хлеба, маво Ванички*. Имена прилагательные, неличные местоимения и порядковые числительные имеют двусложные окончания, характерные для южнорусского наречия: *анярацью зделали фтаруя, на высату такауя, у каво какейи, радныйи какейи-нить*. В именительном падеже ед. ч. мужского рода после

основы на заднеязычный сохраняется исконно русское окончание прилагательного: *малинькѣй, харошынькѣй, милинькѣй*.

Глаголы с безударными личными окончаниями относятся к общему спряжению, поэтому в 3 лице мн. ч. наблюдаются формы типа *ходят, гонют, схаронют, атпорют, заставют, возют, звонют*. Возвратные формы глаголов прошедшего времени мужского рода имеют постфикс *-си*: *закрылси, атслужылси, начиналси, бирёмси*; на стыке возвратного постфикса с окончанием 2 лица ед. числа осуществляется регрессивная ассимиляция согласного: *никуда ни денисси, спускайисси, падымисси, байисси*. В положении после гласных обнаруживается тенденция к стандартизации постфикса *-ся*: *баялсья, влюбилсья, называлсья*, хотя возможны и общеупотребительные *дралась, асталась, баялась*. В основах глаголов наблюдается унификация чередований и аналогическое выравнивание: *пикёт, выбиула, ёхай, ёздийит, радъвищица, складáл, насытит, ляжу, прапáнит* (пропадёт). Спрягаемые формы глаголов *валить* и *платить*, исторически испытавшие перенос ударения с окончания на основу, отмечены с ударным [о]: *свóлит, плóтиши*.

Рассматриваемый говор сохраняет ряд синтаксических особенностей. Одна из них – употребление полной формы причастия или прилагательного в соответствии с литературной краткой в именном составном сказуемом: *Был этът зделанный кримлёфский дварец. Ана щяз жывая нет ли. К труду ани ниспособныйи*. С подлежащим, выраженным существительным с собирательным значением, сказуемое согласуется не по форме, а по смыслу: *фсѣ сяло хадили*. Встречается повтор предлога при постпозитивном определении: *с калошами с ризинъвыми, на ацца на маво*. Предлог *с* употребляется в соответствии с *из*: *пришол с армии, с Пензы приехала, с Маркса, с Клебенки*.

Основные черты описанной грамматической системы говора чрезвычайно распространены на территории Саратовской области. Это показали экспедиции, проведенные в 2003 – 2012 гг. в села Куриловка и Дмитриевка Новоузенского района, Бартеневка, Ишковка, Ивановка Ивантеевского района, Большая Таволожка Пугачевского района, Новорепное и Орлов-Гай Ершовского района. Различия представлены в формах 3 лица глаголов.

Наиболее последовательно южнорусские окончания с *-ть* употребляются в говорах Новоузенского района, хотя и в них отмечены варианты с *-т*. В традиционном говоре они единичны, а в речи интеллигенции преобладают. В Бартеневке и Большой Таволожке чаще употребляются формы на *-ть*, но твердые окончания не столь редки. Здесь ситуация осложняется случаями сохранения реликтовых форм без [т] в окончаниях: *привóзя (привозят), икупá (искупает), патхóдя (подходит), прахóдя (проходит), ұлас сафсем ня видя (не видит), лапша-ть эт сохня (сохнет), хърашо щами пáхня, дочь рабóтая врачом, друуая ұазеты таскáя, он ұаняя их, навернь дёржы бох мя*. В Клебенке, Новорепном и Орлов-Гае [т] в окончаниях глаголов 3 лица единственного и множественного числа только твердый.

Фонетические системы названных говоров в отдельных звеньях могут существенно отличаться.

В большинстве говоров наблюдается недиссимилятивное аканье. Лишь в Бартеневке и Ишковке обнаружено диссимилятивное аканье жиздринского подтипа, который характеризуется произношением [ъ] только перед ударным [а]: *зъшла́, дъйáркъй, първа́ли, хвъта́ла, нъзва́ли, дръва́ми, скъза́ть, кумъвья́, зъпля́шыш*. Перед остальными ударными гласными в предударном слоге произносят [а]. В настоящее время идет процесс разрушения этой системы, в результате чего встречаются случаи произношения [а] перед ударным [а]: *пашла́, хварáим, бальши́я, паня́тна, дава́ль*. В этих же населенных пунктах обнаружено диссимилятивное яканье суджанского подтипа. Перед ударным **а** произносят [и]: *пикла́, виза́ла, увилá, умирла́, дитя́м, лидя́нка*; перед ударными гласными верхнего подъема наблюдается [а]: *зъвяду́ть, принясу́, бяру́, зямли́, пьдвяли́*. При этом [а] отмечается также перед ударными этимологическими **о** и **Ѡ**: *сляпо́й, саякро́фки, с пярóм, вясно́й, мятло́, пярó, вядро́*; перед **е** из этимологических **е**, **ятя**, а также перед **е > о** зафиксирован звук [и]: *визде́, типе́рь, пире́дня, ниде́ля, абйиде́нья, улиде́ли, сире́тка, визе́ть, рибё́нка*. Приведенная система обнаруживает тенденцию к разрушению. С одной стороны, произношение [и] распространяется на позиции, не свойственные суджанскому яканью, особенно перед ударным **и**: *пъсриди́, лити́т, дили́ли, дъ сими́, пирнисли́*. Такие случаи можно рассматривать как тенденцию к развитию умеренного яканья. С другой стороны, в ряде случаев отмечается нехарактерное для этой системы произношение звука [е]: *сестра́, пекла́, тепла́, леула́, венцы́, везли́, в лесу́, привезу́, седмо́вь, светло́, седо́й, свекро́в*.

Значительно чаще, чем диссимилятивное, на территории Саратовской области встречается ассимилятивно-диссимилятивное яканье. Материалы начала XXI в. отражают этот тип вокализма в речи жителей сел Новорепное, Орлов-Гай и Большая Таволожка (по данным «Атласа» Л.И. Баранниковой это смешанные южнорусские и среднерусские говоры). В традиционном говоре с. Орлов-Гай ассимилятивно-диссимилятивное яканье близко к сильному: перед ударными гласными верхнего подъема произносится *пяку́т, лянивый, васы́* и даже *аспярин*; перед **а́**: *адява́лись, спярва́, тьяят, мъямата́ика*; перед гласными среднего подъема: *тярпеть, лят'ели́ (é из ятя), дяло́ф, вясно́й, дяляко́ (ó из о под восходящим ударением), свякро́вью, чирядо́м, флярёт, ляпёшки*, но: *типе́рь, визде́, дите́й, в диревни, интиресный* (ореховский подтип).

Сходный тип вокализма зафиксирован в традиционном говоре с. Новорепное. Разница в том, что ассимилятивно-диссимилятивный тип выявляется с меньшей последовательностью, не определяется разновидность, а отклонения возможны практически перед любым ударным гласным. Так, вместо ожидаемого [а] произносят [е]: *детя́м (и дят'áм), атмечя́ли, дете́й (и дятё́й), текёт, пьсреди́н'и*. Возможно, диалектная норма взаимодействует с

орфографическим образцом, в результате чего иногда наблюдается широкий *a*-образный звук [e]. В южнорусском говоре с. Ивановка отмечено ассимилятивно-диссимилятивное яканье кидусовского подтипа, при котором предударный [и] произносятся перед *e* любого происхождения, а также перед *'o*: *дирэвня, улидэли, привизём, рьссмиёмси* и т. п. В остальных позициях наблюдается [a].

Показательны материалы, записанные от уроженки с. Орлов-Гай 1925 г. рождения. Она окончила Новоузенское педучилище, после чего до пенсии работала учителем начальных классов в родном селе. В ее речи наблюдаются лишь следы яканья: *Яфимьвна, умярла, яму́, читвярых, сястра, тьржаство*. [a] сохраняется только в позиции перед твердыми согласными, что свидетельствует о тяготении предударного вокализма после мягких согласных к принципу умеренности. Звук, средний между [e] и [a], отмечен в случаях *умерла, не буду, лекарство, неплохо*. В большинстве примеров в данной позиции преобладает звук [e].

В с. Клевенка в 1-м предударном слоге после мягких согласных перед твердыми согласными чаще всего произносится [a]: *взю́т, пьвярну́ла, бяру́, мастярску́ю, дяла́, витряна́я, Алякса́ндрыч, вясна́, выляза́йт, сяло́, висяло́, кьялясо́, пьвязло́, витяро́к*; реже [e]: *беу́т, Белу́ха, привезла́, выреза́ют, лесо́ф, йеуо́р*; возможен звук [и]: *двина́ццать, Ликса́ндра, хлиста́ть, притсида́тилим, дя́ликó*; перед мягкими согласными чаще наблюдается [и]: *ми́ньшю́ха, ризи́нньвы́ми, привизи́, блисти́т, рибя́та, атличя́лись, плимья́нница, бирё́т, Сирё́жу, фпирё́т, типе́рь, дите́й, пьнидэ́льник, звине́л*; реже, но достаточно часто произносится [e]: *бе́рити, пьвели́, пери́ну, плечя́ми, фстречя́ть, везе́т, берё́мси*. Очевидны отчетливые признаки умеренного яканья, которое к настоящему времени значительно разрушилось.

В системе согласных в говорах Ивантеевского и Новоузенского районов последовательно сохраняется [ɣ] фрикативный. В большинстве других говоров он сосуществует с [г] смычно-взрывным. Их соотношение может быть различным. В Большой Таволожке произношение [ɣ] фрикативного преобладает. В Клевенке речь старшего поколения в этом отношении неоднородна. У одних информантов [ɣ] и [г] встречаются одинаково часто: *у́варю, бау́атеи, иу́рают, приу́лядыва́лись, леу́ли* и в то же время *смагу, запря́гут, гот, грабля́ми, грабни́ца*. Другие жители села чаще употребляют смычно-взрывной [г], хотя нередко обнаруживают и фрикативный [ɣ]. Некоторые информанты уже перешли на смычно-взрывную артикуляцию звонкого заднеязычного, однако в конце слов у всех наблюдается оглушение фрикативного заднеязычного: *крух, снех, пабёх, лёх, аврах, нох, парох, денех, вдрух, налох, кних, падрух*. Оглушение смычно-взрывного звука встречается редко, обычно в вариантах *дэ́ник//дэ́них, падру́к//падру́х, вдрук//вдрух* и в заимствованном слове *хиру́рк*. В с. Орлов-Гай рефлексy звонкого фрикативного заднеязычного согласного проявляются лишь в конце слов в виде его оглушения в [x]: *денех, снех, плух, Алех, друх*. Перед гласными и сонорными согласными

произносят [г]: *гаршки, горът, гъварит, агарот, гадоф, няграмътная, глядеть* и т.п.

Для современного состояния говоров Саратовской области, исконно имевших южнорусскую основу, важно отметить следующее.

1. Грамматические особенности рассматриваемых диалектов обнаруживают ряд одинаковых черт. Многие из них характеризуются значительной устойчивостью.

2. Преобразования в морфологической системе говоров имеют общее направление. В системе глагола наиболее существенным является переход к употреблению форм 3 лица с [т] в окончании. Говоры Саратовской области представляют все стадии этого перехода: 1) исключительное распространение диалектных форм при единичных литературных, 2) преобладание диалектных форм, 3) равноправное сосуществование диалектных и литературных форм, 4) преобладание литературных форм при единичных диалектных, 5) исключительное распространение литературных форм.

Употребление форм личных и возвратного местоимений характеризуется сосуществованием диалектных и литературных форм, при котором может быть преобладание либо тех, либо других.

3. Несмотря на существенную разницу в подсистемах предупредительного вокализма, преобразования в них имеют общую тенденцию к освобождению предупредительного гласного от какой-либо зависимости или к упрощению принципа этой зависимости. Весьма вероятно также взаимодействие диалектной нормы с орфографическим образцом, в результате чего в являющихся говорах появляется произношение [е] вместо ожидаемых [а] или [и].

4. В говорах Саратовской области проявляются все стадии перехода от [г] к [γ], однако фонологически этот переход не завершен, о чем свидетельствует конечный [х] вместо ожидаемого [к] в речи информантов, утративших фрикативное произношение звонкого заднеязычного согласного.

Библиографический список

- Баранникова Л.И.* Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья. – Саратов, 2000.
- Баранникова Л.И.* К проблеме классификации говоров территории позднего заселения // Говоры территорий позднего заселения. – Саратов, 1977.
- Баранникова Л.И.* Работа кафедры русского языка Саратовского пединститута по изучению говоров русского языка // Уч. зап. Сарат. пед. ин-та. 1958. – Вып. 30.
- Мурзаева Т.И.* Курско-орловский диалектный комплекс на территории Саратовской области // Русская устная речь: Материалы международной научной конференции «Баранниковские чтения». – Саратов, 2011.

И.И. Прибыток
Саратов

ВСЕ ЛИ АНГЛИЙСКИЕ МЕСТОИМЕННИЯ ЯВЛЯЮТСЯ СЛОВАМИ?

В статье предпринимается попытка доказать, что не все английские местоимения являются словами, а только те, которые занимают самостоятельную позицию в предложении и выполняют функцию того или иного члена предложения. Местоименные детерминативы причисляются к классу клитик и исключаются из состава местоимений как особой части речи.

Ключевые слова: слово, клитика, морфема, член предложения, детерминатив, синтагматическая ось.

An attempt is made in the paper to prove that not all pronouns are words, but only those that occupy an independent position in the sentence and perform the function of this or that sentence member. Pronoun determiners are qualified as clitics and excluded from the class of pronouns as a separate part of speech.

Key words: word, clitic, morpheme, sentence member, determiner, syntagmatic axis.

Традиционно считается, что слово характеризуется отчетливой выделенностью на синтагматической оси [Смирницкий 1954: 4; Гак 1990: 465]. В этом отношении английские местоимения, на первый взгляд, не отличаются от других слов. Так, нижеприводимое предложение включает семь слов, в том числе два местоименных слова 'he' и 'his':

He was looking at his wrist watch (J. D. Salinger).

При ближайшем рассмотрении, однако, становится очевидным, что местоименные слова отнюдь не идентичны знаменательным словам, например, существительным и прилагательным. Существительные и прилагательные осуществляют назывную функцию [Виноградов 1972: 16]. Местоимения не способны называть предметы и их признаки. Они могут лишь указывать на них в самых общих чертах, конкретизируемых контекстом или речевой ситуацией. Например, личное местоимение 'I' может обозначать женщину, мужчину, ребенка и даже животное или какой-либо предмет в сказках [Смирницкий 1959: 178].

Обозначение предметов существительными не зависит от говорящего и конситуации. Любой англоязычный говорящий в любой конситуации назовет «стол» существительным 'table'.

Не зависит от говорящего и конситуации также квалификация постоянных признаков предмета. Так, никто не назовет квадратный стол круглым. Что касается оценки реляционных признаков предметов, то она, естественно, более субъективна и варьируется не только от индивидуума к индивидууму, но и у одного индивидуума в зависимости от возраста, психического состояния и т. д. Сравните, например, восприятие одной и той же книги разными

людьми и одним и тем же человеком в разные периоды его жизни. Тем не менее, оценка реляционных признаков не является полностью субъективной. Так, вряд ли кто назовет непорядочного человека порядочным.

Среди существительных есть слова, значение которых, как и значение местоимений, варьируется в зависимости от конситуации. Так, не существует определенного конкретного дня, который всегда назывался бы 'yesterday', 'today' или 'tomorrow'.

По мнению А.И. Смирницкого, несмотря на относительность значения этих слов, они обозначают время не как местоимения, а как существительные: в них речь идет именно о дне, а не о неделе, месяце или годе, то есть они лишены той обобщенной силы, которая свойственна местоимениям [Смирницкий 1959: 195]. Поэтому ученый относит слова типа 'yesterday', 'today', 'tomorrow' к существительным, а не к местоимениям.

Наиболее ярко своеобразие и гетерогенность местоимений проявляется на синтаксическом уровне. Одни местоимения, по наблюдениям отца английской грамматики Г. Суита, выполняют функции, типичные для существительных, другие функционируют как прилагательные [Sweet 1900: 69]. Ср.:

Where did you hear that? (P. G. Wodehouse) – местоимения-существительные.

Make up your mind (P.G. Wodehouse) – местоимение-прилагательное.

Несмотря на известную близость местоимений к существительным и прилагательным, их нельзя растворять в существительных и прилагательных, так как они имеют свою специфику в плане сочетаемости и функции. В отличие от существительных, местоимения не сочетаются с артиклями (единственное исключение представляет местоимение 'other') и обычно не определяется прилагательными. Случаи типа *Silly me* (Santa Barbara Corpus of Spoken American English) встречаются исключительно редко. В отличие от прилагательных, местоимения не сочетаются с наречиями степени в препозиции.

В функциональном плане местоимения-существительные и местоимения-прилагательные находятся на разных полюсах. Если местоимения-существительные действительно выполняют функции, свойственные существительным, а именно функции подлежащего и дополнения, то вопрос о функции местоимений-прилагательных является дискуссионным. Для прилагательного, как известно, характерна функция определения, поскольку прилагательное называет тот или иной признак предмета, то есть определяет его:

He was a white man (K. Vonnegut).

Что касается местоимений-прилагательных, то они не дают никакой объективной или субъективной характеристики следующему за ними существительному. Они выполняют служебную функцию детерминатива существ-

вительного. Детерминатив – это знак, способствующий однозначному прочтению и пониманию основного слова [Полонская 1990: 131], с которым оно употребляется:

Her expression was unchanged (K. Vonnegut).

Подводя предварительные итоги, можно отметить, что все английские местоимения легко выделяются на синтагматической оси, но отнюдь не все местоимения характеризуются синтаксической самостоятельностью, что свидетельствует о гетерогенности класса местоимений.

Те местоимения, которые занимают самостоятельную позицию в предложении (в терминологии Г. Суита, это местоимения-существительные), являются словами:

I didn't expect you (R. Rendell).

The flat had been hers for fifteen years (R. Rendell).

She made herself not look at them (R. Rendell).

Те местоимения, которые занимают не самостоятельную, а присловную позицию (в терминологии Г. Суита, это местоимения-прилагательные), являются не словами, а клитиками [Прибыток 2013: 50]. Клитика – это переходное явление между словом и морфемой [Плунгян 2000: 28]. В плане выделяемости на синтагматической оси клитика стоит ближе к слову. В плане семантической, акцентной и синтаксической самостоятельности клитика стоит ближе к грамматической морфеме, образуя смысловое, просодическое и синтаксическое целое с опорным компонентом (словом или словоформой), которое можно назвать клитическим комплексом [Прибыток 2012: 168].

Такие части речи, как существительные, прилагательные (реже – наречия) также нередко употребляются в присловной позиции. Ср.:

The peace talks will take place in Cairo (Oxford Collocations Dictionary).

We had a long talk about her father (Collins Cobuild Learner's Dictionary).

We shall need outside help for this job (A.S. Hornby, A.P. Cowie, A.C. Gimson).

Однако благодаря актуализации назывной функции они и в присловной позиции сохраняют статус слова [Прибыток 2013: 50].

Поскольку по частям речи классифицируются только слова, местоименные клитики следует исключить из состава местоимений как особой части речи.

Разумеется, при анализе клитических комплексов следует учитывать гетерогенный характер клитик. На современном этапе это можно сделать, только используя традиционную частеречную терминологию, поскольку учение о клитиках в настоящее время находится в стадии зарождения. Представляется возможным выделить притяжательные, указательные, неопределенные, отрицательные и другие местоименные клитики. Ср.:

My house is near the station (Cambridge Learner's Dictionary) – притяжательная местоименная клитика.

How much are those shoes? (Cambridge Learner's Dictionary) – указательная местоименная клитика.

Have you got any coffee? (J. Dooley, V. Evans) – неопределенная местоименная клитика.

The house had no garage and there was no car on the short driveway (R. Rendell) – отрицательная местоименная клитика.

Местоименные клитики, как правило, являются безударными компонентами клитических комплексов. Лишь отрицательная местоименная клитика 'no' является носителем основного ударения, поскольку отрицание всегда относится к числу коммуникативно значимых элементов [Ившин 2002: 206] и никогда не теряет ударения.

Итак, не все английские местоимения являются словами, а только те, которые характеризуются синтаксической самостоятельностью в предложении. Так называемые местоимения-детерминативы, которые лишены синтаксической самостоятельности в предложении, образуют класс клитик, занимающих переходное положение между словом и грамматической морфемой.

Иными словами, при отсутствии назывной функции главным показателем словесного статуса определенной последовательности звуков является ее самостоятельное функционирование на синтагматической оси.

Библиографический список

Виноградов В.В. Русский язык. – М., 1972.

Гак В.Г. Слово // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

Ившин В.Д. Синтаксис речи современного английского языка. – Ростов-на-Дону, 2002.

Плунгян В.А. Общая морфология. – М., 2000.

Полонская М.С. Детерминатив // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

Прибыток И.И. Грамматические категории английского имени и глагола. – Саратов, 2013.

Смирницкий А.И. К вопросу о слове // Труды ИЯ АН СССР. – Т. I. – М., 1954.

Смирницкий А.И. Морфология английского языка. – М., 1959.

Sweet H. A New English Grammar, Logical and Historical. – P. I. – Oxford, 1900.

М.А. Харламова

Омск

НАРОДНАЯ ЖИЗНЬ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ¹

Автор на примере одной словарной статьи «жизнь» демонстрирует специфику понятийного диалектного словаря народной речи Среднего Прииртышья, отражающего традиционную народную культуру.

Ключевые слова: диалектная картина мира, народная речь, понятийный диалектный словарь.

The author on the example of one dictionary entry "life" shows specifics of the conceptual dialect dictionary of folk speech of Sredneye Priirtyshje reflecting traditional national culture.

Keywords: dialect picture of the world, folk speech, conceptual dialect dictionary.

Составление диалектных словарей имеет давнюю традицию. Однако лексикография XXI века может опираться не только на достижения гуманитарных наук, но и на возможности компьютерных технологий. Разработка электронной версии диалектного (условно названного понятийным) словаря, отражающего традиционную народную культуру, будет способствовать воссозданию национальной картины мира, которая коренится «в категориях и формах родного языка» [Колесов 2004:15]. При работе над новым диалектным словарём мы ориентируемся на несколько принципиальных моментов: во-первых, это опора на *реконструкцию диалектной картины мира*; во-вторых, такая реконструкция может быть полно представлена в словарных *статьях-гнездах*; в-третьих, ещё одна теоретическая установка нашего словаря, – по возможности максимальная фиксация всех *смыслов* и презентация их в иллюстративной части словарной статьи, что позволит учесть все оттенки значений, объективированные в словах, их вариантах и дериватах, в коннотативных лексемах, в устойчивых сочетаниях, в прецедентных и в диалектных высказываниях в целом [Харламова 2010].

Наш словарь отличается тем, что каждая статья имеет тот вид, который "диктует" собранный нами живой материал народной речи Среднего Прииртышья. Поскольку сам материал определяет конкретную наполняемость словарной статьи, то изначально у нас нет жёсткой структуры словарной статьи. Гнездовой метод подачи материала, который мы используем в словаре, показывает движение понятия/концепта во времени и пространстве. Однако электронная версия требует некоторой формализации статьи и структурирования материала. Во главе словарной статьи стоит слово, репрезентирующие культурно значимое понятие (или имя концепта): *Дом, Двор, Жизнь, Семья* и т.п. У каждого такого слова в результате семантико-когнитивного анализа опре-

¹ Статья выполнена при поддержке РГНФ(грант № 12-34-01-78(1а)).

делены *основные* значения, их, как правило, не более четырёх. В электронной версии предусмотрены зоны: (А) – синонимы, (Б) – диалектные варианты и (В) – дериваты. У слов, перечисленных в этих блоках и употребляющихся в переносном значении, делаем помету (*) и помещаем их в зону (Г) – переносные значения – с указанием новой семантики. В иллюстративной зоне (Е) в соответствии с названными блоками размещаем контексты, маркируя зону и актуализируемую семантику соответствующей лексемы.

Заглавным словом статьи может быть как имя существительное – *Жизнь*, так и глагол – *Жить*. Выбор заглавного слово в данном случае определяется бытованием в наших говорах дериватов как от основы глагола, так и от именной формы. При этом мы должны учитывать то, как актуализируются основные значения рассматриваемого репрезентанта в тех или иных производных. Словарная статья *Жизнь* показывает лексическое, словообразовательное, семантическое распределение слов с общим значением 'жизнь' в говорах полиэтнического региона Среднего Прииртышья и пересечение с культурно значимыми концептами *Дом, Семья, Животные* и др.

Общерусская лексема *жизнь* в народной речи самого позднего происхождения и в говорах Среднего Прииртышья имеет массу формальных диалектно-просторечных вариантов: *жизь, жись, жисть, жизня* и даже просторечный словообразовательный вариант *житуха* от глагола *жить*: *Но жизь непопутна! Так всю жизь и плачем* (У.-Иш. Кол.); *Робила всю жизь* (Тар. Орл.); *Тяжела жизь была* (Знам. Мам.); *Жизня атомная пошла, сейчас жизня другая* (Тар. Тара)[8, 1:210]; *А жисть окончил, да навсегда* (Кол. Крайч.); *В плохую жисть, в горькую угадали. Какая жисть раньше была!* (Кол. Браз.) [Словарь 1-3, 1:212]. В анализируемой народной речи бытуют и более древние слова с общей семантикой 'жизнь': *живот, житие* (ср.) – и их варианты и производные. Основные значения *жизни*, актуальные для современного состояния исследуемых говоров, показывают в какой-то мере прежнее семантическое распределение: физическое состояние – *живот*, социальное *житие/житье*, и, наконец, духовная *жизнь*. Последнее слово в современном языке самое общее по смыслу и выражает теперь разные аспекты жизненного процесса, прежде представленного в разных лексемах [Колесов 1986:76-77]. Различные аспекты жизни в исследуемых говорах объективируется в многочисленных вариантах и дериватах от названных слов и глагола *жить*, что находит отражение в словарной статье – гнезде.

Лексема *живот* (м.) в старожильческих говорах сохраняет древнюю семантику 'жизнь человека': *Всю живот трудилась* (Тюк. Тюк.) [Словарь 1-2, 2:44]. Ср.: [Сл РЯ XI - XVII вв., 5:103; Сл XVIII в., 6:128]. Все значения, известные носителям языка, никогда не отходят от корневого первосмысла, а

только обогащают представление о мире, расширяя предметное значение слова. Содержание же признака остается постоянным. Именно это неизменное значение связывает с концептом. Наряду с исконной семантикой в народной речи существует и очень конкретное, теперь общерусское, значение 'часть тела, в которой расположены органы пищеварения; желудок, кишечник (разг.)' [Сл. Ожегова: 166]: *Ана забиреминила /чериз-жывот рибёнка вытинули//* (д. Окунево, Муромцевский р-н, Окунева А. И., 81 г., 3 кл, старож., 2003). Ср.: [СРНГ: 157]. На базе этого значения лексема *живот* развивается в говорах Омского Прииртышья ещё одно значение (м., -а, мн.ч. не употр.) 'желудочное заболевание'. Это одно из названий болезней, которое возникло метонимически от наименований больных органов: ср. *таблетки от головы, помереть сердцем* и др.): *Я рву вот: хочу мать-мачеху от кашля, а от живота – кониный щавель* (Мур. Гур.); *Животом мается* (Ом. Н.-Т.) [Словарь 1-2, 1: 48].

Всякое живое существо (чаще мелкая живность или домашние животные – куры, гуси, утки, овцы, кошки, собаки), находящиеся в хозяйстве той или иной семьи, дома, может называться тоже *живот* (м., -а, мн.ч. не употр.): *Бросали всё попеченье своё: скот, живот* (Мур. Берг.) [Словарь 1-2, 2: 44]. С этим смыслом связано значение, характерное для деловых текстов XV века, 'имущество', и лишь после XVI века, по наблюдениям историков, слово *живот* отмечается в значении 'домашнее животное' [Колесов 1986:78-79]. Уже в XIX веке значение 'брюхо, желудок' выдвигается на первое место, что остаётся актуальным для современного русского языка и наших говоров и по сей день. Преимущественно для формы множественного числа *животы* В.И. Даль указывает на семантику 'домашний скот особ.рабочий, лошади', однако в исследуемом материале эта семантика возможна, напротив, в форме единственного числа. В.И. Даль отмечает ещё одно из старых значений 'стяжанье, все движимое имущество, богатство': *У него всех животных одна избенка* [Сл. Даля, 1: 539-540]. Последнее значение, в наших говорах не реализуется в этой форме, но актуально, как известно, для древнерусского языка с XIV века русского языка [Сл РЯ XI - XVII вв., 5:104; Сл. XVIII в., 6:128] и других говоров русского языка (ср.:[СРНГ]).

Житие (ср.) и вариант *житьё*, кроме значения 'жизнь человека, период от рождения до смерти', объективирует один из оттенков семантики – 'образ жизни': *Да и жывём/мучимся/мучуюс/милая матушка//Какое жутьё? Бох с'мерт'ти ни-даёт//фсё пирижыла//* (д.Окунево, Муромцевский р-н, Горбанина Е.А., 94 г., неграмот., старож., 2003); *От лихова мужа в-доме нет жутья/ пьяный фсё калотит/ трезвый фсё варчит//*(р.п. Таврическое, Таврический р-н, Тарасенко Р.П., жен., 72 г., новосел., 2003). Ср.: [Сл РЯ

XI - XVII, 5:116]. Словообразовательный диалектно-просторечный вариант *житуха* также репрезентирует семантику 'образа жизни': *Вот как, матушка, житуха-то* (У.Иш. Кайлы); *Житуха-то не шибко добра была* (Тевр. Ив. Мыс) [8,1: 212]. (Ср.: волог., костром., том., байкал., судог., клад. [Словарь 1-3:193]). Аналогичное отенок значения обнаруживается в старожильческих говорах в имени *жильё*: *А нам теперь только жильё* (Тар. Вст) [8, 1: 211] и (ср.: смол., ветл., дон., ворон., куйбыш. [СРНГ: 175]), являющимся одновременно одним из репрезентантов концепта *Дом*.

Уже в древнерусском языке *житие* имело значение 'имение, имущество' и 'проживание, место жительства' [Сл РЯ XI - XVII,5:116; Сл. XVIII в., 6:144]. Последнее из указанных значений встречается и в старожильческих говорах Среднего Прииртышья в варианте *житьё*: *Сюда приехали на-житьё/Эта кака у-их вера-та? па-моиму кришнаиды//* (д.Окунево, Муромцевский р-н, Окунева Е.С., 73 г., неграмот., старож., 2003), – которое, как и *житие*, эксплицирует пространственный признак древнего слова.

Семантика 'жизнь человека' проявляется в слове *живность*, которое выступает синонимом к заглавному слову анализируемой словарной статьи: *При живности мужику не пожилось. При живности не узнала* (Тевр. Ив. Мыс); *Что было при живности, то вам и рассказываю* (Тар. Тара) [Словарь 1-3, 1:209-210], – и манифестирует временной признак жизни. В зоне дериватов (В) оказывается лексема *живаньё* с тем же значением: *Вот како и живаньё было* (У.-Иш. Куш.) [Словарь 1-3, 1:209].

В электронной версии словаря в гнезде *Жизнь* при этих лексемах возможен знак (*), который отсылает к семантике, актуализированной в общерусском прилагательном *живой* – '1) такой, который живёт, обладает жизнью; 3) деятельный, полный жизненной энергии' [Сл. Ожегова:166]: *А-я гаврю а у-миня мама жывая была ищё/ я гаврю пагавари с-мамай с-маей//* (д. Архангелка, Калачинский р-н, Требухина В.И., 76 л., ?, новосел., 2004); *Ещё вин муж жывой быў чирис –тры года / так-вин мэнэ дывлюсь я...//*(д. Тургеневка, Калачинский р-н, Рафаль О.С, 75 л., жен., грамот., рус.-укр., 2004) – и производном прилагательном *живенек* (-нька, -нько, экспрес.) 'жив': *Пришла чуть живенька* (Тюк. Тюк.) [Словарь 1-2, 1:49]. *Процессуальный* признак жизни отражается и в других производных от древнего корня жи-, например, в наречии *живчиком* 'быстро, живо': *Вода живчиком впиталась в землю* (Мур. Берг.) [Словарь 1-2, 1: 49], – которое помещаем в это гнездо в зону дериватов.

Временная семантика существительного *живность* 'период жизни человека до смерти' реализуется очень часто в диалектной картине мира в корреляции со *смертью*: *У Василия жена в живности когда ещё была, я её ба-*

словляла. Неужели Антонида Тихоновна думала, что и она умрёт? В живности ничего не получала (Тевр. Ив. Мыс) [Словарь 1-3, 1: 209-210]. (Ср.: 'домашние животные': *А живность мы диржали коров и телёнка и / уусей диржали и курей поросят дажы фсё хозяйсво* // (р.ц. Нововаршавка, Нововаршавский р-н, Каблучий И. М., 74 г., муж., курсы бухгалтеров, рус.-укр., 2004); *Ой живности фсякой диржали/ и корову и козы и овэч'ик и уусей и курей и уток и фсё/ держали/ хозяйство было бол'шоя/ канител'но было унас* // (р.ц. Нововаршавка, Нововаршавский р-н, Жданова А.И., 78 лет, 4 кл., рус.-укр., 2004); ср.: [СРНГ:152] и [Сл. Даля 1:538]).

И наконец, в народной речи Среднего Прииртышья в словах *житие* и *житьё* (ср.р.): *Не знаю, как она в житие, а так, в девушках, разговорчивая* (Мур. Арт.); *В житье-то он хороший, и в гулянье он хороший* (У.-Иш. Куш.); *Настя, она неловка в житье-то была* (У.-Иш. Слоб.) [Словарь 1-3, 1: 212-213] – эксплицируется оттенок значения 'семейная жизнь, семья' и объективируется скорее ментальный образ. (См.: значение глагола *жить* 'совместная жизнь' [СлРЯ XI -XVII вв., 5: 115; СРНГ:115]). Синонимично выступает и устойчивое сочетание *жить домами* (зона Д), обнаруженное повсеместно на территории Среднего Прииртышья: *У мене все дети живут домами уже* (Ом. повсем.) [Словарь 1-3, 1: 212]. Одновременно этот пример позволяет указать на подобное значение и у слова *дом*.

Таким образом, гнездовой способ подачи материала в новом словаре позволяет отразить не только современные значения базовых понятий народной речемышльи, но и исконные семантические оттенки, объективированные в многочисленных диалектных вариантах и дериватах заглавных слов. По меткому выражению В.В. Колесова, то или иное слово на протяжении истории "растёт семантически". "Следы" этого роста мы наблюдаем в современной жизни слова в народной речи Среднего Прииртышья.

Библиографический список

- Даля В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. М., 1955. [Сл. Даля].
 Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.
 Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб, 2004.
 Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1984. [Сл. Ожегова].
 Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 5. М., 1978. [Сл РЯ XI -XVII вв.].
 Словарь русского языка XVIII вв. Вып. 7. СПб., 1992.[Сл. XVIII в.].
 Словарь русских народных говоров/Под. ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Вып. 9. М.; Л., 1972. [СРНГ]
 Словарь старожильческих говоров Среднего Прииртышья / Под ред. Г.А. Садретдиновой. Вып. 1 – 3. Томск, 1992. –1993. [Словарь 1-3].
 Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: Дополнения/ Под ред. Б.И. Осипова. Вып. 1-2. Омск, 1998–2003. [Словарь 1-2].
 Харламова М.А. Что? Где? Когда? О трудностях лексикографа // Вестник Омского университета, 2010. №1. – С.82-87.

ТЕКСТ, ПРЕДЛОЖЕНИЕ, СЛОВО: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

И.С. Выходцева
Саратов

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В ДОСОВЕТСКОЙ СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается функционирование концепта «свой-чужой» в словесной культуре. Филологическое описание концептосферы имеет не только историко-лингвистическое значение, оно необходимо для адекватного изучения современной речевой практики.

Ключевые слова: словесная культура; концепт; лингвокогнитивный анализ.

This article discusses the functioning of the concept «Native - A Stranger» in the verbal culture. A philological description of the conceptsphere has not only historical and linguistic value, but it is necessary to adequately study the contemporary practice of speech.

Key words: verbal culture; concept; lingo-cognitive analysis.

К настоящему времени единая теория концепта языковедами не разработана. Интенсивные исследования, развернувшиеся в области когнитивной лингвистики, демонстрируют большое разнообразие в понимании самого термина «концепт».

С.А. Аскольдов-Алексеев, первый из отечественных ученых обратившийся к изучению феномена концепта, говоря о составляющих его природы, давал следующую интерпретацию: «Концепт – мгновенное и трудноуловимое мелькание «чего-то» в сознании, это почки сложнейших соцветий мыслительных конкретностей» [Аскольдов-Алексеев 1997]. Исследователь при разработке теории концепта обратил внимание на функциональную сторону данного явления. Основной функцией концепта он считал функцию замещения различных представлений (предметов) в процессе мышления. «Концепт – есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов-Алексеев 1997].

Д.С. Лихачев в своей работе «Концептосфера русского языка» идет вслед за Аскольдовым в понимании сущности концепта. Он предлагает считать концепт «алгебраическим» выражением значения, которым мы опериру-

ем в своей письменной или устной речи. Заместительная функция концепта облегчает языковое общение в том, что оно позволяет при языковом общении преодолевать несущественные, но всегда существующие между общающимися различия в понимании слов и их толкований [Лихачев 1997] .

Различные аспекты данной проблемы представлены в работах отечественных и зарубежных исследователей. Исторический аспект исследования концептов отражен в работах Ю.С. Степанова, В.В. Колесова, И.П. Михальчука, М.В. Черепанова, Н.М. Орловой, Н.В. Гришиной и др.

Лингвокультурный подход к пониманию концепта содержится в работах Ю.С. Степанова, В.И. Карасика, В.П. Нерознака, С.Г. Воркачева, Н.Ф. Алефиренко, Г.Г. Слышкина. Так, например, Г.Г. Слышкин в монографии «Лингвокультурные концепты и метаконцепты» рассматривает лингвокультурный концепт как ментальную единицу, направленную на комплексное изучение языка, сознания и культуры. Психолингвистическое понимание концепта наиболее полно представлено в работах А.А. Залевской и В.А. Пищальниковой; лингвокогнитивное – в работах А.А. Худякова, Н.Н. Болдырева. Методологические проблемы разграничения концепта и значения решаются в совместных трудах З.Д. Поповой и И.А. Стернина, в центре внимания этих ученых вопрос о способах языковой объективации концептов. Проблема типологии концептов и различные его классификации представлены в работах А.П. Бабушкина, Н.Ф. Алефиренко, И.А. Стернина, В.И. Карасика, Л.В. Миллера и др.

В нашей работе мы опираемся на определение концепта, сформулированное Ю.С. Степановым, так как, во-первых, он специально анализировал концепт «свой – чужой», а, во-вторых, его концепция адекватно описывает наш материал: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 1997]. Это определение характеризует концепт как основную ячейку культуры в ментальном мире человека, оно связано не только с чисто лингвистическим, но и с культурным аспектом исследования.

В центре нашей статьи концепт «свой – чужой». Данная оппозиция пронизывает всю культуру и носит универсальный характер, так как в основе всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения лежат механизмы тождества и различения своего и чужого. Отдельные аспекты данной проблемы представлены в трудах отечественных и зарубежных лингвистов. В словаре Ю.С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры» этому концепту посвящена отдельная словарная статья, которая

построена по следующему плану: общее (культурологическое) введение; происхождение и эволюция противопоставления; его предыстория по данному языку; его проявления в культурных, т.е. внеэтнических, сообществах людей [Степанов1997: 472].

Этимологии и анализу концепта в индоевропейской культуре посвящена работа Э. Бенвениста. Эта оппозиция была охарактеризована ученым в рамках противопоставления «свободный человек – раб, чужой, чужеземец». Главное положение, установленное Э. Бенвенистом на материале анализа индоевропейских слов, заключается в том, что понятие «свой» первоначально является осознанием кровного родства некоторой группы людей (рода, клана), в пределах которой человек одновременно осознает себя «свободным от рождения, свободным по рождению» и противопоставляет себя «другим» – «чужим, врагам, рабам». Таким образом, понятия «свой» и «свободный человек» исконно связаны. Это прямо отражается и в связи соответствующих корней в русском языке. В полном соответствии с данными этимологии, показывающими предысторию этого концепта, прослеживается его история по данным древнейших письменных текстов. Здесь понятие «свой» ассоциируется с зарождающимся новым понятием «свой клан», «свой народ», «свое племя», далее – просто с понятием «племя», «народ». Примером данного положения являются собственные имена различных племен: герм. древневерхн.-нем. *Swābā* «швабы» или лат. *Sabīnī* «сабины», буквально «принадлежащие к своему племени» [Бенвенист1995: 213].

Данная статья посвящена анализу функционирования концепта «свой – чужой» в досоветской словесной культуре. Так, о характерных особенностях концепта в древнерусской литературе рассуждает в своей работе «Мир человека в слове древней Руси» В.В. Колесов [Колесов 1986]; А.Б. Пеньковский в статье «О семантической категории чуждости» [Пеньковский 1989] выдвигает гипотезу об отраженности данного семантического принципа в системе языка. «Свой» мир – это мир уникальных, индивидуальных, определенных в своей конкретности и известных в своей определенности для субъекта сознания в речи дискретных объектов, называемых собственными именами. «Свой» мир – это мир собственных имен. В нем и нарицательные имена ведут себя как собственные. «Свой» мир – это мир форм единственного числа со значением единичности. Формы множественного числа – там, где они необходимы, – используются в значении неоднородного множества.

«Чужой» мир (в противопоставлении «своему») – это мир этнически, социально или культурно (и прежде всего – религиозно и идеологически) чуждый и враждебный. Это иноплеменное царство, не-наша земля, неверия неверная, поганая русского былевого эпоса, земля незнаемая «Слова о полку Иго-

реве», чужие края и поганая нехристь русских славянофилов. «Чужой» мир – мир неподвижный, статичный и плоский. Это мир, в котором нет дискретных объектов, и потому он воспринимается нерасчлененно – как речь на чужом языке. Чужие предметы и предметно воспринимаемые живые существа образуют единую в своей кишашей слитности враждебную массу, состоящую из кажущихся абсолютно тождественными единиц, носителей одного имени.

В данных работах отмечаются основные семантические признаки данной оппозиции в народной культуре: «свой» мир – мир уникальных и индивидуальных объектов, конкретный, близкий, родственный; «чужой» мир – это масса, толпа, социально и культурно чуждая и враждебная, опасная иноземная, инородная, посторонняя, далекая и неведомая.

О. Йокояма в работе «Свои» и «чужие»: межкультурные стереотипы в чеховской России» [Йокояма 2003] на примере художественной литературы XIX – XX вв. и Т.В. Резанова в статье «Свое» и «чужое» в сказочной поэме П.П. Ершова «Конек-горбунок» [Резанова 2003] отмечают нейтрализацию, утрату резкой контрастности и одномерности в данной оппозиции. Т.В. Резанова в той же статье указывает на то, что типичная фольклорно-сказочная оппозиция «свой – чужой» играет важную роль в литературном мире XIX в. Литературная сказка XIX в. может быть рассмотрена в этом отношении в двух аспектах. Первый из этих аспектов вечного противостояния «свое/чужое» возникает еще на стадии создания литературно-сказочного произведения. Текст сказочной поэмы П.П. Ершова «Конек-горбунок» был сформирован, безусловно, на базе русского сказочного материала. Русским источником этого сюжета является сказка «Жар-птица и Василиса-Царевна» из сборника А.Н. Афанасьева, которой в немецкой традиции соответствует текст из сборника братьев Grimm *Kinder- und Hausmärchen* «Ferenand getrue und Ferenand ungetrue».

Сопоставляя русский народный сказочный источник поэмы как «свое» и немецкую сказку Гриммов как «чужое», автор приходит к выводу о том, что вышеназванная оппозиция «свое/чужое», согласно фольклорной сказочной традиции, нейтрализуется в «Коньке-Горбунке».

Проведенный сопоставительный анализ свидетельствует, что в произведении Ершова, русской сказке и немецком тексте наличествуют единые сюжетные ходы, главные герои и их функции в сказочном мире.

«Чужая» европейская традиция, вливаясь в литературную русскую сказку, становится «своей» благодаря вечной и общезначимой модели счастья как Добра и Жизни. «Чужое» в этом смысле полностью ассимилируется со «своим».

Сказочная поэма Ершова соединяет в себе «свою» национальную культуру и «чужое» европейское влияние. «Свое» и «чужое» объединяются в поэме «Конек-Горбунок» в одно: в общую идею добра и справедливости, Жизни против Смерти.

Фольклорная оппозиция «свое/чужое» может быть рассмотрена применительно к сказочной поэме П.П. Ершова «Конек-Горбунок» также и традиционным образом (второй аспект) – как противопоставление «своего» и «чужого» внутрисказочного мира, на более высоком уровне – как противопоставление добра и зла, жизни и смерти. Иван-дурак со своим Коньком-горбунком является воплощением доброго начала, «своего» мира, который находится в противоречии с царем и спальником, олицетворяющим другой, злой, «чужой» мир. Борьба двух миров в сказочной поэме заканчивается по традиции полным уничтожением второго члена бинарной оппозиции и воцарением единого «своего», доброго начала, Жизни. Продолжение этой борьбы, как известно, в народной сказке невозможно [Резанова 2003: 130-132]. Таким образом, как воплощение национальной и европейской традиции «свое» и «чужое» объединяется в единую силу и данное противоречие нейтрализуется; а как противостояние доброго «своего» начала и враждебного «чужого», по фольклорной традиции, оно всегда заканчивается полной победой доброго начала Жизни.

О. Йокояма в статье «Свои» и «чужие»: межкультурная коммуникация и этнические стереотипы в чеховской России» [Йокояма 2003] ищет основания межэтнической толерантности, фиксирует эти особенности в случаях нейтрализации оппозиции «свой – чужой». В центре ее работы вопрос о том, как, по данным языка, русские относились к нерусским, проживающим на территории Российской империи. При описании лексики и других средств, группирующихся вокруг определенной сферы персонажей – от этнонимов до описаний их личности, языка и занятий, автор отмечает в рассказах Чехова явление ошибочной «народной» этнографии. Так, портной Меркулов («Капитанский мундир») называет персидского консула татаринном, рядовой Гусев («Гусев») говорит: «... скажем, крещеный упал бы сейчас в воду – упал бы и я за ним. Немца или манзу не стал бы спасать, а за крещеным полез бы». Неразличение разных категорий «чужих» – явление широко распространенное в мире. «Чужие» делятся обычно далее по признакам, приписываемым им говорящими. Такая классификация не нуждается в объективности. Она сообщает не о реалиях внешнего мира, а о когнитивном мире говорящего.

Как сливаются в одно чужие лица, так сливается в сплошной гул и чужая, непонятная речь. К примеру, речь евреев между собой русские воспринимают нерасчлененно: гал-гал-гал-гал или ту-ту-ту-ту («Степь»). И если не-

которым русским знание европейских языков кажется престижным, то языков народностей Российской империи уж никто из них учить не станет. Так, в рассказе «Дуэль», разговаривая с хорошо говорящим по-русски татарин, молодой дьякон коверкает русскую речь, полагая, что тот «скорее поймет его, если он будет говорить с ним на ломаном русском языке».

Указание на нерусскость чаще всего дается эксплицитно: француз-гувернер, немцы-колонисты, портные-евреи, кучер-татарин, но встречаются и косвенные указания: мадам Дуду, Феликс Адамович Ржевецкий, еврейский акцент. Порядок, в который выстраиваются оппозиционные наименования, определяется степенью ощущения чужести: более близкие, «свои» инородцы, прежде всего портные или кучера и только затем уже евреи или татары; европейцы же в первую очередь французы или немцы, а потом уже гувернеры или колонисты.

В заключение О. Йокояма отмечает, общий язык и культура, казалось бы, должны приводить к взаимопониманию между людьми, но это происходит далеко не всегда. В рассказах Чехова друг друга не понимают даже русские мужья и жены, отцы и дети, соседи, сослуживцы, коллеги. Непонимание у писателя – норма как между «своими», так и между «своими» и «чужими». Как между русскими, так и между русскими и нерусскими, то есть между всеми людьми, к пониманию и терпимости у Чехова приводит не языковое общение, а эмоциональное сопереживание [Йокояма 2003: 463-474].

Таким образом, прослеживается общая тенденция – в русской культуре XVIII-XIX в. концепт «свой – чужой» утрачивает резкую контрастность, теряет смысловую одномерность. Данная категория нейтрализуется, «свое» и «чужое» переплетаются между собой, объединяются. «Свое» превращается в «чужое», «чужое», напротив, приближается к «своему».

Библиографический список

- Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997. С. 267 – 279.
- Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М., 1995.
- Йокояма О. «Свои» и «чужие»: межкультурная коммуникация и этнические стереотипы в чеховской России// Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная монография. – Екатеринбург, 2003. С.463-475.
- Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л., 1986.
- Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка// Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.,1997. С. 280 – 287.
- Пеньковский Б. О семантической категории чуждости// Проблемы структурной лингвистики, 1985-1987. – М., 1989. С. 126-167.
- Резанова Т.В. «Свое» и «чужое» в сказочной поэме П.П. Ершова «Конек-горбунок» [Текст] / Т.В. Резанова// «Свое» и «чужое» в культуре народов европейского Севера. – Петрозаводск, 2003. С. 130-132.
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 1997.

О.В. Гадышева
Волгоград

НАИМЕНОВАНИЯ ТИПОВ СТУДЕНТОВ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

В статье выделены типы студентов, выявленные в результате анкетирования. Проанализированы полученные наименования типов, выявлены группы оценок, характеризующие студентов с разных точек зрения, способы выражения оценки по определенным группам, определены парадигматические и синтагматические отношения.

Ключевые слова: антонимические отношения, словообразование, стилистическая окраска, эмоционально-оценочное значение, номинативная функция, когнитивная функция, коммуникация, идентификация, аффилиация личности.

The author divided the students into several groups with the help of questionnaires. He analyzed the results and formulated special criteria that help to characterize students from different points of view and defined the paradigmatic and syntagmatic relations.

Keywords: antonymical relations, word formation, stylistic coloring, attitudinal value nominative function, cognitive function, communication, identification and affiliation of the individual.

В начале девятнадцатого века появилось понятие «способ обозначения». По мнению В. Гумбольдта, «слово, обозначая предмет, является не эквивалентом открывающегося чувствам предмета, а выражением субъективного восприятия предмета или специфического понятия о нем, доминировавшего в момент называния. В этом заключается главный источник многообразия выражений для одного и того же предмета; если в санскрите слон называется то дважды пьющим, то двузубым, то снабженным рукою, то этим выражаются различные понятия, хотя и подразумевается один тот же предмет. Ибо язык никогда не представляет предметы, а всегда лишь понятия о них, самодеятельно образуемые умом в процессе языкотворчества» [цит. по: Кацнельсон 1986: 70].

В данной статье представлены наименования типов студентов, полученные в результате анкетирования, проведенного среди студентов Волгоградского государственного университета, и способы выражения оценки. Нас интересуют группы оценок, характеризующие студента с разных точек зрения: как живое существо, как существо мыслящее, как существо общественное.

В исследованном материале наименования типов студентов как живых существ самые малочисленные. Здесь выделяются три типа: *красивые, некрасивые, стилиаги*. Первые два находятся в антонимических отношениях. Эти слова имеют прямое оценочное значение. Третий отличается стилистической

окраской (неодобр.), которая появилась в результате словообразования (*стильный* → *стиляга*).

Человек как духовное существо оценивается с точки зрения эмоционального состояния и интеллектуальных способностей. Причем эмоциональная составляющая менее привлекательна, чем интеллектуальная. Все это отразилось на том, что данная группа представлена такими типами студентов, как *эмоциональный – спокойный, умный – неумный, глупый, недалекий, тупой, бездарный, талантливый – неталантливый, недоучки – заучки, умник, ботаник*.

В данных наименованиях можно выделить слова, которые имеют эмоционально-оценочное значение (*умный, глупый, бездарный*), другая группа наименований представляет собой слова, оценочность которых создается при помощи словообразовательных средств (*умный* → *умник*), следующая группа состоит из слов, лексическим значением которых является определенная оценка обозначаемых ими явлений (*ботаник, тупой*). Причем однозначное слово **ботаник** получает новое оценочное значение, не связанное напрямую с существующим. Многозначное слово **тупой** в одном из своих значений имеет определенную оценку (умственно ограниченный, соображающий плохо, с трудом). В этом ряду наблюдаются более разнообразные парадигматические отношения: синонимические (*неумный, глупый, недалекий, тупой*), антонимические (*умный – неумный*), экспрессивно-синонимические значения (*умный – умник*).

Анализ материала показал, что наименования типов студентов, обусловленные общественной значимостью, наиболее многочисленны и разнообразны. Здесь выделены типы студентов в соответствии с их чертами характера, поведением, трудовой и общественной деятельностью. Поскольку в современной психологии поведение понимается как синоним деятельности, имеющей природные предпосылки, но в своей основе социально обусловленной, опосредованной языком, разделим полученные типы на две группы, связанные с характером и деятельностью человека.

Мы полагаем, что данные параметры являются наиболее существенными в процессе коммуникации, идентификации и аффилиации личности в данный период. Совокупность ее устойчивых психических черт позволяет выделить следующие типы студентов: *добрый – злой; робкий, скромный, скромняги – наглый; отзывчивый – неотзывчивый, равнодушный; общительный – замкнутый; хитрый, честный, завистливый, весельчаки, вредины*. В наименованиях типов студентов преобладают прилагательные, для которых название качества или свойства является их лексическим значением. Здесь используются качественные прилагательные, называющие такие свойства,

которые воспринимаются органами чувств: физические признаки, качества характера и ума (*добрый, злой, хороший, плохой, хитрый*). В данном ряду преобладают оценки этического характера, что говорит о важности этой темы для студентов, а преобладание отрицательных оценок свидетельствует об осуждении подобных типов.

Самая многочисленная группа наименований типов студентов связана с деятельностью. Здесь наиболее отчетливо проявляется словотворчество индивида, обусловленное его мышлением и особым видением предмета. В этом ряду наименований встречаются как прилагательные, так и существительные, называющие отвлеченные свойства, качества, состояния и действия: *старательный, прилежный, трудолюбивый – ленивый; активный – неактивный, пассивный; бесцельный – целеустремленный; везунчики, подлизы; добросовестный – недобросовестный; ответственный – безответственный; зубрила, трудоголики, работяги – лентяи, бездельники, лоботрясы; трудяги – халявщики, халтурщики, пофигисты; энтузиасты, дятел, шестерки, мажоры*. Эта группа отличается рационалистическими оценками, относящимися к труду (*трудолюбивый, добросовестный, лентяй, работяга, халявщики*), к усилиям, связанным с выбором цели и продвижением к ней (*целеустремленный, активный*). Здесь также встречаются наименования, значения которых не зафиксированы в современном литературном словаре русского языка, но в них ярко выражена эмоционально-экспрессивная оценка этического и нормативного плана (*дятел, шестерки, мажоры*).

Итак, наименования типов студентов представляют собой в основном слова, имеющие прямое оценочное значение. Данные лексемы вступают в различные парадигматические отношения. Некоторые наименования приобретают переносное оценочное значение, что отражается на их синтагматических отношениях. Процесс номинации позволяет выявить следующее: интеллектуальные способности для студентов более привлекательны, чем эмоциональная составляющая; наибольшее значение для учащихся имеет характер и деятельность их однокурсников; в наименованиях преобладают оценки этического характера. Проанализированный материал позволяет сказать, что номинативная функция тесно связана с когнитивной. Это особенно проявляется в процессе возникновения нового наименования как нового языкового знака. Субъективное восприятие человека или определенного понятия о нем, доминировавшего в момент называния, характеризует студента с разных точек зрения, что, с одной стороны, нашло отражение в классификационно-познавательной деятельности индивида, а с другой – является средством пополнения словарного состава языка.

Библиографический список

Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. – Л.: Издательство «Наука», 1986.

И.В. Ерофеева
Казань

**РЕКОНСТРУКЦИЯ КОНЦЕПТА *ВОЛЯ*
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(По материалам летописей)**

В статье рассматривается один из базовых концептов русского сознания – воля, который относится к ключевым концептам русской культуры, входит в состав категорий национальной культуры. Исследуется понятийное наполнение важнейшего из концептов русского сознания на протяжении многих веков, анализируются семантические сдвиги в его содержании, на основании которых делаются выводы о специфике мировоззрения, мировидения человека прошлых веков.

Ключевые слова: *концепт, картина мира, менталитет, летописи.*

The article describes one of the basic concepts of the Russian consciousness - the Will, which belongs to the key concepts of Russian culture, is the part of the categories of the national culture. The paper deals conceptual content of the most important concepts of the Russian consciousness for centuries, analyzes semantic shifts in the content, based on conclusions, which are drawn about the specific outlook, human world views of past centuries.

Key words: *concept, world view, the mentality, the chronicles.*

Совокупность культурно-специфичных феноменов образует языковую картину мира. В каждой лингвокультурной общности выделяются ядерные единицы картины мира, представляющие собой культурные концепты, которые сохраняются в человеческом сознании в течение десятков веков. Особый интерес для исследователя представляют те концепты, содержание которых существенно изменяется на протяжении длительного времени и реконструкция которых возможна с опорой на письменные памятники, начиная с древнерусского периода. Семантические сдвиги в объеме и содержании исследуемого концепта свидетельствуют об изменении в мировосприятии и идеологии русских людей. Изучение понятийного наполнения базовых концептов русского сознания позволяет сделать выводы о специфике мировоззрения, мировидения человека прошлых веков, а также пронаблюдать за тенденциями в развитии семантического потенциала ключевых понятий языковой картины мира.

Для русского менталитета важнейшим представлением издревле является понятие *воля*. Содержание этого понятия складывалось веками, оно ассоциативно связывалось как с познанием внутреннего мира человека, так и с развитием общественных отношений. Оно эволюционировало в направлении от термина социального содержания к обозначению явления внутреннего мира, духовной жизни человека. Понятие *воли* складывалось первоначально из совокупности представлений о характере, действиях, поступках человека, от-

ражало его место в социальной сфере, в обществе, позже оно стало использоваться для обозначения внутренней организации человеческой личности. Представление о *воле* отражалось в лексическом составе русского языка также в виде словесных единиц, производных от данного слова, в виде фразеологизмов, включавших в свой состав слово *воля*. Данное слово широко употреблялось в текстах различной идейной и жанровой направленности. Материал сохранившихся до наших дней произведений позволяет проанализировать специфику восприятия понятия *воля* носителями языка в разные периоды его функционирования и определить его место в картине мира русского этноса в целом.

Что же значило слово *воля* для древнего русича? Как он воспринимал данное понятие? Каковы смысл и содержание данной лексемы, формировавшей один из важнейших концептов русского национального сознания? По мнению ученых, *воля* относится к ключевым концептам русской культуры, входит в состав категорий национальной культуры, которые выделяются наряду с универсальными категориями культуры и культурными категориями [Маслова 2001: 51]. Из совокупности отмеченных категорий формируется концептосфера национального языка, о которой Д.С. Лихачев говорил, что «уже самый поверхностный взгляд на концептосферу русского языка демонстрирует исключительное богатство и многообразие русской культуры, созданной за тысячелетие в разных сферах русского народа на огромном пространстве и в различных соотношениях с культурами других народов» [Лихачев 1997: 287].

Важнейшим источником изучения русского литературного языка являются летописи. Это наиболее древние тексты, в которых отразилось представление о жизни русских людей во времена средневековья. Лексема *воля* отличается высокой частотностью употребления в текстах русских летописей, что свидетельствует о важности соответствующего понятия в языковом сознании русских людей прошедших эпох. На протяжении десяти веков происходит преобразование семантической структуры данного концепта. Его ядерная часть меняется по направлению к современности.

Данный концепт не раз подвергался изучению и как концепт, и как элемент единого концепта «свобода – воля – вольность» [Лисицын 1996]. *Воля* является для А.Г. Лисицына одним из имен концепта *свобода* в народной культуре. Однако такой подход несколько сужает представление о воле, к тому же в ранний исторический период значения слов *воля* и *свобода* существенно различались. Семантика лексемы *воля* отличается разноплановостью, и только одно из значений слова связано с представлением о свободе.

Другие исследователи также придерживаются подобных взглядов и в результате анализа конкретного языкового материала приходят к выводу, что «понятия, обозначаемые существительными *свобода* и *воля*, следует рассматривать как самостоятельные концепты русской языковой картины мира» [Злобин 2007: 58]. Как разные имена-концепты рассматривает волю и свободу и А.В. Варзин [Варзин 2003].

Представляется, что концепт *воля* – это яркий, самостоятельный и неоднозначный концепт в русском языке письменного периода. По словам В.В. Колесова, «личная воля – *норов* – осуществляется в общественной среде и тем самым обретает черты социального явления» [Колесов 2007: 127]. Отталкиваясь от данного определения и исследования контекстуального употребления слова *воля*, приходим к выводу, что в древнерусском языке данное слово имело социальную окраску в отличие от современного русского языка, где оно стало обозначением одного из качеств человеческой личности, характеризующих духовный мир человека. Из четырех зафиксированных словарями древнерусского языка значений данного слова три социально окрашены. В качестве основных значений существительного *воля* в словаре русского языка XI-XVII веков отмечаются такие, как ‘желание, хотение’, ‘власть, право’, ‘независимость, свобода действий’ и, наконец, ‘способность человека управлять своими действиями и поступками’. Последнее значение стало известным с XVI-XVII веков.

Будучи связанным с глаголом *велети* корневым чередованием о/е, данное слово может быть рассмотрено как образование нулевой суффиксации при соответствующем глаголе. Как и любые другие имена действия, оно способно развивать конкретизированную семантику. Именно в летописных статьях оно фиксируется преимущественно с конкретной семантикой, выступая как слово с обобщенным значением предметности. Особой частотностью данное слово отличается в различных летописных сводах в погодных статьях, повествующих о событиях в Новгородской республике, а также в самих Новгородских летописях.

Социальная семантика ‘независимость, свобода действий’ актуализируется в тех случаях, когда необходимо обозначить власть правящих верхов либо совокупности лиц, новгородцев, что согласуется с политической ситуацией в Новгороде, жители которого могли быть субъектами социальных отношений: «*А новгородьци пусти ис Коломна Новугороду, одаривъ беицисла, и вда имъ волю всю и уставы старыхъ князь*» (НЛ, 1209 г.). В качестве однородного члена выступает слово с конкретизированной семантикой *уставы*.

Слово *воля* часто отмечается в предложно-падежных конструкциях, неизвестных современному русскому языку. Например, *ходити (быти) в*

чьей-то воле: 'подчиняться, быть подвластным кому-то'. Значение данной устойчивой формулы соотносится со вторым значением лексемы **воля** 'власть, право': «Того же лѣта поточи Мъстиславъ князи Полоцкыи Царюграду и с женами и съ дѣтми, зане не бяху въ воли его и не послушаху его, егда зовяшеть и в Русскую землю собѣ в помощь» (МЛС, 1129 г.).

Сходное значение имеют конструкции *по воле* и *на воле* они означают 'по желанию'. В новгородских летописях частотно словосочетание *на всеи воли Новгородьстѣи*, в значении которого заложено представление о важности простых горожан в решении вопросов городской жизни. Часто употребление в составе конструкций с предлогами усиливается за счет определений, расширяющих общий смысл устойчивого выражения, в качестве которых могут выступать и местоимения, например, *на всеи воле*: «И послаша по Ярославла на всеи воли новгородьстѣи» (НЛ, 1230 г.).

Экстралингвистические факторы определяют специфику сочетаний с исследуемой лексемой, реализующей свой семантический и концептуальный потенциал в контекстах летописных статей разной жанрово-стилистической направленности, идейного содержания. Не только **воля** в значении 'желание, хотение' совокупности лиц, новгородцев как единого целого, но и отдельных персонажей актуализируется в конструкциях с зависимым определением, которое содержит указание на субъект волеизъявления. Например, с предлогом *по*: *по своей воле* – 'добровольно, по желанию': «Поиде Антонию, архиепископъ новгородьскыи, на Хутино къ святому Спасу по своей воли» (НЛ, 1228 г.). В качестве зависимого несогласованного определения при слове **воля** может выступать имя собственное, указывающее на субъект. При этом имя собственное называет представителей власти, князей: «Нъ хожашу по городу по воли Володимири» (НЛ, 1196 г.). Сходная семантика реализуется в адвербиализированной падежной форме *волею*: *Томъ же лѣтѣ выиде Романъ ис Кыева Ростиславиць волею*» (НЛ, 1172 г.).

В зависимости от смыслового содержания контекста способность реализации своих желаний, хотений может приписываться не только историческому персонажу, но и высшей силе – Богу. Подобное употребление характерно для погодных статей религиозного содержания, например «Символа веры»: «Волею бо родися. волею взалка. волею вжада. волею трудися. волею оустрашися. волею оумре» (ПВЛ, 988 г.)

Для эпохи средневековья было характерно религиозное мировоззрение, нашедшее яркое отражение в памятниках письменности данного периода. Выражения *воля Господня*, *воля Божья* носят характер устойчивых сочетаний, в которых слово **воля** реализует значение 'власть, право', представленное не в узкосоциальном смысле, а в отвлеченно-философском, широком значении: «И помысливъ си прекръстися рекъ. воля Господня да будет» (ПВЛ, 1097 г.); «Но обаче любяше Ольга сына своего Святослава. рькуще воля Божья да будетъ» (ПВЛ, 955 г.). *Своя воля* может противопоставляться

Божьему повѣленью: Се же сбься все не от своая воля рекоша но отъ Божья повелѣнья» (ПВЛ, Вв.).

Изучение концептуального наполнения той или иной лексической единицы невозможно без обращения к однокоренным образованиям, формирующим вместе с базовым понятием содержание словесной единицы. Наряду с утвердительным значением, которое реализует слово **воля**, в летописях отмечается и образование **неволя** с негативирующим префиксом **не-**. Наличие антонимической пары **воля – неволя** свидетельствует о высокой степени качественности значения, выражаемого словом **воля**. Рассмотрение образования **неволя** в сфере концепта **воля** позволяет дать его полную характеристику. Во-первых, оно употребляется в составе устойчивого словосочетания *волею и неволею* в значении ‘в силу необходимости’: *«И рече Святославу оуже нам нѣкамо ся дѣти. волею и неволею стати противу. да не посрамимъ землѣ Рускіѣ»* (ПВЛ, 971 г.).

Словарные дефиниции слова **неволя** оказываются более конкретными, чем у антонима **воля**. При этом антонимические отношения реализуются не со всеми значениями слова **воля**, а только теми, которые имеют социальную окраску. По отношению к значению слова **воля** ‘власть, право’ выступает противоположное значение слова **неволя** ‘порабощение, подчинение, рабство, неволя’. К значению ‘независимость, свобода действий’ антонимичными оказываются несколько значений слова **неволя**, среди которых ‘отсутствие свободы, возможности выбора’, ‘принуждение’ и ‘нужда, необходимость’, которые реализуются в контекстах различного содержания, как фольклорных по происхождению, так и представляющих собой описание социальных событий: *«Рѣша же Киянамъ неволя князь нашъ убьень. а княгини наша хоче за вашъ князь»* (ПВЛ, 945 г.); *«Неволя ми было не пристати къ Святополчу совѣту, ходя в руку его»* (МЛС, 1098 г.).

Противоположную семантику выражают также конструкции с предлогом *по*: *по воле* ‘по желанию’ – *по неволе* ‘по необходимости, поневоле’: *«Князь же поиде из города по неволи»* (НЛ, 1270 г.); *«И не хотѣвшие выдати, по неволи выдаша его»* (НЛ, 1316 г.); *«По неволи есмь крестъ ѹловал къ Изяславу, оступал бо мя бяше въ городѣ»* (МЛС, 1148 г.).

В структуре концепта **воля** отмечаются также производные прилагательные. Для характеристики предметов и явлений действительности использовались слова качественной семантики, среди которых производное с корнем **воля – вольныи**. Данный адъектив характеризуется наличием самого продуктивного в этой сфере во всех славянских языках суффикса **-н-**. Прилагательные, мотивированные существительными отвлеченного значения, отличаются семантической многоплановостью. Так, слово **вольныи** имеет значения ‘добровольный, совершаемый по собственному желанию’, ‘обладающий властью, правом поступать по собственной воле’, ‘свободный, независимый’. Три значения соотносятся с соответствующими отвлеченными

значениями, свойственными производящему существительному **воля**, составляя корреляцию производящее – производное.

Данный адъектив так же, как и его производящее существительное, часто употребляется при описании событий, относящихся к Новгородской республике. Особое демократическое правление в Новгороде, его независимое положение на политической карте древнерусского государства определяют использование прилагательного **вольный** в качестве социального термина. Рассматриваемый адъектив реализует семантику ‘свободный, независимый’ преимущественно при характеристике жителей Новгорода: «*Волныи есмь люди Велики Новгород, а Московскои князь велики многы обиды и неправду над нами чинит*» (МЛС, 1469 г.); «*Весь Великы Новгород отчина твоя, мужи волныи, тебѣ своему государю челом бьютъ*» (МЛС, 1478 г.). Адъективные образования очень тесно связаны с определяемым словом, образуя с ним, как правило, единое, цельное понятие. В контекстах, сообщающих о новгородских событиях, отмечаются устойчивые терминологизированные сочетания *вольныи люди*, *вольныи мужи*, в которых заключается представление об особом социальном положении жителей города. Социальная семантика прилагательного **вольный** ‘обладающий властью, правом поступать по собственной воле’ актуализируется также во фразеологизмах, значение которых связано с Новгородской республикой: *вольни въ князѣхъ* ‘вправе выбрать князя (о праве новгородцев приглашать и смещать князей)’: «*И рече новгородьцемъ: «Суть ми орудия в Руси, а вы вольни въ князѣхъ»*» (НЛ, 1215 г.).

Прилагательное **вольный** может выражать не только социальную семантику в тех погодных статьях, где речь идет о политическом положении новгородцев как представителей особого политического устройства – республики, но и относиться к конкретному персонажу, реализуя другой компонент семантики ‘добровольный, совершаемый по собственному желанию’: «*Онъ же сожализси рече: «аще хоцещи, в том еси воленъ»*» (МЛС, 1146 г.); «*Изяславъ же рече: тако буди; хто восхоцет, да идет по мнѣ, а хто не хоцетъ, волен в собѣ*» (МЛС, 1147 г.).

О развитии качественных оттенков семантики у имен прилагательных подобного типа свидетельствует возможность их употребления с отрицательной приставкой *не-*: «*Покои, господи, душу раба твоего Германа, отпусти ему вся прегрешения вольная и невольная*» (НЛ, 1188 г.).

Одно из значений слова **вольный** ‘свободный, не встречающий препятствий’ может быть отнесено не только к миру человека, но и к миру природы, поэтому оно не составляет корреляции с соответствующими значениями слова **воля**.

Таким образом, в русской языковой картине мира средневековья концепт **воля** занимает очень важное место. Совокупность значений реализующей ядро данного концепта лексемы **воля** характеризуется социальной ори-

ентированностью, отнесенностью к политическим событиям своего времени. Характерной особенностью является связь понятия **воля** с представлением о желаниях масс людей, гораздо реже – отдельного человека. Смысловое содержание концепта изменяется по направлению к современности и заключается в том, что оно приобретает отнесенность к отдельному лицу. Реализация концепта **воля** в летописном повествовании согласуется с самим характером такого рода текстов, в которых показаны массы людей, выступающие как единое целое. Соответственно и те понятия, которые характеризуют духовную жизнь, оказываются связанными с проявлением общественного сознания. В этом заключается специфика летописного повествования, в котором люди выступают в составе объединений по военному, территориальному, социальному признаку. Однокоренные образования к слову **воля** реализуют соотносительные значения, при этом также используются по отношению к группам лиц для их характеристики.

Библиографический список

- Варзин А.В.* Свобода как языковой и духовный опыт: номинация и концептуализация Ф.М. Достоевского: Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2003.
- Злобин А.А.* Свобода и воля: сопоставительный аспект характеристики (на материале произведений А.И.Солженицина) // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2007. – № 2. – С. 56-59.
- Колесов В.В.* Русская ментальность в языке и тексте. – СПб, 2007.
- Лисицын А.Г.* Анализ концепта свобода-воля-вольность в русском языке Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1995.
- Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка //Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. – М., 1997. – С. 280-287.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология. – М., 2001.

Источники

- МЛС* – Московский летописный свод 1479 года. Уваровский список летописи // Полное собрание русских летописей.– М.-Л., 1949. – Т. 25.
- НЛ* – Новгородская первая летопись старшего извода. – М.-Л., 1950. – С. 13-100.
- ПВЛ* – Повесть временных лет. Лаврентьевский список летописи // Полное собрание русских летописей. – М., 2001. – Т. 1.– С. 1-286.

Ю.В. Каменская
Саратов

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ ПРАЗДНИКИ-БУДНИ В ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Текстовые корпуса позволяют эффективно моделировать диалектную картину мира. Актуальным направлением исследований становится выявление оппозиций, структурирующих современную диалектную картину мира и определение особенностей их варьирования. Концептуальная оппозиция «праздники/будни» является одной из важнейших оппозиций, репрезентирующих сферу социальных отношений в диалектной картине мира. Набор концептуальных признаков, позволяющих выделить концептуальную оппозицию «праздники/будни» и пересечение этой оппозиции с другими концептуальными оппозициями, структурирующими современную диалектную картину мира, оказывается достаточно устойчивым, варьирование обусловлено либо личностными характеристиками информантов, либо экстралингвистическими особенностями социокультурной ситуации говорящего.

Ключевые слова: концептуальные оппозиции, варьирование диалектной картины мира.

Text corpus can effectively simulate dialect worldview. Current area of research is the identification of oppositions that structure the modern dialect world view and identification features of their variation. Conceptual opposition "Holidays / Weekday" is one of the major opposition, represented the sphere of social relations in the dialect worldview. Set of conceptual features allowing highlight conceptual opposition "Holidays / Weekday" and the intersection of this opposition with other conceptual oppositions that structure the contemporary dialect picture of the world is fairly stable, the variation due to personal characteristics, or informants, or extralinguistic features of the socio-cultural situation dialect.

Key words: conceptual oppositions, the variation of dialect worldview.

Современная диалектная картина мира репрезентирована в речи диалектоносителей, только этот источник позволяет нам получить достоверную информацию о структуре диалектной концептосферы, ее вариантах и способах актуализации. Обращение к такой форме хранения диалектной речи, как текстовые корпуса, «...дает возможность не ограничиваться отдельными примерами, а переходить к выявлению общих принципов, тенденций, действующих в диалектной коммуникации.» [Крючкова, Гольдин 2008] Наше исследование проводится на материале двух подкорпусов создаваемого в Саратовском государственном университете текстового корпуса (подкорпус говорящего села Белогорное и подкорпус говорящего села Земляные хутора Саратовской области).

Принцип оппозитивности, бинарной структуры традиционной картины мира, заявленный в трудах многих исследователей [Цивьян 1991; Толстой 1995 и т.д.], может быть экстраполирован и на современную диалектную кар-

тину мира, явившуюся во многом продолжением традиционной картины мира, репрезентированной, например, в фольклорных текстах. Актуальным направлением исследований становится выявление оппозиций, структурирующих современную диалектную картину мира и определение особенностей их варьирования.

Концептуальная оппозиция «праздники/будни» является одной из важнейших оппозиций, репрезентирующих сферу социальных отношений в диалектной картине мира. В исследованиях, посвященных диалектной речи, неоднократно отмечалось, что праздники – это очень важная часть социальной жизни, социальных отношений традиционного сельского уклада. Именно во время праздников укреплялись социальные связи между родственниками и односельчанами, определялась структура социальной жизни деревни.

На основе анализа диалектных текстов двух говоров (говор села Земляные хутора и говор села Белогорное Саратовской области) нами были выявлены следующие концептуальные признаки, позволяющие выделить оппозицию «праздники/будни»: «*выполнение особых ритуальных действий*», «*локализация во времени*», «*особая еда*». Все эти признаки выявляются при анализе особенностей концептуализации оппозиита «праздники» как маркированного члена оппозиции.

Концептуальный признак «*особая праздничная еда*» является обязательным, наиболее устойчивым, всегда актуализируется в рамках оппозиции «праздники/будни». Вероятно, можно говорить о том, что данный признак становится основным, выделяющим концептуальную оппозицию в современной диалектной картине мира. Другие признаки могут деактуализироваться, что нередко специально подчеркивается в речи.

Слабо концептуализирован признак «*особая праздничная одежда*». Если этот признак актуализируется, то, как правило, по инициативе диалектолога и нередко с отрицательным компонентом:

- *А как вы наряжались?*

да ну как мы наряжались! / просто так / нет не наряжались / как праздник / своё домашнее одевали и вот / ходили славили / кто пряников / кто чаво / кто конфет / а на пасху яички даря... эта дают / Христос воскрес / на кладбище идут /

Концептуализация оппозиции происходит и благодаря признаку «*выполнение особых действий*». В речи диалектоносителей концептуализируется набор обязательных для выполнения в праздничный день действий, их последовательность. Нередко также появляются сомнения в необходимости, правильности тех или иных действий, характерных для того или иного праздника. Как правило, это наблюдается в отношении церковных праздни-

ков и обусловлено разрушением традиционного уклада, лакунами социокультурных установок:

а вот правда нет ли я слыхала/ когда на паску вроде нельзя/ на кладбище/ тока на родительской/ прислушаисси к земле/ они тоже там поют вроде// да// на родите.. есть родительской вот это да/ иди наведвай/ а на паску они тоже/ служат/ службу//

Концептуальный признак «выполнение особых ритуальных действий» может варьироваться, актуализироваться в форме «запрет на выполнение каких-либо действий; праздничное бездействие»:

- Это большой такой праздник// ничего нельзя делать// вот как помню/ рассказывали тоже// ну уже он поехал после обеда/ снопы у него были// а ему еще сказали// говорят / «ну что тебя подспичило/ ну завтра твои снопы никуда не денутся»// а тогда клали в... как кладь// он не послушал/ поехал// ну поехал/ поклат там в воз там как ему нужно сколько/ ну и поехал о-ох с Богом на лошади-то// не с того не с сего загорелся воз// он успел только лошадь/ выпряг/ дугу на плечи/ лошадь в хомуте ведет// а кто-то увидал/ говорит/ «вон идет говорит/ чего это может поломалась»// он приходит/ «да что же мне дураку говорили/ а я не послушал// воз у меня сгорел// вот зато ты говорит поспешил и людей насмешил»//

Концептуализация ритуального запрета может быть моделирована в виде отдельного фрейма с устойчивым набором хорошо заполненных слотов: вербализация запрета (*Это большой такой праздник// ничего нельзя делать*), описание нарушения запрета, описание неминуемых последствий (*не с того не с сего загорелся воз*). Факультативным является слот, актуализированный в нашем примере – «раскаяние субъекта действия» (*да что же мне дураку говорили/ а я не послушал*).

Наиболее четкую репрезентацию оппозиция «праздники/будни» получает внутри другой важной для диалектной картины мира оппозиции – «прошлое/настоящее». Эта корреляция оппозиций «праздники-будни» и «прошлое-настоящее» является в современной диалектной картине мира устойчивой, контексты, ее актуализирующие, частотны:

и гуляют вот дня два/ так весело было/ очень весело было// в то время// и то не разбираешься родные/ неродные все так собирались человек тридцать сорок в этом дворе// вот в этом дворе этот праздник// мы вот росли и уже взрослые были/ замужем// в этом дворе на праздник в этом/ в другом/ в третьем/ все какие-то... никакого не было отбора// а сейчас то (смеется) ой-ой-ой ни-ни чтобы лучшие были/ да еще нет// у нас же постоянно люди были// весело было// сейчас вот ничего// тогда вот все-таки весело было жить//

В сознании диалектоносителей именно в прошлом оппозиция «праздники-будни» концептуализирована с явным противопоставлением и четкими границами. В компоненте «настоящее», как правило, границы оппозиции «праздники-будни» размываются, противопоставление снимается:

-а есть ли в деревне свои праздники? вот/ праздник деревни// и как праздники...//

*- нее/праздников в деревне нет// ну/ какие ...// вот все праздники/ рождество примерно/ крещение// эти вот праздники// вот самые ...// ну и раньше справляли эти вот все/ октябрьский/ такие были/ седьмое ноября// они очень были торжественные праздники// люди все гуляли// **вот щас так не гуляют**//*

Основной параметр противопоставления этой оппозиций – ценностный. Прошлое и настоящее оцениваются диалектоносителями полярно, в подавляющем большинстве контекстов положительную оценку получает компонент «прошлое»:

- *Тогда лучше/ проще было// В святки были ряженые ходили/ шутили// По посиденкам ходили вязали/ песни пели... Семечки вот такую сковороду грызли по выходным// Праздник есть праздник/ воскресенье// Раньше же как: в субботу крайний день считался/ все/ на танцы не пойдешь/ в субботу грех// в воскресенье уже целый день свободно(...)*

- *ходили// раньше было весело// ууу!// свадьбы такие!// щас не такие свадьбы// не!не!не!// тада наряжались// тока и гляди/ курицу стащат//[смеется] и в дом заходили// и на крещение коля...на рождество колядили// всё было// раньше было очень хорошо!// а щас нет//раньше...праздники/ всё село поёт!// всё село// а щас не/ нигде не слышать// свадьба идёт!// щас не принято/ а тада вот свадьба идёт в доме/ полон дом набитый/ посторонними// ну/ свои сельские заходят и смотрют// вот// эт/ было/ как только свадьба/ народу битком!// гостей битком!// и/ полно людей// мы уж свадьбу детям делали на улице/сыновьям// чтоб уж люди смотрели//*

В наших текстах хорошо видно, что при взаимной актуализации оппозиций «праздники/будни» и «прошлое/настоящее» проявляется значимый концептуальный признак «всеобщее веселье, массовый характер праздника».

Вариативность концептуализации оппозиции «прошлое-будущее» может быть обусловлена индивидуальными особенностями информанта (эпизоды биографии, психологический и эмоциональный статус личности и т.д.). Например, в речи информанта может зеркально актуализироваться соотношение оппозиций «праздники-будни» и «прошлое-настоящее»:

-Праздники отмечали?

- Какой?

- Любые: Новый год, Рождество, Пасху?

- Да нет/ тада я девчонкой была/ ну/ тада никто не отмечал/ уж и замуж када я вышла тада/ а это нет/ такие щас молоденькие/ вон у меня внучка// Мы вчера праздник с ней справляли// я говоря о/ мы раньше-то не справляли никакие праздники/ кто тебе дает это/ праздники справлять/ копейки не было за душой/ копейки не было/ щас и деньги/ и батон/ и плюшки разные/ а тада ржаной хлеб/ ели// напекет мне мать хлеб/ и ешь/ вот тебе и// Это щас вон пойдешь в ларек/ и плюшки/ и все там/ и мороженое/ и пирожное там// не было ничё/ так штоб мать наваракскает своих пирожков/ карто .../ с картошкой/ с капустой/ вот тада ты и/ поешь/ а щас вот коврижки дорогие там/ печенье// тады не знали што копейка/ или чево//

Если в целом для современной диалектной картины мира свойственна четкая концептуализация оппозиции «праздники-будни» в компоненте «прошлое», а в компоненте «настоящее» - размытость оппозиционной структуры, то для этого информанта, наоборот, четкая структура, противопоставленность, присуща компоненту «настоящее». Это нельзя объяснить более низким социальным статусом или крайней бедностью семьи информанта, поскольку, по нашим наблюдениям, четкость оппозиционной структуры в диалектной картине мира от этого не зависит. Наоборот, вербализуется, как правило, именно устойчивость противопоставления вне зависимости от внешних обстоятельств.

Вариативность репрезентации концептуальной оппозиции «праздники-будни» может обуславливаться различными факторами, как общедиалектными, так и характерными для исследуемого говора или индивидуальными. Например, актуализация в контексте оппозиции «светские праздники/ религиозные праздники». Как правило, эта оппозиция, по нашим наблюдениям, реализуется в диалектной речи слабо: диалектоносители обычно вспоминают церковные и светские праздники в одном перечислительном ряду, смешивают их в одном контексте:

-А Егорий это когда праздник? Какого числа?

- Он наверное не в числах// Не знаю// Вот это Рождество в числах/ Новый год это как обычно/ вот Крещение в числах/ она восемнадцатого/ вот// Пасха это тоже число не держит//

Информант в своем сознании не разделяет праздники церковные (Рождество, Крещение, Пасха) и светский праздник (Новый год), и это типичная для современного диалекта ситуация. Тем не менее, концептуализация оппозиции сохраняется:

все праздники такие вот/ не божественные/ а вот эти/ советские все празднества/ новый год/ седьмое ноября / первое мая/ день победы/ вот такие вот все празднества// весело было [м-м]// очень весело// тогда

Исключение составляют диалектоносители, концептосфера которых в значительной степени определяется религиозным компонентом.

В говоре села Белогорное вариативность этой оппозиции зависит от конфессиональной принадлежности информанта, поскольку в говоре наблюдается конфессионально неоднородная социокультурная ситуация: первоначально село заселялось старообрядцами, но впоследствии в нем появились и приверженцы официального православия. В настоящее время в селе живут и старообрядцы (в говоре используются номинации староверы, кулугуры) и православные (в говоре используются номинации мирские, церковные). В дискурсе старообрядцев, по нашим наблюдениям, отсутствует оппозиция «светские праздники/ религиозные праздники», поскольку концепт «праздник» оказывается тождественен концепту «религиозный праздник»:

-мы в любой праздник не радуемся/ мы читаем с умилением//

- А, торжественно?

- да / торжественно/ мы... мы не радуемси// и в честь праздника мы не выпиваем/ ничего/ мы такие торжества не делаем// это погрешно//

Показательно, что это варьирование специально отмечается, главной темой беседы становятся не сами действия (или значимое бездействие) в праздничное время, но актуализация значимой для данного дискурса оппозиции «старообрядцы / все остальные». Нет четкой концептуализации противоположного члена оппозиции, поскольку актуализирована еще одна, базовая оппозиция «свой-чужие», где маркером компонента «свой» оказываются многочисленные употребления личного местоимения первого лица множественного числа (мы, у нас и т.д.), а противоположный компонент, «чужие», не вербализирован.

Таким образом, набор концептуальных признаков, позволяющих выделить концептуальную оппозицию «праздники/будни» и пересечение этой оппозиции с другими концептуальными оппозициями, структурирующими современную диалектную картину мира, оказывается достаточно устойчивым, варьирование обусловлено либо личностными характеристиками информантов, либо экстралингвистическими особенностями социокультурной ситуации говора.

Библиографический список

Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е. Текстовый диалектологический корпус как модель традиционной сельской коммуникации //Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 7 (14). – М.: РГГУ, 2008.

Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995

Цивьян Т.В. Оппозиция мужской/женский и ее классифицирующая роль в модели мира //Этнические стереотипы мужского и женского поведения. – СПб., 1991.

О.Ю. Крючкова
Саратов

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

В статье анализируются особенности словообразовательной деривации, определяющие эвристическую ценность данных словообразования для лингвистических исследований когнитивной направленности.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, словообразование

The article deals with the peculiarities of word-building derivation, which define heuristic value of word-building data for the purposes of cognitive linguistic researches.

Key words: cognitive linguistics, word formation.

Языковые единицы, их системные объединения рассматриваются в когнитивной лингвистике как средства объективации когнитивных структур и процессов. Центральное место в исследованиях когнитивной направленности занимают лексика и фразеология. Материал словообразования в когнитологии привлекается сравнительно редко, а если и привлекается, то обычно в виде отдельных, выборочно взятых фактов, имеющих вспомогательный, дополнительный характер. Между тем хорошо известна и неоспорима важнейшая роль словообразования в номинативном процессе, запечатлевающем особенности человеческого мировосприятия, специфику культурно-исторического опыта народа: «большинство обозначений рождается в современных языках в актах словообразования: основная нагрузка при создании новых конвенциональных знаков ложится именно на словообразование с присущими ему словообразовательными моделями, дающими образцы «упаковки» нового содержания в известные формы» [Кубрякова 2004: 437].

Эвристическая ценность данных словообразования (производных слов (ПС), словообразовательных моделей, деривационных подсистем и процессов) для выявления воплощенных в языковых формах ментальных актов, знаний и представлений, определяется целым рядом свойств этого материала.

1. *Мотивированность ПС.* «Мотивация, – пишет Дж. Лакофф, – является центральным феноменом познания. Причина этого в том, что легче изучить то, что является мотивированным, чем то, что является произвольным. Легче также запомнить и использовать мотивированное знание, чем произвольное знание» [Лакофф 2004, 1: 449]. Закономерно поэтому, что характерной чертой исследований когнитивной направленности является «поиск мотиваций и иконических принципов языковой организации» [Баталов 2004: 3].

Мотивированность производной лексики и обусловленная этим эксплицитность номинативных процессов дает основания рассматривать производное слово как единицу, обладающую значительным информативным по-

тенциалом для когнитивной лингвистики. Производные слова, составляющие большую часть лексического состава в современных европейских языках, «более информативны по той простой причине, что они позволяют увидеть (в отличие от простой и непроемкой лексики), как была воспринята определенная реалья в мире «как она есть» – через отсылки к каким (исходным, мотивирующим) сущностям объектам, действиям, качествам и т.д.) они были осмыслены и поименованы» [Кубрякова 2006: 6], «как именно «сконструировано» то или иное значение» [Кубрякова 2004: 437]. По справедливому заключению Е.С. Кубряковой, «нельзя описать в когнитивной лингвистике правил конструирования новых значений, не обращаясь для этого к правилам словообразования и конструирования семантики в ПС» [Там же].

Эвристический потенциал ПС, сохраняющих свою внутреннюю форму, определяется также тем, что в них «ярче, чем в других, немотивированных словах, высвечивается такой семиотический концепт, введенный Ч. Пирсом, как «интерпретант», поскольку именно здесь нагляднее всего эксплицируется результат предметно-познавательной, интерпретирующей деятельности человека, обладающего свободой выбора «стратегии интерпретирования» [Вендина 1999: 27].

Значительный интерес для когнитивного словообразования представляет удельный вес мотивированной лексики (соотношение мотивированных и немотивированных слов) в разных лексических подсистемах, их открытость или, напротив, закрытость для актов словообразования. Ср., например, по наблюдениям И.С. Улуханова, группа названий воинских категорий, чинов и званий в русском языке включает 80% немотивированных и 20% мотивированных слов, тогда как названия лиц, занятых в хозяйственной, экономической сферах деятельности имеют лишь 6,2% немотивированных слов и 93,8% мотивированных» [Улуханов 2009: 434]. Иерархию семантических сфер по степени их открытости для словообразовательной деривации выстраивает на материале лексики русских народных говоров Т.И. Вендина [см.: Вендина 1999].

Неоднородность лексических подсистем в аспекте соотношения в их составе мотивированных и немотивированных слов, по-видимому, не случайна, она объясняется большей / меньшей значимостью интерпретационного, аксиологического компонента в актах концептуализации определенных сфер. Чем выше прагматическая ценность соответствующих реалий, чем большую роль играет в связи с этим их оценочная интерпретация, тем активнее роль мотивации в номинативном процессе. На эту закономерность обращают внимание в названных работах И.С. Улуханов и Т.И. Вендина, отмечая «номенклатурный», или «идентифицирующий» характер лексики в наиболее

закрытых для словообразования лексических группах (группа названий воинских категорий, чинов и званий в материале И.С. Улуханова, обозначения неба и небесных тел в материале Т.И. Вендиной). Связь явления мотивации с прагматикой и аксиологией служит дополнительным аргументом в пользу особой ценности производной лексики для решения задач когнитивной лингвистики.

Изучение мотивированной лексики в составе лексико-семантических и тематических групп не ограничивается ее количественной оценкой. Важным для понимания особенностей концептуализации фрагментов мира является выделение набора используемых здесь семантических типов мотивации (мотивационных моделей), определение сильных (ядерных) и слабых (периферийных) мотиваций. Все это дает репрезентативный материал для реконструкции соответствующих когнитивных процессов (см., например, анализ мотивационных признаков, используемых в диалектных названиях реалий растительного, животного мира, ландшафта, в обозначениях неба и небесных тел в указ. раб. Т.И. Вендиной, выявление ядерных типов мотивированности в разных семантических группах глаголов с финалью *-ствовать* в работе [Панченко 2008]).

2. «Плотность» обозначаемого. ПС, выступающие как однословные, компактные способы выражения понятий, ярко репрезентируют идею номинативной плотности, сформулированную В.И. Карасиком [Карасик 2002: 133-134]. Показателем номинативной плотности является, наряду с другими признаками, «однословное обозначение некоторого понятия в одном языке по сравнению с неоднословным обозначением в этом же языке и в других языках» [Там же].

В отличие от синтаксических структур в ПС концептуальные схемы репрезентированы в свернутом виде (ср. у П.А. Флоренского уподобление слова «свившемся в комок предложению», а предложения – «свободно распустившемся слову» [Флоренский 1989: 126-127]. В актах словообразовательной деривации получает выражение процесс интеграции ментальных пространств, сращения концепта основы и концепта словообразовательного форманта, в результате чего формируется «новый... ментальный гештальт, через целостность которого «просвечивает» его расчлененность» [Борисенкова 2005: 19]. Представляя в своей поверхностной структуре сочетание двух концептов (концепта мотивирующей основы и концепта словообразующего аффикса), ПС, в отличие от структуры синтаксической, не эксплицирует характер их связи, однако эта связь (глубинный предикат) восстанавливается носителями языка путем соотнесения данной поверхностной структуры с соответствующей словообразовательной моделью.

Номинативная плотность, как справедливо отмечает В.И. Карасик, является «важнейшим объективным показателем актуальности той или иной сферы действительности для конкретного сообщества» [Карасик 2002: 133-134]. Понятия, получившие в языке грамматическое или словообразовательное выражение, должны рассматриваться как имеющие, очевидно, наибольшую ценность для данного языкового коллектива. Ср., например, замечание В.Б. Касевича о том, что словообразовательные значения аккумулируют наиболее значимые для данного языкового коллектива элементы смысла; они, во многих случаях служат как бы удобными «аббревиатурами» для более громоздких лексических оборотов, семантика которых «с точки зрения» данного языка «заслуживает» включения в грамматику по тем или иным причинам, чаще всего – по причине ее прагматической важности [Касевич 1988: 233].

По-видимому, развитием идеи номинативной плотности может служить критерий грамматикализации определенного содержания, необходимость и возможность его выражения на основе сформированных в языке структурных моделей – устойчивых или даже обязательных форм выражения понятий. Таков характер выражения грамматических значений. Между словообразовательными и грамматическими значениями и категориями существуют глубинные функциональные связи [см, напр.: Кубрякова 1981: 119; Мурясов 1993]. Различные виды изоморфизма словообразовательных и грамматических значений обуславливают необходимость учитывать их коррелятивность при привлечении данных словообразования в когнитивных исследованиях, поскольку словообразовательные значения, изоморфные грамматическим («изограмматические деривационные значения», по Р.З. Мурясову) или приближающиеся к ним по своей регулярности, имеют для когнитивной лингвистики особый статус как значения наиболее глубоко укорененные в структуре языка (ср., например, словообразовательные категории собирательности, единичности, женскости, субъективной оценки в русском языке).

3. Серийность словообразовательной деривации.

Словообразовательные ряды объединяют целые серии однотипных лексических единиц, характеризующихся единством обобщенных значений (значений аффикса, отсылочной части, словообразовательной модели). Поэтому изучение таких рядов с позиций когнитологии дает ценный материал для установления не только отдельных элементов языковой картины мира, но и, по словам Е.С. Кубряковой, для реконструкции самой «системы экспликации (интерпретации) мира», для реконструкции «принципов сортировки опыта, его обработки, его классификации» [Кубрякова 2006: 6].

Серийность единиц словообразования обеспечивает наибольшую прозрачность одного из основных когнитивных процессов – процесса категори-

зации, позволяет проследить механизмы «осмысления новых сущностей через отнесение их к уже имеющимся группам, характеристики членов которых приписываются этой новой сущности и учитываются на разных уровнях осознаваемости как выводное знание» [Залевская 1999: 99]. Так, регулярность словообразовательных моделей, служащих формами языковой репрезентации определенных концептуальных структур, способствует распространению, переносу инвариантного для этих моделей концептуального содержания в другие модели той же словообразовательной категории. Происходит своего рода концептуальное «заражение», семантико-когнитивное взаимодействие синонимических деривационных структур. На эти процессы обращает внимание Е.В. Король, указывая, например, на восприятие концепта производителя действия отсубстантивными именами деятеля типа *поденищик, нарядчик, нахлебник*. Динамический аспект семантики отсубстантивных дериватов стимулирован прототипическими для категории имен деятеля моделями с глагольной мотивацией (типа *воспитатель*). Приобретенный отсубстантивными именами деятеля концепт производителя действия, отмечает Е.В. Король, «задает направление ментального поиска необходимой информации», например, агентивной семантики у слова *пляжник*, имплицитного представления о действиях, производимых в обозначенном основой месте [Король 2003: 11].

Повторяемость словообразовательных структур, используемых для производства слов разных семантических классов, становится также фактором их концептуального наложения. Например, использование одной и той же словообразовательной модели для производства как одушевленных, так и неодушевленных имен (*воспитатель* и *глушитель, удлинитель*) «стимулирует постепенное стирание границ» между их концептуальным содержанием, «прирачивает» повторяющемуся словообразовательному форманту «концепт неодушевленности» [Там же]. Подобные концептуальные наложения могут служить стимулами повторной деривации (формантного удвоения), направленной на устранение концептуального синкретизма, ср.: др.-русск. *писательникъ, властельникъ, жительникъ*, совр. *вулканизаторщик, ароматизаторщик* [см.: Крючкова 2000]. В описанных явлениях ярко проявляется когнитивная функция языковых структур, служащих, как это было уже неоднократно отмечено разными исследователями, не только средствами выражения, но и средствами формирования концептуального содержания, та функция, о которой писал Р.И. Павиленис: «манипулируя вербальными символами, человек получает возможность манипулировать концептами системы и строить новые концептуальные структуры» [Павиленис 1983: 113-114].

4. *Наличие достаточно хорошо структурированных объединений ПС – комплексных единиц словообразования* – как результат серийного характера словообразования.

Процессы формирования и развития таких единств ПС, как словообразовательное гнездо (СГ), словообразовательный тип (СТ), словообразовательная категория (СК) определяются не только собственно лингвистическими факторами, но когнитивной ценностью объективированных в них концептуальных структур.

Так, в дериватах СГ, как отмечает С.М. Толстая, находят «продолжение» семантические характеристики и свойства, присущие исходному слову, «причем словообразовательные дериваты нередко усиливают и акцентируют семантические характеристики производящего многозначного слова и отдельных его лексем (в другой терминологии – лексико-семантических вариантов слова – О.К.)» [Толстая 2008: 20], дериваты многозначного слова относятся (наряду с антонимами и синонимами) к числу самых сильных различителей его отдельных значений, поскольку наборы дериватов индивидуальны для каждого значения [Там же: 16]. Таким образом, в СГ наиболее отчетливо эксплицированы те механизмы концептуального развития, которые получают свое закрепление в виде лексической полисемии. С.М. Толстая рассматривает целый ряд примеров, убедительно доказывающих, что во многих случаях полисемия не является результатом непосредственной внутрисловной семантической деривации, ее импульсы кроются в системных отношениях однокоренных дериватов, «носителем многозначности (единицей многозначности) является не только слово как набор лексем, но и целое лексико-словообразовательное гнездо» [Там же:30]. Таким образом вполне обоснованной представляется следующая когнитивная интерпретация СГ: «Представляя собой гиперлексему, СГ являются максимально крупными единицами вербализованной репрезентации концептов в языке» [Барабанов 2011: 15].

Объем и структура СГ выступает также как показатель значимости уже оязыковленного понятия, выраженного непроемным словом-вершиной СГ, потребности его использования в процессах дальнейшей концептуализации мира. Анализ семантико-тематической структуры СГ (семантико-тематическая группировка ПС в его составе) дает возможность судить о «донорском» потенциале исходного («вершинного») понятия, о покрываемом им денотативном пространстве, о возможностях его вторичного использования в ходе интериоризации и языковой объективации ментального опыта и знаний человека.

СК участвуют в обработке и сортировке разных аспектов человеческого опыта, обобщают информацию, связанную и непосредственно не связан-

ную с чувственным восприятием мира, структуры мнения и оценки мира. По типам систематизируемого опыта, по функциям, выполняемым СК в процессах концептуализации и категоризации мира, могут быть выделены разные типы СК: отражательные (конкретные), номинальные (абстрактные), оценочные [см.: Кубрякова 2006:11-12]. СК, объединяющие лексику на основе обобщенных значений аффиксов, вместе с грамматическими категориями репрезентируют и задают, по выражению Е.С. Кубряковой «сетку координат», которая регулирует видение и осмысление мира, составляет основу его языковой картины.

Объем и структура комплексных единиц словообразования в когнитивной лингвистике могут рассматриваться как результат языкового овнешнения потребностей в выделении и регулярной (по образцу) фиксации определенных понятий. Характер словообразовательной категоризации концептуальных структур дает ценные сведения о степени дробности, глубины концептуализации фрагментов мира, о потребности в разнообразном (вариативном) выражении соответствующих понятий (ср., например, такие объемные, многотипные СК в русском языке, как СК субъективной оценки, СК лица и др.). Комплексные единицы словообразования служат репрезентативным материалом для построения иерархии когнитивных моделей по признакам их регулярности и продуктивности.

Библиографический список

- Барабанов А.Ю.* Словообразовательные гнезда с корнями -куд-/-чуд-, -кор-/-чар- в истории русского языка: эволюция, концептуальный анализ. Автореф.... канд. филол. наук. – Орел, 2011.
- Баталов О.Г.* Когнитивно-функциональный аспект окказионального словообразования в художественном тексте. Автореф.... канд. филол. наук. – Н. Новгород, 2004.
- Борисенкова Л.М.* Когнитивные аспекты словообразования (на материале немецкого языка). Автореф.... докт. филол. наук. – Тверь, 2005.
- Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. – М., 1999.
- Вендина Т.И.* Словообразование как способ дискретизации универсума // Вопросы языкознания. – 1999. – № 2.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.
- Касевич В.Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. – М., 1988.
- Король Е.В.* Когнитивный анализ лексико-семантических категорий агентивности и инструментальности (экспериментально-теоретическое исследование словообразовательных полей). Автореф.... канд. филол. наук. – М., 2003.
- Крючкова О.Ю.* Редупликация как явление русского словообразования. – Саратов, 2000.
- Кубрякова Е.С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М., 1981.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание. – М., 2004.
- Кубрякова Е.С.* Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2006. – Т. 65. – № 2.

- Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Кн. 1: Разум вне машины. – М., 2004.
- Мурашов Р.З.* Словообразование и функционально-семантические категории (на материале словопроизводства существительных немецкого языка). – Уфа, 1993.
- Павиленис Р.И.* Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М., 1983.
- Панченко В.П.* Когнитивно-семантические группы глаголов в решении классификационных вопросов словообразования // Предложение и слово. – Саратов, 2008.
- Толстая С.М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. – М., 2008.
- Улуханов И.С.* О количественных параметрах словообразовательной системы // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. – М., 2009.
- Флоренский П.А.* Термины // Вопросы языкознания. – 1989. – №

А.Б. Михалёв
Пятигорск

РУССКОЕ «ДА» И ЕГО МЕСТО В ПРОТОКОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ «СИЛОВОЙ КОНТАКТ»

Исходя из презумпции звукоизобразительного происхождения языка, мы предполагаем, что первичный лексико-семантический фонд языка образован иконическими лексоидами (моносиллабическими прототипами лексем), в которых основную знаковую нагрузку выполняет начальный согласный звук или фонотип. Начальные согласные выступают в качестве доисторических классификаторов в структуре слов, и совокупность этих первичных выделенных классов (значений, категорий), на наш взгляд, можно рассматривать как протоконцептуальную систему языка. Проведенное исследование фоносемантического пространства д-лексики русского языка позволило определить локализацию в нем значений русского да, происходящих из семантического прототипа «Силовой контакт».

Ключевые слова: фоносемантика, концептуальная система, лексическая семантика, происхождение языка, семантические прототипы.

Sharing the presumption of iconic origin of language, we assume that the primary lexical and semantic core of language was formed by iconic lexoids (monosyllabic prototypes of words) in which an initial consonant sound or a phonotype bears the dominant semiotic weight. Initial consonants, hence, are performed as prehistoric classifiers in words' structure, while the entity of these drawn out primary classes (meanings, categories) could be considered as the protoconceptual system of language. The undertaken study of the phonosemantic space of Russian words with the initial d- made it possible to define the location of the Russian da meanings in this space and their provenance from the semantic prototype "Power contact".

Key words: phonosemantics, conceptual system, lexical semantics, the origin of language, semantic prototypes.

Вопрос о происхождении столь коротких по форме и столь многообразных по функциям и содержанию слов, как *да*, до сих пор остается трудно-разрешимым. В русском языке, к тому же, в отличие от других европейских языков, слово *да* используется и как частица (утвердительная, вопросительная, усилительная, побудительная), и как союз (соединительный, перечислительный, присоединительный, противительный). Ни один этимологический словарь не дает сколько-нибудь вразумительного объяснения истоков его значения, а распространенная версия о его связи с индоевропейским указательным местоимением *do-* или с **deh^u*- 'дать' [Фасмер: 1964, 480; Этимологический:1977: 180-181] представляется неубедительной [Иллич-Свитыч:1971, 215]. Непонятно, как может произойти переосмысление указательного местоимения, например, *этот* или *тот*, как и значения 'дать', в присоединительное или противительное значение и, тем более, в значение утвердительности.

Не пытаясь вновь повторить сравнительно-исторический анализ (он явно недостаточен для проникновения в такую доисторическую глубину), мы рискнем предложить методика фоносемантического полевого моделирования как возможный путь решения подобных задач. Исходя из презумпции звукоизобразительного происхождения языка, предполагаем, что первичный лексико-семантический фонд языка образован иконическими лексоидами (моносиллабическими прототипами лексем), в которых основную знаковую нагрузку выполняет начальный согласный звук или фонотип¹. Артикуляционно-акустические признаки речевых звуков, ассоциируясь с признаками экстралингвистических объектов и процессов, становятся знаками для самих этих объектов и процессов, а далее, в эволюции познавательной деятельности, для целых классов реалий. Таким образом, начальные согласные выступают в качестве доисторических классификаторов в структуре слов, и совокупность этих первичных выделенных классов (значений, категорий), на наш взгляд, можно рассматривать как протоконцептуальную систему языка. Сами эти классы мы называем семантическими прототипами [Михалёв 2007, 2008], а к их числу относим условно названные: «**Бить**», «**Резать**», «**Сжимать**», «**Тянуть**», «**Острое**», «**Округлое**» и некоторые другие, предположительно производные от перечисленных². Первые четыре семантических прототипа можно объединить по признаку «силовой контакт», что в терминах когнитивистики соответствует концептуальной, а в нашем случае протоконцептуальной модели «**Силовой контакт**».

Для того чтобы выяснить предположительные истоки значения слова *да*, нужно рассмотреть весь корпус русских слов с начальным согласным-классификатором *д*:- 1) выделить в нем звукоизобразительное ядро (звукоподражательное и звукосимволическое), 2) на основе компонентного и денотативного анализа³, этимологических данных сгруппировать лексику по различным семантическим полям, 3) проанализировать степень связанности этих полей с ядерными (производность 1-й, 2-й, 3-й и т.д. ступеней), 4) найти поле, в наибольшей степени соответствующее значениям (компонентам значений) искомого слова. Найденное поле и будет, по нашему мнению, представлять собой протоконцепт, из которого образовались нынешние значения слова.

¹ Гласные обычно расцениваются либо как чисто строевые произносительные компоненты, либо как символические, модифицирующие основное значение начального согласного.

² Зачастую ОСТРОЕ оказывается сопутствующим к РЕЗАТЬ, а ОКРУГЛОЕ – к СЖИМАТЬ.

³ Компонентный анализ подразумевает выделение составляющих значение сем из словарной дефиниции, а денотативный – выделение признаков денотата, не всегда эксплицированных в толковании.

Рассмотрим прежде всего семантические составляющие слова *да*, извлеченные из толкования в словаре [Словарь]. Оговоримся, что функционально-грамматическое различие между *да*¹ (частица) и *да*² (союз), примерно отмеченное в словаре, для нашего исследования не являются существенным, коль скоро речь идет о протосемантике. Иными словами, мы не рассматриваем их как омонимы. В каждом их значении (семеме) мы выделяем существенные семантические компоненты (семы) и, в конечном счете, совокупность всех выделенных сем формирует семантему¹, которая, по нашему представлению, может являться лингвистическим коррелятом когнитивного концепта. В целях экономии места мы будем приводить не каждое толкование слова *да*, а только некоторые для иллюстрации выведения семантических компонентов.

*Да*¹ (частица) 1. Утвердительная. Употребляется при ответе для выражения согласия, утверждения. (Извлеченные семантические компоненты: 'согласие', 'утверждение') 2. Употребляется в повествовательной речи при передаче итогов размышления по поводу чего-л. в значении: 'действительно, совершенно верно, конечно' (семантический компонент: 'действительно'). 3. Употребляется при неожиданном воспоминании о чем-л. упущенном в предшествующем разговоре, при перемене темы разговора и т.п. в значении: 'кстати, вот еще' (семантический компонент: 'еще'). И так далее. В результате извлечения сем образуется следующая совокупность для *да*¹(частица): 'согласие', 'утверждение', 'действительно', 'еще', 'недоверие', 'возражение', 'усиление', 'пожелание', 'побуждение', 'одобрение'. Аналогичным образом выводятся семы для *да*² (союз): 'соединение', 'охват', 'объединение', 'перечисление', 'противопоставление'. Повторяющиеся в семемах семантические компоненты опускаются. Полученную совокупность сем, необходимую для последующего шага исследования, мы и называем *семантемой*, или, в терминах когнитивистики, *концептом*.

Далее осуществляются шаги, обозначенные выше, предпринятые для исследования фоносемантического пространства корпуса *д*-лексики². В качестве звукоизобразительных ядер (центра) пространства выделяются гиперсемы «Давить» (лексемы: *давить*, *довлеть*), «Тянуть» (лексемы: *дергать*, *доить*), «Бить» (лексемы: *долбать*, *долбить*, *дубасить*, *дятел*), «Дуть» (*дуть*, *дух*, *душа*, *дышать*), «Звук» (*дудеть*, *дундеть*). Основанием для выдвигания именно этих ядер служат артикуляционно-акустические признаки взрывного

¹ В традиционно принятой терминологии *семантема* понимается всего лишь как синонимом *семемы*, т.е., как один из лексико-семантических вариантов слова. Мы предлагаем использовать термин *семантема* для обозначения совокупности *всех семем* полисемантического слова.

² В данном исследовании мы исключили из *д*-корпуса лексемы с начальной фонемой *др*-, т.к. второй компонент *-р* может иногда семантически доминировать над первым.

смычного переднеязычного звонкого [д]. С одной стороны, это напряженная, с некоторой задержкой, артикуляция, что способно символизировать усилие, характерное для действий «давить», «тянуть», «дуть». С другой стороны, плотный усиленный контакт языка с альвеолами имитирует процесс давления, т.е. символизирует действие «давить». В то же время звонкость этого согласного обеспечивает его звукоподражательные возможности, отсюда «бить» (действие, всегда сопровождающееся звуковым эффектом) и собственно «звук». К тому же энергичное размыкание артикуляционных органов и стремительное выбрасывание воздуха из ротовой полости имитируют резкое перемещение от источника к цели («бить») или вообще вовне («дуть»)¹.

Каждое из этих ядер (кроме «Звук») демонстрирует расширение по различным признакам. Мы сосредоточимся здесь только на семантической производности ядра «Давить», которое имеет наиболее разветвленную сеть дериватов.

Для обоснования широких деривационных возможностей значения 'давить' следует вначале рассмотреть само полисемичное слово *давить* и, как в предыдущем примере со словом *да*, сформировать его семантему (совокупность семантических составляющих). В результате компонентного анализа были выявлены следующие семы: 'прижимать', 'сжимать', 'мять', 'тяжесть', 'масса', 'ломать', 'раскалывать', 'расплющивать', 'уничтожать', 'душить', 'боль', 'калечить', 'угнетать', 'подавленное состояние', 'тесный', 'узкий', 'охватывать', 'ограничивать', 'заглушать', 'сильное воздействие', 'побуждать'.

Исходя из выделенных сем в семантеме «Давить», можно заметить, что в корпусе *д*-лексики присутствуют группы слов (или отдельные слова), которые по своим гиперсемам (значениям), очевидно, являются производными от той или иной составляющей этой семантемы. Схема производности семантемы «Давить»², на наш взгляд, представляется такой:

1. 'расплющивать' > ПЛОСКИЙ (*доска*).
2. 'масса' > ПЛОТНЫЙ (*дебелый, довольный*³) >
 - 2.1. БОЛЬШОЙ (*дородный, дылда, дюже, дюжий*);
 - 2.2. КРЕПКИЙ (*дуб*);
 - 2.3. ГУСТОЙ (*дебри, деготь, дерн, дерен, дубрава, дым*) >
 - 2.3.1. МНОЖЕСТВО, ИЗОБИЛИЕ (*дождь, дорогой*).
3. 'сильное воздействие' > СИЛА, ЭНЕРГИЯ (*действие, действовать, делать, деятельность, деяться, даже*) >

¹Ср. англ. *blow*¹ «дуть» и *blow*² «удар».

² Малыми прописными мы обозначаем гиперсемы, курсивом – сами слова.

³ Этим. от *до* и *воля*, т.е. «дополна». Может также относиться к гиперсеме МНОЖЕСТВО, ИЗОБИЛИЕ.

- 3.1. СУЩЕСТВОВАТЬ (действительный).
4. 'сжимать', 'душить', 'ограничивать' > ЗАТРУДНЯТЬ (духота, душный, душить).
5. 'сжимать' > ХВАТАТЬ (дерябнуть, добывать, дева¹, девочка, девушка) >
- 5.1. ДЕРЖАТЬ (держатъ, держава, десница, десна, длань, дежурить², десять³);
- 5.2. ВМЕСТИЛИЩЕ (дом, двор, дворец) >
- 5.2.1. ПРЯТАТЬ (девать);
- 5.2.2. ЗАКРЫВАТЬ (дверь, дамба);
- 5.2.3. ОКРУГЛОЕ (дуля, дупло, дыня, дыра).
- 5.3. ЛОВКИЙ (дошлый, дереза);
- 5.4. БРАТЬ – ДАВАТЬ (давать, дар, даром, дарить, дача);
6. 'сильное воздействие' > ГРУБЫЙ (дерзкий, дерзатъ, дерюга, дикий).
7. 'угнетать' > МОРАЛЬНОЕ УГНЕТАНИЕ (досада, долдонить).
8. 'побуждать' > ПОБУЖДАТЬ (давай, давайте).
9. 'сжимать' > ГНУТЬ (дуга).
10. 'сжимать' > СОЕДИНЯТЬ (два⁴, дышло, думать) >
- 10.1. СВЯЗЬ (деверь, дочь, дядя, дескать⁵).

При сопоставлении семантических компонентов слов $да^1$ и $да^2$ с полученной концептуальной схемой одного из ядер δ -лексики «Давить» обнаруживаются следующие соответствия. Сразу бросается в глаза совпадение сем 'соединение', 'объединение' и 'перечисление' у $да^2$ с гиперсемой (10) СОЕДИНЯТЬ. Сюда же следует добавить сему 'охват', соотносящуюся с гиперсемой (5) ХВАТАТЬ. Кроме того, семантические компоненты $да^1$ 'усиление', 'действительно', 'еще', 'побуждение' обнаруживают связи с гиперсемами (3) СИЛА, (3.1) СУЩЕСТВОВАТЬ, (10) СОЕДИНЯТЬ, (8) ПОБУЖДАТЬ. Что касается основного значения $да^1$, выражающего согласие, то мы интерпретируем его как СОЕДИНЕНИЕ (объединение) мнения адресата с предлагаемой версией адресанта (*Вы – русский? – Да.*). Само слово *согласие* по своей внутренней форме (*со-* и *голос*) указывает на соединение, единство, сходство взглядов (голосов) участников коммуникации. То же самое относится и к семе 'одобрение'. Сема 'пожелание' вполне соотносима с гиперсемой (5.4)

¹ Этим. *дева*, предположительно, происходит оти.-е. *dhē(i)- «сосать, кормить грудью». Однако сомнительно, чтобы эта функция приписывалась девушке, а не женщине. Поэтому мы предлагаем другое толкование значения-источника: «хватать», «умыкать».

² = «содержать в сохранности».

³ Этим. возм. связь с руками.

⁴ Возможны две противоположные версии семантического источника «два»: 1) СОЕДИНЯТЬ (от ядерной гиперсемы ДАВИТЬ), 2) ДЕЛИТЬ (от БИТЬ).

⁵ Этим. *де-* - частица при цитировании чужой речи; *скасть* – «сказать». Предположительно: «связь с другим говорящим».

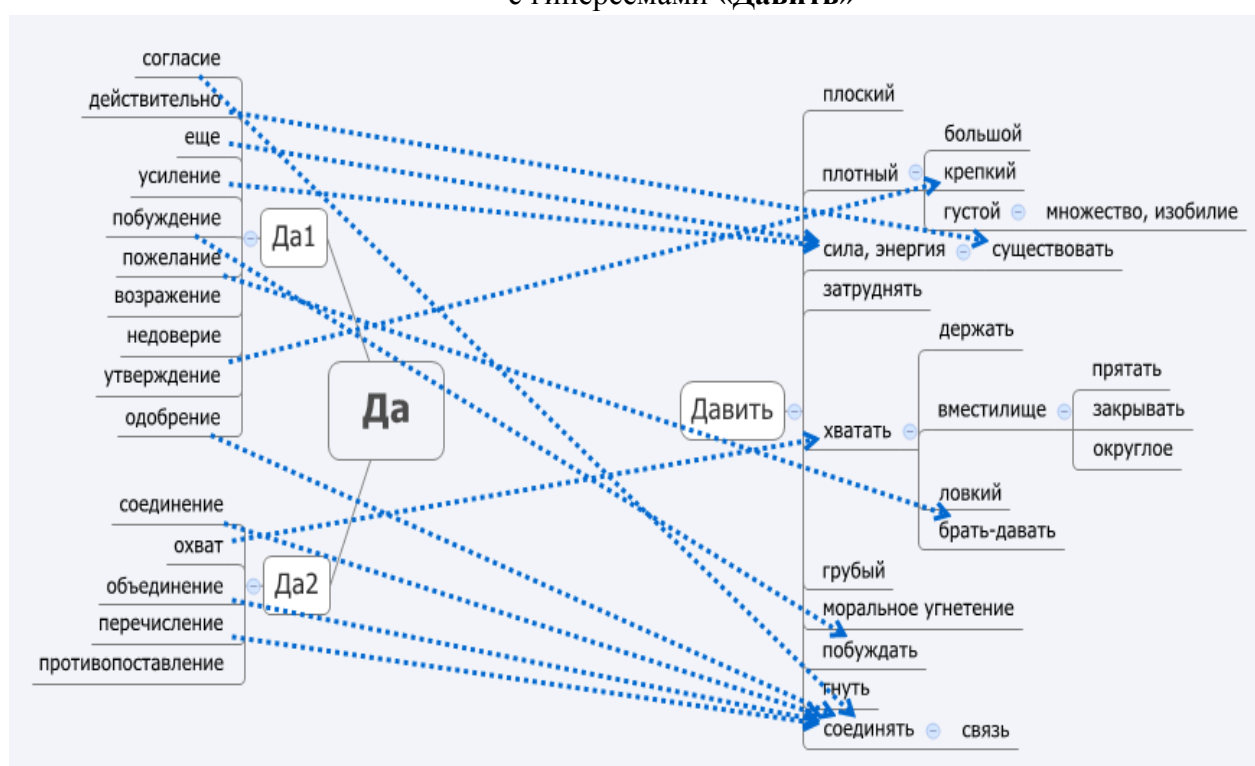
БРАТЬ-ДАВАТЬ, а ‘утверждение’ – с (2.2) КРЕПКИЙ. См. ниже схему соответствия семантических компонентов *да* с гиперсемами «Давить».

Таким образом, нам представляется вполне оправданным восхождение целого спектра значений *да* к протоконцепту «Давить»¹, являющимся частью протоконцептуальной модели «СИЛОВОЙ КОНТАКТ».

Подобный алгоритм исследования, примененный, во-первых, к другим участкам концепта «СИЛОВОЙ КОНТАКТ» и, во-вторых, к другим семантическим прототипам, по нашему мнению, способен восстановить в целом всё протоконцептуальное пространство доисторического человека и показать динамику его когнитивного развития.

Схема

Соответствие семантических компонентов *да*
с гиперсемами «Давить»

Библиографический список

Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь. Т. 1. – М., 1971.

Михалёв А.Б. Проблема категоризации (фоносемантический ракурс) // Problems of General, Germanic and Slavic Linguistics. Papers for 70-th anniversary of Professor V. Levickij. — Chernivtsi: Books — XXI, 2008.

Михалёв А.Б. Семантические прототипы // Язык и действительность: Сборник научных трудов памяти В.Г. Гака. – М., 2007.

Словарь русского языка. Т.1. – М., 1981.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.1. – М.: Прогресс, 1964.

Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып.4. – М., 1977.

¹ Этимологи считают *да¹* более поздним образованием после *да²* [Этимологический: 180].

Н.М. Орлова
Саратов

«РЫДАЮЩАЯ АГАРЬ»: СМЫСЛОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ БИБЛЕЙСКОГО КОНЦЕПТА

Статья посвящена рассмотрению проблем, связанных с прецедентной значимостью и эволюцией библейского текста в русской и европейской литературе на примере Ветхозаветной ситуации «Сарра и Агарь» и ее ключевых концептов.

Ключевые слова: концепт, прецедентная ситуация, концептополе.

The article considers the problems and evolution of the Bible as precedent text in Russian and European fiction as illustrated by the Old Testament story of Sarah and Hagar and its key concepts.

Key words: concept, precedental situation, concept field.

Прецедентная ситуация (ПС) «Сарра и Агарь» относится к ситуациям, содержащим драматический элемент, сюжет построен по новеллистическому типу, поэтому можно с определенной степенью уверенности предположить, какие именно концепты будут формироваться на ее основе и какие предсказуемые изменения в структуре когнитивной матрицы и ключевых библейских концептов будут происходить. Для рассматриваемой ситуации Библии важнейшими являются концепты 'всемогущество Бога' (рождение Исаака – то, что выше человеческого естества), 'неисповедимость Божьего промысла'. В библейской «жестокости» есть смысл, который выше понимания земного человека; в изгнании и страданиях Агари прочитывается ее грядущее предназначение. Наконец, прецедентные имена *праотца* множества народов Авраама, праматери Сарры, их сына Исаака формируют когнитивную линию «семья» и соответствующий концепт. Ситуация содержит важнейшее условие для реализации прецедентного потенциала сюжетов данного типа – наличие в библейском нарративе женских образов. Варьирование когнитивной линии 'семья' – одной из важнейших в рассматриваемом прецедентном тексте – позволяет предположить порождение концептов 'семья', 'любовь', 'женственность', 'ревность', 'измена' и т.п.

Обращение к рассматриваемой прецедентной ситуации имеет давнюю традицию в богословии и религиозном красноречии («Слово о законе и благодати» Митрополита Илариона), где закон Ветхого Завета связан с рабством (Агарь, рабыня), а благодать Нового Завета – со свободой (Сарра). Д.В. Щедровицкий подчеркивает глубокий религиозно-философский смысл сюжета. «Человек, целиком захваченный сиюминутной обидой, – пишет он, – может забыть о смысле и цели своей жизни, и именно это случилось с Агарью» [Щедровицкий 2003: 141]. «Агарь и ее сын умирали от жажды, а ведь

колодец с водой был совсем рядом. Но их очи были закрыты! Этот колодец с живой водой находится внутри нас, а мы умираем от жажды» [Щедровицкий 2003: 185-186]. Особое внимание уделено Д. Щедровицким пророчествам о том, что от Измаила Бог «произведет великий народ» [Щедровицкий 2003: 186, 142].

При обращении к прецедентной ситуации в рамках художественного дискурса наблюдается постепенное искажение когнитивной матрицы библейского текста, динамическое варьирование ее смыслов. Так, у Якова Полонского («Агарь», 1855) можно отметить, с одной стороны, актуализацию одного из наиболее важных концептов библейского претекста (и Библии в целом) – Агарь-мать, праматерь мусульман; с другой – привнесение рассказа о ее нравственных страданиях, о жизни в доме Авраама и т.п. «Пролитые слезы» – одно из первых в русской классике упоминаний об Агари как «плачущей», «рыдающей». Аллюзии на другую Мать – Богородицу – также достаточно традиционны и находятся в русле религиозной традиции Нового Завета:

Связь с религиозно-философским смыслом библейского претекста может оставаться достаточно прочной, поскольку последний содержит не только пророчество рождения Спасителя, но также упоминание о животворном источнике духовной силы («колодце»), на который указал Агари и ее сыну Ангел (Мирра Лохвицкая. «Плач Агари»).

Атрибуция Агари как «матери, изгнанной из дома отцом ее ребенка», оживляет в имени ключевого концепта различные смысловые кванты, связанные с общеязыковым концептом 'покинутая женщина'. В этих случаях актуализируются субситуации «Бегство Агари» и «Агарь в пустыне» и происходит ослабление прецедентного потенциала иных субситуаций в рамках рассматриваемой ПС («Бесплодие Сарры» Быт. 16, 1-2; «Окончательное заключение завета между Богом и Авраамом, обрезание, в том числе Измаила» Быт. 17; «Поведение Измаила на пиру» Быт. 21, 9 – обращения к ним крайне редки). В сознании носителей многих языков закреплены ассоциативные ряды, связанные с плачем, страданием, одиночеством Агари: *Тоска, тоска звериная! Впервые жжет слеза Египетские, длинные, Пустынные глаза* (София Парнок. «Агарь»); *Od słońca pożaru szerniała mi głowa, A wkoło pustynia; do Ciebie, Jehowa, Podnoszę płaczącą mój głos.* (Kornel Ujejski. «Nagar na puszczy»). Ср. также:

– *Хитра ты, да ведь и я не промах <...> но раз, что кончим мы с Бод-ростинным и ты будешь моя жена, а Лариса будет моя невольница... моя рыдающая Агарь... а я тебя... в бараний рог согну!..* (Н.Лесков. «На ножах»).

В приводимом примере из стихотворения Габриэлы Мистраль «Терновник» (или «Боярышник», «El espiño») в переводе Инны Лиснянской аллюзия на страдания Агари осуществлена за счет отсылки к другому прецедентному тексту Библии – Книге Иова, сближению в одном контексте двух известных прецедентных имен (Иова и Агари): *И – я терновник обняла с любовью (так обняла бы Иова Агарь): мы связаны не нежностью, а болью* <...> (ср. *cual si Agar abrazara a Job*).

Итак, *плачущая Агарь* страдает от того, что изгнана из дома отцом ее ребенка, хотя, заметим, в религиозной картине мира (применительно к Агари – прежде всего в мусульманстве) эти слезы имеют иной смысл: «История арабской расы начинается со слез Агари, первых в Священном Писании. Арабский – это язык слез; а именно слез тех смертных, которые знают, что Бог в своей сущности недоступен и что так должно быть» [Massignon L. *Les trois prieres d'Abraham*. Paris, 1935. P. 24; цит. по: Каграманов 2006: 336]. Дальнейшее варьирование ПС и генерирование новых смысловых квантов связывается с общеязыковыми концептополями 'любовь', 'измена', 'ревность'. Очевидно, что подобное переструктурирование когнитивной матрицы библейской ПС в рамках художественного дискурса демонстрирует ее существенное варьирование, которое, как было отмечено, является предсказуемым. Обращение к рассматриваемой ситуации особенно характерно для поэзии. Агарь – востребованный любовной лирикой символ покинутой, отвергнутой женщины, Измаил – брошенное отцом дитя:

*...И кто в сутулости отмеченной,
В кудрях, где тишина и гарь,
Узнает только что ушедшую
От дремы теплую Агарь <...>
Как стянут узел губ отринутых!
Как бьется сеть упругих жил!
В руках какой обидой выношен
Жестковолосый Измаил! (Илья Эренбург)
Так Агарь в своей пустыне
Шепчет Измаилу:
«Позабыл отец твой милый
О прекрасном сыне!» (Марина Цветаева).
Nam szaty od skwaru opadły w kawałach,
I rzemień porękał na naszych sandałach,
I cierpi, i płacze mój syn.
Jam, Panie, kochała i była kochaną,
Szczęśliwą – to słusznie, że jestem karaną,*

Lecz syn mój, Ismael – bez win (Kornel Ujejski – заметим: о том, что Агарь «любила», «была любима» и «счастлива», речь в библейском тексте вообще не идет, а Измаил страдает не вполне безвинно («bez win»), если вспомнить его поведение на пиру).

Привнесение новых смысловых квантов в структуру ПС и ее ключевого концепта отличается большим разнообразием, поскольку разнообразны человеческие отношения в рамках любовных треугольников; такова, например, целующая Агарь (= соперницу) Сарра (=жена) в тексте Светланы Кековой: *Славят лето Господне крестьянин и царь, а луна в небесах как волшебный фонарь, он над домом качается, смотрит в окно, где уставшая Сарра целует Агарь <...>*

В рассказе И. Бунина «Натали» героиня (Гаша), внешне удивительно похожая на библейских женщин (...отец когда-то говорил: «Вот, верно, такая была Агарь»), – не законная супруга и не «госпожа», а «наложница» и «крестьянская сирота» (= рабыня, подобно Агари). Отсылка к рассматриваемой прецедентной ситуации эксплицирует концептополе 'трагическая любовь'. Агарь – юная (...вид она имела еще полудетский), черноволосая, с «темной тонкой кожей» и «глазами цвета сажи» – в когнитивной картине мира носителей русского языка всегда «брошенная возлюбленная»; сходство подчеркнуто созвучием имен (*Гаша/Агафья – Агарь*). Натали в прецедентном поле данной ПС приобретает черты как Сарры, так и Агари: она не законная, а «тайная жена», погибающая в «преждевременных родах». Заметим, что для Бунина образы библейских героинь обладают огромной притягательной силой; особое значение имеет Рахиль. В «Натали» также нельзя не отметить обращения писателя к прецедентной ситуации «Лия и Рахиль». Герой стремится к счастью с «Рахилью» (Натали), но «по крайней молодости и <...> удивительному стечению обстоятельств» получает взамен, подобно Иакову, «Лию» (Соню). Кончина Натали повторяет трагическую смерть Рахили, умершей при рождении Вениамина. Однако по сравнению с библейскими претекстами концептополе 'смерть, гибель' в рассказе Бунина эксплицировано значительно более отчетливо. Встреча с овдовевшей Натали происходит на фоне отпевания, «в сумраке и ладане этой *страшной* залы»; наконец, умирает и сама героиня. Судьба новорожденного неизвестна, но осиротел ее старший ребенок, подобно тому, как Рахиль оставила после себя не только Вениамина, но и Иосифа. Вся концептосфера трагической любви служит убедительным доказательством динамических возможностей библейской прецедентности, бесконечного варьирования когнитивной матрицы библейских прецедентных ситуаций.

Реализация прецедентного потенциала библейской ситуации «Сарра и Агарь» путем вербализации концептополей ‘любовь’, ‘ревность’, ‘измена’ и т.п. в прозе (например, у Н. Лескова) может сочетаться с ее ироническим переосмыслением (см. также в текстах европейской литературы – у Дж. К. Джерома, Эрве Базена).

Менее предсказуемым является актуализация в структуре концепта ‘Агарь’ смысловых квантов, связанных с происхождением от Агари «великого народа», развитие новых значений у номинанта концепта, появление новых словообразовательных связей. Однако сходные явления наблюдаются в языковой и когнитивной картине мира многих народов, и этот процесс активно протекает в современных языках.

Агаряне (иногда метонимически: Агарь) – ‘арабы, мусульмане’. Производное, «унаследованное из старославянского языка» [Богородский 2004: 49], активно употребляется в текстах религиозного содержания, в житийной литературе. П.А. Юнгеров, например, полагал, что для религиозных текстов это слово «ясное», не нуждающееся в особых толкованиях и «параллелях» [Юнгеров 1900: 458]. В художественном дискурсе и в русском языковом сознании – ‘иноверцы, мусульмане’, наименование лиц по национальности, актуальное для данного периода развития социума – ‘арабы’, ‘турки’, ‘чеченцы’ (Ломоносов. «Ода ... на победу над Турками и Татарами и на взятие Хотина 1739 года»; Сумароков. «Ода государыне императрице Екатерине Второй на взятие Хотина и покорение Молдавии» и др.).

Большинство словарей содержит пример из «Живых мощей» И. Тургенева, поскольку слово не относится к числу употребительных:

*А то вот еще мне сказывал один начетчик: была некая страна, и ту страну **агаряне** завоевали*

Вовлечение прецедентного имени Агарь в концептополе ‘мусульманство’ широко представлено в творчестве И. Бунина. Так, стихотворение «Путеводные знаки» имеет эпиграфом цитату из Корана: «Он ставит путеводные знаки», ср. «Он расположил знаки на дорогах. Люди руководствуются также в пути звёздами» [Кор.16:15-16]. Считается, что арабы ориентируются в пустыне по каменным глыбам или по грудам разбросанных камней. Текстобразующую функцию выполняют одновременно и отрывок из Корана, и отсылка к ситуации «Изгнание Агари»:

*Путь по пескам от Газы до Арима
Бог оживил приметами, как встарь.
Привет вам, камни – четки пилигрима,
В пустыне ведущие Агарь!*

Также: *И заунывно-равнодушно наигрывает на плакучей свирели мимо проходящий пастух <...> Совсем не о Соломоне напоминает этот **потомок Измаила и Агари!*** (И.Бунин. «Иудея»).

В русском языке этноним «агарянин» относится к числу немногочисленных экспрессивных этнонимов, имеющих высокую, книжную окраску – наряду с такими наименованиями, как галлы, россы. Слово, обладающее также явным налетом архаизма, сопровождающееся в лексикографии пометами «стар., обл. и фолькл.» (БАС), «устар.», охотно используют авторы исторических романов (Д. Мережковский. «Воскресшие боги, или Леонардо да Винчи»; Валентин Иванов. «Русь изначальная»; В. Пикуль. «Фаворит»).

В украинском агарянин, агаряньский (также устаревшее) – ‘магометанский; турецкий’: *А в турецьку землю агаряньську Без кормиг прибило.* (Тарас Шевченко. «Невольник»).

Семантико-стилистические особенности номинанта концепта в болгарском языке заключаются в том, что слово (по вполне объяснимым причинам) имеет сниженную окраску: *презрит.* ‘Турчин, нехристианин’.

Какви са тия турци? – Агарянци, синко, врагове божию (Иван Вазов. «Под игото»).

В европейских языках номинант «Агарь» и производные имеют похожие значения. В XIX веке словарь слов из сказок и мифов Е. Cobham Brewer’a определял его следующим образом: *Hagarenes.* ‘*The Moors are so called, being the supposed descendants of Hagar, Abraham's bondwoman*’ – однако в английском языке употребление рассматриваемой лексемы чаще связано с религиозными контекстами. Не случайно, вероятно, в упомянутом словаре пример художественного использования слова «hagarenes» дан из переводного текста (*San Diego ... hath often been seen conquering ... the Hagarene squadrons.* Cervantes: Don Quixote), ср. также в русском переводе Н. Любимова: <...> *он сокрушал, попирал, уничтожал и истреблял полчища агарян.*

Польское *Hagryci* также употребляется преимущественно в текстах религиозного содержания. Иными словами, в европейских языках слово агаряне (потомки Агари) эксплицирует концептосферы ‘мусульмане’, ‘иноверцы’. В связи с тем, что в русском языке, несмотря на ограниченную употребительность рассматриваемого номинанта, существует традиция использования его в художественных текстах, нет препятствий для дальнейшего вхождения его в язык беллетристики и публицистики.

В приведенных примерах обращение к прецедентному имени Агарь (точнее, к его производным) служит вербализации концептополя ‘мусульманство’, как правило, противопоставленного в языковой и когнитивной картине ‘христианству’. Дальнейшая смысловая эволюция концепта в русском

языке удивительным образом «коррелирует» с пророчеством, которое было дано Агари Ангелом по поводу судьбы Измаила: «жить будет он пред лицом всех братьев своих». «Всех братьев» – означает не только христиан, но также (и в первую очередь!) иудеев, современных израильтян. Беллетристика последних лет содержат обращение к концепту ‘Агарь’ с актуализацией ранее латентных квантов смысла ‘изгнание матери-мусульманки матерью-иудейкой’, ‘вражда между детьми, рожденными этими матерями, и их потомками’ и т.п. При этом отсылки к прецедентной ситуации достаточно многочисленны, ср.: в повести Керен Климовски «Рада»:

*Читаю в Интернете рассказ о двух старухах – еврейской и арабской – которые лежат в иерусалимской больнице во время шестидневной войны, и арабка говорит: «Эта земля так же принадлежит мне, как и тебе, **мы ведь обе – дочери Авраама**». А еврейка отвечает: «Не заблуждайся, милочка, **я – дочь хозяйки дома, а ты – дочь служанки...**» <...> И тут начинаю думать про истоки этой вражды, может, и в самом деле библейские, про **Сару** – увядающую женщину, которая мучается оттого, что не может зачать от любимого мужа, и в отчаянии предлагает ему в наложницы свою служанку **Агарь** <...>, но больно **Саре**, она ревнует <...> и не выдерживает **Сара** и велит Аврааму прогнать **Агарь** <...> вот откуда – соперничество, противоборство, ненависть <...>*

В связи с наличием в структуре концептов ‘Агарь’ и ‘агаряне’ латентных смысловых квантов их дальнейшая смысловая эволюция представляется перспективной.

Библиографический список

- Богородский В.А.* О словообразовании этнонимов в русском языке XVIII века // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. – Казань, 2004.
- Каграманов Ю.* О Святом Духе в исламе, «слезах Агари» и других вещах // Континент. – 2006. – № 128.
- Щедровицкий Д.* Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево / Д. Щедровицкий. – М., 2003.
- Юнгер П.А.* Словарь к Псалтири. Отзыв о сочинении «Справочный и объяснительный словарь к Псалтири» П. Гильтебрандта // Христианское чтение. 1900. Ч.2.

О.А. Сеничева
Бердянск

СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ, ОБОЗНАЧАЮЩИМ ЦВЕТ «КРАСНЫЙ»

Статья посвящена изучению семантико-грамматических особенностей употребления фразеологизмов в русском языке в когнитивном аспекте. На примере устойчивых словосочетаний с компонентом, обозначающим цвет «красный», исследуются процессуальные, качественно-обстоятельные, предметные, призначные (или атрибутивно-предикативные), грамматические, модальные и количественные классы фразеологических единиц и их лексико-грамматические способы выражения. Описываются логические, смысловые, исторические связи фразем с компонентом «красный», а также особенности их употребления в речи.

Ключевые слова: фразеологизм, устойчивое словосочетание, колоратив, цвет, красный, языковая картина мира.

The article is devoted to research of the semantic and grammatical peculiarities of the phrasemes in Russian language in the cognitive aspect. On the example of set expressions with the component, which indicates the color «red», the procedural, quality-circumstantial, case, pre-meaning (or attributive-predicative), grammar, modal and quantitative classes of phrasological units and their lexical and grammatical means of expression are examining. The logical, conceptual, historical connections of phrasemes with the component «red» and also their peculiarities of the use in speech are describing.

Key words: phraseme, set phrases, colour term, color, red, language worldview

В связи с ростом интереса к когнитивным процессам, происходящим в языке, происходит поворот направления исследований природы и структуры устойчивых словосочетаний.

Фразеологизмы являются предметом постоянного изучения в разных аспектах. Среди последних трудов, посвященных этой проблематике, стоит отметить, в частности, работы Л.Г. Бедоидзе, А.И. Бурлак, СИ. Воинова, О.Н. Каленкова, А.А. Кайбияйнен, Л.Е. Кругликова, А.Ю. Кузнецовой, Я. Мерзук, Н.Н. Репникова, Г.С. Свешникова и др.

Известно, что фразеологические словосочетания являются ярким отпечатком специфики национальной картины мира. В роли их компонента часто выступают наименования объектов окружающего мира, среди которых есть и номинации цвета.

Колоративы, являясь важной частью языковой картины мира того или иного этноса, отражают особенности восприятия видимых объектов действительности, обусловленные спецификой его национального характера. По А. Вежбицкой, колоративная лексика представляет собой «универсальное понятие подобия в передаче зрительных ощущений» [Вежбицкая 1997: 234].

Несмотря на значительное количество работ, посвященных изучению колоративных фразеологизмов, остается нерешенным ряд проблем, среди которых для нас представляет интерес исследование семантики и грамматической структуры устойчивых словосочетаний с компонентом, обозначающим цвет «красный», что и обусловило актуальность нашего исследования.

Цель исследования – выявление семантических и грамматических значений русских фразеологизмов с компонентом, обозначающим красный цвет, а также особенностей их употребления. Предметом нашего исследования являются фразеологические единицы (далее – ФЕ) с компонентом, обозначающим цвет «красный» в русском языке.

В соответствии с целью исследования были определены следующие задачи:

- 1) выявить фразеологизмы с компонентом «красный» в русском языке, которые выражают предметные, процессуальные и другие значения;
- 2) проанализировать семантико-грамматические свойства исследуемых ФЕ;
- 3) описать их логические, смысловые, исторические связи.

При анализе использовались описательный, количественный и системно-классификационный методы.

Из лексикографических источников методом сплошной выборки русских ФЕ, содержащих компонент цвета «красный», было выписано 20 ФЕ типа *как красная девица (девка), красная бумажка, красная доска, красная карточка, красная книга, красная строка, красная цена* и т.д.

Для описания семантико-грамматических свойств выписанных ФЕ мы воспользовались классификацией А.М. Чепасовой. Согласно этой классификации, все ФЕ распределяются по семи семантико-грамматическим классам: процессуальные ФЕ, качественно-обстоятельственные, предметные, призначные (или атрибутивно-предикативные), грамматические, модальные и количественные [Чепасова 1993: 27].

В нашем случае среди рассматриваемых фразеологизмов нет количественных, модальных и грамматических. По другим четырем классам русские фразеологизмы с компонентом, обозначающими цвет «красный», распределились так: предметных (всего) – 12 ФЕ, процессуальных – 2 ФЕ, призначных – 2 ФЕ, класс качественно-обстоятельственных ФЕ представлен одним фразеологизмом.

Как выяснилось, самый многочисленный класс в этой группе – предметные ФЕ (12).

А.М. Чепасова определяет предметные фразеологизмы как ФЕ, обозначающие предмет в широком значении этого слова, также они могут быть

обозначением лица или совокупности лиц [Чепасова: 34]: *красный уголок, красная доска, красная цена* и т.д.

1. Красный билет – ‘десятирублевый кредитный билет’:

*Капитан взял кий в руки. – За капитана держанье, держу за капитана **красный билет!** – послышалось во всех углах. Посыпались на стол кредитки* (В. Гиляровский. Трущобные люди).

2. Красные дни – ‘время удач, хорошей жизни’:

*Как возложили клеветники измену на Сильвестра да на Адашева, как прогнал их от себя царь, прошли наши **красные дни!*** (А.К. Толстой. Князь Серебряный).

3. Красный товар – ‘ткани, мануфактура’:

*Рядом с ним, в его же доме, торгует **красным товаром** некто Поганкин, который продает... **ситец*** (Салтыков-Щедрин. Письма из провинции) и др.

Следующим шагом нашего исследования является рассмотрение семантико-грамматического класса процессуальных ФЕ.

По определению А.М. Чепасовой, это фразеологизмы, которые обозначают любые действия, состояния, изменения как процесс, т. е. процессуальность – их общее семантическое свойство [Чепасова 1993: 48]: *проходить красной нитью* и т. д.

В количественном отношении процессуальные ФЕ – это вторая по численности группа среди всех рассматриваемых идиом.

Так, в группе ФЕ с компонентом «красный» 3 русских процессуальных фразеологизма.

1. Подпускать красного петуха – ‘поджигать ч.-л., устраивать пожар’:

*Одни говорили, что **красного петуха подпускали** сынки раскулаченных... другие были уверены, что оставленные без хозяев постройки были обречены на гибель верную уже самим фактом безнадзорного своего существования... третьи все приписывали уличным хулиганам, распоясавшимся в горячую пору* (М. Алексеев. Драчуны).

2. Быть под красной шапкой – ‘служить в армии’:

– У нашей лебедушки еще перья не выросли, – сказал Михаил. – Рано на сторону лететь.

– Ничего, – вставил свое слово Илья, – и у нас охотник не перестарок.

*– Вот именно! Этому охотнику надо еще года три **под красной шапкой побыть.***

– Это ты об армии, Миша? – живо спросил Степан Андреевич (Ф. Абрамов. Две зимы и три лета) и др.

В соответствии с этим можно сделать вывод, что данный семантико-грамматический класс содержит гораздо меньше ФЕ с компонентами цвета, чем класс предметных ФЕ в русском языке.

Следующий класс, который мы рассмотрели, – это класс призначных (атрибутивно-предикативных) фразеологизмов. Согласно классификации

А.М. Чепасовой, это ФЕ, способные обозначать признак, свойство предмета или признак, состояние лица [Чепасова 1993: 56]: *красный как рак* и т. д.

Среди ФЕ с компонентом «красный» в нашем материале 2 русских призначных фразеологических выражения:

1. *Красный как мак (рак, помидор, кровь)* – ‘красного цвета (иногда о лице, покрасневшем от ч.-л.)’:

В жаркий июльский день, когда мы сидели на веранде за чаем, в калитку вошел мужик с красным как помидор лицом (В. Надеин. Нежданные гости).

2. *Как красная девка (девушка, девица)* – ‘слишком робкий, застенчивый человек’:

– *А теперь начнем. Подсаживайтесь и вы к нам – что сидите, как красные девки?! Поближе – помогайте, а то опять председатель ваш скажет, что не посоветовались с вами* (М. Алексеев. Драчуны).

Таким образом, можно отметить, что большинство атрибутивно-предикативных ФЕ с компонентом цвета содержат одинаковый союз-частицу «как» и являются не чем иным, как сравнительным оборотом. Видимо, такие ФЕ наиболее ярко и образно характеризуют признаки предметов, лиц, явлений, поэтому такая модель построения призначных ФЕ более продуктивна.

Кроме того, в русском языке именно призначные ФЕ насчитывают много вариантов, обозначающих в основном оттенки цвета, как отражено в примерах.

Далее рассмотрим семантико-грамматический класс русских качественно-обстоятельственных ФЕ с компонентом цвета «красный». Как указывается в трудах А.М. Чепасовой, это ФЕ, которые обозначают признак или обстоятельство действия или степень проявления действия [Чепасова 1993: 61]: *красным-красно* и т. д.

Среди ФЕ с компонентом «красный» выявлен только один русский качественно-обстоятельственный фразеологизм:

1. *Красным-красно* – ‘очень красно (например, от крови)’:

Глянул Лешка на снег – вокруг все красным-красно от крови (И. Вирта. Одиночество).

Проанализировав семантико-грамматические свойства всех выписанных нами ФЕ, мы пришли к следующим выводам.

Из семи семантико-грамматических классов, описанных А.М. Чепасовой, среди русских ФЕ с компонентом, обозначающим цвет «красный», представлены только четыре – предметные, процессуальные, призначные (атрибутивно-предикативные) и качественно-обстоятельственные фразеологизмы.

В количественном отношении больше всех представлено предметных ФЕ, меньше всех – качественно-обстоятельственных, количественные, модальные и грамматические ФЕ с компонентами цвета «красный» в наше материале отсутствуют.

Перспективами дальнейшего исследования является сравнительный анализ определенной группы фразеологизмов двух разных языков с точки зрения когнитивной лингвистики и переводоведения с целью выявления особенностей в семантике и употреблении данных фразеологических единиц.

Библиографический список

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1997.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1988.

Универсальный фразеологический словарь русского языка / под ред. Т. Волковой. – М., 2001.

Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Федоров. – М., 2001.

Чепасова А.М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов. – Челябинск, 1993.

В.И. Шенкман

Пермь

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *ШКОЛЬНЫЙ* (На материале Национального корпуса русского языка)

*В статье рассматриваются особенности функционирования прилагательного *школьный* в русской речи, его сочетаемость с нарицательными существительными, а также условия, в которых данное относительное прилагательное приобретает качественное значение. Выявляются когнитивные признаки концепта *школа*, которые актуализируются посредством словосочетаний с прилагательным *школьный*. Особое внимание уделяется семантическим приращениям, возникающим у прилагательного *школьный* в речевом контексте.*

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, когнитивный признак концепта, лексико-семантическая группа, относительное прилагательное, семантическое приращение.

*The article considers peculiarity of functioning of the adjective *школьный* (school) in the Russian language, its compatibility with common nouns and the conditions, in which this relative adjective acquires the qualitative meaning. The cognitive attributes of the concept *школа* (school) are revealed in the combination of words with the adjective *школьный* (school). Special attention is paid to the semantic augmentation, which appears in this adjective in the speech context.*

Key words: cognitive linguistics, the concept, the concept of cognitive symptoms, lexical-semantic group, the relative adjective semantic increment.

Представленный здесь когнитивный анализ прилагательного *школьный* является частью исследования концепта *школа* в русском языковом сознании. В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) относительное прилагательное *школьный* является самым частотным дериватом имени концепта, в подавляющем большинстве случаев используемым с нарицательными существительными: *Половина всех **школьных бед** начинается с невообразимой чепухи* (С. Соловейчик); *В такой дом нельзя было даже позвать **школьных товарищей*** (Э. Герштейн) и др.; в общей сложности 8883 примера.

Особенности относительных прилагательных отмечают многие исследователи. По мнению Е.А. Земской, относительные прилагательные «вне контекста обозначают лишь общую идею атрибутивно выраженного отношения к предмету» [Земская 1967: 92]; М.В. Сандакова указывает, что, «имея адъективный грамматический облик, они семантически продолжают оставаться тождественными мотивирующему слову» [Сандакова 2010: 204]. В силу этого относительные прилагательные имеют значительно более широкую сочетаемость, чем качественные. Так, при анализе употребления прилагательного *школьный* с нарицательными существительными нами было зафиксировано около 1270 существительных, причем данный перечень являет-

ся открытым. За рамками НКРЯ остался ряд существительных (обозначающих, в частности, новейшие реалии: *блог, дресс-код, квест, клипарт, омбудсмен, портал, футаж* и др.), однако все они так или иначе вписываются в лексико-семантические группы, выявленные в ходе анализа НКРЯ. С учетом сказанного, рассматриваемую в данной статье выборку можно считать достаточно репрезентативной.

Количественный анализ показывает, что чаще всего с прилагательным *школьный* сочетаются существительные *учитель* (3,85%), *год* (3,73%), *возраст* (3,68%), *скамья* (2,88%), *программа* (2,79%), *товарищ* (2,50%), *учебник* (2,43%), *двор* (2,22%), *жизнь* (1,68%), *образование* (1,60%), *форма* (1,55%), *друг* (1,44%), *дело* (1,33%), *обучение* (1,27%), *тетрадь* (1,06%), *курс* (1,02%), *занятие* (0,98%), *вечер* (0,97%), *здание* (0,91%), *каникулы* (0,91%), *подруга* (0,91%), *психолог* (0,90%), *работник* (0,86%), *тетрадка* (0,78%), *библиотека* (0,74%), *класс* (0,74%), *урок* (0,71%), *учительница* (0,71%), *коридор* (0,69%), *работа* (0,66%), *приятель* (0,57%), *парта* (0,54%), *совет* (0,53%), *сочинение* (0,53%), *стол* (0,52%). Остальные существительные употреблены менее 0,5%. Наиболее частотными оказались 35 существительных из 1270: на их долю приходится 4364 употреблений, т. е. 49,13%. Частотность сочетаемости позволяет выявить, какие предметы, лица, явления действительности наиболее актуализированы в языковом сознании в связи с концептом *школа*.

Определим ЛСГ слов, с которыми чаще всего сочетается дериват *школьный*. Наибольшую группу составляют существительные со значением лица (всего 143 слова, 1342 употребления): *учитель* – 342, *товарищ* – 222, *друг* – 128, *подруга* – 81, *психолог* – 80, *работник* – 76, *учительница* – 63, *приятель* – 51, *врач* – 21, *подружка* – 15, *преподаватель* – 15, *инспектор* – 14, *педагог* – 13, *сторож* – 10, *уборщица* – 9, *мастер* – 7, *консультант*, *сторожсика*, *училка* – по 5, *девочка*, *дружок*, *завхоз*, *педант*, *поэт*, *староста* – по 4, *библиотекарь*, *красавица*, *медалист*, *медсестра*, *нянечка*, *ребенок* (*дети*), *специалист*, *ученый*, *физик*, *философ* – по 3, *активист*, *богослов*, *выпускник*, *дворник*, *девушка*, *директор*, *директриса*, *заводила*, *затейник*, *знакомый*, *кореш*, *наставник*, *одноклассник*, *приятельница*, *работница*, *ученик*, *хулиган*, *экономист* – по 2, *агроном*, *активистка*, *англичанка*, *Ахилл* (*перен.*), *беглец*, *библиотекариша*, *властелин*, *военрук*, *вожак* (*комсомольский вожак*), *возлюбленная*, *воспитательница*, *враль*, *врачиха*, *выпускница*, *дива*, *ди-джей*, *доктор*, *докторша*, *донжуан*, *друган*, *завуч*, *заговорщик*, *знаменитость*, *зубрила*, *историк*, *квартирьер*, *киномеханик*, *комиссар*, *конькобежец*, *королевна*, *критик*, *лаборант*, *магистр*, *мальчик*, *математичка*, *медработник*, *мужик*, *надзирательница*, *начетчик*, *недоучка*, *обидчик*, *обувщик*, *одноклассник*, *остряк*, *отличник*, *охранник*, *палач*, *папа*, *пассия*, *патриарх*, *первоклассник*, *пи-*

томец, подлиза, попечитель, почитатель, премьер, противница, ревизор, репетитор, реформатор, ритор, родитель, рэкетир, сверстник, символист, славянофил, следопыт, служитель, смотритель, сотоварищ, соученик, соученица, спонсор, теоретик, учительшика, фанфарон, фельдшер, физкультурник, физрук, француз (=учитель французского), футболист, фюрер (комсомольский фюрер), Цезарь (перен.), цензор, чемпион, шалун, шеф, шут, эконом, электрик – по 1. Кроме того, можно выделить ряд существительных, называющих группу лиц (*совет, кружок, коллектив, команда, начальство, хор, молодежь* и др., всего 83 номинации, 493 употребления).

Обширный перечень существительных со значением лица или группы лиц показывает, что для русского языкового сознания важен такой когнитивный признак концепта *школа*, как ‘люди, коллектив школы, какая-либо группа лиц внутри коллектива’. Данный когнитивный признак соотносится с одним из значений слова *школа*: ‘коллектив одного учебного заведения, учреждения’ (разг.).

К этой группе примыкает ЛСГ ‘внешний вид человека, одежда’ (51 слово, 138 употреблений). С когнитивной точки зрения значимо, что многие слова данной группы представляют собой диминутивы (*портфельчик, платьице, пальтишко, воротничок, косичка, костюмчик, пиджачок, курточка, юбочка, кепочка, одежка, платьишко, каблучок, рюкзачок, туфелька, халатик, хвостик* – о причёске, *передничек, фартучек, сумочка*), что свидетельствует о восприятии связанного со школой лица как невзрослого.

Большую группу составляют существительные, указывающие на временной интервал: *год(ы)* и *возраст*, а также *каникулы, время, день, период, пора* и др. Эти лексемы репрезентируют ядерный для концепта *школа* когнитивный признак темпоральности, что соотносится со значением ‘образовательное учреждение, осуществляющее общее (т. е. в первую очередь ориентированное на детей) образование’, хотя школами в русском языке называются и специальные учебные заведения для взрослых. Примечательно, что во многих контекстах употребление прилагательного *школьный* с рядом слов этой группы поддерживается лексемами с темпоральной семантикой, вследствие чего в концепте *школа* актуализируется когнитивный признак ‘детство, юность’ (как правило, минувшие, оставшиеся в прошлом): *Что к спорту он равнодушен, было мне известно еще со школьных времен* (Е. Рубин); *У меня еще со школьных лет было с ним вечное идеологическое противостояние...* (А. Козлов); *...готовность общества отторгнуть меня от себя как нечто не отвечающее его требованиям я ощущал уже в школьные годы* (А. Зиновьев) и мн. др.

Широко представлены также ЛСГ ‘предметы и явления, связанные с процессом обучения’, ‘здание, элементы здания, внутренние помещения’, ‘предметы, связанные со школьным бытом (мебель, вещи, др.)’, ‘пространство около школы’, ‘события, мероприятия, случаи из школьной жизни’, которые выявляют наиболее значимые аспекты описываемого концепта.

В большинстве случаев прилагательное *школьный*, как и другие относительные прилагательные, употребляется в неконкретизированном значении: ‘относящийся к школе, связанный со школой’. В то же время при употреблении подобных отсубстантивных прилагательных «на значение отношения наслаивается качественный оттенок» [Земская 1967: 99].

Значения деривата *школьный* детализированы в словаре Т.Ф. Ефремовой: 1. Соотносящийся по знач. с сущ. школа (1-3)¹, связанный с ним. 2. Свойственный школе (1), характерный для нее. 3. Принадлежащий школе (1). // Предназначенный для школы. // Работающий в школе, обслуживающий школу. 4. Связанный с пребыванием и обучением в школе (1). 5. *перен. разг.* Не отличающийся самостоятельностью, не подкрепленный жизненным опытом; ученический [Ефремова 2000, 2: 1019]. Как видим, помимо прямых относительных значений, в словаре зафиксировано переносное качественное значение, характерное для разговорной речи, однако у этого прилагательного возможны и другие качественные значения (оказиональные, контекстуальные, индивидуальные), представляющие интерес с точки зрения когнитивного анализа, поскольку именно в них реализуются потенциальные смыслы, наслаивающиеся на понятие *школа* и в своей совокупности формирующие соответствующий концепт.

Потенциальные компоненты значения слова, как указывает Н.А. Мишанкина, «являются наименее осознаваемыми носителями языка и наименее изученными», их экспликация «требует дополнительной металингвистической рефлексии носителя языка (и в том числе исследователя-лингвиста) вследствие их латентности, но функционирование единицы в конкретном речевом акте предопределяется их наличием и качеством» [Мишанкина: электр. ресурс].

Потенциальные семы, имеющие, безусловно, когнитивный характер вследствие отражения в них знаний носителей языка об определенном фрагменте мире, не могут быть показаны во всем своем разнообразии в толковом

¹1) а) Учебное заведение, которое осуществляет общее образование и воспитание; б) здание, в котором помещается такое заведение; в) *разг.* коллектив одного такого учебного заведения, его ученики и учителя. 2) Система образования, совокупность учреждений для его получения. 3) Название учебных заведений, имеющих обучающую направленность [Ефремова 2000, 2: 1018].

словаре, поэтому одним из способов выявления семантических приращений при употреблении слов является контекстный анализ. По утверждению Г.В. Колшанского, контекст является «сущностной характеристикой языка и его внутренним качеством, благодаря которому реализуется адекватность познания» [Колшанский 1980: 12]; «обычная роль контекста – выявление конкретного значения некоторого абстрактного содержания слова, экстраполированного, как правило, в словарях» [там же: 52].

Когнитивный потенциал прилагательного *школьный* реализуется благодаря контекстным синонимам (чаще) и антонимам. Примеры с контекстными синонимами: *в обычной, «школьной», геометрии* (В. Успенский); *долгий, громкий, резкий звонок, наподобие школьного* (Е. Рубин); *школьные, гордые, пророческие слова о «птице-тройке»* (А. Смелянский); *обыкновенными крупными буквами, даже немножко школьными* (М. Дяченко, С. Дяченко); *зенки школьные, непорочные* (В. Астафьев); *школьными, совсем ручными законами* (М. Анчаров); *школьные, неприятные ассоциации* (В. Конецкий); *стеклянно звонким, школьным голосом* (Ю. Бондарев); *школьный, отвлеченный ум* (П. Флоренский); *скромный учитель, школьный* (З. Гиппиус); *отнюдь не старый, школьный, академический канон* (С. Маковский); *школьный, теоретический способ мышления* (Л. Шестов); *старая дружба, сердечная дружба, школьная* (И. Потапенко); *Это дрянное слово, пошлое. – Это... школьное слово. – Ну да, школьное слово!* (Ф. Достоевский). Пример с контекстными антонимами: *преимущества и недостатки двух взглядов на жизнь – школьного и практического* (В. Майков).

Оттенки качественного значения слово *школьный* приобретает и в составе ряда неоднородных определений: *даже на самый простой школьный вопрос* (Д. Ращупкина); *какое-то тяжелое школьное воспоминание* (Г. Померанц); *на свете есть что-то еще, кроме тяжелого школьного воздуха* (П. Мейлахс); *вспоминали наши шальные школьные годы* (Д. Карапетян); *поражали мое убогое школьное воображение* (А. Городницкий); *школьному вялотекущему времени* (В. Березин); *благополучный школьный аппетит* (Б. Окуджава); *наивных школьных вопросов* (Э. Радзинский); *жидкие школьные винегреты* (Ю. Визбор); *школьный, пионерский ободряющий жест* (Ю. Трифонов); *милое, беспечное школьное время* (Ю. Бондарев); *школьным суховатым и спокойным голосом* (Ю. Герман); *одинаковы только в глупой школьной арифметике* (А. Мариенгоф); *серые школьные будни* (Г. Белых, Л. Пантелеев); *завопил с жидовскою школьною вибрацією* (Лесков).

Кроме того, дополнительные коннотации у прилагательного *школьный* возникают при его использовании с оценочными существительными: *обычная школьная болтовня* (А. Слаповский); *детей загоняют в школьный концлагерь* (А. Битов); *эхо школьной трепотни* (Ю. Буйда); *вся эта школьная бодяга* (Т. Устинова); *ругая себя за <...> невесть откуда взявшуюся школьную стыдливость* (Т. Устинова); *школьное, учительское брюзжание* (К. Сурикова); *исчезла школьная вялость* (Е. Чижова); *тривиальный набор школьных трюизмов* (Г. Ревзин); *не слишком отвлекаясь на школьную дребедень* (Н. Крышук); *забыв о школьной суете* (Н. Васильева); *освободил <...> от школьной унижительной каторги* (Г. Щербакова) *сущность школьного лицемерия <...> в спрятанности души* (Г. Щербакова); *какое-нибудь из школьных идиотств* (А. Найман); *началось его (Маяковского) медленное школьное сжевывание* (Д. Самойлов); *всё лучше, чем школьная тупость и ложь* (Ю. Нагибин); *отрочество, омраченное надоедливymi школьными зубрежками* (А. Мариенгоф); *войны и потрясения станут школьной невнятицей* (М. Цветаева); *Какая скучища эта школьная волынка!* (Г. Эфрон); *с казенной школьной муштровкой* (А. Макаренко); *из школьной пошлятины* (О. Фрейденберг); *терпело школьную пытку* (П. Бажов); *из школьного застенка* (П. Бажов); *самый отвратительный вид школьного невежества* (О. Мандельштам); *особый вид школьного рабства* (Д. Мамин-Сибиряк); *привыкли с его именем соединять школьную строгость* (И. Потапенко); *тают и напускная бодрость, и школьный гонор* (М. Салтыков-Щедрин); *школьной рутины* (Н. Костомаров); *всей этой школьной дрянью* (А. Герцен); *томительной школьной скуки* (К. Ушинский); *оплакивая свою школьную дурь* (В. Соллогуб); *в тумане школьного молодечества* (В. Соллогуб); *скучен с своею школьною добродетелью* (Ф. Булгарин).

Семантические сдвиги относительно лексикографических дефиниций особенно часто наблюдаются при предикативном употреблении прилагательного *школьный*, однако таких примеров зафиксировано немного: *возраст мой далеко не школьный [юный]* (Т. Григорьева); *время было летнее, не школьное [учебное]* (А. Слаповский); *мысли <...> казались мне плоскими. <...> его мыслям не хватало иерархии <...> я называла его суждения школьными («плоскими»¹, неглубокими, поверхностными, примитивными). Мне же <...> требовались университетские* (Е. Чижова); *Она [полька Рахманинова] довольно известная, такая школьная [«известная», «примитивная», «неяркая»], младшеклассная, заигранная на всех утренниках. <...> Она была слишком примитивной, неяркой* (Н. Бестемьянова и др.); *Работа была*

¹ Здесь и далее контекстуальные синонимы выделены кавычками.

школьная [ученическая], *но настолько интересная, что ее поместила «Долговская правда»* (В. Войнович); *вопросы, сформулированные в моей статье, как я полагал, являются школьными* [«хрестоматийными», традиционными, общеизвестными], *хрестоматийными для российской политической традиции* (А. Ципко); *Запыхавшаяся тигалица в бесформенном старомодном пальто, рот разинут, косы еще школьные* [детские] (М. Харитонов); *Ласки Тани всегда были какие-то школьные* [неумелые, скромные] (Ю. Трифонов); *Голицын жил в двух разных географиях. Одна школьная* [отвлеченная, теоретическая], *усвоенная еще в гимназии по контурным картам и рассказам великих* (Д. Гранин); *Ее суждения о поэзии были ребяческие, школьные* [«ребяческие», детские, неглубокие, поверхностные, примитивные, несамостоятельные] (В. Панова).

Потенциальное когнитивное значение у прилагательного *школьный* обнаруживается и в других синтаксических конструкциях, оставшихся за пределами нашего внимания в рамках данной статьи, например: *И не пугайтесь знакомой до зубной боли терминологии из школьной геометрии* (Д. Медведев); – *Не надо школьных аксиом, – она и впрямь завелась* (С. Лукьяненко); *Я разглядывал русскую литературу сквозь окошко школьного списка* (В. Березин), однако рассмотренных выше примеров достаточно, чтобы сделать определенные выводы.

Во-первых, функционально-когнитивный анализ относительного прилагательного как деривата имени концепта оказывается эффективным способом выявления когнитивных признаков концепта в плане как количественном, так и качественном. Количественные данные о сочетаемости с теми или иными существительными дают представление о том, какие предметы, лица, явления действительности наиболее актуализированы в языковом сознании в связи с описываемым концептом. Анализ семантических приращений у относительного прилагательного в контексте показывает, какая дополнительная информация об отражаемом неязыковом объекте оказывается для носителя языка значима.

Во-вторых, анализ слова *школьный* показывает, что синтагматическое окружение не индифферентно для значения относительного прилагательного: в определенных позициях (в позициях предикатива, однородных или неоднородных атрибутивов, в позиции атрибутива к оценочному существительному) создаются условия для развития у относительного прилагательного качественных значений.

В-третьих, анализ деривата *школьный* как элемента номинативного поля концепта *школа* наглядно демонстрирует, что в большинстве случаев в русском языковом сознании актуализируется отрицательная оценочность на-

званного концепта. С ним чаще всего ассоциируются такие свойства, как 1) обыденность, пошлость, ненужность, серость, вялость, скука, рутина, тяжесть; 2) отвлеченность, теоретизированность, безжизненность, схоластичность, пустословие, занудство; 3) убогость, глупость, невежество, поверхностность, примитивность, несамостоятельность, шаблонность; 4) традиционность, общеизвестность, тривиальность, банальность; 5) строгость, суровость, несвобода; 6) лицемерие, ложь; 7) гонор. Значительно реже реализуется нейтральная (детскость, неопытность, наивность, непорочность, беспечность; простота, скромность) и позитивная оценочность (бодрость, сила, молодечество; доброта, сердечность; гордость).

Библиографический список

- Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М., 2000. – Т.2. П – Я.
- Земская Е.А.* О семантике и синтаксических свойствах отсубстантивных прилагательных в современном русском языке // Историко-филологические исследования. – М., 1967. – С. 92–103.
- Колианский Г.В.* Контекстная семантика. – М., 1980.
- Мишанкина Н.А.* Информационный потенциал слова: когнитивный аспект // Открытый междисциплинарный электронный журнал «Гуманитарная информатика». Вып. 1. Гуманитарная информатика в исследованиях // URL: <http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/1/mishankina.htm> (дата обращения: 20.01.2013).
- Национальный корпус русского языка* // URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 19.08.2012).
- Сандакова М.В.* Прилагательное в атрибутивном словосочетании // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 4. – Том I (Гуманитарные науки). – С. 202–207.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ: РАЗНООБРАЗИЕ ПОДХОДОВ И ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

А.Е. Бакытжанова
Саратов

ОНОМАТОПЕЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (На материале произведений В.В. Бианки «Лесная газета» и Е.А. Благиной «Гори-гори ясно»)

В статье предлагается анализ звукоподражательной лексики в прозаических и поэтических произведениях детских писателей В. Бианки и Е. Благиной.

Ключевые слова: звукоподражание, текст для детей, звуковая картина мира.

The article presents the analysis of imitatic/onomatopoetic words in prosaic and poetic texts of V. Bianki and E. Blagina.

Key words: onomatopoeia, text for children, the sound picture of the world.

Звукосимволизм как явление и проблема для исследования оформился и стал системно изучаться с XVIII века. В России XX века теория получила статус в рамках такой новой научной дисциплины, как фоносемантика в трудах С.В. Воронина, Б.В. Журковского, В.В. Левицкого, Н.И. Жинкина, А.М. Шахнарковского, С.С. Шляховой и др.

Включение звукоподражаний в систему явлений звукосимволизма обусловлено тем, что они онтогенетически связаны с процессом становления речи; ономатопы производны и мотивированы, а также функционально значимы. Проблема их функционирования в текстах разных жанров (поэзии и прозе) дискуссионна и изучена явно недостаточно.

Звукоподражание (ономатопея, идеофония) – это качественное сходство звуков речи со звуками описываемого фрагмента действительности. В русском языке существует большая группа слов, обозначающих звуки, производимые животными, например, *мяу-мяу, гав-гав, ква-ква* и т.д.; другие слова передают неречевые звуки, производимые человеком, например, *кхе-кхе, чмок* и т.д., а также звучания окружающего мира: *бух, кап-кап* и т.д. В 2004 году вышел первый в русской научной традиции фоносемантический словарь С.С. Шляховой, в котором значительное место занимали именно

ономатопы [Шляхова 2004]. Предложенная классификация позволяет анализировать звукоподражания, встречающиеся в художественном тексте с разных точек зрения, в том числе и с функционально-стилистической.

Художественный текст для детей занимает особое место в литературе. Он призван развлечь, научить, подготовить ко взрослой жизни, дать представление о мире и мн.др. Сформулируем гипотезу, по которой ономатопы выполняют не только иллюстративную функцию передачи звуков окружающего ребенка мира, но и вводят его в огромное незнакомое звуковое пространство, позволяя в легкой имитационной, понятной и привычной для маленького человека форме узнать сложное. Вероятно, звуковая картина мира складывается из мельчайших деталей, в число которых входит детский текст, который сначала «озвучивается» взрослым, затем «овеществляется» в ходе самостоятельного чтения.

Для проверки гипотезы были проанализированы звукоподражания в художественном прозаическом тексте В. Бианки «Лесная газета» и поэтическом сборнике Е. Благиной «Гори-гори ясно». Одновременно мы могли бы попытаться ответить на вопрос о существовании/отсутствии различий между использованием ЗП в произведениях разных родов и жанров.

Сборник В. Бианки представляет собой имитационную форму средства массовой информации, в котором встречаются тексты любого жанра: сказка, рассказ, сообщение, очерк, репортаж, записки путешественника. Данная форма «оживления» и даже «очеловечивания» разных сторон лесной жизни обусловила необходимость использования звукоподражательных элементов на всех уровнях. Всего методом сплошной выборки обнаружено 685 единиц. На основе классификации С.В. Воронина, с учетом работ С.С. Шляховой мы разработали свой способ описания звукоподражаний, где все ономатопы можно анализировать по разным основаниям/

1. Характеристика по источнику звука. Самой существенной частью этой группы являются подражания звукам живой природе (175 звукоподражательных единиц) – в основном это звуки животных. Их функция – отразить и показать «речь» животных, создать экспрессию, эмоционально изобразить лесных жителей, их «характеры». ЗП «голосам» птиц – чистая имитация (*чирикает* воробей), а «голоса» животных – имитация частичная, основанная на олицетворении (*забормотал* тетерев) [Бианки 1986: 102]. Нельзя не отметить, что в большинстве случаев автор использует общепринятые звукоподражания (*барсук хрюкает* с перепугу, *хрюкнул* с досады) [Там же: 114].

Подражания неживой природе не так распространены (29 единиц). Нам кажется, что такая статистическая разница (175 и 29) связана с процессом становления понимания метафоры, которое не дается человеку с рождения, а

развивается постепенно. Функция этих ЗП – отразить мир неживой природы, создать ощущение реальности, наделить природу мыслью, жизнью: *шуршит «сало» мелких ледок-льдинок, с легким стеклянным звоном разбиваются льдинки, шушуканье* осиновых листьев, *лопались* на елках шишки, вода *бултыхнёт* [Там же: 116]. Природа олицетворяется, поэтизируется, романтизируется, идеализируется.

Нам встретилось всего 10 ЗП, связанных с деятельностью человека – *трескотня* ружейной перестрелки, *громом раскатывается* выстрел, *гул* от вырубки деревьев. Функция – звуковое отражение деятельности человека, чаще отрицательное влияние человека на мир природы. Звуки в этой подгруппе монотонные, механические. Создаётся негативное представление об охотниках, лесорубах, людях, которые нарушают привычный уклад жизни леса, угрожают его целостности.

Функции ЗП по источнику звука – отражение реальности, иллюстративность, ассоциативность, образность; они служат для придания эмоциональности тексту, экспрессивности, красочности высказывания.

С точки зрения употребительности можно выделить узуальные онома-топы (80 ЗПЕ), например, *реветь* – 1) издавать рёв (прямое значение); 2) громко плакать, а также вообще плакать (разг.) и окказиональные. У Бианки слово «*реветь*» используется как в прямом (*быки и коровы ревут*), так и в переносном значении (*медвежонок ревел, поскуливал, шмыгал*, получив от медведицы оплеуху). Функция узуальных онома-топов – показать движения, сопровождаемые характерными для них звуками и передача привычных звуковых явлений.

Окказиональные семантические онома-топы встречаем значительно реже, например, в заметке «Рыбьи голоса»: «Запись на плёнке, сделанной под водой, включили в радиоаппаратуру. И сразу, заглушая людские голоса в комнате, из громкоговорителя понеслись доселе неслыханные человеком звуки: *глухой писк* и *скрипучий визг*, чьи-то *стоны* и *мычание*, какие-то своеобразное *кваканье* и вдруг – *оглушительное стрекотание*» [Там же:83]. Пример лексических окказионализмов – «Зайцы *хрупают* горькую кору осины» [Там же:100]. «А на восьмой-девятый день зайчата начнут травку *зубрить*» [Там же:10]. Автор передает общее впечатление о звуке, дает возможность читателю сформулировать свое впечатление о тексте. Идеофоны этой группы звукосимволичны и звукоподражательны одновременно. Тем не менее у нас вызывает некоторые сомнения предложенная нами интерпретация слов *хрупать* и *зубрить*, так как возможно, что они диалектного происхождения и просто использованы автором в данном контексте. Но гораздо важнее, что для читателя (ребенка) эти слова являются истинно окказиональными

ми, так как они их не знают и могут только домысливать, представлять, что именно они обозначают из авторского контекста.

2. Характеристика по степени образности включает в себя метафорические, номинативные и контекстуально-метафорические ЗП. Метафорические (25 ЗПЕ): о жуке – *загудела низкая стрела*, о соловье – *пойдет сыпать дробным грохотом*. В стилизации, например: «Продам шубу куплю балахон, куплю балахон! Куплю балахон, куплю балахон!» – кричит тетерев [Там же:19]. Создается впечатление, что животные (птицы) разговаривают, как люди.

Номинативные (55 ЗПЕ): номинации ЗП действиям – *загремит крыльями глухарь*, или «языку животных» – *с лаем бросилась собака*, предметам, животным, явлениям – *хрустнуло, гул, ручейки-журчейки, утка крякова*, плоские *жужелицы* – жуки, дятлы, глухарь, лебеди – *кликунуны* [Там же:112].. Номинации ярко и образно рисуют мир природы.

Контекстуально-метафорические ЗП (30 ЗПЕ): глухари *тэкают*; раздаётся *тэканье* глухарей (от звукоподражания пению этих птиц) – слово «*тэканье*» – номинативное, встречающееся в диалектных словарях, но понятно оно только в контексте.

3. Характеристика по стилистической дифференциации. С этой точки зрения выделяются условно две подгруппы: литературные и нелитературные, в последней в свою очередь можно выделить диалектные и просторечные.

Нелитературные просторечные, например, «Челн опрокинулся и *кувырк* ко дну». Нелитературные диалектные (10 ЗПЕ): *Клохтать* от «*клохтун*» (Ирк., Новосиб.), печалиться, говорить вздор, жаловаться (экспрессивное); *квакать* о лягушке (Томское) [Словарь 2001]. Куропатка – мать *заклохтала*, увидев сына в руках людей [Бианки 1986: 152]. *Кликать* – называть (Новосиб.), кричать взвизгивать (Тыва) [Словарь 2001]. Лебеди – *кликунуны* [Бианки 1986: 19]. *Зубрить* – делать на чем-нибудь зазубрины [Мотивационный...143]. Слово в произведении В.Бианки употреблено в значении «быстро перетирать и кусать пищу зубами» - возможно, оно относится к говорам Новой Ладogi.

Особую группу образуют «стертые» ономатопы [Горелов, Седов 1999: 171] (40 ЗПЕ). Исторически они являются первичными, исходными. Например, *гудение* пчёл, *свист* и *щёлканье* дроздов, *скрипят* жуки, *писк*, *гром*. Данные ономатопы отражают звуки окружающей нас действительности и могут использоваться как в прямом, так и в переносном значении. Функция – изображение звуков, воспроизводимых при определенных условиях.

С точки зрения функционирования 685 ономатопов выполняют ассоциативно-образную и иллюстративно-сопоставительную функции.

Таким образом, ономатопы в прозаическом произведении В.В. Бианки «Лесная газета» выполняют эстетическую функцию, одновременно они раз-

вивают воображение и фантазию ребенка, снабжают читателя необходимыми сведениями, данными легко и доступно, соответственно возрасту читателя/слушателя.

Для проверки гипотезы, что в текстах разных жанров могут обнаруживаться отличия функционирования ЗП мы проанализировали стихи сборника «Гори-гори ясно!» Е.А. Благиной. Выборка обнаружила значительно меньше звукоподражаний – 65 ЗПЕ, распределенных практически по тем же группам, что и после анализа прозы Бианки. Количественное несоответствие, безусловно, связано с объемом исследованных текстов, а вот содержательно появились слова, дополнительно семантизирующиеся в поэтическом контексте: «*Пилим-пилим, пилим-пилим Раз-два, Раз-два – Будут на зиму дрова!*» (Благинина). Здесь не столько глагол *пилим* передает звук пилы, сколько числительные *раз-два*, повторенные дважды. Все вместе с учетом рифмы и ритма создает удивительное ощущение слаженной работы. Большинство же слов и выражений, использованных автором, не выходят за границы принятых в языке и понятных ребенку: *квакала лягушка, плакала кукушка, похотать* и др. Все это позволило нам сделать вывод, что ономотопы в поэзии выполняют ту же функцию, что и ономотопы в прозе. Но отличительной чертой ЗП в поэзии является то, что здесь практически все ЗП символичны. Яркой иллюстрацией тому служит стихотворение Е.А. Благиной «То-то горе наше!», где передаётся звук пыхтения каши.

Исследованный нами материал прозы Бианки и поэзии Благиной показал, что звукоимитация, звукоподражание – это явления, присущие как живой детской речи, так и языку художественной литературы. Опираясь на проанализированный материал, мы можем сделать выводы о высокой продуктивности звукоподражаний живой, неживой природе в процессе создания целостной звуковой картины окружающего ребенка мира.

Библиографический список

- Араева Л.А., Блинова О.И. Мотивационный диалектный словарь: говоры Среднего Приобья. – М., 1982:
- Бианки В.В. Лесная газета. Клуб Колумбов. – М., 1986.
- Благинина Е. Гори-гори ясно.// URL: <http://lukoshko.net/blagin/blagin15.shtml> (Дата обращения 12.03.12).
- Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М., 1998.
- Словарь русских говоров Сибири/отв.ред. Федоров А.И.; РАН, Сиб.отд., Институт филологии. – Новосибирск, 2001.
- Шляхова С.С. Дребезги языка: Словарь русских фоносемантических аномалий. – Пермь, 2004.

Т.В. Бердникова
Саратов

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТА КАК ГЛОБАЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ ТЕКСТА В ПОЭЗИИ К.Н. БАТЮШКОВА

Статья посвящена изучению субъекта как глобальной категории текста. Анализу подвергаются формы субъекта поэтического текста: лирический герой, участники коммуникативного акта (адресат, персонажи и др.), представленные в произведениях К.Н. Батюшкова. В результате выявляются черты идиостиля поэта.

Ключевые слова: субъект, поэзия, диалог, текстовая категория, идиостиль.

Article is devoted to studying of the subject as to a global category of the text. Forms of the subject of the poetic text are exposed to the analysis: lyrical hero, participants of the communicative certificate (the addressee, characters, etc.), presented to K.N. Batyushkov's poems. Features of the individual style of the poet as a result come to light.

Key words: subject, poetry, dialogue, text category, idiostyle.

В поэзии ведущее место занимает такая глобальная категория текста, как субъект. «Субъектом называем вещь как познающую и действующую, т.е. прежде всего *себя*, наше *я*, потом всякую вещь, уподобляемую в этом отношении нашему *я*» [Потебня 1968: 7]. Изучению субъекта в художественном тексте посвящены многие исследования (работы А.А. Потебни, А.Ф. Папиной, Я.И. Гина, Р.О. Якобсона и др.). В основном эти исследования сосредоточены на анализе средств выражения субъекта. Изучение особенностей выражения субъекта в поэзии К.Н. Батюшкова в аспекте глобальной текстовой категории представляется актуальным, поскольку позволяет не только проанализировать реализацию субъекта в поэтическом тексте, но и соотнести глобальную текстовую категорию субъекта с целым творчеством поэта.

В качестве субъекта текста выступает говорящий, который реализуется в таких формах, как «образ автора», лирический герой, рассказчик, повествователь, персонажи и сам писатель. В поэтическом тексте это, в основном, лирический герой, однако, могут существовать и другие формы.

Говоря о коммуникативном статусе поэтического текста, Ю.И. Левин выделяет несколько типов взаимодействия персонажей: внутренний (при экспликации лиц в тексте), внешний (реальный автор и реальное лицо), промежуточный (интенциональный: «для чего» создан текст и кто «подразумевается» в качестве его читателя; с этим аспектом связаны такие персонажи, как «имплицитный автор», т. е. тот образ автора, который предполагается данным текстом, выступает из характера этого текста, и «имплицитный читатель» – потенциальный, предполагаемый данным текстом» [Левин 1998:

465]). О подобном взаимоотношении пишет и Т.С. Элиот, который выделяет три слоя в лирической коммуникации: 1) разговор с самим собой, 2) разговор с читателем, 3) драматическая речь. Каждому из этих уровней соответствует определенный тип субъекта: лирический герой – в первых двух, персонаж – в третьем уровне.

Такое соотношение субъектов представлено во многих поэтических текстах, в том числе в поэзии К.Н. Батюшкова. «В лирике автор наиболее **формалитичен**, т.е. растворяется во внешней звучащей и внутренней живописно-скульптурной форме, отсюда кажется, что его нет, но он сливается с героем или, наоборот, нет героя, а только автор. На самом же деле и здесь герой и автор противостоят друг другу и в каждом слове звучит реакция на реакцию» [Бахтин 2000: 18-19].

Форма выражения субъекта в лирике XIX в. связана с литературным направлением. Поэзию К.Н. Батюшкова связывают с направлением предромантизма (Б.В. Томашевский, Н.В. Фридман). Предромантизм предполагает «ясное выражение личного (субъективного) отношения к описываемому, наличие “чувствительности” (у предромантиков – преимущественно мечтательно-меланхолической, иногда слезливой); чувство природы, при этом часто стремление к изображению природы непривычной; изображаемый пейзаж у предромантиков всегда гармонировал с настроением поэта» [Томашевский 1948: XXXIX–XL]. Личное отношение к окружающей действительности, параллелизм внутреннего мира лирического персонажа и мира природы выражается в такой форме субъекта, как лирический герой. Лирический герой – это «образ поэта в лирике, объективация авторского “я” в лирическом творчестве. <...> Своего рода художественный двойник автора-поэта, выступающий из текста обширных лирических композиций (цикл, книга стихов, лирическая поэма, вся совокупность лирики) в качестве лица, наделенного жизненной определенностью личной судьбы, психологической отчетливостью внутреннего мира, а подчас и чертами пластической определенности» [Лермонтовская 1999: 258-259].

Форма «лирический герой» реализуется через местоимение 1 л. ед.ч. (Я). По мнению И.А. Ионовой, «перед автором-лириком проблема выбора лица “повествователя” практически не стоит. Для лирической поэзии Я, несомненно, является “главным местоимением”» [Ионова 1989: 13]. При отсутствии местоимения субъект представлен глагольной формой в 1 л. ед.ч.:

*Как ландыши под серпом убийственным жнеца
Склоняет голову и вянет,
Так я в болезни ждал безвременно конца
И думал: парки час настанет.*

*Уж очи покрывал Эреба мрак густой,
Уж сердце медленнее билось:
Я вянул, исчезал, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.*

Часто форма 1 л. ед.ч. противопоставлена форме 2 л. ед.ч. (ТЫ). Для поэтического текста местоимение 1 л. ед.ч. (Я) является основополагающим, местоимение 2 л. (ТЫ) представляет собой второй, после (Я), «семантический центр». Так в стихотворении «К Филесе» представлены следующие субъекты: 1) лирический герой, выраженный местоимением 1 л. (Я), от лица которого идет повествование, 2) участник коммуникативного акта, выраженный в местоимении 2 л. (ТЫ) – адресат:

*Что скажу тебе, прекрасная,
Что скажу в моем послании?
Ты велишь писать, Фелиса, мне,
Как живу я в тихой хижине,
Как я строю замки в воздухе,
Как ловлю руками счастье.
Ты велишь – и повинуюсь.*

В этом случае реализуется первый слой лирической коммуникации – разговор с самим собой (Т.С. Элиот).

Далее семантический центр сдвигается к реплике участника коммуникативного акта (Дамона), которая включается в текст, исходящий от лирического героя:

*Посмотри, Дамон как мудрствует:
Он находит зло единое.
«Добродетель, – говорит Дамон, –
Добродетель – суета одна,
Добродетель – призрак слабых душ.
Предрассудок в мире царствует,
Людям всем он ослепил глаза».*

Происходит смена нескольких лиц: от лирического героя (Я), участника коммуникативного акта – адресата (ТЫ) к персонажу (Дамон). Включение реплики участника коммуникативного акта – персонажа (Дамона) переносит текст на третий слой лирической коммуникации – драматическая речь (Т.С. Элиот).

Затем повествование возвращается на первый слой лирической коммуникации: происходит взаимодействие лирического героя и адресата, участника коммуникативного акта (ТЫ):

Он недолго будет думать так,

*Хладна смерть к нему приблизится:
Он увидит заблуждение,
Он увидит. Совесть страшная
Прилетит к нему тут с зеркалом;
Волоса ее растрепаны,
На глазах ее отчаянье,
А в устах – упреки, жалобы.
Полно! Бросим лучше дале взгляд.
Посмотри, как здесь беспечная
В скуке дни влечет Аталия.
День настанет – нарумянится,
Раза три зевнет – оденется.*

В завершении повествования происходит его драматизация: в текст включается реплика еще одного участника коммуникативного акта – Аталии:

*«Ах!.. зачем так время медленно!» –
Скажет тут в душе беспечная,
Скажет с вздохом и заснет еще!*

Таким образом, в одном поэтическом тексте представлены разные субъектные формы: лирический герой, участник коммуникативного акта (адресат, персонаж – третье лицо). В рамках стихотворения реализуются два слоя лирической коммуникации, которые сменяют друг друга. Такая смена слоев лирической коммуникации свойственна идиостилю К.Н. Батюшкова. То же можно видеть в элегии «Умиравший Тасс», посланиях «К Тассу», «К Н.Н. Гнедичу», «Послание к Хлое» и др.

В послании «К Н.Н. Гнедичу» реализуется несколько коммуникативных планов, представленных разными субъектами: 1) формой лирического героя (Я), 2) формами участников коммуникативного акта – адресата (Ты), персонажа. Кроме того, в качестве одного из участников коммуникативного акта выступает неодушевленный предмет – «камень пустынный». Реплика последнего завершает текст как еще один из возможных планов повествования:

*Что делаешь, мой друг, в полтавских ты степях
И что в стихах
Украдкой от друзей на лире воспеваешь?
С Фингаловым певцом мечтаешь
Иль резвою рукой
Венок красавице сплетаешь?

Иль, громку лиру взяв, пойти вослед Алкею,*

*Надувшись пузырем, родить один лишь дым,
Как Рифмин, закричать: «Ликуй, земля, со мною!
Воспряньте, камни, лес! Зрю муз перед собою!
Восторг! Лечу на Пинд!.. Простите, что упал:
Ведь я Пиндару подражал!»
Что в громких песнях мне? Доволен я мечтами,
В покойном уголке тихонько притаясь,
Но с светом вовсе не простясь:
Играя мыслями, я властвую духами.*

*И камень иногда пустынный говорит:
«Герой здесь спит!»*

Таким образом, в поэзии К.Н. Батюшкова реализуются разные формы субъекта как глобальной текстовой категории: лирический герой, участник коммуникативного акта (адресат, персонаж), представляющие разные уровни лирической коммуникации: разговор с самим собой, разговор с читателем, драматическая речь.

Библиографический список

- Батюшков К.Н.* Полное собрание стихотворений. – М., 1964. //URL: <http://www.feb-web.ru/feb/batyush/default.asp?/feb/batyush/texts/rub.html> (дата обращения: 18.02.2013, 24.02.2013).
- Бахтин М.М.* Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб., 2000.
- Гин И.Я.* Поэтика грамматической категории лица в русской лирике //URL: www.philolog.petrstu.ru/philology/konf/1992/08-gin.htm (дата обращения: 18.01.2013).
- Ионова И.А.* Эстетическая продуктивность морфологических средств языка в поэзии. – Кишинев: Штиинца, 1989.
- Левин Ю.И.* Лирика с коммуникативной точки зрения //Левин Ю.И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. – М., 1998. – С.464-482.
- Лермонтовская энциклопедия* /Гл. ред. В.А. Мануйлов. – М., 1999.
- Папина А.Ф.* Текст: его единицы и глобальные категории. – М., 2002.
- Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 3. – М., 1968.
- Томашевский Б.* К.Н. Батюшков //Батюшков К.Н. Стихотворения. – Л., 1948.
- Фридман Н.В.* Поэзия Батюшкова. – М., 1971.
- Eliot T.S.* On poetry and poets: Essays. – New York, 1957.

Т.А. Бочкарева
Саратов

**ФУНКЦИЯ ПРИЕМА МЕНЫ ЛИЦ И СИТУАЦИЙ
В РАЗВЕРТЫВАНИИ МОДАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(На материале прозы Ю. Нагибина)**

В статье рассматривается функция приема мены лиц и ситуаций в развертывании модальной перспективы художественного текста на материале прозы Ю. Нагибина. Отмечается доминирующая роль указанного приема в создании модального поля текста, внутренней полимодальности образа автора/героя и не прямой, а обратный характер модальной перспективы, обусловленный именно происходящими менами.

Ключевые слова: модальность художественного текста, модальная перспектива, оценка, прагматический контекст, прием мены лиц и ситуаций.

The following article highlights a literary device of change of figures and situations in the development of modal perspective of literary text based on Nagibin prose. It should be noted the predominant role of above-mentioned device for creation of modal fields of text, internal polymodality of author and character image and not direct but reverse character of modal perspective.

Key words: modality of the fictional text, modal perspective, evaluation, pragmatic context, a change of persons and situations technique.

Разноаспектный интерес лингвистов к формам и способам проявления личности говорящего в его текстах не случаен с учетом антропоцентричности современной научной парадигмы.

Логично в данном ключе и художественный текст рассматривать как результат авторской аксиологической деятельности, имеющей коммуникативную направленность.

Объектом исследования в данной работе является категория модальности художественного прозаического текста, рассматриваемая нами как глобальная категория, поглощающая категорию оценки и коммуникативную установку автора.

Материалом для анализа послужила проза Ю. Нагибина. Предметом – прием мены лиц и ситуаций и его функция в создании модального поля художественного прозаического текста указанного автора, рассмотренный через призму соотношения оценочных и прагматических текстовых компонентов.

В определении понятия «оценка» мы придерживаемся распространенной точки зрения, представленной, например, в работе Вольф, отмечающей, что «объективный мир членится говорящим с точки зрения его ценностного характера – добра и зла, пользы и вреда и т.п.» [Вольф 1985: 5]. В разграничении частнооценочных значений мы используем классификацию, предложенную Н.Д. Арутюновой. Она выделяет сенсорные, сублимированные и ра-

ционалистические оценки, внутри которых определяются частные подтипы [Арутюнова 1984].

В качестве прагматической составляющей рассматривается прагматический контекст – непосредственная текстовая ситуация, отражающая целеустановку автора на ее определенное восприятие.

Анализ прозы Ю. Нагибина показывает, что прием мены лиц и ситуаций в его текстах входит в арсенал доминантных средств развертывания модальной перспективы. В качестве основных приемов выделим мему лиц и ситуативную мему.

Остановимся подробнее на каждом виде мен.

Прием мены лиц является ведущим в повести «Моя золотая теща».

Повесть автобиографична, тип повествователя – характерный для этого жанра персональный субъективный – автор/действующее лицо (Ich –Erzähler). Однако отдельные композиционные фрагменты текста решаются в ином повествовательном ключе, так как наблюдается мена лиц с первого на третье («я» на «он»). Представим выявленные мены лиц повествователей графически в соотношении с сюжетными эпизодами: экспозиция: я-он-я-он-я; завязка: он-я; основное действие: я.

В тексте автор/рассказчик сам пытается ответить на вопрос: *«Зачем я путаюсь между “он” и “я”? Сам толком не пойму. Иногда мне кажется, что я совсем не знаю того молодого человека, который некогда был моим “я”. И тогда, естественно, начинаю называть его “он”, как бы не беря ответственность за чужие мысли и поступки. А иногда этот чужак не более чужд мне, чем та серая маска, которая смотрит старыми больными глазами из глубины круглого зеркальца во время утреннего бритья. У меня нет близости с этим отражением, ибо не верится, что можно так износить свой земной образ, но все-таки приходится согласиться, что это я и другого нет. Говоря о том далеком неправдоподобно молодом человеке в первом лице, я невольно начинаю с ним сливаться. Может, в конце концов это “я” из прошлого приживется ко мне настоящему?»*

Итак, это я ехал в большой правительственной машине...» [Нагибин 2004: 175]. Такова авторская версия путаницы «я» и «он». Нам представляется, что наличие двух местоименных форм, с одной стороны, способ разграничения планов рассказчик/персонаж: «он» – действующее лицо, «я» – рассказчик, с другой – способ разграничения временных планов – «он» – до момента, к которому относится начало повествования, «я» – от момента начала повествования и до его завершения. И, наконец, мена лиц – это показатель внутренней полимодальности второго «я» рассказчика. «Он» в тексте по сути двойственен. «Я» – это то «он»-1, то «он»-2. В зависимости от этого соотно-

шения выстраивается и оценочная перспектива описываемых ситуаций.

Для «я», равного «он»-1, жизненные реалии являются лишь фоном к истинной «жизни души» героя. В этом свете описываются и оцениваются отношения с первой любовью героя, Дашей.

Разнообразна, многогранна оценочная палитра образа Даши: от оценок сенсорных, характеризующих приближение к дому любимой («*вкусный запах сапожной мази оборачивался гарантией успеха*»), ее внешний облик («*уютная, милая, родная*», «*доверчивая цельность лица*»); психологических («*ей нравилась тонкая интеллектуальная игра, чуть отодвигающая, но и обостряющая предстоящее объятии*») до сублимированных («*У Даши был прекрасный прямой взор широко распахнутых под густыми ресницами ореховых глаз...*») и опосредованных.

Поездка на трамвае к дому любимой после разрыва выглядит как «паломничество»: «*И вот сейчас, повторяя ритуальный свой, теперь уже бесцельный маршрут (по-прежнему – только на трамвае), он испытывал все те же чувства: волнение, ожидание беды, нежность к Дому ученых, страх перед пожарной каланчой, подавленность от высоких безобразных домов с приближением к Зубовской, подъем духа в виду просвета Хамовников и все усиливающуюся веру в удачу от становища айсора (война не сдвинула его с места) до подъезда, но, не дойдя двух-трех мет ров, он расшибался о пустоту, как птица о стекло витрины, с ощущением не воображаемого, а физического удара*» [Нагибин 2004: 165].

Отношения с Дашей характеризуются не просто при помощи книжной лексики, но лексики возвышенной: любовь – «мука той поры», поездка на трамвае к ее дому – «паломничество», «ритуальный маршрут», ожидание «чуда»: сначала «чуда возвращения», потом – «чуда освобождения». Общая эмоциональная оценка ситуации – боль и недоумение по поводу произошедшего. Отсюда большое количество вопросных синтаксических конструкций, вводных слов и лексем, выражающих гипотетичность, сомнение и неуверенность («*Зачем он ходит сюда?... Но почему такое простое и естественное объяснение не приходило на ум? Так чего же добивался он своим паломничеством к ее дому?... Может, воскрешал прошлое, еще не обесцененное настоящим?... Скорее уж он ждал какого-то чуда*» и т.д.).

Для «я», равного «он»-2, нет «жизни души», зато явственно проступает «жизнь тела» номенклатурной элиты, частью которой волей обстоятельств становится герой. В этом свете описываются и оцениваются отношения со второй женой, Галей: «*Вообще же наш роман, довольно скоро окончившийся браком, был романом без психологии. И без страсти*». Характеристика Гале дается соответствующая, лишенная какого бы то ни было психологизма, су-

губо рационалистическая, утилитарная: *«Она была человеком без свойств. Проще всего ее определить при помощи частицы “не”. Не умна и не глупа, не добра и не зла, не деловита и не расхлябанна, не ленива и неусидчива, не привязчива, но и не равнодушна к людям. Одно положительное качество – очень опрятна... Крылатую легкость ей дарил алкоголь»* [Нагибин 2004: 173-174]. Ни встреча с девушкой, ни сопутствующий этому антураж не будят "жизни души" героя. Вместо этого появляется самоирония в оценке приобретенных качеств сомнительного свойства: *«Еще до того, как я попал в семью, мне пришлось срочно пересмотреть свои представления о пьянстве. В моей прошлой среде меня считали выпивохой, здесь я долго ходил в непьющих. По-надобилось немало времени и сил, чтобы исправить репутацию. Я научился опохмеляться... Передо мной открылись безбрежные горизонты. В незабываемую пору моего жениховства я стал настоящим пьяницей»* [Нагибин 2004: 174].

Усиливает сугубо реалистический модальный фон обиходно- бытовая, разговорная, сниженная лексика («пьяница», «выпивоха», «жениховство», «васюся – семейное слово, обозначающее халда, балда», «машина, содранная с “линкольна”»', шофер Колька и др). Трамвай, везущий героя к Даше, воспринимается как транспортное средство весьма условно в общем контексте обуреваемых героя сопутствующих переживаний. Машина же, на которой герой едет с Галей на дачу, – престижное транспортное средство партийной номенклатуры: *«... большая правительственная машина, содранная с американского “линкольна”»* – предмет специального описания.

Ключевым в понимании двойственности образа героя является, на наш взгляд, первое СФЕ завязки (оно же – сильная текстовая позиция): *«Он действительно думал, что едет на дачу. Ни на мгновение у него не мелькнуло, что он едет за судьбой, в рай и ад, в страну, жителем которой он не мог и не должен бы стать, даже приняв все ее законы, обычаи, правила. Тут не его климат, не его атмосферное давление, не его язык, не его смех, не его музыка, не его страсть, не его все. Так и не став близким и понятным, этот чужой мир на годы закрутит его своей сумасшедшей каруселью, скорректирует ему душу, исказит зрение, но он не будет сознавать этого, потому что потеряет память о себе прежнем»* [Нагибин 2004: 175]. В контексте выдвинутой нами гипотезы о полимодальности внутреннего «я» становится понятно, почему герой («он»-1) не мог и не должен бы стать жителем «чужого мира» и почему этот мир в конце концов «закрутит его своей сумасшедшей каруселью, скорректирует ему душу, исказит зрение» («он»-2 становится его единственным «я»). *«Но он не будет сознавать этого, потому что потеряет память о себе прежнем».*

Развернутая метафора, определяя общую перспективу дальнейшего повествования, где «я» практически равно «он»-2, предваряет последнюю мену лиц. Возможность иного развития действия заложена в конструкции «не мог, не должен бы стать». В этом контексте по-другому видится и прямое рассуждение автора: «Зачем я путаюсь между “он” и “я”»? (см. выше). Окончательно поставив знак равенства между «он»-2 и «я», рассказчик видит в образе «он»-1 возможность через прошлое вернуться к себе настоящему.

Таким образом, прием мены лиц в рассматриваемом аспекте при внешней кажущейся мономодальности текста создает внутреннюю полимодальность образа главного героя. Реализуется она прежде всего через систему кардинально противоположных оценок действующих лиц и ситуаций, соответствующих разным «ипостасям» автора/героя. В плане соотношения оценочных и прагматических компонентов текста подобная мена задает перспективу от оценки к прагматическому контексту.

Вторая мена, используемая Нагибиным в разнообразных вариациях, – мена ситуаций. Наиболее ярко она представлена, на наш взгляд, в повести «Тьма в конце туннеля».

Герой повести, Петр Маркович Калитин, состоявшийся писатель, долгие годы переживает внутреннюю психологическую драму своей принадлежности по отцу, которого он искренне любит, к «племени изгоев», «касте меченых», вошедшую в его детство с обидным ярлыком «жид». Сознание своей причастности «обреченному меньшинству» проникает в «мозг, сердце, желудок, кишки, позвоночник», отравляет существование мальчика, «обессиливает» его, лишает сопротивляемости, делает трусом. *«Я узнал, что я недочеловек, и во мне сменилась кровь, я стал трусом»* [Нагибин 2004: 40].

«С чем можно сравнить страдания, которые причиняла мне моя “недорусскость”? Разве что с тоской и муками бедного Петра Шлемеля, чело века, потерявшего свою тень, о чем поведал Шамиссо... А вот трагедия страшнее Шлемилевой: быть русским и отбрасывать еврейскую тень»... *«Лично я никогда, даже в упоении любви, дружб, спортивных баталий, гульбищ, захватывающих развлечений, не забывал, что у меня нет тени. Неточный образ. Я чувствовал себя человеком, отбрасывающим чужую тень»* [Нагибин 2004: 61].

Причину своих бед герой видит в отсутствии смирения с отведенной ему ролью. *«И еще мне хотелось понять, почему другие еврейские мальчики, а наш класс уступал разве что синагоге по чистоте неарийской крови, живут припеваючи, их никто не преследует, не шпыняет... а на меня все шишки валяются?... Наверное, дело в том, что они смирились со своим положением, надели желтую повязку на рукав и обрели в этом известную свободу. А я не*

надел повязки, мешает другая моя половинка, пусть я ни когда не вспоминаю о ней, она не забывает меня» [Нагибин 2004: 52]. «Есть замечательное высказывание: еврей – тот, кто на это согласен. А я не был согласен, несмотря на всю натужную готовность» [Нагибин 2004: 60].

Диссонанс собственного внутреннего и внешнего ролевого несоответствия определяет систему оценочных координат, заданных еще в детстве, в которой «жид – это плохо, хуже некуда», а русский, даже маленький «хвастливый заморыш» – хорошо, «потому что за ним – все» [Нагибин 2004: 48].

Так продолжается до тех пор, пока в корне не меняется прагматическая ситуация. Уже в зрелом возрасте Калитин узнает, что его настоящий отец – русский студент, расстрелянный крестьянами во время мятежа, а псевдоним «Калитин», предложенный когда-то матерью, фамилия его родного отца.

Смена прагматической ситуации и собственного ролевого статуса полностью дезориентирует героя, резко меняет его поведение, оценку собственных действий и картину мира в целом. *«Конечно, я очень устал душевно, неся свой груз, но привык к нему и, сбросив, испытывал не облегчение, а утрату державшего меня стержня. Я обвалился. Запал в самого себя...» [Нагибин 2004: 101].* Возникает проблема нравственного выбора. В сознании героя место отца прочно занимает отчим, которого герой искренне любит, принять другого человека, пусть и формально, означает для героя предательство отчима. *«Обрести свою национальность значило для меня потерять Мару как отца» [Нагибин 2004: 139].* Кардинально меняется поведение героя: *«Прилив русскости неизменно ожесточал меня... Во мне происходил душевный переворот» [Нагибин 2004: 139].* То, что с ним происходит, Калитин называет «гнусная муть». *«Моя русификация пошла по дурному пути, я оскотинивался на глазах. В пору своей раздвоенности я не был таким хамом, во мне шла тонкая душевная жизнь. Неужели я для того рвался в русские, чтобы стать свиньей?» [Нагибин 2004: 131].* Осознание степени собственного морального падения делает для героя «ошеломляющий подарок судьбы» в прямом смысле ошеломляющим. В конце концов постепенно меняется и картина мира в целом. *«Может показаться странным, но когда окончательно отпало то, что было кошмаром всей моей жизни, я начал как-то глухо сопротивляться столь желанному дару...» [Нагибин 2004: 139]. «Со мной произошло странное, а может, вполне естественное превращение. Как только я окончательно и бесповоротно установил свою национальную принадлежность, сразу началось резкое охлаждение к тому, что было мне возжеленно с самых ранних лет. Теперь я плевать хотел, за кого меня принимают, мне важно самому это знать. Я не горжусь и не радуюсь и вместо ожидаемого чувства полноценности испытываю чаще всего стыд. Мое окончательное вхождение в*

русскую семью пришлось на крайне неблагоприятное для морального тонуса этой семьи время. Почему-то падение тоталитарного режима пробудило в моих соотечественниках все самое темное и дурное, что таилось в укромьях их пришибленных душ» [Нагибин 2004: 146]. Эффект обманутого ожидания настолько велик, что в какой-то момент в форме практически молитвы герой просит бога вернуть все на круги своя: «Господи, прости меня и помилуй, не так бы мне хотелось говорить о моей стране и моем народе! Неужели об этом мечтала душа, неужели отсюда звучал мне таинственный и завораживающий зов? И ради этого я столько мучился? Мне пришлось выстрадать, выболеть то, что было дано от рождения. А сейчас я стыжусь столь желанного наследства. Я хочу назад в евреи. Там чище и человечней» [Нагибин 2004: 151].

В данном случае именно смена контекстов и ролевая мена является катализатором мены оценочного плана. При этом исходные оценки меняются на прямо противоположные.

Аналогичный модальный сценарий используется в рассказах «Терпение», «Бунташный остров», «Другая жизнь», объединенных сквозным сюжетом. Героиня, Анна, думая, что ее любимый, Павел, погиб на войне выходит замуж за их общего друга, рождает ему двоих детей, при этом живет не своей жизнью. Семья, где нет взаимной любви, делится на Анну, стоящую особняком, «детей-хищников» и Скворцова, связывающего семью своей любовью к Анне и детям.

Ситуация кардинально меняется, когда оказывается, что любимый Анны жив. Став калекой, он сознательно ушел из мира здоровых в островной мир калек Богояра. Случайная встреча переворачивает всю жизнь Анны, жить как прежде она не может. Но Павел, как и раньше, не хочет принимать ее жертву. Анна погибает на пути к любимому. Но круг не завершен. Дочь Анны, Татьяна, проживает за мать не прожитую ею жизнь. Именно смена ситуаций провоцирует смену жизненных приоритетов и оценок основных действующих лиц. Анна перед смертью узнает правду о предательстве мужем друга на войне и начинает его презирать; Скворцов, муж Анны, теряет с ее смертью нравственную опору и на поводе у сына пускается во все тяжкие. Татьяна осознает, какое важное место в ее жизни занимала мать и как она была ей дорога. Своей жизнью она как бы переписывает заново историю материнской любви, но со счастливым финалом.

Модальная перспектива в этих случаях разворачивается от прагматического контекста к оценке.

Таким образом, можно отметить, что прием мены лиц и ситуаций играет доминирующую роль в создании модального поля рассмотренных тек-

стов Ю. Нагибина. При этом создаваемая перспектива полимодальна, носит не прямой, а обратный характер, обусловленный именно происходящими менами.

Библиографический список

Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни языка. – В кн. Проблемы структурной лингвистики, 1982. – М., 1984.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985.

Нагибин Ю. Любовь вождей. – М., 2004.

Нагибин Ю. Ты будешь жить. – М., 2005.

И.А. Голованов
Челябинск

СЛОВО И ТЕКСТ: МИФО-ФОЛЬКЛОРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РАННЕЙ ПРОЗЫ А. ПЛАТОНОВА

В статье рассматриваются особенности художественного стиля А. Платонова через анализ словесных образов и сопряженных с ними сюжетных мотивов в ранних рассказах писателя. Утверждается, что поэтика платоновской прозы основана на многомерных связях с мифологией и русским фольклором.

Ключевые слова: художественный текст, интерпретация, слово, миф, фольклор, А. Платонов, ранняя проза.

This article discusses the features the artistic style of A. Platonov through analysis of verbal images and associated plot motives in the early short stories writer. Argues that the poetics of Platonov's prose is based on multi-dimensional links with mythology and Russian folklore.

Key words: artistic text, interpretation, word, myth, folklore, A. Platonov, early prose.

Исследование ранней прозы А. Платонова и в частности рассказов, традиционно относимых к научно-фантастическим, предполагает выявление складывающихся черт художественного метода писателя, выяснение особенностей использования им поэтического ресурса слова, анализ его сочетаемости с точки зрения идиостиля выдающегося автора первой половины XX века.

В данной статье мы остановимся на мифо-фольклорной интерпретации двух рассказов А. Платонова – «Маркун» (1920) и «Потомки солнца» (1922), принимая во внимание их сопряженность с другими ранними произведениями художника: «Поэма мысли» (1920-1921), «В звездной пустыне» (1921), «Сатана мысли» (1922). В названных текстах образы, предметы и явления сознательно представлены не похожими на те, которые мы привыкли видеть в жизни. Однако фантастика рассказов А. Платонова имеет вполне реальное основание: ее конкретные формы складываются в тесной связи с реальной действительностью, по законам двух систем искусства слова – литературы и фольклора [см. Лазарев 1991].

Фантастический вымысел у Платонова – это отнюдь не отступление от истинности, истина в нем присутствует, но в особом виде. Писатель органично воспринял фольклорные формы вымысла, восходящие к анимистическим и антропоморфным представлениям людей. Благодаря осмыслению героев в контексте фольклорного сознания (подробнее см. [Голованов 2009]) платоновские образы обретают емкий, универсальный смысл, им присуща художественная соотнесенность с рядом жизненных явлений.

Фольклоризм художественного мышления А. Платонова имеет свои вполне определенные истоки. Писатель родился в Воронежской губернии,

для которой, по замечаниям исследователей, характерны глубокие фольклорные традиции: уроженцами воронежской земли были знаменитый собиратель и публикатор сказок А.Н. Афанасьев, поэты А.В. Кольцов и И.С. Никитин, творчество которых пронизано элементами народного творчества. Имена воронежских сказочниц А.К. Барышниковой и А.Н. Корольковой в XX веке были известны далеко за пределами Воронежского края.

Именно понимание связи Платонова с устной народной традицией помогает прояснить смысл названия рассказа «Маркун». Имя героя необычно и для носителя литературного языка малопонятно. Между тем, по свидетельству диалектных словарей, созвучное с ним слово *маракун* означает 'думающий, сообразительный человек', а производящий глагол *мараковать* используется в двух основных значениях: 1) понимать, смыслить что-либо; 2) делать что-либо, организовывать [Элиасов 1980: 196]. В «Словаре русских народных говоров» глагол *морковать* толкуется как 'раздумывать, долго решать какой-л. вопрос'; 'делать что-л. медленно, понемногу' [СРНГ 1982: 265]. Сравните также значения близких в структурном отношении слов из толкователя В.И. Даля: *мороковать* – понимать, знать, уметь несколько, разбирать, мастерить помаленьку; смыслить, смекать; *морокун, морокуша* – отгадчик, знахарь, колдун, ворожея и в современных говорах: *маркаш* – муравей; *марковитый* – 'легко пачкающийся' (ср. также *маркотка* – корень лука, «то, что в земле») [СВГ 1989: 71-72].

Важной для понимания отношения автора к идее «перевернуть землю» оказывается аллюзия к поискам точки опоры, или тяги земной, – песенный, преимущественно былинный мотив, который встречается в былинах о Святогоре, Самсоне и в духовных стихах об Анике-воине. Фольклорный богатырь похваляется: «Как бы я тяги нашел, так я бы всю землю поднял!» [Былины 1988: 34]. Но, найдя на дороге «сумочку переметную», в которую сложен «весь земной груз», пробует поднять его, «грузнет» в земле и погибает.

В связи с аллюзией к образу похваляющегося богатыря в повествовании возникает важная для писателя тема индивидуализма и прагматизма – в противовес гуманистическому началу. Эта тема служит испытанием «механистической» идеи Маркуна. Внутренний монолог Маркуна насыщен формами личного местоимения «я»: «Ты не сумел, а я сумею, Архимед, ухватиться за них <...> Я обопрюсь собою сам на себя и пересилю, перевешу все, – не одну эту вселенную» [Платонов 1984: 26].

Вероятно, А. Платонову было не чуждо представление том, что «всегда гнило слово похвальное». Так, Аника-воин, который хвалился своей отвагой, хитростью и силой, встретил смерть, испугался и был ею побежден. Значимой в данном контексте оказывается и художественная деталь, призванная

усилить мотив оторванности героя от мира (человеческой общности): «Маркун любил чертежи больше книги» [Платонов 1984: 26]. Общеизвестно, что в книгах сосредоточен «мыслящий дух» человечества, а чертежи, скорее, выступают воплощением индивидуального творческого акта, направленного на создание схемы, абриса, но не полноценного, одухотворенного образа объекта.

Тема единства с миром входит в рассказ в эпизоде «забытого листка», где записана мысль о возможности быть личностью внутри сообщества: «Ты можешь быть и Федором, и Кондратом, если захочешь, если сумеешь познать их до конца, то есть полюбить. Ведь и любишь-то ты себя потому только, что знаешь себя увереннее всего. Уверься же в других и увидишь многое, увидишь все, ибо мир никогда не вмещался еще в одном человеке» [Там же: 25]. Но эта народная мудрость была забыта героем: проходят месяцы, он по-прежнему верит лишь в себя и идет к своей цели-мечте. И только неудача в запуске машины привела его к осознанию своей ошибки: «Я оттого не сделал ничего раньше, – подумал Маркун, – что загораживал собою мир, любил себя» [Там же: 31].

Другой уровень интерпретации рассказа «Маркун» связан с христианской мифологией. Сложные взаимоотношения героя с богом проявляют себя в тексте неоднократно, но, как правило, неотчетливо. Между тем некоторые строки произведения проясняют позицию героя, его жизненное кредо – он утратил веру в бога, перестал быть «рабом Божиим» и решил посвятить себя всем людям: «...в детстве, когда он потерял веру в бога, он стал молиться и служить каждому человеку, себя поставил в рабы всем и вспомнил теперь, как тогда было ему хорошо» [Там же: 29].

Таким образом, идея рассказа, вероятно, была предопределена влиянием ветхозаветных книг. Образ Маркуна – нового «кудесника»-творца нужен был Платонову для того, чтобы художественно ярко выразить мысль об отступлении человеческого мира от ценностей «первотворения»: на земле и во вселенной вновь хаос, и задача героя – «упорядочить» жизнь, восстановить высшую истину и справедливость. Это дано только человеку мыслящему, познающему реальность, человеку совестливому и чистому как духовно, так и телесно.

«Чистота» героя абсолютна, в забытом когда-то листочке он прочел: «А вчера я видел во сне свою невесту. Но ни одной девушки я никогда не знал близко. Кто же та?» [Там же: 25] Невеста из сна; веселый пароход со смеющимися красавицами; девушка, «которая маячила в синем сумраке красноватой юбкой» – это образы с поля битвы духа и плоти, борьбы, которая непре-

рывно происходит в человеке, избранничество которого осознается им самим, и чем величественнее задача, тем ожесточеннее борьба.

Герой с именем Маркун, в семантике которого заключен смысл «испачканный грязью», как и сам автор, Андрей Платонов, ощущает необходимость преодоления предвзятого отношения к себе и к таким, как они: «Вы говорите о великой целомудренной красоте и ее чистых сынах, которые знают, видят и возносят ее. Меня вы ставите в шайку ее хулителей и поносителей, людей недостойных и не могущих ее видеть, а потому я должен отойти от дома красоты – искусства, не лапать ее белые одежды. Не место мне, грязному, там» [Платонов 1985: 488].

Финальная фраза рассказа: «Мне оттого так нехорошо, что я много понимаю» – обращает героя, автора и читателей к вечной евангельской истине: во многом знании многая печали. Герой рассматриваемого рассказа выступает как полисемантический образ, соединяющий в себе смысловые уровни мифологии, фольклора и литературы.

Итак, фольклорная логика, восходящая к древним мифологическим представлениям и понятиям, преобразуется в рассказах Платонова в поэтическую условность. Именно фольклор дает Платонову опору на традиционный мифологический мотив помощи, оказываемой человеку, вступившему в родственную связь с миром природы, хотя иногда эта сюжетная ситуация получает в художественном мире автора иной, чем в фольклоре, смысл. Обратимся к рассказу «Потомки солнца», в котором, как и в устной народной традиции, поэтизируется творческое дерзание человека.

Фольклору в целом близка идея избранничества, тема необыкновенной участи тех, кто, пройдя через цепь испытаний, достигает желанной цели. Так и А. Платонов с первых строк своего рассказа заставляет увидеть в «нежном, печальном ребенке» – будущего героя, предназначение которого сделать то, «что невозможно и чего не может быть на земле, но чего хочется» [Платонов 1984: 32]. В еще не сформированном сознании героя соединились символы реального и метафизического мира: поле и небо, колокольный звон и рев паровозного гудка. В повествовании возникает тема сиюминутного, привычного существования и тема счастья, «которое придет завтра». А завтра вновь гудел гудок и «плакали церковные колокола» – такова музыка детства юного героя как символическое обозначение «должного» и «затягивающего» болота земной жизни, где нет истинного счастья, о чем и «плачут» колокола. Вместе с плачем в сюжетную ткань входит мотив «далеких и умерших». За ним угадывается вполне явный отсыл автора к моральным принципам философии Ф. Ницше: противопоставление «любви к ближнему» – «любви к дальнему», так как «Бога нет...» [Там же].

В новом мире, который будет строить главный герой рассказа – инженер Вогулов, нет места для сострадания. Ницшеанский принцип «любви к дальнему» писатель пытается актуализировать в тексте через материнскую и вообще родительскую любовь к ребенку. *Любовь матери*, направленная на обеспечение отдаленных благ для ребенка, хотя бы ценою его страданий и лишений в настоящем, *делает его человеком*: «И он – рос, и все неудержимое, страшнее клокотали в нем спертые, сжатые, сгорбленные силы». Платонов подчеркивает необычность героя контрастом между «неудержимо клокочущими странными силами» и «чистыми, голубыми, радостными снами».

Заданные с первых строк произведения два плана – мифологический (метафизический) и реальный – получают развитие в мотиве странничества. Мотив странничества вновь лишь намечен автором отдельными неразвернутыми словесными образами: «Но он рос во сне»; «днем было только солнечное пламя, ветер и тоскливая пыль на дороге» [Платонов 1984: 32]. Темные, клокочущие силы – это новый подход к изображению вселенской энергии, которую в новую эпоху пытается подчинить себе человек: «Упорнее и нестерпимее вонзались мысль и машины в неведомую, непокоренную, бунтующую материю и лепили из нее раба человеку» [Там же: 33].

Проходит некоторое время – и инженер Вогулов, «тот самый нежный мальчик», который видел «радостные сны» [Там же], руководит перестройкой земного шара. Фамилия героя обращает нас к фольклорным преданиям о древнем народе – вогулах. Этот вольнолюбивый народ, не зависящий от цивилизации, подвижный, был способен перемещаться на большие расстояния ради сохранения себя и обретения гармонии с природой. Вогулов – это и есть «дитя» народа-странника, которое выросло и теперь готово работать «бессменно, бессонно, с горящей в сердце ненавистью, с бешенством, с безумием и беспокойной неистощимой гениальностью» [Там же]. Мотив безумства двоятся: сама земля с развитием человечества «становилась все более неудобна и безумна», и человек, взявшийся за переустройство земли, оказывается безумен (это безумие фольклорного Иванушки-«дурачка»), так как взялся, с точки зрения обыденного сознания, за нечеловеческую миссию: «План Вогулова был очень прост» – нужно было лишь покорить силы ветра и направить их в необходимом человеку направлении: «это стало необходимостью, это стало вопросом дальнейшего роста человечества» [Там же].

Инженер-пиротехник Вогулов открывает «взрывчатый состав неимоверной чудесной мощи» – ультрасвет («не вещество, а энергия – перенапряженный свет <...>, энергия, рвущаяся обратно в мир к «нормальному» состоянию со странной, истребительной, неимоверной, не выразимой числами силой»). Теперь у Вогулова все было «для постройки из земли дома челове-

честву». Перед нами еще один мифологический мотив – мотив «упорядочения хаоса», правда, этот космос («порядок») – на Земле.

«*Далекие* миллионы людей (здесь и далее в цитируемом тексте курсив наш. – И.Г.)» [Там же: 35] начинают под руководством Вогулова «великую героическую работу», но оказывается, что для осуществления задуманного нужно **новое сознание**. К такому совершенно иному типу сознания пришел в результате огромной внутренней работы главный герой рассказа. Новизна обретенного «пламенного сознания» (=«прометеевский тип») подчеркнута отсылкой к христианской, ветхозаветной мифологии творения мира: воскресить человечество («далеких и умерших») может только *сатана* (букв. «противник») мысли. «Сатана мысли» – именно так первоначально назывался платоновский рассказ. Исходная идея ясно выражена в следующих строках, сохраненных автором: «Чтобы земное человечество в силах было восстать на мир и на миры и победить их – ему нужно родить для себя сатану сознания, дьявола мысли и убить в себе плавающее теплокровное божественное сердце» [Платонов 1984: 36].

Так в огне и пламени энтузиазма, доведенного до предела и даже за него, о чем говорят постоянные, диссонирующие с основной идеей характеристические детали утраты сознания: «раскалил свой мозг», «бессонница», «ненависть», «бешенство», «безумие» и «беспокойство», – и существует герой. В такие минуты спасительной для него оказывалась социальная идентификация: «и пел, чтоб опомниться, *рабочие* песни – других он не знал».

Другой важный смысловой аспект – «возвращение» героя к человеческому. Первая часть рассказа рифмуется своим смыслом с последней. В начале рассказа – мальчик, еще не «отпавший» от начала, от матери и отца, от человеческого сообщества, в финале – «сатана мысли», у которого есть боль в сердце – память о девушке, которую он любил («Он двадцати двух лет полюбил девушку, которая умерла через неделю после их знакомства»). С этим образом жертвы мотив смерти уже нельзя игнорировать – все не так, как казалось: «И никто не знал, что было сердце и страдание у инженера Вогулова. Такое сердце и такая душа, каких не должно быть у человека» [Там же: 39].

Нечеловеческие страдания и боль привели к тому, «что не мог уже умереть» [Там же: 40]. Гибель души героя – смысловая, онтологическая неудача человека, но герой существует на уровне вечности, теперь он живет не «теплокровным божественным сердцем» и не душой, а мозгом «невиданной, невозможной, невероятной мощи» [Там же]. Герой существует в зеркальном, метафизическом мире, где «любовь стала мыслью, и мысль в ненависти и отчаянии истребляла тот мир...» [Там же]. Так любовь, которая созидает, в художественной концепции А. Платонова оборачивается своей онтологической

противоположностью – ненавистью, а жизнь меняется местом со смертью. Можно согласиться с мнением К.Г. Исупова, что «платоновский Космос к смерти равнодушен, равнодушны к ней и герои Платонова» [Исупов 1993: 39].

Таким образом, рассмотренные рассказы, во многом созвучные другим ранним произведениям А. Платонова, в силу особенностей идиостиля автора, оказываются весьма трудными для интерпретации. Именно мифо-фольклорные образы и мотивы, облеченные в слово, становятся тем ключом, с помощью которого приоткрывается многомерная концептуальная организация авторской картины мира, выявляется сложное переплетение в тексте эстетических принципов, подходов и художественных приемов.

Библиографический список

- Былины* / сост., вступ. ст, подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. – М., 1988.
- Голованов И.А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX – XXI вв.). – Челябинск, 2009.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 3. – М., 1989.
- Исупов К.Г. Мифология смерти в прозе А. Платонова // Вестник Челябинского университета. Сер. 2. Филология. – 1993. – № 1 (3). – С. 38-40.
- Лазарев А.И. Типология литературного фольклоризма. – Челябинск, 1991.
- Платонов А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. – М., 1984.
- Платонов А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. – М., 1985.
- Словарь вологодских говоров. – Вологда, 1989. (СВГ)
- Словарь русских народных говоров. Вып. 18. – Л., 1982. (СРНГ)
- Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. – М., 1980.

Е.И. Голованова
Челябинск

СЛОВО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ

В статье рассматриваются особенности функционирования слова в постмодернистском художественном тексте. На примере романа-антиутопии Т. Толстой «Кысь» выявляются пути и способы трансформации слова и основанные на этом феномене варианты смыслообразования.

Ключевые слова: художественный текст, слово, трансформация, смыслообразование.

This article discusses the features of word in postmodern art. On the example of the anti-utopia T. Tolstaya "Kys" identifies ways and means of turning words and based on this phenomenon of options to produce new sense-images.

Key words: art text, word, transformation, sense formation.

Слово является основной единицей языка как системы знаков и как продукта сознания. В слове не только сходятся все языковые уровни – от фонетического до уровня текста, но оно выступает также наиболее оптимальным репрезентантом смыслов, инструментом смыслостроения. В слове вербализуется большая часть значимых для человеческого сознания концептов. В связи с этим слово является центральной единицей филологических исследований, в нем смыкаются интересы лингвистики и литературоведения, а также целого ряда смежных дисциплин – лингвокультурологии, психолингвистики, этнолингвистики, лингвокогнитологии.

Происходящие в современном мире динамические процессы усложнения знания и связанные с этим процессы усложнения структуры языкового знака в сочетании с усилением действия в языке и культуре в целом механизмов мифологического «упрощения» мира, сведением его к некой понятной для массового сознания схеме характеризуют противоречивый, многополярный, мозаичный характер сознания человека постиндустриальной, постмодернистской эпохи.

Феномен постмодернизма стал реакцией на распад общественного сознания, основанного на достижениях науки, рассматривающего науку в качестве доминирующей силы социокультурного развития. Утрата ощущения целого, углубляющаяся фрагментация жизни, формирование замкнутых форм сознания в пределах социальных групп – черты нового времени.

С этих позиций роман Т. Толстой «Кысь», созданный в русле постмодернизма, представляет собой интересный объект лингвокультурного, лингвокогнитивного изучения. Это произведение относят к жанру романов-

антиутопий, само появление которых связано с осознанием кризиса человеческого общества.

Интегральной в романе является мысль о разрушении культурного пространства, его деградации, регрессе, упадке, запустении и связанном с этим вырождении человека как социального феномена. Все это показано автором через слово. Именно слово становится той доминантой, которая организует ментальный мир, мир культуры и знания.

Особая значимость слова многократно подчеркнута автором в тексте романа. Прежде всего – в названиях глав (Аз, Буки, Веди и т.д.), при этом совмещаются как бы два плана, два уровня – знаковый и денотативный: буквы (а точнее – стоящие за ними фонемы) как основной строительный материал при создании слов и обозначения букв в составе кириллического алфавита как автономные слова в языке, имеющие собственную семантику (и потому они сами включены в текст – реальный и культурный). Имя главного героя произведения также отсылает нас к значимости слова: Бенедикт – от лат. *benedictus* «благословенный».

Обращает на себя внимание, что в романе почти нет современных жаргонных и сленговых единиц (кроме *напряг*, *ништяк* и *бабец*) – они исчезли как малоинформативные обозначения, слова-однодневки. В то же время привычные для человека XX столетия слова «магазин», «оружие», «философия», «университет», «университетский», «образование», «традиция», «музей», «интеллигенция», «шедевр», «Ренессанс», «мораль», «элементарный» и другие, которые составляют базовый слой вербальной культуры, оказываются искаженными, подвергшимися мутации: МОГОЗИН, АРУЖЬЕ, ФЕЛОСОФИЯ, ОНЕВЕРСЕТЕТСКОЕ АБРАЗЫВАНИЕ, ОСФАЛЬТ, ТРОДИЦЬЯ, МОЗЕЙ, ЭНТЕЛЕГЕНЦЬЯ, РИНИСАНС, ШАДЕВРЫ, МАРАЛЬ, ИЛИМИНТАРНЫЕ ОСНОВЫ и т.д. Трансформированный облик данных слов свидетельствует не только об их исчезновении из обихода людей, но и об утрате обществом соответствующих понятий, объектов обозначения.

В созданном Т. Толстой виртуальном пространстве, воплощающем образ возможного будущего, нет ни электричества, ни паровой машины, ни колеса. Нет коней, коров, свиней, собак и даже пчел (ср. МЁТ). Вместо грибов – *грибыши*, вместо пельменей – *пельмешки*, нет дуба – его сменил *дубельт*, ели изменились в *клены*, червяки – в *червыри*. Безвозвратно исчезли многие привычные названия: осина стала *окаян-деревом* (намек на народную легенду о том, что на осине повесился Иуда, отсюда дерево окаянное, проклятое, дьявольское), голуби – *птицей-блядуницей* (взамен символического восприятия голубя как самой чистой, невинной птицы, воплощения Святого Духа –

прагматическое его восприятие как пачкающего, оставляющего всюду свой помет).

Память о последнем из рассмотренных слов сохраняется лишь в отдельных употреблениях, например, в обращении «голуба» – к мыши, которую ловят, чтобы съесть, а также в слове «голубчики» как обобщенном названии жителей Федор-Кузьмичска. Иными словами, голубчики – это как бы люди (Прежние и новые), но не совсем люди. Думается, что есть основания говорить об интертекстуальности данного наименования. В поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» этим словом обозначен основной объект купли-продажи – *мертвые и беглые души*. Характерен эпизод перебеливания главным героем списков «купленных крестьян»: представляя каждого из них поименно, «умиляясь духом», Чичиков разговаривает с ними: «Батюшки мои, сколько вас здесь напичкано! что вы, сердечные мои, поделывали на веку своем? как перебивались?» Чисто русское обращение «голубчик», адресованное душам умерших и потерянных, обретает в устах главного героя особое, символическое звучание: «Знаю, знаю тебя, голубчик... и был ты чудо, а не сапожник... А вы что, мои голубчики? – продолжал он, переводя глаза на бумажку, где были помечены беглые души Плюшкина, – вы хоть и в живых еще, а что в вас толку! То же, что и мертвые...» Классический контекст употребления «голубчиков», на наш взгляд, формирует соответствующее понимание художественного текста XX века.

В целом, возникает некое пространство аллюзий, реминисценций между двумя произведениями и отраженной в них действительностью. Некогда составлявший суть русского человека «разгул широкой жизни» (у Н. Гоголя) сменился убогим существованием толстовского «голубчика». У Татьяны Толстой, действительно, это уже не люди, это зыбкие тени, отсветы людей, настоящая жизнь давно миновала, нынешнее призрачно и темно.

Вымирание, омертвелость, исчерпанность, опустошенность мира, его уродство, утрата внешней и внутренней привлекательности подчеркиваются в романе топонимическими обозначениями: *Мусорные Пруды, Поганый Мосток* и др. Оскудение языка и интеллекта угадывается в трафаретных названиях *Рабочая Изба, Столовая Изба*, в «эволюции» названий Москвы: *Южные Склады, Сергей-Сергеичск, Иван-Порфиричск, Федор-Кузьмичск*.

Тема разрушения, в том числе и слова, а также стоящего за ним сознания, парадоксальным образом сочетается в романе с другой темой – темой детства. Следуя логике замысла – показать историю, повернутую вспять, автор разворачивает «зрелый», почтенного возраста современный мир в его детство – в эпоху костяной иглы и каменного ножа, в эпоху холопов, писцов и истопников. Этот «возвращенный» Т. Толстой мир далек от мира реально-

го, это искаженный и измененный мир, некое скопище разных миров и эпох. Но главное, как нам кажется, здесь – это его «наивное», во многом черно-белое, детское, непосредственное восприятие, что подчеркивается и на языковом уровне.

Тема детства в романе представлена многогранно. Мы обнаруживаем ее в обратном словообразовании: *кура* (< курица), *пупырь* (< пупырышек), *тулово* (< туловище), *папорот* (< папоротник); и в свойственном языку детей создании так называемых «телескопических» слов, то есть наименований, состоящих из начала одного слова и конца другого (ср.: журчей < журчащий + ручей, блистенький < блестящий + чистенький, больнуть < больно + кольнуть и т.п.). Как правило, при этом исходные слова имеют общую часть – контактную зону (звук, сочетание звуков, слог). В романе Т. Толстой подобных примеров немало: *хлебед* < хлеб + лебеда, *кель* < клен + ель и др. Можно предположить, что даже само название романа – «Кысь» – является неким гибридным образованием, например: кот + рысь (ср. также ассоциации: кыс-кыс, кыш, брысь и т.п.). Кот как воплощение мягкости, хитрости, близости к человеку и рысь как символ животного, звериного начала.

Актуализацией детского восприятия объясняется использование в романе соотносительных по признаку пола и возраста названий животных: *мышь* – *мыш* («мышья ест»); *мышатки*, *соловьятки*, *воробьятки* (правда, последние два обозначения употребляются по отношению к названию птиц в целом, без конкретизации их «детскости»). Ср. в речи детей: *куропатка* – *куропат*, *муха* – *мух*.

Аналогичным образом можно расценить обращение автора к различного рода комбинаторным изменениям звуков, свойственным детской речи: *тубарет*, *тубаретка* (метатеза); *конпот*, *конплимент*, *секлетарь*, *калидор* (диссимиляция согласных); *каклеты*, *сурприз*, *сужет* (ассимиляция согласных); «*Таблицы Брандиса*» (эпентеза). Сюда же можно отнести различные искажения, «ослышки», связанные с употреблением иноязычных слов, не обладающих внутренней формой, непрозрачных по семантике и структуре: *писдолет* (пистолет), *кобчик* (копчик), *пуденциал* (потенциал), *пинзин* (бензин). А слово «ржавь» своим обликом заставляет вспомнить регулярную в детской речи безаффиксную модель словообразования (от основы глагола) для обозначения опредмеченного действия (ср. *щип*, *кус*, *лоп*, *прос*, *прыг*, *сид*, *брос*, *замор*, *кат*, *крехт*). По этой же модели могут быть созданы наименования с общим значением 'результат действия' (*сказ*, *склад*, *надав*, *царап*, *лень*). Отсюда *ржавь* – это не просто порыжевшая после Взрыва трава, это предмет, который заключает в себе следы ржавения, то

есть порчи. И голубчики ее пьют, курят, варят на ней брагу, тем самым заряжаясь порчей все больше и больше.

Тема детства угадывается в романе и через обращение к тексту «Колобка» – сказки, которая читается самым маленьким, и через использование «детских» слов *Котя* (обозначение кота), *боботюкалки*, *кукумаколки*, *пятнушки* («без пятнушек»), *позакалякал*, *потягунюшки*. Зооморфные образы, использованные в тексте романа, восходят к детским колыбельным, пестушкам, потешкам: *заяц*, *мышь*, *кот*, *коза (козел)*, *курица*. Правда, у Толстой зайцы не белые, а черные, они не скачут по полям, а «порхают» с дерева на дерево; мыши используются в пищу (из них варят суп, пекут пироги с мышатинкой); куры несут не белые, а черные яйца, которые нельзя есть, предварительно не выварив отраву, эти куры улетают на зиму в теплые страны; козел именуется уничижительно *козляком*, козье молоко в сыром виде не пьется, идет на приготовление творога и масла.

«Детское» начало обнаруживаем и в именах: *Пузырь* (ср. со сказкой «Пузырь, Соломинка и Лапоть»); *Марфушка*, *Капитолинка*, *Верка*, *Глашка-Кудлашка* (имена взрослых женщин). В названиях игр: *поскакалочки*, *удушилочка* (последняя, правда, далеко не детская – по своей жестокости). Детская тема угадывается и в звукоподражательных словах: *тупать* «топать» (< туп-туп «топ-топ»). Русалки в романе – *кулдычут*, голуби – *курлычут* (а не воркуют). Звуки далеки от привычных: *тындых!* *ввух!* *тяфф!* *ыых!* *вяк!* *чу!* *бульк!* (последнее – не о воде, а о человеке с выменем). Смех: *га-а*; крик блаженства: *ы-ы*. О зайце: *порх!* (улетел). Проявляется она и в использовании уменьшительно-ласкательных суффиксов для нейтральных обозначений: *костылики* (костыли), *цветики* (цветы), *личико* (о лицах взрослых людей), *книжица* (книга), *ложница* (ложка), *вилница* (вилка), *палица* (о палке для коромысла), *буквица* (буква).

О детском восприятии можно судить по актуализации автором любимых детьми вкусовых ощущений: *сладкий*, *сладко* (ср. в детских сказках: «Расти, расти, репка, вырасти, репка, сладка»; в потешках: «Сказка сладенька, бабушка добренька»). В романе читаем: «засыпать слаще», «сладкий ветерок», «сладкие огнецы», «золотинушка ты наша, слатенькая», «лето куда слаще», «потянешься сладко». Тема сна, на наш взгляд, тоже не случайна. Сон – это не только сладкая дрема, но и образ, связанный в мифопоэтической традиции со смертью.

Мотивы смерти в романе очень сильны и эксплицируются разными средствами. Отметим прежде всего неоднократно повторяемое в романе сочетание «блин земной». Этим сочетанием, как нам представляется, не только подчеркнут факт утраты научного представления о земной тверди; выбор об-

раза становится символичным, поскольку блины – это обрядовое блюдо, обязательное во время поминальных, погребальных обрядов. *Блин земной* звучит как обозначение мира, изменившего свою сущность, мира вторичного, возникшего после смерти настоящего.

Другой мотив, связанный с предыдущим, – мотив болезни – реализуется в тексте романа прежде всего на образном уровне: антропоморфное воплощение болезни угадывается в особенностях внешности персонажей (когти, огненные глаза, отравленное дыхание, хвост и др.), зооморфное – в образах мышей и самой Кыси, этой загадочной и страшной кошки-рыси. На языковом уровне этот мотив объективирован в многократных заклинаниях героя: «Я не болен, я не болен».

Таким образом, в анализируемом романе, созданном в эпоху переломного, рубежного сознания, роль слова чрезвычайно велика: его использование самым тесным образом связано с художественным замыслом. В формальных и семантических трансформациях слова отражается авторское понимание связи языка и человеческого сознания, сформированного и существующего в определенных социокультурных условиях. Несмотря на ярко выраженный пессимизм Т. Толстой относительно будущего человечества, именно слово в романе выступает невидимым «каркасом» распадающегося на куски мира, связывает традиции культуры и реалии созданного автором виртуального мира.

Н.Н. Дуринова
Саратов

УСТОЙЧИВОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОЙ СТОПЫ В ЕЛИЗАВЕТИНСКОМ СОНЕТЕ

В английском 5-стопном ямбе вторая стопа обладает наряду с последней (пятой) стопой наибольшей устойчивостью по отношению к метрическим нарушениям. В статье показывается, что эта поэтическая ситуация вызвана двумя основными факторами: историческим – в наследовании слогораздела, характерного для французского 10-сложника, и версификационным – в соотношении пропусков метрического ударения на икте и внеметрического ударения на неикте.

Ключевые слова: *версификация, устойчивость стопы, метрические нарушения, пропуск ударения на икте, внеметрическое ударение на неикте.*

The second foot coupled with the fifth foot in the iambic pentameter is said to acquire greater stability against the metrical irregularities. The article looks at this poetical situation which is caused by two main factors: historical, inheriting the syllable division characteristic of the French decasyllabic verse and versificational, consisting in the proportion of the loss of stress cases in a strong position and stresses in a weak position.

Key words: *versification, stability of the foot, metric deviation, loss of stress in ictus position, stress in a non-ictus position.*

Каждому литературному направлению, эпохе, жанру свойственна не безупречная правильность строки – таких строк обычно немного, – а упорядоченность, своего рода узаконенность метрических отклонений, которые в сознании читателя трансформируются в понятие «классичности» той или иной формы. Это в полной мере относится и к сонету, называемому «елизаветинским», который в сознании читателя традиционно ассоциируется с безупречной техникой владения стихом, что подтверждают такие выдающиеся сонетисты, как В. Шекспир, Дж. Донн, Э. Спенсер, Ф. Сидни.

Между тем, метрически идеальная строка – скорее эталон, чем реальность. Таких строк в сонете – три-четыре, в остальных наблюдаются метрические нарушения. Эти безупречные с точки зрения техники строки являются неким камертоном, по которому «выравниваются» другие строки. Так же, как в сонете должны быть безупречно построенные с точки зрения поэтической техники строки, так и в самой строке должен быть устойчивый центр, создающий метрическое равновесие. Анализируемый материал показывает, что по отношению к метрическим нарушениям наиболее устойчивыми являются четвертая и десятая слоговые позиции, приходящиеся соответственно на 2 и 5 стопы, причем 2 стопа в большей степени, чем последняя.

Устойчивость 5 финальной стопы определяется ее положением: она отделяет одну строку от другой. Поэтому последний икт канонически сильноударен. Бóльшее по сравнению со 2 стопой количество метрических наруше-

ний связано с тем, что в рифменной позиции сохранялось некоторое количество многосложных слов. Между тем, фонетически точное звучание в окончаниях многосложного слова при использовании его в рифменной паре – необходимое условие рифмообразования: заударный слог должен фонетически совпадать с односложным словом, по гласному которого происходит сличение заударного гласного в многосложнике. Ударение на последнем икте в этой ситуации становится условием метрическим. Нормативная ударность последнего икта была закреплена поэтами-елизаветинцами, избегавшими многосложных слов в рифменной позиции. Это неписаное правило становилось тем более обязательным, что в многосложниках (трехсложниках) основное ударение переместилось на первый слог, в результате чего потерялась отчетливость окончаний, что нарушало точность клаузул в рифменных парах.

Устойчивость 2 стопы признается ведущими исследователями английского стиха [Гаспаров 1989, Тарлинская 1976], но со стиховедческой точки зрения не объясняется. Как показывает проведенный анализ, эта устойчивость является результатом взаимодействия двух основных факторов: внутрисклоного слогораздела и характера метрических нарушений внутри строки.

Английский 5-стопный ямб считается бесцезурным стихом, но очевидно, что входящие в его состав десять слогов не могут быть произнесены на «едином дыхании», а, значит, в каком-то слоговом положении неизбежна импульсивная (или ритмическая) пауза, замещающая по функции цезуру.

В силлабическом компоненте стиха существует противодействие речевого материала метрической схеме, диктующей общие закономерности существования стиха: спонтанному членению на полустипиия противодействует синтаксическая структура фразы, связанная с наличием в ней смысловых групп – синтагм. Динамическое сопротивление речевого материала идеальной схеме проявляется в том, что в пределах строки словесная, или ритмическая, и синтаксическая пауза устанавливаются в двух разных положениях в строке. Место ритмической паузы в отличие от классической цезуры непостоянно и варьируется в пределах строки в зависимости от версификационных и синтактико-смысловых причин. Такой словораздел в строке может совпадать или не совпадать с синтаксическим членением, обозначаемым пунктуационными знаками.

Как правило, членение поэтической строки бинарное, обусловленное ритмической паузой, в результате которого она разбивается на первое короткое (4 + 6) или первое длинное (6 + 4) полустипиие. На анализируемом материале таких строк в сонетах не менее половины. Такая делимитация строки позволяет говорить о силлабически инвариантной структуре сонета.

Чисто версификационных причин в английском стихе для такого силлабического членения не существует. Нам видится, что это в значительной степени наследственная черта, заимствованная из прототипа – французского 10-сложника. В нем цезура преимущественно приходилась на четвертый слог (реже на шестой слог) с обязательным ударением на нем. В стопе, следующей непосредственно после цезуры, соблюдение ударного слога в сильной позиции ямба и безударного – в слабой позиции ямба было, по-видимому, не строго обязательным. Это метрическое качество не только сохранилось в английском 5-стопном ямбе, но и определило ритм метрических нарушений, который стал более динамичным вследствие сокращения слогового объема, вызванного обрушением морфологической системы английского языка.

Силлабическое членение строки отражается на ее тонической организации. Стиховедами признается, что в поэтическом тексте помимо основного ритма заданного метром, существует дополнительный, или «вторичный», ритм – ритм метрических нарушений [Гаспаров 1989: 171]. Это означает, что ударения на неикте или отсутствие ударений на икте тяготеют к определенной слоговой позиции, в результате чего их повторяемость приобретает характер достаточно строгой периодичности. На анализируемом материале из метрических нарушений более всего распространен пиррихий или пропуск метрического ударения на икте, что объясняется наличием в английском языке большого числа слов, лишенных динамического ударения – служебные слова.

Посмотрим, как изменится постопное распределение безударных слогов в сильных позициях ямба, если принять во внимание длину первого полустишия, поскольку в этом случае дистрибуция метрических нарушений имеет более отчетливый характер, чем в случае с первым длинным полустишием.

Таблица 1

Пропуск метрического ударения на икте в новоанглийской поэзии XVI – XVII вв.

Поэты / Стопы	Донн	Шекспир	Поэты-елизаветинцы
1 стопа	14	14	24
2 стопа	8	4	13
3 стопа	44	31	42
4 стопа	18	41	29
5 стопа	14	15	8

На анализируемом материале отчетливо обозначается тенденция к локализации пропусков метрического ударения на икте на 3 стопе, следующей сразу за ритмической паузой – слогоразделом. На нее, как основную, прихо-

дится более трети всех встречающихся случаев употребления этого метрического явления. Это качество строки особенно отчетливо у Джона Донна, зато 4 стопа, тоже потенциально пиррихическая, невыразительна. По этому показателю она почти сравнялась с 1 и 5 стопой. У Шекспира наибольшее количество метрических отклонений приходится на 4 стопу, а самой устойчивой к ним, как и по другим выборкам, является 2 стопа. Если пренебречь пропуском последнего сильного икта, то постопная дистрибуция пиррихий у Шекспира ближе к чосеровской традиции, чем у других поэтов, то есть классический канон находит у него наиболее полное выражение. Возникающий ритм пиррихий среди правильных по силлабическому строению строк свидетельствует, по нашему мнению, о правомерности такого членения строки и упорядочению в ней метрических отклонений.

В 1 стопе пропуски метрического ударения характерны для елизаветинцев – 24%. У Шекспира и Донна – их минимум. Метрически самой слабой оказывается 3 стопа: в ней количество пиррихий максимально у Джона Донна 59% и немного меньше у елизаветинцев – 51%. 4 стопа сближает позиции Шекспира с Елизаветинцами (25% и 22%), которые отдают ему свои метрические предпочтения. Шекспир оказывается своего рода камертоном, по которому невольно настраиваются поэты-современники, даже допускаемые им метрические отклонения воспринимаются канонически. В этом смысле Шекспир более «классичен», ему стараются подражать больше, чем Донну.

Обратим более пристальное внимание на елизаветинцев, которые составляют слишком большую и неоднородную группу поэтов, чтобы их можно было свести к усредненному показателю. Проведем дальнейшую дифференциацию позиционного употребления пиррихий в зависимости от внутрисклонного членения строки с первым коротким полустипом по авторам.

Таблица 2

Пропуск метрического ударения на икте в поэтическом идиолекте
в новоанглийской поэзии XVI – XVII вв.

Стопы / Поэты	1	2	3	4	5
Сидни	20	5	65	20	20
Спенсер	27	18	36	32	5
Драммонд	23	17	31	24	2
Александр	32	10	30	30	14
Другие поэты	24	8	21	40	5

Как следует из приведенной таблицы, наиболее устойчивой по отношению к метрическим нарушениям так же, как и в предыдущих случаях, является 2 стопа, в которой случаев пиррихий меньше, чем в 5 стопе, где сохра-

няются многосложные слова, приводящие к метрическим нарушениям. Исключение составляют поэты «школы Спенсера», которые избегают многосложников в рифменной позиции. Несмотря на возникающую неоднородную картину, выделяются противопоставления пиррихий во второй стопе: Сидни – 5% и Спенсер – 18%. Драммонд и в меньшей мере Александер, представляющие «школу Спенсера» показывают принадлежность ей и в метрических предпочтениях.

Группа «Другие поэты» по 2 стопе ближе к Сидни – 8%. В действительности, эта тенденция – устойчивость 2 стопы – стала преобладающей. Сидни отчетливо выделяет 3 стопу, у Спенсера 3 и 4 стопы уравнены. «Другие поэты» обнаруживают склонность к выделению 4 стопы – 40%. В 5 стопе пропуски метрического ударения не встречаются у Драммонда – всего 2% и Спенсера – 5%, что объяснимо неустойчивостью в их сонетах 2 стопы. «Другие поэты» в этой позиции «подстраиваются» под метрику Спенсера – то же число пиррихий.

Пропуск метрического ударения, традиционно называемый спондей, – реже встречающееся по сравнению с пиррихией метрическое отклонение в новоанглийской поэзии. Так же, как и пиррихическая, спондеическая стопа позиционно зависит от внутрисклонового членения.

В новоанглийский период количество случаев внеметрического ударения на икте возрастает, что было вызвано продолжавшимся сокращением слогового объема слова, приведшего к увеличению количества моносложников. Внеметрическим ударением на неикте заполняются все стопы и особенно интенсивно вторая стопа в отличие от пиррихий, оставляющую эту стопу незанятой. Наибольшее сходство по всем выборкам наблюдается в 4 стопе, которая является в то же время абсолютным пиком спондеичности в строке. Поскольку в строках с первым длинным полустишием стопы с внеметрическим ударением на неикте дают собой размытую картину, то, как и в случае с пиррихическими стопами, представим это метрическое нарушение в строках с первым коротким полустишием.

Внеметрическое ударение на неикте наиболее типично для 2 стопы: у Шекспира спондея в ней 58%, у Джона Донна – 43%. Показатель внеметричности ударения у Елизаветинцев ближе к Шекспиру. В общую картину не вписывается Эдмунд Спенсер, у которого большинство нарушений этого метрического типа приходится на 3 стопу (66%). (Вспомним, что у него 2 стопа занята пиррихией). Ритм спондеев у Филипа Сидни отмечен позиционной неопределенностью. Если во второй стопе наблюдается единообразие в использовании внеметрического ударения, то в других стопах оно нарушается. У Шекспира спондеем более всего занята 4 стопа (21%), у Донна – 5

(28%). Остальные стопы у Елизаветинцев заняты не равномерно: 1 – 15%, 3 – 13%, 4 – 13%, 5 – 4%, хотя по отдельным поэтам это соотношение может изменяться.

В результате проведенного исследования можно прийти к следующим выводам. Устойчивость 2 стопы – результат взаимодействия внутри строки нескольких метрических факторов. Как показывает проведенный анализ, эта устойчивость является очень условной величиной, так как зависит и от внутрисклонного членения на полустишия, и от характера метрических нарушений. При бинарном членении строки с первым коротким полустишием при наличии отклонений от идеальной схемы в ней преобладают пропуски метрических ударений, более половины которых приходится на 3 стопу, следующую сразу за ритмической паузой – слогоразделом. При наличии в стопе сверхсхемных ударений их максимум, также более половины, приходится на вторую стопу. Несмотря на правомерность утверждения, что 2 стопа является самой устойчивой, причина заключается в том, что количество пиррихий в строках с первым коротким полустишием вдвое больше, чем количество спондеев.

Библиографический список

Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. – М., 1989

Тарлинская М.Г. Проблематика английского стихосложения в новом пересмотре. – Ереван, 1976

Л. М. Каппушева
Ставрополь

СОВЕТСКИЙ МИФ И МЕТАПОЭТИКА ДРАМЫ А.В. ВАМПИЛОВА

Статья посвящена анализу метапоэтической системы Вампилова-драматурга. В ней рассматриваются такие её параметры, как осмысление сущности искусства, восприятие существующей реальности, рефлексия над советской идеологией. Исходным положением исследования является осознание значимости проникновения в творческую лабораторию автора для постижения своеобразия его художественного мира.

Ключевые слова: советский миф, идеология, мифологизируемая реальность, автотометадескриптивная система, рефлексия.

The Article is dedicated to analysis metapoetical systems Vampilov's dramatics. There are such its aspects, as comprehension to essence art, perception existing realities, cogitation about soviet ideology, were reflected in this work. The Reference positions of the study became understanding of importance to get into creative laboratory of the author for correct presentation of specifics his artistic world.

Key words: soviet myth, ideology, mythological reality, avtometadeskription, cogitation.

Особым явлением в советской драматургии послевоенной эпохи стали пьесы А.В. Вампилова, со временем заслужившие мировое признание.

После XX съезда партии, несмотря на начавшуюся оттепель, развитие драматического искусства всё также оставалось под жёстким давлением идеологии. По-прежнему действенным оказывался завет А.В. Луначарского: «Революция сказала театру: «Театр, ты мне нужен. Ты мне нужен не для того, чтобы после многих трудов и боев я, революция, могла отдохнуть на удобных креслах в красивом зале и развлечься спектаклем. Ты мне нужен не для того, чтобы я просто могла свежо посмеяться и “отвести душу”. Ты мне нужен как помощник, как прожектор, как советник» [Луначарский 1963, 3: 274].

Зритель должен был видеть на сцене развёртывание всё того же советского мифа, который из пространства самой жизни следовало перенести в пространство драмы.

В этих условиях и появляются пьесы Вампилова, в противовес свойственным для драматургии того времени тенденций, не направленные на осмыслении навязываемой идеологии. Характерной чертой его творчества становится отрешение от сложившейся в СССР мифологической системы через проникновение в область духовного. Герои Вампилова, хотя и существуют в советской реальности, как будто её не замечают, сосредотачиваясь на внутренних противоречиях самой жизни. В его пьесах абсолютно отсутствует устремлённость в светлое коммунистическое завтра, что во многом и позво-

лило им пережить свою эпоху. В этом сочетании несочетаемого и состоит загадка художественного мира Вампилова, осмыслению которой в большой мере может способствовать проникновение в творческую лабораторию драматурга через исследование текстов (писем, записных книжек, статей, очерков и т.д.), содержащих метапоэтические данные.

Анализ такого рода материалов и позволяет реконструировать целостную автометадескриптивную систему, основными параметрами которой становятся рефлексия над сущностью искусства в целом и драмы в частности, восприятие существующей реальности и осмысление идеологии.

Так, в понимании драматурга искусство всегда находится на грани вымысла и правды, сочетая в себе оба этих начала: «Если всего того, о чем здесь будет рассказано, на самом деле не было, то все равно это чистая правда» [Вампилов 1988: 298]. Способность вымышленного выйти за пределы дозволенного разумом роднит художественное творчество с состоянием безумия: «Дом образного мышления – сумасшедший дом» [там же: 298]. Это и усиливает намеченную антиномию. С одной стороны, поэзия, которая в языке Вампилова становится синонимом слова «искусство», воссоздавая особую художественную реальность, противоречит самой жизни, а с другой – является органичной её частью: «Поэзия всегда противоречила жизни» [там же: 320]; «Поэзия есть и остается только на земле» [там же: 291].

Несколько трагично воспринимается и предназначение самого художника. В этом восприятии есть одновременно и ощущение его избранности, и осознание полной незащитности: «С человеком, который в молодости грешил стихами, все может случиться» [Вампилов 1988: 303]; «Я люблю людей, с которыми все может случиться» [там же: 340].

Сопричастность к искусству становится неразрывно связанной с жертвенностью: «Любовь к искусству — это не для того, кто хочет быть счастливым» [там же: 336]; «Сделать нечто значительное, значит, забыть о себе, отвлечься от себя» [там же: 331].

Наличие вымысла, особого рода игры, становится ключевым и в понимании драмы: «Театр никогда не умрет: люди никогда не перестанут валять дурака» [Вампилов 1988: 313].

Однако для самого драматурга его творчество, по-видимому, далеко не просто игра в жизнь. Большинство пьес Вампилова, по его собственному определению, относится к жанру комедии. Юмористическое начало приобретает особое значение, о сущности юмора в записных книжках художника встречается очень тонкое замечание: «Юмор – это убежище, в которое прячутся умные люди от мрачности и грязи» [Вампилов 1988: 298]. Неслучайно и его проза представлена жанром короткого юмористического рассказа.

Процесс созидания художественного произведения Вампилов также оценивает не как игру в вымысел, а как нелёгкий труд: «Я не знаю, как должны писать талантливые люди, но мне мои рассказы достаются трудом» [там же: 342]. Тем самым своё творчество драматург осмысливает, с одной стороны, как особого рода работу, а с другой – как убежище, и похоже, что в том числе и от существующей действительности.

В метапоэтическом тексте Вампилова выстраивается очень интересный образ реальности. Преобладающей в её изображении является ирония: «*На кирпичном заводе плакат: “Встретим потребителя добротным кирпичом”*» [Вампилов 1988: 296]; «*На какой бы улице ни открылась новая пивная – это праздник на нашей улице*» [там же: 310]; «*Дорогая редакция, остается в тумане безнаказанное дело нашего сменного мастера тов. Чмуль...*» «*...и мне кажется, что пора пресечь нелегальные взятки кубатуры ради безудешной для себя славы. А раз взял вершину, то держи ее на высоком уровне честного труда*» [там же: 313].

Этому же способствует и проступающее в некоторых набросках ощущение комизма типичных жизненных ситуаций: «*С ю ж е т е ц : Действие на станции. С поезда снимают двух безбилетников. Старый железнодорожник стыдит их. Они раскаиваются. Все трое растроганы. Поезд трогается – они вскакивают на подножки*» [там же: 294].

Присутствует в записях также и ярко выраженная отрицательная оценка действительности: «*Загубить молодость в очередях*» [Вампилов 1988: 293]. Её усилению способствует и нотки трагического пророчества, звучащие в отрывочных записях: «*Последнее время я заглядываю в глаза своей судьбе с беспокойством и жду от нее чего угодно*» [Вампилов 1988: 300].

Неотъемлемой характеристикой реальности признаётся ложность, которая, вопреки логике, становится явной: «*Когда нам было по 16 лет, современная поэзия была безобразной. И мы перестали верить, что живые поэты на что-либо способны. Мы сделались идолопоклонниками, фарисеями. Настоящие поэты для нас были – Пушкин, Лермонтов и Есенин*» [там же: 323]; «*счастлив, кто никогда не лжет*» [там же: 312]; «*Лжет каждый, а любят тех, кто лжет лучше*» [там же: 316].

Положительного отношения к событиям или реалиям действительности в анализируемом метапоэтическом тексте не обнаруживается.

Осмысление реальности неразрывно связано с рефлексией над идеологией, столь слабо представленной в драматургических текстах Вампилова. В метапоэтике драматурга она оценивается исключительно

сатирически. На страницах его записных книжек встречаются случаи перифразирования официальных лозунгов и идеологических клише: «человек человеку – красная шапочка» [Вампилов 1988: 309]; «Вот вы будущий инженер человеческого организма, скажите, чем выражается анатомия скуки?» [там же: 318]; «Жить и работать надо под лозунгом: даешь “Волгу” или хотя бы “Москвич”» [там же: 323].

Идеология становится объектом особой языковой игры, в которой посредством лексических повторов, семантических преобразований, общеязыковых и контекстуальных антонимов создаётся эффект абсурдности происходящего: «Маленький корреспондент приехал в маленький поселок на маленький завод»; «Петро – прижимистый мужичок: Такой период. Он идеалист» [Вампилов 1988: 314]; «Лучше маленький Ташкент, чем большая Сибирь» [там же: 313].

Высмеиванию подвергаются и такие навязываемые советскому человеку ценности, как коллективность, тотальное обобществление и т.д.: «Трое и один: Один: Какая улица? Трое: Советская. Один: Раздевайсь!» [Вампилов 1988: 312]; «Пойди бродяжничать – обвинят в отрыве от коллектива, в хулиганстве, в космополитизме и т.д.» [там же: 314].

Тем самым в записных книжках Вампилова наблюдается чёткий аксеологический сдвиг: происходит возврат к подлинной духовности, которая заполняет место отвергаемой советскости. Первым шагом на пути к этому является обесценивание всего материального: «Если Он хотел достичь всего через материальное могущество. Это такая грубая, такая общая ошибка – он ничего не достиг» [там же: 325].

Это перерастает и в отрицание материализма, в вечном противоречии с которым находятся две великие ценности (любовь и поэзия): «В любви (большой любви) нет материализма. Вся она сплошной идеализм и с материализмом в вечном бессмертном противоречии. На этом противоречии вырастает поэзия» [там же: 338].

Счастье, которое, как свидетельствуют дневники и записные книжки драматурга, часто становилось предметом его раздумий. Оно становится предметом долгой и, очевидно, мучительной рефлексии: «Что такое, собственно, счастье? Для одних – душевное равновесие, для других – материальное благополучие. Для третьих то и другое не отделимо. Для молодого же человека с фантазией и эмоциями – это жить в шумном городе, где есть такой дворик и дом – вечером нажал кнопку – выбегает любимая девушка. Старые друзья, которые могут скомпрометировать. Львиный прыжок фантазии» [Вампилов 1988:

310]; *«Одни счастье высиживают, другие – выпрашивают, третьи – ждут его на большой дороге»* [там же: 314].

Разрешением этой рефлексии является краткое афористичное высказывание, к которому так тяготеет весь Вампиловский стиль: *«Счастье – в предчувствии счастья»* [Вампилов 1988: 296].

Таким образом, слово «счастье» лишается в языке драматурга его советского истолкования. Вампилов как бы отбирает его у мифа и помещает на прежнее место, в круг вечных общечеловеческих ценностей.

Возвращению к духовности способствует и осмысление необходимости заполнения духовного пространства каким-либо внутренним содержанием. В широком смысле этим содержанием является мировоззрение: *«Людей без мировоззрения надо сажать в тюрьму»* [Вампилов 1988: 337]. В более узком же понимании его основой становится идея: *«Ничего нет страшнее духовного банкротства. Человек может быть гол, нищ, но если у него есть хоть какая-нибудь задрипанная идея, цель, надежда, мираж – все, начиная от намерения собрать лучший альбом марок и кончая грезами о бессмертии, – он еще человек и его существование имеет смысл. А вот так... Когда совсем пусто, совсем темно...»* [там же: 311].

Слово «идея» в языке Вампилова переживает особую семантическую трансформацию: *«Идеи мы отстоим, но у нас не будет детей. Для кого тогда идеи? С человека, который знает, что у него не будет внуков, трудно спрашивать. Его ничем не удивишь. Общечеловеческая точка зрения. Аполитично, вредно. Хорошо, можно забыть тех, кто умер. Забудем, хотя некоторые из них забвения не заслуживают. Но как же забывать тех, которые будут – детей и внуков?»* [Вампилов 1988: 338].

В словаре Д.Н. Ушакова эта лексема представлена следующими дефинициями: 1. Мысль, понятие о каком-н. предмете, постигаемый разумом образ (книжн.). Идея общего блага. 2. В идеалистической философии – умопостигаемая, вечная сущность предмета, явления (филос.). Мир идей у Платона. 3. Основной, существенный Принцип мировоззрения. Господствующие идеи. Политические идеи. Борьба за идею. 4. Основная, главная Мысль. Идея романа. ||Принцип устройства. Мне стала понятна идея этой машины. 5. Мысль, намерение, план. Он первый подал эту идею [Ушаков 1935, 1: 1133-1134].

У Вампилова слово «идея» употребляется только в одном (третьем) значении. Происходит семантическое сужение, что и проясняет само высказывание. Речь идёт не о биологических детях и внуках, а об

идейных последователях. Их «не будет», и, следовательно, все те, кого Вампилов называет словом «мы», в известном смысле обречены либо на непонимание, либо на неприятие будущим. Это же трагическое предчувствие перемен содержится и в других заметках драматурга: «Скоро все полетит к черту, и я не хотел бы, чтобы вы были этому очевидцем» [там же: 323]

Вампилов отчётливо осознаёт, что завтра будет другим, а вот каким именно, предсказать не в силах никто. Возможно, как раз таки это ощущение конечности своего времени позволило драматургу вывести созданные им пьесы за пределы эпохи, столь недвусмысленно претендующей на обладание вечностью.

По-видимому, отсюда и берёт истоки нулевой градус идеологии, характерный для всех его драматургических текстов. В одной из дневниковых записей художника находим: «Я не говорил умных вещей, но я и не говорил глупостей. Я молчал» [Вампилов 1988: 342]. Фраза знаковая. И, очевидно, знаковая для всего его творчества. Молчание у Вампилова становится столь же значимым, сколь семантически ёмкой является пауза в ставшем его призванием драматическом искусстве.

Таким образом, анализ аутометадескриптивной системы Вампилова-драматурга показывает, что своего рода катализатором для всего его творчества становится осознание обречённости сконструированной идеологами мифологизированной реальности. Намеренно уходя от мифа, он в своих пьесах пытается вернуть советского человека самому себе путём превращения этой материальной невыраженности в главное орудие его разрушения.

Библиографический список

- Вампилов А.В. Я с вами, люди: рассказы, очерки, статьи, фельетоны; Одноактные пьесы, сценки, монологи; из записных книжек; Воспоминания друзей. – М., 1988.
- Луначарский А.В. Станиславский, театр и революция // ПСС в 8 т., Т. 3. – М.: Художественная литература, 1963. – С. 267-278.
- Толковый словарь русского языка в 4 т./под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. – М., 1935.

О.А. Мартынюк
Тольятти

РИТОРИЧЕСКОЕ СЛОВО КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

В работе рассматривается функционирование риторического слова как средства речевого воздействия в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (на примере речи адвоката Фетюковича).

Ключевые слова: *риторическое слово, речевое манипулирование, экстралингвистические факторы, тактика воздействия, селекция информации.*

In work we consider a functioning of the rhetorical word as means of speech influence in F.M. Dostoevsky's novel "Brothers Karamazov" on the example of speech of lawyer Fetyukovich.

Key words: *rhetorical word, verbal manipulation, extralinguistic factors, influence tactics, selection of information*

Стилистика романа в современной филологии остается актуальной проблемой. Долгое время жанр романа (с точки зрения формы) оставался без пристального лингвистического внимания, был предметом отвлеченно-идеологического рассмотрения и публицистической оценки. М.М. Бахтин обращает внимание на то, что художественно-прозаическое слово понимали в XX веке «как поэтическое в узком смысле» (т.е. при работе доминантой его осмысления являлось учение о тропах или же просто исследователи ограничивались аспектом оценочности художественного языка, загоняя его в рамки понятиями «выразительности», «образности», «силы», «ясности» и т.п.) [Бахтин: Эл. ресурс].

Роман, как известно, назван А.В. Михайловым антириторическим жанром. Романное слово, по мнению исследователя, несёт на себе «отпечаток высшей правды», которая и творит неповторимый литературный стиль. Романное слово всегда антириторично. Но как тогда быть с романом полифоническим, открытым М.М. Бахтиным, «заново прочитавшим Ф.М. Достоевского»? Ведь полифония – это не только диалог идей, голосов, но и стилей. Так, например, можно заметить, что к антириторическому слову романа «Братья Карамазовы» подмешано риторическое, которое читатель должен «узнать».

Конец XX века называют временем совершившегося риторического переворота. В этот период появляется особое направление в гуманитарной науке – неориторика, которая, в отличие от классической, изучавшей правила построения текстов определенных жанров, занимается, прежде всего, исследованием текстов с точки зрения читателя-слушателя (реципиента) и целенаправленного воздействия на адресата. В соответствии с этим Г.Ф. Плэтт рас-

смаатривает современную риторику как метод интерпретации любого текста, предусматривающего определенное воздействие на читателя.

Результатом взаимодействия риторики и теории литературы в исследовании проблем художественного текста явилось понятие «риторический текст», который предполагает открытое сопоставление плана выражения с планом содержания в целях выявления авторского замысла. Каким образом проявляет себя риторическое слово в художественном тексте, мы рассмотрим на примере романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

В выбранном нами произведении для осмысления риторического слова важна книга двенадцатая – «Судебная ошибка», в которой условно можно выделить оппозицию *Advocatus Dei – Advocatus Diaboli*. При видимом столкновении героев-юристов, становится заметно некое сходство в стиле их монологов. Главной задачей их словесных действий становится не поиск «высшей правды», истины, а состязание, в ходе которого один из них должен быть повержен.

Единственной реальной данностью, из которой читатель может сделать вывод о мировосприятии автора, характере отображаемой им действительности, является текст. Таким образом, риторическое слово можно «узнать» только по особенностям функционирования в материале произведения особых языковых средств. Как известно, действующий в романе адвокат Фетюкович является прототипом реально существующего знаменитого адвоката Спасовича, безусловно, знакомого Ф.М. Достоевскому. Писатель, по всей видимости, интересующийся спецификой юридических профессий, отмечает в одной из своих статей: «Мне кажется, что избежать фальши и сохранить честность и совесть адвокату так же трудно, вообще говоря, как и всякому человеку достигнуть райского состояния».

По воспоминаниям современников, Спасович всегда свои мысли предварительно тщательно отделявал. В его речах никогда не встретишь напыщенных, трескучих фраз, стиль речи прост. Свои речи он строит всегда в строгом логическом порядке, широко и умело используя богатство русского языка. Будучи большим психологом, он всегда находит правильный тон. В этой связи задачей данной работы является исследование речи адвоката в художественном произведении – в данном случае антириторического полифонического романа – и выявление особенностей функционирования в нем риторического слова, в частности, его смысловой нагрузки.

Для этого необходимо обратиться к понятию «речевого манипулирования», связанного как со скрытыми от адресата целями, так и с особой речевой организацией текста (техникой построения речи, в том числе с риторическими приемами), восприятие которого приводит к добровольному принятию

адресатом решения, выгодного манипулятору [Копнина 2008]. Чаще всего манипулирование не агрессивно по форме, поскольку ориентировано на то, чтобы сам факт воздействия не был замечен адресатом.

Чтобы понять, как происходит речевое манипулирование, обратимся к экстралингвистическим средствам создания риторического текста.

1. Стиль, который выбирает Фетюкович, для воздействия на публику: *«Начал он чрезвычайно **прямо, просто** и убежденно, но без малейшей заносчивости»* [Достоевский 1987, 4: 420].

2. Обязательное наличие маски: *«Это был человек, заговоривший в интимном кругу сочувствующих людей»* [Достоевский 1987, 4: 420]. Общеизвестно, что главная задача адвоката – вызвать доверие общества, в котором он выступает. Приведенное предложение начинается с указательного местоимения, подчёркивающего, что *это* – очередная роль данного субъекта. Автор словно оставил за текстом словосочетание «на этот раз».

3. *«Голос у него был **прекрасный, громкий и симпатичный**, и даже в самом голосе этом как будто слышалось уже нечто **искреннее и простодушное**»* [Достоевский 1987, 4: 420]. Уже давно известно, что голос является мощным средством невербального воздействия на подсознание окружающих. В психологии даже есть выражение «голос как психологическое оружие». Основным параметром голоса, определяющим его воздействующую силу, является громкость. Громкий голос всегда дает преимущество его обладателю, особенно в публичной речевой деятельности. Громкость голоса создает впечатление убежденности говорящего, его уверенности в своей правоте, компетентности. Несомненно, что человек, обладающий таким голосом, как у Фетюковича, завоевывает внимание с первых минут: *«Всё затихло, когда раздались первые слова знаменитого оратора»* [Достоевский 1987, 4: 420].

4. В тексте есть интересная деталь, на которой акцентируется внимание: *«Одно не понравилось было дамам: он всё как-то **изгибался** спиной, особенно в начале речи, не то что кланяясь, а как бы **стремясь и летя к своим слушателям**, при чем нагибался именно как бы половиной своей длинной спины, как будто в середине этой длинной и тонкой спины его был устроен такой шалнер, так что она могла **сгибаться чуть не под прямым углом**»* [Достоевский 1987, 4: 420]. Возможно, эта деталь указывает на чрезмерную идейную «гибкость» оратора, способного за одно мгновение перейти от Pro к Contra, как в стиле, так и в содержании (например: «Речь его можно было бы разделить на две половины: первая половина – это критика, это опровержение обвинения, иногда злое и саркастическое. Но во второй половине речи как бы вдруг изменил и тон и даже прием свой, и разом возвысился до патетического, а зала как будто ждала того и вся затрепетала от восторга»).

Таким образом, можно увидеть, как экстралингвистические факторы влияют на процесс формирования коммуникативной способности, а также на степень доверия слушателей и воздействия на них.

В «Дневнике писателя» за 1876 год Ф.М. Достоевский помещает главу «Речь г-на Спасовича. Ловкие приемы», где частично затрагивает лингвистические средства создания успешной речи адвоката. Для более полного рассмотрения изучаемого нами явления необходимо обратиться к языковому материалу, который поможет сделать объективные выводы о наличии в тексте риторического слова как средства речевого манипулирования.

1. *«Он прямо подошел к делу и начал с того, что хотя поприще его и в Петербурге, но он уже не в первый раз посещает города России для защиты подсудимых, но таких, в невинности которых он или убежден, или предчувствует ее заранее»* [Достоевский 1987, 4: 420].

Рассмотрим трактовку выделенных слов в словаре: 1. Убеждённый, –ая, –ое; –ён. ‘Твёрдо уверенный в чём–н.; выражающий уверенность’. 2. Предчувствие, –я, ср. ‘Чувство ожидания чего–н. предстоящего и неизвестного’. 3. Заранее, нареч. ‘За нек-рое время до чего–н’ [Ожегов 2003].

Перечисленные слова заключают в себе семантику уверенности в своей правоте, воздействуют на слушателя таким образом, что он косвенно убеждается в честности адвоката и истинности его высказываний. В данном случае используется тактика убеждения. В том же «Дневнике писателя» за 1876 год Ф.М. Достоевский пишет следующее: «Ведь уж случилось нам слышать, как адвокаты почти клянутся в суде, вслух, обращаясь к присяжным, что они – единственно потому только взялись защищать своих клиентов, что вполне убедились в их невинности».

2. *«Даже только из одних первоначальных газетных корреспонденций мне уже мелькнуло нечто, чрезвычайно меня поразившее в пользу подсудимого»* [Достоевский 1987, 4: 421]».

«Следя далее по слухам и по газетам, я утверждался в моей мысли всё более и более, и вдруг я получил от родных подсудимого приглашение защищать его» [Достоевский 1987, 4: 421].

Частица «даже» в данном контексте употребляется для выделения последующей мысли, её значение усиливают частица «только» и наречие «уже», в следующем предложении используется деепричастный оборот «следя далее по слухам и по газетам», предваряющий основную часть предложения. Данные лексические единицы подчеркивают личную заинтересованность адвоката в деле подсудимого, а также сформировавшееся мнение о невинности Дмитрия Карамазова ещё до того, как его пригласили защищать подсудимого. Исходя из этого, можно говорить о том, что в речи использует-

ся селекция информации, т.е. «предоставление аудитории выгодной для манипулятора информации» [Копнина 2008: 55].

3. Умышленная тавтология, связанная с использованием лексем «**прямо**», «**просто**», «**искренне**», повторяющихся Фетюковичем на протяжении его речи. Так, «прямо» встречено в тексте 5 раз, «просто» («простодушно») – 7, а «искренне» и однокоренных ему слов – 6. Все эти слова были произнесены адвокатом относительно себя и своей манеры говорения, а также для отведения подозрения в его собственной заинтересованности, в том числе материальной, в этом деле.

4. Использование речевой тактики присоединения, состоящей в подчеркивании общности, к которой принадлежит адресат. Обращение «господа» встречается в тексте 37 раз. Как известно, обращение служит для поддержания контакта с аудиторией, причем, чтобы его правильно употребить, нужны опыт и тонкое чутье.

Господин 1. 'Человек из привилегированных кругов'. 2. 'Человек, обладающий властью над теми, кто от него зависит, повелитель'. 3. 'Тот, кто властен распоряжаться чем-н'.) [Ожегов 2003].

Таким образом, становится очевидным, что Фетюкович не возвышается над слушателями, а превращает их не просто в свидетелей, но в судий, которые со стороны оценивают его выводы. Тактика присоединения используется адвокатом с целью формирования аттракции (положительного впечатления о себе у собеседника), на фоне которой и осуществляется внедрение в сознание адресата нужной манипулятору информации [Копнина 2008: 37].

5. Трансформация местоимений: **он** → **я** → **мы**.

«Ведь унеси он этот пакет с собою, то никто бы и не узнал в целом мире, что был и существовал пакет» → «Но если уж я так кровожаден и жестоко расчетлив, что убив соскочил лишь для того, чтобы посмотреть жив ли на меня свидетель или нет, то к чему бы, кажется, возиться над этой новой жертвою моей целых пять минут» → «Нет, если мы уж так расчетливы и жестокосерды, то не лучше ли бы было соскочив просто оголошать поверженного слугу тем же самым пестом еще и еще раз по голове?» [Достоевский 1987, 4: 423].

В речи Фетюковича наблюдается смешение местоимений «я», «он», «мы», что, на первый взгляд, кажется простой оговоркой, неточностью в речи. Однако, на самом деле, это приём, позволяющий уравнивать слушателей и подсудимого.

6. Наличие риторических вопросов, адресованных аудитории. В речи Фетюковича их насчитывается 95. Такое количество вопросов в речи оратора

не случайно. Адвокат задаёт слушателям вопросы, тем самым подводя их к умозаключениям, которые выгодны ему. (Например: «*Спрашивается, для чего же мы так сделали? А вот именно потому и сделали, что нам горько стало, что мы человека убили, старого слугу*» [Достоевский 1987, 4: 423]).

7. Переворачивание информации, заключающееся в том, чтобы поменять местами «черное» и «белое», «да» и «нет»: «*Денег не было. Грабежа не было*» [Достоевский 1987, 4: 424], «*Да и убийства не было*» [Достоевский 1987, 4: 430].

В «Дневнике писателя» есть заметка Ф.М. Достоевского о Спасовиче: «*Он отрицает всё... всё, всё – прием чрезвычайно смелый, так сказать, наскок на совесть присяжных; но г-н Спасович знает свои силы*». То же мы наблюдаем и в тексте романа «Братья Карамазовы»: адвокат вводит в заблуждение публику, шокируя её отрицанием известных, казалось бы, доказанных фактов. Слушатель, падкий на эффектные речи, начинает сомневаться в ранее изложенной истине. Риторическое слово, как мы видим, не имеет золотой середины, оно колеблется между «Pro и contra», выбирая наиболее выгодную позицию для манипулирования сознанием аудитории.

8. Использование выгодной коммуникатору лексики. «*Такой отец, как убитый старик Карамазов, не может и недостойн называться отцом*» [Достоевский 1987, 4: 442], «*Нет, убийство такого отца не может быть названо отцеубийством*» [Достоевский 1987, 4: 443], «*Но отец, отец – о, все сделал лишь вид отца, его ненавистника с детства, его врага, его обидчика, а теперь – чудовищного соперника!*» [Достоевский 1987, 4: 443]» и др.

Так, Ф.М. Достоевский отмечает, что «*г-н Спасович великий мастер закидывать такие словечки; казалось бы, он просто обронил его, а в конце речи оно откликается результатом и дает плод... Уж такова человеческая природа: кого вы невлюбите, к кому почувствуете отвращение, того и не пожалеете; а сострадания-то вашего г-н Спасович и боится пуще всего*». Таким образом, используя правильную в данном контексте лексику, Фетюкович в романе дает установку аудитории, кого жалеть, а кого ненавидеть (для него важно не допустить нейтрального отношения, золотой середины, показателем этого служит в речи наличие 60 восклицательных знаков, что передает исключительную эмоциональность выступления адвоката). Именно поэтому Ф.М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы» называет Фетюковича «*прелюбодеем мысли*» [Достоевский 1987, 4: 438], намекая на его черту извращать сущность слова. Но эффект, который вызывает риторическое слово адвоката, поразителен: «*Так кончил Фетюкович, и разразившийся на этот раз восторг слушателей был неудержим, как буря. Было уже и немислимо*

сдержатъ его: женщины плакали, плакали и многие из мужчин, даже два сановника пролили слезы» [Достоевский 1987, 4: 445].

Таким образом, мы пришли к заключению, что в антириторическом романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» действительно есть риторическое слово, которое привязано к одному из героев, в данном случае, адвокату Фетюковичу, и имеет определенные функции. В ходе исследования было выявлено, что риторическое слово связано с понятием речевого манипулирования. Герой, обладающий риторическим словом, всегда играет, «действует на публику», стремится создать «эффект». На успешность манипуляции сознанием слушателя влияют экстралингвистические факторы: выбранный тон речи, наличие маски, голос и внешнее поведение оратора. Прямое же воздействие на публику оказывают следующие приёмы и лингвистические средства: тактика убеждения, селекция информации, умышленная тавтология, тактика присоединения (использование обращений), трансформация местоимений, наличие риторических вопросов, переворачивание информации, а также использование выгодной лексики. Перечисленные признаки позволяют «узнать» в тексте риторическое слово и увидеть, каким образом, происходит манипуляция сознанием и какой эффект получается в итоге.

Библиографический список:

- Бахтин М.М.* Слово в романе. URL: http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/Literat/bahtin/slov_rom.php (Дата обращения: 16.01.2013).
- Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. Ч. 1 и 2. – М., 1987. с.
- Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. Ч. 3 и 4. – М., 1987.
- Копнина Г.А.* Речевое манипулирование: учеб. пособие. 2-е издание. – М., 2008.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov.htm> (Дата обращения: 08.01.2013).
- Теория литературы.* Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). Том III. – М., 2003.

Д.О. Мачильская
Саратов

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПРЕЗЕНТАЦИИ ПЕРСОНАЖА В КОМПОЗИЦИОННОМ НАЧАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ (На материале рассказов А.П. Чехова)

Статья посвящена актуальному направлению исследования текста - языковому оформлению начала и финальной части произведения рассказов А. П. Чехова. На примере анализа начала рассказов данная работа демонстрирует наиболее регулярные языковые средства репрезентации героя.

Ключевые слова: абсолютное начало, репрезентация героя, комплекс характеристик.

The article is devoted to the study of text direction - early language design, and the final part of the work of short stories by Anton Chekhov. By analyzing the start of stories this work demonstrates the most regular language means representation of the hero.

Key words: absolute principle, representation of the hero, the complex characteristics.

Изучение структуры текста художественного произведения очень актуально, особенно языковое оформление начала и финальной части произведения. При изучении структуры текста мы опираемся на работы В.А. Лукина, Н.А. Кожевниковой, Н.В. Черемисиной, Б.М. Гаспарова, Г.Д. Фигуровской, Т.П. Нефёдовой. Задачей данной статьи является анализ языковых закономерностей оформления абсолютного начала произведения. Анализ языковых средств, типичных для этой структурной позиции художественного текста мы выполняем на материале рассказов А.П. Чехова.

Понятие *абсолютного начала* следует отличать от понятия *завязки действия*. Абсолютным началом мы называем первые предложения, которые открывают произведение, в котором презентуется (чаще всего и именуется) персонаж, обозначается место, время действия, социальное наименование героя. Это формальное начало *текста*. Завязка действия же – это структурный элемент *сюжета*: событие, положившее начало возникновению конфликта в художественном произведении; эпизод, определяющий всё последующее развёртывание действия [Белокурова 2007: 54].

Например, в рассказе А.П. Чехова «Крыжовник» абсолютным началом текста является следующий контекст: *Ещё с раннего утра всё небо обложили дождевые тучи; было тихо, не жарко и скучно, как бывает в серые пасмурные дни, когда над полем давно уже нависли тучи, ждёшь дождя, а его нет. Ветеринарный врач Иван Иванович и учитель гимназии Буркин уже утомились идти, и поле представлялось им бесконечным. Далеко впереди еле были видны ветряные мельницы села Мирносицкого, справа тянулся и потом исчезал далеко за селом ряд холмов, и оба они знали, что это берег реки, там луга, зелёные ивы, усадьбы, и если стать за один из холмов, то оттуда видно такое же громадное поле, телеграф и поезд, который издали похож на ползущую гусеницу, а в ясную погоду оттуда бывает виден даже город. Теперь, в тихую погоду, когда вся природа казалась кроткой и задумчивой,*

Иван Иванович и Буркин были проникнуты любовью к этому полю, и оба думали о том, как велика, как прекрасна эта страна.

Можно выделить следующие языковые средства, презентующие будущие события: прежде всего, это имена и социальное положение героев: *ветеринарный врач и учитель гимназии; Иван Иванович и Буркин*. Имена собственные никак не характеризуют героев, упомянутые в начале произведения, они становятся средствами выражения субъектной неопределённости. Гораздо более их характеризуют их чувства и восприятия, переданные интроспективной семантикой (к интроспективной семантике относятся значения внутренних состояний, впечатлений – выражение внутреннего): *Иван Иванович и Буркин* были проникнуты любовью к этому полю, и оба думали о том, как велика, как прекрасна эта страна.

В этом фрагменте используются и временные репрезентаторы: *с раннего утра, теперь* и др.; пространственные локализаторы: *бесконечное поле, громадное поле, далеко впереди* и т.п. Эти указатели настраивают не столько на восприятие сюжета, сколько на повествовательный характер произведения.

Наблюдение над языковым оформлением абсолютного начала разных текстов показало, что представление персонажа имеет свои закономерности. Так к наиболее регулярным языковым средствам репрезентации героя в рассказах А.П. Чехова относятся:

- использование имени собственного (*Аляпов, Ефимов* «Унтер Пришибеев», *Ванька Жуков, Аляхин* «Ванька»);
- социальное наименование по статусу, деятельности, должности (*профессор, ординатор* «Случай из практики», *надзиратель, городской* «Хамелен»);
- наименование по степени родства, по отношению к другому персонажу (*дочь госпожи Ляликовой* «Случай из практики», *мать Нади* «Невеста»)
- обобщённое обозначение человека (*появилось новое лицо* «Дама с собачкой»);
- наименование по национальности или указание на национальность (*молодой татарин* «В ссылке»);
- наименование по возрасту или иное обозначение возраста (*девочка лет тринадцати* «Спать хочется», *чиновник 52 лет* «Анна на шее»);
- наименование по внешнему виду, портретные детали (*женщина с длинным подбородком, гимназист с прищуренным глазом* «Толстый и тонкий», *тощий мужичонко в пестрядинной рубахе и латаных портах* «Злоумышленник»);
- комплексное представление (указание на степень родства и должность; имя собственное и наименование по социальному положению (*Племянников, коллежский асессор* «Душечка», *дочь госпожи Ляликовой, ординатор, профессор* «Случай из практики»).

Наиболее частотными является иллюстрирование персонажа по комплексу характеристик (имя собственное, внешний вид, обозначение возраста, социальное наименование по должности): *После венчания не было даже лёгкой закуски; молодые выпили по бокалу, переоделись и поехали на вокзал. Вместо весёлого свадебного бала и ужина, вместо музыки и танцев – поездка на богомолье за двести вёрст. Многие одобряли это, говоря, что **Модест Алексеич уже в чинах и не молод**, и шумная свадьба могла бы, пожалуй, показаться не совсем приличной; да и скучно слушать музыку, когда **чиновник 52 лет** женится на **девушке, которой едва минуло 18**. Говорили также, что эту поездку в монастырь Модест Алексеич, как **человек с правилами**, затеял, собственно, для того, чтобы дать понять **своей молодой жене**, что и в браке он отдаёт первое место религии и нравственности* (А.П. Чехов «Анна на шее»).

В начале рассказа «Анна на шее» подробно представлен один герой, он презентирован комплексом характеристик: дано имя собственное: *Модест Алексеич*, социальная характеристика: *уже в чинах, чиновник*; обозначен возраст: *чиновник 52 лет, не молод*; психологическая характеристика: *человек с правилами*.

Героиня же, которая на самом деле занимает центральное место в сюжете, в повествуемых событиях, представлена интригующе скупой. Сказано, что это *девушка, которой едва минуло 18 лет* (возрастная характеристика) и указано ее семейное положение: *молодая жена*.

Одним из языковых средств создания такой характеристики являются имена прилагательные. Знакомая читателя с Анной и ее мужем и с первых же строк рассказа противопоставляя этих героев, А.П. Чехов использует прием антитезы, построенной на прилагательных-антонимах: полном прилагательном в атрибутивной функции *молодая* и кратком прилагательном *не молод*. Использование при характеристике Модеста Алексеича краткой формы прилагательного как формы чисто предикативной, а потому категоричной и обозначающей усиленный признак, свидетельствует о желании автора рассказа подчеркнуть возрастную признак «не молодости». Неоднократно обращая внимание читателя на пожилой возраст Модеста Алексеича, А.П. Чехов тем самым подчеркивает молодость Ани, ее драматичное положение героини – молодой девушки, выданной замуж за нелюбимого старого человека. Эта драматичность намечается в начале произведения и получает своеобразное развитие в сюжете рассказа – в теме духовного растления героини [Нефёдова 1999: 58].

Такое же значение может приобретать и является данная в начале текста номинация по социальному положению героя. Так, например, в рассказе Чехова «Госка» ключевым наименованием героя становится слово *извозчик*: *Вечерние сумерки. Крупный мокрый снег лениво кружится около только что зажженных фонарей и тонким мягким пластом ложится на крыши, лошадиные спины, плечи, шапки. **Извозчик Иона Потапов** весь бел, как привиде-*

ние. Он согнулся, насколько только возможно согнуться живому телу, сидит на козлах и не шевельнется. Упади на него целый сугроб, то и тогда бы, кажется, он не нашел нужным стряхивать с себя снег... *Его лошаденка тоже бела и неподвижна. Своею неподвижностью, угловатостью форм и палкообразной прямизною ног она даже вблизи похожа на копеечную пряничную лошадку. Она, по всей вероятности, погружена в мысль. Кого оторвали от плуга, от привычных серых картин и бросили сюда в этот омут, полный чудовищных огней, неугомонного треска и бегущих людей, тому нельзя не думать...*

Важность этого наименования актуализировано подробным описанием лошади (выделено в примере). Сравнение извозчика с его лошаденкой подчеркнуто словом *тоже*: *Его лошаденка тоже бела и неподвижна.*

Конечно, важны и другие характеристики героя: его имя (Иона Потопов), портретные детали, передача его состояния.

Начало этого рассказа включает описательные признаки, призванные передать атмосферу бездушия, окружающую главного героя. Так, временная локализация ограничивается описанием времени года – это зима. *На землю мягким ковром опускаются сумерки; кружится мокрый, крупный снег, который “пластом ложится на крыши, лошадиные спины, плечи, шапки”.* Зима символизирует покой в природе, с которым контрастирует горе в душе героя. В той же мере зима символизирует безысходность, пустоту и равнодушие мира. Недаром зима в фольклоре символизирует смерть, и неподвижны Иона и его лошаденка [Черемисина 1987: 19].

Социальное наименование актуализировано и в начале рассказа «Хамелеон»: *Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городской с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души... Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.*

Таким образом, уже в завязке этого рассказа мы видим:

- социальное наименование: полицейский надзиратель и городской;
- имя собственное: Очумелов;
- внешний вид: Очумелов в новой шинели и с узелком в руке.

Социальное наименование может сказать нам о том, насколько образован человек, какое положение он занимает в обществе, каков круг его интересов и т.д. В рассказе «Хамелеон» Чехов в абсолютном начале текста показывает двух главных героев с описанием их социального наименования. Один из героев – надзиратель, а другой – городской. Их социальное наименование соответствует их описанию: *полицейский надзиратель в новой шинели, рыжий городской с решетом, наполненным конфискованным крыжовником.* Конфискованный крыжовник говорит нам о том, что у городского большие права и полномочия в городе, а значит и положение он занимает

большое, высокое. Новая шинель – это признак достатка полицейского надзирателя.

Способы первоначального обозначения персонажа не только влияют на первые впечатления читателя о нём, но и соотносятся с заглавием произведения. Например, рассказ «Дама с собачкой» имеет следующее начало: *Говорили, что на набережной появилось новое лицо: дама с собачкой. Дмитрий Дмитрич Гуров, проживший в Ялте уже две недели и привыкший тут, тоже стал интересоваться новыми лицами. Сидя в павильоне у Верне, он видел, как по набережной прошла молодая дама, невысокого роста блондинка, в берете; за нею бежал белый щипц (А.П. Чехов «Дама с собачкой»)*. С первых же строк рассказа Чехов сразу употребляет словосочетание *дама с собачкой*. Но, вопреки заглавию рассказа центральное место в нем занимает не Анна Сергеевна, а Гуров. Новое лицо – дама с собачкой, это значит выделяющееся из толпы лицо [Лукин 2009: 105]. Автор представляет читателю главного героя Гурова и как бы через его восприятие дает беглый портрет героини – *«молодой дамы невысокого роста в берете»*. Неопределенно-личное предложение *«Говорили, что...»* придает последующему изложению налет какого-то скупающего интереса к этому *«новому лицу»*.

Таким образом, к наиболее регулярным языковым средствам репрезентации героя в рассказах А.П. Чехова относятся: временные репрезентаторы, пространственные локализаторы, социальное наименование по статусу, деятельности, должности, использование имени собственного, наименование по степени родства, по отношению к другому персонажу, обобщённое обозначение человека, наименование по возрасту, наименование по внешнему возрасту, комплексное представление героя.

Библиографический список

- Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. – СПб., 2007
- Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М., 1996.
- Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализ. – М., 2009.
- Нефёдова Т.П. Имя прилагательное как одно из средств выражения основной идеи рассказа А.П. Чехова «Анна на шее». – М., 1999.
- Черемисина Н.В. О трёх закономерных тенденциях в динамике языка и в композиции текста//Композиционное членение и языковые особенности художественного произведения. – М., 1987.

М.Э. Парецкая
Ростов-на-Дону

ХРИСТИАНСТВО КАК ОСНОВА РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье говорится о единстве православия и русской классики. Религиозное начало входит в литературу отрывками из сочинений христианского дискурса, являясь основой для создания русской словесности. При этом идеи христианства уступают первое место художественности, органично растворяясь в классическом литературном контексте. Кроме того, религиозная составляющая художественно осмысливается, переплетается с литературной составляющей и способствует организации сюжета, созданию образов и стилистическому оформлению.

Ключевые слова: православие, христианский дискурс, русская классика, ментальность, духовность

The essay states the fact of unity between Orthodox Christianity and Russian classical literature. Religion enters fiction in the form of extracts from the Christian discourse, becoming the basis for the Russian literature. Christian ideology gives way to fiction, absorbing itself in the Russian literature context. Besides, the religious component undergoes an artistic interpretation, is fictionalized, contributes to organizing the plot, creating the characters, and forms the style.

Key words: Orthodox, Christian discourse, Russian classics, mentally, spiritually.

Общеизвестно, что художественная классика была сформирована и получила своё развитие на основе трёх традиций. Первая из них – фольклор, который отразил особенности языческого мировосприятия Древней Руси, вторая – западноевропейская культура, повлиявшая на развитие русской общественной жизни после реформ Петра I, третья – христианство, воспринятое Русью от Византии. Причём христианство, точнее, его восточная ветвь – православие, стало для формирования русской словесности основополагающим, поскольку именно православное христианство с его духовно-реалистическим опытом, с его эстетикой и символикой определило своеобразие русской ментальности и общественной жизни.

Достаточно вспомнить, что в основании всей славянской культуры, в том числе и русской, лежит творчество святых Кирилла и Мефодия, создавших старославянскую письменность для перевода Евангелия. Несомненно, что и на современном этапе не представляется возможным осмысление огромного пласта русской культуры – русской классической литературы без знания основ христианства, без знакомства с Библией и святоотеческой литературой.

В советское время духовная тематика русской литературы (в отличие от фольклорной и западноевропейской) замалчивалась и не исследовалась всесторонне. Однако художественное произведение остаётся художественным только «в полноте необходимых для существования его условий, в рас-

чёте на которые и в которых оно было порождено. Устранение части этих условий, отвод или подмена некоторых из них лишает художественное произведение его игры и жизни, искажает его и даже делает антихудожественным», – писал философ Павел Флоренский [Флоренский 1993: 293-294]. В постперестроечные годы российское литературоведение обратилось к религиозной проблематике русской художественной классики и к интерпретации её образцов с точки зрения христианства [Макаров, электронный ресурс].

Русская классика имеет большое своеобразие – художественное и религиозное образуют в ней нерасторжимое и равноправное единство. Религиозное начало не просто вписывается в литературу отрывками из сочинений христианского дискурса – оно является той основой, на которой выстраивается здание русской словесности. При этом религиозная составляющая художественно осмысливается и, переплетаясь с литературной составляющей, способствует организации сюжета, созданию образов и стилистическому оформлению. Но в конечном счёте идеи христианства в произведениях русских писателей как бы отходят на второй план и, уступая первое место художественности, органично растворяются в классическом литературном контексте.

Подобная ненарочитость библейского начала и, как следствие этого, отсутствие сухой религиозной дидактики сделали классическую литературу не только крайне важной для развития русской культурной мысли, но и необыкновенно интересной для читающей аудитории.

В художественных сочинениях русские писатели не просто декларировали свои религиозно-философские взгляды. В отношении литераторов той поры позволительно говорить о религиозном типе художественного сознания, для которого христианская духовность, представляющая собой понятие более широкое, чем церковно-религиозное мировоззрение, стала основой творческого опыта, в полной мере осознавшего проблему соотношения религии и искусства [Зырянов, электронный ресурс].

Деятельность многих русских писателей и поэтов (в сочетании с развитым интеллектом, глубокой общей культурой и высоким уровнем образованности) позволяет рассматривать синтез их художественного и духовного служения на поприще литературы, то есть их творчество, в качестве второй после православия «религии художественного слова».¹ Скорее всего, именно поэтому классическую русскую литературу принято называть «пятым» или «открытым» Евангелием.

¹ Этот термин вводится условно, при этом подразумевается, что деятельность русских классиков в исследуемом направлении заслуживает отдельного наименования.

«Религия художественного слова» может быть глубоко и всесторонне осмыслена только с учётом её многочисленных связей с деятельностью этноса, который опирается на свой религиозный менталитет. Тесное взаимодействие этой своеобразной «религии» со своими приверженцами, то есть с читающей аудиторией, началось в России в последние десятилетия XVII века, когда русская классика утверждалась в обществе в качестве духовного института, существовавшего параллельно с институтом церкви. Одновременное наличие двух духовных источников обусловлено исторически: оно стало возможным в результате церковного раскола, произошедшего в 1650-1660 гг. и приведшего православную церковь к определённой утрате функций пастырского наставничества. Это дало литературе уникальную возможность влиять на умы и души людей и апеллировать к их религиозным чувствам так, как это свойственно религии.

В результате этих изменений отечественная литература наряду с религией превратилась в духовную наставницу общественной и частной жизни людей, а в истории русской культуры возникли блестящие писатели и поэты, составившие художественную элиту «золотого» и «серебряного» века русской классической литературы.

Литературные гении и таланты, повлиявшие на умы современников и ставшие учителями жизни для целых поколений, в России появились в постмоносовскую эпоху, в период между двумя крупными историческими событиями – Отечественной войной 1812 года и революцией 1917. Стоит отметить, что в творчестве русских литераторов «золотого» и «серебряного» века образовались два направления. Представители первого, среди которых Гоголь и Достоевский, Толстой и Мельников-Печерский, Лесков и Чехов, Блок и Бунин, в своих сочинениях решали духовные задачи и исследовали внутренний мир героев. Второе направление составили писатели, затрагивающие политико-социальные проблемы современности, например, Герцен, Чернышевский, Некрасов, Писарев, Успенский, Короленко.

Большинство этих писателей (в основном первого направления), в первую очередь Гоголь и Чехов, продолжили сочинительские традиции Святителя Тихона Задонского, жившего в восемнадцатом веке и оставившего заметный след не только в православной, но и в русской культуре в целом. Его пастырская деятельность и словесное творчество стали основой для развития старчества – особой формы христианской жизни, которая способствовала обновлению российского самосознания после церковного раскола XVII века. Старчество и в нынешнюю эпоху является реалией православной жизни, проявленной в духовном руководстве старцем (или старицей) менее опытными в делах веры людьми, нуждающимися в постоянном наставничестве

или в конкретном совете. Старец не обязательно действительно стар, им может быть и молодой, но духовно сильный человек, способный быть наставником людей разного социального происхождения, пола и возраста [Громыко, электронный ресурс].

В истории развития русской словесности «литературное старчество» сыграло особую роль, поскольку на страницах художественных произведений способствовало соединению евангельского осмысления мира с теми моральными нормами, которые приняты в светском обществе. Отсюда проистекает и связь круга явлений, характерных для художественной литературы, с явлениями в культуре православной церкви, в частности, в святоотеческих сочинениях.

Русские писатели выступали «в миру» в роли «старцев» – наставников жизни, которых читатели обожествляли и к которым обращались за духовной поддержкой, угадывая в них проповедников, вразумляющих и врачующих словом [Бухаркин 1996: 129]. При этом большое значение для читающей аудитории имела как личность самого писателя, так и его общественная репутация.

В своих произведениях литераторы - «старцы» концентрировали человеческий опыт и превращали его в художественный символ подобно тому, как в своих сочинениях в религиозный символ превращали человеческую жизнь церковные сочинители.

Для выражения религиозных идей и собственной веры классические поэты и писатели также употребляли и разнообразные христианские символы, существующие в религии в виде развитой системы и дающие верующим возможность соприкоснуться с миром «горним». Кроме того, в художественных текстах нередко получали отражение представленные в христианском дискурсе канонизированные события, что обусловило совпадение не только сюжетов и символики, но и нравственно-этических принципов, характерных как для религиозной, так и для светской литературы.

Если понимать религию как психологию высшего порядка, затрагивающую разные уровни человеческой психики (бессознательное, подсознание, сознание, сверхсознание), а также жизнь души и духа человека, то произведения русской художественной классики можно рассматривать в качестве аналога христианских сочинений или как уже названную выше «религию художественного слова», оказывающую на читателя похожее воздействие.

Представители русской классической литературы в образах своих героев описывают либо отдельный психологический уровень, либо определённую духовную субстанцию, влияя на них и преображая их своим творчеством. Весьма вероятно, что именно эта особенность русской литературы является основной причиной, по которой она считается одной из лучших в мире. Интерпретация и анализ художественных текстов с позиций христианства позволяет взглянуть на творчество русских писателей под другим, нежели при-

нято в хрестоматийной литературоведческой традиции, углом зрения. [Андреев 1993: 185-216].

Так, например, выразителем российской ментальности и национального характера является Александр Сергеевич Пушкин, сблизивший стихии высокой поэзии и обыденной жизни и заложивший основу для развития всенародной любви к культуре языка, посредством которого можно выражать христианские идеи («Пророк», «Медный всадник», «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Цыганы»).

Михаил Юрьевич Лермонтов, художественным способом отразивший метафизический опыт души, рассказывает о небесной реальности как о факте, освещающем материальную жизнь («Ангел», «Ветка Палестины», «Молитва», «Выхожу один я на дорогу...»).

Точка отчёта в произведениях Николая Васильевича Гоголя лежит на уровне бессознательного. Писатель созерцает изнанку жизни, показывая несовершенство человека и подчёркивая невозможность развития личности без осознания этого факта («Старосветские помещики», «Нос», «Мёртвые души»).

Литературное творчество Ивана Сергеевича Тургенева посвящено рассказу о человеческой душе, персонифицированной в образах замечательных русских женщин («Ася», «Живые мощи», «Накануне», «Дворянское гнездо»).

Певцом сверхсознания, которое в определённые моменты соединяется с Абсолютом, признаётся Фёдор Михайлович Достоевский («Братья Карамазовы», «Преступление и наказание», «Идиот»).

В своих романах Лев Николаевич Толстой говорит о любви к миру и к жизни, через картины которой просвечивает свет Божественной реальности («Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение»).

Высшую любовь друг к другу проповедует Антон Павлович Чехов. Психологический уровень, описанный в его произведениях, – подсознание, чей тихий голос всегда сопровождает внутреннюю жизнь литературных героев («Чёрный монах», «О любви», «Дом с мезонином», «Ионыч», «Невеста»).

Русские поэты и писатели Серебряного века также использовали библейские идеи, мотивы, сюжеты и символику в качестве ключей, открывающих двери в мир художественной мысли.

Уровень, на котором творит Александр Александрович Блок, находится вне рамок физического существования («Возмездие», «Двенадцать», «Ты помнишь? В нашей бухте сонной...»).

Во всё более глубокую религиозность уходит в своём гражданском подвиге поэт Николай Степанович Гумилёв (сборник стихов «Огненный столп», поэма «Блудный сын», «Поэма начала»).

Тонко ощущает и понимает личность Христа Леонид Николаевич Андреев («Иуда Искариот», «Жизнь Человека»).

Самым русским и самым воцерковлённым из всех писателей «серебряного» века является Иван Сергеевич Шмелёв («Неупиваемая чаша», «Старый Валаам», «Лето Господне», «Пути небесные»).

Своим творчеством и всей практической деятельностью проповедует идею христианского братства Максимилиан Александрович Волошин («Святой Серафим», «Неопалимая купина», «Ангел мщения», «Реймская богоматерь»).

В стихах Анны Андреевны Ахматовой существует глубинный смысл, тесно связанный с религиозно-философскими идеями («Библейские стихи», «Ангел, три года хранивший меня», «Земной отрадой сердца не томи», «Первый луч – благословенье Бога»).

Таким образом, русскую классическую литературу следует рассматривать, прежде всего, через призму христианства, и в частности православия, поскольку русская словесность целиком вышла из религии, полностью с ней связана и выражает её частные и глобальные идеи. Современный этап развития литературной науки уже не сможет обойтись без анализа христианской составляющей русской художественной литературы как метода, интегрируемого с другими методами литературоведческого анализа.

Более того, наряду с текстами Библии, трудами религиозных проповедников и другой литературой религиозно-философского характера русская художественная словесность может быть представлена и как часть христианского дискурса, поскольку, являясь особым способом отражения ментальности, в организации русской культуры связана с высокой духовностью её народа.

Библиографический список

Андреев Д. Роза мира. – М., 1993.

Бухаркин П.Е. Православная церковь и русская литература в XVIII–XIX веках. Проблемы культурного диалога. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996.

Громыко М.М. Что такое Старчество? // URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/his/s/starchestvo.html> (дата обращения: 17.07.2012).

Зырянов О.В. Христианская религиозность в структуре феномена русской литературной классики // URL: <http://www.ihist.uran.ru/conf/219> (дата обращения: 15.07.2012).

Макаров Д.В. О преподавании русской классической литературы в контексте христианской культурной традиции // URL: <http://www.nmk.ulstu.ru/index.php?tezis=196&item=1&god=2007> (дата обращения: 21.07.2012).

Флоренский П. Иконостас: Избранные труды по искусству // Храмовое действо как синтез искусств. – СПб., 1993.

А.П. Романенко
Саратов

ПЛАГИАТ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА

На материале сопоставления двух фрагментов художественных текстов показывается механизм работы плагиатора по переработке первичного текста, анализируются приемы этой работы. Вскрываются лингвокультурологические свойства текстов массовой культуры, которые позволяют рассматривать явление плагиата не только как юридический и этический факт, но и как факт массовой культуры.

Ключевые слова: *первичные и вторичные тексты, массовая культура, плагиат, Искандер, переработка текста.*

The article is based on comparison of the two fragments of the fictional text, showing the plagiarist mechanism of processing of the original text, analyzing the methods that work. These types of texts allow us to consider the phenomenon of plagiarism, not only as a legal and ethical fact of mass culture

Key words: *original and secondary texts, popular culture, plagiarism, Iskander, text processing.*

Плагиат обычно понимается как нарушение, с одной стороны, нравственных, с другой – юридических норм: «Плагиат – лит. воровство: написанное другим автором произведение или его часть выдается плагиатором за результат собственного творчества. П. является нарушением авторского права и подлежит судебному преследованию» [Мильчин 2003: 330].

Вообще существуют три формы манипулирования с чужим текстом, нарушающих авторское право: контрафакция (или литературная подделка, воспроизведение и распространение чужого текста), компиляция (соединение результатов чужих исследований без наличия своей информации) и плагиат. Две первые формы касаются внешних правил словесности (правил функционирования текста), без искажения текста первичного, а плагиат относится к правилам внутренним, это **переработка** чужого текста. Поэтому явление плагиата более интересно для филологии.

Плагиат – это и явление современной массовой культуры, которая уже не воспринимается обществом как нечто второсортное, а, скорее, как необходимая часть культуры социума, обращенная именно к массовой аудитории, удовлетворяющая ее потребности. Об этом свидетельствуют, например, учебные пособия, являющиеся начальной стадией ее нормирования [Лазебникова и др. 2005; Черняк 2007].

В контексте массовой культуры плагиат чаще всего ощущается не как нарушение норм, а как вполне допустимый (в нравственном отношении) способ создания нового текста. При этом снижение нравственных норм и обход закона воспринимается как нечто несерьезное, идеалистическое, имеющее к

настоящей практической жизни весьма отдаленное отношение. Такое ощущение плагиата – характерная и сущностная черта именно массовой культуры.

Почему возникает такое представление о плагиате и почему он широко распространяется в современной словесной культуре?

Ответ на этот вопрос кроется в природе текстов массовой культуры. Они **вторичны**.

Свойство вторичности присуще массовой информации и массовой культуре, которая чаще всего реализуется в СМИ.

«Тексты массовой коммуникации отличаются от других видов текстов тем, что в них используются, систематизируются и сокращаются, перерабатываются и особым образом оформляются все другие виды текстов, которые считаются «первичными». В результате возникает новый вид текста со своими законами построения и оформления смысла. <...> Существо же самих текстов в их особом назначении – делать общедоступным самое важное для общества в содержании документов, книг, в происходящих событиях» [Рождественский 1996: 239].

Поскольку первичные тексты для массовой информации и массовой культуры в целом являются материалом, который нужно сокращать и перерабатывать, делая доступным для массовой аудитории, отношение к ним складывается довольно бесцеремонное. Содержание первичных текстов может искажаться, что особенно заметно в сфере художественной речи. В советское время классической литературе, как и всей словесности, придавалась пропагандистская значимость, и ее «перерабатывали»: во-первых, отбирались авторы и произведения, нужные для «текущего момента», во-вторых, отобранные произведения купировались. Литература соцреализма в стилистическом отношении – это в общих чертах «переработка» классики (называлось это литературной учебкой). Современное массовое искусство также относится к элитарному искусству как к материалу. Например, вот как переработан одним из исполнителей положенный на музыку текст Н. Заболоцкого «Признание»: во фразе *Я склонюсь над твоими коленями, обниму их с неистовой силой, и слезами и стихотвореньями обожгу тебя горькую, милую* слово «стихотвореньями» заменено «поцелуями». Это сделало фразу «красивее», доступнее и понятнее для массового слушателя, но первичный смысл утрачен. Не случайно в массовом искусстве так распространены римэйки (remake): это проявление вторичности. Примером вторичной поэзии может служить так называемая «сетевая поэзия». Соответственно формируется и отношение к тексту вообще. Массовая культура не считается с цельностью текста: его можно разорвать, усечь, вставить в него другой текст и т.п. Например, теле-

визионные и радиотексты регулярно прерываются на рекламу, во время исполнения песни ее приглушают и вставляют текст *Вы слушаете ... радио*, от песенного текста свободно отсекается часть, если «поджимает» время и т.п. Кстати, рассматриваемое проявление вторичности замечено и иронически обыграно в элитарной поэзии: постмодернисты широко пользуются методом игры с цитатами, клише. Сами тексты массовой культуры характеризуются формульностью [Кавелти 1996], клишированностью, что тоже определяется их вторичной природой.

Рассмотрим пример плагиата с точки зрения переработки первичного текста плагиатором, подходящим к этому с «творческой» (или «креативной») точки зрения.

Первичный текст – отрывок из романа Ф. Искандера «Сандро из Чегема», в котором герой, бывший военный летчик, рассказывает в застолье историю своего романа с немкой в конце войны Искандер [Искандер 1991].

Вторичный текст – отрывок из романа П. Павликова «Тыловая крыса», в котором повествователь излагает историю романа с немкой своего героя, фронтового разведчика [Павликов 2009].

Прежде всего, отметим сюжетное сходство отрывков и типологическую близость героев (фронтовики, люди смелые и решительные; немецкая семья, заискивающая перед русскими, ищущая у них защиты). Но важнее текстовые совпадения, указывающие на заимствование. Рассмотрим пять сцен из этих историй: 1) приглашение, 2) угощение, 3) фигура старика (в одном отрывке дядя, в другом отец немецкой девушки), 4) танцы, 5) конфликт героев с особистами-мародерами. Совпадения можно не комментировать, обратив внимание на переработку материала.

1. Приглашение

И вдруг открывается дверь в этом доме, и оттуда выходит старик и зовет нас:

– Русс, заходить, русс, заходить!

Вообще-то нас предупреждали, чтобы мы насчет партизан были начеку, но мы ни хрена не верили в немецких партизан. Да и откуда взяться партизанам в стране, где каждое дерево ухожено, как невеста [Искандер 1991: 140].

– Руссишен командирен, руссишен командирен, – сквозь шум мотора услышал он чей-то голос снаружи.

Посмотрев в боковое стекло, он заметил в дверях ближнего дома маленького седого старичка в сером пиджаке, накинутом на белую рубашку.

– Заходить ... – немец сделал приглашающий жест рукой.

Остановив «крокодила», лейтенант заколебался. Комендант предупредил насчет «партизан». Но какие, к черту, партизаны в городе, где каждое деревце на учете? [Павликов 2009: 10].

Здесь у Павликова вместо обобщенного обращения *русс* употреблено конкретизированное *руссишен командирен*. Это грамматическая ошибка (форма мн. ч., а офицер один), вызванная тем, что данное обращение заимствовано у Искандера из п. 5 (но там – по отношению к двум лицам). Причина замены – стремление уйти от точного заимствования элементов первичного текста. К тому же, добавляя к разговорной форме *русиш* двойную согласную и грамматически правильное окончание, плагиатор старается «усложнить», «исправить» материал.

Вместо *старик* у Павликова *старичок в сером пиджаке, накинутом на белую рубашку*. Кроме указанного стремления, здесь, по-видимому, автор стремится к большей степени реалистичности, вводя художественную деталь, которая, впрочем, в дальнейшем повествовании никакой роли не играет.

То же можно сказать и о конкретизации «предупреждения насчет партизан» комендантом.

Замена *на хрена* на *к черту* – введение в текст синонимии опять-таки в стремлении уйти от первичного текста.

И, наконец, то же можно сказать и о новой характеристике немецких деревьев, причем, даже за счет утраты здравого смысла: какой может быть учет деревьям в военное время?

2. Угощение

– *Кофе, кофе*, – говорит юнгфрау.

– *Я, я*, – говорю.

По-немецки значит: да.

*И вот она нам приготовила кофе, надо сказать, кофе был **хреновейший, вроде из дубовых опилок сделанный**. Но что нам кофе? Молодые, очаровательные девушки – вижу, на все готовы. И старик, конечно, не против. Они боялись наших и заручиться дружбой двух офицеров значило обезопасить себя от всех остальных.*

Одним словом, посидели так и я говорю:

– *Абенд. Консервы. Шнапс. Брод. Шоколад.*

– *О!* – *загорелись глаза у обеих.* – *Данке, данке* [Искандер 1991: 141].

– *Хелло, герр офицер*, – приветливо сказала она. – *Кофе?*

От звука ее голоса он чуть не упал – так давно не разговаривал с женщинами. Какое-то время, растерявшись, стоял посреди гостиной, соображая, на каком языке был задан вопрос, но потом понял, что на английском – американцев здесь ждали.

– *Йя, йя*, – смутившись, ответил он.

Она принесла кофе в дымящихся чашках. Кофе был хреновым, настоящим, наверное, на дубовых опилках, но ему он показался слаще меда. Выпив его, Дрозд немного пришел в себя и стал по обыкновению размышлять.

Зачем его позвали в дом? В конце концов он пришел к выводу, что старик боится наших солдат и старается заручиться поддержкой советского офицера.

– *Шнапс, брод, шоколад?* – спросил он у девушки.

– *О*, – *загорелись у нее глаза*. – *Данке, гросс данке* [Павликов 2009: 11].

Вместо разговорной транслитерации я Павликов предлагает «усовершенствованную» *йя*, вполне безграмотную, служащую, как и *руссишен командирен* (п. 1) усложнению и исправлению источника (в рамках, разумеется, своей компетенции). Сюда же можно отнести и «усложненную» формулу благодарности: вместо *данке* – *гросс данке*.

Далее следуют перефразировки высказываний о качестве кофе и мотивировки приглашения. Заметим, что сделаны они небрежно: кофе не настаивается, а именно делается (варится); боялись немцы именно *наших* (всех – и солдат, и офицеров), а не только *наших солдат*.

3. Старик

А старик, оказывается, в первую мировую войну был у нас в плену и немного говорит по-русски. Но лучше бы он совсем не говорил. Путается, хочет все объяснить, а на хрена нам его объяснения? И все доказывает, что он антифашист. Они теперь все антифашистами сделали, так что непонятно, с кем мы воевали столько времени. <...> Наконец, старик опьянел и уже стал молотить такую околесицу, что его и племянницы перестали понимать. Он был их дядей. А нам он еще раньше надоел. Так что мы обрадовались, когда моя юнгфрау повела его вниз укладывать спать [Искандер 1991: 141].

Старик, который, оказывается, в Первую мировую войну был у нас в плену и немного говорит по-русски. Он все пытался изобразить из себя антифашиста и даже показал где-то добытый портрет Сталина.

– *Их бин дойч коммунист*, – сказал он, ударив кулаком себя в грудь.

Лейтенанта это развеселило. Послушать их – все они если не коммунисты, то антифашисты, и даже немного непонятно становилось, с кем он, русский лейтенант Дрозд, вообще-то и воевал все это время.

Быстро опьянев, старик понес такую околесицу, что его и дочка перестала понимать. Так что Дрозд только обрадовался, когда тот отправился на второй этаж спать [Павликов 2009: 11].

Здесь переделка преследует цели исправления, конкретизации, усложнения, уточнения (с точки зрения плагиатора) элементов первичного текста. Так, название войны снабжается прописной буквой; рассуждение о качестве речи старика опускается, зато добавляется портрет Сталина; к *антифашисту* добавляется *коммунист, молоть околесицу* заменяется синонимом *нести околесицу*. Опыневшего старика отводят не *вниз*, а *вверх* (изменяются факты). В данном случае, по-видимому, плагиатор ориентировался на европейскую норму помещения спален на верхнем этаже. Но у Искандера точнее: в военное время, при постоянных бомбежках спали, конечно, внизу.

4. Танцы

Мы с Алешей выпили, как следует, наши барышни тоже подвыпили, и мы пошли танцевать под патефон. На каждой пластинке написано «Нур фюр дойч» – значит, только для немцев. И я, когда ставлю пластинку, нарочно спрашиваю:

– *Нур фюр дойч?*

– *Найн! Найн! – смеются обе.*

<...>

Теперь мы одни. Попиваем, танцуем, одним словом, кейфуем. Ну я так слегка прижимаю мою немочку и спрашиваю:

– *Нур фюр дойч?*

– *Шельма, шельма, – смеется она, – русии шельма.*

– *Найн, – говорю, – кавказии шельма* [Искандер 1991: 141].

Оставшись вдвоем, они с девушкой какое-то время продолжали молча сидеть за столом. Лейтенант огляделся. На столике в углу стоял патефон. Такие штуковины ему доводилось видеть и прежде, вот только пользоваться не приходилось. Подойдя к патефону, он осторожно завел его блестящей никелированной ручкой и стал смотреть пластинки. На некоторых их них было написано «Нур фюр дойч» – «Только для немцев». Он аккуратно поставил одну из пластинок на диск. Когда на дорожку опустилась игла, из динамика послышался металлический голос Марлен Дитрих.

<...>

Он почувствовал ее упругую грудь, два бугорка, которые дразнили его, вызывая желание взять их в руки.

<...>

Запах волос девушки дурманил, а ее бедра и живот касались его с застенчивым смыслом. Вздрогнув, он ощутил ее губы на своей щеке. На минуту показалось, что вся его жизнь будет зависеть только от того, сможет ли

он поцеловать ее, и он неловко ткнулся своими губами в ее. Она не отшатнулась. Это ободрило его.

– Нур фюр дойч? – спросил он, обнимая ее и чувствуя прохладу и шелковистость женского тела.

– Найн, – сказала она ласково, – найн, руссии шельма... [Павликов 2009: 11-13].

В этом отрывке плагиатор старается максимально развить темы первичного текста путем их украшения подробностями и формульными эротическими вставками.

Тема патефона развивается вне всякой логики: герой, бывший студент, в совершенстве владеющий иностранными языками, *такую штуковину* хоть и видел, но *пользоваться не приходилось* (в советском городском довоенном обиходе патефон не был диковинкой), однако он сразу заводит патефон.

Развитие темы «только для немцев» сложнее. У Искандера герой довольно быстро перенес значение этого выражения с пластинок на партнершу. У Павликова этот процесс растянут. Во-первых, приводится конкретизирующая деталь – *металлический* (а какой еще может быть у вражеской певицы?) *голос Марлен Дитрих*. Во-вторых, вводится развернутая эротическая формула в сцене танца: у Искандера скупая констатация (*прижимаю мою немочку*), у Павликова подробно описываются эротические ощущения героя.

Отметим еще и «исправление»: вместо разговорной формы *русии* – орфографическая *руссии*.

5. Конфликт с особистами-мародерами

– Так вот, – продолжал Кемал, поглядывая на дядю Сандро все еще смеющимися глазами, – однажды мы, как обычно, заночевали у наших подружек. Часа в три ночи просыпаюсь и выхожу из дома по нужде.

Вдруг слышу, подкатывает мотоцикл, останавливается, и двое, я их различаю по шагам, поднимаются в дом.

Вот, черт, думаю, попались, как идиоты! У меня пистолет под подушкой, а сам я стою за домом в трусах, майке и тапках. Трудно представить более глупую ситуацию. Да еще слегка под балдой. На ночь спирту тянули, конечно. Вот, думаю, смеялись про себя, когда нам говорили про бдительность и партизан, и на тебе! Напоролись! Неужели наши подружки оказались предательницами? Нет, не могу поверить!

<...>

Ну, думаю, была не была! Высунулся на улицу. Никого. Стоит немецкий мотоцикл с коляской. Подошел к двери, слышу, раздаются голоса, но ничего понять невозможно.

<...>

Главное – добраться до пистолета. Но, конечно, если нас девушки предали – нам хана, потому что в этом случае моя первым делом должна была отдать им пистолет. Но делать нечего, тихо открываю дверь и быстро поднимаюсь по лестнице.

И вдруг слышу: из комнаты Алексея доносится русская речь! Сразу отпустило. Стою на лестнице и с удовольствием слушаю русскую речь, не понимая, о чем там говорят. И только примерно через полминуты очухался, начинаю улавливать интонацию. Слышу, очень резкий голос доносится. Ага, думаю, патруль. Ну, нас патрулями не испугаешь. Вхожу в комнату. Моя Катя, вижу, бледная, в ночной рубашке стоит посреди комнаты и тихо говорит:

– Русии командирен, русии командирен... [Искандер 1991: 142-143] (см. и п. 1).

Проснувшись рано утром часа в четыре, Дрозд вышел во двор. После вчерашнего немного потрескивало в голове. На улице накрапывал дождик. Какое-то время постоял возле аккуратно постриженной яблоньки и уже собирался возвращаться в дом, когда услышал, как к подъезду подъехал мотоцикл. «Цундап» – определил он по характерному ровному звуку мотора и бросился на землю. – Немцы!»

Мотоцикл остановился возле калитки и мотор заглох. «Надо же, влип как пацан!» – пронеслось в голове. Ведь предупреждал комендант про бдительность, и вот на тебе! И даже мысли не мелькнуло прихватить с собой «ТТ» – остался под подушкой. Да ведь и не сподручно как-то с пистолетом ходить по нужде.

Больше всего лейтенант ругал себя за то, что голову туманила хмельная дымка, мешавшая принять правильное решение. Ночь была холодной, и это немного привело его в чувство. «Надо разведать, что там в доме, и если немцы, вызвать подмогу» – решил он.

Он уже собирался незаметно подобраться к окну, как вдруг в доме раздался женский крик. Хмель как рукой сняло. Как был, в одних трусах и майке, так и бросился к двери. Главное, думал он, добраться до пистолета. А там посмотрим...

«А если она с ними? – пронеслась мысль. – Нет, не может быть. А все же – вдруг предательница?! Тогда, конечно, в первую голову укажет на подушку...»

И тут, не добежав до двери, он услышал русскую речь. Она показалась ему самой сладостной музыкой. Он остановился и стал слушать, не понимая, о чем, собственно, там говорят. Голос резкий с командирскими

нотками. Может, патруль? «Ну, патрулем нас не испугаешь, – даже обрадовался он. – Подумаешь, ночью к немочке в постель залез...»

Открыв дверь в коридор, он сразу увидел Эльзу. С побледневшим лицом, она в одной ночной рубашке и с керосиновой лампой в руках стояла возле раскрытой двери в гостиную.

– Руссии гестапо, руссии гестапо, – увидев его, только и смогла произнести она [Павликов 2009: 21-22].

Здесь применены все те же средства переработки текста.

Конкретизация: в первичном тексте состояние героя охарактеризовано скупо, точно и один раз: *под балдой*. У Павликова два раза и более развернуто: *потрескивание в голове, хмельная дымка*. У Искандера нет описания окружающей обстановки (человек выскочил на минуту). У Павликова отмечается *дождик, яблонька*. У Искандера просто мотоцикл, у Павликова указывается марка мотоцикла, которую герой узнает по рокоту мотора (!). У Искандера *резкий голос*, у Павликова *резкий командирский голос*. Тема патруля у Павликова конкретизируется довольно пошлым аргументом и т. п.

Синонимические замены: *подкатывает мотоцикл – подъехал мотоцикл; как идиоты – как пацан* и пр. Изменение фактов: *часа в три ночи – утром часа в четыре*.

Украшение: *с удовольствием слушая русскую речь – он услышал русскую речь. Она показалась ему самой сладостной музыкой*.

То, что приведенные отрывки свидетельствуют о факте плагиата, очевидно и не требует никаких обоснований. Филологически интересно другое: как плагиатор перерабатывает текст Искандера, чего добивается, как здесь работают правила создания текста массовой культуры. Сформулируем эти правила.

Во-первых, это конкретизация описания путем усложнения: введение художественных деталей, реалистичных подробностей. Причем, этот прием применяется формально: деталь может не работать, логика и грамматика могут нарушаться.

Во-вторых, это введение необходимых для развлекательных текстов формул, клише (в данном случае формула эротики).

В-третьих, это украшение текста с помощью выразительных средств языка.

В-четвертых, это «исправление» первичного текста.

В-пятых, это уход от первичного текста с помощью синонимических или фактических замен.

Данные правила, скорее всего, присущи любой деятельности плагиатора. Однако здесь они относятся только к тексту Павликова. Но сквозь этот

пример просматривается специфика текстов массовой культуры, обусловленная их вторичностью. Эта специфика (не обязательно в форме плагиата) проявляется в массовом искусстве вообще (например, в музыке Гаспаров 2009), в науке и образовании – во всей сфере, охватываемой системой массовой коммуникации.

Библиографический список

- Гаспаров Б.М.* Музыкальная генеалогия национального гимна // Советское прошлое и культура настоящего. – Екатеринбург, 2009.
- Искандер Ф.* Сандро из Чегема: роман. – М., 1991. Кн. 2.
- Кавелти Дж.* Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 22.
- Лазебникова А.Ю., Савельева О.О., Ерохина Е.В., Захаров А.Е.* Массовая культура: Учебное пособие для 10-11 классов общеобразовательных учреждений. – М., 2005.
- Мильчин А.Э.* Издательский словарь-справочник. – 20е изд., испр. и доп. – М., 2003.
- Павликов П.* Тыловая крыса: роман. – М.: Эксмо, 2009.
- Рождественский Ю.В.* Общая филология. – М., 1996.
- Черняк М.А.* Массовая литература XX века: Учебное пособие. – М., 2007.

З.С. Санджи-Гаряева
Саратов

ПОЭТИКА ПОВЕСТИ Ю. ТРИФОНОВА «ОПРОКИНУТЫЙ ДОМ»

В статье рассматриваются некоторые черты поэтики повести Ю. Трифонова «Опрокинутый дом». Внимание заостряется на связи времен и переплетении человеческих судеб. Особенностью поэтики является проекция описываемых событий на дом как на пространственный и смысловой центр.

Ключевые слова: Трифонов, поэтика, время, пространство, семантика дома.

The article presents some poetic peculiarities of the Yuri Trifonov story "The overturn house". It is focused on the link of time layers and intertwinement of human lives. The poetic particularity of the story is based on the way to project the events on the house as the spatial and semantic center of the story.

Key words: Trifonov, poetics, time, space, the semantics of house.

Цикл рассказов «Опрокинутый дом» в посмертной публикации писателя назван повестью [Юрий и Ольга 2003]. Отсутствие сюжетного единства в цикле позволяет его назвать повестью условно, хотя рассказы объединены одной внешней темой – темой заграничных поездок и одним повествователем. Повесть имеет явные признаки автобиографизма: во-первых, повествователь персонифицирован, это – писатель Ю. Трифонов, и рассказ ведется только от его лица, во-вторых, в повести отражаются реальные факты биографии писателя. Тем не менее перед нами не автобиографическая, а настоящая художественная проза.

Рассказы напоминают короткие конспекты больших прозаических текстов («Дом на набережной», «Исчезновение», «Старик», «Время и место» и др.), в которых подводится итог тем размышлениям, составляющим содержание творчества писателя, уточняются и дополняются те ответы, которые писатель уже давал на важные для себя вопросы. В рассказах повторяются и развиваются главные мотивы этих произведений: связь времен, закольцованность судеб людей и их отношений, обращение к судьбе отца, к детству, отношению к смерти, проблема истины, счастья. Трифонов в своей последней повести еще раз обращается к так называемым вечным темам, которые продолжают его волновать, он возвращается к тому, что надо «дописать», «дочерпать» (слово Трифонова).

Рассказы объединяет любимая мысль Трифонова о том, что все имеет отношение ко всему, что все живое связано друг с другом («Опрокинутый дом»). Эта мысль реализуется через определенный набор содержательных категорий, составляющих основу поэтики повести. К ним относятся связь времен: настоящее и прошлое, разные пласты прошлого; непосредственная

или опосредованная связь судеб героев, сходство судеб людей, принадлежащих совершенно разным мирам; и, наконец, постоянная проекция происходящего с автором-повествователем в разных странах на то место, которое названо словом «дом». Недаром название рассказа «Опрокинутый дом» вынесено в название всего цикла, смысл этого словосочетания раскрывается через взаимнообратную метонимию «время – это место», а «место – это время», как, например, в «Доме на набережной» [Санджи-Гаряева 2002]. Обычная для Трифонова слитность времени и места здесь проявляется в том, что «опрокинутым» дом может быть во времени, то есть герой в своем сознании, в своих воспоминаниях возвращается к «дому», как бы опрокидывая время, и – в пространстве, поскольку «дом» здесь надо понимать как свой мир, куда вмещается многое: своя страна, родной город – место, где прошла жизнь, круг друзей и близких людей.

Сюжеты этих рассказов составляют встречи повествователя во время заграничных поездок с людьми, с которыми он сталкивался в прошлом («Кошки или зайцы», «Вечные темы»), которые опосредованно каким-то образом связаны с его прошлой жизнью («Марк Шагал», «Серое небо, мачты и рыжая лошадь»), и, наконец, жизнь и судьба которых дает повод для размышлений о жизни дома, о друзьях, близких. Таким образом, сюжетное своеобразие рассказов связано с характерным для Трифонова столкновением временных планов, которые в свою очередь накладываются на пространственную закреплённость событий.

Каждый рассказ заслуживает отдельного анализа, поскольку это законченное произведение, в котором реализуется тот или иной мотив, та или иная мысль. Ведущей смысловой категорией в четырех рассказах является время, текстообразующую роль играет оппозиция «настоящее – прошлое», лишь в одном рассказе повествование строится в одной временной плоскости – в настоящем и смысловой доминантой становится пространство.

Повесть начинается с рассказа «Кошки или зайцы». Рассказчик оказывается в Риме через восемнадцать лет после первой поездки. Идет типичное для Трифонова сопоставление – сопоставление себя и своих ощущений в разные времена через лексические сигналы «тогда» и «теперь» и противопоставления временных форм глаголов: *Тогда мне было тридцать пять, я бегал, прыгал, играл в теннис, страстно курил, мог работать ночами, теперь мне пятьдесят три, я не бегаю, не прыгаю, не курю и не могу работать ночами.* Итальянский знакомый привозит повествователя в маленький городок Дженцано, в котором он был восемнадцать лет назад и о котором написал рассказ «Воспоминание о Дженцано» *в том стиле лирической прозы, который был моден в 60-ые годы.* Автор вспоминает, как в компании друзей в

охотничьей траттории некоего Пестаментуччия он пил кьянти, ел жареную зайчатину, пел песни, раскачиваясь на лавке и обнимаясь с соседями. Свое ощущение тех лет (60-ые годы – годы короткой оттепели в Советском Союзе) автор передает так: *но все это осталось во мне как музыка тех лет со всеми их радостями, надеждами, предвкушениями*. В этих словах недосказанность, свойственная всей прозе Ю. Трифонова: настроение и атмосфера 60-х годов обозначена тремя словами.

В этом рассказе получает развитие важная для позднего Трифонова мысль о том, что истина в разные времена может выглядеть по-разному: то, что казалось настоящим когда-то (изменения, наметившиеся в 60-х годах и породившие надежды, радости и предвкушения), теперь, в конце 70-х, оказалось фальшивкой, как кошки, выдававшиеся хозяином итальянской траттории за жареных зайцев. Автор, сначала решивший, что можно поправить рассказ, дописать его, вдруг *всей кожей и задохнувшимся сердцем почувствовал разницу между нами: мной тем и сегодняшним*. На вопросы: можно ли править время? можно ли его дописывать? – Трифонов отвечает: нет. *Нельзя править то, что не подлежит правке, что недоступно прикосновению – то, что течет сквозь нас*. В этих словах заключена очень важная для Трифонова мысль о том, что восприятие времени может изменяться, что писатель имеет право на искреннее заблуждение. Здесь явная переключка с романом «Старик», с рассуждением о том, что бывают времена, «когда вера и истина нерасторжимы».

На столкновении разных временных пластов построен рассказ «Вечные темы». Трифонов в Риме встречается с человеком, от которого когда-то давно зависела судьба его рукописей и, как ему казалось, в какой-то степени писательская судьба. Этот человек, теперь называемый автором словом «господин», «человек», «этот человек», бывший тогда редактором крупного журнала, отклонил несколько рассказов, которым рассказчик тогда придавал большое значение: *Кучка рассказиков была первым произведением после долгого перерыва, она много значила для меня, неизмеримо много, никто бы не догадался, глядя на тощую кипу листочков, что она значила для меня...* Время (прошло двадцать два года) изменило судьбы этих людей, поменяло их местами: Трифонов стал известным писателем, «человек» утратил свою прежнюю значимость, ушел от дел. Теперь это был старый, несчастливый человек, который прощался с Европой и, в общем, с жизнью, но он не изжил свою прежнюю желчность и в сущности не изменился. Вот два портрета: тогда – *Лицо судьбы было невзрачно: желтовато-пегое, со впалыми щеками, седоватым бобриком, со взглядом печальным и одновременно безжалостным* и теперь – *Его лицо было по-прежнему пегое, дряблое, презрительное, но*

что-то важное в лице исчезло... Чем дольше мы сидели, тем больше его лицо приобретало старое выражение – печального палача.

Второй тип сюжетного построения представлен в рассказе «Смерть в Сицилии», в котором повествователь встречается с прошлым, но не со своим, а своего отца и дяди. Оказавшись в Сицилии по поводу литературной премии, повествователь случайно знакомится с сеньорой Маргаритой Маддалоне, которая пишет приключенческие романы о драгоценных камнях и живет в старинном замке. В гостях у нее он узнает, что она русская, что уехала из России после революции, жила в Берлине, во Франции, потом в Италии. Оказалось, что дама родом из Новочеркасска и там ее застали революционные события, от которых она и бежала в восемнадцатом году. *Я слушаю в ошеломлении – Ростов? Новочеркасск? Двадцатый год? Миронов? Думенко?.. Это как раз то, чем я теперь живу. Что было моим – прамоим – прошлым.* Автора взволновало то, что случайно встреченная итальянская сеньора оказалась свидетелем событий на Дону, закоперщиками которых были его отец и дядя, и что они могли встретиться в то время и в том месте. – *Милый мой, – сеньора Маддалоне накрывает мою руку сухонькой ладошкой, – Ваш папа был на другой стороне. А дядя, коммендант Новочеркасска, может быть, преследовал моего брата. Все это история... И она мало кому интересна – мне, Вам....* Кроме того, Трифионов в это время писал роман об истории революции на Дону («Старик»), и действие в нем происходило в Новочеркасске и Ростове. Два временных плана – «тогда» и «теперь» и параллельно два пространственных – «там» и «здесь» – в рассказе передаются через две номинации женщины, которую он встретил: «казачка» и «сеньора»: *И эта казачка, превратившаяся в старую, кофейного цвета **синьору**, – каким загадочным путем мы прикоснулись друг к другу!*

В рассказе «Марк Шагал» писатель также опосредованным способом обращается к прошлому. Встреча с Марком Шагалом имеет многослойный смысл: во-первых, благодаря ей сопоставляются две художнические судьбы, во-вторых, реконструируется отрезок жизни самого автора, в-третьих, передается атмосфера сталинского и послесталинского времени. Рассказчик, оказавшись во Франции, посещает Марка Шагала, который интересовал его не только как художник, но и как человек, с которым в молодости, 10-е и 20-е годы, прятельствовал отец его бывшей жены: *Я думал не только о художнике, к которому мы ехали..., я думал о другом старике, который умер два года назад в доме для престарелых... за Речным вокзалом... Я думал об Ионе Александровиче. Они были ровесники. Один называл другого Марк, а другой говорил тому Иона.* Знакомство и встречи с Шагалом не прошли для Ионы даром: в 30-х годах он пережил обвинения в шагализме, каялся и отрекался,

но выжил и стал вполне успешным советским художником, рисовавшим тружеников заводов и полей. Иона до конца жизни хранил подарок товарища – *автопортрет молодого Шагала, литографию с карандашной подписью*, он означал для Ионы связь с теми временами, когда он был молод, свободен, когда у него была возможность стать совсем другим художником. Встреча с Шагалом стала для автора толчком к воспоминаниям и о своей жизни: *Я жил тогда на Масловке. Это было лето пятьдесят первого или, может быть, пятьдесят второго года. Я был женат на дочери Ионы Александровича. Мы прожили с ней пятнадцать лет до ее внезапной смерти на литовском курорте, куда она умчалась в одиночестве неизвестно зачем.*

Помимо фактов прошлой жизни конкретных людей, в рассказе воссоздается атмосфера пережитого времени: энтузиазм строительства новой жизни 30-х, чувство тотального страха, преследовавшее людей, признаки перемен, начавшиеся с середины пятидесятых, когда «обозначился слом времен» (в частности, первая в СССР выставка картин Шагала), надежды шестидесятых.

Сама фигура Марка Шагала занимает в рассказе незначительное место, она нужна рассказчику для того, чтобы еще раз вернуться в свое прошлое, четче прочертить какие-то линии в написанном ранее, договорить то, о чем было ранее сказано лишь намеком. Еще Шагал нужен автору, чтобы до конца понять истину, вложенную в уста художника. Взглянув на репродукцию своей ранней картины, на которой изображены косо стоящие старинные часы, Марк Шагал пробормотал едва слышно: – *Каким надо быть несчастным, чтобы это написать... Я подумал: он выбормотал самую суть. Быть несчастным, чтобы написать. Потом вы можете быть каким угодно, но сначала – несчастным. Надо преодолеть покосившееся время, которое разметывает людей: того оставляет в Витебске, другого бросает в Париж, а кого-то на Масловку, в старый конструктивистский дом, где живут сейчас люди, которых я не знаю.*

Рассказ «Серое небо, мачты и рыжая лошадь» выделяется на фоне всего цикла особой исповедальностью, в нем писатель обращается к «больной» теме – теме отца и реконструирует отрезок жизни, связанный с работой отца в Финском торгпредстве. Приехав по своим писательским делам в Финляндии, автор пытается восстановить в памяти то, чего почти не помнит. В воспоминаниях о Финляндии с младенческих лет остались только *серое небо, мачты и рыжая лошадь*. Но случайно находится русская старушка, знавшая его отца, работавшая когда-то кастеляншей в торгпредстве, которым руководил отец. Однако все ее воспоминания свелись к тому, «отец был симпатичный, вежливый, корректный и прекрасно обращался с низшими работниками». Но главное, что девяносточетырехлетняя Елена Ивановна подтвердила

то, что удержала детская память повествователя: лошадь, на которой катал детей кучер торгпредства Андерсон, действительно, была рыжая.

Писатель размышляет о судьбе отца, о том, почему он вдруг оказался в Финляндии. Бывший профессиональный революционер, один из организаторов Красной армии, отец всегда занимался в советском правительстве военными вопросами. *Еще год назад был в Китае с военной миссией... И вот: оторван от мировой революции, от вулканического гула и брошен в тишь, в озерную благодать исклокотавшейся и полусонной страны, в разговоры о кредитах, ассигнованиях, конвенциях. Но разве мог отказаться? С шестнадцати лет, с 1904 года, привык не отказываться ни отчего. Еще недавно ходил в сапогах, в удобнейшем галифе, в кителе, а теперь – фрак, жесткие воротнички, тесная обувь.* Теперь, когда столько передумано и написано об отце, Трифонов понимал, что перевод отца в Финляндию был началом его устранения от дел и вообще устранения: *Все незаметно и стремительно удалялось от того, что было вначале – в 38 году он был арестован и вскоре расстрелян.* Конструктивная особенность изображения времени в этом рассказе заключается в том, что и здесь Трифонов закольцовывает изображаемое время, а своеобразными лексическими метками этой закольцованности служит слово «лошадь»: *Вот что странно: все умещается внутри кольца. Вначале была лошадь, потом возникла опять совершенно неожиданно. А все остальное – в середине.*

Название рассказа «Опрокинутый дом» вынесено в заглавие повести не случайно. В отличие от других в этом рассказе нет сопоставления времен, нет обращения к прошлому, а если есть, оно не играет текстообразующей роли. Герои (новые и старые друзья писателя) существуют в одной временной плоскости – примерно конец 70-х годов. Смысл рассказа сводится к тому, что, оказавшись в компании своих заграничных друзей в Лас-Вегасе, рассказчик понимает, *что все имеет отношение ко всему» и «все живое связано друг с другом.* Когда американские друзья привезли его показать Лас-Вегас, он понял, что он это видел, догадывался, знал. *Потому что какая разница – где? В зале, похожем на вокзал, где стоит гул многих сотен голосов, стук автоматов..., звон сыплющихся монет, или же – на летней верандочке в деревне Репихово, где мы засиживались до петухов втроем, полковник Гусев, Боря и я, одурманенные вожделением переменить судьбу?... Великие возможности не имеют размеров, они имеют лишь запах, лишь ветер, от которого холодеет душа.* Автор знает, что желание переменить судьбу одолевает всех, независимо от того, где они живут. Люди, живущие по разные стороны океана, могут быть одинаково счастливы и несчастны, им одинаково везет и не везет, в их жизни происходят похожие драмы, и тех, и других на-

стигает внезапная смерть. Рассказ строится на внешнем пространственном противопоставлении «здесь – там», повествователь постоянно перескакивает с рассказа о событиях «здесь» на то, что происходит «там» – дома. Чаще всего он возвращается к смерти своих друзей, один из них, Боря, самый близкий, умер внезапно, другой, Сергей Тимофеевич, долго болел. *И вот Бори нет на земле. Он исчез две недели назад, в середине сентября. Перемена судьбы происходит внезапно.* Если бы не было «заграничной» темы, можно было бы сказать, что это рассказ о смерти. В рассказе нет смысловой оппозиции двух миров, напротив, он о том, что *нить, которая соединяет два таких непохожих местечка, очень простая: она состоит из любви, смерти, надежд, разочарований, отчаяния и счастья, короткого, как порыв ветра.* Автор приходит к выводу о том, что весь мир – это опрокинутый дом: *Внутри лунного пейзажа, внутри этих кратеров, многоэтажных башен, кружения огней среди ночи таится знакомое: я вижу свой дом, но в перевернутом виде. Он как бы расплескивается, расслаивается, отражаясь в воде.*

Таким образом, «Опрокинутый дом» Ю. Трифонова – особый тип исповедальной прозы, написанной в жанре повести в рассказах. Типичная для писателя манера смотреть на события с разных временных точек зрения обогащается за счет заграничной темы новой пространственной перспективой.

Библиографический список

Юрий и Ольга Трифоновы вспоминают. – М., 2003.

Санджи-Гаряева З.С. Время в поздней прозе Ю. Трифонова // Филологические науки. – 2002. – № 4.

Е.В. Филатова
Тольятти

ФОРМЫ ОБРАЗНОГО УПОДОБЛЕНИЯ В ТЕКСТАХ РУССКИХ НАРОДНЫХ КОЛЫБЕЛЬНЫХ ПЕСЕН

В данной статье рассмотрена основная стилистическая черта фольклорных текстов – художественно-образная речевая конкретизация, выделены следующие типы образной конкретизации в фольклорном тексте: сопоставительный, ступенчатый и линейный типы, отмечено, что для стихотворных текстов наиболее частотным типом является сопоставительная конкретизация, базирующаяся на особом механизме образорождения – уподоблении, основанном на ассоциативной связи представлений. Одним из наиболее архаичных способов образного уподобления в фольклорных текстах являются художественные персонификации, функционирование которых в текстах народных колыбельных песен были рассмотрены в данной статье.

Ключевые слова: колыбельная песня, художественно-образная речевая конкретизация, сопоставительный, ступенчатый и линейный типы конкретизации, художественная персонификация.

In this article the main stylistic feature of folklore texts is studied, that is narrative and imaginative speech specification, the following types of narrative specification of folklore text are identified: comparative, stage and line types. It is noted that for poetic texts the most frequent type is comparative specification, built on a special mechanism of making image, i.e. assimilation, based on the concepts of associative connection. One of the most archaic way of figurative assimilation in the folklore texts is the personification, functioning of which in the folklore texts of lullabies were studied in this article.

Key words: lullaby, narrative and imaginative speech specification, comparative, stage and line types of specification, personification.

Колыбельная песня – один из древнейших жанров фольклора всех народов. Славянские названия колыбельных песен восходят к глаголам «колыбать», «кохать», «колебать», «качать», «зыбать». В северных губерниях России колыбельные песни назывались «байками» от «байкать, убаюкивать». Создателями и носителями колыбельных песен являются матери, бабушки, няньки, укачивающие ребёнка в колыбели или на руках. Одновременно они обращаются к нему с песней. Умение укачивать ребёнка считалось настоящим искусством.

Многие исследователи отмечали связь колыбельной песни с жанром заговора. Древнее происхождение колыбельных песен доказала А.Н. Мартынова. Она считает, что колыбельные песни произошли из охранительных заговоров, входивших в обряд «первого укладывания ребёнка в колыбель», которые должны были защитить ребёнка от бессонницы, болезней, действий враждебных сил. Жанр заговоров основан на суггестии (внушении), так же и колыбельная песня отчасти воздействует на эмоциональное состоя-

ние ребенка через особую ритмизацию, замедление темпа речи [Мартынова: 1974: 32-65].

По мнению М.А. Венгранович, язык русских колыбельных песен может соотноситься с языком художественной литературы: «...будучи, как и литературно-художественный текст, репрезентацией эстетической функции и представляя собой феномен эстетического, художественного, фольклорный текст со стороны лингвистической обладает (наряду с отличительными) и сходными чертами, сближающими его с художественным текстом, и тем самым язык фольклора в стилевой системе русского языка, очевидно, может квалифицироваться как одна их стиливых разновидностей художественной речи» [Венгранович 2004: 131].

Основной стилевой чертой фольклорных текстов, так же, как и художественных текстов, является художественно-образная речевая конкретизация. По определению М.Н. Кожиной, «художественно-образная речевая конкретизация – это специфическое свойство именно художественной речи, отличающее ее от всех других разновидностей языкового общения. Проявляется оно в такой намеренно созданной по законам искусства организации языковых средств в речевой ткани художественного произведения, благодаря которой слово-понятие "переводится" в слово-образ (художественный), становится выражением индивидуально-неповторимых, как бы видимых внутренним зрением, целостных художественных образов (и их элементов – "микро-образов"), пропущенных через эстетическую оценку писателя. Это такая речевая организация, составляющая целостную систему и реализующая эстетическую функцию произведения искусства, которая специально направлена на то, чтобы ее восприятие вызывало работу фантазии читателя, направляло последнюю в том или ином плане, ибо это необходимо для осуществления эстетической функции произведений искусства» [Кожина 1970: 14]. Однако данная стилевая черта, являясь общей для двух родственных по своей природе текстов, в фольклорном тексте обнаруживает и отличительные черты.

Особый характер образной конкретизации в фольклорном тексте обусловлен целым комплексом экстралингвистических факторов, среди которых М.А. Венгранович отмечает фольклорное сознание, специфику художественного метода и особый характер фольклорной коммуникации [Венгранович 2011: 147]. Влияние отмеченных факторов сказалось на специфике фольклорной образности (в частности, на целостности, семантической емкости и традиционности фольклорного образа, имеющего черты *типического образа*, обобщающего качества и свойства объектов действительности, с его неизменным постоянством на протяжении всего произведения, которое лишь варьируется деталями, не меняющими в целом его сущности) и, соответст-

венно, текстовой реализации художественно-образной конкретизации, система средств которой в фольклорном тексте направлена на создание *традиционных*, эстетически выверенных, общезначимых *фольклорных образов*, оказывающих на адресата (слушателя) фольклорного текста не меньшее эстетическое воздействие, чем неповторимые, индивидуально-авторские образы в литературно-художественном тексте [Венгранович 2011: 221].

Вслед за М.А. Венгранович мы можем выделить следующие типы образной конкретизации в фольклорном тексте: *сопоставительный, ступенчатый и линейный*. При этом необходимо отметить, что для стихотворных текстов наиболее частотным типом является *сопоставительная конкретизация*, генетически обусловленная наиболее ранней формой фольклорного сознания – мифологическим мышлением, которому были свойственны анимистические и тотемистические представления, основанные на утверждении соответствия между природным и человеческим мирами, и базирующаяся на особом механизме образорождения – *уподоблении*, основанном на *ассоциативной связи представлений* [Венгранович 2011: 120]. В соответствии с хронологическим принципом можно выделить следующие способы и средства реализации данного типа конкретизации: 1) *художественные персонификации*, 2) *образный параллелизм*, 3) *метафора и сравнение*.

Одним из наиболее архаичных способов образного уподобления в фольклорных текстах являются *художественные персонификации*, функционирование которых в текстах народных колыбельных песен мы рассмотрим в данной статье.

Архаические, анимистические и тотемистические представления, позволяющие воспринимать представителей растительного и животного мира как самостоятельные персонификации, сохранились в фольклорных текстах в виде художественных аналогов – *художественных персонификаций*, выполняющих соответствующие жанрово-стилистические функции как средства образной конкретизации. Следы анимистических представлений обнаруживаются в текстах традиционных народных колыбельных песен с формально выраженным «человеческим» планом:

Баюшки-баюшки

Скакали горностаюшки.

Прискакали к колыбели

И на Машу поглядели.

И сказал горностай:

"Поскорее подрастай!" [Русское 2006: 123].

В данном фрагменте представитель животного мира – горностай – антропоморфизирован, является самостоятельным фольклорным действующим

лицом. Его поведению и действиям приписывается антропоморфный смысл: он приобретает черты матери и тем самым становится ближе и понятнее ребенку.

*Прилетели гулюшки,
Стали гули ворковать,
Стали думать и гадать,
Как нашу Катеньку качать.
Стали гули говорить:
"Чем нам Катеньку кормить –
Или сосочку с рожком,
Или кашку с молочком?" [Русское 2006: 129].*

Персонафицированные образы в структуре данных фольклорных текстов (горностай, гулюшки) приобретают способность в наглядной, конкретно осязаемой форме передать заложенную в тексте информацию. При этом наглядность «двуприродного» образа увеличивается за счет определяющих его конкретных свойств и действий, соотнесенных с реальными свойствами матери, которые выполняют в данном случае функцию образного уточнения: горностай, голуби говорят, думают, гадают. Данный прием употребляется для того, чтобы выполнить главную функцию колыбельной песни: успокоить ребенка.

Исследователь русской колыбельной песни Э.В. Померанцева [Померанцева 1966: 130] подробно рассматривает систему персонажей колыбельной, разделяя их исходя из функции этого жанра (усыпить младенца) на *фантастических*, как Сон и Дрема, призванных усыплять, и на *реальных*, знакомых ребенку (в основном это – представители животного мира), о которых говорится, что они спят, и по аналогии с ними должен уснуть ребенок. Поскольку в текстах колыбельных песен могут встречаться не только представители животного мира, но и абстрактные образы, то и они так же могут быть антропоморфизированы:

*Сидит Дрема,
Сидит Дрема,
Сидит Дрема, сама дремлет,
Сидит Дрема, сама дремлет.
Взгляни Дрема,
Взгляни Дрема,
Взгляни Дрема на народ,
Взгляни Дрема на народ.
Бери Дрема,
Бери Дрема,*

*Бери Дрема кого хошь,
Бери Дрема кого хошь.
Сидит Дрема,
Сидит Дрема,
Сидит Дрема, сама дремлет,
Сидит Дрема, сама дремлет.* [Русское 2006: 132].

В колыбельной песне, как можно проследить на примере данного и последующего текстов, прием художественной персонификации сопровождается приемами ретардации, цепного повтора предыдущей строки, повтора одного или нескольких слов, синтаксического параллелизма, функции которых – успокоить, усыпить ребенка.

*Баю-бай, баю-бай
И у ночи будет край.
А покуда детвора
Спит в кроватках до утра.
Спит корова, спит бычок,
В огороде спит жучок.
И котенок рядом с кошкой
Спит за печкою в лукошке.
На лужайке спит трава,
На деревьях спит листва,
Спит осока у реки,
Спят сомы и окуньки.* [Русское 2006: 134].

Таким образом, использование в текстах колыбельных песен приема художественной персонификации является одним из средств реализации сопоставительного типа образной конкретизации в фольклорном тексте и обусловлено архаическими анимистическими представлениями, позволяющими воспринимать представителей растительного и животного мира как самостоятельные персонификации. В тексте народной колыбельной песни прием художественной персонификации выполняет функции успокоения, усыпления ребенка и сопровождается особыми синтаксическими приемами – ретардацией, цепным повтором предыдущей строки, повторами слов, синтаксическим параллелизмом, обусловленными также стремлением успокоить ребенка, установить с ним доверительные отношения.

Библиографический список.

- Аникин В.П.* Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. – М., 1957.
- Венгранович М.А.* Стилистика фольклорного текста: учебное пособие. – Тольятти, 2011.

- Венгранович М.А.* Экстралингвистическая обусловленность лингвостилевой специфики фольклорного текста. – Петрозаводск, 2004.
- Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. – М., 1988.
- Ветухов А.* Народные колыбельные песни// Этногр. обозр. – 1892. – Кн. 12.
- Виноградов, Г.С.* Народная педагогика / Г.С. Виноградов. – Иркутск, 1926.
- Головин В.В.* Колыбельная песня и приемы убаюкивания ребенка на Русском Севере // "Мир детства" в традиционной культуре народов СССР. – Л., 1991.
- Капица О.И.* Детский фольклор. – Л., 1928.
- Кожина М.Н.* О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. – Пермь, 1972.
- Мальцев Г.И.* Традиционные формулы русской необрядовой лирики: к изучению эстетики устно-поэтического канона// Русский фольклор. Т. XXI. Поэтика русского фольклора. – Л., 1981.
- Мартынова А.Н.* Опыт классификации русских колыбельных песен //Сов. этногр. – 1974. – № 4. – С. 32 – 65
- Померанцева Э.В.* Детский фольклор // Русское народное творчество /Сост. Богатырев В.Г.– М., 1966.
- Пропп В.Я.* Принципы классификации фольклорных жанров //Сов. этногр. – 1954. – № 4. – С. 23 – 33.
- Русское* устное народное творчество: Хрестоматия. Учебное пособие. – М., 2006.

ПРОБЛЕМЫ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

О.Ю. Авдевина
Саратов

КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ПЕРЦЕПТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

В статье рассматривается одно из закономерных направлений переосмысления перцептивной лексики – процесс функциональной трансформации лексической единицы. Автор показывает, какие условия употребления перцептивного глагола способствуют его переходу в средство организации ситуации общения. В определенных грамматических формах, конструкциях и смысловых контекстах глагол может видоизменить или даже утратить свое перцептивное значение и использоваться говорящим для привлечения внимания собеседника, установления контакта, увещевания, угрозы и выполнения других коммуникативных функций.

Ключевые слова: *восприятие, коммуникация, перцептивный глагол, грамматическая форма глагола, десемантизация, коммуникативное средство.*

The article regards one of the consistent directions perceptual lexis reconsideration – the process of functional transformation of the lexical unit. The author shows the conditions of usage of the perceptual verb that are conductive to its transition to the means of organisation of the communication situation. In certain grammatical forms, constructions and contexts the verb can change or even lose its perceptual meaning and be used by the speaker for attraction of the interlocutor's attention, establishing rapport, admonition, threat and other communicative functions.

Key words: *perception, communication, perceptual verb, grammatical form of the verb, desemantisation, communicative means.*

Перцептивные глаголы входят в большую группу лексики, обозначающей психологические процессы – восприятие разных форм чувствительности (зрения, слуха, обоняния и т.п.). Эти процессы включаются в различные формы существования человека, в том числе в общение, в организацию речевой коммуникации. Порой они оказываются «встроенными» в ситуацию общения: коммуниканты не просто обмениваются информацией, а находятся в одном и том же перцептуальном пространстве, видят, слышат одно и то же. Описание чувственных впечатлений может содержать указание на эту ситуацию как на особые условия восприятия. Маркерами такой ситуации стано-

вятся перцептивные глаголы, так как именно они являются главными средствами обозначения перцептивных действий и состояний.

При этом, приобретение языковой единицей коммуникативной функции, как правило, грамматически отмечено. Среди огромного количества грамматических форм глагольного слова можно выделить формы, предрасположенные к развитию коммуникативной функциональности, в глубине грамматической семантики «привязанные» к ситуации общения. Это формы 1 и 2 лица, репрезентирующие говорящего и собеседника – как главных ролей в общении, и формы повелительного наклонения, выражающее волеизъявление, выражающееся интенцию говорящего, направленную к тем, кто противопоставлен ему в коммуникативной ситуации.

Именно эти формы перцептивных глаголов и становятся базовыми словоупотреблениями для развития в рамках этой лексики различных коммуникативных функций. В данной статье ограничимся анализом коммуникативного потенциала только форм 2 лица глаголов зрительного и слухового восприятия – тех видов чувствительности, которые отличаются непосредственным участием в процессах общения и речи (о влиянии зрения и слуха на речевую коммуникацию пишут психологи и лингвисты: [Рубинштейн 2003], [Выготский 2000]; [Найссер 1981]; [Леонтьев 1959]; [Горелов 2003] и др.).

Формы 2 лица в конструкциях с придаточными маркируют так называемое «совместное» или «совмещенное» восприятие двух взаимодействующих, общающихся субъектов, собеседников – это значение 'смотри на то, что вижу я'. Оно выражается с помощью форм повелительного наклонения глагола *смотреть*, *глядеть* или вопросительной формы глагола *видеть* (здесь и далее текстовые иллюстрации приводятся по материалам Национального корпуса русского языка): **Смотри**, как смирно ласточки сидят На голове недвижимой, а на гриве Чирикает веселых пташек ряд (А. Толстой. Дракон); Мы песенок знаем так много, Мы так тебя любим давно – **Смотри**, какой берег отлогий, Какое песчаное дно! (А. Толстой. «Где гнутся над омутом лозы...»); – **Глядите**, автомобиль на Ялту! Вчера целых три прикатило! (И. Шмелев. Солнце мертвых); – **Глядите-ка**, а ведь это ваша Наташа там... (И. Шмелев. Человек из ресторана); **Видишь** дерево в саду, где высокая стена? (Ф. Сологуб. Песни любви).

Перцептивность этих контекстов проявляется в том, что ситуация восприятия представлена во всех необходимых компонентах перцептивной системы: субъект – перцептивное действие – объект. Например, в них точно назван объект визуального восприятия: *смотри – ласточки..*, *смотри – берег..*, *глядите – Наташа..*, *глядите – автомобиль..*, *видишь – дерево...* Перцептивная семантика поддерживается и различными средствами обозначения

пространства: *на голове, в саду, там, где* – а пространственные значения, как известно, имеют перцептивную природу.

С репрезентацией перцептивной ситуации и одновременно с решением задач коммуникации связаны и глагольные обращения к собеседнику, тоже использующие формы повелительного наклонения 2 лица *слушай, послушай*: – *Погоди – слушай!* Я совсем поднял весла, и *журчание* стало медленно *замирать* (И. Бунин. Тишина); *А ведь оно* (легкое дыхание – О.А.) *у меня есть, – ты послушай, как я вздыхаю, – ведь правда, есть?* (И. Бунин. Легкое дыхание); *Говорят: Горкин давно уж спит и Домна Панферовна храпит, послушай* (И. Шмелев. Богомолье); *И уж стал я засыпать, Луша меня в бок: – Послушай-ка, Яков Софронич... Что это он там... урчит что-то...* (И. Шмелев. Человек из ресторана).

Объектами перцепции в данном случае являются характерные звуки, обозначенные глаголами или отвлеченными существительными с семантикой звучания (выделены в примерах). Целью же общения становится совместное восприятие, передача чувственных впечатлений, стремление вызвать в собеседнике сходные впечатления и т.д.

Все эти употребления остаются в области репрезентации психологии человека, конкретно – процесса восприятия, но в недрах этой семантики зревают компоненты, имплицитно указывающие на то, что условия восприятия могут быть разные: может варьироваться количество субъектов, может быть различной их мотивация к восприятию (своя воля или волеизъявление собеседника), целью восприятия может стать поиск стимула к общению, обмену впечатлениями, мыслями. Формы *смотри, видишь, слушай, слышишь* и т.п., безусловно, выступают маркерами перцептивной ситуации, воспроизведенной во всех ее компонентах. Но в то же время это и коммуникативные средства. Они маркируют смоделированную в тексте ситуацию общения, которое осуществляется в рамках двух знаковых систем: речи и восприятия.

Глагольные формы, использующиеся в роли средства организации общения, подвергаются большей или меньшей степени нейтрализации перцептивной семантики или даже самой процессуальности. Для каждой из потенциально «коммуникативных» грамматических форм перцептивных глаголов можно реконструировать шкалу убывания перцептивности, нейтрализации процессуального значения, которая отражает синхронное, соотносительное этим процессам возрастание коммуникативной функциональности и укрепление социальных компонентов содержания.

Например, шкала функционирования форм *смотри (гляди)* включает следующие этапы десемантизации и перехода в коммуникативное средство:

1. *Смотри, вон самолет; Смотрите, автомобиль на Ялту!..*

2. *Смотри, какой берег отлогий, Какое песчаное дно!..*
3. *У себя в доме за женой смотри!..; Посмотри, сударушка, за избой...*
4. *Смотри же, детям расскажи, Что дед их умер от тоски...*
5. *Смотри не напейся; Смотри, подружкам или бабушке не говори....*
6. *Ты у меня смотри!; Вот посмотри, тебя Бог накажет!..*
7. *Хлеб, смотри, вот вздорожает...*
8. *Того и гляди – пожар наделает...*

1 – употребление в прямом значении ситуативно обусловленного совместного визуального восприятия (императив): *Смотри, вон самолет; Глядите, автомобиль на Ялту! Глядите-ка, а ведь это ваша Наташа там; – Смотри, смотри: гагара! – закричал он ей;*

2 – употребление в прямом значении – значении императивно направленного интерпретативного восприятия, не просто указания на объект, но такого указания, которое включает описание объекта, выделение каких-либо его признаков, оценку объекта: *Смотри, какой берег отлогий, какое песчаное дно!..; Смотри, как смиренно ласточки сидят..; Смотри – меж чернеющих сосен Как будто пожар восстает...* (И. Бунин. Холодная осень);

3 – употребление в значениях, связанных с отдельными социальными действиями: 'приглядывать за кем-либо', 'контролировать кого-либо': *Под хмельком ему иной вымолвит; Вмиг сожмет Пахом брови с проседью И, потупив взор, скажет нехотя: «У себя в доме за женой смотри, А в чужую клеть не заглядывай!»* (И. Никитин. Упрямый отец); 'сторожить': *Посмотри, сударушка, за избой, – сказал он старухе-соседке, которая около пуньки медленно скатывала холсты* (И. Бунин. Кастрюк); эти употребления можно считать актуально императивными;

4 – наставление, наказ сделать что-то обязательно (усилительное значение присуще частицам, использующимся для усиления побуждения, типа: *Давай расскажи! Ну-ка расскажи!); Смотри же, детям расскажи, Что дед их умер от тоски..; Вот тот старец благословил их на хорошую работу и говорит пареньку, Мартыну-то: «Будет тебе талант от Бога, только не проступись!» Значит – правильно живи смотри* (И. Шмелев. Богомолье);

5 – предостережение против какого-либо действия, обычно в препозиции к глаголу с частицей *не*: *Смотри не напейся; Ты никогда, смотри, Подружкам или бабушке, Дружок, не говори; Только, смотри, не ложись головой на межу – домовый отдавит!* (И. Бунин. Кастрюк) – это употребление междометного характера;

6 – угроза (тоже междометная функция): – **Смотри:** *отколочу!* (И. Бунин. Чаша жизни); *Сейчас лезь на печь, а то смотри у меня, демоненок!* (И. Бунин. Танька);

7 – предположение результатов какого-либо социального действия (модальное значение): *Хлеб, смотри, вот вздорюжит, – Ты чужих корми; А ведь мать, небось, гуляет, Прах ее возьми!* (И. Никитин. Утро на берегу озера); *Понежисься – гляди, и подушку вылежишь с одеялом* (И. Шмелев. Непиваемая чаша);

8 – предположение об опасности – в устойчивых сочетаниях *того и гляди*, *того и смотри*: *И клопов свечкой под обоями палил, того и гляди – пожар наделает* (И. Шмелев. Богомолье).

У форм *слушай*, *послушай* движение из сферы перцептивной семантики в область организации коммуникации может быть представлено следующим образом:

1. – *Погоди – слушай!* Я совсем поднял весла, и журчание стало медленно замирать.

2. *Стой и слушай.* И очень хорошо говорили, что надо растить поколение для пользы народа и чтобы больше свету.

3. *Слушай, я расскажу тебе старую северную легенду.*

4. *Надя, послушай, что он здесь несет!*

5. *Слушай, ты не сердись, что я разбудила тебя?*

1 – императивное употребление в прямом перцептивном значении направленного внимания на какой-либо объект (звуки природы, речь и т.п.): – *Погоди – слушай!* Я совсем поднял весла, и журчание стало медленно замирать (И. Бунин. Тишина); *На ухо шепчет Горкин: «Батырин поведет, слушай...»* (И. Шмелев. Лето Господне);

2 – обобщенное значение внимания к каким-либо советам, наставлениям, идеям, свойственное не только этой форме, но и другим формам этого глагола: *А как речи, тут уж движение прекращается. Стой и слушай.* И очень хорошо говорили, что надо растить поколение для пользы народа и чтобы больше свету (И. Шмелев. Человек из ресторана);

3 – сказовая функция зачина повествования: – *Я и не пою, – сердито ответил Кузьма. – Слушай лучше про Дениску-то. Вот он и рассказывает мне: «Бывало, в голодный год, выйдем мы, подмастерья, на Черную Слободу, а там этих приституток – видимо-невидимо...»* (И. Бунин. Деревня); *А теперь слушай про его будто грех...* (И. Шмелев. Богомолье);

4 – употребление глагола с целью выделения какого-либо фрагмента информации, кажущегося говорящему интересным, парадоксальным, той части смысла, к которой он стремится привлечь внимание: – *Да ты слушай.*

Чугун-то чугун, да в чугуна-то золото! (И. Бунин. Деревня); *Кричала она Авиловой, бросая клавиши и круто повёртываясь к соседней комнате. – На-дя, послушай, что он здесь несёт! – И буду нести!* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева. Юность) – это уже не столько значение, сколько функция;

5 – употребление в функции привлечения внимания собеседника, обращения к нему с каким-либо предложением, вопросом, просьбой и т.п.: – *Слушай, – сказал студент, – пойдём к нам. Я бы тебе деньжонок дал...* (И. Бунин. Птицы небесные); *Слушай, ты не сердись, что я разбудила тебя?* (И. Бунин. Новый год).

В рамках развития коммуникативных функций перцептивных глаголов выделяются такие употребления, в которых выражаются социальные или социально-психологические оттенки общения: угроза, предостережение, опасение: *смотри, смотрите, гляди*. Художественный текст отражает такие употребления во фрагментах, стилизующих устную и особенно устную простонародную речь. Эти единицы позволяют писателю моделировать и оттенки социальных отношений, неравенство говорящих, превосходство одного героя над другим, психологические нюансы общения и т.п.: – *Обещался ты, обещался... тебя Бог накажет! вот посмотри, тебя Бог накажет!.. – кричу я ему и плачу и даже грожу пальцем* (И. Шмелев. Богомолье); «*С меня, мол, господа, и те еще не спускали порток-то... не тебе чета, чернебому*». – «*Смотри!*» – «*А чего мне смотреть? Авось не дурей тебя*» (И. Бунин. Суходол); *По обталому грязному двору тянется белая дорога от салазок, ярко белеют комья. – Гляди... там! .. – кричат где-то, над головой* (И. Шмелев. Лето Господне); – *Ты, говорят, все царя ругаешь? Смотри, брат!* (И. Бунин. Деревня); «*Смотрите, дела не простите!*» (И. Бунин. Митина любовь).

Эти формы могут употребляться и в функции иного воздействия на собеседника: не угрозы или опасения, а наказа, настоятельного совета (‘сделай обязательно, не забудь!’), эти формы сопровождаются императивными единицами: глаголами в повелительном наклонении или в императивном синтаксическом наклонении сказуемого (типа: *Будь умницей!* или: *Отдохнуть бы!*): *Сошью тебе и куколку; Ты никогда, смотри, Подружкам или дедушке, Дружок, не говори* (И. Никитин. Последнее свиданье); *Смотри же, детям расскажи, Что дед их умер от тоски, Что он терзался и рыдал, Что тяжело он умирал – Как будто грешный человек, Хоть он и честно прожил век* (И. Тургенев. Старый помещик); *Смотри же, как с свекром-то ладить я буду, Так ты, молодница, меня поддержи; А я и в другой раз тебя не забуду; Теперь лишь по-прежнему мне послужи* (И. Никитин. Купец на пчельнике); *Понял, Сидор? Ну, смотри, Бабе ты очки вотри. Ты, я знаю, как захочешь, Так*

на шею черту вскочишь, Ты, я знаю, брат, не глуп... (П. Федотов. Поправка обстоятельств, или Женитьба майора) и т.п.

Сама императивная форма глагола, которая используется в этих функциях, не оставляет сомнения в том, что общение предполагает то или иное воздействие на собеседника. В более смягченном виде это воздействие выражается в речевых единицах со значением простого опасения: *увидите* (убежденность в том, что случится что-то плохое, и стремление убедить в этом собеседника) и *того и гляди* (выражение возможности или близости опасности): *Они уже все обработали, а не чувят... Увидите. Убьют и меня, возможно* (И. Шмелев. Солнце мертвых); *Так он вам и экзамена не сдаст. Увидите! Теперь такое время, что даже могут жить втроем* (И. Шмелев. Человек из ресторана); *И клопов свечкой под обоями палил, того и гляди – пожар наделает* (И. Шмелев. Человек из ресторана); *А сам махает, бьет палкой в землю, – того гляди в морду заедет* (И. Бунин. Хорошая жизнь).

В функции приглашения убедиться в правоте употребляются формы изъявительного наклонения *видишь, видите*: *И часто он потом мне все замечания делал: – Видите, папаша... Всякий негодяй может ткнуть пальцем!* (И. Шмелев. Человек из ресторана); *Теперь он к мировому за пиджак подаст, в полицию донесет, какие ты речи говорил... Сам видишь, какой каверзник! Он теперь тебе и в училище может повредить...* (И. Шмелев. Человек из ресторана); *Видишь, на ходу-то куда теплей, это только сначала так стюдено показалось...* (И. Бунин. Сверчок).

Во всех этих употреблениях глагол, естественно, теряет полноту не просто семантики восприятия, но и частеречного значения процессуальности, превращаясь в речевую единицу – средство организации диалога, выражения коннотации, смысловой интонации – единицу, близкую к междометию (*Ты, говорят, все царя ругаешь? Смотри, брат!*) или даже не имеющую определенного частеречного статуса (*того гляди в морду заедет*).

Для глаголов аудиального восприятия участие в организации речевой ситуации является закономерным, ведь человеческая речь, голос и другие звуки, производимые человеком, относятся к типичным объектам восприятия и одновременно – к важнейшим составляющим содержания общения.

Так, уже словарное толкование глагола *слышать* включает значения, свидетельствующие о важности слухового восприятия в обмене информацией в процессе общения. Форма прошедшего времени *слышал, слышали* имеет значение: '3. Иметь какие-л. сведения, знать (по разговорам, слухам и т.п.): *Я слышал, что хотят ляхи строить какую-то крепость. Гоголь; Слышали новость, Мокий Парменыч? Лариса Дмитриевна замуж выходит. Островский. Бесприданница* [МАС]; вопросительные формы развивают зна-

чение заверения: **'б. Слышишь, слышите.** Употребляется для подчеркивания сказанного, настоятельного указания на что-л.': – *Помни, Александр, что у тебя есть дядя и друг – слышишь?* И. Гончаров. Обыкновенная история' [Там же].

Эта же форма способна выполнять контактоустанавливающую функцию: *В ельнике, на елках повесить всех и так и оставить. Слышишь? – Слушаю, – ответил Сашка и кинулся помогать Петру* (И. Бунин. Последний день); *Но Молодая молчала как убитая. – Слышишь, что ли? – шепотом крикнул Тихон Ильич* (И. Бунин. Деревня); *Помни час, его же не минует ни единое дыхание: это я, – слышишь ли, Селихов?* (И. Бунин. Чаша жизни).

Не трудно заметить, что в условиях художественно стилизованной ситуации общения анализируемые глагольные формы употребляются в одинаковых текстовых структурах (обычно это диалоги героев или обращение лирического героя к читателю) и сходных синтаксических конструкциях (односоставные побудительные, вопросительные предложения, главная часть сложноподчиненного предложения). Степень грамматической и смысловой обособленности приведенных словоупотреблений так высока, что позволяет им развивать самостоятельность в репрезентации ситуации общения: глагол, теряя или частично редуцируя присущие ему значения перцептивности и процессуальности, может приобрести роль регулятора, маркера или иного функционального средства самой коммуникации или даже выражения нюансов социальных отношений. Развитию коммуникативной функциональности глаголов восприятия способствует комплекс языковых факторов: семантический, связанный с динамикой перцептивного значения слова, грамматический, обусловленный спецификой глагольных форм 1 и 2 лица, и синтаксический, заключающийся в коммуникативной перспективе названных синтаксических структур.

Библиографический список

- Выготский Л.С.* Психология. – М., 2000. – С.756 – 769.
Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. – М., 2003.
Леонтьев А.Н. О механизме чувственного отражения // Вопросы психологии – 1959. – № 2. – С. 19-41.
Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. – М., 1981.
Национальный корпус русского языка // Электронный ресурс: [http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru)
Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб., 2003.
Словарь русского языка в четырех томах. – М., 1985 – 1988. (МАС)

Е.В. Акулова
Саратов

СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ ДИСКУРСИВОВ И КОММУНИКАТИВОВ В ЖЕНСКОЙ И МУЖСКОЙ РЕЧИ (На материале шоу «Давай поженимся!»)

В статье представлены результаты исследования специфики употребления дискурсивов и коммуникативов в речи участников шоу «Давай поженимся!». Делается вывод о том, что употребление данных единиц в большей степени подвержено влиянию не гендера, а самой коммуникативной ситуации и исполняемой говорящим коммуникативной роли. Вместе с тем можно говорить о существовании некоторых гендерных предпочтений.

Ключевые слова: гендер, коммуникативная ситуация, коммуникативная роль, дискурсивы, коммуникативы.

In the article the results of the research of gender specific use of discursive words in the show «Will you marry me!» («Davaj pozhenimsa!») are given. We can conclude that the use of these structures comes more often under the influence of the communicative situation and the speaker's conversational role and not of the gender. At the same time, some gender preferences have been marked.

Key words: gender, communicative situation, conversational role, discursive words, pragmatic communicative operators.

На протяжении последних десятилетий дискурсивные слова часто становились предметом отдельных лингвистических исследований, как российских, так и зарубежных. Основное внимание при этом уделялось специфике дискурсивных слов как функционального класса, функционированию данных единиц, их классификации, факторам употребления [Баранов и др. 1993, Шаронов 1996, Дискурсивные 1998, Викторова 2010, 2011, Кокошкина 2011; Günthner, Imo 2003, Rathmayr 2009 и др.]. Наряду с обозначением *дискурсивные слова* используются термины *незнаменательная лексика* (Е.А. Земская, О.Б. Сиротина), *модальные слова, вводные слова*, в зарубежной литературе доминирует обозначение *discourse marker* (англ.), *Diskursmarker* (нем.). Терминологическое разнообразие в данной области, думается, обусловлено тем, что класс дискурсивных слов, если говорить о существовании такового, – это открытый класс, представленный различными по своей природе единицами: с одной стороны, служебными или неполнозначными словами, модальными словами, частицами, с другой, знаменательными частями речи и даже целыми предложениями [Викторова 2011: 8]

Представляется целесообразным рассматривать дискурсивы и коммуникативы как десемантизированные элементы дискурса [Кокошкина 2011]. Помимо стертого предметного значения их объединяет синтаксическая независимость, относительная фиксированность формы, устойчивый интонаци-

онный контур [Rathmaug 2009]. Дискурсивные слова выполняют различные функции: организующую, логико-связующую, выделительную, регулятивную и модально-оценочную [Викторова 2011: 9]. Среди дискурсивных слов мы выделяем дискурсивы и коммуникативы, полагая, что главная задача дискурсивов – оформить текст, сделать его более доступным для понимания и восприятия адресатом, в то время как доминирующей функцией коммуникативов является собственно коммуникативная функция – демонстрация единения с адресатом, поддержание контакта.

В настоящем докладе мы обратимся к специфике употребления дискурсивов и коммуникативов в речи участников шоу «Давай поженимся!». Материалом исследования послужили расшифровки видеозаписей эфиров ток-шоу «Давай поженимся!» от 15.03.10, 17.03.10, 22.03.10, 18.05.10, 27.05.10, 13.11.10 (всего 8000 словоупотреблений: речь участников – женщин и мужчин – по 4000 словоупотреблений). Участники ток-шоу, женщины и мужчины, чья речь подвергалась анализу, принадлежат к одной возрастной группе (средний возраст 30-40 лет). Несмотря на различную профессиональную принадлежность, можно говорить о некой однородности их социального статуса: все они успешные представители своей профессии, с высшим образованием.

Теоретическую базу данного исследования составили работы Х. Коттхофф, Е.И. Горошко, А.В. Кирилиной. Следуя за названными учеными, мы полагаем, что категория *гендер* конструируется в речи говорящего, а не перманентно присутствует в ней. Существуют сферы и ситуации общения, в которых категория *гендер* является релевантной (наблюдаются процессы конструирования гендера – *doing gender*), и таковые, где гендер говорящего не получает выражения в речи (*undoing gender*) [Kotthoff 1996]. Думается, что лежащая в основе шоу «Давай поженимся!» ситуация общения – публичное общение между незнакомыми мужчиной и женщиной на личные темы – должна способствовать акцентуализации гендера говорящего. Обратимся к результатам проведенного исследования.

В речи участников шоу дискурсивы выполняют различные функции, показательно, что наиболее часто они используются для выражения категоричности и ее смягчения, когда необходимо отстоять свою точку зрения, оценить претендента, дать комментарий к его действиям и пр.

Категоричность высказыванию придают акцентно-выделительные (*именно, как раз, только, же* и др.) и субъективно-модальные дискурсивы (*конечно, естественно* и др.) (в настоящем исследовании мы опирались на классификацию дискурсивов, предложенную в работе [Викторова 2011]). И хотя набор дискурсивов, используемых в женской и мужской речи, в целом,

одинаков, можно говорить о следующих гендерных предпочтениях в их использовании:

- женщины предпочтительно употребляют акцентно-выделительные дискурсивы (39 употреблений, у мужчин – 26), наиболее частотный дискурсив – *именно*;
- в мужской речи чаще используются субъективно-модальные дискурсивы с семантикой уверенности (43 употребления, у женщин – 26), наиболее частотный дискурсив – *конечно*.

В ряде случаев маркерами категоричности в женской и мужской речи выступают коммуникативы – средства несогласия с собеседником. И здесь можно констатировать более частое использование в речи мужчин слова *нет* как средства прямого выражения несогласия (43 словоупотребления в речи мужчин, 27 – в речи женщин). Рассмотрим конкретный пример (здесь и далее Л.Г. – Л. Гузеева, главная ведущая, Ум. – участник, Уж. – участница ток-шоу):

Л.Г.: *Кто хозяин в доме?*

Ум.: *Я конечно //*

Л.Г.: *То есть двух мнений быть не может?*

Ум.: ***Нет почему! // Я выслушаю всегда // (17.03.10)***

В приведенном примере степень категоричности *нет* усиливается с помощью слова *почему* и специфической интонации (ИК–5 по Е.А. Брызгуновой [Брызгунова 1980]). Довольно часто степень категоричности *нет* возрастает благодаря использованию дискурсивов с семантикой уверенности, например, с помощью *конечно*: Уж.: *А между прочим стержневость / это плюс а не минус!* – Ум.: *Это вам плюс/ а ...* – Уж.: (перебивает) *Мужчине / конечно нет!* (22.03.10).

Женщины вдвое чаще, чем мужчины, употребляют субъективно-модальные дискурсивы с семантикой неуверенности *я думаю, кажется, наверное, возможно, надеюсь, может быть, можно сказать* и др. (53 употребления у женщин, 28 у мужчин), а также рефлексивы, являющиеся маркерами приблизительности, неточности *как бы, как будто, где-то, как-то* и др. (44 – у женщин, 26 – у мужчин).

Если рассматривать не только дискурсивы с семантикой неуверенности и неопределенности, но и прочие единицы, обладающие такой семантикой (например, неопределенные местоимения и местоименные слова *кто-то, кто-нибудь, что-то, кое-что* и пр., безагентивные конструкции *получилось, что; так сложилось* и пр.), то различия несколько сглаживаются (общее количество у женщин – 117, у мужчин – 105). Таким образом, наши данные лишь отчасти (только в отношении дискурсивов с семантикой неуверенности

и неопределенности) подтверждают выводы ряда ученых о том, что в речи женщин часто встречаются различные маркеры неуверенности и неопределенности [Горошко 2009: 230 и далее, Викторова 2011: 10].

Мужчины значительно чаще, чем женщины, прибегают к конкретизирующим рефлексивам (24 употребления – у женщин, 39 – у мужчин, например: *то есть, а именно, в прямом смысле этого слова, ну скажем так, грубо говоря, если честно* и пр.), ссылкам на другой источник (*есть такая поговорка, есть такая точка зрения, не секрет, что*), у них шире репертуар используемых единиц (9 – у женщин, 18 – у мужчин).

С целью смягчения категоричности высказывания в женской и мужской речи используются коммуникативы типа *знаете, понимаете, представляете, видите, слушай* и пр. (23 – у женщин, 29 – у мужчин), их функция – демонстрация единения с адресатом, поддержание контакта.

Наиболее частотный в анализируемой выборке коммуникатив *ну* (53 – у женщин, 77 – у мужчин) способен смягчать категоричность, одновременно с этим выполняя функции уточнения и пояснения сказанного, акцентуализации внимания, указания на неточность сказанного и пр. Рассмотрим конкретный пример его использования: *Ну один вопрос // э/ вы будете разделять со мной все мои увлечения? То есть прыгнуть с парашютом / покататься на лодке/ э на сноуборде? Ну честно? (18.05.10) Ну* в данных случаях не только является показателем устной формы речи, но и сигнализирует побуждение адресата к ответу на вопрос, одновременно смягчая само побуждение. Данный коммуникатив, как правило, сочетается с субъективно-модальными дискурсивами (*ну я думаю, ну я не знаю* и др.), рефлексивами (*ну если честно, ну как бы* и др.), коммуникативами *да, нет* (*ну нет, ну да*): Л.Г.: *Вы ей изменяли? – Ум.: Ну если честно /aaa/ то да // (17.03.10); Л.Г.: Валентин, смотрите // У вас было два брака / и оба мужчины начинали э/ запивали живя рядом с вами // Как вы/ в чем вы видите причину? Случайность ли это или закономерность? – Уж.: Ну нет // Первый как бы сам по себе запивал / не от меня // (15.03.10).*

Коммуникативы *вот, там* в женской и мужской речи встречаются реже, чем коммуникатив *ну*, и чаще всего десемантизируются, в ряде случаев становясь словами-«паразитами», например: Уж.: *Мне кажется/ умею // То есть безусловно / как бы я как любая нормальная девушка / тем более как блондинка / там могу сделать вид / что<...> (15.03.10); Ум.: Мы познакомились с мамой моей дочери / ее зовут Юлия // Это было на Украине // Провстречались около двух месяцев // Ну потом / как-то не было никаких планов / там ни желания там заводить семью или еще что-то// Вот просто случилось так / что она забеременела // Воот / нуу захотела рожать // (17.03.10).*

Итак, акцентуализация гендера зависит от ряда факторов. Можно предположить, что в нашем случае доминирующим является фактор коммуникативной ситуации. В центре шоу – беседа о прошлых взаимоотношениях, обсуждение достоинств и недостатков претендентов, поэтому участник не может быть излишне категоричен, говоря о личном в присутствии публики. Именно поэтому не обнаружено существенных гендерных различий в употреблении коммуникативов. Однако можно говорить и о существовании отдельных гендерных предпочтений: в речи мужчин чаще встречаются обобщенно-личные конструкции, субъективно-модальные дискурсивы с семантикой уверенности, *нет* как средства прямого выражения несогласия; в речи женщин более частотны дискурсивы с семантикой неуверенности, акцентно-выделительные дискурсивы.

Библиографический список

- Акулова Е.В. Реализация коммуникативной компетенции ведущей ток-шоу «Давай поженимся!» Л. Гузевой // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2011. – Вып. 11.
- Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. – М., 1993.
- Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика. – М., 1980. – Т. 1.
- Викторова Е.Ю. Влияет ли гендер на использование дискурсивов? (на материале письменного научного дискурса) // Известия Саратовского университета. – Т. 11. – 2011. – Сер. Филология. Журналистика. – Вып. 3.
- Викторова Е.Ю. Вспомогательные коммуникативные единицы в политическом дискурсе: проблемы перевода (на материале русского и английского языков) // Известия Саратов. ун-та. – Т. 10. – 2010. – Сер. Филология. Журналистика. – Вып. 4.
- Горошко Е.И. Гендерная проблематика в языкознании // Введение в гендерные исследования. – Харьков, СПб., 2001.
- Горошко Е.И. Информационно-коммуникативное общество в гендерном измерении. – Харьков, 2009.
- Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. – М., 1998.
- Захарова Е.П. Коммуникативные категории и коммуникативные нормы // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2000. – Вып. 1.
- Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993.
- Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. – М., 2004.
- Кокошкина И.В. Десемантизированные элементы дискурса: функционирование, классификация, факторы употребления: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2011.
- Кормилицына М.А. Категоричность и способы ее смягчения в текстах современной прессы // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2007. – Вып. 7.
- Стернин И.А. Общение с мужчинами и женщинами. – Воронеж, 2001.
- Шаронов И.А. Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания // Русистика сегодня – № 2. – 1996. – С. 89-112.
- Günthner S., Imo G. Die Reanalyse von Matrixsätzen als Diskursmarker: *ich mein*-Konstruktionen im gesprochenen Deutsch // URL: <http://www.inlist.uni-bayreuth.de/issues/37/Inlist37.pdf> (дата обращения 19.02.13).
- Kotthoff H. Die Geschlechter in der Gesprächsforschung. Hierarchien, Theorien, Ideologien // Der Deutschunterricht. – 1996. – № 1.
- Rathmayr R. Die Semantik der Partikeln und der so genannten Diskurswörter // Die slavischen Sprachen / The Slavic Languages. – Berlin: de Gruyter, 2009.

О.Ю. Амурская
Казань

РЕЧЕВОЙ АКТ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ПОЖЕЛАНИЯ В ДИСКУРСЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ЧАТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ (На материале чат-корпуса)

В работе рассматривается структура и функционирование речевого акта положительного пожелания в дискурсе немецкоязычных чат-коммуникантов. Исследование осуществлялось на материале чат-корпуса Staccado, созданного в Техническом университете г. Дортмунда и охватывает чаты общей тематики. Несмотря на стереотипность языкового выражения речевого акта пожелания, проведенный анализ позволил выявить оригинальные пожелания, а также поводы для пожеланий, специфичные для чат-коммуникации.

Ключевые слова: речевой акт, пожелание, чат-дискурс, коммуникативное взаимодействие, чат-корпус.

The paper deals with the structure and the functions of the speech act of positive wishes in German chat-communication. The research was carried out on the bases of Staccado chat-corpus, created at the Technical University of Dortmund (Germany) and includes non-moderated chats. The analyzed speech act of wishes, in spite of generally being non-flexible, allowed to find the examples of its creative expression and also chat-specific reasons for its usage.

Key words: gender, communicative situation, conversational role, discursive words, pragmatic communicative operators.

Развитие современных компьютерных технологий заставляет по-новому рассматривать дискурс высказываний пользователей таких сервисов как Твиттер, форум, вики-проекты, социальные сети и т.д. Не ослабевает интерес лингвистов и к исследованию таких уже устаревающих сервисов как текстовые ролевые игры, форумы и чат-коммуникация. Сообщения пользователей чат-коммуникации исследуются лингвистами как на вербально-семантическом уровне [Розина 2002; Щипицина 2010; Weisswenger 2001; Orthmann 2001; Storrer 2001], так и на прагматическо-мотивационном (высказывание пользователя изучается в коммуникативно-прагматическом аспекте). В современной отечественной науке чат-коммуникация трактуется как «уникальное коммуникативное пространство» [Резанова 2004], «самоидентификационное» с точки зрения социальной психологии [Белинская 2000]. Авторы ранних зарубежных работ [Kiesler 1984] также рассматривают чат как лабораторию, в которой пользователи экспериментируют с различными формами коммуникативного и социального взаимодействия (выбор ника, формы приветствия и прощания, стратегии и тактики пользователей). В свете современного дискурсивного анализа компьютерно-опосредованной коммуникации (далее КОК) следует отметить ряд зарубежных лингвистических исследований, затрагивающих отдельные прагматические аспекты взаимодействия

внутри сообщества (например, стратегии поиска совета и его получения на материале форума) [Kouper 2010; Stommel 2010].

Наше исследование посвящено рассмотрению речевого акта положительного пожелания в дискурсе немецкоязычных пользователей чатов общей тематики. Оно базируется на основополагающей теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля, а также на теории экспрессивных речевых актов Н.А. Трофимовой. Вслед за ней мы относим данный акт к экспрессивным речевым актам, одной из категорий которых, согласно ее теории, являются социативные речевые акты. Данный класс речевых актов помогает говорящему осуществить этикетное речевое действие, оказать знак внимания (извинение, поздравление, благодарность и т.д.) [Трофимова 2008]. Выбор данного речевого акта обусловлен недостаточным количеством исследований, посвященных социативным речевым актам на материале немецкого языка, что также отмечается отечественными исследователями [Трофимова 2008].

Вслед за Н.А. Трофимовой мы определяем пожелание как «речевой акт, иллокутивная цель которого состоит в реакции говорящего на действие адресата либо на некоторое положение дел, касающееся адресата и требующее реализации пожелания в соответствии с нормами, принятыми в данном обществе» [Трофимова 2008]. Данный акт реализует выражение надежды на наступление определенного положения дел в жизни адресата. Он не относится к побудительным речевым актам, т.к. желаемое положение дел находится в зависимости от внешних обстоятельств [Трофимова 2008].

Как отмечают отечественные исследователи, данный речевой акт отличается стереотипностью своего языкового выражения, он сильно формализован, что исключает риск ошибиться в форме выражения и дает говорящему возможность высказать пожелание в любой жизненной ситуации. К тому же поверхностное вежливое общение является характерным для немецкой коммуникативной культуры, глубокие личные пожелания, присущие русской культуре общения, не свойственны немецкой [Трофимова 2008].

Исследование осуществлялось на материале немецкоязычного чат-корпуса Staccado (Search Tools for Annotated Chat-Corpus Analyses Dortmund), созданного в марте 2006 года в Техническом университете г. Дортмунда (Германия) известными исследователями КОК М. Байсвенгером и А. Шторрер. Данная система позволяет осуществлять поиск таких элементов, как эмодзи, ники, описания действий в заданном контексте (контекст от 1 до 20 реплик до и после искомого элемента), а также изучение реплик определенного пользователя. Поиск возможен на материале немодерируемых чатов (чатов общей тематики), а также «профессиональных» чатов (чатова-

интервью). В данном случае для исследования были выбраны чаты общей тематики.

В качестве ключевого слова для поиска был выбран перформативный мотивирующий глагол *wünschen* (желать), который является частью базового высказывания-пожелания, формула которого, по Н.А. Трофимовой, представлена как *Ich wünsche Dir/Ihnen X*. Было выявлено 123 диалогических единства с данным глаголом.

Н.А. Трофимова отмечает отсутствие разнообразия в языковом проявлении этикетных форм пожелания. Опираясь на ситуативно-временную классификацию Г. Хинделанга, она выделяет 1) сезонные пожелания (*Frohe Ostern!*), 2) пожелания, обусловленные временем суток (*Gute Nacht!*), 3) пожелания, обусловленные случаем (*Gute Fahrt!*) [Трофимова 2008]. Рассматривались также пожелания, высказанные в ситуации приветствия/прощания (*Guten Tag, Guten Abend, Guten Mittag* и т.д.), т.к. мы считаем, что формула *Guten Abend!* (добрый вечер) является эллиптической от высказывания “*Ich wünsche Ihnen einen guten Abend!*” (я Вам желаю приятного вечера!) [Трофимова 2008]. В выявленном материале, таким образом, преобладают пожелания, обусловленные временем суток (50 реплик). Следует отметить стремление пользователей их разнообразить. Например:

14:42:10 zoe34 ich wünsch euch nen supi schönen tag noch [я желаю вам супер хорошего дня]

21:56 sweet_devil ich wünsch dir eine wunderschöne gute nacht [я желаю тебе прекрасной доброй ночи].

Большинство подобных реплик высказывается пользователями при прощании, но следует отметить некоторые, высказываемые и при приветствии:

Aufreisser585 hallo zusammen! schönen abend wünsche ich! [привет всем! Хорошего вечера желаю я!].

В вышеприведенном примере оригинальность высказывания достигается при помощи обратного порядка слов.

Было выявлено очень формальное по стилю чат-коммуникации пожелание-приветствие:

20:41 Mottfried Guten Abend meine Damen und Herren [добрый вечер дамы и господа].

Часть корпуса составляют пожелания, обусловленные ситуацией:

12:41:35tom_sr ich muss wieder los, also dann, ich wünsche noch allen eine schöne tour [мне пора, желаю всем приятного путешествия]

317

20:18:00 *bubbels @baloo.na, dann...hoffen wir mal das alles gut geht.ich **wünsch dir jedenfalls viel glück!** [тогда...надеемся, что все пройдет хорошо, и я в любом случае желаю тебе удачи!]*

21:10:49 *cacharel **Gute Besserung an Ulle!** [пусть Улле поправляется!].*

Н.А. Трофимова выделяет также следующую распространенную обезличенную формулу пожелания: *Ich wünsche Dir, was Du dir selber wünschest* [желаю тебе того, что ты сам себе желаешь]. Как она указывает, в данной ситуации говорящий формально соблюдает правила вежливости, не задумываясь о том, что явилось бы благом для адресата [Трофимова 2008]. В нашем корпусе был выявлен сокращенный вариант данной формулы: *wünsche Dir (euch) was* [желаю тебе (вам) всего] (6 реплик). Например:

17:46:39 *zoe34 **ich wünsch euch was.***

Некоторые пользователи, осознавая обезличенность данной формулы, сочетают ее с другими пожеланиями:

10:56:20 *mtbiker **sodele...muss wieder weiter - wünsch euch allen was! machts gut und schönes WE... – auf ein sturzfreies rennen! CU** [итак... должен идти – желаю вам всем всего! Всего хорошего и прекрасных выходных - и безопасной гонки! увидимся].*

Часть выявленных пожеланий адресуется пользователями самим себе (12 реплик), что, на наш взгляд, говорит о центрированности чат-пользователя на себе:

10:45:58 *galamir **die letzten beiden wünsch ich mir jedenfalls** [последние два я себе желаю в любом случае].*

Следует отметить также, что в ряде случаев грамматическое выражение пожелания себе оформлено в виде сослагательного наклонения (Konjunktiv Konditionalis I): «я бы пожелал...»:

22:22:21 *lasche **so was würd ich mir ja wünschen aber darauf warten wir glaub ich vergebens** [я бы такое тоже себе пожелал, но я думаю, мы напрасно этого ждем].*

Дискурс пожеланий-поздравлений представлен перформативной формулой *Wunsch/Glückwunsch*. Было выявлено всего 7 реплик с данной формулой, что свидетельствует о ее низкой частотности в чат-дискурсе. Практически во всех выявленных случаях существительное *Glückwunsch* (пожелание счастья) сопровождается прилагательным *herzlich* (сердечный), образуя вместе пожелание-поздравление *Herzlichen Glückwunsch*:

*Seiltänzer **Herzlichsten Glückwunsch, zora :o) *handschüttel*** [сердечно желаю счастья, zora *рукопожатие*]*

Некоторые пользователи, стремясь к оригинальности, заменяют существительное *Herz* (сердце) соответствующим рисунком:

13:09:51 tempolimit ♥lichen Glückwunsch

В данном случае речевой акт пожелания сближается с речевым актом поздравления.

Классификация пожеланий немецких лингвистов включает в себя пожелания-поздравления по поводу уже наступившего события (например, дня Рождения), а также будущего удовольствия или благосостояния [Marten-Cleef 1991: 145]. К последним можно отнести пожелания удовольствия (*Viel Spaß*), удачи (*Viel Glück*), также выявленные в исследуемом корпусе (49 реплик). Например:

*13:44:24 engelchen viel spaß beim reisen,.....[приятного путешествия]
ashanti1 ich wünsche dir sehr viel glück für die zukunft und wollte sagen dass ich dich super finde!! [я тебе желаю много счастья в будущем и хотел(а) сказать, что нахожу тебя классной (классным)]*

Следует также отметить застольные пожелания, среди которых самым распространенным является пожелание хорошего аппетита (*Guten Appetit!*). Был выявлен единичный случай употребления фразы “*Lass es Dir schmecken*” (дословно: «пусть тебе будет вкусно») и не выявлено формулы “*Mahlzeit!*” в силу ее редкого употребления. Например:

22:21 Mausi[onAir] lass es dir schmecken dine-essn [пусть обед будет вкусным].

Отмечены специфичные поводы для пожелания в чат-дискурсе. Один из них заключается в пожелании «приятного полета» пользователю, удаленному из чат-канала модератором:

*19:14 Fleckenzweg (*nachruf* Guten Flug ;) Das war jetzt schon der 68. Kick bei dem ich dabei war ^^) [*крик вслед* Приятного полета ;) это было уже 68ое удаление из чата при мне ^^].*

Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что речевой акт пожелания в чат-коммуникации полиинтенционален, но в целом стереотипен в языковом выражении, что частично обусловлено немецкой коммуникативной культурой. В ряде случаев он сближается с другими речевыми актами (поздравление). Оригинальность чат-коммуникантов проявляется в использовании графики для замены определенных лексем, а также в специфике поводов для пожелания. Перспектива данного исследования заключается в сравнительном анализе функционирования данного речевого акта в других сферах компьютерной коммуникации, а также на материале других языков.

Библиографический список

Белинская Е.П. Современные исследования виртуальной коммуникации: проблемы, гипотезы, результаты // Образование и информационная культура. – М., 2000.

- Резанова З.И., Мишанкина Н.А.* Механизмы языкового моделирования виртуальной реальности //URL: http://www.iriss.ru/display_epublication?id=000150072293 (дата обращения: 21.01.2013).
- Розина И.Н.* Компьютерно–опосредованная коммуникация в педагогическом и научном взаимодействии: Материалы международной научно–практической конференции «Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах» – «Коммуникация–2002» («Communication Across Differences») Ч.1 – Пятигорск, 2002.
- Трофимова Н.А.* Экспрессивные речевые акты. Семантический, прагматический, грамматический анализ. – СПб., 2008.
- Щипуцина Л.Ю.* Компьютерно-опосредованная коммуникация. Лингвистический аспект анализа. – М., 2010.
- Beißwenger M.* «hauptsache wir verstehen uns gegeneinander». Ver(fremd)sprachlichung und Ausdrucksbildung in textbasierten Gehörlosen–Webchats // Chat–Kommunikation. Sprache, Interaktion, Sozialität und Identität in synchroner computervermittelter Kommunikation/ hrsg. von M.Beisswenger. – Stuttgart: ibidem, 2001.
- Kiesler S.* Social Psychological Aspects of Computer–Mediated Communication // American Psychologist. – № 39, 1984.
- Kouper I.* The Pragmatics of Peer Advice in a LiveJournal Community // Language@Internet- № 7. – 2010.
- Marten-Cleef S.* Gefühle ausdrücken. Die expressiven Redeakte. – Göppingen: Kümmerle Verlag, 1991.
- Orthmann C.* Kinder und Jugendliche auf der Suche nach Gesprächspartnern: «Wer will chatten?» // Chat–Kommunikation. Sprache, Interaktion, Sozialität und Identität in synchroner computervermittelter Kommunikation / Под ред. М. Beisswenger. – Stuttgart: ibidem, 2001.
- Stommel W., T. Koole.* The online support group as a community: A micro-analysis of the interaction with a new member //URL: <http://www.hum.uu.nl/medewerkers/t.koole/publicaties/Stommel%20&%20Koole%202010.pdf> (дата обращения: 13.10.2012).
- Storrer A.* Sprachliche Besonderheiten getippter Gespräche: Sprechwechsel und sprachliches Zeigen in der Chat-Kommunikation // Chat–Kommunikation. Sprache, Interaktion, Sozialität und Identität in synchroner computervermittelter Kommunikation /Под ред. М. Beisswenger. – Stuttgart: ibidem, 2001.

С.В. Андреева
Саратов

НЕКОТОРЫЕ ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ

В статье представлены некоторые наблюдения и размышления автора по поводу лингвоэкологических проблем современной речи в условиях распространения технически опосредованной коммуникации и процесса глобализации.

Ключевые слова: лингвоэкология, глобализация, поликодовость, речевая деградация, обогащение языка.

The article presents some observations and considerations of the author about lingvoecological problems of the modern speech in the conditions of spreading of technology mediated communication and process of globalisation.

Key words: lingvoecology, globalisation, polycodeness, speech degradation, enrichment of the language.

На экологию современной языковой ситуации всё активнее влияют две тенденции – распространение технически опосредованной коммуникации и расширение процесса глобализации. Как известно, лингвоэкология исследует прежде всего проблематику языковой и речевой деградации (то есть факторы, негативно влияющие на развитие языка и его речевую реализацию), а также проблемы языковой и речевой реабилитации (то есть пути и способы совершенствования общественно-речевой практики) [Сковородников 1996].

Нельзя не согласиться с размышлениями исследователей о том, что носители русского языка за очень короткое время оказались свидетелями ряда заметных языковых событий и пережили несколько культурно-речевых потрясений. Это, например, шокирующая языковая игра в виде так называемого «олбанского языка – языка падонкаф». Но главное потрясение – «язык на грани нервного срыва» [Кронгауз 2007] – это беспрецедентное расширение числа пишущих людей [Химик 2012].

Действительно, в интернет-коммуникации представлена конкуренция и смешение норм кодифицированного литературного языка и разговорной речи, письменной и устной форм речи, дистантного и контактного общения, публичного и межличностного. Так, регулируемое определенными правилами дистантное общение все больше приобретает черты контактного: возможность быстрой реакции (переспроса, захвата речевой инициативы и т.п.), неограниченный репертуар тем, эмоциональная насыщенность, доверительный тон, вплоть до фамильярного. Представляется, что такое общение условно можно назвать косвенно-контактным. И как следствие этих разнонаправленных процессов – доминирование принципа коммуникативной целесообразно-

сти над языковой традицией и прежним речевым узусом, изменение представлений молодого поколения об эталоне речи.

Специфика интернет-общения влияет на речевое поведение всего общества. Так, письменная форма речи, благодаря техническим особенностям Интернета, приобрела высокую степень структурности, получила дополнительное пространственное измерение, приобрела интерактивность. По заключению исследователей, интернет-дискурс актуализировал внимание к внешней, визуально воспринимаемой форме печатного слова, что способствует обогащению стилистических приемов за счет развития функциональных возможностей средств графической речи в рекламе, публицистике, языке художественной литературы [Усачева 2012: 223]. Активно используется игра со шрифтами и другие технические ресурсы компьютера, в том числе особые средства для реализации коммуникативных задач – невербальные средства веб-коммуникации (смайлы и т.п.). Ярким примером может служить символ широко улыбающегося подмигивающего клиента в логотипе стоматологической клиники «Дента» (;-Дента). В устном межличностном общении все чаще можно услышать утрированное игровое произношение *дедушк[о],уж[о]с* и т.д.

Вместе с тем в зеркале устного и письменного общения молодежи отражаются и далеко не привлекательные черты интернет-речи... В результате нашего анализа речи студентов и записок школьников 6–9-х классов был выявлен целый список трансформированных средой Интернета слов и выражений, проникших в устную и письменную речь молодежи (*прива, конеш, пасиб, кого-нить, тя, чё, яси, оч, норм, лан, йа, СПС, ванилька, фсем, любоф* и др.).

Исследователи отмечают, что в интернет-речи всё отчетливее проявляются негативные процессы, происходящие в сознании пользователей (прежде всего определенной возрастной группы):

- несоблюдение орфографических и пунктуационных норм;
- манипулятивное использование слов с сильной отрицательной оценочностью, базирующееся на незнании средств речевой выразительности;
- не всегда осознанный речевой цинизм;
- растабуирование мата;
- массовая жаргонизация речи.

В разных областях современной науки активно обсуждается и вторая рассматриваемая нами тенденция – феномен глобализации, под которым понимается внедрение единых для всего мира лексических обозначений на основе английского языка.

Явление глобализации используется в коммуникативно-прагматических целях. Так, в программе научно-образовательного фестиваля «Неделя педагогического образования», проведенного в Саратовском университете, значился «Педагогический Гайд-парк». Гайд-парк известен в Лондоне как традиционное место проведения политических митингов и собраний. Появившаяся номинация призвана обозначить общественно значимые свободные публичные дискуссии о парадоксах и реалиях современного школьного обучения. Данное словосочетание создает своеобразный стилистический эффект, построенный на актуализации транснациональных фоновых знаний.

Проявление процесса глобализации можно увидеть также в том, что для наименования общественно важных явлений используются англоязычные эквиваленты. В выступлениях современных политиков наблюдается процесс явной активизации иноязычной лексики, а также внедрения в лексическое значение общелитературных слов семантических компонентов иностранных слов. Внутренне немотивированное значение иноязычного слова помогает завуалировать позицию политика. Мы разделяем беспокойство исследователей о том, что эти процессы могут иметь неблагоприятные последствия: проблема понимания и продуцирования публичных текстов, нарушение диалога государства и общества, отчуждения граждан от политики. Общественная значимость этого процесса возрастает, поскольку слова политика тиражируются СМИ, оказывая влияние на массовую аудиторию. В СМИ появляются слова, оторванные от реальной жизни настолько, что могут быть вставлены в любой контекст. Они как бы прозрачны, «бесформенны», не имеют корней в принимающем языке. По меткому выражению С.Г. Кара-Мурзы, это «слова-амебы», существенным признаком которых является их кажущаяся научность [Кара-Мурза 2002].

Наглядным примером «слова-амебы» оказалась лексема «ваучер». По справедливому утверждению В.Е. Болдырева, большинство россиян и сейчас не могут определить его точное значение. «Но тогда, в 1992 году, когда появилось это слово, его не знал никто, за исключением кучки людей, которые занимались приватизацией. На самом деле за ваучерами стояло имущество страны, национальное достояние, «поделенное» на число жителей. Однако никто этого не осознавал, и население продавало ваучеры за бесценок, лишая себя права на имущество государства. Эта история наглядно показывает, какое влияние на человека могут оказывать подобные слова» [Болдырев 2009: 104].

Широкое использование иноязычных слов в русскоязычном дискурсе мы наблюдаем и в Интернете. Это связано прежде всего с введением в нашу

жизнь новых вещей, предметов, отношений и т.п. или с созданием эффекта чужой реальности. Похожую функцию выполняют варваризмы, однако глобализмы называют общеизвестные вещи или новые реалии, привнесенные самим Интернетом:

Краем глаза видел торренты StarCraft 2. Надо дожить до дома и пошариться – может, они уже даже с кряком? Было бы приятно.

В приведенной записи используется компьютерный жаргон на основе иноязычной технической лексики: «торренты» (от англ. BitTorrent – «битовой протокол», сетевой протокол для обмена файлами), «пошариться» (производное от англ. Shareware – свободное распространение программ) и «кряк» (от англ. Crack, «взлом» программа для взлома программного обеспечения).

Иноязычные компьютерные термины перерабатываются и русифицируются. По мнению исследователей, компьютерному жаргону присущи наличие письменной формы, частичная «кодификация» и стремление к открытости, что позволяет ему выполнять широкий спектр языковых функций, присущих литературному языку [Какорина 2010: 278].

«Двуязычность и двуалфавитность» все чаще применяется в неделовом повседневном общении русскоязычных пользователей. Сетевое общение очень зависимо от знания пользователем латинского алфавита наряду с русским, которое является необходимым условием коммуникации. Как известно, прием, условно называемый *лытдыбр* (lytdybr), возник при попытке написать слово «дневник» средствами латиницы. Смешение двух языков порождает графические макаронизмы [Капанадзе 2005], разнообразные гибриды и даже слова-«кентавры» [Крысин 2010]. Поликодовость подчеркивает принадлежность и степень адаптивности пользователя к специфической коммуникационной среде. Выбор языка обусловлен коммуникативными задачами и предпочтениями пишущего, а также следованием моде.

Как показывают наблюдения, явление поликодовости как следствие процесса глобализации «набирает обороты». Обратимся к феномену интернет-поэзии, который в силу своей относительной новизны и разнообразия изучен мало. Признавая вторичность такой поэзии, исследователи отводят ей существенную роль в формировании литературных вкусов.

Инкорпорирование англицизмов в стихотворный текст особенно популярно у «поэтического народа» юного возраста. Попытаемся выявить некоторые функции английских вкраплений в русскоязычные тексты молодых поэтов.

Первая функция – рифмообразующая:

<...>Мечты запретные **at night**.

На эту жизнь кто дал мне **right**?<...>

Русские эквиваленты слов *at night* и *right* не рифмуются.

Вторая функция – стилеобразующая:

<...>**Sleep** мой ангел *sleep*

Не бойся ничего

Твои руки в моих<...>

По правилам английского языка двойное «е» читается как долгий [и:], а в русском эквиваленте звук [и] краткий. По тематике стихотворение напоминает колыбельную или романтическую песню. Видимо, появление английского «sleep» обусловлено желанием придать строкам больше протяжности, мелодичности.

Третья функция – прецедентность текста:

<...>*не забывай меня, помни, что **I'll be back.***

мы никогда не умели с тобой прощаться.

и потому нам свойственно возвращаться...

каждый из нас, к сожалению, человек.<...>

По мнению автора, многие должны узнать знаменитое выражение главного героя фильма «Терминатор».

Четвертая функция – лингводидактическая (функция обучения):

Громким эхом прозвенел

*На урок веселый **bell.***

Будет очень интересен

*Самый первый **English lesson.***

Это одно из девяти четверостиший стихотворения, которое автор назвал «Урок английского для детей». Все употребленные в тексте английские слова стоят в конце строки, образуя рифму с русскими, что облегчает их запоминание.

Пятая функция – самопрезентация, стремление к оригинальности, демонстрация осведомленности в компьютерной терминологии:

Ищу тебя в этом море

Тире и точки в эфире

Ответит бегущая Оля

*Лишь **404***<...>

Здесь «404» читается на русском языке, образуя рифму со словоформой *в эфире*. Зная компьютерную терминологию на английском языке, мы понимаем, что *ошибка 404* или *Not Found* («не найдено») – это стандартный код ответа HTTP о том, что клиент был в состоянии общаться с сервером, но сервер не может найти данные согласно запросу.

Применение другого кода может быть обусловлено как объективными, так и субъективными причинами. К объективным, как было показано, отно-

сятся введение новой реалии, нового оттенка смысла, которого не было в русском языке, интенсивный поиск форм и средств выразительности.

С другой стороны, набирает силу субъективный фактор – дань моде, престижность. Неоправданную поликодовость провоцирует желание выделиться, быть в центре внимания, включиться в языковую игру. И тогда это вряд ли «расширение возможностей языка», скорее – «игра в бисер» [Какорина 2010: 300].

Каковы же «языковые следствия речевых изменений»?

Первая тенденция – распространение интернет-коммуникации. Мы не можем не видеть положительных и отрицательных сторон формирования сетевого образа общения, «третьей формы речи», «новой речевой формации», а следовательно, и языкового мышления. Как положительное можно отметить замещение прежнего эпистолярного жанра электронной перепиской, что приводит к коммуникативному новаторству пользователей (именно *замещение*, а не «возрождение», как считают некоторые исследователи – С.А.). Мы действительно наблюдаем «взрыв народного речетворчества», захватывающий все языковые уровни.

Отрицательный момент состоит в том, что в связи с тенденцией к демократичности общения утрачивается коммуникативная компетентность в жанровой и стилистической уместности использования языковых средств, снижается общая грамотность речи, что заставляет исследователей «более пристально изучать уже привычный для лингвистики феномен навязывания обществом своих правил и норм языковой системе (точнее *речевому узусу* – С.А.)» [Никитина 2012: 179].

Не вызывает сомнения необходимость изучения интернет-общения для современной коммуникативистики и, безусловно, для лингвоэкологии. По мнению ученых, интернет-тексты, занимая важное место в системе современной русской речевой коммуникации, оказываются значимыми при поиске ответа на вопрос: «Что происходит с русским языком?» [Сиротина 2005: 5-15].

Вторая тенденция – расширение процесса глобализации. Как позитивный фактор нужно отметить стремление пользователей создать универсальное средство коммуникации, некий единый дискурс, иноязычные слова в котором демонстрируют принадлежность индивида к современному мировому пространству, желание участвовать в решении актуальных мировых проблем и т.д. Глобализмы способствуют возрастанию информационного ресурса языка, обновляя и расширяя его сферу.

Вместе с тем увеличивается количество английского языка в нашем информационно-коммуникативном языковом пространстве и, как следствие,

утрачивается языковое богатство русского языка, т.е. многообразные связи с миром, деформируется мировосприятие. Трудно не согласиться с тем, что «современный россиянин, в пугающем своем большинстве, – лишь потребитель информации, которая готовится на весьма специфической кухне. <...> С каким упоением «продвинутый винер» или зачуханный «лузер» вставляет в убогую речь чужеродные, непонятные, но так ласкающие слух словосочетания. Каким «драйвом» заряжается, заткнув уши наушниками, откуда извергается какофония звуков и абсолютно непонятный текст!» [Петров 2012: 88].

О пугающей перспективе латинизации русского письма предупреждал М.Н. Эпштейн: «Возможная латинизация – это лишь проекция ускоряющейся варваризации. Русский язык наводняется английскими словами, которые предпочтительно читать на латинице, где их корень и смысл прозрачны. <...> По-русски они звучат и выглядят дико, мертво, как железобетонная конструкция в березовой роще» [Эпштейн 2005]. Несомненно, переключение кодов в дискурсе (а в особенности их смешивание) «расшатывает языковую норму, снижает порог чувствительности к ее нарушениям, дестабилизирует жизнь языка» [Денисова 2004]. Поддерживая стремление мирового сообщества к глобализации, не следует забывать о сохранении собственной самобытности и культурной уникальности. Языковая личность характеризует каждого отдельного человека, но только как представителя определенной лингвокультуры. В таком аспекте языковая личность предстает как единство языкового мышления и речевого поведения человека. Представляется, что иноязычное влияние может привести к вытеснению из русского языкового сознания важных элементов национальной картины мира и оценочных смыслов, к искажению системы русского языка.

Перед отечественными лингвистами в полный рост встают такие вопросы, как язык и национальный менталитет, реальное функционирование языка в разных социальных сферах, экология языка СМИ, лингвоэкологические проблемы речи в условиях процесса глобализации, лингвоэкология преподавания русского языка.

На вопрос, поставленный в названии статьи В.В. Химика «Русский язык в Интернете и за его пределами: живой или мертвый?», сам автор отвечает, что активное осваивание иноязычных заимствований свидетельствует «о живости (хочется добавить – *и жизненности!* – С.А.) русского языка, о его открытости по отношению к мировой культуре...» [Химик 2012: 254]. О.Б. Сиротина предполагает, что еще не пройдена точка «невозврата», лингвистическая экология в России развивается, «чтобы негативное возможное не превратилось в реальную судьбу языка» [Сиротина 2009: 11].

Библиографический список

- Болдырев В.Е.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. Курс лекций. – М., 2010.
- Денисова С.П.* Глобализмы в языке массовой коммуникации //Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка. – М., 2004.
- Какорина Е.В.* Язык интернет-коммуникации // Современный русский язык: Система – норма – узус. – М., 2010.
- Капанадзе Л.А.* На границе письменного и устного текста: структура и тенденции развития электронных жанров //Голоса и смыслы. – М., 2005.
- Кара-Мурза С.Г.* Язык как средство господства // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности. – Воронеж, 2002.
- Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. – М., 2007.
- Крысин Л.П.* Слова-«кентавры» //Русский язык в школе. – 2010. – № 9.
- Никитина Ю.Н.* Влияние интернет-коммуникации на стилистику современного русского языка // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – Т. 1. – СПб., 2012.
- Петров В.М.* "Короче, блин, давай! Пока..." // Русская словесность как основа возрождения русской школы. – Липецк, 2012.
- Сиротинина О.Б.* Вероятное и возможное в судьбе русского языка (размышления на основе фактов его изменений в начале XXI века) // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2009. – Вып. 9.
- Сиротинина О.Б.* Что происходит с русским языком // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2005. – Вып. 5.
- Сковородников А.П.* Лингвистическая экология: проблемы становления //Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – Красноярск – Ачинск, 1996.
- Усачева О.Ю.* Функциональные возможности графической речи в межличностной интернет-коммуникации // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – Т. 1. – СПб., 2012.
- Химик В.В.* Русский язык в Интернете и за его пределами: живой или мертвый? //Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – Т. 1. – СПб., 2012.
- Эпштейн М.Н.* Русский язык в XXI веке. Проективный лексикон русского языка // Дар слова. – 11.09.2005. – № 127.

М.А. Кормилицына
Саратов

«СИГНАЛЫ» ТРАНСФОРМАЦИИ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В МЕЖЛИЧНОСТНУЮ В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ

В статье рассматриваются речевые «сигналы» сближения массовой коммуникации с межличностной: субъективизация, актуализация авторской позиции, субъектно-модальные, рефлексивные метатекстовые средства, диалогизация монолога, эмоционально-оценочная тональность.

Ключевые слова: *массовая коммуникация, межличностная коммуникация, авторская позиция, метатекстовые средства, диалогизированный монолог, эмоционально-оценочная тональность.*

The report analyses the speech “signals” of mass and interpersonal communication convergence: subjectivization, actualization of the author’s position, use of subjective modality and reflexive metatextuality, dialoguization of monologue, affective evaluation.

Key words: *mass communication, interpersonal communication, author’s position, metatextuality, dialoguization of monologue, affective evaluation.*

Среди активных процессов, происходящих в современных печатных СМИ, исследователи называют демассовизацию. Она заключается не только в том, что растет число изданий, адресованных определенным группам читателей (появился даже термин «индивидуальные масс-медиа»). Снижается официальность речи, увеличивается доля «ты»-общения, создается тональность, располагающая к откровенности и доверительности. СМИ начинают претендовать «на общение не только «со всеми», но и с «каждым», стараясь создать эффект доверительности» [Сомова 2012: 3].

Этот процесс стал особенно заметен в конце прошлого, XX века, когда журналист получил возможность выразить личную, авторскую позицию по поводу многих социально значимых проблем, когда в публикациях усилилось личностное начало [Кормилицына 2003]. Массовое общение приобрело многие свойства межличностного: единое смысловое пространство, партнерство, интерактивность и некоторые др. [Межличностная 2011].

Журналисты, как и участники межличностного общения, стремятся учитывать интересы, уровень культуры, знаний, социальный статус и другие качества адресата, вовлекая его в процесс общения всеми доступными средствами. Адресат становится значимым участником общения. Он находит в текстах СМИ то, что соответствует его предпочтениям и интересам. Это приводит к размыванию границ официального и неофициального, публичного и обиходно-бытового, массового и межличностного общения: «Самое главное здесь – изменение взаимоотношений с читателем. Читатель стал ближе, СМИ

подошли к читателю на более близкое расстояние в том смысле, в каком в повседневности мы ближе к собеседнику, чем в официальной обстановке» [Коньков и др. 2004].

В журналистском тексте можно заметить разнообразные «сигналы» трансформации массовой коммуникации в межличностную. Основными из них можно считать активизирующиеся в печатном тексте средства субъективизации, актуализирующие фигуру автора публикации: разнообразные метатекстовые средства, проясняющие авторскую позицию; диалогизированный монолог; показатели эмоциональной напряженности текста; средства адресованности, создающие эффект интерактивности, и др.

С помощью метатекстовых средств автор сообщает, о чем будет говорить, подчеркивает, дополняет, иллюстрирует, подытоживает, размышляет над выбором тех или иных средств выражения своих мыслей, то есть строит текст с учетом реакций, ожиданий читателя [Харламова 2000]. Среди таких средств можно назвать довольно объемные фрагменты, так называемые «тексты в тексте», в которых автор знакомит читателя с размышлениями “по поводу...”. Эти отрезки текста придают публикациям яркую личностную и эмоциональную окраску, а именно личностные смыслы, как мы уже отметили, считаются «важными определяющими любого межличностного взаимодействия» [Межличностная 2011]. Часто с таких текстов начинается публикация, задается тональность последующего текста: *В МОРОЗНУЮ субботу 15 декабря я был у Соловецкого камня. Я видел и слышал, как «гуляющие» вместо цветов клали на камень плакаты с оскорблениями власти и покрывали матом полицейских. «Уроды» – самое безобидное, что звучало из уст некоторых представителей креативного класса. И меня это задело... Потому что кое-что помню. А помню своего деда, репрессированного в 30-е годы. И далее идет большой фрагмент текста, в котором журналист рассказывает о своих близких и их отношении к власти и другим людям. Завершается этот фрагмент так: *Но говорю об этом не просто так, а потому, что для него и для меня Соловецкий камень и Вечный огонь – равнозначные святыни. И я был потрясен и оскорблен, когда одну из этих святынь осквернили на моих глазах* (РГ). Иногда такого рода отрезки публикации графически отделяются автором от остального текста (скобками и курсивом). Иногда автор повествует о собственных действиях, предпринимаемых им в поисках истины, и размышлениях по этому поводу. Это метатекст со значением “автор в поисках истины” [Матвеева 1990], «сюжет в сюжете» с ведущей «я»-темой: *Сначала мне показалось, что в моем случае стоит говорить о некоей чисто индивидуальной фобии. Но вскоре меня озарило: мои ощущения – это микроскопическая часть некоей мощной политической волны, не более, но и не менее* (МК).*

В текстах СМИ наблюдается процесс резкого увеличения, «всплеска» самых разнообразных типов метатекстовых высказываний. Конечно, появление метатекстовых конструкций и их характер во многом зависит от жанра. Больше всего их в аналитических статьях, колонках, интервью, круглых столах и др., то есть в таких текстах, в которых самым важным для журналиста является выражение авторской, личностной позиции по поводу обсуждаемой проблемы: он пытается максимально доступно донести свои мысли до адресата, обеспечить правильное их понимание. Обилие в публикациях метатекстовых средств, выполняющих субъективно-модальную и рефлексивную функции, позволяет автору сделать читателя своим единомышленником и убедить в правильности собственного мнения. Фактически эти приемы создают эффект интерактивности, непосредственного присутствия адресата, обеспечивают обратную связь с собеседником, характерную для межличностного общения. Такими метатекстовыми средствами являются, прежде всего, авторизирующие конструкции с лексемами, отражающими мнение автора: его уверенность и убежденность, сомнение, категоричность или проблематичность. Сюда же следует отнести метатекстовые конструкции, помогающие читателю выделить, обратить внимание на наиболее важные суждения автора: *Я хочу подчеркнуть то, какое значение придавал Лихачев гуманитарному образованию* (РГ). Графическое выделение слова – нередкий в современной прессе способ помочь адресату обратить внимание на главную мысль автора: *Итак, все всем понятно, кроме как всегда, одного: да почему это Я должен уступать? Пусть ОН уступит! Функция – функция единственного ВЗРОСЛОГО политика в России – состоит не только в том, чтобы следить за порядком, но и в том, чтобы вдумчиво слушать все звуки, издаваемые остальными политическими детьми* (РГ).

С помощью таких средств автор не только акцентирует внимание адресата на теме сообщения, называя ее, но и заявляет о своем коммуникативном намерении, которое становится понятным, очевидным для адресата: *Рассказываю эту предысторию к основной теме моей статьи только для того, чтобы читатели еще раз убедились: ничего само собой в судьбе талантливого человека не бывает* (ЛГ). Акцентирование может осуществляться с помощью дискурсивов *кстати, кстати говоря, между прочим и др.*, которые характерны в основном для повседневной речи. Именно из неё они пришли в публицистику, создавая иллюзию ассоциативного спонтанного рождения мысли.

Авторы постоянно подчеркивают специальными средствами, что обсуждаемая проблема касается жизненных интересов читателя. Используется столь частотная в межличностном гармоничном общении тактика повышения

информативного статуса адресата. С этой целью часто в публикации используются лексемы синонимического ряда с доминантой *важно: важно, интересно, актуально, полезно, просто, значимо: Общий ответ на вопрос: «Какое правительство нужно России?» - прост. Квалифицированное, дееспособное, эффективное, ответственное перед обществом, а также необременительное для нас как налогоплательщиков (ЛГ).*

От понимания со стороны адресата во многом зависит эффективность и успешность речевого взаимодействия как в массовой коммуникации, так и её в межличностной, что их сближает. Поэтому задача журналиста – отобрать наиболее целесообразные в конкретной речевой ситуации средства адресованности речи. Они должны помочь ему максимально активизировать внимание, мыслительную деятельность, а иногда и чувства собеседника, а значит, обеспечить непрерывность речевого взаимодействия, избежать коммуникативных неудач.

Проявлением исследуемого процесса является диалогизация монологической речи. Журналист имитирует живой диалог с читателем, используя разнообразные синтаксические конструкции диалогической речи: риторические вопросы; вопросно-ответные единства; многочисленные вопросы, обращенные и к читателю-единомышленнику, и к самому себе.

С помощью этих средств журналист создаёт эффект непосредственного интерактивного общения с читателем, а активная обратная связь с адресатом является одной из существенных характеристик межличностной коммуникации. Ответные реплики представляют собой реакцию автора на заданный вопрос: *Так что же, нам себя еще больше ослабить?! – вправе спросить уязвленный читатель. Боже упаси, да это и вообще нелепая постановка вопроса... (РГ).*

Журналист прямо обращается к читателям, использует “ты”- и “вы”-высказывания с глаголами речи, мысли, чувства: *Вы понимаете, что происходит? Скажите, пожалуйста, такое может быть, чтобы в физике или психологии наука вдруг развернулась на три века назад? Вдруг, скажем, решили, что нет подсознания – и стали из этого исходить. Абсурд? Абсурд (РГ); А вот если читатель «Российской газеты» возьми, да и подумай: чего это, собственно говоря, автор про все это рассказывает? По какому такому поводу? (РГ).*

Часто в самом тексте публикации журналист не просто прямо апеллирует к чувствам читателя, но и пытается вызвать ответную реакцию, аналогичную своей, настроить читателя на ту же эмоциональную волну, призывая его быть солидарным с авторской точкой зрения: *В какую прошлую эпоху от граждан требовали поступиться «своими мелкими личными интересами»*

ради «торжества чего-то светлого и великого»? Да, память вам не изменила. Это было в эпоху, когда Михаил Булгаков написал «Собачье сердце» (МК). Он демонстрирует глубокую убежденность в том, что читатель разделяет его позицию. Вовлечение читателя в совместное оценивание ситуации является одновременно и приемом, направленным на интимизацию общения.

Используются в диалогизированном монологе и самые разнообразные конструкции согласия/несогласия. Журналист стремится выразить эти смыслы корректно, мягко. Это особенно важно при дистантном общении, потому что слишком категоричное, безапелляционное несогласие может оттолкнуть читателя и привести к сбоям в коммуникации. Эффективнее использовать средства так называемого «возражения под видом согласия» (А.Д. Шмелев). Они являются показателем стремления к сотрудничеству, к поискам точек соприкосновения во взглядах, смягчающим категоричность оценок и позволяющим избежать коммуникативных неудач: *Да, у нас гремят взрывы, и терроризм ставит свои черные рекорды. Но, согласитесь, только массированным финансированием эти проблемы не решить. Надо менять своё отношение к национальной безопасности* (Изв.).

Риторические вопросы тоже используются автором для более эффективного воздействия на читателя, заставляя его задуматься над поднимаемой автором проблемой: *Ну, правда же: если нам так нравится наступать на одни и те же грабли, то, может быть, имеет смысл грабли изучить? Вдруг тогда наступать больше не захочется?* (РГ). Такие вопросительные конструкции обычно встречаются в текстах, отличающихся напряженной экспрессивно-эмоциональной тональностью. Повышенная эмоциональность, как известно, является одним из важнейших показателей неофициальной речи, межличностного общения. Ведь именно передача своих эмоций по поводу событий и оценок – ведущая цель этого типа общения (см. об этом: [Кормилицына 1998]). Авторы прямо обращаются к чувствам читателя, пытаются вызвать ответную реакцию, аналогичную своей, призывая читателя быть солидарным с авторской точкой зрения: *То, что такая книга выходит таким тиражом – еще раз внимание! – позор!* (РГ); *Отчего сейчас вдруг ловишь себя на мысли: жить-то без такой вот «непритязательности» и «естественности» тошно? Отчего вот так бесхитростно признаться: «Я люблю тебя, жизнь» - сейчас как-то совсем уж наивно, если не глупо. У меня одного такие ощущения? Да вряд ли* (РГ).

Ярким сигналом сближения массовой коммуникации с живым обиходным общением в печатных СМИ является широкое распространение в текстах СМИ разговорных элементов. «Публицистический дискурс в его пись-

менной форме в целом становится более разговорным, приобретает значительное число устных черт, использует приемы, характерные преимущественно для устной речи» [Стернин 2003, 100]: *Как вам? Может, взять на вооружение, дабы быть совсем уж последовательными?* (РГ); *Да что там Дюма-отец!* (РГ).

С помощью средств разговорности так же, как и при диалогизации, создается эффект живого устного интерактивного общения. Следует отметить, что раскрепощенность в межличностном общении является одним из ярких показателей современного речевого поведения коммуникантов. Этот же процесс наблюдается и в СМИ. Широко используются с этой целью, например, парцеллированные конструкции, которые подают информацию порциями, соответствующими возможностям оперативной памяти адресата. Чаще всего парцелляции подвергаются сложные предложения, передающие самые разные логические отношения между ситуациями: причинно-следственные, условные, причинные, уступительные, целевые: *Времени хватает. Потому как сегодня уже все уяснили – кризис надолго* (ЛГ); *России нужна другая армия, эффективная, но не менее боеспособная. Без побочных затрат, в том числе и на бюрократию* (Изв.).

Назовем еще некоторые синтаксические сигналы разговорности, распространенные в аналитических статьях и колонках современной прессы. Это и короткие, неполные предложения, реже прерванные конструкции; и характерный только для разговорной речи порядок слов; и использование в качестве текстообразующих средств разговорных частиц и стереотипных разговорных клише-реакций. Вот несколько примеров подобных конструкций: *Вот был всем пиарам пиар. Ежедневно по десять раз на дню населению дули в уши: ах, как хорошо станет жить, когда бесплатный проезд и лекарства вам заменят на четыреста рублей в месяц.* (МК); *Вы будете смеяться, но история снова про Путина и снова про его телемост* (НГ).

Проявлением процесса сближения массовой коммуникации с межличностной является широкое проникновение в СМИ некоторых жанров неофициальной речи, например, жанров «слухи», «закулисные» разговоры, предназначенных для распространения правдивых или злостных слухов и сплетен [Костомаров 2005]. В целом ряде газет появились регулярные рубрики «Слухи, сенсации», и даже в таких серьезных изданиях, как «Известия», «Российская газета», «Литературная газета» время от времени появляются подобные публикации. Поэтому степень доверия в обществе к публикуемым слухам увеличилась. Когда в руки журналиста попадает сенсационная, но непроверенная информация, которую очень хочется опубликовать, он оформляет ее как жанр слухов. Газеты приняли на себя и функцию продуцирования слухов, превратились фактически в орган, фабрикующий, распространяющий и культивирующий их [Осетрова 2010]. Номинации *слухи, сплетни, молва*, модное сло-

вечко *слухмейкеры* помещаются в конструкции, предназначенные для точного указания на источник информации. В «Московском комсомольце» в рубрике «Рейтинг слухов» вся информация предваряется конструкциями типа: *Слухмейкеры утверждают...; Такая сумма, как судачат слухмейкеры, потребуется для того, чтобы...; Другие слухи гласят...* (МК). И в популярной газете «Аргументы и факты» открыли подобную рубрику. В последних выпусках АиФ эта рубрика переместилась в раздел «Главное», где публикуются обычно самые значимые новости. Все сообщения здесь строятся по единой схеме: запрос информации – ответ-комментарий. Используется стереотипная конструкция *говорят*, типичная в бытовой речи, где она используется для передачи всяческих сплетен: *Говорят, что еще несколько депутатов Госдумы лишат мандатов. Комментарий «АиФ»: Новые кандидаты на вылет – коммунист К. Шишов и «справоросс» О. Михеев.*

Таким образом, рассмотренные нами только некоторые «сигналы» сближения массовой коммуникации с межличностной свидетельствуют об активности в газетных текстах процесса размывания границ публичного и обиходного общения.

Библиографический список

- Коньков В.И., Потсар А.Н., Сметанина С.И. Язык СМИ: современное состояние и тенденции развития // Современная русская речь: состояние и функционирование. – СПб., 2004.
- Кормилицына М.А. Усиление личностного начала в русской речи последних лет // Русский язык сегодня. Вып.2. Сб. статей./ РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М., 2003.
- Кормилицына М.А. Разговорность как реализация стратегии близости к адресату в современной прессе // Язык в движении. – М., 2007.
- Кормилицына М.А. Антропоцентризм разговорного текста // Вопросы стилистики: Межвуз. сб. науч.тр. – Саратов, 1998. – Вып. 27.
- Костомаров В.Г. Наш язык в действии. – М., 2005.
- Матвеева Т.В. Текстовые категории в аспекте функциональных стилей. – Свердловск, 1990.
- Межличностная коммуникация: теория и жизнь /О.И. Матяш, В.М. Погольша и др. – СПб., 2011.
- Осетрова Е.В. Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде: речеведческий аспект. Автореф. дисс.... докт. филол.наук, – Красноярск, 2010.
- Сиротинина О.Б. О терминах «разговорная речь», «разговорность» и «разговорный тип речевой культуры» //Лики языка/ РАН – М., 1998.
- Сомова А.Е. Средства адресованности в жанре спортивного телерепортажа. Автореф. дисс....канд. филол. наук. – М., 2012.
- Стернин И.А. Проблемы прогнозирования коммуникативного и языкового развития России в первой половине XXI века //Русистика. – Киев, 2004. №4.
- Харламова Т.В. Textoобразующие средства в устной речи. Дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2000.

А.И. Матяшевская
Саратов

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ В БРИТАНСКИХ ГАЗЕТАХ THE GUARDIAN И THE INDEPENDENT

В статье рассматривается сниженная лексика в британских «качественных» газетах. Определены её функции, частотность, источники.

Ключевые слова: язык СМИ, речевая культура, нарушения нормы.

The article presents the analysis of substandard vocabulary that is used in the British «quality» newspapers. It describes the functions, frequency of occurrence and sources of these words.

Key words: mass media language, speech culture, violation of the norm.

В статье анализируется функционирование сниженной лексики в британских «качественных» газетах с целью установить, в каких случаях и с какой целью используются сниженные элементы, определить степень целесообразности их употребления и его зависимость от типа рассматриваемого издания. Материалом исследования послужили онлайн версии ежедневных англоязычных газет The Guardian и The Independent. Выбор данных изданий обусловлен принадлежностью обеих газет к разряду уважаемых, «качественных». Их объединяет серьезность тематики, интерес к актуальным общественно-политическим и остросоциальным проблемам, вопросам экономики, искусства, культуры и спорта, а также ориентация на вдумчивого, анализирующего, высокоэрудированного медиа-адресата.

Как показало исследование, на 100000 словоупотреблений в газете The Guardian (далее – G) приходится в среднем по 124 сниженные единицы, в газете The Independent (далее – I) – по 132 единицы (в обоих изданиях сниженные и нейтральные словоупотребления соотносятся как 1:1000), тогда как в ранее исследованных нами газетах The Observer (довольно серьезное, опирающееся на факты издание, тем не менее, не лишенное некоторых элементов «желтизны») и тяготеющих к сенсационности и скандальности таблоидах The Daily Star и The Sun на 100000 словоупотреблений приходится по 210, 328 и 500 сниженных элементов соответственно [Матяшевская 2012].

Поскольку словарные пометы нередко отстают от реального функционирования единиц в речи, для выделения сниженных элементов нами были использованы ресурсы постоянно обновляющегося электронного словаря Longman. В качестве словарных помет, характеризующих данные словоупотребления, считались: informal – лексема воспринимается как неофициальная, что примерно соответствует помете «разг.» в отечественной лексикографии

(далее – inf); spoken – использование лексемы характерно только для разговорной речи; taboo (rude, offensive) – грубая, оскорбительная лексика, часто заменяемая звездочками в газетном тексте. В виде дополнительных помет иногда выступают BrE или AmE, указывающие на принадлежность сниженной лексемы к британскому или американскому варианту английского. Существенной разницы в выборе слов с пометой «informal» или «spoken» в британской прессе нами не обнаружено. Тем не менее, считаем необходимым отметить преобладание в рассмотренных изданиях элементов с пометой «informal» (G – 69,2%, I – 69% от общего количества сниженных единиц); сниженные лексемы с пометами «spoken» составляют 27,9% в G и 20,7% в I, с пометой «taboo» – 2,9% в G и 10,3% в I соответственно.

Одной из основных целей журналиста, мотивирующей выбор сниженной лексемы, является стремление говорить «на одном языке» с читателем, тем самым достигая взаимопонимания со своей потенциальной аудиторией. Использование сниженных элементов в контактоустанавливающей функции придает повествованию естественность, непринужденность, подчеркнутую небрежность живого общения, например: *Jani will talk to her (to her friend Dani – A.M.) about her imaginary rats and Dani **doesn't bat an eye** (inf – G 21.01.2013); **The globe-trotting** (inf) prince has always travelled by private jet or in the First Class. (I 31.01.2013). Во многих случаях журналист не ограничивается употреблением сниженной лексемы, добавляя к ней риторические вопросы или восклицания: *That's the minimum amount of reserves – 5% of its new budget – recommended by public spending watchdog the Audit Commission. If that's the level to which the government has stooped, **heaven help us!** (sp – G 22.01.2013); *Did I not extol the virtues of resisting the fatal urge **to blow** (inf) next month's food budget on Prada shoes and luxury cushions?* (G 30.01.2013)**

Иногда журналист привлекает внимание читателя, непосредственно обращаясь к нему с вопросом, тем самым подчеркивая важность мнения потенциальной читательской аудитории: *So given that it's as much a chore as a treat, what do you think the point of restaurant reviews is? And should critics be **foodies** (inf) or writers?* (G 13.02.2013) В примере *The tube will run until at least 2 a.m. on Fridays and Saturdays from 2015! Mike! **Where the bloody** (BrE sp) **hell** (sp, not polite) have you been all my life?* (I 31.01.2013). Автор статьи выражает восторг относительно предложения политика продлить часы работы метро и обращается к нему словно к закадычному другу, хотя, скорее всего, они вовсе незнакомы. В вышеуказанных примерах можно говорить о применении риторической категории разговорности [Сиротина 1998], вооружившись которой, журналист с легкостью располагает к себе читателя: тем самым достигается эффект сопричастности; читатель становится собеседником журнали-

ста, разделяющим его интересы и взгляды.

Иногда отказ журналиста от стилистически нейтральных конструкций мотивирован яркой экспрессией разговорных лексем, расширяющих эмоционально-оценочные возможности статьи. В следующих примерах сниженная лексика служит для достижения предельной эмоциональности, точности выражения: *The BMC (The British Mountaineering Council – A.M.) in the late 1980s was going through a sticky patch* (inf – I 31.01.2013); *Then he hit paydirt* (AmE inf). *Someone had written: “I know this guy! I grew up with him”* (G 12.02.2013); *Question and answer might seem ambiguous but the tabloids went berserk* (inf – G 22.01.2013).

Кроме того, иногда сниженная лексика призвана передать эмоциональную реакцию журналиста, четко и ясно изложить его позицию, выразить его резко отрицательное отношение к предмету обсуждения, например: *Would you say your evenings are so taken up with relaxing, crap* (sp, not polite) *telly* (BrE inf) *you can never find the time to impress your bosses by putting in that extra bit of work?* (I 31.01.2013); *I think my irritation has a great deal to do with a feeling that it's all a massive con* (inf) *and not, in fact, romantic at all.* (G 13.02.2013)

В рассмотренных нами британских изданиях журналисты стараются избегать прямых оценок, ссылаясь при этом на мнение других издателей или неопределенного большинства своих читателей, например: *A Washington Post editorial today slams Berlusconi's speech for dangerous claptrap* (inf) *it is.* (I 31.01.2013); *Many, of course, mindful of the horror Idi Amin inflicted on his country for eight terrible years, say good riddance* (sp, rude – G 22.01.2013). Преобладание завуалированных оценок в британской прессе определяет активное использование разговорных элементов с целью выражения авторской иронии, например: *It seems rather mean of the comission to target “professionals”, as if the middle class are more likely than anyone else to shoot up* (inf) *(and who knew that intensive-care nurses are such a junky* (inf) *throng?)* (I 31.01.2013). В данном примере журналист, используя разговорные лексемы, характеризующие наркоманов с точки зрения представителей среднего класса, подчеркивает неоправданность и абсурдность самого предположения о том, что именно эти слои населения следует проверять на наркотики в первую очередь. В примере: *So the “chavs”* (BrE offensive) *from the estate get a criminal record for their acts of vandalism and drunken fights, whilst the “toffs”* (BrE old-fashioned) *in the Bullington Club smash up restaurants for fun and end up – er, running the country.* (I 31.01.2013) – журналист сочетает в одном предложении резко контрастирующие лексемы *chavs* и *toffs*, противопоставляя судьбу «малообразованных, слепо следующих моде молодых людей, живущих на пособие или устраивающихся на неквалифицированную работу и олицетворяющих для

представителей среднего класса лень, невежество и глупость» [АВВУ Lingvo.Pro: эл. ресурс] и богатых франтов: за пьяный дебош первые получают срок, а вторые – кресло в парламенте! Подчеркивая условность привычной характеристики и необоснованность использования подобных ярлыков в прессе, автор публикации заключает слова *chavs* и *toffs* в кавычки.

Следует отметить, что для британских газет *The Guardian* и *The Independent* в целом не характерны случаи намеренного дистанцирования журналиста от разговорной лексемы, что, по нашему мнению, объясняется относительно невысокой частотностью сниженных элементов в «качественных» изданиях, осознанным использованием подобных лексем только в соответствующих контекстах. Сниженная лексема может заключаться в кавычки в случаях совмещения собственно авторской и чужой речи, например: *Danny Alexander described as a “non-starter” (inf) the idea that the Treasury could find new cash to help the Ministry of Defence pay for new submarines, which is the privately held assumption of some Conservative MPs and officials at the MoD (G 22.01.2013)*. В данном случае сохранение лексикона самого политика придает содержанию статьи большую достоверность и убедительность. В примере *As one of the so-called “quad” (inf) of the coalition's most senior ministers – the others are David Cameron, Nick Clegg and George Osborne – Alexander said he was better placed than most to understand the need to challenge assumptions of nuclear deterrence. (G 22.01.2013)* журналист сознает фамильярность использования лексемы *quad* ('четверняшки') по отношению к политикам и, ссылаясь на ее языковую модность, заключает данную лексему в кавычки. В другом примере кавычки *In the altercation Brown punched Ocean at least once and someone in his entourage reportedly called the singer a “faggot”(AmE taboo) (G,11.02.2013)* позволяют журналисту точно обозначить причину конфликта двух знаменитостей, избежав при этом юридической ответственности за оскорбление.

Иногда журналист, включая цитату в текст собственной публикации, получает возможность передать особенности речи и характера своего персонажа с наибольшей выразительностью, например: *When General Patton (in 1970 – A.M.) is offered a drink by his Soviet counterpart, he says: “I ain't drinkin' with no commie (inf, insulting) son-of-a-bitch!(AmE sp, not polite)” (I 31.01.2013); “People were saying “Urgh, has he (Sylvester Stalonne – A.M.) got varicose veins? So I thought, f*ck it (taboo), and covered them with a tatoos of my wife.” (I 30.01.2013)*. Считаю использование грубой сниженной лексики в этой функции стилистически оправданным и не нарушающим этических норм.

Иногда автор заметки вынужден давать пояснения по поводу стилисти-

ческой принадлежности использованной в цитате лексемы. Так, в примере «*The assassination carried out on Wednesday was probably the result of Aslan Usayan's conflict with “thieves in law” clans headed by immigrants from Georgia*» the source told the state-run Interfax news agency, using Russian mafia terminology. (G 21.01.2013) русский криминальный жаргонизм *вор в законе* наверняка неизвестен англоязычным читателям и потому вызовет их оправданное недоумение. Можно предположить, что журналист намеренно не поясняет значение данного жаргонизма, ограничиваясь лишь указанием на сферу его употребления: тем самым автор публикации подчеркивает собственную осведомленность, косвенно указывает на статус очевидца, причастного к делам криминальной Москвы.

Другой функцией сниженной лексики в газетных текстах является эвфемизация, например, использование разговорного сочетания со значением 'низкокачественная пища' вместо 'вредная, опасная для здоровья' или 'на грани приличий' вместо 'грубый': *The minister for public health suggested some parents thought cheap **junk food** (inf) was the only way to feed their children.* (G 22.01.2013); *Brand said he was wrapped up in the comedy value of their stuny, and lost perspective of “reality” when they left **near-the-knuckle** (BrE inf) messages during a prank call which caused outrage.* (I 01.02.2013). Иногда журналист использует ситуативно уместную разговорную лексему ввиду ее краткости, с целью экономии собственных усилий, например: *Those with an interest in 20 century history will be familiar with the stories of famous recluses like Howard Hughs or the Vietnam **vets** (inf) who emerged from the jungle some 20 years after the war had ended.* (I 30.01.2013); *Bucharest hits back at migrant fears with cheeky **ad** (inf) campaign promoting tourism* (I 01.02.2013).

Кроме того, разговорные лексемы значительно облегчают восприятие статей, предельно информативных, насыщенных специальными терминами и количественными. Например, они являются довольно востребованными в статьях, посвященных экономике и финансам: *The worst affected – that is, single parents, working part-time, with children in childcare – could face increases of 557 pounds, a **hike** (AmE inf) of more than 300%.* (I 31.01.2013); *The revenues comfortably **beat** (sp) analysts' expectations and were 36% higher than the same quarter last year but the firm also provided fresh evidence of how the shift to mobile is hitting the value of online advertising* (G 22.01.2013).

Проанализированный материал позволяет утверждать, что часто выбор из синонимического ряда именно сниженной лексемы обусловлен, в первую очередь, емкостью ее значения, например: *It was both dramatic and creative – but it was one of the most **over-the-top** (BrE inf) solutions ever invented for avoiding that well known childhood nightmare, when parents are called in to talk to*

their teaches (G 22.01.2013); *But there is a limit to how much “hearts and flowers” it is tasteful to apply to your person now it's not quite so young and **perky** (inf). It is, unfortunately, true that anything too pink and minxy or frilly and fussy is going to look **naff** (BrE inf – G 13.02.2013).* В данных примерах значение одной разговорной лексемы заменяет собой сразу несколько характеризующих слов: *over-the-top* соответствует словам *extreme, unreasonable, stupid; perky – confident, happy, attractive*, а лексема *naff* содержит в себе значение *silly, lack of good taste*. Таким образом, сниженная лексема расширяет и обогащает значение высказывания в целом, привносит осязаемое приращение его смысла. В других случаях журналист, используя разговорную лексему, руководствуется соображениями формы, а не содержания: сниженный элемент выступает в качестве необходимой синонимической замены, позволяющей автору публикации избежать повторов. Например, в следующем отрывке глаголы *to pinch* и *to nick* имеют одно значение 'украсть, стянуть': *Put your hands up if you're a criminal too. Really? Are you sure? You've never done any drugs, **pinched** (BrE inf) sweets as a kid or exceed the speed limit as an adult? Of course, we need to know if somebody poses a threat to children. But we should not really care if they **nicked** (BrE inf) something from Topshop as a daft teenager* (I 31.01.2013).

Иногда употребление разговорных лексем в газетной публикации направлено на воссоздание колорита вполне определенной социальной среды, например, интриг букмекеров или атмосферы красивой жизни: *The atmosphere here was more like a school disco as **punters** (BrE inf) huddled together at a respectable distance from the **bookies** (inf) and stared at them.* (G 22.01.2013); *Tamara Ecclestone **blew** (inf) 30.676 pounds on drinks in one evening at the Aura nightclub. It was mostly Cristal champagne plus some Grey Goose vodka. You have to admire that level of devotion to **posh** (inf) **bubbly** (inf – I 31.01.2013).* Кроме того, использование в статье разговорных лексем прямо соотносится с установкой журналиста на развлекательный характер подобных заметок, способствующий неофициальному тону общения с читателем.

Наконец, обращает на себя внимание проникновение сниженных лексем в заголовки британских газет. При этом необходимо подчеркнуть, что эта особенность в наибольшей степени присуща рассмотренным нами ранее газетам *The Observer, The Sun* и *The Daily Star*: они готовы на все, лишь бы обратить на себя внимание, заинтриговать читателя, заставить его просмотреть весь текст своих публикаций. Благодаря своей выразительности и краткости, разговорные лексемы иногда проникают даже в заголовки газет *The Guardian* и *The Independent*, тем не менее в заголовках «качественных» изданий они задействованы в значительно меньшей степени и всегда используются журналистами сознательно, с четко определенной целью. Так, в заголовке *Today it's office drug tests. Tomorrow you're **sacked** (BrE inf) for having a **fag** (BrE inf – I*

31.01.2013) журналист при помощи разговорных элементов подчеркивает остроту проблемы ущемления прав офисных служащих: сегодня – тесты на содержание наркотиков в крови, а завтра тебя уволят за одну затяжку. В примере *Gotta* (sp inf, icorrect) *love those Royals: on the Tube, eating Big Macs, doing a day's work*. (I 31.01.2013) журналист, используя неправильную, подчеркнуто разговорную форму *gotta*, демонстрирует откровенное нежелание королевской семьи стать ближе к своим подданным. В заголовке *Why Valentine's Day drives me up the wall* (sp) – *and what I do about it* (G 13.02.2013) сниженный эмоционально окрашенный фразеологизм помогает автору точно передать свое отношение к празднованию Дня всех влюблённых.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что журналисты «качественных» британских газет *The Guardian* и *The Independent* способны оценить уместность употребления разговорных средств в составе каждой из своих публикаций. «Качественность» изданий определяет и сам характер использования сниженных элементов: в газетах *The Guardian* и *The Independent* обращает на себя внимание общее стремление к нейтральным в стилистическом отношении текстам, отказ от подчеркнутого субъективизма публикаций и, соответственно, предельно низкое количество сниженных элементов в соотношении с общим числом словоупотреблений одного номера. Можно утверждать, что сознательный выбор журналистом сниженной лексемы как наиболее подходящей для своего материала часто оправдан содержащейся в ее значении ярко выраженной оценочностью, позволяющей кратко и точно сформулировать суть освещаемой проблемы. Иногда такая оценка предмета публикации гораздо эффективнее любых рациональных аргументов вызывает интерес читателя и с легкостью помогает убедить его в правильности высказанной в статье точки зрения. Собранный материал позволяет сделать вывод о том, что журналистов британской «качественной» прессы отличает по-настоящему высокий уровень речевой культуры: в целом избегая грубых лексем, при необходимости они используют разговорную лексику в качестве эффективного выразительного и контактоустанавливающего средства.

Библиографический список

- Матяшевская А.И.* Сниженная лексика в британских СМИ (на материале газет *The Observer*, *The Sun* и *The Daily Star*) //Вторая международная научная конференция «Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах». Материалы конференции. – М., 2012. (вложенный CD).
- Сиротинина О.Б.* О терминах «разговорная речь», «разговорность» и «разговорный тип речевой культуры» / Лики языка /Институт русского языка РАН. – М., 1998.
- ABBY Lingvo.Pro* URL: <http://www.lingvo-online.ru/ru> (дата обращения: 18.02.2012).
- The Guardian*. URL: <http://www.guardian.co.uk/> (дата обращения: 10.02.2012).
- The Independent.t* URL: <http://www.independent.co.uk/> (дата обращения: 15.02.2012)
- The Longman Dictionary of Contemporary English Online* URL: <http://www.ldoceonline.com/> (дата обращения 15.02.2012).

Т.А. Милёхина
Саратов

КОРПОРАТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В РОССИИ: СПЕЦИФИКА УСТНОГО ДИСКУРСА

В статье анализируется русская устная корпоративная коммуникация. Материалом для анализа выступают записи деловой речи в крупных компаниях объёмом 12 часов. Выявлены некоторые специфические особенности корпоративного дискурса, среди которых особые жанры, особый лексикон, внутрикорпоративный словарь, новый для российской реальности лингвокультурный типаж.

Ключевые слова: Корпоративная коммуникация, дискурс, жанры, деловая речь, топ-менеджер, картина мира, лексикон.

The article analyzes the Russian oral business communication. Material for analysis are the record business speech in large companies a volume of 12 hours. Identified some of the specific features of corporate discourse including a special genre, special vocabulary, intra dictionary, new to the Russian reality Lingvocultural type.

Key words: corporate communication, discourse, genres, business language, top manager, world picture, lexicon.

В экономическом пространстве России широко функционирует переводная и отечественная литература по маркетингу, деловой риторике, корпоративной коммуникации, которая содержит рекомендации, советы, разработки по теории и практике корпоративной коммуникации [Василенко 2012; Гнатюк 2010; Речевая коммуникация в бизнесе 2011; Яковлев 2009; Grant 2004; Handford 2010; Hardy, Cynthia 1995; Heritage 2010]. Однако реальное воплощение на русской почве таких рекомендаций практически не изучено. Анализ записей устной корпоративной коммуникации, сделанных в 2012 году в крупных компаниях России общим объёмом 12 часов, позволяет получить представление о деловой речи, присутствующей в реальной работе крупных российских корпораций. Устная корпоративная коммуникация в России характеризуется целым рядом специфических особенностей.

В качестве первой среди них можно назвать то, что наряду с традиционными жанрами устной деловой речи в устной корпоративной коммуникации существуют и новые, синкретичные жанры, такие, например, как так называемая «стратегическая сессия». Данный жанр представляет собой специфическое явление и по структуре проведения, и по форме, и по своим речевым особенностям. Стратегическая сессия – жанр публичного взаимодействия нескольких подразделений крупной финансовой или промышленной корпорации, вмещающий на протяжении определённого временного промежутка несколько видов корпоративной деятельности. В традиционной классификации жанров устной деловой речи стратегическая сессия располагается

ближе всего к такому жанру, как собрание. Собрание является протокольным коллегиальным жанром, самым многочисленным по составу участников и самым продолжительным по времени. В жанровом аспекте стратегическую сессию можно квалифицировать как гипержанр устной корпоративной коммуникации. Стратегическая сессия как гипержанр включает жанры презентации, модерации, дискуссии, а также игровые жанры (викторины, розыгрыши). Собственно говоря, форма проведения сессии – собрание представителей региональных подразделений компании в большом помещении, в ходе которого последовательно заслушиваются комплексные отчёты присутствующих о проделанной за определённое время работе. Группа представителей того или иного подразделения, возглавляемая или руководителями, или специально назначенными спикерами, приглашается на сцену и, поддерживаемая электронными презентациями, выступает с отчётами, имеющими форму свободного рассказа. После выступления каждой группы присутствующие в зале задают интересующие их вопросы, высказывая своё мнение об услышанном. Кроме того, работает так называемая «обратная связь», то есть команда специально выбранных экспертов – представителей от каждого подразделения, которые в конце работы сессии высказывают своё мнение о прозвучавших отчётах.

Анализ стратегической сессии в лингвистическом аспекте позволил выделить некоторые новые черты данного гипержанра устной корпоративной коммуникации. Одной из таких ярких черт является способ организации работы коллектива. Эту функцию выполняют специально назначенные ведущие или, в новой терминологии, модераторы, общение которых, манера поведения и речь имеют свободный, непринуждённый, порой довольно фривольный характер. Благодаря особым функциям модераторов большое по объёму и тяжёлое для восприятия аудитории мероприятие по отчётности финансовых структур превращается в своего рода шоу. Безусловно, главным жанром в гипержанре стратегическая сессия выступает жанр презентации. Подавляющее большинство презентаций проходит в устной форме, сопровождается музыкальным оформлением и видеорядом. В некоторых выступлениях допускаются проявление личностного, индивидуального начала, рассказы о семейных делах, о личных эмоциях; присутствуют намёки на межличностные отношения, вольная трактовка статусных отношений с начальством. Анализ гипержанра стратегическая сессия позволяет сделать вывод о наличии существенных отклонений от параметров устной деловой речи в данном виде корпоративной коммуникации. С одной стороны, стратегическая сессия демонстрирует трансформацию серьёзного делового мероприятия в развлекательное шоу, которое характеризуется допустимостью эмоций, творческого

отношения к делу, языковой игры, сексуальных аллюзий, намёков на межличностные отношения, панибратство с начальством. Но в то же время проявляет и значительно возросшие требования к участникам сессии, которые должны свободно рассказывать о своей работе, не только не пользуясь письменными шпаргалками, но и придумывая оригинальную форму изложения, участвовать в дискуссии, отвечать на вопросы зала, критиковать выступления своих коллег.

Одной из отличительных особенностей современной устной корпоративной коммуникации является довольно широкое распространение различных средств и приёмов языковой игры, отмечающееся даже в официальной публичной деловой речи. Для корпоративной коммуникации оказывается допустимым и даже весьма характерным языковое творчество. Это проявляется и в наименовании корпорации, в языковом формировании корпоративной культуры, корпоративной среды, в речи сотрудников корпорации даже в жанрах сугубо делового характера, публичного отчёта о работе, в характере построения корпоративного делового мероприятия, а также в распространении новых жанров работы корпоративных структур с клиентами.

Яркой отличительной чертой корпоративной коммуникации является создание внутрикорпоративного словаря, так называемой корпоративной среды, которая получает отражение в корпоративной миссии и для которой используются языковые средства разного характера. Внутренняя жизнь корпорации строится по определённым канонам, имеет свой сюжет, обставлена некоторыми вербальными знаками и кодами, в основе которых также языковая игра. Создаётся некая Лайф-среда, внутрикорпоративный словарь Лайф-среды, в котором фиксируется локус, территория группы – не *банк*, а *финансовая группа*, не *отдел банка*, но *дивизион*, причём зашифрованный аббревиатурами – *ДРБ – дивизион розничного бизнеса*, *ДМСБ – дивизион малого и среднего бизнеса*, *ДКБ – дивизион клиентского бизнеса* и т.д. Лайф-среда живёт по своему корпоративному времени – не просто отчётный период или время работы банка, но *год стратегической жизни*. Кроме того, Лайф-среда объединена общим идеологическим пространством, общими ценностями.

Изменения в лексическом составе корпоративной коммуникации проявляются в том, что в лексиконе используется огромное число заимствованной из английского языка лексики. К необходимости использования английской маркетинговой терминологии приводит отсутствие специальных выражений на русском языке. Но даже если необходимое понятие и есть в русской деловой, ну, например, торговой традиции, скажем, – *розничная торговля* – то по каким-то причинам оно всё равно не используется. Может быть, потому, что советское, привычное, имеет негативный ассоциативный фон,

может быть, потому, что иностранный аналог имеет шлейф нового, перспективного, встроено в систему маркетинговых терминов. Целый ряд слов, также заимствованных из английского языка, пережили процесс детерминологизации. В целом влияние западной, прежде всего американской бизнес культуры, проявляется и в корпоративной терминологии, и в корпоративном профессиональном жаргоне. В этой среде широкое распространение получает и жаргонная лексика, в основе которой – также английский язык.

В ходе анализа материала было установлено, что сформировался особый лингвокультурный типаж, характеризующийся яркими речевыми параметрами – российский топ-менеджер. Речевые характеристики топ-менеджмента существенно отличаются от речи провинциальных предпринимателей средней руки. Крупный бизнес гораздо более интернационален, в то время как региональный, провинциальный бизнес более национален. Различия связаны с различиями в лексиконе, различиями в жанровой организации дискурса, различиями в преимущественном распространении устной или письменной формы коммуникации, различиями в семантической организации дискурса. Различия в лексиконе предпринимателей и топ-менеджеров касаются использования и распространения таких лексических пластов, как заимствованная, жаргонная, обценная лексика. Английский язык является деловым языком топ-менеджеров, а словарь, лексикон топ-менеджмента представляет собой международный маркетинговый тезаурус, включающий и терминологию, и жаргон. Влияние английского языка ощущается и в интонационном оформлении речи топ-менеджера. Явно прослеживается английская интонация – повышение тона в конце утвердительного высказывания, не русские, а заимствованные ударения -... *когда первые ласточки начали/ первые ласточки/ западные компании зашли в Россию/ а это был «Марс»/ «Кока-кола»/ «НЭстле»/ им же нужны были русские сотрудники//*. Паузы hesitation заполняются характерным для американцев или англоговорящих междометием *ам*.

В отличие от речи топ-менеджеров в речи предпринимателей даже в ситуации делового профессионального общения широко используется обценная лексика. Конечно, это связано с тем или иным уровнем культуры речи конкретных людей. Но всё-таки представить себе такое в крупной компании трудно. В отличие от предпринимателей, которые в большинстве своём непрофессионалы, топ-менеджеры – профессионалы высокого уровня, что обуславливает широкое распространение в их речи терминологии. Различия в речи топ-менеджмента и предпринимателей проявляются также в преобладающем распространении тех или иных видов коммуникации – письменной или устной. В чисто русских компаниях с русским капиталом – гораздо

больше вербального общения - совещаний, встреч, в компании с западным капиталом преобладает невербальное общение. Различия в речи топ-менеджеров и предпринимателей наглядно проявляются в жанровом отношении. Корпоративная коммуникация исключает, по крайней мере, по словам наших информантов, такой сугубо национальный жанр, как разнос, разборка. Мелкий региональный, провинциальный бизнес сохраняет яркие черты современного национального общения – агрессивность, неуважительное отношение к сотрудникам, унижение подчинённых, использование обценной лексики в деловом общении. Корпоративная коммуникация – это коммуникация, предполагающая более широкий спектр форм и видов общения. Деловое общение мелких и средних предпринимателей носит преимущественно неофициальный характер. Владение маленьким магазином или парикмахерской не вынуждает предпринимателей развивать в своей речи риторические умения, навыки публичного выступления, привычку ведения собрания крупного рабочего коллектива. Руководитель крупной коммерческой компании это и администратор, и организатор, и человек, владеющий основами ораторского искусства. Это человек, который рекламирует свой бизнес. Официальное деловое общение провинциальных предпринимателей также специфично. В нём велика роль не прямой коммуникации, намёков и полунамёков, распространено явление эвфемизации, существуют нежелательные темы разговоров и, наоборот, приоритетные темы, засекречиваются имена и фамилии предпринимателей. Корпоративная коммуникация вынужденно более прозрачна, хотя бы внешне сохраняет легитимный характер. И в этом также проявляется её большая близость к международному бизнесу. Один из важнейших и специфических концептов предпринимательского дискурса – концепт тайны. Предприниматели скрывают доходы, засекречивают имена и фамилии. Топ-менеджеры, наоборот, предельно открыты.

Следующая тенденция, которая отмечается как специфическая черта – тенденция выхода корпоративной коммуникации за пределы корпорации в городскую коммуникацию (промо-мероприятия, перформансы, благотворительные акции). Корпоративная коммуникация в борьбе за «лояльность клиентов» всё более расширяет сферу своего влияния в пространстве города, вынужденно создавая не только рекламный продукт, но и некое культурное городское действие. Крупные корпорации ведут социальную политику, оформление которой требует актуализации особого языкового потенциала. Социальными проектами, например, финансовой группы «Лайф» в Саратове являются крупные городские мероприятия: городской праздник, посвящённый Дню победы «Спасибо за мир, в котором мы живём!», акция Благодарю, во время которой одеяло из добрых дел сшили и пронесли по центральным

улицам города и т.п. Не только рекламные акции, но целые праздники для горожан проводятся в каком-либо из районов города. Например, в октябре 2012г. торгово-промышленным заводом «Торэкс» в новом районе высотных новостроек Саратова проводилось промо-мероприятие «Двор», для которого был разработан специальный литературный сценарий.

Анализ русской корпоративной коммуникации позволил установить некоторые специфические черты устного корпоративного дискурса. В первую очередь был отмечен и охарактеризован особый синкретичный жанр – так называемая «стратегическая сессия», в котором совмещаются несколько жанров – презентации, отчётный доклад, элементы развлекательного шоу. Специфика данного жанра связана не только с особой жанровой природой (выступает как гипержанр или сложное речевое событие), но и с целевыми установками (выполняет функции Team Building). В устной корпоративной коммуникации в публичных официальных жанрах допускается более широкое, чем в традиционной деловой речи, распространение приёмов языковой игры. Огромную роль в корпоративной коммуникации играет заимствованная лексика. В целом влияние западной, прежде всего американской бизнес культуры, проявляется и в корпоративной терминологии и в корпоративном профессиональном жаргоне. Отмечается тенденция выхода корпоративной коммуникации за пределы корпорации в городскую коммуникацию (промо-мероприятия, перформансы, благотворительные акции). Наблюдается причудливое соединение международных маркетинговых приёмов, в том числе и на уровне речи и национальной деловой речи. Сформировался особый лингвокультурный типаж, характеризующийся яркими речевыми параметрами – российский топ-менеджер. Одной из важнейших задач корпоративной коммуникации является формирование особого корпоративного сознания у сотрудников корпорации, ключевыми моментами которого выступают корпоративные время, пространство, ценности.

Библиографический список

- Василенко И.А., Василенко Е.А. Личностный стиль за столом международных переговоров. – М. 2012.
- Гнатюк О.Л. Основы теории коммуникации: учеб. пособие – М. 2010.
- Речевая коммуникация в бизнесе /Под ред. Л.В. Минаевой. – М. 2011.
- Яковлев И.П. Стратегические компоненты имиджа /Имидж государства/региона: современные подходы: новые идеи в теории и практике коммуникации: сб. науч. трудов. Вып. 3. – СПб. 2009.
- Grant, David, Cynthia Hardy, Cliff Oswick and Linda Putnam. The Sage Handbook of Organizational Discourse. London et al., Sage 2004.
- Handford, Michael 2010. The Language of Business Meetings (Cambridge Applied Linguistics). Cambridge University Press.
- Hardy, Cynthia (ed) 1995. Power and Politics in Organizations. Aldershot et al., Dartmouth.
- Heritage, John and Steven Clayman 2010. Talk in Action. Oxford, Wiley-Blackwell.

Н.В. Свешникова
Саратов

О НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В ЭРГОНИМИИ ГОРОДА (На материале эргонимов Саратова)

Статья посвящена проблеме номинации внутригородских объектов в современных условиях. Выполнена на материале одной группы эргонимов (наименований аптек) Саратова. В центре внимания – вопрос о принципах номинации изучаемых объектов и мотивированности их названий.

Ключевые слова: ономастикон города, эргонимы, мотивированность.

The article deals with the problem of naming the intraurban objects in contemporary conditions. It is based on the material of one Saratov's ergonym group (pharmacies' names). It focuses on the principles of naming the objects in question and on naming motivation.

Key words: onomasticon of the city, ergonyms, naming motivation.

В последние десятилетия, начиная с середины восьмидесятых годов XX века, произошли существенные изменения в сфере номинации внутригородских объектов. Проявлением этих изменений явилось обновление лексического состава ономастикона города и значительное пополнение его новыми наименованиями. Масштабность преобразований в этой сфере топонимики была обусловлена действием новых тенденций в ономастическом пространстве города – тенденцией к переименованию и тенденцией к «всеобщей» онимизации объектов, характерных для переходных периодов в жизни общества [Прокуровская 1996; Шмелёва 1997 и др.]. По словам Т.В. Шмелёвой, эта сфера переживает состояние «онимического взрыва»: происходит резкое увеличение ономастикона из-за «взрывообразного роста числа объектов, требующих собственных имён», и «расширение диапазона ономастической техники» [Шмелёва 1997а: 114]. При этом выбор именования зависит от многих факторов: от особенностей именуемого объекта, от личного вкуса номинатора, веяния моды и др.

Онимическая номинация охватила в том числе и те городские объекты, для обозначения которых в доперестроечный период на протяжении многих лет использовался принцип нумерации. К числу таких заведений относятся, в частности, аптеки. Эти учреждения были, пожалуй, единственными из всех объектов города, к которым нумеративный принцип применялся последовательно.

С начала девяностых годов номерные обозначения аптек начинают сменяться индивидуальными наименованиями, что было обусловлено не только расширением сети этих заведений, но и стремлением их владельцев, создающих названия, выделить своё учреждение из ряда подобных. Пред-

ставляется интересным проследить, как формируется эта система эргонимов¹, образующая отдельную самостоятельную группу в ономастиконе города, какого типа названия по их мотивационным признакам участвуют в ее создании. В качестве материала мы используем в своей работе наименования аптек Саратова.

В настоящее время некоторые аптеки города еще сохраняют номерные обозначения, однако подавляющее их большинство имеет индивидуальные названия. Для выявления региональной специфики этой группы эргонимов (около двухсот единиц) мы исключим из числа анализируемых названия аптек федеральной сети, входящих в ономастикон многих городов (*Имплозия, Календула, Медуница, Ригла, Мелодия здоровья и др.*) и составляющих незначительную часть в его составе.

Лексико-семантический анализ показал, что изучаемая нами группа эргонимов включает в себя как мотивированные, так и немотивированные названия. Под мотивированными мы подразумеваем номинации, отражающие связь эргонима с каким-либо свойством именуемого объекта (указание на место расположения учреждения, его профиль, ассортимент, на имя владельцев, на возраст потребителей и т.д.). Большая часть названий саратовских аптек (около 70%) относится к числу мотивированных, среди которых выделяются две разновидности эргонимов. Первую из них составляют названия, прямо указывающие на реальные факты, связанные с именуемым учреждением (т.н. прямо информирующие названия). Это, например, *Витаминный центр, Аптека на Пролетарке, Еврооптика, Ветантека, Круглосуточная аптека, Аптека для женщин и др.*). Такого рода эргонимов, в основе которых лежит информирующий принцип номинации, немного в изучаемой группе.

Другая разновидность мотивированных имен аптек представлена условными названиями, основанными на ассоциативной связи с объектом именованного: *Дом здоровья, Эликсир жизни, Будьте здоровы, Здравица, Здравушка, Здоровый, Всё для жизни, Лорнет (оптика), Планета лекарств, Марал (ветантека), Тонус, Неболейка, Здоровье, Мелисса, Провизор, Будь здоров и др.* В основе этих названий, косвенно информирующих о свойствах именуемого учреждения, лежит условно-символический принцип номинации. Данные эргонимы составляют основную часть мотивированных наименований аптек.

Отличительной чертой этого класса единиц является присутствие в нем довольно большого числа двусловных названий, построенных преимущест-

¹ Под эргонимом понимается «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская 1988].

венно по двум моделям: «прилаг. + сущ.» (*Старый лекарь, Домашняя аптека, Аптечный дом, Витаминный центр, Семейная аптека, Новая аптека*) и «сущ. + сущ.» (*Центр здоровья, Планета лекарств, Лавка жизни, Город здоровья, Мир оптики, Дом здоровья*).

Отдельную группу среди мотивированных наименований аптек образуют слова с корнем *фарм-* (*Фармцентр, Фармволга, Фармамаркет, Медиафарма, Фармация*), прямо указывающим на профиль учреждения. И если даже названия не вполне понятны адресату (*Фармимэкс, Фармакор, Экофарм*), они содержат информацию о сфере деятельности данного предприятия.

У мотивированных эргонимов выделяются разные типы мотивировочных признаков, основными из которых выступают следующие:

1) специализация, основной профиль учреждения: *Аптечный дом, Витаминный центр, Планета лекарств, Еврооптика, Ветаптека, Зоовет, Мир оптики*;

2) местоположение аптеки: *Аптека на Московской, Аптека на Пролетарке, Северная, Аптека на Мичурина, Аптека на Тверской*;

3) собственные имена людей, в числе которых имена владельцев учреждений (*Инесса, Эльга, Артём, Надежда и К*), имена выдающихся личностей (*Авиценна, Винцент*) и мифологических героев (*Медея, Вертрагна*);

4) названия растений, используемых в качестве лекарственных средств: *Вербена, Мелисса, Лаванда, Виола, Крокус, Лилия, Арония, Маргаритка*;

5) род занятий людей, как правило, имеющих отношение к области фармацевтики и медицины: *Лекарь, Медиум, Провизор, Целитель, Старый лекарь, Пациент*;

6) низкая цена продаваемых лекарственных средств: *Аптека низких цен, Эконом*;

7) категория потребителя, на которого в первую очередь ориентировано учреждение: *Народная аптека, Аптека для взрослых и детей, Детская аптека, Аптека для женщин, Семейная аптека*;

8) название компании, в состав которой входит аптека: *Фармволга, Нита, Сигма-Фарма, Экорос, Инвар, Протек* и др. ;

9) лекарственная форма или лекарственный препарат: *Пиллюля, Аспирин*.

Немотивированные названия аптек, которые не имеют реальных семантических связей с именуемым объектом и не дают представления о каких-либо его свойствах, составляют третью часть от числа всех изучаемых эргонимов. В основе этих наименований лежит символический принцип номинации. Мотивировка названия учреждения для адресата остается неясной.

Эти эргонимы условно можно разделить на две группы. Одну из них составляют названия, в качестве которых использованы слова с известным носителю русского языка значением (*Канцлер, Сириус, Благородная, Континент, Гильдия, Генезис* и др.).

Другая группа включает в себя наименования с «затемненной» семантикой для адресата. К ним, главным образом, относятся незнакомые иноязычные единицы (например, *Санси, Сару, Грин, Инсайт*) и наименования, являющиеся результатом словотворчества владельца учреждения или фирмы (*Арех, Мар-Ко, Рилена, Абис, Глосса, Галлак, Морон, Аларис* и др.). В этой группе есть такие эргонимы, которые могут быть восприняты адресатом неоднозначно: либо как искусственно созданное слово, либо как реально существующая лексема с определенным значением: *Стикс* (искусственная номинация? название мифологического существа? название реки?), *Волис* (искусственная номинация? производное от еврейского имени?), *Агора* (искусственная номинация? название рыночной площади в древнегреческих городах? название мелкой израильской монеты?), *Юмекс* (искусственная номинация? название лекарственного препарата *Юмекс*?), *Визус* (искусственная номинация? латинское слово *visus* 'зрение', написанное русскими буквами?) и др. Но в любом случае данные эргонимы не ассоциируются у потребителя с товаром или видом деятельности, характерными для таких учреждений.

Мотивы создания немотивированных наименований основываются на личных ассоциациях и пристрастиях номинаторов. Иногда мотивом при выборе названия становится привлекательность лексической единицы (благозвучие слова) без учета ее значения.

Характерно, что группа эргонимов с «затемненной» семантикой является самой представленной из числа немотивированных названий. При этом просматривается одна закономерность: немотивированные эргонимы практически не используются в современном Саратове для обозначения «узкоспециализированных» аптек (гомеопатических, ветаптек, оптики). Данный факт, на наш взгляд, свидетельствует о том, что для номинатора, выбирающего название для учреждения, самое важное – информировать потенциального покупателя о профиле аптеки и специфике продаваемой продукции, например: *Вижу, Мир Оптики, Оптика, Оптикон, Оба, Глаз – Алмаз, Визус, Vidi Vici, Хамелеон* (по названию особого вида линз) (оптика); *Зоовет, Айболит, Вет-аптека, Марал* (ветаптеки) и др. В этом случае наиболее ярко проявляется зависимость мотивировки эргонима от типа именуемого объекта.

Как видим, существует довольно многочисленная система наименований аптек, активно формирующаяся на протяжении последних двух десятков лет. Большую их часть составляют мотивированные эргонимы, созданные на

базе различных мотивировочных признаков. Несмотря на то, что специализация и вид продукции данного учреждения известны всем потенциальным покупателям и индивидуальные названия аптек на вывесках всегда сопровождаются идентификатором *аптека*, определяющим профиль учреждения, номинаторы все же отдают предпочтение мотивированным наименованиям. Преобладание условно мотивированных эргонимов говорит о том, что имядатели стремятся выбрать название, не только соответствующее профилю учреждения, но и отличающееся своей оригинальностью, привлекающее внимание клиентов и выделяющее данное учреждение из числа себе подобных.

Анализ материала позволяет сделать и другой вывод: наименования изучаемой группы городских объектов отражают тенденции, которые, по нашим наблюдениям, свойственны ономастикону современного Саратова в целом. К этим тенденциям относится использование апеллятивов в роли названий, включение в названия архаизированной и бытовой лексики, создание новых («самодельных») наименований, использование антропонимов, вовлечение иноязычных слов и др. Однако эти процессы отличаются разной активностью в изучаемой группе эргонимов. Так, например, при отчетливо выраженной тенденции к «изобретению» новых названий (с затемненной внутренней формой), в этой системе на данный момент слабо представлены другие тенденции: использование лексем иноязычного происхождения, архаических единиц, личных имен владельцев.

Изучение отдельных систем эргонимов в рамках городского ономастикона позволит более отчетливо увидеть особенности происходящих в нем изменений в современных условиях, динамику его развития.

Библиографический список

Прокуровская Н.А. Город в зеркале языка: На языковом материале г. Ижевска. – Ижевск, 1996.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М., 1988.

Шмелёва Т.В. Ономастикон современного города //Материалы Международного съезда русистов: В 2-х т. Т. 1. – Красноярск, 1997.

Шмелёва Т.В. Письменность городской среды //Фонетика – Орфоэпия – Письмо в теории и практике: Межвуз. сб. научн. трудов. Вып. 1. – Красноярск, 1997а.

О.Б. Сиротинина
Саратов

СИНКРЕТИЗМ, ПОЛИСЕМИЯ И ДИФФУЗНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ

В статье рассмотрено соотношение синкретизма, полисемии и диффузности на конкретных примерах их проявлений в современной русской речи.

Ключевые слова: синкретизм, полисемия, диффузность, адресант, адресат, значения слова.

The articles examines the correlation between syncretism, polysemy and diffusivity based on the examples of their manifestation in modern Russian speech.

Keywords: syncretism, polysemy, diffusivity, addresser, addressee, word meanings.

Принято считать, что развитие лексических значений идет от синкретизма, т.е. слитости разных значений в одном слове и внутри его употребления в одном контексте, к развитию полисемии, когда, казалось бы, одно и то же слово в разных контекстах имеет разные значения, и даже к омонимии [Николаева 2011; Пименова 2011 и др.]. Однако, с одной стороны, далеко не всеми и не всегда обращается внимание на зыбкость (нечеткость и субъективность) разнесения семантических вариантов слова по этим рубрикам. С другой стороны, в ряде случаев наблюдается зыбкость разграничения синкретизма и диффузности значений [Сиротинина 2012]. Чаще всего сам термин *диффузность* или совсем не употребляется, или используется только применительно к наиболее ярким её представителям – существительным-«губкам» (*вещь, штука, дело*), преимущественно в работах по разговорной речи [РРР 1983].

Кроме того исследования синкретизма сосредоточены на фактах древнерусского (и других древних языков), и считается, что синкретизм значений характеризует именно древние периоды истории языка.

В данной работе внимание автора сосредоточено на современном состоянии русской речи. В предыдущих статьях и докладах автора [Сиротинина 2012а,б] была обнаружена диффузность, полная или частичная (в виде элемента диффузности), в значении многих модных слов [Сиротинина 2013] и только упоминалось о синкретизме значений в некоторых из них (*крутой, прикольный, продвинутый, платформа*) в ее современном употреблении.

Более внимательный анализ употребительных слов в современной русской речи позволил усмотреть в них не только элемент диффузности, но и возрождение тенденции к синкретизму значений. Отсюда как следствие выявлена не столько реальная диффузность, сколько кажущаяся из-за слитости значений таких слов в одном употреблении.

Можно ли выявить точное значение в приведенных выше словах? Если первоначально словечко *прикольный* воспринималось как ‘забавный’, то очень скоро значение усложнилось: см., например, его толкования в словарях: ‘смешной, забавный, остроумный’ [Елистратов 1994]; *одобр.* 1) ‘забавный, смешной, достойный внимания’; 2) ‘остроумный, ироничный’; 3) ‘заслуживающий внимания, интересный’ [Никитина 1998]. Прилагательное, образованное от существительного *прикол*, в тех же словарях толкуемое как ‘что-либо смешное, остроумное, интересное / шутка, анекдот, свежая новость’ [Елистратов 1994] и *одобр.* 1. ‘шутка, розыгрыш, остроумное высказывание’, 2. ‘Увлечение, объект чьего-либо интереса’ [Никитина 1998], *шутл.* ‘Шутка, розыгрыш, что-либо смешное’ [Ермакова и др. 1999].

Обращает на себя внимание общность толкования через ‘смешное’, но одновременно и появление в толковании значения ‘что-нибудь интересное’, а также пометы *одобр.* – при том, что в словаре общего жаргона дано указание на ассоциацию со словами *шпильки*, переносным *подкалывать*, вряд ли соответствующими помете *одобр.* Характерно и употребление Л. Радзиховского в негативной реакции на некоторые заслуживающие критики действия: *Прикольно и забавно* (сочетание этих оценок демонстрирует, что они не дублируют друг друга).

Очевидно, что в словах *прикол*, *прикольный* 1) нет однозначно воспринимаемого значения, 2) есть некоторая диффузность даже с точки зрения характера оценки: может быть одобрительная, а может быть и неодобрительная, 3) видимо, в этих словах есть и синкретизм: это не просто ‘что-то смешное’, но и ‘что-то заинтересовавшее, привлекающее внимание’. Показательны формулировки «Словаря модных слов»: «шутка, розыгрыш, комическая история, смешной речевой оборот, каламбур, хохма, пародия, неожиданный выпад, эпатаж – **все это вмещается в безразмерное понятие прикольности**» (выделено мною – О.С.) [Новиков 2012: 209].

Как ни удивительно, в словаре под ред. Н.Ю. Шведовой *прикол* толкуется только как ‘шутка, розыгрыш’ и сопровождается пометой *просторечное* [Толковый 2007], т.е. явно присутствующий уже в употреблении этого слова (и особенно прилагательного) синкретизм значения не отмечен, хотя к 2007 г. наличествовал, что в словаре Т.Г. Никитиной 1998 г. было замечено, но по отношению к речи молодежи (название словаря «Так говорит молодежь»), а не в общенациональном литературном языке, каким является словарь под ред. Н.Ю. Шведовой.

Аналогично обстоит дело со словом *продвинутый*. В словаре В.С. Елистратова 1994 г. его еще просто нет, в словаре Т.Г. Никитиной даны два значения по принципу полисемии: 1) ‘углубившийся в какую-либо фило-

софскую или религиозную теорию, дошедший до фанатизма в ее изучении, постижении' с пометой *сист.*, 2) 'серьезно занимающийся чем-либо, знающий что-либо лучше других', 3) (о произведениях искусства, литературы) 'трудный для понимания, заумный, недоступный обычному человеку' (по моим наблюдениям, фактически не используется, в качестве замены предпочитают *элитарное искусство, картины артхауза – О.С.*), 4) то же, что *мажор*, 5) у наркоманов – 'находящийся под воздействием вколотого наркотика'. Таким образом, 3-е (профессиональный сленг), 4-е и 5-е (молодежно-жаргонное и наркожаргонное) значения в литературный язык не входят, а 1-е и 2-е – полисемия в рамках системы литературного русского языка.

В словаре общего жаргона, как и в словаре аргос, этого слова нет. В словаре под ред. Н.Ю. Шведовой есть только глаголы *продвинуть* и *продвигаться* в значениях 'переместить/ся вперед, вверх' и переносном разговорном 'ускориться': *дело продвинулось*.

«Словарь модных слов», включая *продвинутый* в их состав, отмечает, что совсем недавно значение этого слова изменилось под влиянием английского *advanced* и не очень компетентных в русском языке преподавателей иностранных языков (*продвинутый курс* в названиях пособий), при этом фактическими примерами демонстрирует синкретизм такого признака по отношению к человеку в обиходной речи [Новиков 2012: 173-174]. В моем материале газетных употреблений есть не только *продвинутые люди, мошенники, пользователи* но и *автомобили* и даже *Построены две новые очистные станции <...> обновляют канализационные коллекторы для которых, соорудили продвинутые вертикальные шахты* (АиФ № 7, 2013). Вряд ли кто-нибудь сможет развести подобные употребления в рамках полисемии, как и на мое предложение определить значение следовали ответы: 'большой, современный, дорогостоящий, навороченный, представительный (автомобиль), преуспевающий, опытный, освоивший новые приемы, пользующийся компьютером, Интернетом, очень умелый (мошенник), много прочитавший, привычный уже к литературным изыскам, разбирающийся в новых направлениях и манерах повествования (читатель)'. При этом характерно, что наряду с явными признаками диффузности слова в каждом определении его значения присутствует и синкретизм. Пожалуй, наиболее нагляден синкретизм в словах *крутой, круто*, вмещающих в своё значение признаки и богатства, успешности, и такой известности, которая делает человека уверенным, что ему все позволено, и почти исключаящее первоначальное – жестокости, нетерпимости, если речь идет о людях. Но ведь есть ещё и *крутой автомобиль*, в котором, видимо, больше диффузности, чем синкретизма.

Конечно, не все модные слова синкретичны (как и не все диффузны), но в их употребительности (и в самом формировании явления модности), видимо, и элемент диффузности, как это было отмечено в [Сиротина 2013], и развитие синкретизма разных значений играет определенную роль. Для адресанта это очень удобно, а адресаты свыклись с преобладанием всякого рода лексической и грамматической неопределенности (см. [Кормилицына 2009, 2012]), принимают и новую диффузность, и новый синкретизм как данность. К сожалению, их распространенность ослабляет выразительную силу слова, превращая его в штамп – штамп неопределенности.

Диффузная неопределенность современного употребления слов *направление*, *платформа* на основе их переносных значений: *направления*, по которым готовят бакалавров и более общее понятие в словосочетании *направление работы* ещё можно рассмотреть в границах полисемии, но в одном из предложений (*Работа со школами становится главным направлением работы МГУ*) оно уже явно одновременно и диффузно, и синкретично: здесь и внимание к школе в аспекте преподавания тех дисциплин, в которых компетентны кафедры вуза, и в аспекте подготовки кадров для школы, и в аспекте поиска / подготовки абитуриентов (а это одна из ставших уже штампованными отчетных реляций вузов в газете «Поиск»).

Платформа как часть железнодорожного перрона и как особый тип железнодорожного вагона, как геологический термин (вариант *плита*), обозначающий устойчивый участок земной коры, и переносное ‘политическая программа’ партии, общественного движения, группы, а также ‘обувная подошва’ зависят от контекста и остаются в рамках полисемии. Но в последнее время распространилось новое употребление этого слова, в котором синкретично представлены и значение ‘основы программы’, и значение ‘группы внутри партии’, т.е. одновременно значения и ‘программы ее действий’, и ‘основных суждений’, и даже ‘самой группы как организации’ (*манифест либеральной платформы партии «Единая Россия»*). Или в одной статье с подзаголовком *«Ответственность за сегодня и завтра технологические платформы берут на себя»* как *научное объединение, принимающее решения, но и «площадка для споров» как новая реальность научной жизни* (Поиск 2011 № 44–45). В словаре под ред. Н.Ю. Шведовой такие употребления еще не учтены, но сейчас все шире распространяются.

Все сказанное свидетельствует только об одном: синкретизм значений, как и диффузность, это не только прошлое русского языка. И если диффузность облегчает адресанту порождение речи и защищает журналистов от возможных судебных исков [Сиротина 2012], но может вызывать негативные реакции адресата из-за неопределенности деятеля [Кормилицына 2012], то синкретизм значений адресанту только помогает в поиске нужного слова, но защитой не служит, поэтому вряд ли используется намеренно как особый прием. Адресат обычно тоже воспринимает сразу весь комплекс привычных уже ему значений слова, не вдаваясь ни в обыденном общении, ни при по-

треблении СМИ в точность переданного журналистом смысла, и лишь в редких случаях недоумевает, что же имеет в виду собеседник или журналист, если адресант пытался как-то разграничить свои употребления одного и того же слова. Смотри, например, статью «Легко ли быть первым?», где после приведенного выше подзаголовка читаем: *Сбор руководящего комитета технологической платформы «Медицина будущего»* (организация? учреждение? – О.С.); там (в Калининграде – О.С.) активно работает один из научно-технических советов (НТС) платформы, который возглавляет <...> (объединение? – О.С.), мысль о том, что незачем вводить новую бюрократическую структуру: платформа – коммуникативная площадка. Площадка, да Интернет в сто раз лучше; ТП начинали создавать как коммуникативную площадку, где нос к носу сходятся ученый, производственник, представитель власти. Но платформа не место, а скорее общество и т.д. Но так до конца и не проясняется, что же понимает под платформой автор статьи.

Попытки прояснить точное значение – исключение. Как правило употребляемое синкретичное или диффузное слово для того и используется, чтобы адресат воспринимал или всю возможную гамму значений, или одно из них – самое близкое его сознанию.

Библиографический список

- Елистратов В.С. Словарь московского аргю. – М., 1994.
- Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались. Словарь русского общего жаргона. – М., 1999.
- Земская Е.А. Толковый словарь русского языка жаргона. – М., 1999.
- Кормилицына М.А. Неопределенность как один из распространенных в современной прессе способов подачи информации // Известия Саратов. ун-та. Серия Филология. Журналистика, 2009. – Т. 9. – Вып. 3.
- Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Язык СМИ. Учебное пособие. – Саратов, 2012.
- Никитина Т.Г. Так говорит молодежь. Словарь молодежного сленга. – СПб, 1998.
- Николаева Т.М. Непарадигматическая лингвистика (история «блуждающих частиц»). – М., 2008.
- Новиков Вл. Словарь модных слов. Языковая картинка современности. – М., 2012.
- Пименова М.Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной асимметрии // Вопросы языкознания. – 2011. – № 3.
- Русская разговорная речь /Под ред. Е.А. Земской. – М., 1983.
- Сиротинина О.Б. Коммуникация, социальные и профессиональные риски ее срыва и его негативных последствий // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – М., 2012а, № 1.
- Сиротинина О.Б. Тенденция к диффузности и ее роль в общении //Русский язык сегодня. – М., 2012б. Вып. 5.
- Сиротинина О.Б. Модные слова: причины образования и риски употребления //Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2013. Вып. 13 (в печати).
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов /Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 2007.

МЕТОДИКА И ЛИНГВОДИДАКТИКА

Н.В.Байкулова
Саратов

УЧИТЬ УЧИТЬСЯ

Статья посвящена проблемам преподавания русского языка и литературы в условиях ФГОС. Современному миру нужны яркие, талантливые, образованные, нравственные, предприимчивые личности. Креативность, системность, критичность – три составляющих современного мышления. Современному учителю необходимо научиться мыслить по-новому, так как ФГОС вносят существенные изменения в цели, содержание и организацию учебно-воспитательного процесса.

Ключевые слова: ФГОС, педагогическое мастерство, изменения.

This work is devoted to problems of teaching of Russian and literature in the conditions of Federal state educational standart of the General education 2010. Outstanding, talented, educated, moral, enterprising personalities are necessary to the modern world. Creativity, systemacity, criticality – three making modern thinking. It is necessary for the modern teacher, having applied rich everyday and pedagogical skill to learn to think on-new, to change zakorenevshy habits as FGOS make essential changes in the purpose, the contents and the organization of teaching and educational process.

Key words: Federal state educational standard of the General education 2010, pedagogical skill, changes.

В «Концепции модернизации Российского образования» определены приоритетные направления образования. Ставятся задачи формирования у школьников гражданской ответственности, правого самосознания, привлечения их к исследовательской деятельности, усиления патриотического воспитания молодёжи. Существенную помощь в преподавании учебных дисциплин оказывают активные, нестандартные формы обучения, которые помогают осуществить индивидуальный подход и развитие творческих способностей каждого ученика. Активность не возникает сама собой при обращении к той или иной форме, а создаётся творческим трудом учителя и учащихся. «Мир стал динамичным. Новый день приносит новые задачи. От решения этих задач зависит не отметка в дневнике, а жизнь планеты, государства, семьи, каждого из нас. Современному миру нужны яркие личности, нужны талантливые учителя. Серость порождает серость. Огонь зажигает огонь. Только наивные люди могут думать, что компьютеры и интерактивные доски сделают нашу систему образования передовой. Не доски делают образование образо-

ванием, а реальные и актуальные знания и умения», – пишет Анатолий Гин [Гин 1999]. Три составляющих мышления, необходимых человеку, чтобы быть продуктивным в современном, динамично изменяющемся мире: креативность, системность, критичность. Функционально современный человек должен уметь: 1) быстро обучаться (приобретать новые компетенции); 2) работать с большими массивами плохо организованной (и зачастую недостоверной) информации; 3) решать творческие (не имеющие известных алгоритмов решения) задачи; 4) работать в группе; анализировать свои действия; самостоятельно принимать решения, прогнозируя их возможные последствия; 5) отличаться мобильностью; 6) быть способными к сотрудничеству; 7) обладать чувством ответственности за судьбу страны, ее социально-экономическое процветание.

Готовясь к конференции, я наткнулась на интересные статистические подсчеты. Родители ставят учителям своих детей такие оценки: «Единицу» поставили 15% родителей (кто детей учит ???); «Двойку» – 13% родителей (а это, может быть, в отместку за школьные обиды?); «Тройку» – 46% (чего и следовало ожидать: средняя температура по больнице, какой спрос?); «Четверку» учителям поставили 19% родителей (немало оптимистов в наших рядах!); «Пятерку» – 6% (а это радуется, значит, не перевелись еще те, кто готов биться за идею!). Критерии не указывались, и картина вырисовывается, на мой взгляд, грустная. Средняя оценка учителя наших детей, поставленная родителями, – «ТРОЙКА».

Больно и обидно... Детей учат посредственные учителя, каких результатов от такого обучения можно ждать? Что мы потеряли в процессе воспитания, образования? Главное, что мы потеряли, – умение менять свои привычки. С возрастом наши привычки становятся **непоколебимее**. Хорошо, если это стены прекрасного дома мечты, а если это железобетонные стены, ограничивающие ваши желания? Но речь сейчас не о плохих привычках и не о хороших, ведь если бы все было так просто, составила два списка: один – плохие привычки, второй – хорошие. Хорошие положила в сторонку, а с плохими немного поработала. Сначала придумала, на какие хорошие привычки следует заменить плохие и... шаг за шагом, день за днем привыкла становиться все гибче и текучей, как вода.

Так вот, самая большая проблема будет не в том, чтобы составить списки, хотя уверена, большую часть привычек с первого раза не заметить. Большая сложность будет в том, чтобы привычки сменить. Смена привычек – это и есть процесс обучения. Это очень наглядно видно в спорте, в единоборствах. Приходит новичок, у которого годами сформирована привычка как-то ходить, двигаться, перемещаться, а здесь ему эти привычки следует изме-

нить. И он с каждым движением, с каждым перемещением меняет свою привычку и проверяет на экзаменах или в спаррингах, насколько он гибок и готов к критическим ситуациям.

Мы разучились быть исследователями, мы разучились экспериментировать, мы разучились выдвигать гипотезы и проверять их. Мы разучились учиться. Главное, что мы потеряли, – **это умение учиться**. Возьмем хотя бы проблему общения, мы все ведь как-то общаемся, как привыкли. Но в большинстве случаев от того, как мы общаемся, проводим переговоры, зависят результаты. Мы привычно общаемся с работодателем, привычно общаемся с сотрудниками, привычно общаемся в семье, и закономерно, что результаты у нас привычные. А для того чтобы наши результаты улучшились, нам следует начать управляемо менять свои привычки. Изменить привычку делать, изменить привычку говорить, изменить привычку думать и, вообще, научиться менять привычки – научиться учиться. И это стратегическая задача любого обучения: не формировать из кирпичей знаний новые шаблоны, новые стереотипы, т.е. не формировать новые заборы и ограничения, а, наоборот, научить экспериментировать, исследовать и, используя знания, строить города своей мечты.

Объективно оценивать – это умение. Каждый предприниматель, руководитель знает, насколько важна объективная оценка в подборе сотрудников, насколько важна объективная оценка конкурентов, клиентов, рынка вообще. И каждый предприниматель знает цену ошибочной оценки, потому что за ошибочной оценкой следует неправильное решение, которое может привести к убыткам, а в крайнем случае – и к разорению бизнеса. Если вернуться к ценности знаний и умений, то можно сделать вывод, что умение объективно оценивать дорогого стоит.

Вывод из всех моих размышлений очень простой: главное, чему должны учить детей в школе, – умению объективно оценивать себя и окружающих и принимать правильные решения. Первое – ответственность за обучение. Второе – перестать быть самому учителю неумехой, следует всему начать учиться. Начав учиться, мы сможем научить и детей.

Структура современных уроков должна быть динамичной, с использованием набора разнообразных операций, объединенных в целесообразную деятельность. Очень важно, чтобы учитель поддерживал инициативу ученика в нужном направлении и обеспечивал приоритет деятельности ребенка по отношению к своему собственному. Продуктивные задания – главное средство достижения хорошего результата образования. Проблемы, с которыми столкнулись учителя сегодня – неумение детей самостоятельно решать поставленные перед ними задачи, отсутствие у них творческого потенциала.

Если ученик с самого начала обучения в школе будет обладать качествами, заложенными в ФГОС, то в среднем звене он становится «архитектором» образовательного процесса, сможет самостоятельно анализировать свою деятельность и вносить в нее коррективы.

Таким образом, новые ФГОС вносят существенные изменения в цели, содержание и организацию учебно-воспитательного процесса, которые влекут за собой необходимость перестройки всей образовательной деятельности и в первую очередь деятельности учителя, обеспечивающего учебный процесс. Современному обществу нужны образованные, нравственные, предприимчивые люди. «Если мы будем учить сегодня так, как мы учили вчера, мы украдем у детей завтра», – говорил Джон Дьюи.

Библиографический список

- Архипова Е.В.* Теория и практика обучения русскому языку /Е.В. Архипова, Т.М. Воителева, под редакцией Р.Б. Сабаткоева. – М., 2008.
- Гин А.А.* Приемы педагогической техники. – М., 1999.
- Зуева С.В.* Преподавание русского языка в контексте субъектной парадигмы образования. – Ульяновск, 2011.

А.Ю. Беляева, Л.П. Прокофьева
Саратов

ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО (Из опыта работы со студентами-медиками)

В статье рассматриваются некоторые интерактивные методы обучения и особенности (специфика) их применения в преподавании русского языка как иностранного студентам медицинского ВУЗа.

Ключевые слова: интерактивные методы, коммуникативные компетенции, деловые/ролевые игры, аудирование, презентация.

The article presents some types of interactive methods and specificity of these methods in teaching Russian language as foreign for students of high medical schools.

Key words: interactive methods, communicative competence, role-playing game, listening comprehension, presentation.

Вопрос подготовки высококвалифицированного специалиста ВПО является определяющим в аспекте реформирования образования. Одним из шагов в решении данного вопроса стало внедрение федеральных государственных стандартов высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) нового поколения. Отличие нового стандарта состоит в том, что в его основу положены не только предметные, но и практикоориентированные компетенции. При этом знакомые всем педагогам ЗУНы (знания – умения – навыки) трансформировались в компетентностный подход, под которым понимается обучение, строящееся на определении, освоении и демонстрации умений, знаний, типов поведения и отношений, необходимых для конкретной трудовой деятельности/профессии. Ключевым принципом данного типа обучения является ориентация на результаты, значимые для сферы труда.

Учебная дисциплина «Русский язык как иностранный» имеет специфические цели, задачи и формы обучения, связанные с превалированием коммуникативных компетенций, необходимых и достаточных для практического использования языка в каждом из видов речевой деятельности (чтение, письмо, говорение, аудирование). Особое значение имеет тот факт, что наряду с собственно знаниями по русской грамматике, лексике, культуре речи компетенции включают и поведенческий аспект, т.е. систему социально-нравственных профессиональных ориентиров, а именно: взаимодействие с коллегами, пациентами, умение формировать у больных позитивное отношение к своему здоровью и т.д. В связи с этим перед преподавателем РКИ в медицинском вузе постоянно стоит проблема полифункциональности языковых и речевых навыков, что требует использования дополнительных методиче-

ских приемов, позволяющих в комплексе решать поставленные педагогические задачи.

Для полноценного освоения профессией врача иностранному студенту придется почти одновременно работать над несколькими типизированными коммуникационными ситуациями:

-формированием научного стиля речи (НСР), вырабатывая способность понимать и использовать универсальные конструкции НСР при ответе на практическом занятии, семинаре, экзамене, выступлении на учебной или научной конференции;

-учиться задавать правильные вопросы в непосредственном общении с пациентом, «перекодируя» при этом на профессиональный язык (как устный, так и письменный) любые жалобы носителя русского языка;

-набирать необходимый лексический и синтаксический минимум для коммуникации с коллегой (важную роль в этом играет освоение правил речевого этикета врача), усвоение типичных конструкций выступления на клинической конференции и т.д. и т.п.

Соответственно, чтобы иностранный студент смог в кратчайшие сроки включиться в каждую из описанных выше ситуаций, преподаватель должен так организовать процесс обучения, чтобы помочь максимально эффективно «встроиться» в речевые стандарты будущей профессии, не забывая, конечно, о правилах русского языка и о нормах русской речи. Помочь в этом призваны интерактивные приемы и методы преподавания.

Преподавание называется интерактивным, если во время занятия наблюдается высокий уровень взаимодействия между всеми участниками процесса обучения. В методической литературе многократно описаны виды и способы обучения с использованием всевозможных инноваций, предложены многочисленные классификации приемов преподавания. Приведем фрагмент, представляющийся нам логичным, вполне апробированным десятилетиями российского образования, но, безусловно, включающий и методики последних десятилетий. Его предлагает А.П. Панфилова в книге «Инновационные педагогические технологии. Активное обучение» [Панфилова 2009]. Среди интерактивных методов выделяются:

-методы объяснительно-иллюстративного обучения (лекции, семинары, рассказ, беседа, самостоятельная работа над учебным материалом;

-методы репродуктивного обучения (упражнения, практикум, программированное обучение, тренинги навыков);

-методы проблемно-поискового обучения (проблемное изложение, частично-поисковый (эвристический, или сократический), исследовательский, «мозговой штурм»);

-коммуникативные методы обучения (дискуссия, диалог, полемика, «жужжащие группы», «снежный ком», метод проектов, презентации);

-имитационно-ролевые методы обучения (имитационные упражнения, деловая игра, ролевая игра, организационно-деятельностные игры, организационно-мыслительные игры, «аквариум», анализ конкретной ситуации (кейс-стади)).

Сразу оговоримся, что наш практический опыт работы с иностранными студентами СГМУ позволяет говорить о том, что для достижения поставленных Болонскими соглашениями и зафиксированных в новых ФГОСах задач требуются новые сложные комплексные методы, объединяющие различные традиционные методики. И, как нам кажется, на кафедре РКИ эта система сложилась и успешно функционирует.

Интерактивные имитационные методы обучения, например, деловые и ролевые игры, учебные фильмы, компьютерные программы-тренажеры и тесты, мультимедийные презентации, сопровождающие лекционные курсы и пр., являются необходимым компонентом современного образовательного процесса, и потому активно применяются в преподавании различных учебных дисциплин гуманитарного и негуманитарного направления, однако цели и способы их использования на языковых и неязыковых занятиях различны. Рассмотрим некоторые примеры особенностей применения интерактивных методов обучения на занятиях русского языка как иностранного в СГМУ.

В методической литературе деловая игра определяется как «комплексный методический прием обучения, при котором учащиеся в первую очередь рассматривают процесс принятия решения». При этом уточняется, что «...Этот процесс воспроизводится на модели, в результате чего появляются эпизоды (определенные результаты и их следствия), которые чаще всего необратимы... В деловой игре действие всегда характеризуется анализом проблем, взвешиванием альтернатив, разработкой стратегий и принятием решений.» [Болтаева 2012]).Ролевая игра, помимо данной характеристики, имеет еще два необходимых условия: 1) наличие организатора игры («мастер», он же преподаватель), 2) комплекс правил и ограничений, который принимает на себя участник игры.

В преподавании РКИ иностранным студентам-медикам ни деловая игра, ни ролевая не могут существовать в чистом виде, так как в процессе обучения отрабатываются специфические умения общения на иностранном языке в иноязычной культуре. В связи с этим, для проведения игры на занятии по РКИ необходимо знать нормы вербального и невербального общения (правила и ограничения), которые сообщает носитель русского языка и культуры (преподаватель-«мастер»). В конце занятия преподаватель помогает

проанализировать ошибки и причины их появления (признаки деловой игры). Еще одна особенность деловой-ролевой игры по РКИ заключается в том, что на первый план выходит умение решать коммуникативные задачи, которые заставляют учащихся выбирать в каждом конкретном случае либо тактику сотрудничества (кооперативности), либо тактику соперничества, а также соответствующие каждой тактике речевые образцы (конструкции). Перед участниками такой игры стоит цель либо получить информацию, либо сообщить ее. Если на занятии-дискуссии или конференции учащиеся для достижения своей цели могут с равным успехом использовать оба вида тактик, то в игре, имитирующей профессиональное общение «Диалог врача с больным», приходится избирать кооперативное общение и его речевые средства, исключая возможность возникновения конфликта.

Особенность подготовки и проведения игры «Диалог врача с больным» состоит и в том, что ситуация общения объединяет речевые средства разговорной речи (со стороны «пациента» и «врача») и научного стиля (со стороны «врача»). Кроме того, почти весь диалог строится на вопросно-ответной системе, в связи с чем, участнику, исполняющему роль «врача» необходимо показать умение варьировать вопросы (общие, альтернативные, уточняющие) в зависимости от ответов «пациента».

Мультимедийная презентация, сопровождающая лекции для иностранных студентов, помимо своей основной функции (облегчить восприятие устной иностранной речи) выполняет еще несколько, например, позволяет преподавателю представить фотографии или картинки реалий российской действительности, названия которых иностранцы не знают/не понимают в связи с отсутствием таковых реалий в их жизни. Для студентов фармацевтов это, прежде всего, названия растений, встречающихся только на территории России. Кроме того, на занятиях РКИ с успехом применяется презентация в автоматическом режиме, представляющая слайды в течение 10-15 секунд. За это время учащиеся должны успеть задать друг другу определенные вопросы и ответить на них, используя информацию слайда. Научившись «читать» презентацию, подготовленную преподавателем, учащийся переходит на следующий уровень – создает собственную презентацию по определенной теме (для модуля «Страноведение» или учебной конференции), которая сопровождает его устное выступление.

Интересные результаты мы получили при использовании на занятии по РКИ видеотекстов. Безусловно, в работе с фильмами есть свои особенности, которые необходимо учитывать при подготовке плана-конспекта занятия. Во-первых, просмотр художественных, анимационных и документальных фильмов знакомит учащихся с культурными особенностями страны изучаемого

языка, а также позволяет проверить сформированность навыков спонтанного аудирования. Во-вторых, применение фильмов помогает отработать коммуникативные навыки и расширить словарный запас студентов. В этом, в частности, помогает так называемая «новая озвучка» какого-либо эпизода фильма. Для чего студенты должны сами подготовить новый вариант диалога/полилога героев фильма и произнести свои реплики, не нарушая интервала, отведенного для конкретного фрагмента. Еще одним способом активизации комплекса навыков аудирования и говорения на продвинутом этапе (не ниже II Сертификационного уровня) становится «дублирование» оригинального фильма на языке студента, не переведенного до этого на русский, но представляющего страноведческий и культурологический интерес для обеих сторон педагогической коммуникации. Обучающийся готовится к синхронному переводу фильма, подбирает из своего лексикона слова и выражения, максимально соответствующие смыслу, но при этом его главным стремлением является коммуникация – желание, чтобы тебя поняли! Преподаватель на занятии помогает найти нужный эквивалент, синонимы, антонимы, фразеологические выражения. Таким образом преподаватель мотивирует студента к расширению словарного запаса, побуждает к творческой деятельности, способствуя его языковому и интеллектуальному росту.

Библиографический список

- Панфилова А.П.* Инновационные педагогические технологии. Активное обучение. – М., 2009.
- Болтаева М.* Деловая игра в обучении//Молодой ученый. – 2012. – № 2. – С.252-254. URL: www.moluch.ru/archive/37/4267 (дата обращения 03.03.2013).

И.В. Борисова
Саратов

ФОРМИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ С ПОМОЩЬЮ ТЕХНОЛОГИИ ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ

В статье представлен опыт использования технологии проектного обучения в процессе формирования творческой личности на уроках русского языка и литературы. Метод проектов способствует решению многих задач образования, воспитания, развития учащихся: формирует активную, творческую, любознательную, нравственную личность, умеющую высказывать, отстаивать, обосновывать свою точку зрения. Использование метода проектов позволяет учителю построить учебный процесс с учетом личностных особенностей каждого учащегося, дифференцировать и индивидуализировать учебный процесс, активизировать творческую деятельность учеников, раскрывать их творческий потенциал.

Ключевые слова: технология, проект, творчество.

This article is about my experience of using project-based learning technologies in the process of developing of a creative person at the lessons of Russian and Literature. The method of project-based learning helps to solve many problems of education, bringing up and developing of students. It forms an active, creative, curious and moral personality, who is able to speak up, to defend, to justify his point of view. The use of the project allows teachers to build a learning process considering personal characteristics of each student, to differentiate and personalize the learning process, intensify creative activities of students and reveal their creativity.

Key words: technologies, project, creativity.

В современной школе существуют два основных направления работы: модернизация традиционного обучения и осуществление инновационного подхода, в котором целью является развитие у учащихся творческого и критического мышления. Этому способствуют различные образовательные технологии. Одной из важных технологий является метод проектов. Недаром проектирование относят к технологиям XXI века.

Идеи проектного обучения возникли в России в начале XX века, параллельно с разработками американского педагога Д. Дьюи, а также его ученика В.Х. Килпатрика. Под руководством русского педагога С.Т. Шацкого в 1905 году была организована небольшая группа сотрудников, пытавшихся активно использовать проектные методы в практике преподавания. Позднее, уже при советской власти, эти идеи стали довольно широко внедряться в школы, но в 1931 году незаслуженно осуждены и до 80-х годов оставались невостребованными.

Педагоги призваны учить детей творчеству, воспитывать в каждом ребёнке самостоятельную личность, умеющую находить эффективные способы решения проблемы. Основная задача педагогов - вовлечь учащихся в такую

форму деятельности, где бы они были погружены в атмосферу, требующую думать, рассуждать, грамотно излагать свои мысли. Это можно сделать с помощью внедрения в работу проектной деятельности. Метод проектов – технология, которая включает в себя совокупность исследовательских, проблемных, поисковых методов, творческих по своей сути. В своей работе хочу показать преимущества метода проектов.

Почему из разнообразия инновационных направлений мной выбран метод проектов? Во-первых, потому что в условиях классно-урочной системы занятий он наиболее легко вписывается в учебный процесс; во-вторых, потому что этот метод обеспечивает интеллектуальное и нравственное развитие детей, их самостоятельность, творческое и критическое мышление; в-третьих, потому что проекты сплачивают детей и родителей, развивают умение работать в команде.

Работа, организованная в рамках технологии проектного обучения, интересна мне, моим ученикам и родителям. Дети включаются в поисковую деятельность, учатся работать с информацией, собирая материал из разных источников, проявляют свою творческую фантазию. Каждый проект – это творчество. Я считаю, что именно в школе начинается процесс становления творческой личности. В дальнейшем человеку с творческим складом ума легче не только сменить профессию, но и найти творческую «изюминку» в любом деле, увлечься любой работой и достичь высокой производительности труда. Учителями нашей гимназии широко применяется технология проектного обучения.

«Проект» (*лат*) – «выброшенный вперед», «выступающий», «бросающийся в глаза». Проект – это специально организованный преподавателем и самостоятельно выполняемый учащимися комплекс действий, завершающийся созданием творческого продукта. Проект-это 5«П»: проблема, проектирование (планирование), поиск информации, продукт, презентация. Проекты бывают нескольких видов: исследовательские, информационные, творческие, игровые и т.д.

Творческий проект имеет свои специфические черты и создает условия для формирования и развития у учащихся креативных способностей. Специфической особенностью такого проекта является и форма представления результатов: подготовка праздника, выпуск газеты, съемка видеofilmа, оформление выставки и т.д. Например, продуктом деятельности участников творческого проекта «Новогодний калейдоскоп» явились творческие работы, а проект «История романса» закончился литературной гостиной «Вечер русского романса». Результатом проекта «Пейзажные зарисовки. Времена года» стала коллективная творческая работа учащихся «Лирические миниатюры».

К празднику Победы был разработан проект «Война коснулась и нашей семьи». Лучшие творческие работы учащихся были размещены в школьной газете «Гимназический вестник», корреспондентами которой являются ученики нашей гимназии. Результатом проекта «Книга в моей семье» стали презентации учащихся и фотовыставка «Я и книга».

Более сложными являются информационные и исследовательские проекты. Исследовательские проекты имеют структуру, приближенную к подлинному научному исследованию. Ученики нашей гимназии обладают достаточными знаниями, опытом исследовательской работы, владеют навыками использования компьютера для поиска информации и оформления письменной части проекта. Заканчивается проект обсуждением и оформлением результатов, формулированием выводов и обозначением проблем на дальнейшую перспективу исследования. С учащимися социально-гуманитарного класса были разработаны следующие проекты: «Проблемы современного русского литературного языка», «Емельян Пугачев в повести А.С.Пушкина «Капитанская дочка и «Истории Пугачева», «Средства создания образа героини в феерии А. Грина «Алые паруса». Результатом проектной исследовательской деятельности стали творческие работы учащихся, с которыми они выступили на городской конференции.

Информационные проекты – это тип проектов, призванный научить школьников добывать и анализировать информацию. Результатом проекта «Особенности русского ударения» стал «Орфоэпический словарик школьника», в который вошли трудные случаи постановки ударения. В процессе обучения могут разрабатываться как индивидуальные, так и групповые проекты. «Черт вас возьми, степи, как вы хороши!» – групповой проект. Учащиеся 1 группы рассматривали лексические изобразительно-выразительные средства языка, использованные Н.В. Гоголем в отрывке из повести «Тарас Бульба» «Степь днем». Учащиеся 2 группы анализировали средства синтаксиса в отрывке «Степь вечером», а учащиеся 3 группы работали над отрывком «Степь ночью». Результатом творческой деятельности стали презентации учащихся.

Особенно запомнились учащимся проекты, организованные совместно с библиотекой. Проект «Книге – вторую жизнь» способствует организации сотрудничества детей и родителей в процессе совместной деятельности по реставрации книг из школьной библиотеки. По ходу и результатам проекта был создан фотоальбом. Целью проекта «Дизайн книжных закладок» является привлечение семьи к воспитанию ребенка через совместную детско-взрослую деятельность, формирование семейных ценностей через реализацию совместного досуга. Результатом проекта стала выставка книжных закладок.

Подводя итог, хочу отметить ещё раз, что воспитание всесторонней, гармоничной и творческой личности – главная задача учителя. Наличие творческих интересов у школьников способствует росту их активности на уроках, качества знаний, формированию положительных мотивов учения, активной жизненной позиции, что в совокупности и вызывает повышение эффективности процесса обучения.

Использование метода проектов позволяет мне как учителю построить учебный процесс с учетом личностных особенностей каждого учащегося, дифференцировать и индивидуализировать учебный процесс, активизировать творческую деятельность учеников, раскрывать их творческий потенциал.

Библиографический список

Гузев В.В. Образовательная технология от приема до философии. – М., 1996.

Селевко Г.К. Современные образовательные технологии: Учебное пособие. – М., 1998.

Т.В. Веселкова
Саратов

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЕХОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ОБЛАСТИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В КУРСЕ «МОРФОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА»

В результате взаимодействия частей речи возникают переходные явления как отражение системного характера грамматического строя русского языка. Переходность в области частей речи представлена в виде двух групп явлений. Партикуляция является малоизученным, но активным в современном русском языке процессом.

Ключевые слова: часть речи, переходные явления, партикуляция.

As a result of interaction between parts of speech there appear transitional phenomena as a reflection of the systematic character of the Russian language. Part of speech transition is represented in the form of language phenomena of two groups, particulation being one of these. This is a quite active process in the modern Russian language which is not well studied yet.

Key words: part of speech, transitional phenomena, particulation.

При изучении раздела «Морфология» в курсе «Современный русский язык» наиболее трудным является вопрос о переходных явлениях в области частей речи.

Хотя традиционная система, изучающая грамматический строй языка, даёт возможность распределить почти все лексемы по частям речи, в результате взаимодействия частей речи, отражая системный характер грамматического строя русского языка, возникают переходные явления. Большой вклад в изучение этих явлений внесли работы В.В. Виноградова, В.В. Бабайцевой, Л.Д. Чесноковой, А.С. Беднякова, А.Я. Баудера и др. В современном русском языке переходность в системе частей речи – это «процесс преобразования структурных и семантических свойств слов при сохранении исходного звукового и графического комплекса» [Баудер 1991: 23].

Переходность в области частей речи проходит в двух направлениях:

- переход слов из одной части речи в другую как результат морфологосинтаксического способа словообразования. Следствием такого перехода являются грамматические омонимы, например: *идти на встречу с ветераном* – *идти навстречу*;

- переходные явления в пределах одной части речи (в области лексикограмматических разрядов), например: *золотое кольцо* (относительное прилагательное) – *золотые руки* (качественное прилагательное), вещественные существительные переходят в собирательные: *ваза из хрусталя* – *перемыть хрусталь* (посуду из хрусталя) и т. д.

Следует также учитывать, что при переходе слов из одной части речи в другую могут возникать синкретичные образования, которые совмещают при-

знаки единиц разных классов как результат окончательно не завершённого перехода: например, в предложении *Утром легко дышится* словоформа *утром* совмещает признаки существительного (*Ранним утром легко дышится*) и наречия.

Наибольшие трудности возникают при изучении партикуляции – малоизученного, но активного в современном русском языке процесса образования новых частиц на базе других частей речи. Новые частицы возникают прежде всего в непринуждённой устной речи, через речь персонажей проникают в художественную литературу, развивают полисемию, свойственную вообще частицам как лексико-грамматическому классу слов.

Как известно, в частицы переходят знаменательные и служебные части речи, а также модальные слова. Процесс партикуляции любой части речи сопровождается сдвигами в лексическом значении исходных слов. Переход наречий, категории состояния, местоимений, глаголов сопровождается утратой их основных грамматических признаков: способности вступать в подчинительные связи с другими словами, быть членами предложения. Знаменательные слова превращаются в неполнозначные и служат для выражения различных оттенков значения, что свойственно частицам. Небольшая часть лексем, перейдя в частицы, перестала употребляться в своей первоначальной номинативной функции. Таковы частицы *вот, разве, именно, единственно, неужели*, которые в современном русском языке уже не имеют соотносительных наречий. Переход модальных и служебных слов (предлогов и союзов) в частицы также изменяет их частеречную семантику и функции в предложении. При переходе в частицы служебных слов изменяется их функция: так, предлоги перестают сочетаться с именами существительными в условиях двусторонних синтаксических связей; союзы – связывать однородные члены предложения и части сложного предложения.

Трудности вызывает разграничение производных частиц и их функциональных омонимов. Например, наречие *просто* перешло в частицу, которая в процессе употребления в этой функции стала выражать два значения: – *У меня в Тамбове дом, с позволения сказать, просто развалился* (И. Тургенев) – значение усилительной частицы; *Берег между скалами весь пустой, низменный, просто куча песку, и на нём растёт ряд кокосовых пальм* (И. Гончаров) – значение ограничительной частицы.

В данных случаях можно говорить о завершившемся процессе партикуляции, труднее отграничить синкретичные явления. Например, лексему *чисто* в функции частицы можно назвать синкретичным образованием: она может быть заменена и частицей, и наречием со значением степени (положение перед именем прилагательным способствует появлению этого значения и связанной с

ним ограничительной семы): *Как чисто подметены его тротуары и, боже, сколько ног оставило на нём следы свои!* (А. Чехов) – *Мне хотелось написать книгу чисто географическую, суровую, строгую, похожую на отчёт о путешествии...* (К. Паустовский). Ср. возможность замены лексемами *абсолютно* (наречие), *только, просто* (частицы). Интересно с этой точки зрения синкретичное по своей природе слово *один*, которое в разных условиях функционирования совмещает в себе признаки количественного слова и других классов слов. Ср.: 1) *Семь раз примерь – один отрежь* (посл.) – в позиции перед именем существительным (хотя и опущенным) *один* – имя числительное; 2) *И один в поле воин* – совмещение признаков количественного и предметного слова; 3) *Века всё смеют, Дни пройдут, Людская речь в один язык сольётся* (С. Есенин) – синкретизм количественного и адъективного слова; 4) *Несколько таких черепах вёз в нашем поезде один молодой человек* (М. Пришвин) – совмещение признаков количественного и местоименного слова (такое употребление обычно рассматривается как прономинализация); 5) *И будешь ты когда-нибудь Один в бессонный час полночи Сидеть с свечой ... и тайно грудь вздохнёт – и вдруг заплачут очи...* (М. Лермонтов) – синкретизм признаков количественного и наречного слова; 6) *Все мы суетились около стола, один Лермонтов не принимал участия в наших хлопотах* (Е. Сушкова) – совмещение признаков количественного слова и ограничительной частицы.

Отграничить частицы от других частей речи иногда бывает затруднительно, особенно это касается модальных частиц и модальных слов. Следует учитывать в таких случаях и значение, и синтаксическую функцию (вводного слова для модальных слов), и тип предложения по цели высказывания. Так, модальные слова обладают бóльшим семантическим весом, чем модальные частицы, они обычно имеют одно устойчивое значение, в то время как частицы многозначны. Модальные частицы преимущественно выражают неуверенность, сомнение, колебание, часто с эмоционально-экспрессивной оценкой, чего нельзя сказать о модальных словах: им свойственна эмоционально-экспрессивная нейтральность. Отмечают и ещё один критерий: модальные слова, выражая оценку степени достоверности сообщаемого, употребляются преимущественно в повествовательном предложении. В вопросительном предложении употребляются модальные слова с общим значением предположения: – *Вы сирота: вероятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?* (А. Пушкин). Модальные слова со значением уверенности в вопросительных предложениях употребляются редко. Ещё более ограничено употребление модальных слов в побудительных предложениях, однако и в них, и в вопросительных конструкциях широко используются модальные частицы [Буглак 1985, 4: 100].

При разграничении частиц и омонимичных частей речи эффективен приём субституции.

При изучении переходных явлений в области частей речи рекомендуем учитывать следующее:

– партикуляции подвергаются местоимения и наречия: Ср.: 1) *Лукашка в это время; встав, справлял ружьё* (Л. Толстой); *С этим юродивым я и разговаривать не стану. Это как угодно* (А. Чехов) – указательная частица; – *Да куда это так спешите?.. Мне столько бы хотелось вам сказать,.. столько расспросить* (М. Лермонтов) – усилительная частица; 2) *Катюша поехала в город и остановилась там у тётки* (Л. Толстой) – *Что бы там ни писали, пьеса Немировича будет иметь успех* (А. Чехов); 3) *Воспитывает всё: люди, вещи, явления, но прежде всего и дольше всего – люди* (А. Макаренко); – *Скоро полночь, а барыня всё не едет* (М. Салтыков-Щедрин); *Я принялся её рассматривать, сперва украдкой, потом всё смелее и смелее* (И. Тургенев). Ряд функциональных омонимов составляют: местоимение-прилагательное в субстантивном употреблении – наречие – частица; 4) *Я тебе скажу прямо: ты не стоишь этого человека* (А.Н. Островский) – *Дождь, ветер, холодище, паровоз старый, скверный..., измаялся я в эту ночь – прямо сил нет!* (М. Горький);

– партикуляции подвергаются слова категории состояния: Ср.: 1) *Подрядчик запрягал лошадь. Затягивая супонь, он повернул к плотникам покрасневшее от напряжения лицо и одобрительно сказал: – Явились, артельщики! Ну и добро!* (Вс. Иванов) – *Добро*, – сказал он ей после некоторого молчания, – *жди себе кого хочешь в избавители, а покамест сиди в этой комнате* (А. Пушкин); 2) *Царь Салтан гостей сажает За свой стол и вопрошает: – Ой вы, гости-господа, Долго ль ездили? Куда? Ладно ль за морем иль худо?* (А. Пушкин); – *Что ж, чайку можно попить, – сочувственно вздохнул о. Христофор. – Это не задержит. – Ну, ладно, – согласился Кузмичёв* (А. Чехов);

– партикуляции подвергаются глаголы: Ср.: 1) *Всегда так будет, как бывало; Таков издревле белый свет: Учёных много, умных мало, Знакомых – тьма, а друга нет* (А. Пушкин) – *Бэла, бывало, нам поёт песню или пляшет лезгинку* (М. Лермонтов); 2) – *Дай книгу, пожалуйста – Я вижу, что она сама вся трясётся от ревнивой муки, и думаю: дай я её не страхом ада, а сладким воспоминанием от этих мыслей отведу...* (М. Лермонтов); 3) – *У вас есть плащ? – Есть, – глубоко вздохнула Лёля* (К. Паустовский) – *Передай Чоху... пусть проверит, как закреплён груз в трюмах. Надвигается шторм. – Есть!* – прокричал вахтенный (К. Паустовский) – утвердительная частица;

– партикуляции подвергаются модальные слова: Ср.: 1) *У меня две тысячи рублей пропало. Шутка! Наживи поди!* (А.Н. Островский) – *Да вы, поди,*

и не знаете, какой-такой мужик есть (М. Салтыков-Щедрин) – *Она ещё ни разу, верно, до этого дня не видела, как рвутся снаряды, а **поди** ж, оказавшись в такой трудной обстановке, сразу сообразила, что следует предпринять* (В. Саянов). Ряд функциональных омонимов составляют глагол – модальное слово – частица, которая выражает удивление; 2) *Сейчас, почти через сорок лет, весь тот путь, что мы прошли тогда втроём, **конечно**, изменился, и никто из нас его, должно быть, сразу и не узнает* (К. Паустовский) – *Что же это? – спрашивает князь, стало быть, без разговора всё начистоту выкладывать? – **Конечно**, – говорит, – объясните прямо, в чём дело? Мы ведь с вами коротко знакомы, – церемониться нечего* (М. Лермонтов) – утвердительная частица;

– партикуляции подвергаются союзы: *Лицо её было бледно, слегка раскрытые губы **тоже** побледнели* (И. Тургенев) – ... *Вот бы и простил мне... **Тот же** – учитель* (М. Горький) – частица выражает пренебрежение;

– партикуляции подвергаются предлоги: Ср.: *Мне было двадцать пять лет, когда я начал писать что-то **вроде** воспоминаний* (А. Герцен) – *Мария подошла ко мне, взяла за руку, и сразу мне **вроде** легче стало* (Б. Полевой).

В настоящее время выделяются словесные комплексы, которые могут быть названы аналогами частиц: *ну и ... же* (*Ну и плакса же ты!*); *а и то* (*А и то верно*); *и то ведь* (*И то ведь приходится решать это*); *ну уж и* (*Ну уж и сказать нельзя!*); *ну вот и* (*Ну вот и ты так же*); *да уж и* (*Да уж и говорить с тобой не хочется*); *нет-нет и* (*Нет-нет и вспомнит*); *чуть не* (*Чуть не уснул*) и др.

Библиографический список

- Бедняков А.С. Явления переходности в грамматических категориях в современном русском языке // Русский язык в школе. – 1941. – № 3.
- Баудер А.Я. Лексико-семантический аспект явлений переходности в системе частей речи // Переходность и синкретизм в языке и речи. – М, 1991.
- Буглак С.И. О разграничении модальных слов и частиц // Русский язык в школе. – 1985. – № 4.

О.Н. Грачева
Саратов

**УЧЕБНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
В.И. САХАРОВА, В.А. ЧАЛМАЕВА, С.А. ЗИНИНА –
УЧЕБНИКИ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ**

В статье дается анализ учебников литературы нового поколения для общеобразовательных учреждений, которые содержат развернутую картину развития отечественной литературы XIX-XX столетий. Учебники имеют двухуровневую структуру, обеспечивающую изучение предмета на базовом и профильном уровне, соответствуют требованиям ФГОС.

Ключевые слова: учебники нового поколения, базовый и профильный уровни.

The article gives the analysis of literature textbooks of new generation for educational institutions(10-11f.) by V.Y. Sacharov, V.A. Chalmaev, S.A. Zinin, which contain a detailed picture of the development of the national literature of the XIX-XX centuries. The textbooks have a two-tier structure, which provides studying of the subject at the basic and specialized level. They are also coincided to the requirements of the Federal state educational standard of the General education 2010.

Key words: textbooks of new generation, basic and specialized level.

Школа играет важную роль в становлении личности человека. Основной задачей современного образования является развитие каждого учащегося с учётом его индивидуальности и переход от информационно-репродуктивного обучения к активно-творческому и продуктивно-деятельностному. В связи с этим возникает проблема выбора учебной литературы. Издательство «Русское слово» выпустило УМК «Литература. 10-11 класс» (для профильного и базового уровня), авторами которого являются С.А. Зинин, В.А. Сахаров, В.А. Чалмаев [Сахаров 2010; Чалмаев 2011]. Этот УМК входит в Федеральный перечень учебников, рекомендованных (допущенных) Министерством образования и науки Российской Федерации к использованию в образовательном процессе в общеобразовательных учреждениях и соответствует требованиям ФГОС. В 2004 году учебники новой линии В.И. Сахарова, В.А. Чалмаева и С.А. Зинина для 10-11 классов получили Национальную премию Русской Государственной библиотеки. Что характерно для этой линии учебников?

Методический аппарат учебников, а также логичность, последовательность и доступность изложения материала помогают организовать дифференцированную самостоятельную работу учащихся на каждом уроке, что позволяет реализовать системно-деятельностный подход в обучении и обеспечивает возможность формирования и развития у учащихся личностных,

предметных и метапредметных универсальных учебных действий. Школьники учатся работать с текстом, анализировать и оценивать информацию, преобразовывать её из одной формы в другую, делать выводы, аргументировать свою точку зрения, то есть овладевают ключевыми компетенциями: учебно-познавательными, информационными, ценностно-смысловыми и коммуникативными. Наличие в учебниках большого количества интересного материала, дополнительные рубрики расширяют кругозор учащихся, позволяют разнообразить уроки и использовать различные современные образовательные технологии, прививают любовь к русскому языку, литературе, Родине. Выполняя творческие задания, школьники приобретают навыки исследовательской деятельности. Большое внимание в учебниках обращается на практическое значение полученных знаний, что способствует развитию интереса к общественно-гуманитарным наукам, воспитанию ответственного отношения к себе и обществу, в котором мы живём.

В содержательном отношении предлагаемый авторами историко-литературный курс имеет целью рассмотрение основных потоков русской литературы XIX-XX веков как высокого патриотического и гуманистического единства, в основе которого лежит любовь к России и человеку – непререкаемым ценностям нашей культуры. Структура курса отражает принцип постепенности в развитии литературы, преемственности литературных явлений, рассматриваемых в общекультурном контексте. Применительно к русской классике XIX века авторы стремились к наиболее широкому освещению литературного процесса второй половины столетия (творчество А.Н. Островского, И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Н.Г. Чернышевского, Н.С. Лескова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и др.). Литература первой половины XIX века представлена в начале курса обзором творчества ведущих русских классиков (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь), углубляющим и расширяющим курс предшествующего класса (следуя принципу завершенности основных ступеней общего образования, авторы тематически связали материал вводного обзора с содержанием концентра 9 класса, включающего развернутые разделы по творчеству упомянутых писателей). Существенно переосмыслены авторами структура и содержание курса литературы XX века. Авторы стремились избежать «перекосов» в соотношении различных пластов литературы XX столетия (реализм и модернизм, эмигрантские и советские авторы и т.д.). В учебник введены новые разделы, такие как «Парижская нота русской поэзии», «Новейшая проза и поэзия 80-90-х гг.», «У литературной карты России». Обзорные и монографические разделы курса, взаимно дополняя друг друга, отражают общую динамику развития отечественной литературы на фоне великих исторических свершений и ка-

таклизов. Богатый историко-литературный материал, широко и разнообразно представленный в учебниках, организован в соответствии с задачей двухуровневого его использования, т.е. варьирования в зависимости от специфики класса. Включая необходимый объем базовых знаний по предмету, каждый из названных учебников дает учителю возможность планирования материала на профильном уровне, предполагающем более детальное, углубленное изучение историко-литературного курса. Учебники нового поколения призваны дать старшекласснику возможность выбора траектории освоения знаний, обеспечить его право на индивидуально-творческое погружение в то общее «поле культуры», которое формирует духовный мир личности в ее связи с общенациональной традицией.

Основной текст разделов каждого из предложенных учебников структурирован в соответствии с установкой на его двухуровневое изучение. Историко-литературный материал, предназначенный для изучения предмета на профильном уровне, маркирован в тексте двумя способами – особым шрифтом или значком. Последним помечены те монографические разделы курса, которые изучаются в профильных классах и расширяют представление о том или ином периоде развития литературы. Особо следует оговорить разделы «У литературной карты России» (11 класс), содержащие небольшие главки-монографии, посвященные писателям так называемого «второго ряда», имена которых в действительности представляют «золотой фонд» отечественной культуры. Работа по этим разделам может иметь отчетливо выраженный региональный характер (многие из этих писателей имеют на родине музеи). Перечисленные выше «маркированные» разделы могут быть рекомендованы учащимся для самостоятельного ознакомления, если речь идет о классах непрофильного уровня (материал данных разделов может также послужить основой для докладов и рефератов учащихся на обзорных уроках по курсу).

В ряде базовых разделов курса представлен анализ произведений, рекомендованных для классов гуманитарного профиля, произведения помечены значком (например, роман И.А. Гончарова «Обыкновенная история», драма А.П. Чехова «Три сестры», повесть М. Горького «Фома Гордеев», поэма В.В. Маяковского «Про это», цикл М.А. Шолохова «Донские рассказы» и др.). Текст внутри разделов, предназначенный для углубления знаний по предмету, выделен специальным шрифтом и имеет следующую содержательную направленность: 1) сведения культурно-исторического характера, раздвигающие границы видения литературной эпохи; 2) дополнительный материал к монографическим разделам, углубляющий представление об этапах творческого развития художника; 3) дополнительные факты биографии писателя, имеющие непосредственное влияние на его творчество; 4) краткий ана-

лиз произведений писателя, не входящих в основной круг чтения, но имеющих «знаковый» статус в его творчестве; 5) материал, обращенный к конкретной области поэтики писателя и углубляющий общее содержание раздела; 6) факты творческой (сценической) истории рассматриваемого произведения, способствующие формированию культуры читателя-исследователя; 7) характеристика литературного течения (группы), которое возглавлял или к которому примыкал изучаемый автор. «Маркированный» текст может быть использован учителем разнообразно: и в качестве материала для дополнительного чтения, и как основа для подготовки индивидуальных сообщений учащихся, и как материал для выборочного конспектирования и составления рабочих схем.

Формирование теоретико-литературной грамотности учащихся на базе двухуровневого учебника осуществляется различными способами: а) закрепление специальной терминологии, ранее усвоенной учащимися, в разборе конкретных произведений; б) разъяснение важнейших теоретико-литературных понятий в рамках статьи учебника; в) вынесение круга новейших литературоведческих понятий в отдельный раздел в конце учебника (11 кл.). Две первые из перечисленных позиций имеют базовый статус, тогда как перечень новейших терминов предназначен прежде всего для классов гуманитарного профиля. Конкретные разделы курса представлены тем или иным кругом теоретико-литературных понятий, закреплению которых способствует рубрика «**Основные понятия**», помещенная в конце каждой монографической или обзорной статьи.

Важной составной частью статей учебника является перечень вопросов и заданий, позволяющий осмыслить проблематику изученной темы на новом, обобщенном уровне. Рубрика «**Вопросы и задания**» в предлагаемых учебниках соответствует специфике основного текста и имеет двухуровневую структуру (наряду с вопросами репродуктивного характера учащимся предлагается материал для проблемного осмысления). Задания, помеченные специальным значком, отличаются повышенным уровнем сложности и требуют более глубокой проработки литературного материала.

В текст монографических разделов введен подраздел «**Самостоятельный анализ текста**», цель которого – совершенствование навыков целостного анализа и интерпретации художественного произведения. Данный учебный материал не является отступлением от основной темы раздела: самостоятельный анализ конкретного литературного текста дополняет и детализирует проблематику основной статьи, способствуя более глубокому восприятию курса в целом. Для анализа выбраны по преимуществу произведения «малоформатной» прозы, фрагменты крупных произведений и стихотворения

различного жанра, что делает данный вид работы посильным для учащихся, а сам анализ — целостным и завершенным. Способы подачи «опорного» материала, помогающего учащимся выстроить канву анализа, методически разнообразны и одновременно едины в своем назначении – активизировать аналитические способности старшеклассников, их творческий потенциал.

Важнейшей частью методического аппарата названных учебников является раздел **«Вопросы для обобщения по курсу»**, систематизирующий и подытоживающий материал историко-литературного курса. Предлагаемые учащимся вопросы актуализируют внутрипредметные связи курса, способствуют закреплению понятия об историко-литературном процессе как целостном, внутренне диалогичном явлении, имеющем «горизонтальные» и «вертикальные» оси развития. Задания данного раздела ориентированы на возможность «сквозного», панорамного рассмотрения литературных явлений в связи с конкретной проблемой (традиции и новаторство, этапы развития определенного литературного жанра, общность архетипических, «вечных» формул бытия, универсальность христианских мотивов, проблемно-тематическая преемственность и т.п.). Обсуждение этих вопросов возможно в форме «круглого стола», импровизированной читательской конференции и т.п.

Как это явствует из приведенных примеров, система разноуровневых многоцелевых вопросов и заданий рассчитана на целостное, объемное постижение материала историко-литературного курса, охватывающего два века отечественной литературы.

Методический аппарат каждого из характеризуемых учебников включает **темы сочинений, докладов и рефератов**, предназначенных для текущего и итогового контроля знаний по предмету. Монографические разделы курса содержат перечни тем сочинений различного уровня сложности, предоставляющие учащимся право выбора темы в соответствии с индивидуальными запросами и литературными предпочтениями. В качестве примера приведем соответствующую часть монографического раздела «А.А. Блок» в учебнике В. Чалмаева и С. Зинина для 11 класса [Чалмаев 2011]:

- *Продолжение традиций любовного романа в стихах в цикле А. Блока «Стихи о Прекрасной Даме».*

- *Лирика «страшного мира» в поэзии Блока.*

- *«Трилогия вочеловечения» и образ художника в лирике Блока.*

- *Образ Незнакомки и его развитие в творчестве Блока разных лет.*

- *Личность и История в цикле Блока «На поле Куликовом».*

- *Образ Руси в поэзии А. Блока.*

- *Тема святости и греха в поэме А. Блока «Двенадцать».*

- *«Почему Христос?» (Загадка финала «Двенадцати»).*

- *Роль символики в раскрытии идейного замысла поэмы А. Блока «Двенадцать».*

Из приведенного перечня видно, что его основу составляют темы проблемного характера, раскрытие которых требует серьезного погружения в поэтику автора, знания необходимого объема литературного материала, умения рассматривать конкретное произведение или персонаж в заданном контексте. Преобладание в перечне тем повышенного уровня сложности формирует некую «планку» требований к усвоению литературного материала, мобилизует учащихся на этапе накопления наблюдений над текстом и подготовки к итоговой работе по конкретной теме курса.

Содержание ученических докладов и рефератов также отражает общий уровень литературной подготовки учащихся, их готовность к серьезной исследовательской работе по предмету. Тематика раздела многопланова и ориентирована на широкий круг интересов читателя-школьника. Распределение материала в соответствии с жанром работы (доклад или реферат) осуществляет учитель по согласованию с учащимися, локализуя или укрупняя задачу докладчика (исследователя). Выполнению этой задачи способствуют списки рекомендуемой литературы, являющиеся необходимой частью каждого из разделов учебника.

Авторы заинтересованы в том, чтобы найти в учителе единомышленника, чтобы помочь ему в использовании учебника в двухуровневом обучении. Учебники В.И. Сахарова, В.А. Чалмаева и С.А. Зинина для старших классов, на наш взгляд, отвечают современным требованиям к базовому и профильному уровням образования (однако хотелось бы увидеть в нем ссылки на информационные Интернет-ресурсы).

Библиографический список

Сахаров В.И., Зинин С.А. Литература. 10класс //Учебник для общеобразовательных учреждений. В двух частях. – М., 2010.

Чалмаев В.А., Зинин С.А. Литература. 11класс //Учебник для общеобразовательных учреждений. В двух частях. М., – 2011 .

Чалмаев В.А., Зинин С.А. Литература XX века //Хрестоматия. – М.,2011.

Ю.Н. Ермилова, О.М. Тараненко

Энгельс

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОТЕНЦИАЛА УЧЕБНИКА-ХРЕСТОМАТИИ ПО
ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ 6 КЛАССА В.Ю. СВИРИДОВОЙ
ПРИ МОДЕЛИРОВАНИИ УРОКА ПО СКАЗКЕ-БЫЛИ
А. ПЛАТОНОВА «НЕИЗВЕСТНЫЙ ЦВЕТOK»**

Авторы статьи рассматривают возможность использования учебника литературы В.Ю. Свиридовой при моделировании урока литературы в 6 классе по рассказу А. Платонова "Неизвестный цветок" с учётом требований Федерального государственного образовательного стандарта.

Ключевые слова: литература, урок, В.Ю. Свиридова, ФГОС, А.П. Платонов, «Неизвестный цветок».

The authors of the article regard the opportunity of using the textbook literature V.Y. Sviridova modeling literature lessons in the 6th form on a story by Andrei Platonov "Unknown flower" with the requirements of federal state educational standards.(FGOS)

Keywords: literature, lesson, V.Y. Sviridova, federal state educational standarts, A.P. Platonov, "Unknown flower".

Современный учебник-хрестоматия по литературе (в 2-х частях) Виктории Юрьевны Свиридовой, разработан в соответствии с требованиями, характеризующими педагогическую систему Л.В. Занкова; выпускается издательствами «Учебная литература», издательский дом «Федоров» [Объединенный: Эл. ресурс]. Представляет собой незавершенную предметную линию: 5-6 классы. К учебнику выпускаются рабочие тетради (в 2-х ч.), методические рекомендации.

Данный УМК является логическим продолжением учебного пособия «Литературное чтение» для начальной школы под редакцией В.Ю. Свиридовой в соавторстве с Натальей Александровной Чураковой.

Впервые учебник для 5 класса появился в 2005 г., прошел экспертизу в 2007 г., переиздается ежегодно, 2010 г. – издание исправленное, дополненное. Учебник для 6 класса издан в 2009 г., переиздавался в 2010, не дорабатывался.

В 7 классе В.Ю. Свиридова рекомендует переходить на те учебники, которые изданы для средней и старшей школы, особо отмечая УМК под редакцией В.Г. Маранцмана, а также УМК авторов Г.И. Беленького, О.М. Хреновой [Учебники: Эл. ресурс].

В основе курса литературы, разработанного В.Ю. Свиридовой, лежит единый методологический подход – изучение литературы как искусства. Предмет литературы рассматривается с точки зрения его специфики – художественной образности. Концепция программы: «Эстетическое осмысление

действительности посредством художественного образа – это то общее, что характеризует разные виды искусства: музыку, живопись, скульптуру, литературу. Чтобы разобраться в эстетической стороне действительности, ребёнок должен понять язык разных видов искусства. Он специфичен для музыки, живописи, скульптуры, литературы, но есть и общность, основанная на единстве процесса эстетического освоения действительности. Эта общность – в способности художника воображать, фантазировать, создавать не понятия, а образы»¹.

Рассказ А.П. Платонова «Неизвестный цветок» наряду с рассказом «Цветок на земле» включен в программу 6 класса в раздел «Эпос как род литературы. Рассказ». В содержании раздела предусмотрены такие аспекты, как:

Эпос как род литературы. Основные эпические жанры. Начальное представление о герое эпического произведения. Принципы создания характера в эпосе. Речь и поступки как средство характеристики героя. Герой и сюжет. Особенности художественного слова в эпическом произведении. Система художественных образов в романе, повести, рассказе. Роль пейзажа, интерьера. Роль детали в раскрытии характера. Авторское начало в эпосе. Образ автора (рассказчика).

Рассказ (новелла). Драматическая и комическая ситуация. Особенности сюжета. Внутреннее и внешнее в образе литературного героя. Истинные и ложные ценности. Авторская оценка героя. Роль вымысла в эпосе. Особенности художественной условности в реалистическом повествовании. Пропедевтика понятия «романтическое повествование». Художественный символ. Фантастика.

Знакомство с произведениями А.П. Платонова предполагается в следующем контексте: В. Набоков «Обида», «Лебеда», Л. Петрушевская «Девушка Нос», В. Белов «Скворцы». В разделе «Для самостоятельного чтения» представлены «Лошадиная фамилия», «Хирургия», «Жалобная книга» А. Чехова; «Тапёр» А. Куприна, «Мой брат играет на кларнете» А. Алексина, «Уроки французского» В. Распутина, «Недопёсок», «Самая лёгкая лодка в мире» Ю. Ковалева, «Зачем я убил коростеля» В. Астафьева, «Багульник» Ю. Яковлева, «Жильцы старого дома» К. Паустовского, «Тринадцатый подвиг Геракла» Ф. Искандера, «Вождь краснокожих» О'Генри.

Структура комплекса. Материал группируется по разделам, соответствующим темам школьного курса литературы. Следует отметить, что в учеб-

¹ Рабочая программа по литературе для 6 класса к учебнику В.Ю. Свиридовой // <http://pedsovet.su/load/54-1-0-18636>

нике произведения не только расположены в историческом контексте, но и объединены одной смысловой идеей. Например, рассказ Платонова включен во второе полугодие в раздел «Как прекрасен этот мир. Слово и образ». Обозначим содержание раздела: В. Ходасевич «Осень», А. Ахматова «Молюсь оконному лучу...», Н. Рубцов «В осеннем лесу», А. Ахматова «В царском селе» (отрывок), А. Пушкин «Сказка о золотом петушке», статья об Андрее Платонове «Путь к постижению истины», «Неизвестный цветок», Ф. Искандер «Ежевика», И. Бунин «Еще от дома на дворе...», А. Платонов «Цветок на земле», К. Бальмонт «Выше, выше».

Учитель найдет в учебнике материал, который поможет стимулировать познавательный интерес, поддерживать стремление ученика быть активным и внимательным на уроке. К несомненным достоинствам учебника отнесем и то, что в него включено такое количество разнообразных заданий, чтобы у учителя была возможность выбора именно тех материалов, которые он считает наиболее доступными, интересными для учеников класса.

Так, вопросы и задания к сказке-были «Неизвестный цветок» можно сгруппировать следующим образом:

1) Вопросы, направленные на выявление первичного восприятия (Какое настроение появилось у тебя после прочтения этого произведения Андрея Платонова?)

2) Вопросы и задания, организующие этап «вчитывания», «погружения» в художественную ткань произведения на уровне *слова*:

- Перечитай описание пустыря. Найди, какими интересными художественными приемами воспользовался автор.

- Назови наиболее яркие, запоминающиеся эпитеты, которые использовал писатель в своем произведении.

- Каким эпитетом наделяет художник образ ветра? Чем интересен этот образ?

- Язык Платонова необыкновенно насыщен не только эпитетами. Писатель активно использует глаголы, яркие и емкие, для передачи движения, жизни. Обрати внимание на такое предложение: «Долго томилось это семечко, а потом напиталось росой, распалось, выпустило из себя тонкие волоски корешка, впилося ими в камень и глину и стало расти».

Видишь, сколько событий произошло с семечком. Одно только слово «томилось» раскрывает целую картину трудностей, смятений, борьбы за выживание.

Перечитай с третьего по шестой абзацы. Вчитайся в другие глаголы. О чем они тебе рассказывают?

3) Понимание структуры текста, его темы, идеи автора:

Как построено произведение? Рассмотрите его композицию. Найдите завязку, развязку. Где центр событий?

Почему вырос и победил цветок в таком «мертвом месте»? Только ли потому, что ему помогли пионеры?

Почему новые цветы показались Даше «немного хуже», чем первый?

Зачем автор дарит Даше новую встречу? В чем смысл образа «цветка между камнями»? Неизвестный цветок разговаривал с Дашей, а его потомок?

4) Обсуждение жанровых особенностей произведения А. Платонова:

Писатель определил жанр своего сочинения как «сказка-быль». Найдите элементы, детали, подтверждающие, что это сказка.

А что подтверждает, что перед нами быль? Можно ли сказать, что эта сказка-быль Андрея Платонова имеет фольклорные корни? Дайте пояснение, используя цитаты из текста.

Продуманная система вопросов и заданий позволяет установить взаимосвязь различных литературных жанров (народной и авторской сказки), что, в свою очередь, позволяет расширить представления у учащихся о литературе как о предмете; подготавливает к разным видам анализа текста, способствует развитию навыков связной речи, умению с необходимой аргументацией высказывать свою позицию относительно поставленного круга вопросов, убеждая в ее правильности окружающих.

Рассмотрим, как материал учебника «работает» на уроке.

При написании конспекта по сказке-были А.П. Платонова «Неизвестный цветок» ориентируемся на эстетический подход, ключевой для УМК. **Тема** урока «Быть или не быть?.. Вот в чём вопрос...».

Цели урока формулируем следующим образом:

1. Способствовать полноценному восприятию произведения и творчества А.П. Платонова.
2. Дать понятие «жанр в жанре».
3. Развивать образное мышление учащихся через эмоциональное восприятие текста, через осмысление своего отношения к герою.
4. Формировать и развивать коммуникативные умения и навыки, развивать творческие способности школьников.
5. Формировать конкретные художественные образы с помощью средств изобразительного искусства и литературного анализа произведения.
6. Организовать самостоятельную индивидуальную и совместную деятельность поисково-творческого характера.

Тип данного урока определяем как урок «открытия» нового знания.

Так как для УМК Свиридовой характерна тесная связь с другими видами искусства, поэтому на этапах мотивации и актуализации знания эффек-

тивно использовать музыкальный и изобразительный материал. Урок можно начать с приглашения шестиклассников в картинную галерею на выставку шедевров мировой культуры, хранящихся в разных музеях мира. Тема первой выставки «**”Известные” цветы**». Под музыку «Вальс цветов» из балета П.И. Чайковского «Щелкунчик» учащимся предлагается рассмотреть репродукции картин Эмиля Нольде «Красные маки», Фёдора Толстого «Букет цветов, бабочка и птичка», Винсента Ван Гога «Подсолнухи», Яна Брейгеля «Букет цветов», Клода Моне «Подсолнухи» и одновременно фиксировать свои впечатления в заранее подготовленных учителем карточках, записывая в таблицу художественные определения (ЭПИТЕТЫ), которыми они охарактеризовали увиденные «известные» цветы. После просмотра картин учащиеся зачитывают эпитеты.

Экскурсию продолжает выставка иллюстраций учащихся «**Сказочный цветок**», где ребята попытались запечатлеть **образ сказочного цветка** таким, каким представили в своём воображении. Просмотр детских работ также сопровождается записями в таблицу эпитетов.

Подобное задание позволяет развивать творческие способности учащихся; формировать умения воспринимать произведения живописи, характеризовать художественные образы, увиденные на известных полотнах и созданных самими учащимися; с достаточной полнотой и точностью выражать свои мысли в соответствии с задачами и условиями коммуникации.

К рисункам учитель добавляет **иллюстрацию по произведению А. Платонова «Неизвестный цветок»**. Происходит создание **учебной проблемы**:

В чём особенность этого цветка? Охарактеризуйте его, используя эпитеты. (Этот цветок не похож на другие. Он не такой яркий, не такой красивый. Тоненький, слабенький, одинокий, растёт среди камешков.)

Откуда он? Как называется? (Из сказки «Неизвестный цветок» А. Платонова. У него нет названия.)

Можно ли его добавить в нашу галерею? (Точки зрения: 1. Можно, потому что он из сказки, значит, он сказочный. Он разговаривает с девочкой. 2. Нельзя, потому что он не такой красивый и не волшебный, не похож на другие цветы.)

Организация **учебной дискуссии**; формирование умения самостоятельно выделять и формулировать познавательные цели, планировать учебное сотрудничество с учителем и сверстниками – определять цели, способы взаимодействия.

Цели, сформулированные учителем:

1. Познакомиться с произведением А. Платонова «Неизвестный цветок».
2. Поразмышлять, в чём особенность образа этого цветка.
3. Найти ключевые эпизоды и фразы, которые помогают понять поступки и характер героев.
4. Формировать умение аргументировать свой ответ, опираясь на художественный текст.
5. Развивать умение строить устные высказывания и выражать свое отношение к прочитанному;

Следующий этап – **изучение нового материала, работа с текстом по вопросам учебника-хрестоматии.**

Эффективной формой работы здесь будет организация самостоятельной деятельности учащихся в группах:

1 группа – «Литературоведы» – отмечают элементы «сказки» и «были»; находят элементы композиции (завязка, кульминация, развязка).

Подберите все возможные ассоциации и однокоренные слова к словам сказка и быль (*сказка – сказочник, сказочный; была – было, бывшее, былина; сказка – волшебство, чудеса; была – реальность, правда*).

Что, по-вашему, является сказочным (учебник, стр. 27)? (Начало произведения («*жил на свете...*»), благоухание неизвестного цветка, цветок разговаривает с Дашей.)

Какие события являются отражением реальной жизни? (Описание тяжёлой жизни цветка, пребывание Даши в лагере, помощь пионеров.)

С какой целью автор объединил несовместимые жанры? (У автора есть какой-то замысел, о котором мы пока не знаем; Здесь кроется какая-то тайна; Это сочетание, наверное, поможет нам понять главную мысль произведения.)

Присмотримся к композиции произведения. Найдите завязку, развязку. Где, на ваш взгляд, можно определить кульминационный момент жизни цветка? (*Завязка* – появление Даши, когда девочка почувствовала благоухание цветка. *Центр событий* – разговор Даши с цветком, ведь именно здесь мы слышим, что цветок живёт, «**оттого, что мне трудно**» (*запись на доске*). *Кульминационный момент* – «Даша склонилась к нему и поцеловала его в светящуюся головку». *Развязка* – через год Даша видит поляну с цветами, а чуть дальше вырос новый цветок, немного лучше и ещё прекраснее.)

Что мы с вами видим в таком развитии сюжета? (Жизнь цветка с её начала до конца.)

2 группа – «Художники-деятели» – находят в тексте слова, словосочетания, помогающие «нарисовать» жизнь цветка (глаголы, глагольные сочетания).

Выполняется соответствующее задание учебника, стр. 27.

КАК автор показывает жизнь цветка с её начала до конца? («Он рос один на пустыре...», «Нечем ему было питаться в камне и глине..., а цветок всё **жил и жил** и рос помаленьку выше», «Он поднимал листья против ветра... он всю ночь сторожил росу и собирал её по каплям...», «Он трудился день и ночь, чтобы **жить** и не умереть», «он нуждался **в жизни** и преодолевал терпением свою боль от голода и усталости».)

Какое слово настойчиво повторяет автор? (Слово **жизнь**)

3 группа – «Художники-эпитеты» – находят в тексте слова, словосочетания, помогающие «нарисовать» образ неизвестного цветка до встречи с Дашей и год спустя (вопросы учебника, стр. 26-27).

Неизвестный цветок не просто выживает, а становится сильным, красивым и непохожим на других: «А отчего ты на других непохожий?»- спрашивает Даша у нашего героя. (У него нет имени, ему трудно выжить на «мёртвой глине», «одна жилка была синяя, другая красная, третья голубая или золотого цвета», «...мученье его обозначалось в листьях разными цветами...», «он...был слепой...», «стал настоящим цветком», «венчик... простого светлого цвета, ясного и сильного...», «**маленький цветок-труженик**»). Новый цветок «был живой и терпеливый, как его отец, и ещё сильнее отца»

4 группа – «Пейзажисты» – находят в тексте слова и предложения, помогающие «нарисовать» окружающую цветок действительность (пустырь).

Найдите описание пустыря («на пустыре трава не росла, а лежали одни старые камни, и меж ними...**сухая мёртвая глина**», «**пустырь был ... голый**»). Каким показывает автор пустырь через год?

Что помогает нам понять описание пустыря? (Насколько трудно было выживать маленькому неизвестному цветку.)

Обобщение полученных знаний. Подведение итогов.

Ребята, как вы понимаете вопрос «**быть или не быть?**», который звучит в теме нашего урока. (**Быть или не быть** цветку на земле: конечно, **быть**, это чувствуется сразу; быть, потому что он **боролся за жизнь**; у него было **большое желание жить**; цветок выстоял и стал прекрасным и сильным).

Вопросы учебника, стр. 27: В чём же смысл образа «цветка между камнями»? (Этот хрупкий, нежный цветок выжил среди камней, несмотря на плохую почву, засуху; это пример жизнестойкости, жизнелюбия; в жизни нужно отстаивать свою непохожесть на других.)

Неизвестный цветок – последнее произведение Платонова. Автор писал его, когда был тяжело болен. Он подарил «Неизвестный цветок» своей шестилетней дочке Маше. Это стало своеобразным завещанием писателя. Что же

завещал нам писатель? (Много трудиться и не быть ленивым; любить место, где родился; окружить заботой тех, кому одиноко, и помогать им.)

На данном этапе формируются познавательные учебные действия, вырабатывается умение учащихся ориентироваться в тексте, работать с художественным произведением, при этом развивается умение анализировать, делать обобщающие выводы. Также формируются и коммуникативные учебные действия: умение слышать, слушать и понимать одноклассников, планировать и согласованно выполнять совместную деятельность в группе.

На этапе рефлексии происходит формирование нравственно-этического оценивания, а также формируются регулятивные универсальные действия (умение контролировать свою деятельность по результату, адекватно оценивать свою работу на уроке и воспринимать оценку учителя и одноклассников).

Организовать рефлексивную деятельность помогут вопросы: Были ли достигнуты учебные цели, поставленные в начале занятия? Какие новые знания вы получили? Также шестиклассникам можно предложить следующее задание: на заранее подготовленных учителем цветочках написать в каждом лепестке те качества, которые помогли неизвестному цветку выжить, но также пригодятся в жизни и всем людям. Цветочки остаются на память ученикам, могут использоваться как закладки.

Домашнее задание:

1. Прочитать стихотворение Ф. Искандера «Ежевика» (с. 28-29)
2. Письменно ответить на вопрос: что сближает это стихотворение со сказкой-былью А. Платонова «Неизвестный цветок»?
3. Нарисовать иллюстрацию к одному из этих произведений (это задание учащиеся выполняют по желанию)

Итак, предложенные вопросы и задания, а также характер домашнего задания помогают учащимся более детально воспринимать художественный текст, возвращаться к уже прочитанным страницам, находить нужные цитаты, переосмысливать эпизоды, выстраивать работу по анализу произведения. Постигание литературного художественного образа происходит через музыку и живопись. Таким образом, эстетическая сторона действительности для ребёнка представлена многообразно. При этом через способность воображать, фантазировать, создавать собственные образы (создание рисунков и иллюстраций) и интерпретировать авторские (образ неизвестного цветка в конкретном произведении) в процессе эстетического освоения действительности может участвовать каждый ученик.

Цель В.Ю. Свиридовой – поиск новых, современных, более совершенных методических решений. Предложенный комплекс в полной мере позво-

ляет реализовать содержание литературного образования, обозначенное новым стандартом для учащихся основной школы, и намного расширяет возможности учителя, работающего с учащимися в системе развивающего обучения по формированию представлений не только о литературе, но и вообще об искусстве в широком его понимании.

Библиографический список

Объединенный каталог печатных изданий «Чтиво.» URL: // <http://www.chtivo.ru/book/1743422/>, Онлайн магазин учебников E5.RU // <http://uchebnik-class.ru/uchebnik/5-klass/literatura>

Рабочая программа по литературе для 6 класса к учебнику В.Ю. Свиридовой URL: // <http://pedsovet.su/load/54-1-0-18636>

Учебники по системе Занкова: + и -. В контакте: Мы – занковцы. URL: // http://vk.com/topic-22104700_23879767?post=230

Ю.Г. Кадькалов
Саратов

РОЛЬ И МЕСТО ИСТОРИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье обосновывается необходимость исторического комментирования некоторых явлений русского языка, изучаемых в школе.

Ключевые слова: исторические справки при изучении русского языка в школе.

The article deals with the necessity of historical commentaries of some phenomena of the Russian language studied at school.

Key words: The use of historical commentaries in teaching the Russian language at school.

Современный русский язык – продукт многовекового исторического развития. Поэтому в нем сосуществуют языковые факты, сохранившиеся от разных эпох и отражающие различные языковые закономерности, действовавшие прежде. В связи с этим многие языковые явления современного русского языка могут быть глубоко и правильно поняты лишь с помощью исторических комментариев. Например, исходя из школьного определения корня как общей части родственных слов, заключающей в себе основной смысл слова (в целом правильного определения), очень трудно (даже невозможно) выделить корень в словах типа *взять, взимать, возьму; спать, сон, сплю; шедший, шел, шла; веду, вести, вел; начать, начинать, начну, зачин* и многих других. Зная, что глаголы прошедшего времени образуются с помощью суффикса *-л* (*ходил, смотрел, писал*), трудно осмыслить, почему в некоторых глаголах прошедшего времени этот суффикс отсутствует: *замерз, высох, унес* и т.д. Причем наблюдается это только в формах муж. рода, а в других формах суффикс *-л* сохраняется (*замерзла, замерзло, замерзли* и т.д.). Понимая, что существительные одного склонения характеризуются одинаковыми падежными окончаниями, мы удивляемся тому, что у некоторых существительных одного рода и одного склонения падежные формы и формы числа различны. Ср.: *сад – в саду*, но: *огород – в огороде; студенты – нет студентов*, но: *солдаты – нет солдат, врачи – нет врачей; город – города, сад – сады, гражданин – граждане*. Непонятно, почему так значительно расхождение в произношении и правописании слов типа *легко, сдал, сжег, известный, конечно, лодка* и др.

Подобных примеров в современном русском языке много. Они, естественно, должны вызывать вопрос «почему?». Но в школьном изучении русского языка он остается без ответа. Ответы на этот вопрос можно найти только в исторических комментариях. Но уместны ли они в школе? Посильно

ли их понимание учащимся? Не трудно ли будет? Думается, что исторические справки (хорошо продуманные, хорошо составленные) вполне уместны и посильны. Уместны они потому, что усвоить хорошо можно только то, что понимаешь, а не вызубришь без понимания. А посильны они потому, что в хорошо продуманном и правильно дозированном виде они гораздо легче усваиваются, чем, например, многие сложные явления и формулы в химии, физике, математике, изучаемые в школе. Например, учащимся в школе предлагается знать, что полные и краткие прилагательные существенно различаются и по морфологическим, и по синтаксическим признакам, и часто даже по семантике. В частности, полные прилагательные склоняются (*смелый, смелого, смелому*), а краткие не склоняются (*смел, узок*). Правда, в устойчивых, фразеологических оборотах мы можем наблюдать склоняемость и кратких прилагательных. Ср.: *среди бела дня, по белу свету, на босу ногу* и т.д. И в составе многих наречий находим застывшие формы косвенных падежей кратких прилагательных (*смолоду, сослепу, дотемна*). Получается, что краткие прилагательные склонялись. А почему теперь не склоняются? Ответ можно найти только в краткой исторической справке. Дело ведь в том, что прежде, в древнерусском языке, и еще раньше – в праславянском, краткие прилагательные могли употребляться в качестве определений и потому согласовывались с определяемым словом в роде, числе и падеже. Они склонялись. Но потом появились полные прилагательные на базе кратких и произошло размежевание полных и кратких форм по синтаксической функции: полные закрепились в основном в роли определения, а краткие – в роли сказуемого. Вот тут и ответ на наш вопрос. Будучи сказуемыми, краткие прилагательные всегда соотносятся только с подлежащим, а подлежащее в русском языке бывает только в им. падеже. Следовательно, и краткие прилагательные стали употребляться в одной форме, т.е. не могут изменяться по падежам (*Река глубока. Ручей широк* и т.п.). Трудна ли учащимся такая справка? Конечно, нет. Но ведь, кроме правильного понимания, осмысленного восприятия языкового явления, такие справки развивают логическое мышление ученика, о чем когда-то мечтал акад. Л.В. Щерба.

Имеются ли в современных школьных учебниках русского языка исторические справки? Да, имеются. Но что они собой представляют и какой могут дать эффект? Во-первых, в учебниках обнаруживается бессистемность историко-лингвистических комментариев, их случайность, эпизодичность. А во-вторых, они часто подаются путано, в примитивной поверхностной, игровой форме и фактически не комментируют языковое явление, а, наоборот, даже запутывают учащихся. Например, в учебнике В.В. Бабайцевой и Л.Д. Чесноковой «Русский язык. Теория. 5-9 кл.» (М., 1992) дается § 48 «Ис-

торические изменения в составе слова». Название параграфа наводит на мысль, что речь пойдет, вероятно, именно об изменениях в составе слова, например, об опрощении (*запад, вкус* и т.д.). Но в параграфе сначала говорится о непродуктивных морфемах, встречающихся в таких словах, как *пасынок, правнук, лентяй, слюнтяй* и др. (изменений в составе данных слов, однако, нет – Ю.К.), а затем о том, что «некоторые приставки и суффиксы настолько тесно слились с корнем, что их не всегда можно отделить от него». В качестве примера взят глагол *вынуть*, в котором «исчез корень». Далее авторы учебника, желая придать тексту занимательность, цитируют «Карманную книгу» Ф. Кривина: «В глаголе *вынуть* исчез корень. Все другие части слова остались на месте: и приставка *вы-*, и суффикс *-ну-*, и даже *-ть*, известное своей неустойчивостью (непонятно, что понимается под «неустойчивостью» окончания *-ть* и какое это имеет отношение к исчезновению корня в данном слове – Ю.К.). А корень исчез. Это был древний корень *-им-* (как учащимся представить корень *-им-* в слове *вынуть*? – Ю.К.), который веками существовал в самых различных словах нашего языка: *иметь, снимать, поднимать* и многих других. Сохранился он также в несовершенном виде глагола *вынимать*. И куда-то исчез при образовании совершенного вида... Приставка и суффикс дружно взялись за дело и с успехом заменили корень слова» (с. 57). Такова справка. Что смогут понять учащиеся из такого комментария? Думается, что ничего. Ведь чтобы уяснить историю корня в глаголе *вынуть* со ссылкой на однокоренные глаголы *иметь, снимать, занимать* и др., надо объяснить, каков общий корень в этих словах, родственны ли они по значению, откуда возникло наращение *-н-* в словах *снимать, поднимать, вынимать*, каков корень в словах *снять, поднять* и т.д. Объяснение потянется до истории праславянских дифтонгических сочетаний на носовой согласный и возникновения носовых гласных. Разумеется, что эти объяснения не для 5-го класса школы. Но тогда зачем же брать такой пример? Знаний учащимся он не прибавит. Непонимание оставит. Ах, если бы так объясняли в школе химию, физику, математику! Нет, так не объясняют!

Еще пример. Многие школьные учебники, демонстрируя беглость гласных в русском языке (*день – дня, шел – шла*) прибегают к исторической справке о происхождении этого явления (беглости). И как это делается? В учебнике «Русский язык. 5 кл.» под ред. М.М. Разумовской и П.А. Леканта (Изд. 6-е, М., 2000) беглость гласных объясняется так: «Когда-то, очень давно, в русском языке (вероятно, имеется в виду древнерусский язык – Ю.К.) были гласные, которые называют теперь сверхкраткими. Они и в самом деле отличались в произношении своей краткостью. Долго жили в языке эти звуки, но пришло время – и они стали исчезать, превращаться в нуль звука. Но

пропали они не везде, а только там, где звучали совсем кратко, невнятно. В других же случаях они превратились в знакомые нам гласные *о* и *е*. Вот так и получилось, что в одной и той же морфеме то звук произносится (*о* или *е*), то не слышен совсем (нуль звука)» (с. 196-197). Подобный исторический комментарий дан и в учебнике С.И. Львовой и В.В. Львова «Русский язык. 5 класс. Ч. 1» (Изд 3-е, М., 2007): «Объясняется это (беглость гласных – Ю.К.) тем, что в глубокой древности существовали сверхкраткие гласные. Со временем они исчезли в тех случаях, когда звучали невнятно, а в других фонетических условиях превратились в гласные *о* и *е*» (с. 48). И что стало ясно? Почти ничего. А ведь можно дать краткую, понятную и не игристую, без сказочных зачинов историческую справку. И она, кстати, объяснит сразу целый ряд других явлений современного русского языка. Например, таких, как ассимилятивные процессы в современных русских словах (оглушение, озвончение согласных: *лодка, сдал, сбил, пробка* и др.), диссимилятивные процессы (*легко, конечно*), непроезжимость согласных (*честный, праздник*), появление форм глаголов прошедшего времени без суффикса *-л-* (*унес, замерз*) и др.

Если дать в общих чертах краткую и серьезную (не в сказочном жанре) справку об истории склонения существительных, то сразу станет понятным наличие в современном русском языке многочисленных вариантов падежных окончаний существительных: *нет и года – без году неделю, были в лесу – говорили о лесе, производство сахара – килограмм сахару* и т.д.

В школьных учебниках очень бегло и неясно говорится о склонении существительных мн. числа. Иногда даже не упоминается о склонении существительных во мн. числе. Так дано склонение существительных (только ед. числа) в учебнике С.И. Львовой, В.В. Львова для 5 кл. (Ч. 2. М., 2007, изд. 3-е, стер.). Здесь, на с. 78, в параграфе «Склонение имен существительных» сказано очень кратко: «В зависимости от рода и окончания существительные распределяются по трем склонениям». Далее даны примеры к 1, 2, 3 склонениям. О зависимости склонения от числа существительных нет никаких сведений. В учебнике для 4 кл. Т.А. Ладыженской, М.Т. Баранова и др. под ред. Н.М. Шанского (М., 1984, изд. 16-е) сказано: «Склонение существительного определяется по именительному падежу ед. числа. Это начальная форма имени существительного», т.е. об особенностях склонения существительных мн.ч. опять нет сведений. В учебнике для 5 кл. Р.Н. Бунеева, Е.В. Бунеевой и др. под ред. А.А. Леонтьева (М., 2000) о склонении существительных мн.ч. тоже не сказано ничего. Но здесь есть странный, как кажется, вопрос: «Можно ли определить склонение имен существительных, имеющих форму только множ. числа (типа *ворота, каникулы*)? Почему?»

Объясни» (с. 232). Как должен ответить школьник 5 класса на этот вопрос? Правда, в самом вопросе скрыт и ожидаемый ответ. Вопрос «почему?» подразумевает ответ, что склонение существительных типа *каникулы, ворота*, определить нельзя, потому что у них нет форм ед.ч. Но ведь существительные *каникулы, ворота* все-таки склоняются. Почему же нельзя сказать, как они склоняются? Получается недоразумение. К сожалению, оно находится во всех школьных учебниках. Если в учебнике С.И. Львовой и др. (5 кл, Ч. 2, 2007), в учебнике Р.Н. Бунеева и др. (5 кл, 2000) ничего не сказано о типе склонения существительных мн. числа, то в учебнике Т.Г. Бархударова и С.Е. Крючкова для 5 и 6 кл. 1962 г., а также в учебнике В.В. Бабайцевой, Л.Д. Чесноковой для 5-9 кл. 1992 г. выделяются для существительных мн. числа те же 3 типа склонения, как и для существительных ед. числа. Об особом, отдельном типе склонения существительных мн.ч. (как оно есть на самом деле) утаивают авторы всех школьных учебников. Зачем? Посмотрим в Русскую грамматику АН СССР 1980 г. Вот что здесь сказано о склонении существительных мн. числа: «В парадигмах мн.ч. не сохраняется характерное для парадигм ед.ч. различие склонений...» (с. 493). Особый тип склонения существительных мн.ч. сформировался исторически, и краткая историческая справка в данном случае может помочь прояснить суть явления.

Многие явления русского языка (фонетики, грамматики, лексики) объясняются длительным влиянием старославянского языка на русский. Влияние это было весьма плодотворным, обогащающим. Поэтому правильно поступают авторы учебников, включая в них сведения о старославянском языке, об условиях проникновения его в Киевскую Русь, о взаимодействии старославянского и русского языков и об основных признаках старославянизмов. Это очень важная страница в биографии русского языка и в истории русского народа. Может быть, следовало бы эту страницу еще обогатить содержательно, полнее показать процесс заимствования старославянизмов русским языком и семантико-стилистические функции старославянизмов в современном их употреблении. Во многих учебниках в теме о заимствованиях иноязычной лексики русским языком на первый план выдвигаются факты заимствований из английского, немецкого, французского и других европейских языков и лишь затем, на втором плане, кратко сообщается о старославянизмах в русском языке. Хотелось бы, чтобы роль старославянского языка в истории русского языка не была ущемленной и излагалась бы более серьезно, более аккуратно. А что наблюдаем мы по этой теме в школьных учебниках по русскому языку?

В некоторых учебниках дан достаточно полный, хороший материал о старославянском языке и о старославянизмах в современном русском языке.

К таким учебникам относятся «Пособие для занятий по русскому в старших классах» В.Ф. Грекова, С.Е. Крючкова, Л.А. Чешко (М., 1999), учебник А.И. Власенкова, Л.М. Рыбченковой «Русский язык. Грамматика. Текст. Стили речи» (8-е изд., М., 2007). Однако во многих других учебниках сведения о старославянском языке и старославянизмах в русском языке даны крайне скупо и путано. Так, в учебнике для 6 кл. Р.Н. Бунеева, Е.В. Бунеевой, Л.Ю. Комиссаровой, И.В. Текучевой / науч. ред. акад. РАО А.А. Леонтьев (М., 2000) на с. 19 сказано, что «старославянский язык – это письменная форма одного из южнославянских языков». Такое определение является некорректным. Во-первых, оно может навести на мысль, что старославянский язык и в настоящее время есть «письменная форма одного из южнославянских языков», что явно не так. Во-вторых, какой из южнославянских языков имеется в виду? Но ведь никакой. Старославянский язык не являлся и не является «письменной формой одного из южнославянских языков». Он особый, самостоятельный язык. Это был язык древнейших славянских переводов богослужебных книг с греческого языка на славянский. На какой язык были сделаны первые переводы церковных книг первыми переводчиками, великими славянскими просветителями братьями Кириллом и Мефодием? В качестве основы старославянского языка братья использовали хорошо знакомый им с детства солунский диалект древнеболгарского языка. Однако язык старославянских текстов значительно более богат, чем солунский диалект и чем любой устный славянский язык того времени (IX-XI вв.), т.е. старославянский язык – это, в сущности, уже другой, самостоятельный, особый письменный литературный язык. Свои богатства (лексические, фразеологические, грамматические, стилистические) старославянский язык получил в практике перевода церковных текстов с греческого языка, языка в ту пору высокоразвитого, богатого, прожившего уже многовековой путь в качестве языка письменного, литературного, классического. Язык богослужебных переводных текстов, называемый старославянским языком, не был языком устного бытового общения. Он был письменным языком «от рождения», языком молитвы, богослужения. В связи с распространением христианства и по причине большой близости (особенно в IX-XI вв.) всех славянских языков старославянские тексты были использованы на разных славянских территориях (южными, западными, а затем и восточными славянами, т.е. в Древней Руси). Старославянские тексты, бытуя в разных славянских землях, отражая гораздо более богатый язык, чем местные устные славянские языки, передавал местным языкам свои богатства, обогащал их. Такое влияние он оказал и на русский язык. Из старославянского языка в русский вошли многие слова абстрактного, философского значения: *время, пространство, разум, истина,*

предмет, сущность, сознание, порок, клевета, творец, благо и др. Русский язык воспринял из старославянского формы причастий на *-ущ-, -ющ-, -ащ-, -ящ-* (*пишущий, держащий, манящий*), ряд старославянских суффиксов и приставок: *-знь, -ств, -тяй, -тай, -ынь, пра-, низ-, воз-* и др. (*жизнь, боязнь, царство, содействие, лентяй, ходатай, гордыня, правнук, низвергнуть*). Старославянский язык обогатил русский язык многими сложными словами, которые были скопированы с греческих слов (*суесловие, благоразумие, богоподобный, великодушный* и др.). Можно назвать и много других фактов старославянского языка, заимствованных другими славянскими языками, в частности, русским языком. Но, с другой стороны, и в старославянский язык проникали отдельные языковые элементы из устных славянских языков. В результате старославянский язык терял свою первозданность. Такой старославянский язык, смешанный с местными языковыми фактами, получил название церковнославянского языка.

Неточные сведения даются иногда по поводу истории славянского письма. Так, в учебнике С.И. Львовой, В.В. Львова для 5 кл. (Ч. 1, изд. 3-е, М., 2007) в § 5 говорится: «Русский алфавит складывался постепенно на основе кириллицы – одной из древнейших славянских азбук. Кириллицей она названа по имени *своего создателя* (выделено мной – Ю.К.) – просветителя славян IX века Кирилла. Он вместе со своим братом Мефодием составил первый славянский алфавит на основе греческого письма» (с. 26). К данной цитате возникает ряд поправок. Поскольку известны две древние славянские азбуки (глаголица и кириллица) и глаголицу большинство исследователей считают древнейшей, первичной, то кириллица является, следовательно, более поздней, вторичной. Кирилл и Мефодий считаются создателями глаголицы (IX в.), а не кириллицы, созданной в X в. учениками братьев-просветителей и названной в честь учителя Кирилла. Первая славянская азбука (глаголица) создана не на основе греческого письма, а на основе ряда других алфавитов (древнееврейского, сирийского, коптского, древнегреческого и др.). Греческое письмо лежит в основе второй азбуки - кириллицы. Из сказанного следует, что сведения, данные в учебнике, неточны.

Подобных примеров из школьных учебников можно привести гораздо больше. Но и этого достаточно, чтобы понять, что обращение к справкам из истории русского языка для повышения знаний учащихся часто оказывается поверхностным, небрежным. Приведенные в учебниках исторические справки нередко граничат с неправдой, искажают истину. Кроме того, они как правило подаются в несерьезной, игровой форме, отчего, к сожалению, существенно страдает их качество. Вместе с тем, изучение современного русского языка в школе иногда (в некоторых темах) не может быть осознанным без

опоры на историю русского языка, без исторических справок. Список тем, при изучении которых необходимы исторические комментарии, составить нетрудно. Да их и не так уж много. Но если давать исторические справки в учебнике, то их следует подкрепить посильными для учащихся заданиями, вопросами. О них нужно спрашивать на уроках. Все это должно способствовать повышению интереса к изучению русского языка и к науке о русском языке в целом.

Рациональное, эффективное использование исторических комментариев в школе, однако, упирается в одну очень важную проблему. Дело в том, что многие нынешние учителя не готовы к такой работе. Даже молодой учитель-словесник, недавно окончивший вуз, вскоре полностью теряет знания об истории русского языка, т.к. в школе они оказываются совершенно невостребованными. Спрашивается, для чего тогда в вузах изучается целый цикл историко-лингвистических дисциплин?

В современных условиях, когда учащимся предлагается сознательный выбор стандартов, выбор набора дисциплин, повышение уровня обучения русскому языку в классах с гуманитарным уклоном совершенно необходимо, а оно должно предполагать и использование исторических справок на занятиях.

Глубокое знание родного языка очень важно еще и потому, что родной язык – это стержень нации, без общего родного языка нет нации. Отсюда и отношение к языку, к его пониманию, умелому владению им должно быть очень ответственным. Вспомним слова И.С. Тургенева: «Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык – это клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками! Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием».

А.Г. Коробейников
Санкт-Петербург

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРЕПОДАВАНИЯ СТАРОСЛАВЯНСКОГО И ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКОВ: МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (На примере изучения глагола)

Статья посвящена опыту преподавания старославянского языка с использованием базы фонетических и морфологических знаний, усвоенных из курса латинского языка. Упор в статье делается на изучении старославянского глагола – рассматриваются система спряжения, образование повелительного наклонения, особенности временной парадигмы и образования именных форм.

Ключевые слова: латинский язык, старославянский язык, морфология, глагол, спряжение, время, методика.

The article deals with the experience of teaching of the Old Slav language on the basis of phonetic and morphological knowledge learned by students in the course of the Latin language. The stress of the article is laid on the learning of the Old Slav verb. Conjugation system, derivation of imperative, peculiarities of tense paradigm and derivation of verboids are being examined.

Key words: Latin, Old Slav, morphology, verb, conjugation, tense, teaching methods.

Предмет «Латинский язык» является неотъемлемым компонентом филологического образования. Он изучается на всех специальностях в рамках программы факультетов филологии. В Государственной полярной академии это образовательные программы «отечественная», «английская» и «французская филология». В рамках специалитета курс читается год, в рамках бакалавриата – семестр. При этом используются зарекомендовавшие себя учебники и пособия [Гарник 2004], [Ярхо 1998].

С латинским языком студенты знакомятся уже на I курсе. Наряду с предметом «Введение в языкознание» латинский язык призван заложить лингвистический фундамент для дальнейшего обучения родному и иностранным языкам, помочь понять системные явления ряда языков, на которые повлиял латинский или которые развивались параллельно с ним, находясь примерно на той же ступени по отношению к общеиндоевропейскому языку.

Старославянский язык – предмет более специальный, он изучается только по программе «отечественная филология», и на него отводится столько же часов, сколько и на латинский. Старославянский язык – этап истории русского языка; он оказал влияние на древнерусский, церковнославянский язык, а следовательно, и на современное состояние языка, описываемое синхронными грамматиками.

Часто бывает так, что латинский и старославянский языки изучаются даже на разных кафедрах, что мешает студентам сопоставлять их данные. В

Государственной полярной академии латинский язык традиционно закреплён за кафедрой русского языка и литературы (ныне – кафедра отечественной филологии и иностранных языков). Это позволяет при оперировании описанием старославянских явлений пользоваться данными латинского языка, апеллируя к заведомому знанию этих данных студентами.

Известная проблема курса старославянского языка состоит в том, что в нём изучаются фактически два языка – собственно старославянский (искусственный, созданный для церковных нужд Кириллом и Мефодием) и общеславянский, или праславянский, то есть язык, на котором все славяне говорили примерно до VI века, от которого не сохранилось никаких письменных памятников и который реконструируется на основании сравнения достоверно засвидетельствованных славянских и других индоевропейских языков. Это отражено во многих учебниках и пособиях ([Войлова 2003], [Иванова 1998], [Селищев 2011], [Хабургаев 1986]). Праславянские слова записываются традиционно латинским алфавитом, и знание соответствующих латинских эквивалентов часто помогает студентам понять происхождение слов индоевропейской формации в старославянском и русском языке. Таким образом, латинский язык служит серьёзным подспорьем при изучении общеславянских явлений. Мы уже выступали с сообщениями о преподавании фонетики старославянского языка сквозь призму остаточных знаний латинского [Коробейников 2012] и об изучении в свете латинского языка морфологии старославянских существительных [Коробейников 2013]. В данной статье мы остаёмся подробнее на системном сравнении морфологии глагола в этих языках и использовании результатов этого сравнения в вузовской практике.

Латинский язык имеет разветвлённую систему глагольных форм и времён по сравнению с русским языком. Это сближает его с новыми европейскими языками и со старославянским языком и отличает от русского, что особенно заметно, учитывая большое сходство латинского и русского языков в области морфологии имени. Тем не менее, даже сходство со старославянской глагольной системой не является таким полным, как в случае с именными формами. Однако, на наш взгляд, некоторую поддержку знания, полученные в курсе «Латинский язык», оказать студенту всё же могут.

Система спряжения. Латинское спряжение глагола делится на 4 типа, также имеются неправильные глаголы. Это может быть соотнесено с пятью классами старославянского глагола, из которых пятый является атематическим, но сходство это мнимое, поскольку классы старославянских глаголов выделяются на совершенно других основаниях и, кроме IV спряжения латинского глагола (на \bar{i}) и составившего основу русского второго спряжения 4-го старославянского тематического класса (с суффиксом $-И-$), не могут быть

соотнесены. Таким образом, сходство в системе спряжения ограничивается личными окончаниями: 2 л. ед.ч. (-s и -ШИ), 3 л. ед.ч. (-t и -ТЪ), 1 л. мн.ч. (-tus и -МЪ), 2 л. мн.ч. (-tis и -ТЄ), 3 л. мн.ч. (-nt и -ЖТЪ/ЛТЪ). С методической точки зрения это сходство важно как иллюстративный материал для закрепления знаний о фонетике праславянского и старославянского языка. Соответствие во 2 л. ед.ч. помогает студенту понять происхождение Ш в окончании (йотовая палатализация, из *sj), наличие -tus позволяет проиллюстрировать классическое образование конечного Ъ (из *ōs→*ūs), а соответствие, наблюдаемое в 3 л. мн.ч., даёт пример монофтонгизации дифтонгического сочетания гласных с носовыми согласными (в латинском языке окончанию -nt в разных спряжениях могли предшествовать гласные как переднего, так и непереднего ряда; студенты могут убедиться, что такая же ситуация, судя по двум различным носовым рефлексам, наблюдалась и в праславянском языке).

Повелительное наклонение. Латинское и старославянское повелительное наклонение имели практически одинаковое формальное выражение в одной из важнейших форм – 2 л. мн.ч. (окончание -te/-ТЄ), и это способствует пониманию связи между древними языками, указывает на древность соответствующей современной русской формы, а также выявляет различное происхождение двух совпадающих аффиксов 2 л. мн.ч. – изъявительного и повелительного наклонения – путём сравнения их с соответствующими латинскими аффиксами (-tis и -te).

Временная парадигма. В старославянском языке система глагольных времён уже значительно отличалась от системы латинских времён, поэтому опорных точек для их сопоставительного анализа в контексте методики не так много. Следует обратить внимание студентов прежде всего на соответствие грамматического значения и категориального содержания ряда времён. Это прежде всего настоящее время (в том числе *Praesens historicum*), будущее 2-е сложное (соответствует по значению латинскому *Futurum II*), имперфект. В то же время необходимо обратить внимание учащихся, что старославянский перфект имеет принципиально иную природу, чем латинский перфект, что объясняет и существенную разницу в их образовании (синтетическая форма латинского активного залога перфекта и аналитическая форма в старославянском языке), что старославянский аорист вообще не находит соответствия в классической латыни, а латинскому *Futurum I* с содержательной точки зрения соответствуют сразу два старославянских времени – просто будущее и 1-е будущее сложное. Таким образом, во временной системе двух языков больше различий, чем сходств, и при её изучении следует пользоваться этим контрастом.

Неличные формы глагола. В целом неличных форм глагола в старославянском языке было меньше, чем в латинском: отсутствовали герундий и

герундив, имелась всего одна форма инфинитива против шести латинских, а супин имел гораздо меньшее практическое значение, чем в латыни (где его основа – одна из трёх основ глагола). Однако происхождение супина (например, НАЧАТЬ) удобно объяснять именно на основе опоры на соответствующую латинскую форму: общий суффикс -Т- и одинаковое окончание, совпадающее с окончанием вин. п. слов м. р. с основой на -ō (в латинском языке это слова II склонения).

Объём категории причастий в обоих языках тоже был различным: в старославянском языке отсутствовало причастие будущего времени, зато имелись действительные причастия прошедшего времени, страдательные причастия настоящего и особые элевые причастия. Менее широкой была функция причастий, которые, не считая элевых, не использовались для образования аналитических форм глагола. Общность происхождения проявляется только у причастий настоящего времени действительного залога двух языков – латинский суффикс -nt/-ent может использоваться для объяснения старославянских рефлексов -ЖШТ- и -АШТ- (из *ontj и *entj соответственно, в результате монофтонгизации дифтонгического сочетания с носовым и йотовой палатализации).

Итак, знание морфологии латинского языка, морфонологических процессов в латинских словоформах в сочетании с владением родным языком может существенно помочь в изучении старославянского языка. Поскольку латинская и старославянская глагольные системы имеют существенно меньше общих черт, чем именные системы этих языков, при их изучении следует исходить из метода контрастного сравнения, однако тем более ценными становятся случаи межъязыкового сходства, вызванного общим индоевропейским наследием. Исходя из этого, мы считаем перспективным подход, основанный на взаимосвязи изучения древних языков и подчёркивания системного характера этих курсов.

Библиографический список

- Войлова К.А. Старославянский язык. – М., 2003.
- Гарник А.В., Шевченко Г.И. Латинский язык. *Lingua Latina*. – Минск, 2004.
- Иванова Т.А. Старославянский язык/ Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб., 1998 и более поздние.
- Коробейников А.Г. Взаимосвязь преподавания старославянского и латинского языков: морфологический аспект (на материале имён существительных) //Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: Статьи и материалы Пятой международной научной конференции (в печати).
- Коробейников А.Г. Преподавание фонетики древних языков: сравнительный аспект (на примере латинского и старославянского языков) //Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: Статьи и материалы Четвёртой международной научной конференции. – СПб.: «ЛЕМА», 2012. – Т. 1. – С. 279-283.
- Селищев А.М. Старославянский язык: В 2 ч. / Изд. 5-е. – М.: УРСС, 2011.
- Хабургаев Г.А. Старославянский язык. – М.: Просвещение, 1974 и более поздние.
- Ярхо В.Н., Лобода В.И. Латинский язык /Изд. 5-е и последующие. – М.: Высшая школа, 1998 и более поздние.

И.С. Кукина
Саратов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВЕБ-СЕРВИСОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Новое время диктует новые условия, и современный учитель обязан в полной мере использовать их на уроках и занятиях. Большие возможности перед учителем и учеником открывают сервисы Web 2.0. В статье представлен опыт использования названных сервисов на уроках русского языка и литературы в качестве способа формирования творческой личности

Ключевые слова: сервисы web 2.0, урок, русский язык, литература.

New time dictates new conditions, and the modern teacher must make full use of them in lessons and classes. Such services as Web 2.0 offer teachers and students great opportunities to teach and to learn. This article presents my experience of using these services at the lessons of Russian and Literature as a way of forming a creative personality.

Key words: services as Web 2.0, lesson, Russian and Literature.

*Если сегодня будем учить так, как учили вчера,
мы украдем у наших детей завтра.*

Дж. Дьюи

Ещё несколько лет назад школьный урок, проведённый в светлом проветренном кабинете, оборудованном доской, считался удачным (конечно, при условии, что поставленные учителем задачи решены, а цели достигнуты). Мир меняется стремительно, появляются новые ресурсы, технические средства. Мы должны бежать вперед, чтобы не остаться позади всех, не отстать от других. В современную школу приходят новые требования и современные технологии. Классический урок с использованием только бумаги и ручки уже не может считаться современным. Дети и родители, администрация и коллеги ждут от каждого из нас освоения технологий XXI века и использования их на уроках и внеклассных мероприятиях. Современный ученик не хочет брать готовое, он хочет совершать открытия, исследовать, отвергать и принимать на основе собственных опытов.

Именно поэтому всё больше внимания уделяется использованию на уроке современных информационно-компьютерных технологий. Урок без ИКТ порой скучен для школьника, проводящего большое количество времени перед компьютером. Новое время диктует новые условия, и современный учитель обязан не только иметь представление обо всех возможностях Интернет, но и в полной мере использовать их на уроках и занятиях, использовать умело, толково, с пользой. Большие возможности перед учителем и учеником открывают сервисы Web 2.0.

Доступность, возможность коллективной работы, простота – всё это делает названные сервисы привлекательными для современной школы. Использование сервисов Web 2.0 помогает учителю общаться с учеником, создавать проектные индивидуальные и коллективные творческие работы. Кроссворды, кластеры, мозаики из слов, слайд-шоу делают уроки интересными, дают импульс для дальнейшего развития. Переосмысляя традиционный урок, педагог предлагает новые пути решения традиционных задач обучения русскому языку: формирование навыков грамотного письма, обогащение устной и письменной речи школьника, умение составлять и анализировать связный текст, владение лингвистической терминологией. В конечном итоге, использование современных технологий поможет сформировать деятельностный подход к изучаемому материалу, научит школьника самостоятельно добывать и презентовать информацию, анализировать и представлять для обсуждения результаты своего труда.

Веб-сервисы, или веб-службы, – это прежде всего технологии, применить которые возможно для реализации определённых целей. Каждый новый день приносит новые технологии, Интернет пестрит красочными и яркими сайтами. Но для использования в школе подойдут, конечно же, не все.

Рассмотрим подробнее некоторые возможности современных сервисов Web 2. Начнём с сервиса Imagechef и и tagxedo (<http://www.tagxedo.com>) – «мозаика из слов». На создание мозаики не нужно тратить много времени, использование материала, созданного на <http://www.tagxedo.com>, поможет провести урок русского языка или литературы как в 5, так и в 11 классах, ведь актуализация по ключевым словам используется на любом этапе обучения. «Облаком» может быть набор словарных слов, «облако» из фамилий персонажей (и задание: найдите «лишние» фамилии), название жанров литературных произведений, суффиксы причастий и многое другое. Яркие разноцветные слова помогут ребёнку-визуалу раскрасить скучный для него мир слов-исключений. Работа на сервисе Imagechef вытеснит работу с привычными карточками, которые есть в запасе у каждого учителя, хоть год проработавшего в школе. Работа ученика может вылиться в облако ассоциаций, ключевых слов о персонаже, о своём отношении к прочитанному. Подобную работу можно проводить и при подготовке к ЕГЭ по литературе, совместив в одно «облако» героев разных авторов, разных эпох.

Не менее ярок и интересен сервис FotoPeach, дающий возможность раскрасить безликий (по сравнению с компьютерными играми и 3-D графикой) мир классической литературы. Заочные экскурсии, литературные места России и мира, уроки-путешествия, иллюстрации к художественному произведению (как профессиональные, так и детские), отчёты о проведении проектов и выступлений, чтение наизусть, сопровождаемое видеорядом и музыкой.

Сервис Photo Peach поможет выразить индивидуальный взгляд на проблему, расставить акценты и, наконец, раскрыть свой талант, раскрыться самому. Работа здесь под силу каждому, кто готов творить, фантазировать и зажигать своей идеей других. Это универсальный сервис, который помогает демонстрировать фотографии, репродукции, картинки, любые рисунки, сопровождая их надписями и музыкой. Слайд-шоу можно перерабатывать: добавлять фотографии, управлять комментариями, менять заголовки, фотографии, музыку. На сервисе Photo Peach возможно создать целый фильм, используя традиционные элементы: завязку, экспозицию, кульминацию, развязку. Кроме всего перечисленного, на сервисе Photo Peach можно сделать викторину в слайд-шоу. Знакомство с биографией писателя, эпохой, литературная гостиная, вечер романса, итоговый урок по прочитанному произведению (в том числе и традиционное «Над чем размышлял, читая...», «Над чем заставил задуматься...»), работа с иллюстрациями (как профессиональными, так и собственными), сравнение героев, эпизодов (конечно, здесь придётся потрудиться тем, кто только начинает осваивать названный сервис), описание природы в художественном произведении, исследование роли пейзажей, викторина, реклама героя (его привычки, предпочтения, знакомства и т.д.), создание киносценария, рассказ о проекте.

Для начала заходим на страничку сервиса и в правом верхнем углу нажимаем на Log in. После заполнения стандартных окошек (электронный адрес, пароль, логин) начинаем работу. Сервис англоязычный, поэтому работать с ним можно через браузер Google-Chrome. Загрузка фотографий, работа с ними не требует особых навыков, а с помощью перетаскивания располагаем фотографии или рисунки в нужном порядке. После этого подбираем музыку, делаем подписи к фотографиям... и отправляемся на урок.

Если планируется объяснение нового материала, работа с алгоритмом и схемой, то выручит сервис casoo.com, который по сути своей представляет давно известный педагогам (и успешно используемый в течение долгого времени) опорный конспект, только более красочный, насыщенный и (что сегодня так важно для школьника) созданный на любимом компьютере. Дополнить схемы и графики можно иллюстрациями, ключевыми словами. Иллюстрации (схема движения героя, план острова Робинзона, путь Чичикова от помещика к помещику и т.д.) могут быть выполнены учащимися самостоятельно и «работать» на усвоение материала, его систематизацию и неоднократное обращение к тексту художественного произведения или словарю. Привычные таблицы, составляемые на уроках – лекциях «Биография...», «Историко-литературная ситуация...», «Обзор...» может заменить casoo.com. Работу с названным сервисом можно предложить в качестве домашнего за-

дания (в помощь при пересказе, анализе, докладе). На уроках русского языка усвоить материал помогут красочные схемы, ребусы, загадки. Вы можете составить словообразовательную цепочку или подобрать однокоренные слова, распределить слова на колонки (например, корни-*лаг-/лож-*) и группы. Созданный материал можно сохранить на диске, для его просмотра не требуется Интернет.

Placast.ru – сервис, получивший название «Открытка». Изображение, звук и текст соединяются в творческом замысле и воплощаются в плейкасте. Работу с сервисом логичнее представить на уроках литературы. Например, текст стихотворения А.С. Пушкина, фотография адресата и романс на стихи поэта создадут определённое настроение, помогут направить работу в нужное русло.

Таким образом, современные информационные технологии расширяют рамки урока, позволяют выйти за страницы школьного учебника, не разрушая при этом «старое», не зачёркивая накопленный педагогический опыт, а лишь трансформируя его в новые формы. Работа с современными сервисами началась, остановить этот процесс невозможно, к нему можно только присоединиться. Компьютер не заменит человека, но умелое и уместное использование умной машины поможет активизировать познавательную деятельность учащихся, повысит эффективность урока. Учитель научит ребенка использовать компьютер, покажет, что с помощью новых технологий можно не только играть и общаться, но и учиться. Ребёнок сможет научиться находить нужную информацию, перерабатывать её и представлять ровесникам и взрослым.

Конечно, здесь представлены не все возможности современных технологий, ведь разговор о развитии цифрового мира нельзя закончить, его можно лишь прервать.

Библиографический список

Тюгаева Е.В. Современные сервисы Web 2.0 – механизм формирования универсальных учебных действий URL: [//http://www.koriphey.ru/about_school/publikacii_korifeev/article897.html](http://www.koriphey.ru/about_school/publikacii_korifeev/article897.html). (дата обращения 12.11.2012).

Творчество на уроках литературы URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-184608.html> (дата обращения 11.11.2012).

Использование электронных ресурсов для подготовки педагогов к введению ФГОС. URL: <http://www.centersot.net/oldblog/44.html> (дата обращения 11.11.2012).

Г.А. Леонова
Уфа

**ФОРМИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ РАЗДЕЛА «ТЕКСТОВЕДЕНИЕ» В 5-7 КЛАССАХ
(по УМК С.И. Львовой)**

В статье рассматриваются виды работы с учащимися, способствующие формированию творческой языковой личности при изучении раздела «Текстоведение» в УМК под редакцией С.И. Львовой.

Ключевые слова: *уроки русского языка, творческая языковая личность, текст.*

In the article it is considered the types of work with students, which are redound to compose creative, phrasal personality during learning a lesson «Textworking» in UМК under the redaction of S.I. Lvova.

Key words: *lessons of Russian, creative, phrasal personality, text.*

В качестве общего определения результата образования в совокупности мотивационно-ценностных, когнитивных составляющих сегодня выступает понятие «компетенция/компетентность». По мнению академика А.В. Хуторского, «введение компетенций в нормативную и практическую составляющую образования позволяет решать проблему, типичную для российской школы, когда ученики могут хорошо овладеть набором теоретических знаний, но испытывают значительные трудности в деятельности, требующей использования этих знаний для решения конкретных жизненных задач или проблемных ситуаций» [Хуторской 2003].

В качестве основы определения требований к результатам образования обозначен *системно-деятельностный подход*, согласно которому целью обучения является не вооружение знаниями, не накопление их, а *формирование умения действовать со знанием дела*. Т.е. цель обучения – *дать человеку умение действовать, а знания должны стать средством обучения действиям*.

Для того чтобы решить поставленные перед образованием задачи, учитель русского языка должен работать по современным УМК, и сегодня такая возможность существует. Наш выбор пал на УМК под редакцией С.И. Львовой (2008).

Отличительная особенность УМК – ориентация на интенсивное речевое и интеллектуальное развитие учащихся, связь родного языка с другими школьными предметами. Центральной единицей обучения становится текст как речевое произведение. Он является объектом анализа и результатом речевой деятельности не только на специальных уроках развития речи, но и на каждом уроке, какой бы теме он ни был посвящен. В этом смысле каждый урок русского языка становится уроком развития речи [Программа 2008].

Научиться создавать собственный речевой продукт невозможно без овладения системой знаний о законах построения и функционирования текста как сложной речевой единицы. Авторами УМК предусмотрена целенаправленная работа по формированию соответствующих компетенций. В тематическом планировании курса в каждой параллели выделены специальные часы на изучение раздела «Текстоведение».

В 5 классе на изучение данного раздела отводится 13 часов. Ребята знакомятся с признаками текста, учатся отличать тему текста от его идеи. Этому способствуют специальные упражнения, выполняя которые можно познакомиться с приемами и речевыми формулами, помогающими сформулировать и записать тему и идею. Вот пример такого задания: «Сформулируйте тему каждого отрывка, придумайте *заголовки*, точно ее отражающие». В упражнениях, составленных в соответствии с Программой, например, предлагается называть темы текстов, определить основную мысль каждого текста и *выписать предложения*, в которых эта мысль выражена. Далее учащиеся должны анализировать предложенные заголовки текстов и распределять их на две группы: заголовки, отражающие тему текста, и заголовки, отражающие основную мысль текста. Авторы предлагают также задания на восстановление последовательности «разрушенного» текста, составление рассказов по серии рисунков, по данному началу и пр.

При изучении темы «Типы речи» сначала проводится теоретическая подготовка: пятиклассники знакомятся с такими понятиями, как повествование, рассуждение, описание, тезис, аргумент, вывод. Они учатся видеть отличие в структуре текстов разных типов речи, определяют ключевой вопрос и частеречные доминанты повествования, описания, рассуждения. Применить полученные знания учащиеся могут при выполнении упражнений на составление текстов по картинкам, по данному плану, по опорным словам и пр. Одно из последних заданий, которое выполняли пятиклассники, заключалось в следующем: нужно было продолжить предложенный авторами текст по картине В.М. Васнецова «Иван Царевич на сером волке» описанием внешнего вида героев репродукции, включив в это описание устаревшие слова (*нарча, голевой, сафьян, яхонты* и т.д.). Работы получаются очень интересные, а главное, детям нравится работать с устаревшими словами.

Система творческих заданий, предложенная авторами УМК только в разделе «Текстоведение», уже позволяет вести систематическую работу над формированием *познавательных* универсальных учебных действий (выбор наиболее эффективных способов решения задач в зависимости от конкретных условий, постановка и формулирование проблемы; самостоятельное создание алгоритмов деятельности при решении проблем творческого и поиско-

вого характера и пр.); *регулятивных* (составление плана и последовательности действий, контроль в форме сличения способа действия и его результата с заданным эталоном с целью обнаружения отклонений и отличий от эталона). Если работа над выполнением заданий организуется в парах, то это хорошая возможность сформировать умение учащихся работать в микроколлективе, приобрести навыки сотрудничества, т.е. освоить *коммуникативные* универсальные учебные действия. Под универсальными учебными действиями сегодня понимают совокупность действий обучающегося, обеспечивающую его культурную идентичность, социальную компетентность, толерантность, способность к самостоятельному усвоению новых знаний и умений, включая организацию этого процесса.

Очень ценным компонентом раздела «Текстоведение» является система заданий по обучению редактированию написанного. Уже в 5 классе учащиеся знакомятся с основными требованиями к содержанию текста и основными типами логических, фактических, речевых, грамматических ошибок. Сначала дети учатся видеть и исправлять ошибки в отдельных предложениях. Затем отрабатывается умение устранять логические ошибки в построении текста: мы перестраиваем текст, собираем его заново. Далее они работают над коррекцией речевых ошибок и недочетов. И наконец, редактируют текст, используя специальные значки для обозначения разных ошибок. Так шаг за шагом отрабатываются очень важные регулятивные и коммуникативные учебные действия.

В курсе русского языка 6 класса на текстоведение отводится 18 часов. В тезаурус учащихся включаются такие понятия, как микротема, структура текста (зачин, развитие темы, концовка, ключевые слова), простой и сложный план. Главная тема этого года обучения – виды связи предложений в тексте (последовательная, параллельная, смысловая). Авторами выстроена система упражнений, которая позволяет отработать умение связывать предложения в текст при помощи местоимений, лексического повтора, синонимов, однокоренных слов, описательных оборотов. Для анализа предлагаются тексты научного, художественного стиля, среди которых есть и познавательные, и юмористические, а также тексты, позволяющие реализовать межпредметные связи (с математикой, историей, астрономией и пр.). Учащиеся придумывают предложения, используя для связи данные «сцепляющие» слова, схемы и вопросы, преобразуют условные записи в текст и пр. Не менее интересны задания, которые позволяют отработать умение учащихся строить тексты с параллельной связью. Ребята еще в 5 классе получили на уроках по синтаксису первичное представление о вводных словах, и теперь у них есть прекрасная возможность потренироваться в использовании подобных скреп в собственном сочинении-рассуждении.

Изучение раздела «Текстоведение» в 6 классе предполагает и изучение особенностей текстов разных типов речи и некоторых их жанров. Так, достаточно подробно учащиеся знакомятся с композицией рассказа, разнообразно-

стями описаний и их использованием в рассказах, получая первые серьезные навыки анализа художественного текста, знакомясь с функцией портрета и пейзажа в литературном произведении. Эти знания оказываются очень востребованными на уроках литературы.

Курс «Текстоведение» в 7 классе рассчитан на 17 часов. На основе повторения знаний о признаках текста, требований к его составлению, типах речи происходит знакомство с языковыми средствами выразительности – фонетическими, словообразовательными, лексическими, морфологическими и синтаксическими. В качестве дидактического материала для анализа языковых средств выразительности авторы используют фрагменты из произведений художественной литературы. Учащимся предлагается не только найти разные виды тропов, стилистических фигур, примеры звукописи, авторские неологизмы и окказионализмы, но и определить их функции в произведении. Интересны задания, связанные с использованием возможностей слова для создания каламбуров, словесных шуток.

Продолжается в 7 классе и работа по обучению написанию собственных текстов. Формированию регулятивных учебных действий способствует знакомство с этапами написания сочинения, требованиями к структуре и композиции текста. Основное внимание в 7 классе уделяется написанию сочинения-рассуждения. Это тем более важно, что и на уроках литературы учащиеся теперь пишут не о своих впечатлениях о прочитанном, а осваивают приемы анализа литературного произведения и все чаще выполняют работы, связанные со сравнительной характеристикой героев, оценкой их поступков, нравственного выбора. Знания, полученные на уроках русского языка, помогают создавать собственный текст с соблюдением всех требований и на уроках литературы. Упражнения на выявление типов речи в тексте, на поиск языковых средств выразительности, на сокращение текста, на редактирование написанного, включенные в учебник для 7 класса, позволяют продолжить работу по речевой подготовке учащихся на новом уровне.

Все вышесказанное – это лишь краткий обзор видов работы с учащимися, способствующих формированию творческой языковой личности при изучении только раздела «Текстоведение» в УМК под редакцией С.И. Львовой. Полученные учащимися при изучении текстоведения знания и умения оказываются востребованными при выполнении заданий на основе текстов в других разделах УМК.

Библиографический список

Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования. – М.: РГГУ, 2006.

Программы по русскому языку для общеобразовательных учреждений. 5-11 классы /Авт.-сост.С.И.Львова. – М.: Мнемозина, 2008.

Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированного образования //Народное образование. – 2003. – № 2.

Н.В. Макшанцева*Нижний Новгород***ВЕДУЩИЕ ПРИНЦИПЫ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ
ПО НАПРАВЛЕНИЮ
«ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ»**

В статье представлена характеристика наиболее эффективных для подготовки будущих специалистов-лингвистов принципов: принципа личностной профессиональной значимости; когнитивно-оценочного принципа многофакторности природы изучаемых концептов; принципа дифференциации содержательного компонента образования в зависимости от педагогических условий межкультурной коммуникации. Содержание названных принципов рассмотрено в русле концептуального подхода, в соответствии с которым личность выступает не только главной ценностью образовательного процесса, но и является носителем социокультурного, индивидуально-личностного компонента образования.

Ключевые слова: *принцип, личностная профессиональная значимость, профессиональная деятельность, концепт, когниция, межкультурная коммуникация.*

The article describes the following most effective principles in teaching future linguists: the principle of professional significance; the cognitive-evaluative principle of the multiple nature of the concepts under analysis; the principle of differentiating the content of education depending on the pedagogical conditions of intercultural communication. The subject matter of the above mentioned principles is considered within the conceptual approach whereunder the personality is not only the main value of education but also the carrier of the social and cultural, individual and personalized components of education.

Key words: *principle, personal and professional significance, professional activity, concept, cognition, intercultural communication*

Достижения гуманитарных наук, в частности культурологии, лингвистики, лингводидактики, психолингвистики и др., позволяют утверждать, что в современных условиях сформировалась обоснованная когнитивно-коммуникативная парадигма понимания языка и языковой деятельности будущих специалистов, в основе которой лежит многоаспектность языковой системы, связанная с динамикой когнитивных процессов человеческого мышления. На первый план выходит антропоцентрическое, когнитивное, концептуальное описание языка в целях обеспечения совершенной коммуникации представителями родной/неродной культуры. Профессиональная деятельность лингвиста, таким образом, включает многозначное, многоразличное взаимодействие субъектов коммуникации, что требует от специалиста развитой способности непосредственного «вчувствования», переживания, понимания социокультурных смыслов языковых единиц. Не случайно особую актуальность приобретает понятие «языковая личность», а в контексте

профессионального владения языком – «профессиональная языковая личность».

Представляется, что продуктивной теоретической основой для построения современной системы обучения, направленной на подготовку будущих специалистов к профессиональной коммуникативной деятельности, является понятие концепта, а практическим основанием – реализация в учебном процессе закономерного единства языка и речи.

Все сказанное позволяет констатировать, что сложились необходимые научные предпосылки для разработки целостного концептуального подхода к содержанию профессионально ориентированной подготовки специалиста в вузе, акцентирующего внимание на когнитивно-функциональной языковой деятельности.

В контексте изложенного предлагается концепция профессионально ориентированной подготовки будущих специалистов-лингвистов, представляющая собой иерархическую парадигму современных оценок концептуального описания языковых единиц (системно-когнитивная составляющая, герменевтический аспект, текстоцентрический компонент, культурологическая составляющая).

Наиболее эффективными для процесса подготовки специалистов в сфере лингвистики и межкультурной коммуникации определены следующие принципы:

- принцип личностной профессиональной значимости обучаемого;
- когнитивно-оценочный принцип многофакторности природы изучаемых концептов как предмета будущей профессиональной деятельности;
- принцип дифференциации содержательного компонента образования в зависимости от педагогических условий межкультурной коммуникации.

Принципы профессионально ориентированного обучения будущих специалистов в области лингвистики и межкультурной коммуникации.

В последнее время появился ряд теоретических работ, посвященных изучению языковой, в том числе профессиональной языковой личности (Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, Л.А. Шестак и др.). На передний план выдвигаются деятельностная и интегральная модель текстообразующей деятельности говорящего. Такая модель предполагает исходные теоретические ориентиры личностной значимости для моделирования конкретных языковых явлений и для понимания и моделирования профессиональной речевой деятельности в целом.

В современных условиях роль такой теории усиливается, так как она призвана стать базой собственной технологии.

Технология формирования личностной профессиональной значимости представляется учеными по-разному: ее взаимной связью с понятием самоактуализации (В.П. Зинченко, В.В. Знаков), жизненной позиции (Н.И. Жинкин, М. Минский), творческой деятельности (А.В. Брушлинский, С.Л. Рубинштейн). Теоретические исследования обозначенных проблем дают представление об *интегративной* сущности оснований личностной значимости обучаемого. Цель такого исследования заключается в установлении факторов и условий образовательного процесса, в наибольшей степени определяющих значимость профессиональной языковой деятельности.

Основными составляющими самооценки студентами профессиональной деятельности являются социальный статус деятельности, дисциплинарные основы профессии, профессионализм и культурологическая значимость профессиональной языковой деятельности.

Личностная значимость определяется как системная характеристика самосознания будущего специалиста, объединяющая (интегрирующая) сущностные признаки отмеченных выше составляющих языковой профессиональной деятельности, механизмы, закономерности и условия эффективного их функционирования и развития. Социально-педагогическими условиями развития профессиональной значимости личности будущего лингвиста являются 1) актуализация позитивной мотивации профессионального владения языком, 2) повышение уровня продуктивной практики образовательного процесса, 3) координация внешних и внутренних факторов мотивационного и ценностно-смыслового, культурно-духовного содержания профессиональной деятельности.

Профессиональная деятельность – это теория обучения, рассматривающая весь комплекс составляющих такой деятельности как суперкатегорию, как интегральное понятие, включающее весь спектр педагогических явлений в логике «*цель — средство — результат*». В соответствии с принятым методом концептуального описания языковых единиц средством формирования личностной значимости студента является текст, выражающий единое смысловое целое в процессе «*речь-мысль*» [Щерба 1955:86].

Как считает Л.В. Щерба, «все языковые величины, с которыми мы оперируем в словаре и грамматике, будучи концептами, непосредственно в опыте <...> нам вовсе не даны» [Щерба 1974] или лишь извлекаются из языкового материала. К тому же языковые представления индивидуальны, а языковые системы коллективны.

Языковая система есть то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в индивидуальных речевых системах, возникающих под влиянием этого языкового материала.

Актуализация позитивной *мотивации* профессионального владения русским языком в теории и практике концептуального описания языковых единиц определяется интересом студентов к соотношению семантики языка с концептосферой культуры определенного народа, к соотношению семантических процессов с когнитивными.

Положительной мотивацией к изучению родного слова служит осознание студентами языковой прагматики.

Так, на примере концепта, репрезентированного словом *рябина*, студенты, анализируя дидактические материалы, выделили слова и словосочетания из рассказа А. Яшина «Угощаю рябиной», позволяющие соотнести лексическое значение слов-репрезентантов со словарными значениями лексемы (С.И. Ожегов, Вл. Даль, П.Я. Черных и др.).

Был осмыслен широкий диапазон прагматических функций *рябины* в жизни человека. Ягоды рябины – это «северный виноград», «витамины и целительное средство», «натуральная лечебная сила» и домашнее вино – «настойка», и приворотное зелье – «раньше у нас девки рябиной милых привораживали», и удивительный чай, и украшение – «какая-то девушка воткнула рябиновую кисть себе в прическу, в черных волосах заблестели почти настоящие рубины».

Анализ пословиц и поговорок («хорошая рябина цветет к урожаю льна», «много рябины уродилось – зима будет морозная»), тексты народных примет воспринимаются студентами не только как образцы народной мудрости, но и иллюстрация прекрасного владения родным языком, формой лаконичного и в то же время информативного обозначения того, что человек видит, думает, понимает.

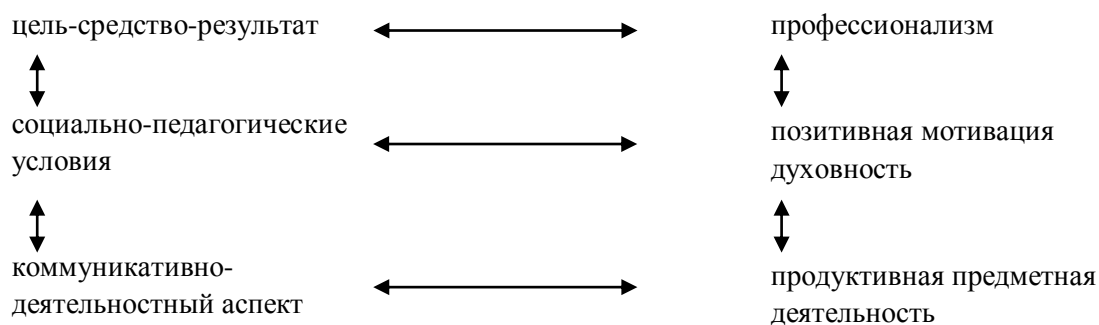
На материале текстов (М. Цветаева, В. Солоухин, фольклорные тексты) осуществлялся самоанализ мотивации обращения к народному и авторскому поэтическому слову, в результате чего были оценены прагматические ситуации и их значимость для студентов:

- символическое значение, связанное с Родиной (Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст, и все равно, и все едино,/ но если на дороге – куст// Встает, особенно – рябина...);
- эстетическое восприятие (В дожди октября и в дожди ноября/ Наш сад полыхает// Как в мае заря!);
- символ любви молодой красавицы и одинокой женщины (но нельзя рябине к дубу перебраться... Видно, сиротине век одной качаться).

Самоанализ определенной мотивационной сферы убеждает студентов в том, что язык – одно из средств доступа к сознанию человека, его концептосфере.

Положительная мотивация получает развитие в результате анализа как общенациональных, так и индивидуальных концептов, которые значительно разнообразнее и богаче первых.

В результате студенты составляют схему, координирующую различные аспекты личностной профессиональной значимости:

Когнитивно-оценочный принцип многофакторности природы изучаемых концептов как предмета будущей профессиональной деятельности.

Под технологией овладения и усвоения содержания концептуального описания языковых единиц понимаются когнитивно-ментальные процессы, процедуры и правила вывода смысла высказывания текста. Основными составляющими технологии являются: *понимание, истолкование, применение к ситуации.*

В самом общем виде *понимание* можно определить как «деятельность человека или коллектива при интерпретации текста» [Богин, 1986]. Именно установка на понимание позволяет преодолеть разрыв лингвистики и культуры. Понимание предполагает, прежде всего, выведение смысла, вкладываемого в сообщение, текст. Отсюда возникает вопрос, «что и как надо понимать» при рассмотрении того или иного концепта и способов его репрезентации.

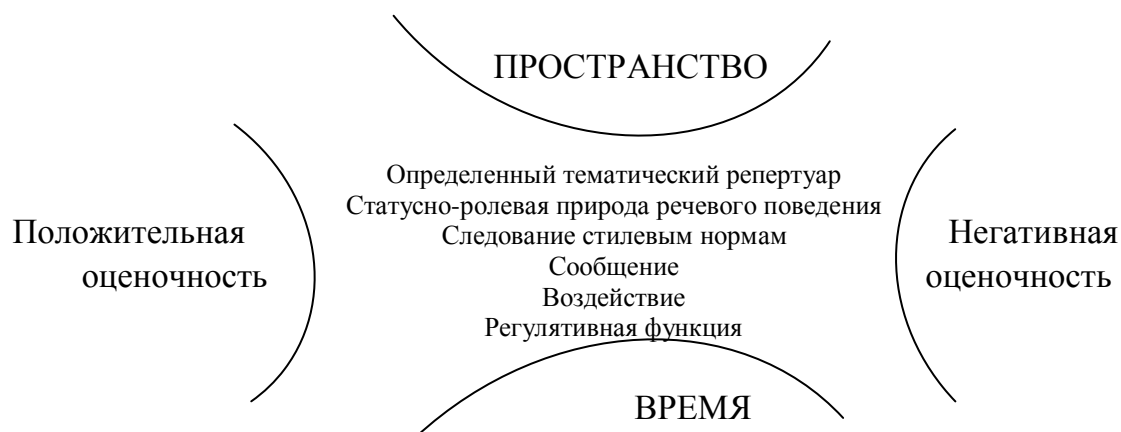
Истолкование – это такая технологическая процедура, к которой обращаются в том случае, если смысл текста не может быть понят непосредственно. Иначе, истолкование – эксплицитная форма понимания. Если понимание обеспечивается семантической компетентностью, то истолкование предполагает участие прагматической установки автора текста.

Одной из ведущих составляющих процедуры истолкования является интерпретация от явного смысла к смыслу скрытому или подразумеваемому смыслу.

Применение к ситуации – процедура, при которой толкование текста подчиняется высшей цели.

В ходе концептуального описания языковых единиц использовались следующие приемы восприятия и толкования концепта «политика»: реакция на общественное явление (рефлексия); аксиологическая оценка; ожидание определенного события, его развитие, способность прогнозировать; конструирование смысловой структуры текста (политического события); построение схемы текста как когерентного целого; метафорические и метонимические сдвиги смысла языковых единиц.

На основе содержания концепта «политика» и приемов, ориентирующих на понимание и интерпретацию соответствующих дискурсивных текстов, студентами была создана модель понимания, усвоения концепта «политика».

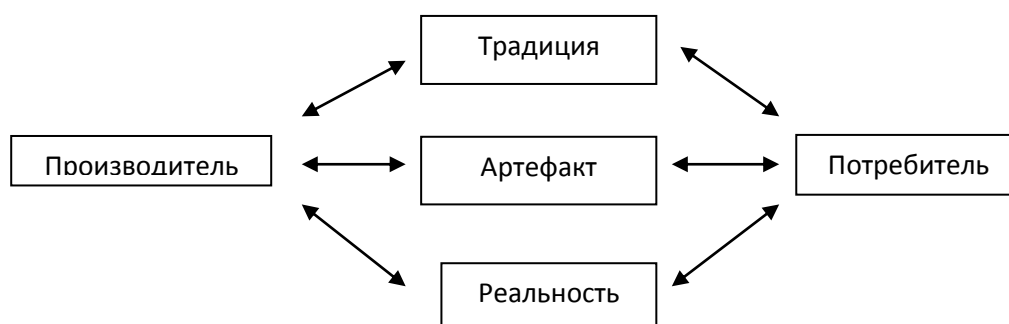
Принцип дифференциации содержательного компонента образования в зависимости от педагогических условий межкультурной коммуникации.

Одним из видов деятельности студентов в лингвистическом вузе является взаимодействие с представителями других культур, в ходе которого происходит сопоставление *своего* и *чужого*. В основе всякого сопоставления лежат механизмы *тождества* и *различения*, в нашем случае *своего* и *чужого*. *Свой* означает *личный, особенный, собственный*. Слово *чужой* заимствовано русским языком из готского *tjúð* – *народ*. Главным образом, *чужой* – принадлежащий иному народу. Сопоставление концептов *своего* и *чужого* включает: а) осмысление *своего* на фоне *чужого*; б) *отстранение* своего и

придание *личного чужому* [Зусман 2001]. При сравнении начинают действовать прямые и обратные связи, определяющие создание концептов.

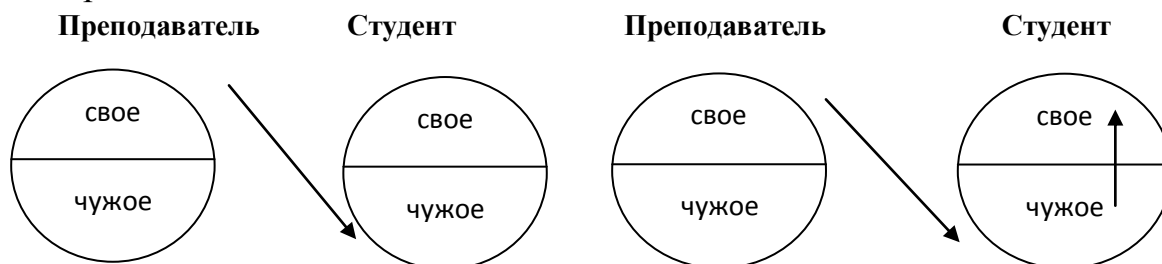
Опора на культуру в преподавании языка, имеющая давнюю традицию, обрела особую активность и новое звучание в современной лингводидактике. Владея языком, люди не всегда могут понять друг друга, и причиной этого нередко является расхождение культур. Вполне понятно, что носители одного и того же языка могут выступать представителями разных культур или субкультур. Они также могут не до конца понимать друг друга. Коммуникация внутри одной и той же культуры также нередко выявляет несовпадение концептов. Еще сложнее обстоит дело с межкультурной коммуникацией.

В настоящем исследовании культура рассматривается как целостное, системное семиотическое явление. В культуре заложена возможность диалога прямых и обратных связей.

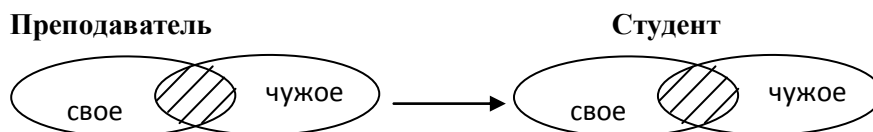
Чтобы стать концептом, некий смысл, отправленный преподавателем обучаемому, должен быть воспринят, включен в ассоциативно-вербальную сеть, соотнесен с базовыми концептами своей культуры.

Применительно к процессу обучения межкультурная коммуникация представлена схемой «преподаватель ↔ процесс обучения ↔ студент». При обучении русскому языку иностранного студента русским преподавателем, схема примет вид:

Русский преподаватель, адресуясь к иностранному студенту, обращается к материалу, для него чужому. При этом целью обучения является перевод «чужого» (или части «чужого») в категорию «своего».

Понятно, что «чужое» преподавателя соединяется со «своим» в большем объеме, чем у студента, и целью обучения является сокращение этого разрыва, а в идеале – его ликвидация.

В процессе обучения словарные единицы, обладающие универсальностью (например, дом, семья и др.) «обрастают» приращенными смыслами, «чужое» постепенно становится «своим». В одновременное движение приходят две ассоциативно-вербальные сети: «своя» и «чужая», происходит рождение концепта.

Реализация выдвинутых принципов является важнейшим условием становления языковой личности и обеспечивает совершенствование профессиональной подготовки будущих специалистов в области лингвистики и межкультурной коммуникации.

Библиографический список

- Богин Г.И.* Типология понимания текста. – Калинин, 1986.
Зусман В.Г. Концепт в культурологическом аспекте // Межкультурная коммуникация. – Н.Новгород, 2001.
Щерба Л.В. Фонетика французского языка. – М., 1955.
Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность – Л., 1974.

О.В. Мякшева
Саратов

ФГОС и ЕГЭ: ТОЧКИ ОТТАЛКИВАНИЯ

В статье рассматривается проблема перехода на новые образовательные стандарты при обучении русскому языку, утверждается, что этому переходу противоречит сложившаяся традиция подготовки к ЕГЭ.

Ключевые слова: русский язык, обучение, федеральные государственные образовательные стандарты, единый государственный экзамен.

The problem of switching over to the new educational standards in the sphere of teaching Russian language is analyzed in the article. It is asserted that existing tradition of preparation to the integrated national exam contradicts that change.

Key words: the Russian language, education, federal national educational standards, integrated national exam.

На последнем заседании рабочей группы Общественного совета Минобрнауки России министр Дмитрий Ливанов, имея в виду образование, заявил, что за последние 15-20 лет мы многое потеряли, ректор Ставропольского педагогического института, на базе которого это заседание проходило, Людмила Редько, в свою очередь сказала, что последние 25 лет происходит девальвация образования, уровень грамотности населения приближается к показателям начала XX века, снижается возраст, в котором дети теряют интерес к обучению – с 15-16 лет в конце прошлого века до 9 лет в настоящее время. Далее Людмила Редько произнесла слова, под которыми подпишется любой учитель: в квалификационные характеристики учителя втиснули всё – от знания законов до овладения методиками, выработанными человечеством за всю историю, и поэтому любому вменяемому человеку очевидно, что соответствовать квалификационным требованиям в полном объеме просто невозможно. А еще высочайшее душевное начало, которое никакими критериями не определишь. Член-корр. РАО, директор московского центра образования Евгений Ямбург был категоричен: государство само запуталось и не понимает, чего хочет, мы все делаем по принципу – телега впереди лошади, приняли странный стандарт педагогического образования, который уже не соответствует действительности, не позволяет создать условий для фундаментальной подготовки, в то время как сегодня любому учителю не обойтись без знаний культурологии, религиоведения, блока наук о человеке, медицинской этики и т.д.

Образованному и здравомыслящему человеку очевиден тот разрыв, который мы наблюдаем между современной речевой ситуацией: мат почти во всех сферах общения, языковая скудость, диффузность словоупотребления, на этом фоне нарочитая или непреднамеренная, так понимаемая «красивость

и точность» абсолютно бессодержательной речи, и требованиями нового стандарта образования. Обратимся к некоторым положениям Примерной программы по русскому языку, составленной в соответствии с ФГОС: *«Содержание курса русского (родного) языка в основной школе обусловлено общей нацеленностью образовательного процесса на достижение метапредметных и предметных целей обучения, что возможно на основе компетентного подхода, который обеспечивает формирование и развитие коммуникативной, языковой, лингвистической (языковедческой) и культуроведческой компетенций»*. Как не восторгаться такому набору компетенций, которые мы хотим сформировать у школьника, как не удивляться тому, насколько эти формулировки соответствуют научным достижениям в области лингвистических, социальных, психологических наук! Читаем далее: *Коммуникативная компетенция предполагает овладение видами речевой деятельности и основами культуры устной и письменной речи, базовыми умениями и навыками использования языка в жизненно важных для данного возраста сферах и ситуациях общения <...> проявляется в умении определять цели коммуникации, оценивать речевую ситуацию, учитывать намерения и способы коммуникации партнера, выбирать адекватные стратегии коммуникации, быть готовым к осмысленному изменению собственного речевого поведения<...> Усиление коммуникативно-деятельностной направленности курса русского (родного) языка, нацеленность его на метапредметные результаты обучения являются важнейшими условиями формирования функциональной грамотности как способности человека максимально быстро адаптироваться во внешней среде и активно в ней функционировать<...> Процесс обучения должен быть ориентирован не только на формирование навыков анализа языка, способности классифицировать языковые явления и факты, но и на воспитание речевой культуры, формирование таких жизненно важных умений, как использование различных видов чтения, информационная переработка текстов, различные формы поиска информации и разные способы передачи ее в соответствии с речевой ситуацией и нормами литературного языка и этическими нормами общения»*. Такому тексту и с точки зрения глубины осмысления проблем, и с точки зрения насыщенности терминологией позавидует любой вузовский учебник по речеведению, современной методике обучения и т.д. Где же проблема? Сбой? Несоответствие?

Как можем предположить, «продуктом» деятельности учителя, согласно данной программе, должен стать выпускник школы с активной жизненной позицией, способный осмыслить происходящее вокруг и речевой готовностью принимать соответствующие ситуации смелые, неординарные, требуемые временем решения.

Что для достижения этой цели необходимо? Во-первых, школе нужны подготовленные учителя, глубоко осмыслившие стратегию формирования языковой личности современного типа и вооруженные через стажировки, курсы соответствующими знаниями и умениями. В реальности же даже не все педагоги, которые реализуют сейчас так называемый пилотный проект, знали об этом до 1 сентября (вспомним метафору о телеге и лошади). Во-вторых, на столах учеников должны быть учебники и справочники, **точно** соответствующие запросам программы, ФГОС, ведь у учителя нет времени (и не его это задача!) копаться в Интернете, подбирать дидактический материал из книг, газет, телепрограмм. Почти каждый день учитель должен идти в класс и транслировать новые знания, формировать новые умения. А на деле далеко не все школы к 1 сентября были укомплектованы необходимыми книгами, более того, учителя ломали головы, вчитываясь в библиографическое описание учебника на магазинной полке с надеждой отыскать «соответствует ФГОС», чтобы начать процесс покупки нужного. Не говорим уже о словарях. Лучшее, что имеют школы, – Толковый словарь С.И. Ожегова, отражающий состояние литературного языка начала и середины прошлого века. Ни современных словарей под редакцией Н.Ю. Шведовой, ни словаря С.А. Кузнецова в школе не видели и не знают. В-третьих, для перехода на новые стандарты необходимо время, ведь такие серьезные задачи не решишь в два притопа и три прихлопа. В-четвертых, хорошая зарплата учителя, позволяющая ему не только полноценно питаться, красиво, со вкусом (согласно сфере и среде существования и общения!) одеваться и вовремя отдыхать, но и покупать нужное для работы оборудование: научно-методическую литературу, словари, флэшки, ноутбуки. И так далее и тому подобное.

Теперь о ЕГЭ и ГИА, которые никто не отменял. Ситуацию с ЕГЭ наблюдаю давно: сначала как учитель-совместитель, потом как репетитор, позже как «проверяющий» материалы ЕГЭ, сегодня – несколько более отстраненно, потому что школа и разного рода управленческие образовательные объединения областного и федерального масштаба перестали нуждаться в помощи ученых при так называемой подготовке к ЕГЭ. Наблюдения позволяют сделать такие выводы: ЕГЭ из формы контроля над знаниями стал способом обучения, и доказательств тому множество. Например, будучи на практике, нередко не могу попасть на уроки русского языка практикантов, так как они, эти уроки, в старших и не только в старших классах часто срываются из-за «пробных», тренировочных и т.д. ЕГЭ. Где же системность в обучении? Из широкого круга задач формирования у школьника функциональной грамотности решается только одна – *быть готовым к осмысленному изменению своего речевого поведения...* в связи с требованиями ЕГЭ. А ос-

мысленное изменение диктует необходимость в тренировке «вставлять» в определенные места определенные буквы. В результате живое общение на уроке, которое позволяет формировать коммуникативную компетентность, максимально сокращается. Вот и решают ее, эту задачу, ученики – жадно бросаясь на материалы очередного ЕГЭ в надежде угадать, что включают задания частей А, В и С из того, что предлагает программа курса «Русский язык» в школе. Какое основное учебное пособие на столах учеников, особенно старших, выпускных классов? – Тесты ЕГЭ прошлых лет, очень оперативно опубликованные предприимчивыми издателями. Что просят родители от учителя русского языка? – Отработать как можно больше материалов ЕГЭ, потому что через высокий балл они видят путь их чада в престижный вуз.

Таким образом, одна из проблем, которая является следствием увлеченности проработками материалов ЕГЭ, – nepозволительное сокращение коммуникативной составляющей урока, той ее части, где создается мысль, осознается и отрабатывается логика ее изложения, формируется языковая личность.

Кроме того, далеко не все из предложенного детям в качестве необходимого для приобретения еще одной компетенции – лингвистической, можно «разнести» по заданиям ЕГЭ. А это значит, что подобным учитель просто не будет заниматься – некогда, он занят «отрабатыванием» материалов ЕГЭ, в которых, по законам жанра, проверяются лишь некоторые лингвистические знания. Например, из типов связи слов в словосочетании спрашивается чаще всего о примыкании, а наиболее «востребованным» способом словообразования оказывается приставочно-суффиксальный. В 10-11 классах, где до сих пор нет учебника, удовлетворяющего требованиям заключительного этапа изучения в школе курса русского языка, обучение ориентировано на подготовку к ЕГЭ в том смысле, что учителю с сентября месяца даются в руки копии экзаменационных материалов прошлых лет и ставится цель к весне отработать до автоматизма ответы на предлагаемые вопросы. Стремление к однозначности в ответах ЕГЭ и ГИА приводит к тому, что в материалы ЕГЭ попадает то, что не вызывает сомнений, разнотолков, а значит – работы мысли у ученика, творческого подхода.

Еще одна очень важная проблема, которая, может быть, при намечающейся тенденции строгого отбора учебников, будет решена, – это проблема той справочной литературы, что лежит на столах учеников (чего мы уже касались выше). Вместе со скороспелыми сборниками «лучших тестов прошлых лет», разнообразными «альтернативными учебниками» в школу проникает то, что пока не «устоялось», не проверено практикой, а вследствие этому – недостоверность изложения, бессистемность, терминологическая пе-

строта. Небольшая логическая неточность, на первых взгляд, безобидное умолчание в формулировке правила, будучи растиражировано миллионными экземплярами, вырастает в большую методическую проблему. В одном из новых учебников по русскому языку для 2 класса (автор – А.В. Полякова) предлагается следующее теоретическое обобщение: «Буквы е, ё, ю, я обозначают два звука <...> после согласного звука в слове с разделительными ь и ь» [Полякова 2008: 61]. Получилось оригинально, но неверно: например, в слове *пятью* есть я и ю, есть мягкий знак, но только во втором случае гласная буква обозначает 2 звука. В учебнике того же автора для 3 класса находим задание: Найдите в тексте существительное, состоящее из приставки и корня (конечно, имеется в виду изменяемое слово). А почему ничего не сказано об окончании? И снова небрежность. В учебнике для 4 класса той же линии в задании, где отрабатываются первичные знания о прилагательном, почти все примеры с субстантивацией (это пословицы и поговорки – учитываем речевой и культурологический компонент в обучении!). Ребенок в недоумении – не тот вопрос, не та роль в предложении. Не обошла стороной проблема неточностей и авторитетный, «обновленный» школьный учебник под редакцией Н.М. Шанского (2009, 2012 гг.). В рамке для запоминания в учебнике 6 класса читаем – *скупаем по вас, по нас*, тогда как современные нормативные словари дают здесь дательный падеж, а предложный рассматривают как устарелый и даже просторечный (см., например, Толковый словарь русского языка под редакцией Н.Ю. Шведовой издания 2007 и 2011 гг.).

Таким образом, ЕГЭ, ГИА в той форме, в которой они «прижились» в российском образовании, противоречат основному пафосу новых стандартов: через активную и творческую языковую личность формировать активного, инициативного, свободного в помыслах и действиях человека, гражданина.

Библиографический список

- Полякова А.В. Русский язык. 2 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений.– М.: Просвещение, 2008.
- Полякова А.В. Русский язык. 3 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений.– М.: Просвещение, 2008.
- Полякова А.В. Русский язык. 4 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений.– М.: Просвещение, 2008.
- Русский язык. Учебник для 6 класса /Под ред. Н.М. Шанского. – М. 2009, 2012.
- Современный толковый словарь русского языка /Гл. ред. С.А. Кузнецов. – М., 2004.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов /РАН, Институт русского языка им В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М., 2007, II изд. 2011.

Г.Ф. Смыслова
Саратов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ В УСЛОВИЯХ ФГОС (Из опыта работы: пилотный проект)

Реализация государственного образовательного стандарта по русскому языку невозможна без использования современных информационных и коммуникационных технологий. Современное оборудование должно не только обеспечивать наглядность процесса обучения, но и с помощью мультимедийных средств создавать новую образовательную среду, направленную на интенсивное развитие речемыслительных способностей учащихся, на отработку общеучебных умений, предполагающих овладение способами деятельности, которые формируют познавательную, информационную, коммуникативную компетенции.

Ключевые слова: ФГОС, электронные образовательные ресурсы, инновационные технологии, мультимедийные программы, системно-деятельностный подход.

The implementation of state educational standards in the Russian language is impossible without the use of modern information and communication technologies. Modern equipment should not only provide visibility of the learning process, but with the help of multimedia to create a new learning environment aimed at the rapid development rechemyslitelnoy abilities of students, general education for practicing skills that involve the mastery of the methods that form the cognitive, informational and communicative competence.

Key words: Federal State Educational Standards, electronic educational resources, innivative technologies, multimedia programmes, activity approach.

Задача современной образовательной системы – не напичкать ученика фундаментальными знаниями, а сформировать навыки успешной социальной адаптации, способности к самообразованию...

Член-корр. РАО А.М. Кондаков

На современном этапе в системе общего образования происходят существенные изменения. Одним из важнейших преобразований является введение ФГОС общего образования нового поколения, продиктованное необходимостью подготовки учеников к жизни в высокотехнологичном мире. Современное образование нацелено на развитие личности ученика, его познавательных, интеллектуальных и творческих способностей.

Одним из существенных условий реализации государственного образовательного стандарта по русскому языку является использование в школьной практике информационных и коммуникационных технологий.

Соответствующая деятельность учителей поощрялась всегда, однако не являлась для них обязательной. Ситуация существенно изменилась с принятием и введением в действие федеральных государственных образовательных стандартов. ФГОС фактически обязывают педагогов использовать в образовательном процессе электронные образовательные ресурсы (далее ЭОР) и научить учащихся их разумному и эффективному использованию. Согласно ФГОС общего образования, ряд требований к результатам образования прямо связан с необходимостью использования информационных технологий.

В сентябре 2012 года наша школа, МОУ «СОШ с. Вязовка» Татищевского района Саратовской области, активно включилась в изучение, а затем и апробацию условий введения ФГОС второго поколения, став пилотной площадкой муниципального значения. Экспериментальным классом был выбран 5 класс, в котором я преподаю русский язык и литературу.

В основу деятельности в апробации стандартов ФГОС второго поколения положен системно-деятельностный подход в обучении с применением инновационных технологий, т.к. собственная учебная деятельность школьников – важная составляющая системно-деятельностного подхода. Только в результате определенной деятельности может сформироваться личность. Вне деятельности невозможно проявить личностные качества, показать, на что способен человек. УУД становится источником внутреннего развития школьника, формирования его творческих способностей и личностных качеств.

В активизации познавательной деятельности учащихся особую значимость приобретают такие информационно-коммуникационные средства обучения, как мультимедийные обучающие программы, мультимедийные тренинговые, контролирующие программы (по разделам курса русского языка).

На сегодняшний день в моей учебной работе стали уже почти традиционными такие формы работы, как:

- мультимедийное сопровождение уроков;
- компьютерный контроль знаний различного уровня с использованием «Фразы» и других программ;
- использование ресурсов медиатеки для организации самостоятельной работы учащихся;
- поисковая работа с использованием ресурсов сети Интернет в ходе проектной деятельности;
- использование различных видов Интернет-тренажеров;
- использование электронных учебных словарей и справочников.

В своей работе, как и в любом начинании, я испытывала определенные затруднения. В моем кабинете один компьютер с мультимедийным проектором. Интернет имеется только в кабинете информатики, поэтому не всегда удастся провести урок там, да и скорость Интернета в школе не высока, и ресурсы «грузятся» довольно долго. Их приходится загружать заранее. Чтобы урок получился качественным, подготовку необходимо начинать за несколько дней. Кроме того, многие учащиеся не могут находить нужные ресурсы, а если и находят, то не всегда могут их использовать эффективно и правильно. Но и в таких условиях можно эффективно и качественно использовать ЭОРы. Оснащение кабинета вкупе с соответствующим программным обеспечением набором ЭОРов позволяет работать со слабыми учащимися в плане отработки определенных технических или предметных навыков, и с сильными учащимися, например, в плане организации индивидуального исследования различных учебных моделей. Кроме того, можно организовать групповую работу для выполнения определенных исследовательских и проектных заданий, а также для игровых форм урока (например, группа «аналитиков» проверяет достоверность представленной информации или обеспечивает информационную поддержку для выступающих в дискуссии товарищей) – в этом случае компьютер приходится на каждого участника группы. Работа может быть организована в малых группах (один компьютер на группу). При этом отбираются необходимые для проведения урока ЭОРы в зависимости от учебной задачи и учащиеся ориентируются на проведение совместных исследований, разработку групповых проектов, коллективное выполнение электронных заданий.

Таким образом, несмотря на все вышеперечисленные проблемы, которые, думается, характерны для многих школ, надо помнить, что учитель был и остается человеком творческим, находящимся в постоянном поиске. Сейчас активно развиваются сетевые профессиональные сообщества, функционируют официальные сайты образовательных учреждений, появляются персональные сайты преподавателей, внедряются элементы дистанционного обучения.

Основными федеральными образовательными порталами, созданными в 2005-2010 гг. в результате реализации ряда масштабных инициатив по формированию электронного образовательного контента, являются:

- ЕК ЦОР – Единая коллекция цифровых образовательных ресурсов (<http://school-collection.edu.ru/>);
- ФЦИОР - Федеральный центр информационно-образовательных ресурсов (<http://fcior.edu.ru/>).

Данные хранилища насчитывают более 130000 образовательных и социокультурных ресурсов, большая часть которых ориентирована на решение задач основного общего и среднего (полного) общего образования.

Электронные ресурсы этих порталов помогли найти ответы на многие вопросы. Кроме этого, здесь не последнюю роль сыграло самообразование и желание научить учащихся учиться, жить вместе, работать и радоваться успехам.

В свете новых требований и подходов к преподаванию мною был разработан электронный учебно-методический комплект для уроков русского языка. Данный ЭУМК представляет собой приложение к учебнику «Русский язык» под редакцией А.Д. Шмелева для учащихся 5 класса. Приложение состоит из 8 блоков, каждый из которых делится на 5 повторяющихся разделов: «О языке и речи», «Система языка», «Правописание», «Текст», «Культура речи».

Содержание ЭУМК обусловлено общей нацеленностью образовательного процесса на достижение метапредметных, предметных и личностных результатов обучения. В авторских презентациях находит отражение формирование коммуникативной, языковедческой и культуроведческой компетенций. Интерфейс ЭУМК позволяет учителю организовать работу с учащимися в группах, парами и индивидуально, следуя определенным этапам, предусмотренным сценарием урока. Подача текстовой информации с экрана открывает возможность многократного повторения страниц учебного материала. Гиперссылки позволяют быстро найти нужную информацию. Мультимедийный показ приемов, виртуальное преобразование схем и рисунков помогает лучше усвоить учебную информацию, так как привлекает все органы чувств. Данное учебное пособие весьма своевременно и актуально как в теоретическом, так и в практическом плане. Электронный учебник адресован учителям, работающим по УМК издательства «Вентана-Граф», и филологам, ведущим обучение по другим учебникам.

Учебный материал изложен логично и последовательно, подается в доступной форме. Данный комплект помогает не только обеспечивать наглядность процесса обучения, но и создавать новую образовательную среду, направленную на интенсивное развитие речемыслительных способностей учащихся, не только на формирование системы языковых и речевых навыков и умений, но и на отработку общеучебных умений, предполагающих овладение способами деятельности, которые формируют познавательную, информационную, коммуникативную компетенции.

Таким образом, можно успешно перейти от репродуктивных форм учебной деятельности к самостоятельным, поисково-исследовательским ви-

дам работы, усилить аналитический компонент учебной деятельности, сформировать коммуникативную культуру учащихся и развивать умение работать с различными типами информации и ее источниками.

Опыт первого года апробации условий введения ФГОС второго поколения позволяет сделать вывод о том, что такого рода реформирование системы работы образовательного учреждения необходимо, ведь Стандарты второго поколения – это средство обеспечения стабильности заданного уровня качества образования и его постоянного воспроизводства и развития.

Министр Правительства Москвы, руководитель Департамента образования города Москвы И.О. Калина в своем интервью отметил: «Пилотный проект – это проект по формированию нового уклада школы, уклада, основанного на ответственности и свободе». Приходится признать, что эпоха перемен в ускоряющейся информационной и социальной реальности – это не период истории, а определенное состояние развития современного человечества. Перед нами стоит задача проектирования такого вариативного образования, в котором личность воспринимает перемены как норму образования, позволяющего будущим поколениям видеть, предвидеть и успешно действовать в мире технологических, информационных и социальных ускорений.

Библиографический список

Авдеева С.М., Уваров А.Ю. Российская школа на пути к информационному обществу: проект «Информатизация системы образования». URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/data/2011/01/12/1214866663/03avd0.pdf> (дата обращения: 17.02.2013).

Единая коллекция цифровых образовательных ресурсов. URL: <http://www.school-collection.edu.ru> (дата обращения: 17.02.2013).

Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 189 г. Москва «Об утверждении СанПиН 2.4.2.2821-10 "Санитарно-эпидемиологические требования к условиям и организации обучения в общеобразовательных учреждениях"». URL: <http://www.rg.ru/2011/03/16/sanpin-dok.html> (дата обращения: 17.02.2013).

Стандарты второго поколения //Примерные программы по учебным предметам. Русский язык 5-9 классы. – М., 2010.

И.В. Соловьева
Саратов

ВОЗМОЖНЫЕ СТРАТЕГИИ РАЗНООБРАЗИЯ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

В статье описываются традиционные методы обучения языку (изложение с элементами сочинения, учебная конференция, настольная игра) на актуальном современном материале, что помогает сделать учебный процесс более плодотворным.

Ключевые слова: культурный уровень, традиции, языковая, речевая, коммуникативная компетенции, аккультурация.

The article describes the traditional methods of teaching (exposition with elements of composition, training conference, a board game) on the modern actual materials, which helps to make the learning process more effective.

Key words: cultural level, language traditions, verbal competence, acculturation.

XXI век предъявляет к преподавателям требования по использованию методов обучения, связанных с компьютерными технологиями. Действительно, тестирование, использование видео и аудиоматериалов, интерактивных компьютерных обучающих и тестирующих программ помогает закреплению полученных в ходе занятия или самостоятельной работы навыков. Данные методы помогают индивидуализации обучения, но не отменяют общей работы с группой, где хороший результат могут дать и традиционные методы, способствующие объединению студентов вокруг интересного явления или идеи. В этом аспекте особую значимость приобретает личность преподавателя, и именно за ним остается проблема выбора учебного материала.

Специфика преподавания русского языка как иностранного в медицинском университете определяется тремя аспектами: а) исключительностью профессии врача, предъявляющей повышенные требования к этической стороне профессиональной деятельности и личностным качествам специалиста; б) своеобразием контингента студентов, приехавших из разных стран, имеющих разный уровень знаний и способностей к обучению языку; в) особенностями языка как учебного предмета, имеющего объективно сложную грамматическую систему и являющегося при этом носителем традиционной культуры, чрезвычайно богатой гуманистическими традициями. При этом мы вполне согласны с замечанием московских коллег: «Трудности усугубляются тем, что студенты одной группы, вне зависимости от уровня владения языком, должны сдавать один и тот же экзамен. Они должны знать грамматику русского языка и уметь применять ее на практике, например, в диктантах или тестах. Кроме того, студентам необходимо иметь знания в области стилистики и культуры речи, т.е. знать, в какой ситуации какие языко-

вые средства уместно употреблять» [Миронова 2012: 321]. Именно поэтому для повышения эффективности занятий необходимо использовать различные методические приёмы, среди которых значимым оказывается отбор яркого и интересного дидактического материала.

Кафедра русского языка как иностранного в Саратовском государственном медицинском университете им.В.И. Разумовского за более чем двадцатилетнюю историю накопила богатый теоретический и практический материал не только обучения языку специальности, но и опыт формирования личности будущего врача, который после окончания российского вуза понесет в будущую профессиональную жизнь культуру и традиции страны, в которой прошли 6-9 лет его жизни. При этом довольно часто мы замечаем такое явление, как аккультурация: «сложный процесс, означающий взаимовлияние культур, перцепцию одним народом культуры другого народа. <...> Аккультурация основывается на коммуникативном процессе, её можно рассматривать как приобретение коммуникативных способностей к новой среде, к культуре новой страны. Это повторная социализация вполне взрослого человека, она необходима для жизни и позитивного усвоения норм и ценностей чужой культуры, которые наслаиваются на традиции и обычаи культуры родной. У студентов, приехавших в чужую страну для приобретения знаний, процесс аккультурации происходит довольно легко» [Жапарова 2012: 277].

Поскольку наша кафедра работает с двумя потоками студентов – русскоговорящими выпускниками бывших советских республик (ближнее зарубежье) и иностранцами, не знавшими языка до приезда в страну (дальнее зарубежье) – соответственно выделяются два принципиально различных подхода к выбору методики преподавания: а) для русскоговорящих – повышение общего уровня грамотности и культуры, б) для тех, кто впервые сталкивается с русским языком – овладение необходимым грамматическим и коммуникативным минимумом. Рассмотрим первый из них.

В русскоговорящей студенческой аудитории медицинского университета представляется логичным делать акцент на изучении текстов писателей-медиков, начиная с А.П. Чехова, которого выпускники современной школы знают недостаточно. Так, например, рассказы «Попрыгунья» и «Ионыч» были знакомы лишь небольшому числу студентов, и их обсуждение, размышление над этической составляющей профессии врача вызвало живой интерес. После написания изложения с элементами сочинения нашлись желающие обдумать в свободное время и другие рассказы классика, что, пожалуй, можно считать самым важным результатом данного вида работы в курсе «Русский язык как иностранный». Ведь именно развитие самостоятельного мышления, стремления к повышению культурного уровня гарантирует, что выпу-

скник вуза будет не только хорошим специалистом определённого профиля, но и всесторонне развитым человеком, носителем традиций русской интеллигенции. Не меньше откликов вызвал и рассказ М.А. Булгакова «Полотенце с петухом», после работы над которым студенты утвердились в необходимости спасения человеческой жизни, даже при самых неблагоприятных внешних условиях.

Из современных авторов весьма актуальным представляется творчество врача Т. Соломатиной, чей рассказ «Записки копирайтера» является прекрасной иллюстрацией необходимости курса стилистики. Приведём несколько изменённый отрывок из него: *«Предложение руки, сердца и органов репродукции он сделал ей, когда они питались в роскошном ресторане, потребляя жиры, белки, углеводы и алкалоидные группы на фоне услаждения органов слуха лёгкой фоновой музыкой. Её увлажнённые секретом слёзных канальцев органы зрения благодарно посмотрели на него. Его покрытая кожей лицевая сторона черепа была волнующе близка. Она ни о чём не могла думать своими большими полушариями головного мозга, сокрытыми под черепной коробкой и мягкой, твердой и паутинообразной мозговыми оболочками. Нервная система испытала функциональную перегрузку. В ее организме произошёл выброс серотонина»*. Применение анатомических терминов в контексте описания романтического вечера выглядит комично, и необходимость работы над стилистическим единством любого текста не вызывает никаких сомнений. После такого вступления критичность восприятия обостряется и традиционные задания на замену неудачного слова в примерах выполняются быстро и легко. Подобные образцы стилистической игры предлагаются как момент, привлекающий внимание, после чего записываются основные характеристики разных стилей, предлагается оценить стилистическую окраску разных слов и словосочетаний, составить свои тексты. В частности, 2013 год объявлен Годом охраны окружающей среды в России, и студенты-медики не просто закрепляют стилистические приёмы, а учатся создавать публицистические заметки и обзоры научных статей, посвящённых этой важной проблеме. Будущие врачи учатся анализировать состояние окружающей среды и его влияние на организм человека, что помогает их человеческому и профессиональному росту. Теоретический курс «Интерактивные ресурсы в образовательной деятельности», в который входит в том числе и обучение реферированию, по Рабочей программе дисциплины должен завершиться учебно-практической конференцией, в ходе которой студенты продемонстрируют сформированность таких коммуникативных навыков как реферирование литературы по выбранной теме, создание доклада и его презентация средствами Power Point. Предложены темы: «Бахилы как угроза экологическому равно-

весию» или «Новые материалы, альтернативные полиэтилену», которые будут решены средствами разных стилей. Итогом такой многосторонней работы является конференция в учебной группе: «Современное состояние экологической среды и возможности его улучшения».

Для студентов из дальнего зарубежья актуальны совсем иные задачи, в частности, навык быстрого выбора правильной грамматической формы. Введение соревновательного элемента оживляет такую работу, поэтому нам показалось уместным использовать разработки московских коллег Т. Барчан и Д. Марковой, работающих в проекте «Игротека ребуса». Настольная игра «Падежи на виражах» предназначена для обучения русских школьников, но вполне подходит и для иностранных студентов. В ней предусмотрена работа разных уровней сложности: определение падежа слова в словосочетании; отбор группы слов сразу по нескольким параметрам: одушевлённости-неодушевлённости, грамматическому роду, числу и падежу. Самым сильным студентам предлагается самим привести примеры словосочетаний, получив в качестве отправной точки только предлог. Такие игры удобны тем, что работает сразу вся группа, и обсуждение каждого хода сопровождается развёрнутым грамматическим комментарием. Более подробную информацию о подобных пособиях можно получить на сайте www.igroteka-rebus.ru.

Неотъемлемой частью любого языкового курса РКИ является «Страноведение», в котором изучаются достопримечательности страны и города обучения. Безусловно, содержание курса варьируется в зависимости от уровня освоения языка, но на в ходе изучения любого модуля очень полезно использовать подобные материалы для достижения общего результата. Студенты второго курса (без языка-посредника) с удовольствием слушали лекцию о В.Э. Борисове-Мусатове в Саратовском доме-музее его имени. Сама атмосфера флигеля, воссоздающая начало XX-го века, картины, рассказ экскурсовода — всё вошло в написанные после экскурсии письменные работы. Создание самостоятельного текста на иностранном языке — достаточно сложная учебная задача. Кроме того, работа над ошибками в таком материале особенно полезна, т.к. показывает реальное усвоение лексических, грамматических норм, развёрнутых синтаксических конструкций, что позволяет скорректировать индивидуальную работу с каждым студентом. Отсутствие заданности, модельности такого сочинения способствует развитию самостоятельности мышления. Многие коллеги также признают эффективность данного метода, как бы завершающего ряд других: «соединение предложений, заполнение пропусков, порождение письменной речи по моделям (использование образцов)» [Миронова 2012: 323]

Очень полезным и интересным для всех студентов было посещение заседания краеведческого клуба, посвящённого памяти хирурга-онколога Т.А. Куницыной, которое прошло в городской библиотеке г. Саратова. Восхищённые студенты написали, что это была «*женщина из женщин Саратова*», отметили большой авторитет врача и человека. Эмоциональные впечатления такого плана способствуют интеграции культур, которая: «представляет собой совокупность как старой, так и новой культур. Т.е. человек не теряет своей уникальности, и в то же время перенимает культуру чужой страны» [Жапарова 2012: 277]. Оптимальным можно считать сочетание этических, эстетических и грамматических задач в таких экскурсиях. Важно отметить, что такое «выездное» занятие преследует сразу несколько учебных задач, непосредственно соотносимых с вырабатываемыми компетенциями: *аудирование* живой русской речи, *говорение* в ходе дискуссии, *чтение* специально подготовленных (частично адаптированных) материалов, *письмо* (продуцирование текста) по итогам увиденного и услышанного. Аудирование такого плана полезно ещё тем, что студенты встречаются с разными дикторами, разными типами артикуляции, разной организацией информации: от сухого перечисления фактов до эмоциональных переживаний малозаметных деталей, а это усложняет учебную задачу и повышает уровень их языковой компетенции. Кроме того, этот опыт соответствует Государственному образовательному стандарту по русскому языку как иностранному (Второй уровень. Общее владение): «Иностранец должен уметь ориентироваться и реализовывать свои коммуникативные намерения адекватно своему социальному статусу в следующих социально и психологически значимых ситуациях общения (причём как в ситуации нахождения в указанных пунктах, так и в ситуации обсуждения происходящих там событий) – в социально-культурной сфере – при удовлетворении своих эстетических и познавательных потребностей – в театре, в кино, в клубе, на выставке, в музее и в библиотеке» [Типовые... 1999: 5].

Таким образом, практика показывает, что обучение языку не может и не должно ограничиваться страницами учебника, даже электронного и интерактивного. Этого и не может быть достаточно, учитывая необходимость формирования языковых компетенций: «Владение языком предполагает формирование у учащегося трёх видов компетенций: языковой или лингвистической компетенции (понимание и знание языка); речевой компетенции (навыки и умения общаться по правилам) и коммуникативной компетенции (навыки и умения общаться с разными людьми в разных обстоятельствах); последняя компетенция признаётся ведущей» [Миронова 2012: 322]. Привлечение литературного, историко-краеведческого, игрового материала для всех

студентов даёт прекрасную возможность повысить свой интеллектуальный и культурный уровень.

Библиографический список

Жапарова А.Ж. Аккультурация как форма коммуникации//Жизнь языка в культуре и социуме. – М., 2012. – С. 275-277.

Миронова Н.И. Преподавание русского языка в неоднородной по уровню владения языком группе//Жизнь языка в культуре и социуме. – М., 2012. - С. 321-323.

Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение /Г.Н. Аверьянова и др. – М.-СПб, 1999.

О.Б. Сухопарова
Саратов

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ ВОСПИТАНИЯ И СОЦИАЛИЗАЦИИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЧЕРЕЗ ВНЕУРОЧНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В 5 КЛАССЕ

В статье дается обзор содержания программы внеурочной деятельности «Учимся общаться» для учащихся 5 класса, которая не только отвечает требованиям ФГОС, но и тесно связана с темами уроков русского языка, вписывается в концепцию преподавания предмета. Программа обеспечивает развитие позитивного отношения учащихся к базовым общественным ценностям на основе опыта эмоционального переживания и рефлексии.

Ключевые слова: программа внеурочной деятельности, требования ФГОС, базовые общественные ценности.

The article presents an overview of the program of extracurricular activities «Learn to communicate» for the students of the 5th class, which not only meets the requirements of the GEF, but also closely connected with the themes of the lessons of the Russian language, is entered in the concept of teaching the subject. The program provides development of the positive attitude of students to the basic social values on the basis of the experience of emotional experience and reflection.

Key words: the program of extracurricular activities, the requirements of the GEF, the basic social values.

Целью создания образовательных программ, согласно требованиям ФГОС, являются следующие универсальные учебные действия (далее УУД): личностные, регулятивные, познавательные, коммуникативные.

Согласно новому Федеральному Государственному Образовательному Стандарту общего образования, организация внеурочной деятельности детей является неотъемлемой частью образовательного процесса в школе. Внеурочная деятельность объединяет все виды деятельности школьников (кроме учебной деятельности на уроке), в которых возможно и целесообразно решение задач воспитания и социализации детей. Проблемно-ценностное общение является одним из наиболее распространённых в школе видов внеурочной деятельности.

Перед нами стояла задача: разработать программу внеурочной деятельности, которая не только отвечала бы требованиям ФГОС, но и была тесно связана с темами уроков русского языка, вписывалась в концепцию преподавания предмета.

Первая часть учебника [Львова 2012] включает в себя раздел «Культура речи», состоящий из двух параграфов: Соблюдение норм современного русского литературного языка; Употребление в речи этикетных слов.

В материалах учебника представлены три группы учебных заданий: Как узнать? Попробуй объяснить. Сделай вывод.

Все разделы учебника включают задания, имеющие специальную пометку «Проводим самостоятельное мини-исследование» (индивидуальная, парная, групповая работа). В разделе «Культура речи» учащимся предлагается следующее задание (№ 225):

1. Понаблюдайте, какие этикетные слова вы используете в речевой ситуации приветствия, обращаясь ко взрослым (родителям, учителям, соседям). Запишите эти слова, продумайте, чем объясняется выбор каждого из них.

2. Перечислите этикетные слова и обороты, которые вы обычно используете в разговоре со своими товарищами. Сравните оба составленных вами списка и сделайте выводы.

Раздел «Культура речи», как и другие разделы учебника, включает задания с пометкой «Применяем правила речевого этикета»:

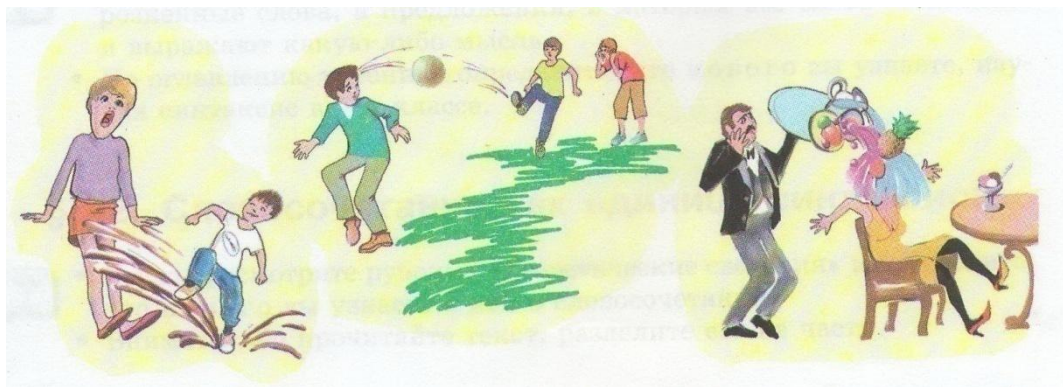
№ 219

Рассмотрите фотографии. Какие этикетные слова можно употребить в каждом случае? Запишите предложения с этими словами.

№ 224

Рассмотрите рисунки. Найдите такие слова, которыми и пострадавший и виновник происшествия смогли бы смягчить крайне неприятную ситуацию в каждом примере.

При разработке программы по любому виду внеурочной деятельности школьников формы и содержание деятельности должны быть выстроены таким образом, чтобы обеспечить устойчивое развитие воспитательных результатов.

Устойчивое развитие воспитательных результатов внеурочной деятельности предполагает: приобретение учащимися социального знания (первый уровень результатов) – формирование положительного отношения к базовым общественным ценностям (второй уровень результатов); приобретение школьниками опыта самостоятельного общественного действия (третий уровень результатов). Социальное знание – это знание об общественных нормах и ценностях, об устройстве общества, о социально одобряемых и неодобряемых формах поведения в обществе.

Организация внеурочной деятельности дает возможность организовать передачу социального знания в ситуациях общения «лицом к лицу», т.е. в форме повседневного знания. Как известно, знание человеком общественных норм и ценностей не является гарантией того, что он готов им добровольно следовать в различных обстоятельствах жизни, т.е. ценит их. Для личностного роста школьника необходимо развитие позитивного отношения к базовым общественным ценностям, а для становления позитивного отношения к ценности необходим опыт её эмоционального переживания и рефлексии. Все это позволяет обеспечить программа внеурочной деятельности «Учимся общаться».

Данная программа направлена на формирование у учащихся прежде всего коммуникативных УУД. Коммуникативные УУД обеспечивают социальную компетентность и учет позиции других людей, партнера по общению или деятельности, умение слушать и вступать в диалог, участвовать в коллективном обсуждении проблем, интегрироваться в группу сверстников и продуктивно взаимодействовать и сотрудничать со сверстниками и взрослыми. В состав коммуникативных действий входят: планирование учебного сотрудничества с учителем и сверстниками – определение цели, функции уча-

стников, способов взаимодействия, постановка вопросов – инициативное сотрудничество в поиске и сборе информации, разрешение конфликтов – выявление, идентификация проблемы, поиск и оценка альтернативных способов решения конфликта, принятие решения и его реализация, управление поведением партнера – контроль, коррекция, оценка действий партнера, умение с достаточной полнотой и точностью выражать свои мысли в соответствии с задачами и условиями коммуникации, владение диалогической и монологической формами речи [Формирование 2011: 11].

Стоит заметить, что, определяя приоритетные цели образования на современном этапе развития общества в виде «шести ключевых умений», ведущие отечественные и зарубежные педагоги сходятся в том, что два из них непосредственно относятся к сфере коммуникативных действий:

- общение и взаимодействие (умение представлять и сообщать в письменной и устной форме, использовать речевые средства для дискуссии и аргументации своей позиции),
- работа в группе (совместная деятельность, умение устанавливать рабочие отношения, эффективно сотрудничать и способствовать продуктивной кооперации) [Формирование 2011: 57].

Обучение культуре речевого поведения особенно актуально в этом возрасте, т.к. наиболее значимым для подростков становится умение выстроить свои отношения со сверстниками, начинается процесс социализации личности ребенка. Подростки начинают ощущать себя взрослыми, стремятся занять новую жизненную позицию по отношению к миру, другому человеку и к себе, обнаруживая при этом особую восприимчивость к усвоению способов и норм поведения взрослых, потребность в самовыражении и самоутверждении, стремление осознать себя как личность и стать самостоятельными.

Педагогу, работающему вместе с детьми по настоящей программе, предоставляется возможность планомерно достигать воспитательных результатов разного уровня познавательной деятельности. Реализуя предлагаемое программой содержание занятий с детьми, подбирая соответствующие этому содержанию формы, педагог может постепенно переходить от простых результатов к более сложным.

Программа ориентирована на школьников 5 класса и может быть реализована в работе педагога как с отдельно взятым классом, так и с группой учащихся из разных классов параллели.

Ожидаемые результаты реализации программы.

Результаты первого уровня (приобретение школьниками социальных знаний, первичного понимания социальной реальности и повседневной жизни): приобретение школьниками знаний об основных общечеловеческих ценно-

стях и нормах поведения. Данного уровня результатов можно достичь лишь в том случае, если объектом познавательной деятельности детей станет собственно социальный мир, т.е. познание жизни людей и общества: принципов существования, норм этики и морали, базовых общественных ценностей. Причём важны не только и не столько фундаментальные знания, сколько те, которые нужны человеку для полноценного проживания его повседневной жизни, успешной социализации в обществе.

На этом этапе на занятиях проходит обсуждение в форме интерактивного взаимодействия поведения людей в различных ситуациях общения. См. например: Уроки речевого этикета [Речевой... эл. ресурс], где выделяются такие разновидности, как: Приветствие и знакомство. Телефонный разговор. Поздравление. Извинение. Просьба. Согласие и отказ. Благодарность.

Стоит заметить, что учитель может использовать не только материалы мультимедиауроков, в основе которых лежат ролевые проблемные коммуникативные ситуации, актуальные для детей данной возрастной категории, но и справочник «Советы вежливого человека», а также электронную книгу «Речевой этикет», которые входят в учебный модуль «Речевой этикет в ситуациях и заданиях».

Продолжает работу на данном этапе обсуждение ситуаций, типичных для пятиклассников и часто становящихся причиной возникновения конфликтов. Задание строится как столкновение двух (или более) разных точек зрения по одному вопросу (или несовпадающих оценок): [Формирование... 2011: 51-53, 68, 78].

1. *Пятиклассник Петя нарисовал Годзиллу и показал рисунок друзьям. Володя сказал: «Вот здорово!» А Саша не согласился: «Фу, какое страшилище!» Как вы думаете, кто из них прав? Почему так сказал Саша? А Володя? Что бы вы ответили на месте Саши и Володи? Почему поспорили мальчишки?*

2. *Воскресенье три подружки решили провести вместе. «Давайте пойдём в кино», - предложила Наташа. «Нет, лучше погулять в парке», - возразила Нина. «А вот и нет, давайте останемся дома, поиграем в компьютерные игры», - сказала Ира. Как вы думаете, кто из них прав? Почему? Почему возник спор? Как могла бы объяснить свой выбор каждая из девочек? Как им нужно поступить?*

3. *Две подружки-одноклассницы получили разные оценки за контрольную работу («3» и «4»), хотя их работы были совершенно идентичны, при этом они не списывали одна у другой. Есть очень большой риск, что их строгий учитель скорее снизит четверку, чем повысит тройку. Тем не менее подружка, получившая тройку, без ведома другой подходит к учителю с*

обеими тетрадками. Правильно ли поступает девочка по отношению к своей подруге и почему?

4. Учительнице нужно было срочно выйти из класса на уроке во время контрольной работы, и она попросила Катю посмотреть за учениками, чтобы никто не списывал. Некоторые ребята, конечно, списывали. Когда учительница вернулась в класс, она спросила у Кати, не списывал ли кто-нибудь (известно, что за это поставят двойку). Учительница доверяет Кате. Как должна поступить Катя (или что ответить) и почему?

Далее можно организовать работу в форме ролевых игр: учащиеся проигрывают, а затем обсуждают каждую ситуацию: *Тебя вызвали к доске, а ты плохо выучил урок; Тебя не принимают в компанию, а ты пытаешься подружиться с этими ребятами; Тебя зовут в кино, а ты не хочешь идти.*

Результаты второго уровня (формирование позитивного отношения школьников к базовым ценностям нашего общества и к социальной реальности в целом). Для этого в содержание познавательной деятельности должна быть привнесена ценностная составляющая. Педагогам рекомендуется инициировать и организовывать работу школьников с информацией воспитательного характера, предлагая им обсуждать её, высказывать своё мнение.

При обсуждении такой информации эффективны внутригрупповые дискуссии. Они позволяют учащимся соотнести собственное отношение к дискутируемому вопросу с мнениями других детей и способствуют коррекции этого отношения, ведь весомое для подростков мнение сверстников часто становится источником изменения их взгляда на мир. Кроме того, благодаря дискуссиям, школьники приобретут опыт поведения в ситуации разнообразия взглядов, будут учиться уважать иные точки зрения, соотносить их со своей собственной.

На этом этапе учащиеся смогут приобрести опыт исследовательской деятельности и публичного выступления по проблемным вопросам. Учащимся предлагается выполнить самостоятельное мини-исследование по темам: Как решить конфликты с родителями? Как преодолеть барьеры в общении? Как построить отношения со сверстниками? Как правильно обратиться с просьбой? Как правильно отказать? Как правильно вести дискуссию? В чем отличие дискуссии от спора?

Стоит заметить, что позитивное отношение к знанию как общественной ценности вырабатывается у школьника в том случае, если знание становится объектом эмоционального переживания. В процессе исследовательской деятельности школьники получают свое, искомое, выстраданное новое знание.

Результаты третьего уровня (приобретение школьниками опыта самостоятельного социального действия). На этом этапе учащиеся получают опыт ин-

тервьюирования и проведения опросов общественного мнения; общения с представителями других социальных групп; волонтерской деятельности; участия в гражданских акциях; заботы о малышах и организации их досуга; опыт организации совместной деятельности с другими детьми.

Наиболее эффективно это может происходить во время проведения детьми и педагогом тех или иных социально ориентированных акций. Например, проведение бесед и классных часов для учащихся начальных классов может способствовать приобретению школьниками опыта социального действия.

Библиографический список

Григорьев Д.В. Куприянов Б.В. Программы внеурочной деятельности. Художественное творчество. Социальное творчество: пособие для учителей общеобразовательных учреждений. – М., 2011.

Григорьев Д.В. Степанов П.В. Программы внеурочной деятельности. Познавательная деятельность. Проблемно-ценностное общение: пособие для учителей общеобразовательных учреждений. – М., 2011.

Львова С.И., Львов В.В. Русский язык. 5 класс: учебник для общеобразовательных учреждений. В 3 ч. – М., 2012.

Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Система заданий: пособие для учителя/ А.Г. Асмолов, Г.В. Бурменская, И.А. Володарская и др.; под ред. А.Г. Асмолова. – 2-е изд. – М., 2011.

«Речевой этикет в ситуациях и заданиях (5 класс)» [http://school-collection.edu.ru/catalog/rubr/90a91b0a-4f15-4398-a856-731d4fdfa3ec/?interface=pupil&class\[\]=47&subject\[\]=8](http://school-collection.edu.ru/catalog/rubr/90a91b0a-4f15-4398-a856-731d4fdfa3ec/?interface=pupil&class[]=47&subject[]=8) (дата обращения: 17.01.2013).

Материалы V Международного семинара

РАЗВИТИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

Л.Р. Абдулхакова, Т.П. Заиконникова, А.В. Павлова
Казань

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ВОЗВРАТНЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИЛИ СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ?

В статье рассматривается проблема классификации так называемых возвратных глаголов в плане отнесения их к единицам словообразовательным или формообразовательным, статус и структурно-семантические характеристики элемента -ся в русском языке.

Ключевые слова: *залоговые отношения, возвратный глагол, статус элемента -ся.*

The article deals with the problem of verbs classification. Reflexive verb are stated to be a phenomenon of both word-formation and morphology in Russian language.

Key words: *collateral relations, reflexive verb, the status of the item -sya.*

Глубокое изучение языковых явлений как в плане их истории, так и в качестве современных реалий невозможно без учета системных связей разных сторон языка. При таком понимании вполне правомерен давний интерес казанских лингвистов к соотношению систем словообразования и словоизменения. Проблема эта рассматривается в нескольких аспектах. Наиболее традиционный – дифференциация элементов словообразовательных и словоизменяемых, более привычно звучащая как разграничение слова и формы. В процессе осмысления накопленного языкового материала, аналитического сопоставления разных подходов в основном сформировалось современное понимание границ между словом и его формой, хотя и сейчас эту проблему нельзя считать исчерпанной. Зачастую дело осложняется расхождением между языковой реальностью и теми сложившимися, устоявшимися представлениями, которые закреплены в качестве общепринятой традиции. Не теряют своей актуальности известные слова И.А. Бодуэна де Куртенэ о том, что изу-

чение языка «должно состоять прежде всего в непосредственном наблюдении существующего и происходящего», что «наблюдать мы должны жизнь, а не бессмысленно повторять то, что о ней написано в книжках» [Бодуэн де Куртенэ 1963, 2: 132]. Примеры того, что наблюдение, осмысление реального языкового материала мы подменяем его зачастую неверным описанием, поверхностной и искажающей суть дела, но привычной классификацией, к сожалению, нередки.

Сложнейшее переплетение мифа и реальности обнаруживается в сфере выражения субъектно-объектных отношений русского глагола, или, иначе говоря, в т.н. категории залога. Все признают, что это очень специфическая категория, своеобразно представленная в русском языке, но миф – весьма устойчивое явление. В большинстве грамматик, учебных пособий залог в качестве глагольной категории все-таки выделяется, хотя и в разных вариациях: действительный, страдательный, средне-возвратный – трехчленная система, или двучленная система – действительный (активный) и страдательный (пассивный), при которой все глаголы имеют залоговый статус. Но реален ли для русского языка залог именно как морфологическая, а не семантико-синтаксическая категория? Сомнения на этот счет высказывались уже давно, сильны эти сомнения и сейчас, но мифологическая традиция, рожденная еще первыми полурусскими грамматиками XVII и XVIII вв., жива.

Весьма показательны рассуждения о залоговых отношениях М.В. Ломоносова, изложенные им в «Российской грамматике» [Ломоносов 1952, 7] (см. §71,72,73): «Деяния суть двойки: первые от одного происходят и в другом действо производят, посему и глаголы на два залога разделяются – на действительный: люблю, посылаю и на страдательный: меня любят, меня посылают». Как видим, все различие между т.н. действительными и страдательными глаголами сводится лишь к различиям синтаксических условий их употребления. «Вторые деяния от одного к другому не простираются, но в том же самом производятся: *стою, сплю, блѣднѣю*. Таковые глаголы называются средние ли залога среднего». Далее М.В. Ломоносов делает важнейшее замечание о различиях между языками в плане специфики залога: «Так, у греков всякий действительный глагол, кроме своего страдательного, имеет глагол средний, или, лучше сказать, обоюдный, ибо такового рода глаголы иногда имеют знаменование действительное, иногда страдательное, чего российский и латинский и другие известные европейские языки не причастны <...> В Словенскую грамматику сочинитель многие ввел в рассуждение родов неисправности, последуя греческому свойству...». В самом деле, достаточно ознакомиться с системой залоговых образований древнегреческого глагола, чтобы убедиться в существенных, разительных несоответствиях рус-

ского т.н. залога древнегреческому: в классическом языке все залоговые формы имеют регулярное собственно морфологическое выражение в виде системы личных окончаний для активного, пассивного и среднего залога. Как и отмечает Ломоносов, один и тот же глагол при этой системе легко «переводится» из одного залога в другой за счет изменения своей формы. Ничего подобного в русском языке нет и никогда не было. Учитывая эту специфику русского глагола, Ломоносов не включает залог в ряд важнейших словоизменительных категорий: «Глаголы российские спрягаются чрез наклонения, времена, числа, лица и роды» (§266).

Очень глубоко, последовательно и, что особенно ценно, ясно представлено понимание т.н. залога в работах В.А. Богородицкого, в частности, в его «Общем курсе русской грамматики». Ученый справедливо обращает внимание на то, что залог, в отличие от всех морфологических категорий, не базируется на оппозиции двух или более единиц, не соответствуя, тем самым, еще одному, наряду с отсутствием необходимой корреляции грамматического содержания и регулярных средств его выражения, важнейшему условию формирования морфологических категорий. По словам В.А. Богородицкого, «страдательный залог может рассматриваться лишь как параллельный или дополнительный к действительному <...> Страдательный залог в русском языке не имеет особой самостоятельной формы, выражаясь тройко: 1) посредством причастия с кратким окончанием в соединении с глаголом быть, иногда опускаемым (*я посылаем, я был посылаем*), 2) безлично – посредством глагола действительного в 3 л. мн.ч. с присоединением винительного падежа (*меня посылают*) и 3) глагольной формой, получаемой из действительного залога через прибавление *-ся // -сь* (*посылаюсь*). Первые два способа выражения страдательного залога получаются путем сочетания слов – синтаксически; что касается третьего способа, то хотя он и выражается посредством одной формы (на *-ся*), но эта последняя может обозначать собою и некоторые другие залоговые категории, так что значение страдательного залога обнаруживается из смысла целого предложения, т.е. тоже синтаксически. Вот почему учение о страдательном залоге в русском языке в значительной мере относится к синтаксису» [Богородицкий 1935: 165-166]. Очень точно мысль Богородицкого согласуется с предельно ясным высказыванием Ж. Вандриеса, не случайно процитированным в книге В.В. Виноградова: «Отличие глаголов действительного залога от глаголов страдательного залога в большинстве индоевропейских языков иллюзорно, так как страдательный залог почти никогда не противостоит действительному залоговому» [Виноградов 1947: 641].

Как известно, особое внимание обращают исследователи на роль возвратных глаголов, считая их основным собственно глагольным средством

оформления страдательного и среднего залогов. Классификацией этих глаголов занимались очень многие грамматисты, реализуя самые разные подходы к пониманию их природы и статуса в русском языке. Важно подчеркнуть, что само обилие и разнообразие этих оценок, разнородность и даже противопоставленность позиций ученых свидетельствуют о неморфологическом статусе образований на *-ся*. Предлагая 15(!) групп возвратных глаголов, В.В. Виноградов постоянно оговаривается, что речь идет в большей степени о фактах словообразования, а не об объектах морфологического выражения залога. Как, например, расценивать следующее парадоксальное высказывание ученого: «Таким образом, грамматическая роль суффикса *-ся* здесь чисто словообразовательная <...> Категория залога из грамматики перемещается в лексикологию» [Виноградов 1947: 648]. Или: «То, что традиционная грамматика называет категорией залога, в современном русском языке в меньшей степени относится к области синтаксиса, чем к области глагольного словообразования» [Виноградов 1947: 639]. И тем не менее упорно держится, в той или иной мере варьируясь, представление о том, что элемент *-ся* – формообразующий аффикс (постфикс, суффикс, даже частица!), с помощью которого образуются формы страдательного или среднего залога. Так, в учебном пособии «Современный русский язык» под редакцией Е.И. Дибровой как формы одного глагола рассматриваются образования с *-ся* в составе страдательных конструкций, возвратные глаголы разной семантики, даже безличные глаголы типа *думается, работается* понимаются как формы личных глаголов [Современный русский язык 2001]. Интересно, что словообразующую функцию, по мнению авторов учебника, постфикс *-ся* выполняет в глаголах вроде *улыбаться, смеяться, слипнуться*, то есть там, где с современной точки зрения вообще нет акта словопроизводства, поскольку отсутствует реальная соотнесенность, нет производящей базы для этих глаголов.

Для нас несомненным является то, что элемент *-ся* – это не показатель грамматической формы, не формообразующий аффикс, а морфема словообразующая. Именно так понимается статус глагольного *-ся* казанскими словообразователями. «Постфиксальные глаголы образуются при помощи постфикса *-ся* <...>: *мысль – мыться, стучать – стучаться*. Постфикс присоединяется к словообразующей основе, омонимичной слову, и в этом он идентичен префиксу, занимая в слове, однако, позицию, противоположную префиксальной. Находясь в абсолютном конце слова, за формообразующими показателями, постфикс является словообразовательной аффиксальной морфемой <...> Существовавшее до недавнего времени понимание постфикса *-ся* как возвратной частицы следует считать устаревшим и расценивать *-ся* как часть

слова (морфему), несущую определенное типовое значение» [Балалыкина, Николаев 1985: 115; Николаев 2009: 73].

Сложной и, на наш взгляд, непоследовательной является позиция составителей «Граматики современного русского литературного языка» (АГ 70) и повторяющей ее в интересующем нас отношении «Русской грамматики» (АГ 80). В разделе «Введение в морфемику» глагольный элемент *-ся* представлен как аффиксальный морф наряду с флексией, суффиксом и интерфиксом. Здесь же отмечается следующее: «Постфикс выступает как в словообразовании (постфикс *-ся*, §681), так и в словоизменении (постфикс *-те*)» [Грамматика 1970: 32]. Отсылка к параграфу 681 вводит нас в раздел «Словообразование глаголов», что уже само по себе знаменательно: постфиксальные глаголы рассматриваются как результат словообразовательного акта, а постфикс *-ся* – как словообразующий элемент. «Большая часть глаголов с постфиксом *-ся* / *-сь* мотивируется переходными глаголами, например, *мыть – мыться*» [Грамматика 1970: 285]. Казалось бы, статус постфикса *-ся* вполне ясно зафиксирован, тем более что иллюстрируется это утверждение соотносительной парой с возвратным глаголом. Гораздо сложнее и неопределеннее выглядит характеристика постфикса *-ся* и самих постфиксальных глаголов в разделе «Морфология», там, где речь идет о категории залога. Следует признать, что авторы обеих грамматик достаточно корректно отражают целый ряд объективно трудных положений, связанных с пониманием содержания этой категории, ее структуры, способов выражения в современном русском языке. Выделяя две оппозиции – действительный и страдательный залогов, они отмечают, что «характер залоговых противопоставлений внутренне не однороден. Оппозиция «глагол страдат. залога с постфиксом *-ся* – глагол действит. залога» выражается *разными* (курсив и жирное начертание здесь и далее наши. – Л.А., Т.З., А.П.) глаголами» [Грамматика 1970: 352]. Очень важна мысль о том, что образования на *-ся*, выражающие страдательное значение, и глаголы без *-ся* – *разные* слова, а не формы одного глагола. «Это подтверждается неоднозначностью постфикса *-ся*, который, при условии образования глагола, действие которого не направлено на субъект, оформляет глагол с иным лексическим значением (ср. *дом строится рабочими* и *новосёлы строятся летом*)» [Грамматика 1970: 352]. Составители грамматик вынуждены обратить внимание на некорректность, разноуровневость выражения залогов: маркирован лишь страдательный залог, действительный – «слабый член оппозиции»; существенно различаются способы выражения залогов в зависимости от вида глагола; существование больших групп однозалоговых глаголов и т.д. «Таким образом, вопрос об отнесении залога к тому или другому типу грамматических категорий не может быть

решен однозначно. Условно назовем всю категорию залога классификационной категорией, однако следует признать односторонность такого обозначения – вследствие включения в квалификационную категорию явлений формообразования» [Грамматика 1970: 352]. Иными словами, налицо явное противоречие: залог не вписывается в понятие грамматической категории, но это все-таки категория?

Еще парадоксальнее выглядит характеристика т.н. возвратных глаголов, которые рассматриваются вне оппозиции действительный залог – страдательный залог. «Основная грамматическая функция постфикса *-ся / -сь* – формальное выражение общего значения непереходности» [Грамматика 1970: 353]. На наш взгляд, такое определение сужает функции т.н. возвратных глаголов, игнорирует их яркую особенность – широкий семантический диапазон, несомненно, влияющий на грамматические функции. Учитывая это, авторы далее все же замечают: «Постфикс *-ся* в комбинации с определенными глагольными основами придает глаголу дополнительные значения (см. § 859)» [Грамматика 1970: 353]. Мы рассматриваем это краткое замечание как завуалированное признание больших *словообразовательных* возможностей постфиксальных глаголов, разнообразных и в плане соотношения их производящей и производной базы. Весьма показателен вывод о природе и статусе возвратных глаголов: «Таким образом, категория возвратности является не грамматической, а семантико-словообразовательной категорией» [Грамматика 1970: 353]. Казалось бы, всё уже определено: глаголы на *-ся* с общим значением т.н. возвратности – словообразовательное явление. То, что постфикс *-ся* выражает значение непереходности, это сопутствующая ему грамматическая характеристика, аналогичная тому, что наблюдается, например, у существительных: имена, образованные при помощи суффикса *-тель*, всегда входят в группу имен мужского рода, а существительные с суффиксом *-ость* – в группу имен женского рода. Традиция рассмотрения т.н. возвратных глаголов в рамках категории залога, то есть все-таки как явление морфологическое (отсюда, видимо, необходимость выделения некой категории возвратности), приводит нас к заметному усложнению объективно существующих отношений, оставляя непроясненными целый ряд как грамматических, так и словообразовательных вопросов.

Постфиксу *-ся* отказывают в словообразующем статусе на том основании, что субъектно-объектные отношения в сфере глагола не считаются лексически значимыми. Почему-то отношения типа *ходить* – *хождение*, *ходьба* (действие – отвлеченное действие), *дом* – *домик*, *белый* – *беленький* (субъективно-оценочные отношения), *лиса* – *лисица* (здесь словообразовательное значение даже сформулировать непросто) – это отношения двух слов, а в па-

рах *одевать* – *одеваться*, *ссорить* – *ссориться* и под. – отношения двух форм одного глагола. Аргументированные сомнения в правомерности такой позиции высказывает А.В. Исаченко [Исаченко 1960: 380], некоторые другие ученые, например, В.Б. Крысько: «Следует подчеркнуть, что сложности с классификацией возвратных глаголов обусловлены стремлением увязать выделяемые группы («подзалог») с категорией залога, между тем как статус возвратности едва ли может быть признан морфологическим. В принципе рефлексивация (постфиксация) является одним из способов словообразования, и возвратные глаголы представляют собой такой же словообразовательный тип, как и, допустим, существительные с суффиксом *-ств(о)*» [Крысько 1991: 115]. Этот вывод автор делает в результате тщательного структурно-семантического анализа коррелятивных рефлексивов в древнерусском языке, обнаруживая широчайшее многообразие типов и подтипов в сфере глаголов на *-ся*. О глубине, смысловой емкости т.н. возвратных глаголов можно судить по многим фрагментам работы, в частности, по анализу текстовых примеров, где описываются мучения Христа и христианских подвижников: *яко агня незълбиво приведе ся на жьртвоу; изволивы волею пригвоздिति ся на кръсть; распни ся насъ ради* и под. [Крысько 1991: 122]. Другой исследователь, В.Н. Данков, разъясняет подобные случаи употребления глаголов на *-ся* так: «Предмет является лишь объектом внешнего воздействия <...>, но представлен он в качестве субъекта, творящего действие. Последнее рассматривается здесь как акт личной воли предмета, от него исходящая и на него направленная инициатива» [Данков 1981: 70]. Значение, требующее столь пространного описания, выражается, на наш взгляд, *словообразующей* морфемой *-ся*, осложняющей весьма разнообразные в семантическом плане производящие основы. Словообразовательное значение полностью раскрывается в определенных контекстуальных условиях, что характерно для функционирования слова, а не грамматической формы.

В современном русском языке производные образования с элементом *-ся* представляют собой целый ряд словообразовательных типов. Анализ материалов «Обратного словаря русского языка» выявил более 600 глаголов на *-ся*, отражающих различные структурные, семантические, в целом словообразовательные характеристики элемента *-ся*.

1. Постфикс *-ся*, с помощью которого образуются т.н. возвратные глаголы разной семантики. Как известно, классификация таких глаголов «до последнего времени осталась одним из наиболее актуальных и спорных вопросов русской грамматики, что объясняется в первую очередь многообразием оппозиций, существующих между рефлексивами и нереплексивами в силу чрезвычайной полисемичности (если не сказать синкретичности) аффикса -

ся» [Крысько 1991: 115]. По нашему мнению, правильнее говорить об **омонимии** словообразующих постфиксов *-ся*, выражающих всю широкую гамму значений, связанных с отношениями субъекта действия, объекта действия и характером самого действия. Не углубляясь в детали различных классификаций т.н. возвратных глаголов, не останавливаясь на анализе множества противоречий и расхождений внутри каждой из них (ср., например, классификации В.В. Виноградова и АГ 70 и АГ 80), выделим в качестве возможного перечня следующих **омоморфем**:

1.1. постфикс *-ся*, выражающий значение собственно-возвратное (*одеваться* от *одевать*);

1.2. постфикс *-ся*, выражающий значение взаимно-возвратное (*шептаться* от *шептать*);

1.3. постфикс *-ся*, выражающий значение косвенно-возвратное (*запасаться* от *запасать*);

1.4. постфикс *-ся*, выражающий значение безобъектно-возвратное (*жалиться* от *жалить*);

1.5. постфикс *-ся*, выражающий значение пассивно-качественное (*крошиться* от *крошить*);

1.6. постфикс *-ся*, выражающий значение общевозвратное (*радоваться* от *радовать*);

1.7. постфикс *-ся*, выражающий значение побочно-возвратное (*прислониться* от *прислонить*).

2. Постфикс *-ся*, образующий глаголы со страдательным значением (*читаться* от *читать*). Как известно, семантика страдательного глагола реализуется только в определенных синтаксических условиях, без которых дифференцировать омонимы с одним (а иногда и с несколькими) из возвратных глаголов и страдательный глагол невозможно (ср., например, *книга читается автором* и *книга легко читается*).

3. Постфикс *-ся*, образующий глаголы с безличным значением (*работаться* от *работать*, *дышаться* от *дашать*).

4. Постфикс *-ся*, образующий глаголы со значением более интенсивного проявления действия (*краснеться* от *краснеть*, *плакаться* от *плакать* ‘жаловаться’).

От производных глаголов с постфиксом *-ся* следует отличать глаголы с непроемной для современного русского языка основой. Элемент *-ся* в этих случаях уже не является живой словообразующей морфемой, становясь лишь исторически вычленимым аффиксом, частью непроемной основы: *бояться*, *стараться*, *улыбаться*, *смеяться*, *гордиться* и под.

Весьма продуктивны в современном русском языке **конфиксальные** (по традиционной терминологии **префиксально-суффиксальные**, **префиксально-постфиксальные** и **префиксально-суффиксально-постфиксальные**) образования, в которых *-ся* является постпозитивным компонентом. В большинстве своем это словообразовательные типы глаголов, имеющих яркую семантику и эмоционально-стилистическую маркированность (чаще всего они позиционируются как разговорные). Например:

конфикс *в...ся*, выражающий значение ‘углубиться, вникнуть во что-нибудь, освоиться с действием, названным производящей основой’ (*в-думать-ся*, *в-слушать-ся* и под.);

конфикс *за...ся*, выражающий значение ‘увлечься, утомиться, в течение длительного времени совершая действие, названное производящей основой’ (*за-сидеть-ся*, *за-играть-ся* и под.);

конфикс *о...ся*, выражающий значение ‘ошибочно, неверно совершить действие, названное производящей основой’ (*о-слышать-ся*, *о-говорить-ся* и под.);

конфикс *из...ся*, выражающий значение ‘дойти до негативного состояния в результате длительного и интенсивного совершения действия, названного производящей основой’ (*из-работать-ся*, *из-голодать-ся* и под.);

конфикс *на...ся*, выражающий значение ‘испытывать некое удовлетворение в результате предельного, избыточного совершения действия, названного производящей основой’ (*на-бегать-ся*, *на-воевать-ся* и под.) и т.д.

Всего конфиксальных словообразовательных типов с компонентом *-ся* насчитывается более 30, все они, за редкими исключениями, весьма продуктивны в современном русском языке. Следует отметить, что в сфере таких конфиксальных рядов широко представлена словообразовательная омонимия. Вот некоторые примеры конфиксальных оморфем:

конфикс *до...ся* со значением ‘добиться чего-нибудь в результате длительного или интенсивного совершения действия, названного производящим глаголом’ (*до-думать-ся*, *до-искать-ся* и под.), а также конфикс *до...ся*, омонимичный предыдущему, со значением ‘довести себя до неприятных последствий в результате длительного или интенсивного совершения действия, названного производящим глаголом’ (*до-играть-ся*, *до-бегать-ся* и под.);

конфикс *от...ся* со значением ‘завершить действие, названное производящим глаголом, освободиться от него’ (*от-воевать-ся*, *от-работать-ся* и под.), а также конфикс *от...ся*, омонимичный предыдущему, со значением ‘прийти в нормальное состояние в результате действия, названного производящим глаголом’ (*от-лежать-ся*, *от-дышать-ся* и под.), а также конфикс *от...ся*, омонимичный предыдущим, со значением ‘уклониться от кого-либо,

чего-либо в результате совершения действия, названного производящим глаголом' (*от-молчать-ся, от-говорить-ся* и под.);

конфикс *про...ся* со значением 'причинить себе ущерб в результате ошибочного совершения действия, названного производящим глаголом' (*про-считать-ся, про-говорить-ся* и под.), а также омонимичный предыдущему конфикс *про...ся* со значением 'не спеша, с удовольствием совершить действие, названное производящим глаголом' (*про-гулять-ся, про-ехать-ся* и под.), а также конфикс *про...ся*, омонимичный двум предыдущим, выражающий значение 'прийти в нормальное состояние с помощью действия, названного производящим глаголом' (*про-спать-ся, про-кашлять-ся* и под.).

Выделяется целый ряд конфиксально производных глаголов, для которых в качестве производящей основы выступают имена существительные и прилагательные, например: *о-банкрот-иться, про-штраф-иться, про-слезиться, при-поздн-иться, с-милостив-иться, рас-щедр-иться* и под. В академических грамматиках подобные глаголы даны как префиксально-суффиксально-постфиксальные, что, по мнению казанских словообразователей, некорректно, поскольку нарушает закон бинарности структуры производного слова.

В современном русском языке представлены и такие глаголы, которые, мотивируясь существительными (одушевленными и неодушевленными) и прилагательными, образованы при помощи суффиксальной морфемы, в составе которой есть компонент *-ся*:

суффикс *-иться* со значением 'вести себя подобно какому-либо лицу или животному' (*невест-иться, петуш-иться* и под.);

суффикс *-иться*, омонимичный предыдущему, со значением 'рождать детеныша' (*щен-иться, жереб-иться* и под.);

суффикс *-иться*, омонимичный предыдущим, со значением 'наполняться или покрываться веществом, предметом, названным производящей основой' (*колос-иться, слез-иться* и под.);

суффикс *-иться*, омонимичный предыдущим, со значением 'виднеться, обретая облик, форму, чего-либо, названного производящей основой' (*холм-иться, бугр-иться* и под.);

суффикс *-иться*, омонимичный предыдущим, со значением 'формировать совокупность предметов, названных производящей основой' (*толп-иться, табун-иться* и под.).

Приводимый нами далеко не полный перечень словообразовательных типов, представленных в сфере глаголов на *-ся* в современном русском языке, убедительно демонстрирует широкие деривационные возможности эле-

мента *-ся*, чрезвычайную продуктивность образований, в том числе постфиксальных производных в виде т.н. возвратных глаголов.

Несомненно, что весь круг вопросов, связанных с дифференциацией и взаимодействием явлений словообразовательных и словоизменительных в сфере залоговых отношений, не может быть рассмотрен однозначно и исчерпывающе. Но пытаться решить эти проблемы, здраво, реалистически, а значит, критически осмысливая то, что накоплено грамматической традицией, на наш взгляд, необходимо.

Библиографический список

- Балалыкина Э.А., Николаев Г.А.* Русское словообразование – Казань, 1985.
- Богородицкий В.А.* Общий курс русской грамматики. – Казань, 1935.
- Бодуэн де Куртенэ И.А.* Значение языка как предмета изучения // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. – М., 1963.
- Виноградов В.В.* Русский язык: грамматическое учение о слове. – М., 1947.
- Грамматика современного русского литературного языка* – М., 1970.
- Данков В.Н.* Историческая грамматика русского языка: Выражение залоговых отношений у глагола. – М., 1981.
- Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: морфология. Ч.2. – Братислава, 1960.
- Крысько В.Б.* Коррелятивные возвратные глаголы в древнерусском языке // Имя и глагол в исторической перспективе: Славянская филология: научные труды / Латвийский университет. – Рига, 1991. – Т.558.
- Ломоносов М.В.* Российская грамматика // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: в 10 т. – М.; Л., 1952.
- Николаев Г.А.* Лекции по русскому словообразованию. – Казань, 2009.
- Русская грамматика*: в 2 т. – М., 1982. – Т.1.
- Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц*: в 2 ч. / Под ред. Е.И. Дибровой. – Ч.2. – М., 2001.

О.А. Горбань
Волгоград

ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ И ИХ ПРОИЗВОДНЫЕ В ТЕКСТАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ XVIII ВЕКА¹

В статье рассматриваются глаголы движения и образованные от них глаголы и имена, встречающиеся в документах канцелярии Михайловского станичного атамана Области войска Донского. Анализируются семантика и словообразовательные отношения языковых единиц, их функционирование в текстах; делается вывод о сходстве и различиях с современным русским языком.

Ключевые слова: лексика, словообразование, глагол, деловой язык, региональные документы, Область Войска Донского.

The article considers the verbs of motion and their derivatives – verbs and nouns used in the documents of the ataman Mikhailovsky's chancellery of Donskoy army. Semantics, derivational relations and functions of the language units are analysed. Conclusion about differences and common features with the modern Russian language is drawn.

Key words: lexis, word-formation, verb, business language, regional documents, Donskoy army.

Региональная деловая письменность в последнее время все чаще привлекает внимание лингвистов. Имеющиеся достижения в изучении и издании памятников делового языка (большей частью донационального) обогащаются исследованиями и публикациями документов различных регионов Сибири, Урала, Центра и Севера европейской части России, в том числе XVIII в. [см.: Копосов 2000; Майоров 2006; и др.]. Однако остается мало изученным массив архивных документов XVIII-XIX вв., созданных на юге России, на территории расселения казачества в исторической области, которая представляет собой также уникальное этническое образование. Эти источники дают неоценимый материал для истории русского языка в один из важнейших периодов его развития, а именно в период формирования единого национального литературного языка.

Объектом рассмотрения в данной статье являются скорописные документы 1734-1749 гг. канцелярии Михайловского станичного атамана Области войска Донского, хранящиеся в Государственном архиве Волгоградской области (фонд № 332, опись 1). Это подорожные, доношения, свидетельские показания и другие документы, значительную часть которых составляют войсковые грамоты по различным вопросам, направленные от войскового

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Речевая структура документов Области Войска Донского XVIII-XIX вв. как отражение взаимодействия различных культурно-языковых традиций» (№ 13-14-34008).

атамана Михайловскому станичному атаману. Анализ лексической составляющей текстов документов позволяет выявить особенности функционирования языковых единиц в деловой речи и расширить представления о лексической и словообразовательной системах русского языка XVIII столетия. Особое место в словарном составе языка и в текстах занимает глагол как самая емкая часть речи, выполняющая текстообразующую функцию.

В центре нашего внимания находятся глаголы движения, составляющие значительный пласт глагольной лексики, а также производные от них глаголы и имена. При этом анализируются не только парные определенные и неопределенные глаголы типа *идти – ходить*, но и другие лексемы с семантикой перемещения (формы причастий включаются нами в парадигму глагола). Исследование проводится в русле подходов, разработанных в трудах С.П. Лопушанской и ее учеников, с учетом двух типов семантических изменений в смысловой структуре производящего слова – семантической модуляции и семантической деривации – и обусловленности морфемного словообразования данными изменениями [см. подробно: Лопушанская 1988; Горбань, Шептухина 2011].

В рассмотренных документах отмечены производящие глаголы *ехать, ездить, бежать, вести (весть)* и их производные, а также производные от глаголов *слать, везти (везть), идти, нести (нести), гнать, править* (приводим их в современной орфографии). Слова характеризуются разной частотностью и представлены в текстах неравномерно, что обусловлено содержанием каждого конкретного документа. Глаголы употребляются в прямых и переносных значениях; существенно преобладают контексты, в которых лексемы выражают категориально-лексическую сему (КС) ‘перемещение в пространстве’.

Наиболее употребительными являются приставочные образования от глагола *слать* ‘приказывать идти куда или отнести что к кому’ [САР, 6: 897]. В семантической структуре данного слова значимыми являются семы, характеризующие объект действия и направленность движения по отношению к исходному и конечному пункту. В смысловой структуре функционирующих глагольных словоформ признаки ‘одушевленность’ и ‘неодушевленность’ объекта действия могут варьироваться, но данное изменение не затрагивает КС ‘перемещение в пространстве’ и носит модуляционный характер. Названные семы сохраняются и в значениях приставочных производных, префиксы при этом маркируют характер направления перемещения либо протекания действия во времени.

В текстах достаточно широко представлены глаголы *прислать/присылать* и *послать/посылать*, обозначающие перемещение оду-

шевленного (человек) или неодушевленного (грамота, указ и под.) объекта. Это объясняется тем, что в войсковых грамотах часто говорится о получении и рассылке самих грамот и иных документов по Области войска Донского, о различных поручениях каким-либо лицам, связанных с поездкой в другие места, в том числе для доставки документов. Например: ... *а к намъ о томъ куды оныя [беглые] высланы будутъ и кто они таковыя и откул(ь) и чьи г(осу)д(а)ревы или боярския люди присылатъ ведомости безъ упушения* (ед. хр. 1, л. 2 об.); ... *велено для сыску и поимки и высылки в Ряскою воевоцкою канцелярию разбежавшихъ из Ряскаго уезду из разных помещечьих вотчинъ людеи и крестьянъ ... послать нарочных* (ед. хр. 5, л. 3); *сего прошедшего июня с 22г(о) числа послана от нас с нарочным козаком Игнатом Ивановым доношение* (ед. хр. 5, л. 6); (здесь и далее при цитировании источников имена собственные даются с прописной буквы, выносные буквы приводятся в строке, титла раскрываются, вышедшие из употребления буквы передаются соответствующими буквами современного алфавита, союзы и предлоги пишутся раздельно с последующими словоформами; в остальных случаях сохраняется орфография оригинала).

Приставка *при-* в структуре производного глагола эксплицирует пространственный признак достижения конечного пункта. Что касается приставки *по-*, то в сочетании с глаголами направленного перемещения она обычно реализует значение начинательности, но производные глаголы типа *пойти* в прошедшем времени могут утрачивать это значение [РГ, 1: 367]. Вероятно, эта тенденция у глагола *послать* проявлялась в большей степени, поскольку уже в XVIII в. словари фиксируют у него, в отличие от глаголов начинательного способа действия, вторичный имперфектив *посылать*, соответственно, приставка *по-* здесь уже выступает как чистовидовая. Тем не менее, можно предположить, что в сознании носителей языка обозначаемое глаголом движение мыслилось как начатое в определенном пункте и пространственно связанное с ним, поскольку в рассмотренных документах глаголы *послать/посылать* и *прислать/присылатъ* довольно последовательно различаются в плане выражения категории дейксиса: «точкой отсчета» в системе координат является субъект (автор) текста, *от* которого *посылается* объект (т.е. движение видится направленным от исходного пункта) и *к* которому он *присылается*. Особенно ярко это проявляется при использовании глаголов в одном контексте: *от Войска Донскаго резолюцию нам не прислано и посланной от нас козакъ Ивановъ к нам и поныне не приехал* (ед. хр. 5, л. 6 об.). Впрочем, расширение материала может внести коррективы в данные наблюдения.

Приставки *вы-* и *от-* в семантике производных от *слать* маркируют признак направленности движения на удаление от пространственного объекта, а приставка *на-* – направленность на приближение. Глагол *наслать* в сочетании с наименованиями документов выражает утратившееся ныне значение ‘прислать’ [САР, 6: 899–900] без количественной характеристики действия, например: ... *которои должень поступать с ними по особливой насланной к нему нашей войсковой грамоте* (ед. хр. 5, л. 3 об.).

От глаголов *высылать* и *отсылать* образованы существительные *высылка* и *отсылка*, сохраняющие процессуальный признак производящего, например: *поймавъ ево прислать под карауломъ к нам Войску Донскому в Черкасской для отсылки в крепость святыя Анны* (ед. хр. 1, л. 2 об.).

Следующими по частотности являются глаголы *ехать*, *ездить* и их производные, а также производные от *везти*. Парные глаголы движения *ехать* – *ездить* и *везти* – *возить* в прямых значениях выражают перемещение по твердой поверхности при помощи транспортных средств, но различаются семей ‘характер участников перемещения’: *ехать* и *ездить* обозначают перемещение субъекта, *везти* и *возить* – перемещение субъекта и объекта. Содержание документов, в которых говорится о перемещениях в пределах Области войска Донского или всей империи, обуславливает употребление данных лексем: передвижение на большое расстояние осуществлялось на повозках либо (особенно у казаков) верхом. В рассмотренных источниках способ перемещения контекстуальными средствами не эксплицируется, например: *и велено нам в Тамбовской уезд ехать(ь) до села Алабухову* (ед. хр. 5, л. 6 об.); *ездели мы покорнейше в Воронеж в следственную камиссию к маеору Бутурлину* (ед. хр. 5, л. 6). При этом пространственными уточнителями могут подробно описываться начальный и, чаще, конечный пункты движения, как это видно в последнем из приведенных контекстов, где называются город, учреждение, лицо, к которому направляется субъект, что объясняется стремлением к точности документа.

Приставки *вы-*, *при-*, *про-*, реализуя пространственные значения, выражают в структуре производных глаголов от *ехать* признаки удаления от пространственного объекта (из его пределов), приближения к нему (достижения), движения через объект (сквозь его пределы), например: *сего ж июля 2г(о) числа из Михайлова выехали [мы] и в показанное село Алабуховъ приехали* (ед. хр. 5, л. 6 об.); *и вышеозначенныя атаманы ... проезжающим показывают будутъ* (ед. хр. 2, л. 2), где *проезжать* является вторичным имперфективом от *проехать*. Приставка *по-* реализует значение начинательности, например: *откул(ь) [из Воронежа] старшина Григорей Мартиновъ по известию с Воронежа поехал в Хамовской уездъ* (ед. хр. 5, л. 6), начало направ-

ленного перемещения подчеркивается, на наш взгляд, указанием, кроме конечного, на исходный пункт движения.

От глагола *ездить* встретилось образование *съездить*: *того ради надлежит тебе и с приложенными при сем грамотами понизовныя станицы съездить* (ед. хр. 3, л. 4). Приставка *с-* реализует здесь аспектуальное значение однократности действия [РГ, 1: 371, 599], хотя в определении ‘едучи, побывать где не надолго’, предложенном Словарем Академии Российской, подчеркивается недлительность действия; в любом случае речь идет о выражении того или иного способа глагольного действия.

Лексемы *привезти*, *отвезти*, *вывезти* сохраняют категориальную семантику производящего глагола; приставки в их структуре маркируют признаки направленности движения к конечному пункту: *о том бы привезли б с собою к нам в Черкаской скаски* (ед. хр. 1, л. 3 об.); от исходного пункта, из его пределов: *посланы от нас ... в Казловъ для отвозу вывезенного с Кубани ис полону города Казлова аднадворческаго сына Акима Никитина* (ед. хр. 4, л. 3); *а сколько поныне таких ден(е)гъ собрано и на Воронежъ отвезено те нам Воиску Донскому возвратить* (ед. хр. 4, л. 1 об.).

Отглагольные имена существительные *привоз* и *отвоз* образованы при помощи нулевого суффикса; они сохраняют процессуальные признаки производящего глагола (см., например, приведенный выше контекст из ед. хр. 4, л. 3).

Глагол *бежать* встречается в рассмотренных документах в значении ‘тайно уйти, скрыться’; это войсковые грамоты о розыске и поимке беглых людей, чем и объясняется употребление здесь данного слова и его производных. Например: [Василий Мазурин] *сего де генваря 112(о) дня в ночи из оногo полку бежал* (ед. хр. 1, л. 2). Из производных глаголов отмечено конфикальное образование *разбежаться* ‘бежать, уйти, убежать в разные места, стороны’ [см.: САР, 1: 427], которое, однако, встречается без элемента *-ся* (*-сь*): *дабы вы станищные атаманы и козаки, разбежавших Ряского уезду людей и крестьянъ, и протчих безпашпортных бродягъ, всеми образы и меры присматривая ловили* (ед. хр. 5, л. 3 об.). Это может объясняться особенностями разговорной речи, где нередко наблюдается ошибочное употребление действительных причастий от глаголов на *-ся* (в наших текстах этот глагол употребляется именно в форме причастия).

Соответствующие компоненты значения производящего глагола *бежать* ‘уходить, отлучаться’ [см.: САР, 1: 412] сохраняются в производных существительном *побег* ‘бег, бегство, самовольная отлучка от своего жилища и от должности’ [САР, 1: 424] и прилагательном *беглый* ‘который бегаёт или убежал, ушел от своего жилища или начальства’ [САР, 1: 413].

Глагол *вести* (*весть*) ‘провождать’ [САР, 1: 519] или ‘идя вместе, направлять движение, помогать идти’ [СРЯ, 1: 156] выражает совместное перемещение субъекта и объекта по твердой поверхности пешком и встречается в контексте: *того ради от Черкасского по донским и хоперским казачьим городкамъ до Михайлова станицным атаманом и казакам принимая оного колодника **весть** при промемории н(а)шеи под крепкимъ карауломъ* (ед. хр. 1, л. 1). Характер объекта (*колодник*) и уточнитель образа действия (*под крепкимъ карауломъ*) свидетельствуют о принудительном перемещении; другие признаки эксплицитно не выражены, а пространственные уточнители говорят о передвижении на большое расстояние. В связи с этим и с учетом орфографии документов, допускающей отражение оглушения звонких согласных, можно также предположить, что здесь употреблен глагол *везть* (*везти*); контекст не препятствует такому прочтению.

Приставочный глагол *свести* ‘увести’ [СРЯ, 4: 44; ср. также: САР, 1: 565] обозначает движение, направленное на удаление, приставка реализует пространственное значение: *и по прошествии трех летъ **свела** мать ево Селивана в показанную Луковскую станицу* (ед. хр. 5, л. 5 об.).

Бесприставочные производящие глаголы *идти* – *ходить* в рассмотренных документах не отмечены, однако встречаются префиксальные образования *прийти*, *зайти*, *сойти*, выражающие КС ‘перемещение в пространстве’; приставки в структуре производных маркируют пространственные признаки направленности движения на приближение (достижение предела, направление глубоко в пределы) или удаление, например: *вам атаману Каганину и казакам **ответсвоат(ь)** к нам писмовно **скол(ь)** давно у вас станице означенные именами Смешкины живутъ и **откул(ь)** **пришли** и скасками о приходе из на Дон в розыски свидетелствованы **л(ь)*** (ед. хр. 1, л. 3 об.); *и по той бескормицы почтовые лошади на хлеба казачьи **заходятъ** а хозяева ловятъ* (ед. хр. 3, л. 3); *якобы ево ... крестьяне живут в вашей станице а **сошли** после указного времени 710г(о) году* (ед. хр. 1, л. 3), глагол *сойти* означает ‘оставить, покинуть какое-либо место’ [см.: САР, 3: 275]. Производное существительное *приход* (см. первый контекст) сохраняет семантические признаки производящего глагола.

Приставочный глагол *пригонять* (несов. от *пригнать*, который в свою очередь образован от *гнать*) отмечен в контексте: *отчего казаки такъ **утруждены** ... каждой день **пригонять*** (ед. хр. 2, л. 1 об.); документ сильно поврежден, и неполный текст не позволяет прокомментировать сочетаемость глагола.

Материал дает случаи употребления имен существительных, производных от глаголов *гнать* и *прогнать*. Лексема *гнать* в прямом значении ‘за-

ставлять двигаться' выражает совместное перемещение субъекта и объекта по твердой поверхности пешком, однако признаки, характеризующие средство, интенсивность, участников перемещения, могут варьироваться; в частности, глагол может обозначать быстрое передвижение (в том числе верхом или при помощи транспортных средств) только субъекта; эти изменения не затрагивают КС 'перемещение в пространстве'. Приставка *про-* в процессе словообразования, обусловленного семантической модуляцией, реализует свои пространственные значения, например, *прогнать* может означать перемещение сквозь какое-либо пространство [см.: САР, 2: 223]. В войсковой грамоте об отводе лугов для почтовых лошадей отмечены существительные *гонба* 'у ямщиков называется доставление проезжающих от назначенного места до другого' [САР, 2: 206] и *прогон* 'провоз по почте чрез известное расстояние' [СРА, 2: 224–225], которые свойственны профессиональной речи ямщиков и могут быть отнесены к терминологическим единицам.

К глаголам перемещения можно отнести также лексему *править* 'направлять ход движения кого-, чего-л.' [СРЯ, 3: 353; ср. также: САР, 4: 1047–1078]. В текстах встречается префиксальный глагол *отправить* 'послать', в значении которого приставкой маркируется признак направленности относительно исходного пункта.

В смысловой структуре глаголов движения возможны семантические изменения, приводящие к появлению новой категориально-лексической семы и имеющие характер семантической деривации. Так, глагол *донести/доносить* может выражать значение 'сообщать' (КС 'речевая деятельность'), *прийти* – 'достичь определенного состояния' (КС 'качественное состояние') и т.д. Приставки в таких случаях не реализуют пространственной семантики, а производные имена существительные могут приобретать предметное значение (например, *доношение* – наименование документа). Эти лексико-семантические и словообразовательные процессы требуют отдельного рассмотрения.

Таким образом, анализ показал, что региональные деловые документы XVIII в. отражают значение и употребление глаголов движения, близкое к современному, хотя встречаются и словоупотребления, не свойственные современному русскому языку (например, *наслать* 'прислать') либо устаревшие, в том числе термины из речи представителей ушедших в прошлое профессий (*гоньба, прогон*). В результате префиксации, обусловленной модуляционными семантическими изменениями бесприставочных глаголов, производные сохраняют КС 'перемещение в пространстве' и другие семантические компоненты производящих, приставки же маркируют признаки направления либо характера протекания действия во времени, реализуя свои пространст-

венные или аспектуальные значения. Материал свидетельствует также о сложившихся современных видовых отношениях глаголов. Отмеченные в текстах имена существительные и прилагательные, мотивированные глаголами в рамках семантической модуляции, сохраняют процессуальную семантику; продуктивным является образование существительных с суффиксом *-к-* и с нулевым суффиксом, хотя встречаются и другие словообразовательные типы.

Библиографический список

- Горбань О.А., Шептухина Е.М.* Лингвистические идеи профессора С. П. Лопушанской в контексте современной научной парадигмы //Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 153, кн. 6. – С. 7–15.
- Копосов Л.Ф.* Севернорусская деловая письменность XVII – XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология): автореф. дис. ... докт. филол. н.. – М., 2000.
- Лопушанская С.П.* Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции //Русский глагол (в сопоставительном освещении) : межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград, 1988. – С. 5–19.
- Майоров А.П.* Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. – М.: ООО «Издательский центр “Азбуковник”», 2006.
- РГ* – Русская грамматика: в 2 т. – М., 1980.
- САР* – Словарь Академии Российской: в 6 т. – СПб.: Императ. Акад. наук, 1789–1794.
- СРЯ* – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1981–1984.

Е.Г. Дмитриева
Волгоград

ФОРМИРОВАНИЕ ЭМОТИВНОЙ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛОВ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ФИЗИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

В статье рассматривается формирование эмотивной семантики глаголов как результат взаимодействия конкретно-пространственных и абстрактно-пространственных представлений; выявляются особенности функционирования глагольных лексем в древнерусских и старорусских текстах.

Ключевые слова: глаголы эмоций, лексическая семантика, семантическая структура, диахрония.

The article deals with the formation of emotive semantics of verbs as a result of the interaction of concrete-spatial and abstract-spatial representations; revealed the peculiarities of functioning verbal lexemes come to light in the ancient and old Russian texts.

Key words: emotive verbs, lexical semantics, semantic structure, diachrony.

К важнейшим закономерностям развития языка относится отражение в нем сложного взаимодействия конкретно-пространственных и абстрактно-пространственных представлений об объективно-реальных формах бытия. Доминирование конкретно-пространственного восприятия мира, свойственного древним русичам XI-XII столетий и нашедшего отражение в памятниках восточнославянской письменности различных жанров, было связано с уровнем практической деятельности славян средневековья, спецификой познания реальной действительности, своеобразием осознания места человека в мироздании [Лопушанская 1998: 340]. Развитие языковой системы опиралось на общую тенденцию постепенного перехода к абстрактному мышлению. Процесс развития категории абстрактности, по мнению В.В. Колесова, шел по пути от конкретного через отвлеченное к абстрактному, которые соотносятся друг с другом как осязаемое – осознаваемое – непостижимое [Колесов 2002: 38].

Взаимодействие конкретно-пространственных и абстрактно-пространственных представлений человека о мире находит отражение в формировании семантики эмотивных глаголов в истории русского языка.

В качестве источника языкового материала использовались разножанровые памятники письменности, относящиеся к XII-XVII вв. Общность процессов, приводящих к пополнению группы эмотивных глаголов в древнерусском и старорусском языке, позволила рассматривать древнерусские и старорусские памятники как единый массив фактов. Особое внимание уделено анализу летописных и житийных текстов, поскольку в них разнообразно представлены эмотивные глаголы, что обусловлено необходимостью создания ха-

рактерологического описания персонажей.

Данные этимологических словарей показывают, что семантическую основу большинства глаголов эмоциональных переживаний составляют представления о физических и физиологических действиях и состояниях – о физическом воздействии на объект, зрительном восприятии, интеллектуальной деятельности, перемещении и др.

Переосмысление внешнего, физического воздействия на объект как эмоционального воздействия или состояния наблюдается, например, в истории слов с корнями **-гнѣвъ-**, **-жал-/жел-**, **-түг-/түж-**.

Лингвистами признается возможным этимологическое родство корня **-гнѣвъ-**, представленного в глаголах **гнѣвати**, **гнѣвити**, **гнѣватисѧ** и их приставочных образованиях, с *гнить*; исходным при этом считается значение ‘гниль, гной, яд’ [Преображенский 1910: 133; Фасмер 1996, I: 420]. Однако О.Н. Трубачев сближает корень **-гнѣвъ-** с **gnoviti*, устанавливая остаток этимологического значения из первоначального ‘давить’; ср. русское выражение *гнев душит* [ЭССЯ 6: 170]. В обоих случаях исторически первичным является обозначение физического процесса, которое и послужило основой для метафорического переноса. Интересно предположение В.В. Мартынова, который связывает славянский **gněvъ* ‘ярость, злость, раздражение’ с глаголами горения, сжигания, ср. *горе* < *gorěti*, *ярость* < *jariti*, ‘гневаться’ < *jariti se* ‘искриться, пламенеть, гореть’. Славянское **gněvъ* сопоставляется со славянским же **огнь*. **Гнѣвъъ** – существительное от глагола *ogněvati* ‘находиться длительное время в состоянии горения, накала’, образованного в результате ряда одновременных и взаимосвязанных фонетических процессов от **огнь*, первоначальное значение его соответствовало первоначальному значению *jariti se*. Ряд взаимодействующих фонетических процессов должен был способствовать его полной деэтимологизации. В результате взаимосвязи семантических и словообразовательных процессов глагол *ogněvati* постепенно приобретает абстрактный характер и приближается по вторичному значению к *jariti* ‘сердиться, гневаться’ [ЭСРЯ I (вып. 4): 104–105].

Таким образом, уже в дописьменный период корень **-гнѣвъ-** приобретает семантику эмоционального переживания, реализующуюся в глаголах с данным корнем, фиксируемых в памятниках письменности древнерусского и старорусского периодов.

В древнерусском языке существовало три бесприставочных глагола с рассматриваемым корнем – **гнѣвати**, **гнѣвити** и **гнѣватисѧ**, общим для **гнѣвати** и **гнѣватисѧ** было значение ‘гневаться’, отмечаемое в некоторых словарях [СДР II: 338]. Это значение являлось прямым только для лексемы

гнѣватисѧ [СРЯ XI–XVII 4: 42], для **гнѣвати** прямым было значение ‘гневить, сердить кого-либо’ [СРЯ XI–XVII 4: 42]. Наличие общего значения позволяет установить отношения словообразовательной мотивированности следующим образом **гнѣвати** > **гнѣватисѧ**. На уровне семантической структуры данные глаголы различаются реализацией интегральной семы ‘отнесенность процесса эмоционального переживания’: у глагола **гнѣвати** она конкретизирована в дифференциальном признаке ‘к сфере объекта’, а у глагола **гнѣватисѧ** – ‘к сфере субъекта’, соответственно различается и направленность процесса эмоционального переживания (**гнѣватисѧ** означает направленный процесс, а **гнѣвати** – ненаправленный).

Лексемы **гнѣвати** и **гнѣвити** в словарях даются как полные синонимы, при этом этимологи подчеркивают, что в отличие от дуратива **гнѣвати**, производность которого от *gnĭvъ вызывает сомнения, каузатив **гнѣвити** является производным от данного существительного.

Глаголы **гнѣвати** и **гнѣвити** в нашем материале не зафиксированы, а глагол **гнѣватисѧ** и его приставочные производные достаточно широко представлены в текстах анализируемых памятников. Например, в прямом значении глагол **гнѣватисѧ** встречается в Ипатьевской летописи: **и науѧ гнѣватисѧ Изѧславъ. на Антониа. изо Всѧслава** [ЛИ: 71 об.]. В смысловой структуре рассматриваемой глагольной словоформы реализуется дифференциальный признак ‘процесс эмоционального переживания’, процесс является состоянием-отношением, относящимся к сфере субъекта, а переживание – отрицательным чувством, характеризующимся высокой степенью интенсивности и направленным на одушевленный объект.

В прямом значении **гнѣватисѧ** употребляется и в старорусских текстах: **И глагола днакон: «Не хощу, не хощу ниуѧсо же, толико отпусти в мир!» И тако гневатисѧ на игумена отъиде** [ЖЗС: 211 об.]. В приведенном контексте словоформа **гневатисѧ** характеризует субъект, выраженный одушевленным, конкретным существительным – **днакон**. Процесс эмоционального переживания, обозначаемый рассматриваемым глаголом, является состоянием-отношением; объект отношения выражен словоформой **на игумена**; переживание представляется негативным чувством высокой степени интенсивности, на что указывает повтор глагольной словоформы **не хощу** и отрицательное местоимение **ниуѧсо**, которые свидетельствуют о сильном проявлении чувства негодования. В контексте представлена антитеза эмоциональных переживаний, испытываемых героями жития, – гнева

и смирения: дьякон, негативно оцениваемый автором жития, противопоставляется игумену, желающему утешить своего духовного ученика, одержимого бесовским гневом.

Своеобразием отличается употребление глагола **гнѣватисѧ** уже в более поздних текстах, особенно в Житии протопопа Аввакума: *А человек, суете которои уподобится, дние его, яко сень, преходят; скачет, яко козел; раздувается, яко пузырь; гневается, яко рысь; съестъ хочет, яко змия...* [ЖА: 236]. В приведенном фрагменте субъектом, носителем эмоционального переживания, является человек. Однако для усиления выразительности Аввакум сравнивает гневающегося человека с рысью: животное наделяется способностью это чувство переживать, как козел наделен способностью скакать, пузырь – раздуваться. Причина, по которой Аввакум приводит для сравнения именно рысь, субъективна и определяется индивидуальными ассоциациями автора, можно лишь предположить, что протопоп упоминает данное животное из-за агрессивности его поведения. Бессознательная агрессия животного переносится на характеристику человека, теряющего разум в гневе, для усиления негативной оценки персонажа.

Эмоциональное переживание гнева означает и глагол **разгнѣватисѧ** (= ‘разгневаться, рассердиться’ [Срезневский 2003, III: 30]). Рассматриваемая лексема реализует ДП ‘процесс эмоционального переживания’ и характеризует замкнутый в сфере субъекта процесс, являющийся состоянием-отношением; переживание представляет собой отрицательное чувство высокой степени интенсивности, отнесенное к субъекту. Приставка указывает на становление процесса.

Рассматриваемый глагол в большинстве случаев сочетается с конкретным, одушевленным существительным, выражающим субъект и обозначающим лицо, имеющее высокий социальный статус. Например: **Понеже муж твои вельми разгневаста на тя, хочет тя мучити без милости** [ЖЗС: 291]. В приведенном контексте заслуживает внимания то, что глагол **разгнѣватисѧ** обозначает состояние-отношение, выступающее причиной, обоснованием последующего жестокого обращения. Подобное следствие эмоционального состояния, а также контекстуальный уточнитель образа действия **вельми** служат для усиления передачи интенсивности переживания. Однако столь интенсивное отрицательное чувство негативно оценивается автором, на что указывает другой уточнитель образа действия – **без милости**, то есть без жалости, без милосердия.

В Житии протопопа Аввакума следующим образом описывается гнев Господень: *По Дионисию, являя бог гнев свои к людям: в то время Никон от-*

ступник веру казил и законы церковныя, и сего ради бог изливал фиал гнева ярости своя на Рускую землю; зело мор велик был, неколи еще забыть, вси помним [ЖА: 192 об.]; *Изливал бог на царство фиал гнева своего!* [ЖА, 210]. Устойчивая конструкция *изливати фиал гнева* относится к наиболее употребительным церковно-библейским фразам, сросшимся, связанным тесно привычными нитями психической ассоциации по смежности [Виноградов 1980: 12]. Образность контекста формируется на основе прямого значения глагола *изливати* – ‘выливать, заставляя литься’ [СРЯ XI–XVII 6: 162], в этом значении он может быть отнесен к лексико-семантической группе глаголов однонаправленного перемещения, ориентированного относительно исходного пункта. В рассматриваемых житийных контекстах *изливати* используется в значении ‘выражать свое отношение, свои чувства к кому-либо’ [СРЯ XI–XVII 6: 162] и реализует категориально-лексическую сему ‘эмоциональное переживание’. Эмоциональное переживание представлено в данных контекстах в виде субстанции, наполняющей сосуд. Если во втором контексте: *Изливал бог на царство фиал гнева своего!* [ЖА: 210], Аввакум не уточняет интенсивность чувства, то в первом: *в то время Никон отступник веру казил и законы церковныя, и сего ради бог изливал фиал гнева ярости своя на Рускую землю*, повествуя о противнике Аввакума Никоне, протопоп использует синоним, обладающий большей интенсивностью, – *ярость*, а также подробно описывает последствия богопротивного поведения Никона *зело мор велик был, неколи еще забыть, вси помним*. Однако в обоих случаях речь идет о важных материях, и не только потому, что субъектом является Бог, – в данных фрагментах затронута судьба целого государства – *Руская земля, царство*.

Чувство гнева является греховным в христианской традиции, в приведенных же житийных контекстах переживанием данного чувства наделяется высшая сущность. Н.А. Бердяев писал по этому поводу: «Богу ... нисколько не бояться приписать гнев, ревность, месть и пр. аффективные состояния, которые считаются предосудительными для человека. Существует глубокая пропасть между пониманием человеческого совершенства и Божественного совершенства» [Бердяев 1998: 41].

Значения рассматриваемых глаголов, по-видимому, окончательно оформившиеся в древнерусский и старорусский периоды, сохраняются и в языке XVIII – XX веков, о чем свидетельствуют данные толковых словарей.

Бесприставочные глаголы *гнѣвати*, *гнѣвити* и *гнѣватисѧ* отмечены в Словаре Академии Российской [САР 2: 134–135], в Словаре церковнославянского и русского языков, составленном Вторым отделением Императорской Академии Наук [СЦР 1: 269], в Словаре живого великорусского языка В.И. Даля [Даль I: 893].

В Словаре современного русского литературного языка отмечены следующие бесприставочные глагольные лексемы с корнем *-гнев-*: *гневаться* – ‘испытывать, проявлять чувство гнева, неудовольствия; сильно сердиться’ [ССРЛЯ 3: 171]; *гневить* – ‘вводить в гнев, сердить’ [ССРЛЯ 3, 172]; *гневиться* – (простореч.) ‘то же, что гневаться’ [ССРЛЯ 3, 171]. В Словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой фиксируются лишь два глагола – *гневаться* и *гневить*, при этом второй имеет помету «устарелое» [СРЯ I: 320]. Данные толковых словарей свидетельствуют об ограничении сферы функционирования рассматриваемых глаголов.

В современном русском языке существительное *гнев* входит в один синонимический ряд со словами *раздражение*, *ярость*, *бешенство*. При этом *гнев* обозначает состояние и чувство сильнейшего негодования и возмущения, вызванных кем-, чем-либо; *раздражение* – состояние недовольства и возмущения; *ярость* – сильнейший гнев, крайнюю степень негодования; *бешенство* – сильнейший гнев, проявляющийся с необузданной силой [СС 1: 237].

В отличие от современного русского литературного языка, в диалектной речи глагол *гневить* развивает дополнительные значения: 1) сердить кого-либо, дразня и доводя до слез; 2) доводить невесту до слез заунывными песнями и причитаниями, в которых говорится о тяжелой жизни в доме свекрови; 3) на Бога роптать [СРНГ 6: 235–236].

Формирование абстрактного значения на базе конкретного наблюдается и в истории глаголов с корнем *-жал-/-жел-* (*жалити* = колоть, ранить жалом). Анализ сведений, приводимых в этимологических словарях, позволяет установить связь глагола *жалеть* с индоевропейским корнем (с чередованием *e//a*), имевшим значение «колоть, жалить, боль», к которому восходит и глагол *жалить*.

Лексема *тѹжити*, выражавшая значение «печалиться» [Срезневский III: 1034], этимологически связана со словами *тугой*, *тяжкий* и восходит к корню с первоначальной семантикой «гнет», «тянуть», «растягивать», «напрягать» [Фасмер IV: 115; Черных II: 269]. В древнерусском языке глагол *тѹжити* обозначает отнесенное к субъекту отрицательное эмоциональное переживание средней степени интенсивности: **Въ се время разболѣлсѧ Володимиръ. ѡуми. и не видаше ниутоже. и тоужаше велми** [ЛИ: 42]. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в словаре И.И. Срезневского основным для однокоренного существительного *тѹга* признается значение «угнетение, тягость, гнет» [Срезневский. III: 1031]. Что касается современного русского языка, то глагол *тужить* отошел на периферию лексической системы, в словарях он приводится с пометами «народно-поэтическое и разговорное».

Эволюция семантики рассмотренных глаголов (ряд примеров, безусловно, можно было бы продолжать) свидетельствует о том, что этимологической

основой большинства глаголов эмоций («субъективной» лексики) являются наименования физических действий и состояний, «зримых», объективных по своей природе: конкретное переосмысливается как абстрактное. Данные словарей и письменных памятников показывают, что глаголы, эмотивное значение которых сформировалось в дописьменный период, в древнерусском и старорусском языках активно функционируют, при этом ассоциативная связь с древней конкретной семантикой достаточно часто сохраняется.

Библиографический список

- Бердяев Н.А.* О назначении человека. – М.: ТЕРРА–Книжный клуб; Республика, 1998.
- Виноградов В.В.* О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – С. 3–41.
- Лопушанская С.П.* Конкретно-пространственное и абстрактно-пространственное восприятие мира человеком как философская основа объяснения эволюции языка // Человек в современных философских концепциях : материалы Международной научной конференции. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1998. – С. 337–346.
- Колесов В.В.* Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002.

Источники, словари и принятые сокращения

- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1998.
- Жизнеописание* Аввакума // Робинсон А.Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания: Исследования и тексты. М. 1963. (ЖА)
- Житие* и чудеса преподобных Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев. Курган, 1995. (ЖЗС) (При цитировании источников в скобках указываются листы)
- Ипатьевская летопись* (Полное собрание русских летописей. Том второй). – М., 1998. (ЛИ)
- Словарь Академии Российской 1789–1794*: В 6 т. – Т. I–V. – М.: Мги им. Е.Р. Дашковой, 2002–2005. (САР)
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*: В 10 т. Т. I–VIII. М., 1988–2008. (СДР)
- Словарь русского языка*: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999. (МАС)
- Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1–26. М., 1975–2002. (СРЯ XI–XVII)
- Словарь синонимов русского языка*: В 2 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Л., 1970 – 1971. (СС)
- Словарь церковнославянского и русского языка*, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук: В 2 кн. – СПб., 2001. (СЦР)
- Словарь современного русского литературного языка*: в 17 т. – М., 1950 – 1965. (ССРЛЯ)
- Словарь русских народных говоров*. – Вып. 1–43. – Л.-СПб., 1965–2010. (СРНГ)
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. М., 2003.
- Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – СПб., 1996.
- Черных, П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. / П.Я. Черных. – М., 2002.
- Этимологический словарь русского языка*. Т. I. Вып. 1 – 4. / Под ред. Н.М. Шанского. М., 1963 – 1972. (ЭСРЯ)
- Этимологический словарь русского языка* / Сост. А. Преображенский. – М., 1910–1914.
- Этимологический словарь славянских языков*: Праславянский лексический фонд. – Вып. 1 – 29. М., 1974 – 2002. (ЭССЯ).

О.И. Дмитриева
Саратов

ДИНАМИКА НЕОЛОГИЗАЦИИ РУССКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

В статье описываются отдельные группы глагольных неологизмов, которые вошли в лексический состав русского языка в XVIII веке и на рубеже XX - XXI вв. Автор выявляет тенденции неологизации глагольной подсистемы как в каждый из этих периодов, так и в диахронии.

Ключевые слова: динамика, диахрония, синхрония, неологизация, глагольная семантико-словообразовательная подсистема.

In the article the author describes separate groups of verbal neologisms, which were included into lexical structure of the Russian language in the XVIII century and at the turn of the XX-XXI centuries. The author also reveals tendencies of neologization of a verbal subsystem both in each of these periods, and in diachrony.

Keywords: dynamics, diachrony, synchronism, neologization, verbal semantiko-word-formation subsystem.

Исследование языковой динамики базируется на представлении о ее непрерывности. Это представление лежит в основе *синхронно-диахронного подхода* к исследованию словообразовательных процессов [Дмитриева, Крючкова 2010], что позволяет историческую стабильность языковых фактов в тот или иной период осмысливать как этап в постоянном развитии языка. Правомерен динамический подход и к синхронному изучению лингвистических объектов. Особый интерес в аспекте синхронической динамики представляет исследование процессов, связанных с неологизацией языка.

Анализ динамики неологизации, выявление причин, порождающих появление новых лексических единиц и новых словообразовательных моделей, а также их конкуренцию с действующими моделями способствует постижению механизма развития языка, законов языковой динамики в целом.

Особый интерес представляет глагольная подсистема как менее активный участок неологизации языка, поскольку внимание исследователей чаще обращено к именным, наиболее активным, участкам языковой системы [Земская 1996; Ермакова 1996; Маринова 2008]. Предметом нашего изучения явилась глагольная лексика в аспекте ее неологизации в отдельные периоды развития русского литературного языка, когда новые слова образуются и входят в употребление стремительно, а не постепенно, что определяется бурно происходящими социальными, экономическими, политическими, общекультурными процессами. К таким периодам можно отнести период становления единого национального литературного языка в XVIII веке и период рубежа тысячелетий - конец XX - начало XXI вв.

Наша цель - выявить тенденции неологизации глагольной подсистемы как в каждый из этих периодов, так и в диахронии. Решению этой задачи способствует обращение к данным динамических словарей, отражающих состояние и динамику лексической системы русского языка на отдельных этапах его развития [см. библиографический список].

Анализ показал, что ряд тенденций неологической динамики глагольной семантико-словообразовательной подсистемы русского языка оказывается общим для обоих указанных исторических периодов.

1. Диахронический семантико-словообразовательный анализ глагольной подсистемы отчетливо обнаруживает тенденцию к активизации функционально-семантического поля деятельности.

Если в древнерусском языке основную часть глагольной лексики составляли слова с общей семантикой конкретного физического действия, направленного на объект, или с семантикой перемещения [подробнее об этом Дмитриева, Крючкова 2010], то, начиная с XVIII века, именно агентивные глаголы, то есть глаголы поля деятельности, составляют большинство глагольных новообразований. Это производные глаголы, образованные как по русским словообразовательным моделям с суффиксами *-нича*, *-ова*, *-ствова* [подробнее об этом Кадькалова 2007], так и производные с иноязычными морфемами.

2. Динамика неологизации глагольной лексики и в XVIII веке, и на рубеже тысячелетий в значительной мере определяется тенденцией к активизации иноязычных морфем, как корневых, так и аффиксальных.

Так, в русском языке XVIII века под влиянием немецких суффиксов *-igen*, *-izieren* появились два составных варианта суффикса *-ова*: *-изирова-* и *-ирова-* [Виноградов 1972: 346]. Русский язык пополняется в этот период более, чем 300 глаголами на *-ирова*. Процесс неологизации обусловлен экстралингвистическими факторами, отражающими культурно- исторические запросы времени. Тематически это прежде всего военная лексика (*фланкировать*, *маневрировать*, *экипировать*, *сапировать*, *командировать*, *патрулировать*), общественно-политическая лексика, появление которой определяется изменениями в центральном и местном государственном управлении (*баллотировать*, *авансировать*, *аванжировать*, *визировать*, *реформировать*), а также научно-терминологическая лексика (*градировать*, *моделировать*, *бальзамировать*, *анотомировать*, *фильтровать*).

В этот период происходит формирование структурно-семантических типов глаголов на *-ирова-* [Авилова 1967]. В дальнейшем суффикс *-ирова-* становится основным формантом при образовании новых глаголов от иноязычных именных основ в русском литературном языке.

На рубеже XX - XXI вв. продуктивность моделей с этим формантом высока. Число глагольных неологизмов на *-ирова-*, зафиксированных Толковым словарем русского языка к. XX века, составляет около 50 слов, например, *квотировать, клонировать, мутировать, блокировать*.

Суффикс *-ирова* становится одним из наиболее продуктивных. Количество новых глагольных номинаций с этим формантом с общей семантикой деятельности лишь немногим уступает, например, номинациям лиц. Глаголы на *-ировать* мотивируются либо существительными, либо прилагательными.

3. Процесс неологизации сопровождается развитием словопроизводственных отношений, формированием неологических словообразовательных гнезд наиболее функционально и семантически значимых слов.

Словообразовательный потенциал глаголов на *-ирова, -изирова* реализуется в XVIII веке большей частью за счет приставочных производных: *вальсировать* → *повальсировать, завальсировать*. В современном русском языке эти глаголы образуют устойчивые словообразовательные парадигмы и входят в состав словообразовательных гнезд (СГ), включающих помимо приставочных производных глаголов отглагольные существительные - имена действий.

Примером таких неологических гнезд может служить СГ с вершиной *бомж*. От аббревиатурного существительного *бомж* (без определенного места жительства) образуются два вариативных глагола, соотносительных с глагольными отыменными моделями на *-ова-* *-ева-* и *-ирова-*: *бомжевать* и *бомжировать*, полная парадигма имен лиц: варианты существительных женского рода к *бомж* - *бомжиха* и *бомжовка*, а также обозначение бездомного ребенка - *бомжонок*, название пристанища бомжей - *бомжатник* [Сл. Скл]. Не фиксируются словарем языковых изменений, но имеют речевое функционирование прилагательные *бомжовый* и *бомжевидный*, приставочные глаголы с модификационными временными значениями *побомжевать* и *отбомжевать*.

Е.В. Маринова справедливо отмечает, что в производстве именных дериватов «суффиксальное производное слово не всегда представляет собой новую номинацию» [Маринова 2008: 453]. Именно в сфере образования имен действий на *-ирова-* имеется большое количество синонимических наименований: *архивация- архивирование, тренаж - тренинг - тренировка*. Не все слова словообразовательного гнезда являются новообразованиями. Так, глагольный неологизм *акционировать* можно считать производящим для отглагольного существительного *акционирование*, в то время как другая новация - имя действия *акционеризация* - соотносится с возвратившимися в актив на рубеже тысячелетий словами *акционер, акционерный*.

4. Процесс неологизации русской глагольной лексики сопровождается словообразовательным варьированием новообразований, то есть передачей одинаковых или максимально близких значений разными формальными способами.

На материале Словаря русского языка XVIII в. было рассмотрено около 100 рядов словообразовательных глагольных вариантов, которые возникли в рассматриваемый период и функционировали определенное время одновременно. Конкуренция между ними приводила либо к закреплению в языке одного варианта, либо к исчезновению обоих. В тех случаях, когда в системе языка закреплялись оба варианта при условии их стилистической или семантической дифференциации, точнее говорить о словообразовательной синонимии.

Все словообразовательные варианты глагольных неологизмов XVIII в. могут быть соотнесены по протяженности вариативных рядов, семантической и грамматической тождественности или нетождественности, по диапазону мотивационных связей [Кадькалова 2005]. По протяженности рядов все варианты делятся на парные (*домоводничать* - *домоводствовать*) и трехкомпонентные (*бомбардировать* - *бомбардовать* - *бомбардировать*). Вариативность может быть обусловлена конкуренцией синонимичных русских словообразовательных моделей (*буянить* - *буянничать*), освоением и формированием новых заимствованных моделей, на - *ирова*, соотносимых с русскими моделями на - *ова* (*апелловать* - *апеллировать*, *алкализовать* - *алкализовать*).

Варианты одного ряда могут быть различны по направленности и диапазону мотивационных связей компонентов ряда. От разных основ произведены слова типа *покой* → *безпокоить* / *безпокойствовать* ← *беспокойство*. Нередко в одном вариантном ряду могут сосуществовать моно- и полимотивированные глагольные неологизмы: *безбожничество* → *безбожничествовать* / *безбожничать* ← *безбожник*, *безбожный*; *вошебный*, *вошебник* → *вошебничать* / *вошебствовать* ← *вошебство*, *вошебный*. Словообразовательные варианты, образованные от единиц незаимствованных, представлены преимущественно глаголами несовершенного вида: *буянить* - *буянничать*, редко - совершенного вида: *выпестать* - *выпестовать*, *доборонить* - *доборонять*. Являются двувидовыми глаголы в вариативных парах *амбарковать* - *амбаркировать*, *ассекуровать* - *ассекурировать* [Тарасова 2009].

Синонимия глагольных неологизмов разграничивается по степени лексико-семантической дифференцированности: *Волнитися*, несов. 1. Быть обуреваемым волнами, бороться с волнами. 2. (Редко) То же, что *волновать*-

ся, - а также по функциональной дифференцированности: *Вытрезвить - вытверезить* (прост.), *дороднить - дородничать* (прост.).

Вариативность суффиксов объясняется и заимствованиями. Если неологизм возникал от глагола из польского языка (*дефендовать* (пол. *defendowac*), *дискуровать* (пол. *dyskurowac*)) путем калькирования, то новое слово в русском языке соотносится с производными глаголами на *-ова*. Параллельно шло калькирование глаголов из немецкого и французского языков. Такие глаголы в русском языке соотносились с другими производными на *-ирова-*, *-изирова-*: *дефендировать* (нем. *defendieren*), *дискурировать* (нем. *discurieren*, фр. *discourir*).

Историческая судьба вариативных пар складывается по-разному, но, как правило, язык избавляется от дублетности, то есть собственно варьирования, что сопровождается развитием синонимических отношений в парах или утрате одного из вариантов. Примером вытеснения одного из вариантов являются отношения между глагольными новообразованиями XVIII века *адресовать* и *адресировать*.

Возникшие в русском языке XVIII века как вариативные способы обозначения действия *`послать на чье-либо имя, по чьему -либо адресу`*, эти глаголы соотносятся с разными словообразовательными моделями. *Адресировать*, калька с немецкого *adressieren*, толкуется в словаре через глагол *адресовать*: *`то же, что адресовать`* (Сл. XVIII в.). Последний имеет более раннюю фиксацию в языке и соотносится с польским *adressowac*. Соотносительность с традиционной русской словообразовательной глагольной моделью на *-ова-* способствует закреплению в языке именно этого варианта, уже в XVIII веке имевшего вторичное специальное значение *`подписать на векселе имя лица, которое будет платить по нему`*, и утрате вариативных отношений.

В современном русском языке рубежа тысячелетий сохраняется вариативность моделей на *-ирова-/ева-, -ова-*, на *-ова-/ -изирова-*. Это может быть словообразовательное варьирование отаббревиатурных глагольных неологизмов *бомжевать* и *бомжировать* или уже закрепившихся в языке, но актуализировавшихся в последние десятилетия глаголов типа *легализовать* и *легализировать*. В этих случаях можно говорить именно о варьировании, а не развитии синонимии, поскольку и семантически, и функционально слова не дифференцируются. Отношения стилистической синонимии складываются между такими вариативными парами, как *ксерокопировать* и *ксерить*. Глагол *ксерить* в словаре фиксируется как неологизм с разговорной окрашенностью [Сл. Скл.], тогда как стилистически нейтральное слово *ксерокопировать* перестает восприниматься как неологизм.

5. Процесс неологизации глагольной лексики связан не только со словообразованием или заимствованием, но и с семантической деривацией, с образованием семантических неологизмов, в том числе и за счет развития семантической структуры слова.

Утверждая, что «корни русского языка перестали расти и плодоносить», что утрачивается «словопорождающая мощь родного языка» [Эпштейн 2008], М. Эпштейн явно не учитывает этот бесконечный словопорождающий ресурс языка. Синхронно-диахронный анализ приставочных глаголов [Дмитриева, Крючкова 2010] обнаруживает устойчивую историческую динамику появления новых глагольных модификаций на разных этапах развития языка.

Так, количественно-ограничительное значение в семантической структуре префикса *по-* отчетливо формируется в XVIII веке. Это позволяет увидеть семантико-словообразовательный анализ таких глаголов, как *поквасить*, *посмолить*, *поучить*. Все значения их, реализуемые в древнерусском и старорусском языке, - это результативные значения: *поквасить* - `заквасить`, *посмолить* - `осмолить, обмазать смолой`, *поучить* - 1) `наставить`, 2) `прочитать проповедь`, 3) `наказать`. В XVIII в., по данным картотеки Словаря XVIII в., в семантической структуре этих глаголов формируются значения ограниченного во времени протекания действия: *поквасить* - `квасить некоторое время`, *посмолить* - `помазать некоторое время или только по отдельным местам смолой`, *поучить* - `учить некоторое время`. Анализ показывает, что формирование модификаций меры и степени реализации действия, ограниченной длительности действия способствовали появлению большого числа глагольных неологизмов с такой семантикой в русском языке XVIII в.: *повоевать*, *поговорить*, *доколоть*, *доклеить*, *довязать* [Подробнее см. Дмитриева, Крючкова 2010]. В современном русском языке, глаголы с приставкой *по-* с семантикой ограниченной длительности протекания действия составляют большую группу глагольных неологизмов. Многие из этих временных модификаций даже не фиксируются словарями, поскольку не производят впечатления новообразований: *постажироваться*, *поюморить*, *позаседать*. Многие из них можно рассматривать как потенциальные дериваты, заполняющие пустые клетки словообразовательной системы [Петрухина 2006; Улуханов 1996].

6. С вопросом о динамике неологизации глагольной лексики связан не только вопрос о статусе ряда модификационных производных, но и других новообразований, имеющих грамматическую значимость.

Историческая связь формирования семантико-словообразовательной глагольной подсистемы русского языка с развитием категории вида очевидна

[См. об этом Дмитриева, Крючкова 2010]. Процесс неологизации и в современном русском языке часто обусловлен характером видовых отношений. Так, большая часть глагольных неологизмов на *-ирова-* - это двувидовые глаголы: *клонировать, квотировать, индексировать* и др. Стремление системы языка к устранению двувидовости обуславливает появление префиксальных новообразований, отчетливо реализующих результативную семантику совершенного вида: *заархивировать, заблокировать, забюрократизировать, закодировать, проиндексировать*.

Как видим, процесс неологизации глагольной подсистемы языка в наиболее напряженные и динамичные периоды его развития обусловлен рядом общих тенденций. Несомненную перспективу составляет исследование динамики неологизации различных семантико-словообразовательных подсистем языка и в более широкой исторической перспективе.

Библиографический список

- Авилова Н.С.* Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени (глаголы с заимствованной основой). – М.: 1967
- Виноградов В.В.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. – М. 1975.
- Дмитриева, О.И., Крючкова, О.Ю.* Динамика словообразовательных процессов: семантико-когнитивный, жанрово-стилистический, структурный аспекты. – Саратов, 2010.
- Ермакова О.П.* Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
- Земская Е. А.* Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
- Кадькалова Э.П.* К изучению законов словопроизводства: Агентивные глаголы в русском языке. - Саратов, 2007.
- Кадькалова Э.П.* К перспективам изучения вариантных единиц языковых систем // Язык и общество в синхронии и диахронии: Труды и материалы Международной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения проф. Л.И. Баранниковой. - Саратов, 2005.
- Маринова Е.В.* Иноязычные слова в русской речи конца XX - начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М., 2008.
- Петрухина Е. В.* Актуальные вопросы системного словообразования // Славистика. Синхрония и диахрония: Сборник статей к 70-летию И. С. Улуканова. М., 2006.
- Тарасова Е.Н.* Вариативность словообразовательных моделей глагольных неологизмов в русском языке XVIII века // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка. Саратов, 2009.
- Улуканов И. С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация М., 1996.
- Эпштейн М.* Русский язык: система и свобода // Новый журнал. 2008. № 250.
<http://magazines.russ.ru/nj/2008/250/ep10.html>

Словари

- Словарь русского языка XVIII в. – Л./СПб.: Наука, 1984 – 2004. – Вып. 1 – 17. [Сл. XVIII в.]
- Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. / Под ред. Г.Н. Складневской. – СПб., 1998. [Сл. Скл.]

В.А. Косова

Казань

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ РУССКОГО СУБСТАНТИВНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В.А. БОГОРОДИЦКОГО

В статье рассматривается опыт категориального описания словообразовательной подсистемы русского имени существительного, отражённый в трудах В.А. Богородицкого; сделан вывод об основополагающем значении этого опыта для развития теории словообразовательной категориальности.

Ключевые слова: словообразовательная категория, В.А. Богородицкий, Казанская лингвистическая школа, словообразовательная система, имя существительное.

The article is devoted to the examination of the experience of categorial description of the word-formative subsystem of the Russian noun, reflected in the works of V.A. Bogoroditsky; a conclusion is made about the significance of this experience for the development of the theory of word-formative categories.

Key words: word-formative category, V.A. Bogoroditsky, Kazan linguistic school, system of word formation, noun.

В.А. Богородицкий, которого ещё при жизни учёного считали «одним из наиболее блестящих представителей так называемой «Казанской школы» русского языковедения» (см. раздел «От издательства» в [Богородицкий 1935]), ставил постулат системности языка, в духе идей Казанской лингвистической школы, во главу угла своей научной концепции. Он определял язык как наиболее совершенное средство обмена мыслями и как «орудие мысли», как «показатель успехов классифицирующей деятельности ума», исходя из того, что «элементы языка воплощают успехи познающей мысли и в свою очередь служат исходною точкою для последующего развития её» [Богородицкий 1915: 6-7]. Результаты классифицирующей мысли – группы однородных явлений и предметов мира – закрепляются в языке при помощи суффиксов; суффикс -тель, например, обозначает разного рода деятелей, -ние или -тие – действия, «даже такая частная группа, как ягоды, отмечена особым суффиксом -ика или -ника» [там же: 7]. Подобные группы в «Лекциях по общему языковедению» профессора В.А. Богородицкого впервые в истории лингвистики названы «категориями словообразования»: «...ассоциируемые по сходству слова могут представлять различные степени этого сходства, что ведёт к образованию категорий склонения, спряжения и вообще словообразования с их более частными группами и типами» [там же: 157].

Категории словообразования рассматриваются, таким образом, в одном ряду с категориями формообразования, что означает признание общности их природы. Впрочем, последнее в соответствии с русской лингвистической

традицией и принципами Казанской лингвистической школы в специальном проговаривании и доказательствах не нуждается: и те, и другие явления рассматриваются учёным в рамках морфологии в широком понимании. Выделение и развёрнутый анализ категорий словообразования в «Общем курсе русской грамматики» В.А. Богородицкого является реализацией его установки на то, чтобы «выдвинуть в морфологии на первый план семасиологическую (то есть семантическую. – В.К.) сторону» [Богородицкий 1935: 136]. Переход от традиционного для грамматических исследований семасиологического ракурса анализа к ономасиологическому позволил учёному «вопрос о суффиксах имён существительных свести на вопрос о суффиксальных категориях, посредством которых классифицируется в русском языке всё разнообразие предметов мира» [там же: 136].

Солидаризируясь с Н.В. Крушевским, утверждавшим, что «область называемого, мир понятий, представляет известное число общих категорий, как предмет, его признак, его действие и проч.» [Крушевский 1883: 51-52]), Богородицкий приписывает функцию внешних выразителей такого рода категорий суффиксам, которые, «присоединяясь к корню, определяют принадлежность обозначаемого предмета к тому или другому классу бытий» [Богородицкий 1935: 141]. Учёный задаётся целью рассмотреть «главнейшие категории суффиксов имён существительных совместно с их значением так, как они представляются нам в современном русском языке» [там же: 143], реализация которой приводит к созданию развёрнутой семантической классификации производных имён существительных. Модель описания каждой из выделенных категорий такова: формулируется категориальное значение, далее представлены группы существительных с данным значением, дифференцированные по средствам выражения этого значения, т.е. суффиксам.

Приведём один из фрагментов такого описания:

«1. Именные представления деятелей или действующих лиц по роду их действий или занятий. К этой категории относятся:

1) Существительные, образованные от глаголов с помощью суффиксов -ец, -чик, -щик, -тель, -арь, -тай в простом виде их или же распространённом: -ец: купить<купец; -овец: торговать (торгую)<торг-овец» и т.п. [Богородицкий 1935: 143].

Очевидно, что объектом классификации являются не только суффиксы, но и оформленная с их помощью производная лексика, то есть В.А. Богородицкий оперирует понятием «категория словообразования» и описывает систему таких категорий, имея в виду языковую единицу, называемую в современной дериватологии словообразовательной категорией. При этом совершенно справедливо отмечается, что многообразие этих категорий («их оттен-

ков»), развитие которых продолжается и сейчас в языке, «не может быть заключено в совершенно определённые и неподвижные схемы» [там же: 143]. Нельзя не вспомнить о том, что именно сложности и неопределённости языковых единиц другой выразитель идей Казанской лингвистической школы – Н.В. Крушевский – придавал «громадное значение», видя в этих качествах необходимую для развития языка неустойчивость и способность к изменению (см. [Крушевский 1883: 13]).

Словообразовательная подсистема имени существительного как совокупность категорий рассмотрена В.А. Богородицким очень глубоко и подробно. Для каждой из них выявлены основные формальные (суффиксальные) средства выражения категориальных значений. При этом учёный объединяет в одну категорию производные с общим словообразовательным значением, образованные от разных частей речи, – это важно подчеркнуть ввиду неоднозначности видения этой проблемы современными исследователями (ср. сходную трактовку в работах саратовских дериватологов [Динамика 2010] и противопоставление строго понимаемой словообразовательной категории более широкому понятию «семантико-словообразовательная категория» в работе [Коряковцева 1996]). Очертим круг выявленных В.А. Богородицким категорий имени существительного:

I. Категория деятеля, представленная:

1) существительными от глаголов с суффиксами -ец, -чик, -щик, -тель, -арь, -тай;

2) существительными, образованными от существительных, «обозначающих необходимый предмет в занятиях», с помощью суффиксов -ак, -арь, -ник, -щик.

II. Субстантивные представления лиц по их свойствам:

1) производные от глаголов: суффикс -ун;

2) производные от прилагательных: -ец, -ик, -як, -ач, -арь, -ей, -ыш;

3) производные от существительных, «обозначающих часть тела, обращающую на себя внимание других»: -ун, -ан, -ач.

III. Названия лиц «по их происхождению из известных страны, города и вообще местности, или же по их принадлежности к какой-нибудь народности»: -ец, -ич, -як, -ин.

IV. Названия лиц по их родовому происхождению: - ич, -ович; «к этой категории относятся и собственные имена, служащие для отчеств и фамилий».

V. Названия животных, растений и минералов. Учёный отмечает, что здесь мало «определённых суффиксов», и ограничивается указанием на некоторые: это имена женского рода в названиях животных: -ица; названия моло-

дых животных: -ёнок; обозначения предметов мира растительного: -ов для указания кустарниковых растений, -ник и -няк – «для отличия разных пород леса», -ина и -ика – для обозначения ягодных растений, -ик, -овик, -ок – в названиях грибов; в названиях «предметов минерального царства»: -ник, -няк, -ок – «для указания той или другой минеральной породы или почвы», -ик – в названиях отдельных минералов.

VI. Обозначения разнообразных предметов культуры (жилища, утвари, орудий, одежды, пищи), как отмечает Богородицкий, получили обозначение в эпоху развития «первообразных» существительных. В «новообразуемых» существительных этой группы «культурный предмет назван по другому предмету, с которым он находится в известном пространственном отношении или же так или иначе служит для него: суффиксы -ник, -ница, -ево; -ня (значение «место для производства работы»), -ало, -ило (для обозначения орудий действия).

VII. Субстантивные названия действий с суффиксами -ние, -ба, -ство, -ствие, -ка, -ня (-отня, -овня).

VIII. Определённые представления качеств с суффиксами -ба, -ость и -есть, -ота, -изна.

IX. Производные, в которых «сохраняется основное значение производящего, видоизменяется лишь оттенок представления одного и того же предмета». В их числе:

- 1) увеличительные имена с суффиксами -ище (-ища), -ина;
- 2) уменьшительные существительные с суффиксами -ец, -ик, -очек, -ок, -ица, -ка (-очка, -ечка, -ынка, -ушка), -ко (-ечко, -ико, -ышко, -цо, -це);
- 3) уничижительные или пренебрежительные с суффиксом -ёнка, а также эти имена «пользуются суффиксами увеличительных или уменьшительных»;
- 4) ласкательные имена с суффиксами -очка, -онька и др. (см. [Богородицкий 1935: 143-153]).

Итак, словообразовательная система русского имени существительного, описанная В.А. Богородицким, представлена девятью основными суффиксальными категориями (префикс как средство категоризации в трудах учёного не рассматривается, хотя он не может не отметить осложнённую префиксом, чаще всего без-, многих абстрактных названий качества, например, безводица, безводье [там же: 149-150]). За пределами этой классификации встречаем утверждение о том, основными категориями именных представлений являются категории деятелей, действий, объектов и орудий действий, т.е. орудия, рассмотренные ранее в составе категории предметов культу-

ры, и объекты действия, ранее не рассмотренные, квалифицированы здесь как основные категории существительного [там же: 141].

Анализ основных принципов выделения и описания категорий суффиксального субстантивного словообразования в «Общем курсе русской грамматики» профессора В.А. Богородицкого позволяет сделать ряд важных с позиций теории словообразовательной категориальности наблюдений и выводов.

1. Суффиксальные категории Богородицкого носят ономаσιологический характер, т.е. выделены на основе общности словообразовательного значения. Их совокупность полностью покрывает номинативное пространство имени существительного и может рассматриваться как первая в отечественном языкознании категориальная модель русского субстантивного словообразования, послужившая платформой для развития теории словообразовательной категориальности.

2. При выделении категорий учёный использует два принципа: собственно ономаσιологический и пропозициональный. Так, категории деятеля, действия, объекта, результата, орудия и места действия имеют пропозициональную основу, категории лица по территориальному и этническому происхождению, по родовому происхождению, названия животных, растений и минералов, категория названий предметов культуры – собственно ономаσιологическую.

3. Носителем категориального значения учёный считает суффикс или совокупность суффиксов; каждая из таких морфем представлена в ряду своих формальных вариантов (алломорфов, по современной терминологии). Слова иностранного происхождения (например, существительные на -ант: фабрикант), также причисляются к рассматриваемой категории.

4. На лексическом уровне исследуемые категории представляют собой совокупность соответствующих производных слов. Ряды производящих лексем также являются структурным звеном этих категорий, и в случае их частеречной дифференциации категория подразделяется на соответствующие части (субкатегории, с позиций современной дериватологии). Это, например, отглагольные, отадективные и отсубстантивные «представления лиц по их свойствам».

5. Учёный последовательно выявляет семантическую субкатегоризацию в рамках представленных им категорий, которая может носить формально выраженный характер: в категории названий животных, растений и минералов суффикс -ов, например, используется для указания кустарниковых растений, -ник и -няк – «для отличия разных пород леса», -ина и -ика – для обозначения ягодных растений, -ик, -овик, -ок – в названиях грибов.

6. Помимо семантического и структурного параметров при описании категориального состава русского словообразования описывается свойственная этим категориям прагматика (например, указание на то, что «пренебрежительные формы в речи нередко служат для придания предмету малой значительности в глазах слушателя» [Богородицкий 1935: 152]). По утверждению Богородицкого, многочисленные примеры употребления, например, уменьшительных имён с противоположным оттенком значения, т.е. увеличительным, убеждают в том, что «семасиологическая жизнь и развитие суффиксов происходит не в отдельных словах, а в живой речи коллектива» [там же: 152].

7. Характеризуя семантику производных, учёный затрагивает вопрос о мотивационно-прагматических основаниях словообразовательной номинации: так, например, он указывает, что отсубстантивные названия лиц мотивированы существительными, обозначающими часть тела, «обращающую на себя внимание других» (горбун, горбач).

8. В.А. Богородицкий учитывает системную (регулярную) многозначность производных слов (иными словами, семантическую деривацию), которая является не только способом номинации и механизмом пополнения лексикона, но и служит одним из средств взаимосвязи категорий словообразовательной системы, обеспечивая её семантическую целостность (так, например, субстантивные названия действий могут обозначать продукт действия: писание, обшивка и др.; в этом значении многие из таких существительных относятся к категории предметов культуры).

9. Принцип хронологической однородности классифицируемого материала (в редакции И.А. Бодуэна де Куртенэ, принцип генетической объективности [Бодуэн де Куртенэ 2010: 23-24]) соблюдается казанским учёным неукоснительно. Констатация этого факта не противоречит нашему выводу об уместности и важности включённых Богородицким в синхроническое описание категорий и типов словообразования историко-лингвистических комментариев.

10. Анализируя систему суффиксальных категорий имени существительного, казанский лингвист поднимается до уровня ментальных обобщений, т.е. делает некоторые заключения о характерных для русского языкового сознания категориях. К ним относится, в частности, категория уменьшительно-ласкательных имён, ср.: «Русский язык представляет почти неисчерпаемое обилие наращенных ласкательных образований» [Богородицкий 1935: 153], а также категория абстрактных, в том числе отсубстантивных (безводица // безводье; шалопайство, банкротство), производных: «...русский язык

проявляет большую способность к абстрактным образованиям, отчасти конечно благодаря церковно-славянскому влиянию» [там же: 150].

Весомым научным вкладом В.А. Богородицкого в теорию словообразования является разделение категорий словообразования по соотношению семантики производящего и производного слов на два типа. К первому из них принадлежат «такие производные существительные, которые благодаря принятому ими суффиксу получили новое значение по сравнению с своим производящим; это значение находится в некотором легко подразумеваемом соотношении к значению производящего слова, срв. рыба < рыб-ак (т.е. ловящий рыбу), печь < печ-ник (делающий печи), молоко < молоч-ник (продающий молоко, или же посуда для молока» [там же: 150]. Им противопоставлен «новый тип производных, в которых сохраняется основное значение производящего, видоизменяется лишь оттенок представления одного и того же предмета, который может мыслиться большим или малым, а также с оттенком пренебрежительным или же ласкательным. Ясно, что эти производные существительные могут происходить только от существительных» [там же: 150]. Обозначенная казанским учёным дифференциация категорий словообразования вошла в число базовых положений современной дериватологии; правда, научную известность получила не эта, а более поздняя аналогичная типология чешского лингвиста М. Докулила, которую отличает выделение третьего типа словообразовательных значений, а также терминологическое закрепление выделенных типов (мутационный, модификационный и транспозиционный, в порядке описания).

В.А.Богородицким разработана, таким образом, лингвистически адекватная и ценная модель ономаσιологического описания словообразовательной системы, воплощённая в «Общем курсе русской грамматики» в виде целостной, детальной и очень убедительной картины категориального словообразовательного строя русского имени существительного. Несколько отличается по конечному результату описание в ономаσιологическом ракурсе суффиксальной системы имени прилагательного и глагола в русском языке. Суффиксация в этих менее номинативных, по сравнению с именем существительным, частях речи либо служит образованию грамматических форм, либо совмещает словообразовательные функции с грамматическими, осуществляя как деривационную, так и грамматическую категоризацию лексикона. Именно грамматическому аспекту анализа учёный уделяет наибольшее внимание. Разграничение словообразования и формообразования в отечественном языкознании произойдёт, как известно, позже. Однако опыт категориального описания словообразовательной подсистемы имени существительного, запечатлённый в трудах В.А. Богородицкого, удивительным образом опе-

редил развитие теории словообразования и, как представляется, в немалой степени способствовал становлению этой науки как самостоятельного раздела лингвистики.

Библиографический список

Богородицкий В.А. Лекции по общему языковедению. – Казань, 1915.

Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. – М., 1935.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // *Языковедение и язык: Исследования, замечания, программы лекций.* – М., 2010.

Динамика семантико-словообразовательных подсистем русского языка: Коллективная монография. – Саратов, 2010.

Коряковцева Е.И. Статус имени действия // *Вопросы языкознания.* – 1996. – № 3.

Крушевский Н.В. Очерк науки о языке. – Казань, 1883.

Е.Г. Лукашанец
Минск

АТТРАКЦИЯ ВО ФРАЗООБРАЗОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО СУБСТАНДАРТА (На материале онлайн-словарей русского сленга)

Доклад посвящен исследованию процессов аттракции в русском субстандарте. Материалом служит фразеология, зафиксированная в онлайн-словарях. Выявлены различные виды аттракции при создании неоднословных наименований: аттракция по форме (паронимическая аттракция, варьирование по принципу паронимической аттракции, реплики-омонимы, рифмовка высказываний, построение немотивированных единиц по единой модели), аттракция по значению (построение мотивированных единиц по единой модели, подбор продолжения, замена перифразой, добавление экспрессивных «усилителей»). Специфическая черта лексики и фразеологии субстандарта – образование больших синонимических рядов вокруг центров аттракции.

Ключевые слова: субстандарт, фразеологизм, онлайн-словари сленга, аттракция.

The report is devoted to research into the processes of attraction in the Russian substandard. The material of the research is the phraseology recorded in online dictionaries. The research revealed different types of attraction in the creation of more-than-one-word names: the attraction by form (paronymic attraction, variation on the principle of paronymic attraction, remark homonyms, rhyming expressions, creation of unmotivated units on a uniform model), the attraction by lexical meaning (creation of motivated units on a uniform model, selection of continuation, replacement with a periphrasis, addition of expressive “intensifiers”). Formation of extensive synonymic lines around the centers of attraction is a peculiarity of substandard vocabulary and phraseology.

Key words: substandard, idiom, an online dictionaries of slang, attraction.

Отличительной чертой развития субстандартных подсистем современного русского языка является активная лексикографическая деятельность их носителей в сети Интернет. По образцу англоязычных www.wordspy.com и www.urban-dictionary.com, французских www.laparlure.com/ и www.dictionnaire-urbain.fr/ были созданы русскоязычные словари на сайтах www.slovonovo.ru, www.teenslang.su и www.slovoborg.su. Все три словаря в Рунете почти одинаковы по своему строению, целям и характеру формирования лексикона: они пополняются самими пользователями, ориентированы в основном на молодежный сленг и разговорную речь, состоят из похожих по структуре словарных статей, включающих, в частности, кроме заглавного слова (выражения), его значения (значений) и иллюстративного материала, указание на сферу использования и результаты голосования на сайте («за» и «против» или + и –). Эти словари, будучи широко доступными и очень значительными по объему (около 17000 словарных статей в словаре slovonovo, свыше 8700 – в teenslang и свыше 8500 слов и выражений в slovoborg), пред-

ставляют собой интересный и совершенно неизученный материал для решения многих проблем современной сленгологии. Прежде всего, онлайн-словари сленга являются примером нового типа глоссариев, которым следует найти место в общей типологии словарей и которые надо рассмотреть с собственно лексикографической точки зрения. Далее, отбор лексики, результаты голосования по конкретным словам и выражениям и анализ распределения лексических единиц по сферам употребления может внести вклад в развитие некоторых разделов социолингвистики. Наконец, эти словари открывают новые перспективы изучения социолектной лексики современного русского языка: ни один из изданных на сегодняшний день словарей молодежных жаргонов и сленга (М.А. Грачева, Т.Г. Никитиной, В.М. Мокиенко и т.д.) не может сравниться по степени новизны с заключенным в онлайн-словарях материалом.

Неоднословные единицы занимают в социолектных словарях значительное место: их количество достигает в среднем 40% всей лексики словаря. Как известно, субстандартная фразеология (последний термин нами понимается в очень широком смысле, так что фразеологической единицей мы называем любое расчлененное (неоднословное) наименование – единицу, записанную в словаре хотя бы с одним пробелом) обладает рядом специфических черт, позволяющих говорить об особенностях структуры и функционирования фразеологических единиц в субстандарте в отличие от общелитературного языка. Несмотря на наличие исследований, посвященных арготической, жаргонной, сленговой фразеологией (Ю.М. Булаш, Л.И. Енов, С.И. Красса, Е.А. Невзорова-Кмеч, В.В. Полухина, Н.В. Семенова, О.В. Степанова), многие проблемы субстандартных выражений остаются нерешенными. В частности, интересным является вопрос о процессах аттракции в субстандартном фразообразовании. Под аттракцией мы понимаем особого рода «притяжение», существующее между единицами языка вообще и в особенности между единицами субстандартных подсистем и выражающееся в разноплановых явлениях вроде синонимии, однотипности структуры слов и словосочетаний и т.п. Аттракция, на наш взгляд, «пронизывает» всю систему субстандarta и во многом обуславливает образование ее новых единиц, в частности фразеологических.

Таким образом, цель нашего небольшого исследования – показать особенности проявления процессов аттракции в субстандартном фразообразовании русского языка. Материалом исследования являются выражения из вышеуказанных русскоязычных онлайн-словарей. Некоторая часть фразеологизмов в этих словарях носит обценный характер, а около трети, напротив, являются общелитературными. Обе эти группы исключены из рассмотрения.

Таким образом, нами анализируются только разговорные, сленговые или жаргонные выражения. Разграничение подобных типов лексики представляет собой отдельную – и очень сложную – задачу, поэтому ниже они рассматриваются недифференцированно как составляющие русского субстандарта.

Процессы аттракции во фразообразовании подразделяются, прежде всего, на те, которые в большей степени связаны с формой (звуковым составом, моделью построения и т.д.) неоднословной единицы (аттракция по форме), и те, которые в большей степени ориентированы на ее значение (аттракция по значению).

Среди случаев аттракции по форме выделяются следующие.

1. Паронимическая аттракция – подбор для обозначения одного и того явления выражений, близких по звучанию, но не связанных семантически. В современном субстандарте наиболее часто встречается подбор исконных выражений, созвучных иноязычному (чаще всего, английскому): *голый дед* 'GoldEd – редактор почтовых сообщений для сети Фидо', *король дров/горелые дрова/корельские дрова/корявые дрова* 'графический редактор "CorelDraw"'. Нами также отмечено очень большое число подобных случаев как эвфемистические замены нецензурных выражений.

2. Варьирование по принципу паронимической аттракции. Форма исходного фразеологизма (при сохранении значения) варьируется: одно из слов заменяется сходно звучащим словом: *до лампочки* 'безразлично, по фигу' → *до лампы* 'безразлично, всё равно' → *до лампады* 'совершенно безразлично, всё равно'.

3. Построение ответной реплики по принципу омонимии. Например: *жалко* → *жалко у пчёлки* 'язвительный ответ на констатацию сожаления словом "жалко"'.
4. Подбор рифмы к выражениям разных типов, рифмованное высказывание. Так же, как и в английском рифмованном сленге (rhyming slang), в редких случаях здесь наличествует определенная степень семантической связи между словами, однако чаще всего такой связи нет: *кишка кишке бьёт по башке* 'о сильном чувстве голода с сопутствующим ему звуковым сопровождением в области живота', *крути педали, пока не дали* 'предложение убираться подобру-поздорову', *пузо по Мелеуза* 'большой живот'; также: *Москва-Воронеж хрен догонишь*; *поздно, Джонни, пить боржомом*; *что почём, хоккей с мячом*; *я не сразу строю фразу*.

5. Построение фразеологических единиц со сходным значением по определенной модели. Например, значение 'о человеке в сильной стадии опьянения' реализуется в целом ряде единиц: *в дрова*, *в дупель*, *в дымину*, *в зюзю*, *в растютю*, *в склянь*, *в уматы*, *в усмерть*. При этом важно, что почти все эти

слова, употребленные в вин.п. с предлогом *в*, семантически между собой не связаны или, часто (*растютю, зюзю, склянъ*), вообще представляют собой асемантические единицы, так что почти все выражения являются немотивированными.

Аттракция скорее по значению, чем по форме, наблюдается в других случаях, к которым могут быть отнесены следующие.

6. Построение фразеологических единиц со сходным значением по определенной модели, но с различной мотивировкой: 'не имеет совершенно ничего общего с чем-либо; не годится на какую-либо роль' → *как из мартышки доктор биологических наук, как из рваного кеда валенок, как из слона балерина, как танк из "запорожца"*; выражение, означающее "это не так просто, как вам кажется" → *это вам не пустыню пылесосить, это вам не слоников из какашек лепить, это тебе не собакам дёргать, это тебе не шубу в трусы заправлять*.

7. Подбор продолжения к сказанному слову: *началось ...* → *в деревне утро; получай ...* → *деревня, трактор или фашист, гранату*. Понятно, что в результате получается в целом достаточно осмысленное выражение.

8. Замена одного из слов фразеологизма перифрастическим выражением: *крыша поехала* → *крышевое оборудование поехало*.

9. Добавление к фразеологизму или просто сочетанию слов одного или нескольких слов, «усиливающих» его значение, делающих его более экспрессивным: *до лампочки* → *до трех перегоревших лампочек* 'безразлично, все равно', *не смешите меня* → *не смешите мои тапочки* 'не говорите ерунду, не врете, не рассказывайте сказки', *пацан* → *пацан штаны на лямках* 'сниходительное обращение'; *флаг в руки* → *флаг в руки и барабан на шею* 'язвительное пожелание успеха в каком-либо деле (чаще всего не очень целесообразном с точки зрения говорящего)', *через плечо* → *через плечо и на охоту* 'язвительный ответ на вопрос "чё?"'. Похожее явление – усиление экспрессии – находим и в случае типа *кроссовки жмут и нам не по пути* 'употребляется как отказ принимать участие в чем-либо'. Это явление в субстандарте по своей направленности противоположно явлению вариантности полного и краткого фразеологизма в литературном языке, в котором, напротив, происходит усечение оборота; в субстандарте же первичен более короткий вариант.

Наконец, к аттракции по значению мы причисляем создание синонимичных выражений, группирующихся вокруг какого-либо очень важного для носителей субстандартной подсистемы языка явления – другими словами, вокруг **центра аттракции**. Например, разную, хотя нередко и несколько сходную, мотивировку имеют фразеологизмы, обозначающие известный фи-

физиологический процесс (рвоты): *молиться фарфоровому богу, звать Борю, вызывать ихтиандра, кормить ихтиандра, метать фарш, поклоняться белому камню, пугать унитаза, обнимать унитаза, обнимать белого брата, звать медведя, пугать крапиву* (два последних – об этом действии, совершенном на природе). Такими центрами аттракции являются все другие физиологические процессы (отправления физиологических надобностей, половые акты и др.). Также другие аттракционные центры: ‘бездельничать’ – *балду гонять, балду пинать, бетонировать одну точку, горобцам дули давать, катать вату*; ‘спать’ – *давить массу, плющить рыло, харю топить*; ‘уйди’ – *нарисуй сквозняк, купи себе холодильник, иди в кактус чебурек, сдрысни в тюбик, срыгни в канаву*; ‘лгать, говорить неправду’ – *макаронить уши, пудрить мозги, ездить по ушам, пургу мести, полоскать мозги, забивать баки, фуфло толкать, липу гнать, лохматить бабушку, порожняк гнать*.

Рассмотрение двух основных видов аттракции (по форме и по значению) позволяет сделать важные, хотя и в определенной степени носящие предварительный характер, выводы о специфике процессов номинации в русском субстандарте. Так, например, в ряде случаев при образовании неоднословных единиц взаимодействуют формальные и семантические процессы: так, к обороту *до лампочки* подбирается синонимичное *до лампы*, а к нему, в свою очередь, созвучное, но не связанное по смыслу *до лампы*. Однако самое главное – это создание длинных вариантно-синонимических рядов как основной результат аттракционных процессов в субстандарте. Именно наличие таких рядов делает субстандарт крайне экспрессивным средством общения: достаточно широкие возможности формального варьирования неоднословной единицы дополняются, в силу высокой степени креативных способностей носителей субстандарта, ярко выраженной тенденцией лексической подсистемы к варьированию внутренней формы фразеологизмов, что и ведет, в свою очередь, к появлению большого числа синонимичных выражений.

А.А. Макушина
Волгоград

ИЗ ИСТОРИИ УСТОЙЧИВЫХ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ СОЧЕТАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

В статье анализируются устойчивые глагольно-именные сочетания, функционирующие в древнерусских грамотах и уставах князей XI–XIV вв. Автором показаны семантические изменения глагола и имени существительного и установлены основные типы взаимодействия их значений в составе устойчивых сочетаний.

Ключевые слова: русский язык, история русского языка, семантика, устойчивые глагольно-именные сочетания, язык документов.

In the article verbal-nominal set-expressions in the Old Russian official written documents of the 11–14th centuries are analyzed. The author reveals semantic changes in verbs and nouns, determines basic types of semantic interrelations of the components in their semantic structure.

Key words: Russian language, history of the Russian language, semantics, verbal-nominal set-expressions, official language.

Обращение к языку древнерусских деловых памятников актуально в связи с решением вопросов истории как русского языка в целом, так и его отдельных подсистем, в частности лексики и терминологии. Именно при помощи таких языковых средств, как устойчивые единицы, термины, достигается точность, стандартизованность официально-делового стиля. Объектом рассмотрения в данной статье являются устойчивые глагольно-именные сочетания, употребляющиеся в текстах грамот (включая берестяные грамоты делового содержания) и княжеских уставов XI–XIV вв. При этом в центре внимания находится взаимодействие значений глагола и имени существительного и связанные с этим изменения в семантической структуре компонентов словосочетания. Под устойчивыми нами понимаются сочетания слов, обладающие единством и постоянством лексического значения, построенные по определенной модели с ограниченным набором лексических компонентов и воспроизводимые в речи. Данный термин охватывает не только собственно фразеологизмы, характеризующиеся большой степенью слитности семантики компонентов, идиоматичностью, но и сочетания, которые не имеют этих качеств или наделены ими в меньшей степени [Макушина 2010: 74–75].

При рассмотрении устойчивых глагольно-именных сочетаний в функционально-семантическом аспекте анализу подвергается в первую очередь

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-14-34008 «Речевая структура документов Области Войска Донского XVIII–XIX вв. как отражение взаимодействия различных культурно-языковых традиций».

глагол, который является чаще всего постоянным компонентом – грамматически опорным словом; обращается внимание и на имя существительное – семантический центр, грамматически зависимый компонент. Исследование преобразования общеупотребительного значения в терминологическое заключается в анализе глубинных процессов в семантической структуре слова, опирающемся на подходы и методы, разработанные профессором С.П. Лопушанской и ее учениками [Лопушанская 1990; 2003; Горбань 2002; 2011; Косова 2009; Шептухина 2000 и др.].

В рассмотренных текстах деловой письменности отмечаются такие устойчивые глагольно-именные сочетания, как **дати роукоу** ‘поручиться’, **судъ** **судити** ‘делать суд над кем, чем-либо’, **вѣрѹ гати** ‘верить, доверять’, **дати судъ** ‘дать право суда’, **държати княжение** ‘княжить’, **дати слово** ‘отвечать, нести ответственность’, **цѣловати крѣсть** ‘присягать’ и др.; многие из них относятся к единицам терминологического характера, на базе которых впоследствии формируется юридическая терминология. Ученые называют подобные сочетания терминами, специальной лексикой, прототерминами [Трубачев 1963; Гринев-Гриневиц 2008]. Для нас наибольший интерес представляют устойчивые глагольно-именные сочетания терминологического характера, позволяющие говорить о складывании в обществе восточных славян специфических отношений, реализующихся в различных сферах человеческой деятельности – торговле, судопроизводстве, религиозных отправлениях, строительстве, благоустройстве городских улиц, создании продуктов интеллектуального труда, имущественных, юридических и экономических операциях и т.д.

В уставах князей и грамотах (в том числе берестяных) устойчивые глагольно-именные сочетания характеризуются различными семантическими отношениями глагола и имени. Анализ позволил предложить типологию этих отношений.

1. В большинстве устойчивых сочетаний обобщенное значение глагола конкретизируется значением имени; в данном случае в смысловой структуре глагола происходит нейтрализация категориально-лексической семы (КС) при сохранении категориально-грамматической семы ‘процесс’, глагол является информативно недостаточным и тесно связан с именем существительным, дополняющим его смысл (**държати кнѣжение** ‘княжить’, **държати гневъ** ‘гневаться’, **дати роукоу** ‘поручиться за кого-что-либо’ и др.). Например: **А гнева ти, княже, до Новагорода не държати ни до одного чловека** (Гр. Новг. тверск. в. кн. Мих. Яр. с условиями договора, 1304–1305 гг.). Глагол **държати** в прямом значении ‘держать’, то есть ‘касаться чего-либо, взяв

в руки и не давая упасть’, содержит дифференциальные семы (ДС) ‘воздействие на объект посредством прикосновения руками’, ‘воздействие на объект с целью поддержания в определенном положении’, уточняющие КС ‘физическое воздействие на объект’. В сочетании **държати гневъ** абстрактное существительное **гневъ** в позиции прямого объекта способствует нейтрализации категориально-лексической семы и актуализации в смысловой структуре глагола ДС ‘сохранение определенного состояния’, конкретизируя характер этого состояния как ‘эмоциональное’; глагол сохраняет общий грамматический признак процессности, обозначая эмоциональное отношение к объекту – ‘гневаться’. Конкретный, одушевленный субъект выражен в контексте формой Дат. п. личного местоимения 2 л., соотносящегося со словоформой **княже** в функции обращения; контекстуальные уточнители **до Новагорода, до одного человека** называют тех, на кого князю не следует гневаться.

Устойчивые сочетания рассматриваемого типа образуются также глаголом **водити**, например **водити судъ** ‘заводить судебное дело’. Глагол **водити** в прямом значении ‘водить’ (Срезн. I, стб. 277), т. е. ‘направлять движение’, является глаголом движения-перемещения, при котором субъект выполняет активную, руководящую роль по отношению к объекту. В контексте: **А за рубежъ изъ Новгородской волости твоимъ дворяномъ суда не водити** (Договорн. гр. Новг. с тверск. в. кн. Мих. Яр., 1307 г.) – глагол обобщенно выражает деятельность, а имя конкретизирует характер этой деятельности – социальная (правовая), т. е. ‘суд, разбор дела, дознание виновности’ (Срезн. I, стб. 603). Реализация деятельности субъектом (**дворяне**), как следует из контекста, распространяется только на жителей Новгородской области. Рассмотренное сочетание приобретает терминологическое значение ‘осуществлять суд, правосудие’ по значению имени, а глагол обобщенно называет деятельность как процесс.

Подобные глагольно-именные сочетания часто встречаются в различных грамотах (договорных, данных и др.) и княжеских уставах, иногда в частных берестяных грамотах делового содержания.

2. Переосмысливаться может все сочетание при сращении значений компонентов; при этом оба компонента сочетания сохраняют самостоятельное прямое либо переносное значение (**дати судъ** ‘дать право суда’, **поовидѣти судъ церковныи** ‘нарушить судебные права церкви’, **цѣловати крѣсть** ‘присягать’ и пр.). Например, устойчивое сочетание **цѣловати крѣсть** в значении ‘присягать’ часто употреблялось в договорных грамотах князей [Костючук 1968: 76–84]: **На семь ти княже, хрѣсть цѣловати, на**

цѣмъ то цѣловал хръсть отецъ твои Грославъ (Договорн. гр. Новг. с тверск. в. кн. Яр. Яр., 1264 г.). Можно предположить, что **цѣловати хръсть** первоначально обозначало непосредственное целование креста в подтверждение клятвы, то есть князь (или другое лицо) прикладывался губами к священному предмету в знак присяги. Однако, как отмечает Ф.П. Сергеев, «в результате многократного повторения это сочетание становится устойчивым и приобретает переносный смысл – ‘присягать’ (в известной степени утратив первоначальное значение). Появление новой семантики сопровождается появлением новых синтаксических связей, не свойственных отдельным компонентам вне данного сочетания: *целовати хръсть к кому/на чем*» [Сергеев 1978: 12–13]. С утратой актуальности такого действия, как целование креста, сохранилась другая сторона традиционного обряда – присяга. Выражение стало означать ‘принести присягу’ без указания на приложение к священным предметам (кресту, иконе, оружию и т. п.). Переосмыслилось все сочетание, произошло сращение его компонентов, что свидетельствует о его фразеологизации. Рассматриваемый оборот является общеупотребительным, используясь для описания клятвы, присяги в любых ситуациях, например во взаимоотношениях князей: *Изяславъ. С(вя)тославъ. Всеволодь. целовавшие кр(ь)сть ч(ьс)тный. къ Всеславу...* (Лавр. лет. ок. 1377 г., л. 56 об.). Однако, обозначая одно из необходимых действий в судопроизводстве, он функционировал и как термин древнерусского делового языка [см.: Исаев 2001: 114]. Позднее данный термин в деловых текстах стал вытесняться другими устойчивыми элементами с таким же сращенным значением ‘присягать’, например, **дати присягү, үчинити присягү** и др. [Сергеев 1978: 19–20], между компонентами которых отмечаются семантические отношения первого, рассмотренного выше, типа; с ними соотносится довольно поздний термин *приводить к присяге*, т.е. ‘заставлять присягать’. Такие устойчивые образования можно встретить в документах XVIII в., в частности, канцелярии Михайловского станичного атамана (Государственный архив Волгоградской области): *...а онъ [казак Ульянов] на ту должность здесь в Черкаскомъ к присяге приведен* (ГАВО. Ф. 332, оп. 1, ед. хр. 3, л. 5).

Данные устойчивые единицы употребляются в договорных грамотах князей, уставах.

3. В некоторых устойчивых глагольно-именных сочетаниях (**судъ судити** ‘судить’, **казню казнити** ‘казнить’) глагол выступает в прямом значении и несет основную смысловую нагрузку, а имени отведена роль «дублера». Например: **А бес посадника ти, княже, суда не судити** (Договорн. гр. Новг. с тверск. в. кн. Яр. Яр., 1270 г.); **А се приказываю своимъ**

наместникомъ и тиоуномъ *соуда церковного не соудити безъ владычна наместника* (Устав кн. Всеволода о церк. судах, людях и мерилах торговых, XIII–XIV вв.), где все сочетание *судити судъ* имеет значение ‘судить’ (Срезн. I, стб. 597), как и глагол *судити*. При отсутствии существительного значение глагола сохраняется, в его смысловой структуре сохраняется КС ‘социальная деятельность’, содержащаяся и в семантике имени. В контексте: *Имет ли лихо ею держати казнью казнити* (Устав кн. Яр. о церк. судах, XII в.) глагол *казнити* употреблен в значении ‘подвергать наказанию, казнить’ (Срезн. I, стб. 1177), значение имени существительного *казнь* повторяет семантику глагола – ‘наказание’ (Срезн. I, стб. 1178). КС ‘физическое воздействие на объект’ остается неизменной в смысловой структуре глагола. «Дублирование», т.е. повторение слов или компонентов их значений, некоторые исследователи рассматривают как плеоназм, проводя аналогию с употреблением таких повторений в древнем эпосе и лирике. Например, А.Н. Веселовский (в рамках культурно-психологического подхода) считает, что в основе таких формул лежит плеоназм форм выражения, который был свойствен древнему ритуально-поэтическому языку. В свою очередь, этот плеоназм отражает древний психологический принцип преклонения перед количеством и связанную с этим большую экспрессию [Веселовский 1940: 85].

И.С. Кошкин отмечает, что для данного типа внутреннего семантического согласования компонентов словосочетаний корреляция осуществляется по этимолого-синонимическому или синонимическому принципу. Этот тип семантического согласования носит типологический характер и отличается высокой продуктивностью в древних текстах [Кошкин 2008: 26].

Указанные устойчивые образования функционируют чаще всего в уставах и договорных грамотах князей.

Предпринятое исследование устойчивых глагольно-именных сочетаний дало возможность раскрыть семантический потенциал глагольного слова. Показано, что в рассматриваемых образованиях лексическое значение глагола реализуется особым образом. Выводы об употреблении глагольно-именных сочетаний в грамотах и княжеских уставах позволяют говорить о складывании стилевого своеобразия деловых текстов на лексико-фразеологическом и отчасти синтаксическом уровнях уже в древнерусскую эпоху; анализ семантики единиц свидетельствует о процессах их терминологизации и фразеологизации, обуславливающих развитие лексической системы русского языка. Перспективы исследования связаны с выявлением особенностей глагольно-именных сочетаний на более поздних этапах истории

русского языка, в частности в документах XVIII в., отражающих деловой стиль начального периода формирования национального русского литературного языка.

Библиографический список

- Веселовский А.Н.* Поэтика древнерусской литературы. – Л., 1940.
- Горбань О.А.* Древнерусские глаголы движения в системе языка и в тексте. – Волгоград, 2002.
- Горбань О.А., Шептухина Е.М.* Лингвистические идеи профессора С.П. Лопушанской в контексте современной научной парадигмы //Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 153. – Кн. 6. – С. 7–15.
- Гринева-Гринева С.В.* Терминоведение. – М., 2008.
- Косова М.В.* Переосмысление русской глагольной лексики в процессе терминологизации //Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект. – Волгоград, 2009. – С. 225–263.
- Костючук Л.Я.* Некоторые наблюдения над словосочетаниями, промежуточными между устойчивыми и свободными, в древнерусском языке (по грамотам XI–XIV вв.) //Ученые зап. Псков. пед. ин-та, кафедр литературы и русского языка. – Вып. 28. – Л., 1968. – С. 76–84.
- Кошкин И.С.* Русско-германские языковые контакты в грамотах Северо-Запада Руси XII–XV вв //И.С. Кошкин. – СПб., 2008.
- Лопушанская С.П.* Развитие и функционирование древнерусского глагола. – Волгоград, 1990.
- Лопушанская С.П.* Семантическая VS. смысловая структура слова как компонент семантической структуры высказывания //Русское слово в мировой культуре: материалы X Конгресса МАПРЯЛ. – СПб., 2003. – С. 150–159.
- Макушина А.А.* Семантическое взаимодействие компонентов устойчивых глагольно-именных сочетаний в древнерусском деловом тексте //Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. – 2010. – № 2. – С. 73–76.
- Сергеев Ф.П.* Формирование русского дипломатического языка. – Львов, 1978.
- Трубачев О.Н.* Формирование древнейшей ремесленной терминологии в славянском и некоторых других индоевропейских диалектах //Этимология. – М., 1963. – С. 14–51.
- Шептухина Е.М.* Формирование глаголов со связанными основами в древнерусском языке XI–XIV вв. – Волгоград, 2000.

Источники и словари

- Грам. Новг. тверск. в. кн. Мих. Яр. с условиями договора, 1304–1305 гг.* – Грамота Новгорода тверского великого князя Михаила Ярославича с условиями договора, 1304–1305 гг. //Грамоты Великого Новгорода и Пскова /под ред. С.Н. Валка. – М., 1949. – С. 16–18.
- Договорн. гр. Новг. с тверск. в. кн. Мих. Яр., 1307–1308 гг.* – Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Михаилом Ярославичем, 1307–1308 гг. //Грамоты Великого Новгорода и Пскова /под ред. С.Н. Валка. – М., 1949. – С. 19–22.
- Договорн. гр. Новг. с тверск. в. кн. Яр. Яр., 1264 г.* – Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем, 1264 г. //Грамоты Великого Новгорода и Пскова /под ред. С.Н. Валка. – М., 1949. – С. 9–10.

Договорн. гр. Новг. с тверск. в. кн. Яр. Яр., 1270 г., – Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем, 1270 г. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова /под ред. С.Н. Валка. – М., 1949. – С. 11–13.

Устав кн. Яр. о церк. судах, XII в. – Устав князя Ярослава о церковных судах, XII в. // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. /под ред. Л.В. Черепнина. – М., 1976. – С. 85–138.

Устав новг. кн. Всевол. о церк. судах, людях и мерилах торговых, XIII–XIV вв. – Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых, XIII–XIV вв. // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. /под ред. Л.В. Черепнина. – М., 1976. – С. 153–157.

Исаев – Исаев, М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов /М.А. Исаев. – М., 2001.

Срезн. – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. – М., 1989.

Т.М. Николаева
Казань

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СЛОВООБРАЗУЮЩЕЙ МОРФЕМЫ В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Статья посвящена малоразработанному вопросу изучения языка поэзии первой трети XX века с точки зрения реализации его потенциальных возможностей с помощью словообразовательных средств. Показана роль морфемы (основы и служебных аффиксов) в этимологической регенерации и оживлении внутренней формы слова, в передаче экспрессии, метафоризации и создании художественного образа, в организации гармонического текста в целом.

Ключевые слова: морфема, словообразовательные средства, экспрессивная функция, художественный образ.

The article is devoted to the little-studied issue of poetic language' learning of the first third of the XX century, in terms of realizing its potential by means of word-building. The role of morpheme (affixes and base) in the etymological regeneration and revitalization of the inner form of the word, in the transfer of expression, metaphorization and creation of the artistic image, in the organization of harmonic text in the whole.

Key words: morpheme, word means, expressive function, artistic image.

Начало исследований морфем как средств выразительности связано, прежде всего, с именами Л.В. Щербы [Щерба 1957] и Р. Якобсона [Якобсон 1975, 1987]. Об использовании словообразующих аффиксов, выполняющих эстетическую функцию, Л.В. Щерба писал: «Это своего рода «грамматика поэзии» [Щерба 1961: 132].

Отдельные аспекты изучения словообразовательной морфемы в указанном ракурсе рассматривались в трудах В.В. Виноградова [Виноградов 1980], Г.О. Винокура [Винокур 1959], Е.А. Земской [Земская 1965, 2000], В.В. Бенке [Бенке 1979], Л.П. Черкасовой [Черкасова 1975], К.Э. Штайн [Штайн 1996] и др.

Однако перечисленные работы не создают убедительной картины функциональной значимости словообразующей морфемы. Обратим внимание, что речь идет о ее экспрессивной функции – ключевом понятии для данного исследования, которое требует своего уточнения, т.к. в научной литературе по этому поводу нет единого мнения. До сих пор дискуссионными остаются понятия экспрессивность – эмоциональность – оценочность – коннотация – интенсивность. Не углубляясь в анализ многочисленных взглядов [Галкина-Федорук 1958 и др.], считаем возможным ограничиться высказыванием своей точки зрения по поводу номинации «экспрессивность».

На наш взгляд, экспрессивность – целенаправленное отступление от нейтрально-нормативного способа выражения содержания, от стандарта. Это совокупность сознательно применяемых актуализирующих выразительных средств, способствующих созданию художественного образа, выделяющих его из ряда других и вызывающих эмоциональную реакцию читателя. Воздействие может быть оказано при помощи эмоциональной и коннотативно-оценочной окраски элементов, стилистической маркированности – всего того, что способствует автору, «окрасив мысль собственной убежденностью, сделать ее захватывающей... окрасив призыв собственной страстностью, сделать его вербующим... окрасив воображение собственным восхищением, сделать его зримым для читателя» [Майданова 1987: 67].

Экспрессивная направленность может осуществляться при использовании разнообразных средств, среди которых наименее изученными являются словообразовательные. Вместе с тем исследования подобного рода представляют несомненную значимость, ибо, «став объектом авторской рефлексии... морфемы получают статус действенных элементов в художественном тексте» [Григорьев 1979: 54]. Сказанное позволяет утверждать, что изучение функциональной специфики морфемы, актуализирующей поэтическое слово, с привлечением фактов исторического словообразования, грамматической лексикологии, с учетом взаимодействия морфологического и семантического способов словопроизводства, стилистической нюансировки, экстралингвистических факторов должно стать одной из основных задач лингвистического анализа поэтического текста.

На материале поэзии первой трети XX века попытаемся показать эстетическую функцию служебных морфем (суффикса, префикса, конфикса), акцентируя внимание как на общих, наиболее типичных, так и на индивидуально авторских приемах их использования.

Имена с нулевыми морфемами обнаруживают в поэзии большой спектр сочетаемости с разнообразными атрибутами, в результате каждая вновь возникшая синтагма приобретает окказиональное звучание. Так, у А. Ахматовой бред а) *предсмертный* (состояние страстной, исстрадавшейся души), б) *страшный* (тягостное оправдание разлюбившей женщины перед влюбленным), в) *тюремный* (бесчеловечное, не похожее на истинную жизнь бытие), г) *жгучий* (опьяняющее состояние забвения), д) *неповторимый* (признание в любви). В результате замены продуктивного аффикса нулевым обнажается внутренняя форма слова и восстанавливается ее генезис: *дых* [Цветаева (далее – Цвет)], *близь* [Паст], и т.п.

В поэзии находит яркое подтверждение тенденция к развитию именами нулевой суффиксации вторичных – предметных значений, что проявляется: а) в олицетворении неодушевленных абстрактных существительных: «*Ступай, душа, бреди, несовершенный дух!*» [Ходас]; б) в образовании существительными *singularia tantum* форм множественного числа: «глуби», «непогоды» [Паст]; в) в рифмовке абстрактных производных с конкретными непроизводными: «*пиром – гарниром*» [Черн]; г) в использовании нулевых имен в синтаксической конструкции с винительным объекта (места): «*как были те выходы в тишь хороши! Безбрежная степь, как марина, Вдыхает ковыль, шуршат мураши, И плавает плач комариный*» [Паст]; д) во введении синонимов, в роли которых выступают непроизводные, чередующиеся с производными (и наоборот): «*Дождь смочил Лак экипажей, деревья в трепет*» [Паст]; е) «опредмечиванию» подвергаются абстрактные имена, находясь в сравнении или в соседстве с конкретными: «*Боль, как пятна с башлыков, выводил*» [Паст].

Иногда выступающая в качестве производящей атрибутивная нейтральная основа может включать в синонимический ряд окказиональные производные: «*И воспою ли твою всю удаль, страсть и волю... Лист чутся сквозь веток голь*» [Сев].

Имена нулевой суффиксации обладают большой склонностью к восстановлению утраченных значений, что сказывается на поэтической реставрации древней синкретичности лексем. У Саши Черного: «*Книжный клоп, давясь от злобы, Раз устроил мне скандал*». Словообразовательный и семантический синкретизм существительного *злоба* определяется совмещением процессуального значения (злобствовать) и семантики абстрактного признака (злобный). Абстракция производного подтверждается синтаксической конструкцией, включающей родительный с предлогом «*давясь от злобы*», в которой могут участвовать только абстрактные имена: «*давясь от смеха, зависти, ненависти*» (ср.: «*давясь хлебом, слюной, пищей*»).

Иногда автор сам подчеркивает двойную функцию имени: «*Когда какой-то брод в груди И лошадью на броне В нас что-то плачет: пощади. Как лошади отродье*» [Паст]. Использование автором лексемы *брод* в абстрактном и конкретном значении (процессуальность – движение чувств, передающее мрачное состояние, и объектность – мелкое место реки и озера) приводит к тому, что указанные значения перекликаются, взаимодействуют, обнажая этимологическую общность и функциональную двойственность, одновременно создавая образ грусти и одиночества. В авторских словах

реализуется то, что в генезисе слова существовало как потенция развития в будущем.

К приемам поэтического мастерства можно отнести и замену нейтрального непроизводного семантическим синонимом-дериватом, используемым для большей художественной выразительности. В текстах ахматовских стихотворений часто проводится замена существительного *небо* производным *твердь* в этом же значении, которое, как правило, рифмуется с лексемой *смерть*: «*Не спасешься от дали кровавой, Что земным предназначила твердь. Но молчи: несравненное право – самому выбирать свою смерть*» [Гум]. *Твердь* – небо, используемое поэтами в стихотворениях о любви, природе, войне, – это нечто мистическое, чаще всего – жестокое, враждебное, безжалостное.

Имена с материально невыраженным аффиксом предпочитают авторами при использовании приема «перечислительного присоединения», нанизывания однотипных образований, благодаря чему осуществляется эмоциональный накал, создаваемый крещендо: «*Занавес – мой – занавес! Мурземецкий мой отрез! Часть – рябь – слепь – резь! Мне лица не занавесь!*» [Цвет]. При этом ярко выраженная динамика может нейтрализовать контекстуальную противопоставленность нулевых имен, делая их равноправными элементами одного семантического поля: «*Шрифт, штрихи, заказы, сказки, ложь и правда, бред и гнус*» [Черн].

Согласно указаниям нормированных грамматик, возможность образований имен на *-ость* – приоритет так называемых «качественных» прилагательных. Эта установка нарушается поэтами: «*И слова пламенная ковкость*» [Мандельштам (далее – Манд)]. Подобные «незаконные» образования – обязательный атрибут изучаемой поэзии, являющийся приметой поэтического мастерства авторов. Язык поэзии также оказывает сопротивление рекомендациям нормативов в отношении субъективно-оценочных лексем, которым не предписано быть образованными от так называемых «относительных» прилагательных: «*Гнилая сырость вывела в углу Сухую изумрудненькую плесень*» [Черн].

Самые активные носители эстетико-экспрессивных функций – префиксы: «*Все расхищено, предано, продано, Черной смерти мелькало крыло. Все голодной тоскою изглодано. Отчего же нам стало светло?*» [Ахм]. Поэтесса использует краткие формы причастий, образованных соответственно от непроизводного с точки зрения сегодняшнего дня глагола *расхитить* и двух производных глаголов, строящихся по модели и имеющих одну производящую основу – *дать* с противоположными значениями: потерять и обогатить. Благодаря приставкам указанная энантиосемичность и

разная семантическая наполненность глаголов нейтрализуется, «*предано-продано*» объединяются общей идеей растраты, лишения, опустошения, образуя синонимический ряд, в который включается и опрошенная лексема *расхищено*, переживающая благодаря контексту процесс редеривации, происходит ее возвращение к исторической производности. Общей идее синонимического ряда способствует краткая форма причастия *изглодано*, создающая иллюзию корневого повтора (прием паронимической аттракции: *проДАНО, изглоДАНО, преДАНО*). На фоне трагической картины физической и моральной опустошенности диссонансным кажется мажорное звучание последней строки с логическим и композиционным центром – *светло*, символизирующим начало другой, счастливой жизни. Эта внешне противоречивая картина создается поэтессой целенаправленно, благодаря указанному приему находит художественное воплощение библейский мотив «*per aspera ad astra*» – через страдания, тернии, – к звездам, к свету.

Наиболее распространенным поэтическим приемом является повтор приставки, который интенсифицирует действие. У Вл. Ходасевича: «*Ты темная пришла издалика Забыть, застыть у светлой колыбели*». Повтор приставки акцентирует внимание на основе, заставляет слово пережить обновление, восстановить древнее звучание основы *быть*, выражающее постоянство существования, что перекликается с семантикой глагола *застыть* – быть неизменным. Подобная семантическая адекватность приводит к авторской синонимии.

Неоднократное повторение приставки может привести к тому, что она становится композиционным остовом, стержнем, на который нанизываются строфы: «*Размякло и раскисло и размокло, От сырости так тяжело вздохнуть*» [Ходас]. Префикс *рас-(раз-)* подчеркивает сближенность значений разных в узуальном языке глаголов *мякнуть, киснуть, мокнуть*, подвергшихся метафоризации и создающих общую картину серого и тоскливого дня. Цепь подобных глаголов остается незамкнутой. Экспрессивность звучания создается трехкратным повторением префикса, в результате чего значение приставки становится весомее, по сравнению с производящей основой, активизация префикса влечет за собой нейтрализацию, нивелировку мотивирующего слова.

Исследования экспрессивной функции приставочной морфемы имеют чрезвычайно широкий аспект, включающий такие авторские приемы, как: 1) соположение разнокоренных и разнопрефиксальных лексем, создающих антитезность явлений: «... *где, восходя и ниспадая, Мой дух страдает и живет*» [Ходас]; 2) использование префикса в демонстрации действия, идущего крещендо, которое нейтрализуется лексемой, противопоставленной

предыдущим глаголам этого ряда: «*Покачивает, раскачивает, Как будто дитя укачивает*» [Цвет]; 3) употребление префикса-омонима, создающего окказионализм: «*Что все на свете он переиначит, Что Пастернака перепастерначит*» [Ахм]; 4) участие разнопрефиксальных образований для создания контраста: «*Это слепящий выход на форум Из катакомб, безысходных вчера*» [Паст] и др. Все эти аспекты требуют дальнейших изысканий.

Привлекают внимание случаи функционирования различных приставок, оформляющие стилистически маркированные производящие основы: «*Ночью Муза слетит утешать, А на утро притащится слава Погремушкой над ухом трещать*» [Ахм]. Тем самым автор показывает свое неоднозначное отношение к музе и славе не только нейтральным *летать* и просторечным *тащиться*, не только орфографической противопоставленностью: *Муза – слава*, но и выбором приставок: не *прилетит*, а *слетит* – спустится с небес. Отсюда – подчеркнутая антонимичность как процессов – глаголов движения, так и характеристики отношения автора к Музе – утешительнице, вдохновительнице и славе – явлению переменчивому, непостоянному, преходящему.

Еще один пример создания экспрессивного образа – объединение в контексте одноприставочных, семантически идентичных, но стилистически различающихся образований: «*Белый оскаленный клык В небо ощерить и взвыть...*» [Ходас]. Несмотря на морфологические различия, очевидна тождественность семантики отглагольного причастия *оскаленный* (оскалить) и глагола *ощерить*. Префикс *о-* актуализирует значение, свойственное обеим лексемам: «обнажить, показать зубы». Объединение в одном контексте двух семантических вариантов не случайно: тем самым автор акцентирует внимание на их этимологическом родстве. Согласно словарю М. Фасмера, *оскалить* и *ощерить* (диалектное) сводятся к общему этимону *скала*. Подобная семантическая и этимологическая адекватность усиливает звучание строфы, в которой слышится предельное отчаяние, безнадежность. Это впечатление подчеркивает глагол *взвыть*, характеризующий вой животного, но в стихотворении происходит перенос значения из сферы действия животных в сферу действия и поведения человека – «прийти в состояние ужаса, отчаяния». Подобное ассоциативное сближение усиливает эмоциональность картины, способствует более образному выражению желаний физически проявить свои чувства. Префикс *вз-* в данном случае придает образу большую динамичность, «взрывность», кульминационность.

Нередко префикс *воз-* у поэта выполняет стилистическую функцию, восстанавливая древнейший приставочный параллелизм исконно русской

морфемы *вз-* и церковнославянский *воз-*: «*Высоких слов она не знает, Но грудь бела и высока И сладострастно воздыхает Из-под кисейного платка*» [Ходас]. Напыщенную важность, возвышенность героини передает устаревшая форма глагола «воздыхает», осложненная церковнославянским *воз-*. В употреблении автором этой приставки выражено внешнее противопоставление двух сфер человеческого мира: духовного и физического. Величие, духовную красоту героини поэт подчеркивает физическими достоинствами, употребляя стилистически маркированный префикс, придающий нейтрально звучащим строкам оттенок высокопарности.

Значимость приставки может быть подчеркнута самим автором, употребляющим словообразующую морфему как самостоятельную лексему: «*Перешагни, перескочи, перелети, пере- что хочешь – но вырвись: камнем из пращи, Звездой, сорвавшейся в ночи...*» [Ходас].

Включение в один словообразовательный ряд глаголов с производящей основой, выражающей разную степень интенсивности действия, которые построены крещендо, наполняет строки глубоким психологизмом и возрастающей эмоциональностью: от нейтрального *перешагни* через стилистически окрашенное *перескочи*, ирреальное *перелети* до несвойственного словообразовательному типу окказиональное сочетание *пере- что хочешь*, которое становится интонационным и семантическим центром строки, выражающим общую для всех трех глаголов идею: преодолеть преграду любыми средствами, любым путем. Эта мысль конкретизируется автором в следующей строке: «*Но вырвись...*».

Поэтический язык раскрывает роль конфикса как средства актуализации поэтом слова. Иногда при этом обнажается сам процесс конфиксальных образований, на что обращает внимание автор: «*Так вглатываются в глоток... Вшептываются в шепот... Так влюбляются в любовь... Впадываются в: падать*» [Цвет]. Перед нами – сочетание конфиксальных глаголов с предложно-падежными существительными – «древнейший вид оформления синтаксической связи глагола с существительным» [Зубова 1989: 19]. Эту языковую закономерность последовательно проводит М. Цветаева, нарушая ее тем, что на месте существительного с предлогом оказывается глагол, выполняющий функцию дополнения. Подобный языковой сдвиг: переход от узувального функционирования глагола к окказиональному практически незаметен – настолько продуктивна данная модель создания конфиксальных образований.

Наблюдения над словообразовательными процессами в языке поэзии Серебряного века дает возможность показать значимую роль морфемы в

этимологической регенерации лексемы и оживлении внутренней формы, в антитезности явлений, общей динамике, метафоризации и создании художественного образа, в том числе – окказионального.

Библиографический список

- Бенке В.В.* Экспрессивные возможности словообразовательных морфем // Некоторые аспекты изучения грамматического строя. – Алма-Ата, 1979.
- Виноградов В.В.* О языке художественной прозы. – М., 1980.
- Винокур Г.О.* Об изучении языка литературоведческого произведения // Избранные работы по русскому языку. – М., 1959.
- Галкина-Федорук Е.М.* Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958; Экспрессивность на разных уровнях языка // Сборник статей. Новосибирск, 1984;
- Лукьянова Н.А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления. – Новосибирск, 1986 и др.
- Григорьев В.П.* Поэтика слова на материале русской поэзии. – М., 1979.
- Земская Е.А.* Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия. Институт русского языка РАН. – М, 2000.
- Зубова Л.В.* Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект. – Л., 1979.
- Майданова Л.М.* Очерки по практической стилистике. – Киев, 1987.
- Черкасова Л.П.* Наблюдения над экспрессивной функцией морфемы в поэтическом тексте // Развитие современного русского языка. – М., 1975.
- Штайн К.Э.* Морфема в гармонической организации поэтического текста // Русский текст. – 1996. – № 4.
- Щерба Л.В.* Литературный язык и пути его развития // Избранные работы по русскому языку. – М., 1957.
- Якобсон Р.* Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Поэтика. Труды Международной конференции по вопросам поэтики. – Варшава, 1961.
- Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика. – М., 1975.

Н.С Разинкина
Саратов

**МИЛИТАРНАЯ МЕТАФОРА
В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(На материале СМИ первого десятилетия XXI века)**

В статье анализируется концептуальная милитарная метафора в современном политическом дискурсе, ее регулярность и преемственность.

Ключевые слова: *концептуальный, современный, метафора, фрейм.*

The article analyzes the conceptual metaphor of war in modern political speech, its regularity and continuity.

Keywords: *conceptual, modern, metaphor, frame.*

Милитарная метафора – одна из традиционных концептуальных метафор политического дискурса. Одними из первых военную метафору упоминают в своей работе «Метафоры, которыми мы живем» М. Джонсон и Дж. Лакофф. Впоследствии эта концептуальная модель стала объектом пристального внимания исследователей: в российском политическом дискурсе последнего десятилетия XX в. [Баранов, Караулов 1991, 1994; Чудинов 2001 и др.], в политическом дискурсе начала XXI в., в том числе и зарубежном [Солопова 2006; Будаев 2008; Будаев, Чудинов 2008; Чудинов 2008 и др.]. По мнению В.З. Демьянкова, политический дискурс, чтобы быть эффективным, должен строиться в соответствии с определенными требованиями военных действий [Демьянков 2003].

Среди милитарных метафор, функционирующих в политическом дискурсе, особое место занимает метафорическая модель со сферой-мишенью «Война». В данной статье рассматриваются особенности реализации и функционирования этой модели в современных СМИ.

В качестве материала для исследования использовались печатные и электронные тексты следующих периодических изданий: «Российская газета» (издание правительства РФ), «Новая газета», «Правда» (печатные орган КПРФ), – в период с 2000 года по 2012 год включительно.

Теоретической основой нашего исследования является теория концептуальной метафоры, разработанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном как одного из направления когнитивной лингвистики. В рамках этой теории метафоризация понимается как взаимодействие двух структур знания – структуры цели и структуры источника. Как правило, область источника – это более конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью. Сфера цели – менее ясное, менее конкретное, менее определенное знание [Баранов 2003: 75]. Концепту-

альная метафора – «устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества» [Баранов 2004: 11]. При описании концептуальных метафор используется понятия метафорической модели – существующее в сознании носителей языка типовое соотношение семантики находящихся в отношениях мотивации первичных и вторичных значений, являющиеся образцом для возникновения новых метафор [Чудинов 2001]; а также понятия фрейма и слота: если фрейм, по определению В.З. Демьянкова, Е.М. Кубряковой, А.П. Чудинова, представляется как фрагмент наивной языковой картины мира, то слот, являясь частью фрейма, конкретизирует какой-либо его аспект.

В языке СМИ первого десятилетия XXI в. регулярно употребляются политические метафоры, образованные по метафорической модели «Российская действительность – это непрекращающаяся война». Охарактеризуем фреймо-слотовую структуру современной военной метафоры.

Фрейм 1. «Война и ее разновидности». В современном политическом дискурсе ведутся многочисленные и разнообразные войны: *с бедностью, безработицей, коррупцией, преступностью, «газовая» война, информационная, а также «молочная», «сахарная»* и т.д. Например: *Кроме того, Кадыров объявил **войну коррупции и кумовству**. Он заявил, что никому не позволит воровать, расхищать государственные средства, наживаться на горе народа* (РГ № 4015 2006); *В Белоруссии грядут президентские выборы, и Москва, мол, в преддверии этого события хотела бы ослабить позиции не любимого ею Лукашенко. Если это так, наивный расчет: "суверенная демократия" укоренилась у соседей куда прочнее, чем даже у нас, и нынешний президент пребывает вне конкуренции. **"Газовая война"** не то что не ослабила, а, напротив, укрепила его позиции и сплотила народ* (РГ № 5221 2010); *К примеру, чиновников в стране стало намного больше, а **война с бедностью** обернулась увеличением числа отечественных миллиардеров* (НГ № 15 2008).

Войны, которые ведет левая оппозиция, как правило, имеют социальную и идеологическую направленность: *Такой вот международный **фронт** защиты попираемых прав рабочего человека* (Пр. КПРФ № 011 2009); *Происходящее на политической кухне власти свидетельствует: правящий режим будет защищаться всеми доступными средствами и способами. **В идеологической войне с КПРФ он не оставит попыток разрушить её, размыть её идейное единство*** (Пр. КПРФ № 70 2010).

Политические войны ведутся, как правило, на два фланга: *У каждой партии есть свой любимый праздник. Так, **на правом фланге** чтут новые даты, введенные в 90-е годы, например, День независимости 12 июня. **Левый фланг** аккуратно отмечает советские праздники. Все вместе - правые, ле-*

вые и центристы - прекращают свою политическую деятельность под Новый год, и в это время становится ясно, что и партийцам ничто человеческое не чуждо (РГ № 4214).

Показательным является создание таких движений, как Объединенный гражданский фронт и Общенациональный народный фронт. С одной стороны, вынесенный в названия общественных объединений военный термин призывает к сплочению и решительным действиям, но вместе с тем активизируются векторы тревожности и опасности.

Фрейм 2. «Организация военной службы».

Слот 2.1. «Воинские подразделения». Из метафор, входящих в данный слот, в языке современных СМИ распространена лишь метафорическая номинация – *армия*: *Если подобная тенденция сохранится, к концу года **армия безработных** в стране достигнет 8,5—9 млн. человек* (Пр. КПРФ № 024 2009); *Перед бюрократической машиной мэрии, у которой под контролем управляющие компании и солидная **армия бюджетников**, стоит задача провести своих кандидатов в представительный орган власти* (РГ № 4529 2007); *Уже сейчас частным управляющим компаниям, которые противопоставили себя еще государственным ДЕЗам и МУПам, активно мешает **армия** маленьких и вредных местных чиновников* (НГ № 21 2007). Традиционно метафора армии обозначает большое объединение людей.

По-прежнему каждая политическая партия имеет свой штаб: *«**Штаб**» новой партии располагается в Белом доме* (НГ № 87 2004); *Секретарь президиума генсовета Вячеслав Володин, курирующий работу **избирательного штаба** партии, потребовал от сторонников более активной деятельности в ходе предвыборной кампании* (РГ № 5183 2010). Политические объединения также обозначаются как *спецназ*, реже как *партизанский отряд*: *Рогозин: "У нас был шанс продолжать рассматривать Путина как сложного партнера и на этих выборах оказать ему условную поддержку, тем более что сам Путин был заинтересован в появлении **политического спецназа**"* (РГ № 3402 2004); *"Родину" в ходе дискуссий даже сравнили с "**партизанским отрядом**, засланным в тыл врага, чтобы взорвать штаб и героически погибнуть", а Думе в ее новом составе все-таки дали шанс* (РГ № 3366 2003). Ярко выраженной негативной окраской обладает метафора *пятая колонна*: *Однако власти, чтобы оправдаться, необходимо как-то объяснить эти митинги. Пошли обкатанным путем: говорят, что протест был задуман некоей «**пятой колонной**» с целью подрыва цветущей демократии в нашей стране* (НГ № 02 2005) *И потому после первых, еще довоенных, сигналов Медведева о необходимых коррективах курса следующие прозвучали уже весной этого года, когда президент дал интервью негосударственной газете, встретился с право-*

защитниками, до того зачисленными чуть ли не в *"пятую колонну"*, выслушал альтернативные соображения по поводу антикризисных мер (РГ № 4906 2009).

Метафорические варианты слотов «Специализация воинов» и «Иерархические отношения военнослужащих» немногочисленны и малоупотребительны в современном политическом дискурсе. Время от времени на страницах СМИ вспоминают *о рядовых бойцах нашего общего дела* [КПРФ] (Пр. КПРФ № 70 2010); *о политбойцах, профессиональных борцах* (НГ № 15 2008, НГ № 83 2008), бойцах с коррупцией, чиновничьем произволом, с преступлениями, терроризмом, пиратством, криминалом и т.д. В словаре советизмов отмечается актуализация слова борец и возникновение новых сочетаний с ним [Козинец, Санджи-Гаряева 2009: 17].

Фрейм 3. «Военные действия и вооружение».

Слот 3.1. «Военные действия». Метафорические номинации этой группы обозначают разнообразные политические действия. Чаще всего идет речь о борьбе с терроризмом, коррупцией, бюрократией, преступностью, пробками, наркотиками, азартными играми, безработицей, браконьерством и т.д. Левая оппозиция традиционно борется с острыми социальными проблемами – *за права тружеников* (Пр. КПРФ 2009 № 001), *граждан с административным произволом и социальным грабежом* (Пр. КПРФ № 70 2010), *за социально-экономические права трудящихся и в целом за смену государственного курса, против антинародной политики* (Пр. КПРФ № 10 2007).

В эту группу также входят метафоры *атака, итурм, наступление, контрнаступление, дуэль, битва, бой, баталии, отступление, схватки* и др. Например, *Секретарю горкома Станиславу Чичаеву, сначала одному, а потом вместе с секретарями крайкома КПРФ Леонидом Голубом и Александром Громовым, пришлось отбивать "атаки" чиновников мэрии, управления внутренних дел, городской прокуратуры и "товарищей в штатском"* (Пр. КПРФ № 17 2009); *Утратив позиции в ведущей партии, команда опального мэра перешла в контрнаступление* (РГ № 4529 2007). В политическом дискурсе КПРФ нередко встречаются советские концептуальные метафоры: О газете «Правда»: *Газета, которой предназначено историей всегда быть на переднем крае борьбы* (Пр. КПРФ № 46 2007); *Горе-реформаторы исходят из того, что, чем быстрее вымрут ветераны, тем легче им будет проводить рыночные реформы. Эти "стратеги" глубоко ошибаются — законов классовой борьбы им не отменить* (Пр. КПРФ № 23 2007); *Честные оценки советского наследия — это мощный фактор в борьбе за будущее* (Пр. КПРФ 2010 № 70 2010) и под. Использование советского метафорического наследия

объясняется преимуществом коммунистической идеологии у сторонников КПРФ.

3.2. Виды вооружения и его использование. На политической войне в современном дискурсе востребованы такие виды оружия, как *фугас*, *мины*, *бомбы*, *снаряды*, *взрывпакеты*, *молот*, *орудия пытки*: *Референдум как детонатор* (заголовок) (РГ № 3384 2004); *В конце концов запрет на предвыборные манифестации – не лучший способ сохранить политическую стабильность. Подобный запрет может стать социальным детонатором* (РГ № 4279 2007); *Взрывпакет* законов (заголовок) (НГ № 2004); *Словарный фугас* (заголовок) (НГ № 71 2008). Оружие левой оппозиции традиционно: прежде всего, *остро отточенное слово правды* (*Нашим же оружием должно быть остро отточенное слово правды*) (Пр. КПРФ № 70 2010); а также в арсенале партии: *учебная литература, коммунистическая печать* (*С ленинских времен коммунистическая печать была и остается испытанным оружием партии*) (Пр. КПРФ № 69 2010); *правильные методы борьбы* (*Оппозиция вооружена правильными методами борьбы*) (Пр. КПРФ № 10 2007). Таким образом, участники политических баталий выбирают наиболее эффективные, с их точки зрения, средства борьбы.

4. Фрейм «Начало войны и ее итоги».

4.1. Мобилизация и демобилизация. В современном политическом дискурсе традиционно используется термин *мобилизация* в значении «призыв, привлечение кого-л. для выполнения каких-л. задач, имеющих существенное значение для кого, чего-л» / «привлечение чего-л. в значительном или полном объеме, обеспечивающем выполнение важных, значительных задач». Чаще всего призывы к мобилизации звучат на страницах официальной прессы: *Губернаторская мобилизация* (заголовок) *За это время глава государства смог еще раз оценить всю схему и сделал вывод - процедуру надо мобилизовать* (РГ №5000 2009); *Мобилизация интеллекта* (заголовок) (РГ № 4229 2006); *Очередная мобилизация. Митинги и шествия, приуроченные к празднику 23 февраля и к последнему выходному перед выборами президента, проводятся сторонниками почти всех участников предвыборной гонки* (РГ № 5711 2012); *Аграрный сектор области объявил финансовую мобилизацию* (РГ № 4632 2008). Регулярно мобилизует свои усилия и КПРФ. Варианты метафор этого слота в коммунистической печати традиционны: *В числе первоочередных мер — мобилизация ресурсов аграрного сектора к весенним полевым работам* (Пр. КПРФ № 29 2009); *Председатель ЦК КПРФ Геннадий Зюганов. Были мобилированы все партийные силы и средства, подчеркнул Геннадий Андреевич* (Пр. КПРФ № 15 2007).

Метафора демобилизации практически не востребована в современном политическом дискурсе (в РГ и Правде КПРФ эта метафора неактуальна), а НГ отмечает, что *каждый политбоец мечтает о достойном и регулярном вспомоществовании, без которого ему грозит неминуемая демобилизация* (НГ № 15 2008).

4.2. Начало и завершение военных действий. Метафоры этого слота актуализируются, как правило, в преддверии выборов и угасают вскоре после подведения итогов голосования: *Считаю, мы не просто **приняли бой** от “Справедливой России”, но и в целом по стране одержали в нем на данном этапе победу* (Пр. КПРФ № 15 2007); *Путин **выиграл бой** с тенью. И как можно гордиться победой в фактически безальтернативных выборах?* (НГ № 92 2007); *Что же касается выборов 2007 года, то уже сложившаяся тенденция чередований **побед и поражений** правого движения в России и успешное начало этого политического сезона позволяют надеяться: вне зависимости от успехов и неудач политических лидеров идеи свободы и демократии в России были и будут востребованы* (РГ – Фед. выпуск № 3603 2004).

5. Фрейм «Воинские символы и атрибуты». Основным воинским символом в современном политическом дискурсе выступают марши (антифашистов, несогласных, русский марш, марш миллионов, марш свободы): *Одним из главных методов публичной деятельности коалиции стали **марши несогласных*** (НГ № 34 2009); *“**Марш миллионов**”, состоявшийся в минувшую субботу, показал сразу несколько качественных признаков протестного движения в новом политическом сезоне* (РГ № 5886 2012). Со страниц прессы исчез символ советского Союза – знамя труда, но по-прежнему под флагами партий работают политики и политические объединения, нередко под флагом маскируются истинные цели и намерения. Метафора *под флагом* регулярно употребляется на страницах коммунистической печати: *Как известно, начиная с 2003 года ФМС вела проверку законности приобретения российского гражданства. Надо полагать, **под флагом борьбы с коррупцией**.* (РГ № 5122 2010); *Если идеи института Гайдара будут реализоваться, есть опасность, что **под флагом кризиса** начнут оказывать общественное давление, чтобы открыть весь военный бюджет* (Пр. КПРФ № 045 2009). В результате семантических изменений в слове *флаг*, употребляющегося в роли предлога (*под флагом*) актуализируется значение «под видом», «прикрывая чем-нибудь свои истинные цели, намерения».

Наблюдения над военной метафорой на страницах печатных изданий разных политических направлений, сравнение функционирования этой модели в советском и постсоветском периодах позволяют сделать следующие

выводы: военная метафора по-прежнему востребована в политическом дискурсе, но модель не остается статичной: метафорическая модель ВОЙНЫ по сравнению с советским периодом русского языка и периодом перестройки становится менее структурированной (утрачивают актуальность метафоры отдельных слотов (например, «Специализация воинов», «Иерархические отношения военнослужащих» и др.); набор военных метафор в политическом дискурсе разных партий примерно одинаков, но каждое политическое движение наполняет модели метафор своим содержанием в соответствии с политическими взглядами: в политическом дискурсе КПРФ, более насыщенном военными метафорами, наблюдается преемственность «советских» военных метафор, что объясняется идеологическими причинами, в «Российской газете» преобладают традиционные, не вызывающие сильных эмоциональных всплесков метафоры, специфика «Новой газеты» заключается в обыгрывании «советских» метафор, за счет чего усиливается их экспрессивность. Таким образом, как показывает материал современных печатных СМИ, регулярность военной метафоры в политическом дискурсе свидетельствует об укорененности военных образов в национальном сознании, доминировании агрессивного сценария разрешения политических конфликтов и разногласий.

Библиографический список

- Баранов А.Н.* О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания – 2003 – № 2. – С. 73-94.
- Баранов А.Н.* Предисловие редактора / А.Н. Баранов // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004. – С. 7-21
- Будаев Э.В.* Военная метафорика в дискурсе СМИ. URL: <http://www.actalinguistica.com/arhiv/index.php/als/article/download/121/131>
- Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации // Политическая лингвистика. – 2008. – № 3. – С. 37-38.
- Демьянков В.З.* Интерпретация политического дискурса в СМИ. URL: <http://evartist.narod.ru/text12/09.htm>
- Козинец С.Б. Санджи-Гаряева З.С.* Словарь советизмов. Наименования лиц: Пробный выпуск. – Саратов: ИЦ «Наука», 2009.
- Солопова О.А.* Метафорическое моделирование образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России (2003 год) и Великобритании (2001 год): автореф. Дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2006.
- Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm>
- Чудинов А.П.* Российская политическая метафора в начале XXI века / А.П. Чудинов // Политическая лингвистика. – Вып. 1(24). – Екатеринбург, 2008. – С. 86-93.

С.А. Хромова
Саратов

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИГРА
В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ЕВГЕНИЯ ЛУКИНА
(На материале сборника «Чертова сова»)**

В статье рассматриваются структурные особенности и функционирование индивидуально-авторских неологизмов, созданных писателем и поэтом Евгением Лукиным.

Ключевые слова: словотворчество, словообразовательная модель, окказиональное слово.

The article is devoted to the structural peculiarities and functions of the author's neologisms created by the writer and poet Evgeny Lukin.

Key words: word creation, word-formation pattern, occasional word.

Евгений Лукин более всего известен как писатель-фантаст. В фантастических повестях и рассказах он реализовал себя как активный словотворец. Однако Е. Лукин является и автором поэтических произведений, в которых также активно использует приемы словообразовательной игры. Об этих приемах и пойдет речь в статье.

Для начала выскажем несколько замечаний по поводу специфики поэтических текстов Е. Лукина и понятия словообразовательной игры, поскольку это ключевые для содержания статьи моменты, требующие отдельного пояснения.

Е. Лукин – автор стихотворений, которые охватывают период конца 80-х гг. XX века – начала XXI века (название анализируемого сборника «Чертова сова» конкретизируется самим автором как «стихи разных миллениумов»). Как мы знаем, это сложный и весьма неоднозначный период в истории России, потому неудивительно, что многие поэтические произведения Е. Лукина проникнуты чувством горечи и боли за свою страну. Стихотворения Е. Лукина, как правило, небольшие по объему (чаще всего это катрены, реже – восьмистишия), нередко отличаются афористичностью. Такая специфика поэтического текста предполагает особое внимание его автора к слову.

Словообразовательная игра является важной составляющей творчества Е. Лукина. Под словообразовательной игрой нами понимается разновидность языковой игры, связанная с переосмыслением словообразовательных ресурсов языковой системы. Словообразовательная игра включает в себя спектр приемов: «1) создание новообразований – окказиональных или потенциальных слов (индивидуально-авторское словотворчество); 2) концентрацию на небольшом пространстве текста одноструктурных или однокоренных слов; 3) актуализацию контраста между морфемами или моделью и ее наполнени-

ем; 4) изолированное употребление аффикса; 5) псевдовосстановление производящей основы; 6) субституцию и вставки» [Николина 1999: 338].

Анализ фактического материала показывает, что Е. Лукин в своих поэтических текстах применяет разные приемы словообразовательной игры. Наиболее часто автор использует создание одиночных новообразований, концентрацию на небольшом пространстве текста одноструктурных или однокоренных слов, а также актуализацию контраста между морфемами. Есть и случаи псевдовосстановления производящей основы. Эти приемы нередко действуют в комплексе, и такие случаи будут нами отмечены специально.

1. Создание новообразований – окказиональных и потенциальных слов (индивидуально-авторское словотворчество).

В текстах стихотворений Е. Лукина в целом встречается немало индивидуально-авторских новообразований, которые, в основном, можно квалифицировать как потенциальные слова, поскольку они создаются (за редким исключением) без отклонений от языковых словообразовательных моделей. Если брать конкретные тексты, в которых эти новообразования функционируют, можно сделать о том, что Е. Лукин не склонен злоупотреблять окказионализмами: в одном поэтическом тексте можно найти одно – максимум два – новообразования. В основном, они распределяются по высокопродуктивным словообразовательным моделям. Это суффиксальные существительные (*упырчик, упырек, поэттик, лилипутство, проститутство* и т.д.), сложные прилагательные (*коричнево-кукожист* (о листе, упавшем с дерева), *прозрачно-известковы* (о расколах льда), наречия с суффиксом *-о*, образованные от прилагательных (*белокрыло полыхая* (о грозе), *брызнули картечисто* (о республиках Советского Союза), суффиксальные и конфиксальные глаголы (*пролузгать, раскартавиться*). Формально из перечисленных новообразований только наречие *картечисто* может претендовать на то, чтобы рассматриваться как результат отклонения от словообразовательной модели, поскольку оно имеет лауну в словообразовательной цепи: *картечисто* ← [*картечистый*] ← *картечь*, да и то наличие лауны нейтрализуется высокой продуктивностью самого словообразовательного типа. Вместе с тем, соответствие нормам словообразования вовсе не лишает новообразование яркости, образности, метафоричности. Нельзя не согласиться с Н.Г. Бабенко, которая считает, что «эстетически значимое авторское речевое новообразование является достойным... описания вне зависимости от того, насколько близко оно к узусу, норме» [Бабенко 1997].

2. Концентрация на небольшом пространстве текста одноструктурных или однокоренных слов. Этот прием словообразовательной игры в текстах Е. Лукина часто связан с созданием новообразований: в его стихотворениях встречаются «каскады» одноструктурных слов, в которых есть как канонические слова, так и индивидуально-авторские новообразования. Вот один из таких примеров:

*О Боже мой, какие времена!
Я все прошляпил, пропил и пролузгал!..*

Префикс *про-*, имеющий в данном случае значение ‘израсходовать, истратить, утратить что-либо с помощью действия, названного мотивирующим глаголом’ играет важную текстообразующую роль. «Нанизывание» изоморфных глаголов (включая окказиональный), в которых повторяется префикс с одним и тем же значением, усиливает эффект воздействия на читателя: лирический герой говорит о растроченном понапрасну времени, за которым он не заметил, как *расползается страна* (в стихотворении речь идет о развале Союза).

Еще более яркий пример – стихотворение «Считалочка», которое включает в себя ряды однокоренных слов и повторы слов (*эгоист – эгоист эгоизм, карьерист – карьерист – карьеризм* и т.д.). При этом ряды слов включают в себя новообразования (суффиксальные – *лилипутство, проститутство*, десуффиксальное – *проститут*):

*Эгоиста эгоист
обвиняет в эгоизме.
обвиняет в карьеризме
карьериста карьерист,
педераста педераст
обзывает педерастом,
и цепляется к блохастым,
кто воистину блохаст,
лилипута липипут
обвиняет в липипутстве,
обвиняет в проститутстве
проститута проститут,
а который никого
никогда не обвиняет,
пусть отсюда линяет!
Чтобы не было его!*

Отметим здесь попутно то, что и предикативные части в этом стихотворении строятся по одинаковой схеме: кто-то кого-то обвиняет в том, что в полной мере свойственно ему самому: *эгоист эгоиста в эгоизме, карьерист карьериста в карьеризме* и т.д. Так в тексте дается авторское понимание гласности.

3. Псевдовосстановление производящей основы можно увидеть, например, в следующем тексте (стихотворение «Диалектика» приведенное полностью):

*Послушен мировым законам
И крупный люд, и мелкий атом.
Пока платили – был Платоном.
Как сократили – стал Сократом.*

Имена *Платон* и *Сократ*, являющиеся непроизводными словами, благодаря наличию в ближайшем контексте созвучных им слов *платить* и *сократить* получают новую словообразовательную интерпретацию: *Платон* ‘тот, кто платит’, *Сократ* ‘тот, кого сократили’. Благодаря этому меняется и само понимание мировых законов в тексте: современные «мировые законы» сводятся к попыткам человека удержаться на рабочем месте и не попасть под сокращение.

4. Актуализация контраста между морфемами отмечается в таких, например, случаях:

а) *Ах, упырчик!*

Пара крылышек легка.

б) *Самовлюбленный жадный упырёк,*

Что я творил! И что я говорил!

А Он меня не только уберег –

Он мне с тобою встречу подарил.

Слово *упырь*, по данным толковых словарей, имеет значение ‘то же, что и *вампир*’, под которым, в свою очередь понимается ‘в поверьях некоторых славянских народов – оборотень, мертвец, выходящий ночью из могилы, чтобы сосать кровь спящих людей; вурдалак’. Из всего того, что заложено в значении слова *упырь*, Е. Лукин берет только сему ‘кровососущий’. В первом примере *упырчиком* назван обыкновенный комар (стихотворение так и называется: «Комариное»). При этом присоединение к основе слова *упырь* уменьшительно-ласкательного суффикса *-чик* сводит на нет всю отрицательную коннотацию производящего слова.

Во втором примере слово *упырёк* образовано с помощью суффикса *-ёк*, который, помимо уменьшительно-ласкательного может иметь и уничижительное значение. Именно оно проявляет себя в контексте стихотворения. В нем *упырьком* называет себя сам лирический герой, подчеркивая тем самым, с одной стороны, самовлюбленность, желание брать от жизни все, ничего не давая взамен (*самовлюбленный жадный упырек*), а с другой стороны, свое ничтожество в сравнении с Богом, который подарил лирическому герою встречу с любимой женщиной, изменившей всю его жизнь. Именно теперь, повзрослев и обретя любовь, лирический герой оценивает свое прошлое и понимает, насколько он был глуп и эгоистичен. Отметим попутно, что мотив ничтожности (причем на фоне описываемого отчасти мнимой) лирического героя характерен для Е. Лукина, равно как и мотив «высасывания крови», особенно в контексте обессиливания страны, которую обворовывают, растаскивают на части (имеется в виду развал Союза). Это можно увидеть, например, по стихотворению «Отмахиваясь» (текст стихотворения приведен полностью):

Я вас не понимаю, комары!

Как будто в олигархах мало крови!

Летите к ним – и пейте на здоровье

*во имя комариной детворы...
Я уверяю: все они воры!
Ну что ж ты, гад, вцепился мне в надбровье,
моё надбровье... И твоё надгробье!
(Я принимаю правила игры.)*

Уничжительное значение проявляется и в индивидуально-авторском новообразовании *поэтик* (стихотворение «Генетическое»):

*«Утеплив лапотою онучкою,
Дед Ульян вершит пятилетку...» –
И поэтик прозрачной ручкою
Ударяет в грудную клетку.
И субтильная грудь поэтিকা
Проминается внутрь от стука...*

Слово *поэт* благодаря русской литературной традиции несет в своем значении сему избранности. Достаточно вспомнить противопоставление поэта и толпы у М.Ю. Лермонтова, восприятие поэта как мессии у А. Белого (см., например, «Рой отблесков. Утро: опять я свободен и волен...»). Присоединение к основе слова *поэт* суффикса *-ик* полностью убирает значение избранности: суффикс *-ик* в данном случае несет в себе уменьшительно-уничжительное значение, что подчеркивается словами *прозрачный* 'с тонкой, просвечивающей кожей', *ручка*, *субтильный*. При этом ничтожность *поэтিকা* все же связана не только и не столько с его внешностью (это в контексте стихотворения как раз вторично), сколько с теми виршами, которые он пишет.

Итак, словообразовательная игра является важной составляющей творчества Евгения Лукина. Е. Лукин использует разнообразные приемы словообразовательной игры, которые могут действовать в комплексе и придают выразительность нарисованным им художественным образам.

Библиографический список

- Бабенко Н.Г.* Оказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ. – Калининград, 1997.
Николина Н.А. Словообразовательная игра в художественном тексте //Язык. Культура. Гуманитарное знание: Научное наследие Г.О. Винокура и современность. – М., 1999. – С. 337-485.

Источники

- Книги* Любви и Евгении Лукиных. URL: <http://www.rusf.ru/lukin/> (дата обращения – 12.02.2013 г).

А.Л. Шарандин
Тамбов

МОРФЕМНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВА В АСПЕКТЕ ПАРАДИГМАТИЧЕСКОГО И СИНТАГМАТИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ¹

В статье представлен комплексный морфемный анализ слова с позиций парадигматически-синтагматического подхода. Парадигматическая составляющая анализа отражает морфологическую структуру анализируемого слова, а синтагматическая составляющая – его словообразовательную (лексическую) структуру. Приведена схема разбора с указанных позиций.

Ключевые слова: морфема, морфемный анализ, морфологическая структура слова, лексическая структура слова, парадигматика, синтагматика.

The paper presents an integrated approach to the morphemic analysis of the word from positions of paradigmatic-syntagmatic approach. The paradigmatic component of the analysis reflects the morphological structure of the analyzed word, and the syntagmatic component – its word-formation (lexical) structure. The analysis scheme from the specified positions is given.

Key words: morpheme, morphemic analysis, morphological structure of the word, lexical structure of the word, paradigmatics, syntagmatics

На наш взгляд, *морфемный анализ слова* представляет собой выявление и описание морфемной структуры слова *на базе определенных принципов морфологического и словообразовательного анализа*, позволяющих произвести членение слова на морфемы, определив их характер и установив отношения между ними в семантической структуре слова как целостной и самостоятельной единицы языка. *Опора на морфологию* позволяет учесть *парадигматический принцип* в выделении морфем, а *ориентация на словообразование* – *синтагматический принцип*. Поэтому в целом *морфемная структура слова отражает парадигматически-синтагматический подход к выделению морфем*.

Прежде всего, необходимо определиться в понимании слова как языковой единицы, подлежащей морфемному членению. На наш взгляд, необходимо помнить, что есть *слово и слово*. Есть *слово* как своего рода аналог того объекта действительности, обозначением которого он является, и есть **слово** как единица языка, включенная в коммуникативный процесс. В первом смысле мы имеем дело со словом как *семиотической единицей*, планом выражения которой является звуковая оболочка знака, а планом содержания оказывается его номинативное обозначение, знаковое содержание. Этот знак,

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ, Госконтракт № 16.740.11.0547

если он имеет непроеизводный характер, запоминается носителями языка как таковой, без отношения к его членению на морфемы.

Включение же слова как семиотической единицы в коммуникацию, представленную речемыслительными единицами (разного типа высказываний), в которых слово как номинативное обозначение предметов и явлений действительности получает языковое значение, позволяет слову в качестве номинативного знака реализовать свои функциональные речевые возможности, *изменить статус знака вообще на статус языкового знака* как единицы общения. И это изменение статуса слова сопровождается *соотносительностью языковой формы и значения*, т.е. слово становится единицей языка как коммуникативной знаковой системы [Шарандин 2012а]. С этой точки зрения примечательна позиция В.В. Виноградова, который писал: «Слова, взятые вне системы языка в целом, лишь в их отношении к вещам и явлениям действительности, служат различными знаками, названиями этих явлений действительности, отраженных в общественном сознании. Рассматриваемые только под этим углом зрения слова, в сущности, еще лишены соотносительности языковых форм и значений. Они сближаются друг с другом фонетически, но не связаны ни грамматически, ни семантически» [Виноградов 1972: 16].

С нашей точки зрения, *слово как языковая единица* – это фонетически и грамматически (морфологически и/или синтаксически) оформленный знак коммуникативной системы человека, связанный с отражением и выражением предметно-понятийной стороны действительности путем ее названия или указания на нее и участвующий в передаче аккумулированной информации на правах элемента высказывания расчлененного (членимого) типа.

В связи с этим определением слова особо хотелось обратить внимание на то, что слово, имеющее то или иное лексическое значение, грамматически оформлено. Речь идет именно о *русском* слове, о слове *в русском языке*, в связи с чем обращаем внимание и на следующее высказывание В.В. Виноградова: «В языках такого строя, как русский, нет лексических значений, которые не были бы грамматически оформлены и классифицированы. Понятие бесформенного слова к современному русскому языку неприменимо» [Виноградов 1972: 18]. Это значит, что когда мы определяем морфемную структуру русского слова, то тем самым *любую словесную структуру в русском языке, включенную в высказывание, мы характеризуем как имеющую грамматическую основу*. Поэтому в таких образованиях, как наречие, деепричастие, инфинитив, рассматриваемых как неизменяемых, мы, прежде всего, должны выделить грамматическую основу, которая выражает их частеречное значение, их статус в системе той или иной части речи. В них грамматическая основа совпадает со структурой слова в целом.

Следующее положение, значимое для морфемного анализа слова и определения его морфемной структуры, касается взаимодействия лексического и грамматического значений. Так, если мы признаем, что, например, наречие является частью речи, то тем самым признаем, что лексическое значение наречного слова (например, *здесь*, *сегодня* и т.д.) оформлено грамматически посредством признака неизменяемости, т.е. неизменяемость и есть грамматический признак, определяющий грамматическую основу, которая включает в себя часть, отражающую лексическое значение наречного слова. В словах типа *здесь*, *сегодня* грамматическая основа оказывается простой, производной (в смысле какого-либо словоизменения или формообразования) и совпадает с лексической основой. Что же касается лексической основы, то она может быть производной. В частности, такая основа представлена в качественных наречиях типа *весело*, *быстро* и т.д., которые обычно рассматриваются как результат словообразования, о чем свидетельствует, по мнению исследователей, выделение словообразующего суффикса *-о*. В деепричастиях же, например, *читая*, *неся*, в отличие от качественных наречий, грамматическая основа оказывается производной, поскольку включает формообразующий суффикс *-а* (я).

Будучи единым комплексом в структуре слова, лексическое и грамматическое значения могут быть в ходе анализа слова рассмотрены как самостоятельные сущности, имеющие свои структуры – морфологическую структуру слова, которая представлена грамматической основой, и лексическую структуру слова, представленную лексической основой слова.

Если морфологическая структура слова – это «родословная» одного знака во всех его грамматических видоизменениях, трансформациях, то лексическая структура производного слова – это «родословная», по крайней мере, двух знаков, вступивших в определенные отношения, порой неравные, поскольку лишь один знак сохраняет свой облик, другой выражается аффиксальной морфемой (ср.: *учитель* – тот, кто (-тель) учит). Но морфема и в этих случаях является показателем класса слов, только не грамматического, а ономаσιологического (лексического). Поэтому здесь важным оказывается квалификация тех или иных лингвистических категорий в качестве грамматических или ономаσιологических, поскольку члены грамматических категорий будут представлять формы одного слова, а члены ономаσιологических категорий – разные слова. Соответственно, их показатели будут входить в морфологическую структуру слова или в лексическую структуру слова.

Что же касается понятия основы, то основой слова должно быть слово. Но она может быть различной в грамматическом и лексическом планах. Основа может быть простой и сложной в грамматическом отношении (*учить* –

учили), а также может быть простой и сложной в лексическом отношении (*учить* – *учитель*).

В грамматическом отношении ее сложность проявляется в том, что основа слова включает в себя какие-то неисходные, полученные в результате трансформаций показатели (морфемы). В качестве неисходных показателей мы имеем, например, для глагола показатели грамматических значений наклонения, времени, залога, лица (рода) и числа. Что же касается грамматического значения вида, то его показатель – видовая основа [Шарандин 2011] – неразрывно связан с лексической семантикой слова и оформляет его лексическую основу в словаре, совпадая с лексической основой (*нести*) или не совпадая (*решать*). Лишенная сложности, основа слова предстает в лексическом виде, зафиксированном в словаре. Таким образом, *лексическая основа* – это *словарная форма*, или другими словами, непрямая (в смысле видоизменений и трансформаций) грамматическая основа.

Основное назначение словарного слова состоит в том, чтобы закрепить в сознании носителей языка предметно-понятийное содержание слова. Иногда ее также называют *начальной формой*. Именно словарная форма несет минимум грамматической информации, фиксируя ее пометами в структуре словарной статьи и не включая в лексическое (словарное) толкование слова. В этом смысле словарная форма оказывается своего рода *основой* для различного рода преобразований слова-лексемы в тексте. Именно в нем, функционируя в той или иной форме, слово несет уже больше информации, поскольку, взаимодействуя с другими словами, заполняющими текст, слово вступает с ними в те или иные отношения, вследствие чего словарная форма предстает в определенной морфологической форме. Все видоизменения, трансформации оказываются отмеченными в морфологической структуре слова посредством грамматических морфем, несущих информацию о реализации в тексте грамматических категорий. Именно в этом смысле текстовая форма слова несет больше информации, чем словарная форма, оказывается своего рода производной, неначальной. Сравнение их позволяет выделить текстовую информацию и средства ее выражения. Например, сравнивая текстовую форму *решили* в высказывании *Ученики решили эту задачу за десять минут* со словарной формой *решать*, можно выявить следующую текстовую информацию: сообщается, что действие *решать* совершали несколько лиц (больше, чем один), действие было в прошлом (произошло до момента речи), и оно было целостным, ограниченным внутренним пределом. Эта информация явилась следствием реализации глагольных грамматических категорий числа, времени и вида, что нашло отражение в морфологической структуре

словоформы *решили*, лексической основой которой является словарная (неопределенная) форма *решать*.

Парадигматическими показателями словоформы *решили* в рассматриваемом высказывании оказались флексия *-и*, суффикс *-л-*, видовая основа *реши-*, имеющая в своем составе беглый гласный *-и-* (ср. *решу*, *решишь* и т.д.), который является тематическим гласным, оформляющим глагольный класс.

В отношении существительного *учительница*, представленного, например, в высказывании *Молодой учительнице дети подарили букет красных роз* морфемный анализ будет выглядеть следующим образом. *Учительнице* – это словоформа ж.р., Дат.п., ед.ч. существительного *учительница*, которое употреблено в субъектном (объектном) значении. Показателями данных грамматических значений является флексия *-а*, т.е. *учительнице* → *учительница*. *Учительница* же представляет собой непроедную грамматическую основу, которая равна лексической основе слова и характеризует лексическое значение данного существительного: «женщина-учитель, лицо женского пола, которое обучает чему-н.».

Синтагматические показатели связаны с дальнейшим анализом словообразовательной структуры слова *учительница*. С этой точки зрения словообразовательная лексическая основа *учительница* оказывается производной и обнаруживает последовательную мотивацию со словом *учитель* (*учительница* – женщина-учитель), а то, в свою очередь, также имеет лексическую основу производную, которая связана отношением мотивации со словом *учить*. Данные словообразовательные этапы выражены лексическими морфемами: *-ниц-* и *-тель-*.

Что же касается лексической основы, представленной глаголом *учить*, то она имеет непроеданный характер. Таким образом, морфемная структура словоформы *учительнице* представлена флексийной морфемой грамматического типа и двумя суффиксальными морфемами, имеющими словообразовательный характер.

Итак, морфемный анализ слова в его связи с формообразованием (парадигматикой) слова и словообразованием (синтагматикой) (лексической структурой слова) предполагает два этапа. Первый этап связан с выявлением грамматической (морфологической) семантики в рамках морфологической структуры слова и средствами морфемного ее выражения; второй этап определяется связью с лексической структурой слова и морфемными средствами ее выражения. Границей между ними является выявление непроедного (в смысле грамматических трансформаций, видоизменений) характера основы

слова, что сигнализирует о переходе к анализу лексической структуры слова, представленной словарным словом [Шарандин 2012].

С учетом этого морфемный анализ слова может иметь следующую **схему разбора**.

1. Грамматическая основа слова и ее частеречное значение.
2. Характер грамматической основы: простая или сложная.
3. Грамматическая семантика, представленная в грамматической основе, и морфемные средства ее выражения: словоизменятельные, формообразующие.
4. Лексическая семантика слова и ее представление в толковании словарного слова.
5. Характер лексической основы: простая (непроизводная) или сложная (производная) лексическая основа.
6. Лексическая семантика и морфемные средства ее выражения.
7. Вывод: морфемная структура слова как отражение парадигматического (морфологического) и синтагматического (словообразовательного) аспектов анализа семантической структуры слова (словоформы).

Библиографический список

- Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о форме. – М., 1972.
- Шарандин А.Л.* К вопросу о показателе значения вида в морфемной структуре русского глагола // Актуальные проблемы современной педагогической лингвистики. Вып. 9. – Тамбов, 2011. – С. 6-12.
- Шарандин А.Л.* Актуальные и спорные вопросы русской морфемики. – Тамбов, 2012.
- Шарандин А.Л.* Сознание, язык и коммуникация как диалектическое единство // Когнитивные исследования языка. Вып. X11: Теоретические аспекты языковой репрезентации. – М.-Тамбов, 2012а. – С. 144-155.

Е.М. Шептухина, Т.А. Мешкова
Волгоград

ПРЕФИКСАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ СИНОНИМЫ С ВРЕМЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. ПРОКОПОВИЧА

Материалы статьи являются фрагментом исследования, посвященного выявлению закономерностей функционирования префиксальных глаголов синонимичных словообразовательных типов в произведениях Ф. Прокоповича. Установлено, что специфика реализации отношений синонимии связана со сферой выражаемых значений – пространственных, результативных, количественных и временных. Дифференциация словообразовательных синонимов с временным значением обусловлена не стилистическими, а семантическими особенностями словообразовательных компонентов в структуре глагольного слова, актуализированными в контексте.

Ключевые слова: русский глагол, словообразовательный тип, временная семантика, словообразовательная синонимия, диахрония.

The article presents a fragment of the research devoted to defining the peculiarities of synonymous prefixal verbs in the works of Pheophan Prokopovich. It was stated that synonymy is achieved in relation to the semantic spheres of locality, result, quantity and time-relation. The difference in a temporal meaning does not depend on the stylistic peculiarities but is due to the semantic peculiarities of the word building components in the verb structure and the context.

Key words: Russian verb, word building pattern, temporal semantic, word building synonymy, diachrony.

Для развития русского глагольного словообразования значимым является период конца XVII – начала XVIII в., поскольку к этому времени словообразовательная система русского языка в целом сформировалась (определен инвентарь словообразовательных средств, позволяющих маркировать в морфологической структуре слова семантические компоненты разной степени абстракции, сложились основные словообразовательные типы разных частей речи и т.д.) и на фоне изменения языковой ситуации активизировались процессы дифференциации значений синонимичных образований, их функций и сфер использования. Принципы такого разграничения складывались, прежде всего, в литературной практике авторов этого периода.

Предмет нашего исследования – закономерности функционирования префиксальных глаголов синонимичных словообразовательных типов в произведениях Ф. Прокоповича, одного из крупнейших представителей русской словесности начала XVIII в.

Учитывая дискуссионный характер многих вопросов дериватологии, неоднозначное толкование ряда терминов, мы принимаем трактовку словообразовательного типа как совокупности производных слов, характеризующихся одинаковыми словообразовательными отношениями, единым слово-

образовательным средством и единым словообразовательным значением [Николаев 2008: 97]. В структуре производного слова словообразовательные компоненты рассматриваются в качестве относительно автономных семантических микроструктур, которые противостоят друг другу в едином звуковом комплексе и могут включаться в парадигматические ряды производных слов. Словообразовательная синонимия, вслед за Г.А. Николаевым, понимается как «синонимия словообразовательных типов, характеризующихся одинаковыми словообразовательными связями, проявляющимися в общности производящих основ синонимов, одинаковыми словообразовательными значениями, но разными словообразовательными средствами. Такие синонимические отношения реализуются в разноаффиксных синонимичных образованиях, связанных с общей производящей основой» [Николаев 2008: 101].

Источником для отбора языкового материала послужили похвальные слова (тексты, уже изученные в русистике, хотя в основном с точки зрения лексического состава и стилистических особенностей [см., например: Кутина 1982]), «истории» и письма (тексты, не изученные в лингвистическом аспекте), поскольку привлечение разножанровых произведений, отражающих взаимодействие разных уровней языковой системы, позволяет более полно охарактеризовать критерии разграничения синонимичных языковых единиц.

При выявлении закономерностей функционирования производных, принадлежащих синонимичным словообразовательным типам, мы опираемся на традиционную типологию словообразовательных значений префиксальных глаголов, строящуюся на основе разграничения пространственных, количественных, временных и результативных значений [см., например: Аминова 1988: 48; Варакин 1996: 30].

Особенности реализации отношений синонимии словообразовательных типов в сфере выражения пространственных, количественных и результативных значений были выявлены в наших предыдущих работах: словообразовательные синонимы с пространственной семантикой различаются стилистическими и/или семантическими особенностями словообразовательных компонентов в структуре глагольного слова; синонимичные производные, выражающие количественную семантику, дифференцируются на основе семантических различий, формирующихся в результате актуализации значения результативности; синонимичные производные, выражающие результативную семантику, дифференцируются на основе семантических различий, формирующихся в результате актуализации значений интенсивности, полноты осуществляемого действия или переживаемого состояния [Шептухина, Мешкова 2011: 59]. В рамках данной статьи обратимся к словообразовательным типам префиксальных глаголов с временным значением.

В похвальных словах Ф. Прокоповича синонимичные словообразовательные типы, отражающие временные параметры действия, представлены производными с деривационным значением ‘начать действие, названное производящим глаголом’. Как отмечают исследователи, в истории русского языка обнаруживается широкое распространение словообразовательной синонимии при выражении начала процесса [Аминова 1988: 78; Дмитриева, 2005: 123]. Синонимичные словообразовательные типы со значением начала действия в нашем материале представлены производными с приставками *воз-* и *про-*, *воз-* и *за-*.

Префиксальные глаголы *возсиять* и *просиять* выражают общее деривационное значение и имеют общее производящее слово: *сиять* – ‘излучать свет, сияние; светить, блистать, светиться’, тоже образн. и перен.: Государьство Московское многолюдно велико и пространно, сияет светло посреди паче всѣх иных государств и орд бусорманьских персидских и еллинских, аки в небѣ солнце. Аз. пов., 137. XVII в. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 24, с. 162). Кроме отмеченного прямого значения, производящий глагол имел несколько производных, возникших, по-видимому, на базе метафорического переосмысления сияния как величия, славы, истины. Префиксальные производные сохраняют такое значение производящего слова: *Просияла по лютых временах царская в России корона, воспламенися тот час в ближнем сем и инных народех зависть от гордыни* (Слово похвальное о баталии Полтавской, с. 51); *Галилея язык, людие, сидящи во тьме, видеша свет велий, и сидящим во стране и сени смертней свет возсия им* (Слово в неделю осьмунадесять..., с. 62).

Актуализации деривационного значения ‘начать действие, названное производящим глаголом’, свойственного глаголу *просиять*, способствуют следующие контекстуальные условия. Во-первых, производный глагол сочетается с существительным *время* в Вин. п. с предлогом *по*: во мн. ч. оно выражает значение ‘период’, конструкция «*по* + Вин. п.» имеет значение ‘после’, таким образом, в контексте указывается временная граница начала процесса, обозначенного глаголом *просиять*, – после завершения трудного для России периода; во-вторых, как представляется, актуализации семантики начала процесса, обозначенного глаголом *просиять*, косвенно способствует и вторая часть сложного предложения, поскольку в ней описывается действие, произошедшее сразу же (почти одновременно) после того, как начался процесс, названный глаголом *просиять*, что подчеркивается лексическими уточнителями – указательным местоимением и существительным, обозначающим момент наступления, осуществления чего-либо (*тот час*), а также глаголом *воспламенися*, эксплицирующим значение начала другого действия. Кроме

того в структуре глагола *просиять* семантика начала действия маркирована приставкой *про-*, которая, по мнению Ю.С. Маслова, использовалась для выражения семантики начинательности еще в эпоху диалектного членения славянских языков [Маслов 2004: 467].

Что касается глагола *воссиять*, то его контекстуальное окружение – существительные *тьма*, *сень* ‘тень’ и *свет*, обозначающие смену состояний в результате начала действия, – также поддерживает деривационное значение ‘начать действие, названное производящим глаголом’. Формальным средством, маркирующим словообразовательное значение, является префикс *воз-* (подробный обзор научной дискуссии о выделении у приставки *воз-* значения начинательности см. в: [Шептухина 2006: 222–225]).

Контексты, в которых употреблены разнопрефиксные образования от одной производящей основы, реализующие одно словообразовательное значение, стилистически однородны, представляют собой образные высказывания, следовательно, различия между словообразовательными синонимами обнаруживаются не в стилистическом, а в семантическом плане. Как представляется, дифференциации синонимов способствует актуализация в глаголе *просиять* исконного пространственного компонента значения приставки – ‘направление действия сквозь что-либо’: в образном контексте *лютые времена* можно интерпретировать и как времена мрачные, темные, исключающие возможность проникновения света, как преграду, через которую необходимо проникнуть. Экспликация диффузной семантики префикса, одновременная реализация компонентов значения разной степени абстракции способствует созданию риторической украшенности панегирического текста.

В произведениях Ф. Прокоповича обнаруживаются случаи употребления глагольных единиц синонимичных словообразовательных типов: ‘начать действие, названное производящим глаголом’, представленного производными с префиксом *воз-*, и ‘начать действие, названное производящим глаголом’, представленного производными с префиксом *за-*.

Префиксальные глаголы *возжечь*, *зажечь* образованы от производящего бесприставочного глагола *жечь*, который, согласно данным «Словаря русского языка XVIII века» имел разветвленную систему значений: ‘уничтожить огнем; сжигать’, ‘подвергать действию огня; обрабатывать, изготавливать огнем, обжигом’, ‘обладать сильным жаром; припекать, обжигать’, ‘вызывать чувство жжения, ожога’ (СлРЯ XVIII, вып. 7, с. 121). Кроме того в «Словаре русского языка XVIII века» представлены примеры употребления бесприставочного *жечь* в образных метафорических контекстах, когда данный глагол реализует семантику эмоционального состояния, выражая значение ‘причи-

нять мучение, страдания': *Ревность, досада Жгут мою кровь*. Княж. Сбит. 236 (СлРЯ XVIII, вып. 7, с. 121).

Префиксальные производные, имея общую словообразовательную базу, выражая общее словообразовательное значение и актуализируя семантику словообразовательных типов, реализуют и сходные лексические значения 'разжечь, развести (огонь)': <Ксанф> *велѣ принести хвастие, и возжгоша в дому огонь*. Притчи Э. 1712.47 (СлРЯ XVIII, вып. 4, с. 8) и 'вызвать горение чего-л., заставить гореть': *Ради испытания пороха ... подобает его не много на бумагѣ потрясти и зажечь*. Прим. Вед. 1728 59 (СлРЯ XVIII, вып. 7, с. 220); *Образно и перен.* 'возбудить, разгорячить, одушевить; вызвать, породить (о сильном чувстве, желании)': *И вот уж вѣсть сия во град Петров пришла, И в россах истинно веселие возжгла!* ПЩ 193 (СлРЯ XVIII, вып. 4, с. 8–9); 'возбудить, возмутить, распалить; вызвать, породить (сильное чувство, желание)': *зажгло гнев ево*. Карита 122 (СлРЯ XVIII, вып. 7, с. 220).

Именно в метафорическом значении, отражающем перенос представлений о конкретных физических действиях и процессах на эмоциональную сферу жизни человека, уподобление процесса горения эмоциональным переживаниям, синонимизируются глаголы *возжечь, зажечь* в произведениях Ф. Прокоповича. Например: *Ниже бо от неразсуждения <воинская дерзость> произыде, ниже отчаянием возжеся, но тайною силою сильнаго во бранех бога поощрена есть* (Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе, с. 32); *Он <Бог> смотрением своим навел очи монаршии на презренный ботик; он царское сердце зажегл ко архитектуре корабельной* (Слово похвальное о флоте Российском, с. 111). Отметим, что *возжеся* является глаголом страдательного залога к *возжечь* (см.: СлРЯ XVIII, вып. 4, с. 9). Представляется, в данном случае грамматическая семантика не затемняет значения словообразовательного типа и префиксальные глаголы *возжечься, зажечь* можно характеризовать как словообразовательные синонимы.

Рассматриваемые производные используются в стилистически и семантически однородных контекстах: оба глагола зафиксированы в текстах похвальных слов, употреблены в образных высказываниях (глагол *возжечься* сочетается с абстрактными существительными и в функции субъекта действия – *дерзость*, и в функции инструмента – *отчаянием*; глагол *зажечь* употреблен в составе устойчивого выражения *зажечь сердце*, специфика субъекта действия, которым является Бог, способствует тому, что высказывание приобретает оттенок возвышенности). Отмеченные особенности употребления глаголов *возжечься, зажечь* свидетельствуют о том, что, будучи словообразовательными синонимами, они не дифференцируются в стилистическом плане: в рассмотренных контекстуальных условиях книжный характер при-

ставки *воз-* нивелируется. Однако семантические особенности данной приставки – ее способность выражать количественные значения интенсивности, внезапности – способствуют разграничению синонимичных производных глаголов *возжечься, зажечь*.

Итак, синонимические отношения в сфере выражения временных значений реализуются производными, принадлежащими к словообразовательным типам со значением ‘начать действие, названное производящим глаголом’. Такая синонимия обнаруживается только в похвальных словах и не связана со стилистическими свойствами дериватов. Различия словообразовательных синонимов обусловлены актуализированными в контексте семантическими свойствами префиксов, сочетающихся с глаголами состояния как производящей базой: возможностью диффузной реализации временных, пространственных и количественных значений.

Источники и словари

Прокопович Ф. Сочинения /под ред. И.П. Еремина. – М.-Л., 1961. (При цитировании похвальных слов в скобках указывается страница по данному изданию.)

СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. – Спб.: Наука. – Вып. 4. – 1988; вып. 7. – 1992; вып. 9. – 1997.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 24. – М., 2000.

Библиографический список

Аминова А.А. Глагольные синонимы русского языка (Развитие глагольной синонимии в словообразовательном аспекте). – Казань, 1988.

Вараксин Л.А. Семантический аспект русской глагольной префиксации. – Екатеринбург, 1996.

Дмитриева О.И. Динамическая модель русской внутриглагольной префиксации. – Саратов, 2005.

Кутина Л.Л. Феофан Прокопович. Слова и речи. Лексико-стилистическая характеристика //Литературный язык XVIII в. Проблемы стилистики. – Л., 1982. – С. 5–51.

Кутина Л.Л. Феофан Прокопович. Слова и речи. Проблемы языкового типа //Язык русских писателей XVIII века. – Л., 1981. – С. 7–46.

Маслов Ю.С. Роль так называемой перфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида //Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. – М., 2004. – С. 445–476.

Николаев Г.А. Лекции по русскому словообразованию : учеб. пособие. – Казань, 2009.

Шептухина Е.М. История русских глаголов со связанными основами. – Волгоград, 2006.

Шептухина Е.М., Мешкова Т.А. Закономерности реализации отношений словообразовательной синонимии префиксальных глаголов в тексте (на материале разножанровых произведений Ф. Прокоповича) //Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. – 2011. – № 2 (14). – С. 55–60.

М.А. Ярмашевич
Саратов

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ГРАФИЧЕСКИХ АББРЕВИАТУР

Для графических сокращений свойственны разнородность подгрупп и многообразие оснований для их классификации. Представляя собой символы с высокой степенью условности, ГС, как правило, стремятся к переходу в языковые знаки и со временем начинают восприниматься как обычные знаменательные слова. В отличие от других знаков ГС могут вступать в парадигматические отношения и участвовать в дальнейших деривационных процессах. ГС склонны к варьированию форм и с течением времени могут подвергаться символизации и процессу лексикализации.

Ключевые слова: аббревиация, графические сокращения, информация, зрительный контур, типы аббревиатур, лексикализация, фонологические типы.

The heterogeneity of the subgroups and the variety of the bases for their classification are peculiar for the graphic abbreviations. Representing symbols with high degree of convention, graphic abbreviations, as a rule, aspire to be transited into the category of linguistic signs and with time start to be perceived as ordinary content words. Unlike other signs graphic abbreviations can enter the paradigmatic relations and participate in the further derivational processes. Graphic abbreviations are inclined to a variation of forms and eventually can be exposed to the processes of symbolization and lexicalization.

Key words: abbreviation, graphic shortening, information, visual contour, types of abbreviation, lexicalisation, phonological types.

Собственно графические аббревиатуры являются только условными знаками, замещающими собой слова или группы слов высокой частотности. Их применение ограничивается письменной речью, при устном воспроизведении многие из тех аббревиатур, которые очень широко употребляются при обычном общении носителей языка или в какой-то специальной сфере, заменяются исходными словами или сочетаниями, ср.: м < метр, кг < килограмм, г. < господин, год, город (в зависимости от контекста), г-н < господин, Дж < джоуль.

Поскольку собственно графические аббревиатуры не могут считаться полнозначными словами, являясь лишь знаками, представляющими собой высокочастотные единицы в письменной речи, очень важно выявить принципы, определяющие особенности восприятия графической аббревиатуры, в частности, принцип сохранения начальной части опорного слова или словосочетания, и учитывать все данные об особенностях восприятия изображений. Предполагается, что основная часть информации о многих объектах “сосредоточена в контурах, значение которых зачастую оказывается достаточным для узнавания зрительных образов” [Глезер, Цуккерман 1961: 112]. Извлечение информации из письменного текста происходит не дискретно (по бук-

вам), а слитно, контурно, целыми кусками, то есть не прямолинейно, а в результате анализа знакового контура, который в данном случае служит как бы границей между двумя реальностями: фигурами (знаками) с одной стороны и фоном – с другой [Общая психология 1986: 277–283].

Согласно законам замкнутости и близости, пространственно связанные между собой элементы зрительного поля имеют тенденцию выделяться из фона в качестве самостоятельной структурной единицы-фигуры, и чем ближе данные объекты расположены друг к другу в зрительном поле, тем с большей вероятностью они объединяются в целостный образ. Запоминание одной структурной последовательности объектов облегчает запоминание другой с отличительными элементами, но также обладающей определенной структурой. Следовательно, принцип перцептивной организации определяется отношениями между объектами в зрительном поле [Миллер 1964]. Это характерно как для свойств пространственных структур, так и для временных характеристик наиболее близких событий, связанных между собой для формирования взаимообусловленных подструктур таким образом, что цепь событий можно рассматривать как иерархическую последовательность все более специфических структур. Организующую роль играют как отношения между образующими временную последовательность элементами, используемыми в процессе отражения, так и временные условия их предъявления. Объекты, следующие непосредственно друг за другом и с постоянной частотой, воспринимаются связанными между собой и образующими структурную единицу [Hoffmann 1982]. В то же время длительные временные интервалы определяют независимость формирующихся в ходе отражения временных структур [Riegle 1969].

Взаимозависимость языковых средств и пространственно организованного материала позволяет быстрее воспроизводить их временную организацию. Процессы освоения направлены на формирование структур, соответственно и содержание памяти детерминируется структурными отношениями и особенностями процесса отражения.

На организацию воспринимаемой человеком информации влияют не только пространственные и временные связи, действующие в данный момент, но и репрезентированные в памяти семантические отношения между активированными понятиями. Организация обработки и запоминания пространственно структурированного материала зависит в большей степени от значения информации, связываемой в памяти человека со схемами его прошлого опыта. Не объективная характеристика символа, а субъективная оценка его функции в контексте заложенной в памяти структуры влияет на его эффективность как подсказки при восприятии всего содержания графической

аббревиатуры. Трудоемкость формирования и точность данного процесса зависят от совпадения изображенных контуров с активизированной восприятием схемой памяти. Компоненты сокращения обрабатываются лишь в той мере, в какой это необходимо для установления принадлежности к предложенной схеме: объекты, соответствие которых установить не удастся, привлекают к себе большее внимание и требуют больших когнитивных усилий, что и обуславливает более высокую точность представленности. Но наблюдается и противоположная тенденция: не отвечающая системе информация может не замечаться и не отражаться в памяти [Loftus, Bell 1975].

Таким образом, концентрация информационной нагрузки в начале слова или словосочетания делает возможным их сокращение без потери смысла, а начертание (визуальный образ) помогает определить значение данных языковых единиц. На переработку пространственно структурированных стимулов оказывают влияние, наряду с их чисто фигуративными свойствами, также эффекты организации, которые можно объяснить соответствием между структурой воспринимаемой информации и ранее оформленными схемами памяти и которые проявляются в селекции перерабатываемой информации, анализе отдельных частей стимула и, наконец, в интеграции воспринятой информации. Закрепление лексического значения за началом слова широко используется в качестве принципа построения аббревиатур [Каховская 1983]. Отсюда проистекает ограниченность способов графической передачи сокращений, так как должен быть создан привычный контур. Однако возможность человеческого восприятия позволяет использовать разную степень сокращения и особенностей его передачи.

Классифицировать подобные сокращения возможно с точки зрения их графического оформления. Ведущим признаком выделения группы в этом случае служит графический символ: точка, дефис, косая линия или формальный нулевой признак, ср.: *т.* < *том*, *с.-д.* < *социал-демократ*, *об/мин* < *оборотов в минуту*. Структурно-графическое оформление указывает адресату на то, что перед ним – графическое сокращение [Лашкова 1983]. При классификации графических аббревиатур по способу образования учитывалось следующее: каким способом образована аббревиатура (усечение, стяжение, усечение + стяжение); какая часть полного прототипа подвергнута усечению (финальная, инициальная, медиальная, финальная + инициальная); что сохранилось в сокращенной единице (буквенный состав, морфемный/неморфемный – фрагментарный состав); характер графического оформления аббревиатуры.

В русском языке были выделены четыре типа оформления графической аббревиации: 1) точечные сокращения: *т.* < *том*, *прим.* < *примечание*, *рис.* <

рисунок, гр. < гражданин, М. < Москва); 2) косолинейные: в/ч < военная часть, р/с < расчетный счет, а/я < абонентский ящик; 3) с нулевым формальным показателем сокращения (м < метр, Гц < герц, Вт < ватт, а < ампер; 4) дефисные, или рамочные: с.-д. < социал-демократ. Все перечисленные модели используются для образования графических аббревиатур в русском языке синтетического типа, различаясь только регулярностью и продуктивностью (табл. 1).

Таблица 1

Представленность графических аббревиатур по способу их графического оформления

Виды оформления	Количественная представленность	Процентное соотношение
Всего	240/1060	100
Точечный	180/420	75/40
Дефисный	8/12	3/1
Косолинейный	24/170	10/16
Нулевой	28/458	12/43

Наблюдается явное преобладание точечного вида русской графической аббревиации, который вместе с тем отличается высокой частотностью употребления. Косолинейное и особенно дефисное оформление характеризуются относительно низкими количественными показателями. Почти все аббревиатуры с нулевым формальным признаком – это обозначения единиц измерения, а их высокая частотность объясняется высокой частотностью образования и употребления в научном дискурсе. В остальных видах дискурса количественная представленность и частотность подобных графических аббревиатур значительно ниже. Несмотря на то, что точечные сокращения преобладают в языке, остальные два вида также достаточно широко представлены. В целом сфера их употребления не ограничивается рамками только научного дискурса, то есть эти подтипы сокращений применяются не только для обозначения различных условных единиц измерения, но и для символизации многих других понятий.

Собственно графические аббревиатуры разнородны по своему составу. Финальное усечение как точечное, так и с нулевым формальным признаком, может состоять из одной начальной буквы: г. < город, д. < дом, в. < век, с < село, м < метр, р. < рубль, Т < танк, а также из двух и более начальных букв соответственно: тыс. < тысяча, др. < другие, см. < смотри, ред. < редактор, редакция, тел. < телефон (табл. 2).

Таблица 2

Количественная представленность буквенных графических аббревиатур
(финальное усечение)

Количество букв	Количественная представленность	Процентное соотношение
Всего	208/878	100
Одна	71/544	34/62
Две	43/88	21/10
Три и более	94/246	45/28

Из табл. 2 видно, что однобуквенные сокращения русского языка, синтетический строй которого все же не позволяет свободно усекать сколь угодно значительную по протяженности финальную часть слов (особенно многосложных), характеризуются высокой степенью конвенциональности: это либо условные сокращения единиц измерения, либо общепринятые и широко распространенные сокращения высокочастотных и понятных из контекста слов. Относительная представленность одно/двухбуквенных графических аббревиатур объясняется степенью восприятия графического знака, выведенной из теории передачи информации.

Все возможные фонологические типы присутствуют. Вместе с тем внутри подтипа графических сокращений, состоящих из одной начальной буквы, выделяются вокальный и консонантный виды, различающиеся только регулярностью и продуктивностью. В то время как вокальный вид, например, представлен всего тремя единицами (*о.* < *отец* 'священник', *а* < *акр*, *А* < *ампер*), все остальные аббревиатуры принадлежат к консонантному (*м* < *метр*, *с.* < *страница*, *г.* < *город*, *год*, *т* < *тонна*, *ф.* < *форзац*). В целом кодифицированные русские однобуквенные графические аббревиатуры представляют собой малочисленный и сравнительно замкнутый подтип единиц.

Графические аббревиатуры из двух букв, составляющих начало полного прототипа, включают два вида: чисто консонантный (*пр.*, *др.*, *гр.* < *гражданин*, *группа*, *см.*, *ср.*, *вр.* < *врач*) и вокально-консонантный (*ул.*, *им.*, *эл.* < *электронный*). Характеристики распределения видов одно-, двухбуквенных подтипов графических аббревиатур представлены следующим образом: однобуквенные (вокальные и консонантные), двухбуквенные (вокально-консонантные и консонантные). Очевидно, большая распространенность трех-, четырехбуквенных и многокомпонентных графических аббревиатур может быть также объяснена особенностями фонетического оформления слова русского языка.

Чисто консонантный вид однобуквенных и двухбуквенных сокращений широко представлен в русском языке [РЯ и СО 1968, 1: 10, 342], однако аббревиатуры, состоящие из трех и более букв, очень редко относятся к этому

виду. При явном тяготении к консонантизму русских сокращений всех структурно-семантических типов подобное положение может показаться необычным, особенно если учесть, что графическая аббревиатура – это всего лишь условный знак, рассчитанный в первую очередь только на зрительное восприятие; другими словами, предполагается, что их фонологические характеристики не должны играть в процессе их создания и функционирования какой-либо заметной роли. Тем не менее, тенденция к “благозвучию” при создании графических аббревиатур выявляется достаточно отчетливо. Так, даже в вокально-консонантных сокращениях, состоящих из двух букв, практически во всех случаях обнаруживается, что вторым элементом в единицах русского языка оказывается сонорный согласный ([р] или [л]). Все чисто консонантные двухбуквенные сокращения заканчиваются сонантом ([р], [л], [м]). Имеются в виду сокращения с высокой степенью конвенциональности. При скорописи возможно разнообразие вариантов, но данная тенденция прослеживается и здесь. При этом, хотя усечение, как правило, не совпадает со слогом, отдельные случаи совпадения фрагментов возможны, ср.: *хол.* < *холодный*. Единицы этих подтипов создаются только по фонологическому принципу. Трех- и четырехбуквенные сокращения вокально-консонантного типа могут иногда совпадать с корневой морфемой, но, как правило, этого не происходит. Обычно это просто абброслоги с гласным в качестве второго или третьего (реже первого) элемента, которые при желании можно легко произнести вслух в соответствии с правилами произношения русских слов. Однако единственное выделенное трехбуквенное сокращение чисто консонантного вида (*стр.*) завершалось сонантом. [Зиндер 1979]

Таким образом, самой регулярной и продуктивной моделью графических сокращений в русском языке является финальное усечение, характеризующееся большой вариативностью подтипов и видов единиц. При идентичности выделяемых типов наблюдается отчетливая связь с типичными для структуры русского языка сочетаниями звуков.

Полное отсутствие инициальных усечений в анализируемом языке может быть объяснено законом распределения информации внутри слова [Пиотровский 1959]. При отсутствии в русском языке финально-инициальных сокращений язык часто идет по пути сохранения как инициальной, так и финальной части полного прототипа, развивая способ медиального усечения, ср.: *д-р* < *доктор*, *г-жа* < *госпожа*, *кол-во* < *количество*, *изд-во* < *издательство*, *орг-ция* < *организация*, *док-во* < *доказательство*, *ср-во* < *средство*, *б-ка* < *библиотека*, *гос-во* < *государство*, *общ-ный* < *общественный*, *баз-вать* < *базировать*. Несмотря на высокую значимость окончаний слов для оформления словоформы, данный подтип малочислен во всех типах письменных

текстов, что, вероятно, объясняется высокой степенью условности самих графических аббревиатур. Тем не менее именно сокращения данного подтипа преобладают в скорописи, причем в этом случае сохраненная финальная часть изменяется в соответствии с правилами грамматики, то есть графическая аббревиатура склоняется или спрягается. Первый элемент подобных сокращений, как правило, усечен на морфемном шве. Второй элемент чаще всего представляет собой соединение конечного компонента корня или суффикса полного прототипа и его окончания (табл. 3).

Гибридный тип усечения, использующий различные пути сокращения, создает единицы за счет опущения или стяжения различных частей слова или словосочетания так, что иногда трудно бывает определить прототип. Выделяются два подтипа: контрактуры, образованные на основе простого слова (*з/к < заключенный*), и стяжения – сложного слова или словосочетания (*hb < half-back, nb < no ball, кВт < киловатт, Пб. < Петербург*). Вместе с тем гибридные точечные сокращения (стяжения и контрактуры) образованы либо от словосочетания, либо от слова (в основном сложного).

Таблица 3

Представленность простых и осложненных графических усечений

Подтип	Простое усечение	
	Количественная представленность	Процентное соотношение
Всего	160/710	100
Медиальные	15/23	7/3
Финальные	216/1036	93/97
Подтип	Осложненное усечение	
	Количественная представленность	Процентное соотношение
Всего	80/350	100
Контрактуры	6/16	7,5/4,5
Стяжение	74/334	92,5/95,5

Гибридные графические аббревиатуры проявляют тенденцию к образованию по консонантному принципу, что свидетельствует о большей различительной силе и информационной значимости согласных по сравнению с гласными [Шеннон 1963: 385; Пиотровский 1968: 20]; поэтому именно консонантный принцип усечения характерен практически для всех структурно-семантических типов русских аббревиатур. В этом проявляется однородность самого процесса аббревиации, соблюдение принципа сохранения максимальной информации и коммуникативной нагрузки знака при образовании аббревиатур. “Исходя из звукового выражения, язык – это вторичная знаковая моделирующая система, то есть система саморегулирующаяся. Знаки человеческого языка (звуки в качестве пространственных обозначений) – символические знаки; человеческому способу общения первоначально присуща двух-

ступенчатость: пространственный код и звуковое сообщение. Человеческий язык – не просто язык звуков, а язык звуковых структур, структурных последовательностей звуков” [Мелкумян 1973, 2: 295].

Графические аббревиатуры репрезентируют лишь графический вариант слова. Именно на письме в том или ином языке неизбежно возникают графические сокращения с лексикализацией некоторых из них, отражая процесс опрощения [РЯ и СО 1968, 2: 66]. Чтение графических сокращений по названиям букв, постепенное формирование этих прочтений в стабильное слово – таков один из путей появления лексических аббревиатур во многих языках.

В ходе развития языка происходит лексикализация некоторых графических аббревиатур, в процессе которой они переходят в разряд лексических и в результате которой появляются самостоятельные лексические единицы, широко используемые не только в письменной, но и в устной речи. Ср.: *зам., зав., соб. корр.*; последняя единица все чаще принимает на письме форму лексической: *собкорр* и даже *собкор*, а фонетически – давно оформилась как слово: имеет ударение на втором слоге. Все перечисленные аббревиатуры приобретают грамматическое значение существительных. Ср.: “*К Владимиру Кулистикову, временно назначенному советом директоров, – очередь из собкорров. и просто корров., которую занимают, чуть ли не с ночи*” (АиФ. 2010. № 16); “*И вот ушли мы с ним в руке рука, – Рукоплескали нашей дерзости зэка – зэка Петрову, Васильеву зэка*” (Высоцкий 1989: 23). Английские и французские графические сокращения в качестве сравнения также подвержены процессу лексикализации, ср.: *op.* < *operation* (графическая аббревиатура) и *op* < *operation* (апокопа), *ed.* < *editor* (графическая аббревиатура) и *ed* < *editor* (апокопа) (англ. яз.); *gal.* < *gallon* (графическая аббревиатура) и *gal* < *gallon* (апокопа) (фр. яз.).

Таким образом, представляя собой знаки с очень высокой степенью условности [Лашкова 1983; Хасенова 1986], графические сокращения, как правило, переходят в лексические через стадию графо-лексических и со временем могут восприниматься как обычные слова. В отличие от других знаков, в частности дейктических, графические аббревиатуры могут вступать в парадигматические отношения и участвовать в дальнейших деривационных процессах.

Русские графические аббревиатуры отличаются разнородностью видов и подтипов, которые можно классифицировать по различным основаниям и которые различаются только регулярностью и продуктивностью. Для русского языка характерно большое разнообразие видов финального усечения. Однобуквенные сокращения характеризуются высокой степенью конвенциональности. По фонологическим характеристикам сокращения, состоящие из

одной начальной буквы, подразделяются на вокальный и консонантный виды; двухбуквенные финальные подразделяются на только чисто вокальный, чисто консонантный и вокально-консонантный виды. Среди многобуквенных графических аббревиатур в русском языке представлены вокально-консонантный и консонантный виды. Подобные единицы создаются по продуктивным фонетическим моделям языков. Большая распространенность трех-, четырехбуквенных графических аббревиатур объясняется особенностями их грамматического строя.

Инициальные усечения графических аббревиатур не зарегистрированы. В то же время гибридный подтип аббревиатур не характерен для русского языка. Гибридные графические аббревиатуры в целом проявляют тенденцию к образованию по консонантному принципу. С точки зрения оформления на письме графические аббревиатуры разделяются на четыре вида (точечные, косолинейные, с нулевым формальным признаком, дефисные). В русском языке явно превалирует точечный способ оформления. В целом, русские графические аббревиатуры склонны к варьированию форм и подвержены процессу лексикализации.

Библиографический список

- Глезер В.Д., Цукерман И.И. – М.-Л., 1961.
Зиндер Л.Р. Общая фонетика. – М., 1979.
Каховская Л.Ф. Аббревиация и асимметрия языкового знака во времени //Новое в лексике русского языка. – Куйбышев, 1983. – С. 33-43.
Лашкова Г.В. Аббревиация как один из способов пополнения терминологического фонда современных языков: Автореф. дис... канд. филолог. наук. – Саратов, 1983.
Мелкумян М.Р. Естественный язык в пространственно-временном представлении. //Семиотика средств массовой коммуникации. – М., 1973. – Ч. 2. – С. 290–300.
Миллер Дж. Магическое число семь плюс минус два //Инженерная психология. – М., 1964. – С. 192–226.
Общая психология /Ред. А.В. Петровский. – М., 1986.
Пиотровский Р.Г. Проблемы места в слове у элементов, несущих информацию //Сб. тезисов докладов на совещании по математической лингвистике. – Л., 1959. – С. 37–38.
Пиотровский Р.Г. Информационные измерения языка. – Л., 1968.
Русский язык и советское общество. Фонетика. /Ред. М.В. Панов. – М., 1968.
Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис русского литературного языка. /Ред. М.В. Панов. – М., 1968б.
Хасенова М.С. Семиотическая и лингвистическая природа аббревиации: Автореф. дис.... канд. филол. наук. – М., 1986.
Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. – М.: Иностранная литература, 1963.
Hoffmann J. Das Aktive Gedächtnis /J. Hoffman. – Berlin, 1982.
Riegle E.M. Some perceptual characteristics of phrase structure rule learning. – Minnesota: University of Minnesota, 1969.
Loftus G.R., Bell S.M. Two types of information in picture memory //Jour. exper. psychol. Human perception and performance. – 1975. – P. 103–113.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулхакова Ляйсэн Равилевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой истории русского языка и славянского языкознания Казанского (Приволжского) федерального университета. laisanabdul@yandex.ru

Авдевина Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Саратовского государственного университета. olga.rosauz@gmail.com

Акулова Евгения Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Саратовского государственного университета. jewgenija.a@rambler.ru

Амурская Оксана Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Казанского (Приволжского) федерального университета. oksana2181@mail.ru

Андреева Светлана Владимировна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания Саратовского государственного университета. svandreeva@rambler.ru

Байкулова Нина Васильевна, учитель русского языка и литературы МОУ СОШ № 21 г. Саратова. nbajkulova@yandex.ru

Бакытжанова Айслу Ерсаиновна, преподаватель кафедры русского языка как иностранного Саратовского государственного медицинского университета. aislu.78@mail.ru

Бебишева Елена Михайловна, магистрант, Тольяттинский государственный университет.

Беляева Анна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Саратовского государственного медицинского университета. MaKosh4@yandex.ru

Бердникова Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории языка и прикладной лингвистики саратовского государственного университета. syntax2@yandex.ru

Борисова Ирина Викторовна, учитель русского языка и литературы МОУ Гимназия № 5 г. Саратова.

Бочкарева Татьяна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры логопедии и психолингвистики Саратовского государственного университета. tab1161@mail.ru

Валеев Гадель Камилович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Челябинского государственного университета. vgadel@gmail.com

Венгранович Марина Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Тольяттинского государственного университета. wmaphil@mail.ru

Веселкова Татьяна Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Саратовского государственного университета. kuznesova.08@mail.ru

Выходцева Ирина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Саратовского государственного аграрного университета. amoskvin81@mail.ru

Гадышева Ольга Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры психологии Волгоградского государственного университета. gadysheva@rambler.ru

Голованов Игорь Анатольевич, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики преподавания литературы Челябинского государственного педагогического университета. ligol@csu.ru

Голованова Елена Иосифовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета. ligol@csu.ru

Горбань Оксана Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Волгоградского государственного университета. o.gorban@mail.ru

Грачева Ольга Николаевна, учитель русского языка и литературы СОШ с. Сторожевка Саратовской области.

Дегальцева Анна Владимировна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета. deganna@mail.ru

Дмитриева Евгения Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Волгоградского государственного университета. devgeniya@inbox.ru

Дмитриева Ольга Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Саратовского государственного университета. oidmitrieva55@yandex.ru

Дуринова Нина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания Саратовского государственного университета. ninadurinova@yandex.ru

Ермилова Юлия Николаевна, старший преподаватель кафедры литературы и методики ее преподавания Саратовского государственного университета. jul.ermilova@yandex.ru

Ерофеева Ирина Валерьевна, доктор филологических наук, доцент кафедры истории русского языка и языкознания Казанского (Приволжского) государственного университета. erofeeva89@mail.ru

Зайконникова Татьяна Павловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русского языка и славянского языкознания Казанского (Приволжского) федерального университета.

Звездова Галина Васильевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой современного русского языка и методики его преподавания Липецкого государственного педагогического университета.

Кадькалов Юрий Григорьевич, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Саратовского государственного университета.

Каменская Юлия Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета. kamenskayajv@list.ru

Каппушева Лейла Магометовна, магистрант, Северо-Кавказский федеральный университет. Leyla-2007@mail.ru

Кормилицына Маргарита Анатольевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета.

Коробейников Александр Геннадьевич, ассистент кафедры отечественной филологии и иностранных языков Санкт-Петербургской государственной полярной академии lesio@yandex.ru

Коробейникова Валентина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Саратовского государственного университета.

Косова Вера Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики его преподавания Казанского (Приволжского) федерального университета. vera_kosova@mail.ru

Крючкова Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета. vpks@rambler.ru

Кукина Ирина Сергеевна, учитель русского языка и литературы МОУ Гимназия № 5 г. Саратова.

Леонова Гузель Ахмадиевна, учитель русского языка и литературы МОУ Лицей «Содружество» г. Уфа.

Лукашанец Елена Глебовна, кандидат филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета. elukashanets@rambler.ru

Макшанцева Наталия Вениаминовна, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой стилистики русского языка и культуры речи Нижегородского государственного лингвистического университета. makshan@lunn.ru

Макушина Анна Александровна, старший преподаватель кафедры документной лингвистики и документоведения Волгоградского государственного университета. dorogaya20@mail.ru

Манаенко Геннадий Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания исторических и филологических дисциплин Ставропольского государственного педагогического института. manaenko@list.ru

Мартынюк Ольга Александровна, магистрант, Тольяттинский государственный университет. mesheryakovaaoa@rambler.ru

Матяшевская Ангелина Игоревна, аспирант кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета. angellovesgold@gmail.com

Мачильская Дарья Олеговна, учитель русского языка и литературы МОУ СОШ № 43 г. Саратова. filimonowa.dar@yandex.ru

Мешкова Татьяна Анатольевна, аспирант кафедры русского языка Волгоградского государственного университета.

Милехина Татьяна Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации. tmilehina@yandex.ru

Михалев Андрей Борисович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и сравнительного языкознания Пятигорского государственного лингвистического университета. abmikhalev@pglu.ru

Мурзаева Тамара Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Саратовского государственного университета. palma5109@yandex.ru

Мякшева Ольга Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Саратовского государственного университета.

Николаева Татьяна Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и языкознания Казанского (Приволжского) федерального университета. i.tarchevsky@mail.ru

Орлова Надежда Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Саратовского государственного университета. nador2006@rambler.ru

Парецкая Марина Эдуардовна, старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся Южного федерального университета, Ростов-на-Дону. marinaparetskaya@rambler.ru

Прибыток Инна Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации Саратовского государственного университета. irpibytok@mail.ru

Прокофьева Лариса Петровна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Саратовского государственного медицинского университета. prokofievalp@mail.ru

Разинкина Наталья Сергеевна, аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания Саратовского государственного университета. n-razinkina@mail.ru

Романенко Андрей Петрович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Саратовского государственного университета. sandji93@mail.ru

Руднев Евгений Николаевич, кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы МБОУ ВСОШ № 11 г. Липецка. evgru81@rambler.ru

Санджи-Гаряева Зоя Санджиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Саратовского государственного университета. sandji93@mail.ru

Свешникова Наталия Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета. nvsv@ya.ru

Сеничева Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянской филологии Бердянского государственного университета. senicheva_olga@inbox.ru

Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета.

Смыслова Галина Федоровна, учитель русского языка и литературы МОУ СОШ с. Вязовка Татищевского района Саратовской области.

Соловьева Инна Владимировна, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Саратовского государственного медицинского университета. titus-s-i-v@mail.ru

Сухопарова Ольга Борисовна, учитель русского языка и литературы
МАОУ Лицей № 62 г. Саратова. olgasuhop@mail.ru

Тараненко Олеся Михайловна, учитель русского языка и литературы
МОУ СОШ № 9 г. Энгельса

Филатова Елена Владимировна, учитель начальных классов Право-
славной классической гимназии г. Тольятти. radysisj@yandex.ru

Харламова Марина Александровна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории языкознания Омского государственного универси-
тета. khr-spb@mail.ru

Хромова Светлана Алексеевна, кандидат филологический наук, до-
цент кафедры русского языка и методики его преподавания Саратовского го-
сударственного университета. sahromova@gmail.com

Шарандин Анатолий Леонидович, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка Тамбовского государственного универси-
тета. sharandin@list.ru

Шенкман Валентина Ильинична, соискатель кафедры русского язы-
ка и стилистики Пермского государственного национального исследователь-
ского университета. vishenk2003@mail.ru

Шептухина Елена Михайловна, доктор филологических наук, про-
фессор кафедры русского языка Волгоградского государственного универси-
тета. sheptukhina@yandex.ru

Ярмашевич Марина Аркадьевна, доктор филологических наук, про-
фессор кафедры иностранных языков Саратовского государственного аграр-
ного университета. mayarm@yandex.ru

Научное издание

ПРЕДЛОЖЕНИЕ И СЛОВО
Сборник научных трудов

Ответственный редактор - С.В.Андреева

Компьютерная верстка – С.А.Хромова, Л.П.Прокофьева

Подписано в печать 10.04.2013.
Формат А4. Гарнитура Таймс.
Усл.-печ. л. 26,24
Тираж 100. Заказ №
